

ЕВГЕНИЙ ОТИН

Е. С. ОТИН

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.С. ОТИН

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОНЕЧЧИНА"
ДОНЕЦК 1997

В сборнике представлены исследования по древнерусскому, русскому и украинскому языкам, опубликованные в 60 - 90-е годы в различных научных журналах, монографиях и других изданиях. Значительная часть работ посвящена малоизученным проблемам теоретической ономастики, а также историко-этимологическому анализу отдельных собственных имен, еще не получивших глубокого и всестороннего научного объяснения. Две статьи, помещенные в сборнике, написаны в соавторстве с доктором филологических наук И.Г. Добродомовым (1985 г.) и кандидатом филологических наук Н.В.Максимовой (1995 г.). В подстрочных замечаниях к статьям указаны издания, в которых они были впервые опубликованы.

Автор выражает глубокую благодарность В.М. Калинкину, выполнившему компьютерный набор и верстку сборника.

ББК: Ш10я44+
Ш12=411.2* 3+
Ш12=411.4* 3

Отин Е.С.

Избранные работы. - Донецк: "Донеччина". - 1997. - 470 с.

В книгу вошли статьи и разделы монографий, в которых рассматриваются проблемы истории грамматического строя, лексики и фразеологии русского и украинского языков, а также исследования по теоретической ономастике, топонимии и антропонимии этих языков.

Для лингвистов, аспирантов, преподавателей, студентов-филологов.

© Е.С. Отин

© Издательство "Донеччина", 1997

ГРАММАТИКА

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФОРМЫ КОСВЕННОЙ РЕЧИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.

В настоящей статье рассматривается одно из малоизученных явлений древнерусского синтаксиса, знаменующее собой начальный этап в развитии косвенного пересказа чужой речи, а именно - широко распространенные в памятниках письменности конструкции, в которых прямая речь присоединяется к словам автора посредством изъяснительного союза *яко*. Например: 1) ... И присла въ Новъгородъ, яко не хоцю ү васъ княжити (Синод. сп. Новг. 1 лет., 1165-68); 2) Слышасте бо Павла глаголюща, яко нигдѣже туне хлѣба не ядохъ, но ношь дѣлахъ, а въ дне проповѣдахъ... (Феодосий Печерский, Слово о терпении); 3) Се слышавъ Володаръ и Василько поидоста противу ему, вземше честный крестъ, его же цѣловалъ к ним на семъ, яко на Давыда пришелъ есмь, а с вама хощу имѣти миръ и любовь (Моск. лет. свод конца XV в., 1099); 4) Логофетъ же прещенъ Васиіемъ, съ клятею глагола царю на Вардѹ, яко хоцеть үбити тя, рече (Патриаршая лет., 7) и др. Такое употребление изъяснительного союза *яко* отмечается и в других древних славянских языках.

Е. С. Истрина в оборотах типа «рече тако, яко копимъ сребро и соболи» после глагола говорения видит прямую речь, соединяющуюся с соответствующим предложением с помощью союза «яко»¹. Л. П. Якубинский также считает их конструкциями прямой речи с подчинительным союзом *яко*². А. И. Молотков именует их «особой конструкцией с союзом *яко*»³. Употребление лиц в них такое же, как и в прямой речи, однако союз указывает на подчинительную связь на

Если рассматривать конструкции с *яко* в плане развития средств и способов передачи чужой речи, то возникновение их в славянских языках фактически означает первый шаг в этом развитии. В самой действительности косвенной речи почти всегда предшествует речь прямая: «По сравнению с прямой речью косвенная речь вторична и является переработкой первой»⁴. Вполне естественно, что субъект, передающий прямую речь, находится в большей или меньшей степени во власти ее формы и экспрессии. Категория косвенной речи на раннем этапе своего становления находится еще под сильным влиянием структуры прямой речи. Отсюда и та формальная близость конструкций придаточной прямой речи с союзом *яко*⁵ с прямыми высказываниями, которая наблюдается в ранних памятниках русского языка, и та нередко встречающаяся и в более поздних текстах неупорядоченность в употреблении местоимений и личных форм глаголов. Система синтаксических средств, ослабляющих эту зависимость пересказанной речи от формы прямой речи (главными из них являются мена лиц в глаголах и местоимениях и аналитическая переработка строя чужих высказываний), вырабатывается лишь постепенно.

В славянских языках в основе первых конструкций формирующейся косвенной речи могли лежать определенные, уже сложившиеся построения с прямой речью. Это относится и к придаточной прямой речи с изъяснительным союзом *яко*, которая формируется на основе распространенных уже в древнейших памятниках построений с прямой речью, имеющих после вводящего чужую речь глагола указательные слова *тако* и *сице*.

В статье «Об образовании наречий» А.П. Рифтин писал, что «первоначально действия и состояния, выражаемые в глаголе, не мыслились отвлеченно, но всегда включали в себя определенную характеристику, выступая с этой характеристикой как одно понятие». Наречие «входило в качестве неразрывной составной части в семантику самого действия и состояния».⁶ В подобной же роли выступали *тако* и *сице*, эти, по терминологии В.В. Виноградова, «процессуальные», «соотносительные с глаголом» наречия⁷. Указательное слово ослабляло

переходность глагола говорения, отношение между ним и чужой речью сдвигалось в плоскость обстоятельственных значений: чужое высказывание, конкретизируя указательное слово в авторской части конструкции, показывало не только, что было сказано кем-то, но и как протекала чужая речь. В этом проявлялось структурное своеобразие конструкций прямой речи: если в косвенной речи внимание говорящего приковано к содержанию чужого высказывания (к «что»), то в речи прямой оно распределяется между содержанием и его формой (между «что» и «как»).

Автор, стремящийся в своем пересказе чужой речи не к дословной ее передаче, а лишь к сохранению основного его содержания, дает приблизительную наметку ее лексико-синтаксического построения. Достигается это постановкой после указательных слов *сице* и *так* коррелятивного наречия *яко*, вносящего в отношение между двумя частями конструкции момент сравнения, уподобления: речь была сказана так, как звучит или написано следующее после *яко* высказывание, то есть смысл и форма чужой речи познаются здесь уже опосредованно - через представленное в конструкции высказывание. Несмотря на то, что приведенная чужая речь по форме совпадала с речью прямой, она могла и не быть тождественна той речи, которая легла в основу пересказа. Относительное наречие *яко*, употребленное в паре с указательным наречием, вначале должно было тяготеть к последнему. Синтаксические отношения в этих конструкциях складывались следующим образом (запятая и двоеточие в приводимых ниже примерах не пунктуационные знаки, а символические показатели различия в интенсивности синтаксической связи между элементами конструкции, проявляющими неодинаковую зависимость от слов автора: у *яко* она больше, чем у чужого высказывания, обладающего пока что значительной конструктивной автономией): 1) *Посъласта из моравы къ царю миханлоу глаголюща тако, яко: божию милостию съдрави есмъ...* (Житие Мефодия, XIII в.); 2) *И высылаху къ нимъ Юрга льстивою рекуще тако, яко: копимъ сребро и соболи и ина үзорочья а не губите своихъ смьрдъ и своей дани* (Синод. сп. Новг. 1 лет., 1191 - 94); 3) *...Посла же к ней царь Чемьскын, глаголя сице, яко: много одарих ты ты бо ми еси рекла еси тако, яко: аще възращүся в Русь, и многы дары пришлю ти* (Комис. сп. Новг. 1 лет., 955); 4) *... Еже сказа ми Юрята Рогович Новгородецъ, глаголя сице, яко: послах отрок мои*

в Печеру по дань, иже дають тамо живущен Новугороду, и пришеа тамо и оттуда иде с ними в Югру (Моск. лет. св. XV в., 1096) и т. д.

В памятниках древнерусского и старославянского языка есть немало примеров указательно-относительной корреляции в конструкциях чужой речи. Здесь уже налицо возникновение подчинительной связи, которая вначале формируется как обстоятельственная относительная связь. О важной роли соотносительных слов как синтаксических скреп формирующихся сложных предложений пишет Э.И. Каратаева: «На начальных... этапах развития сложного предложения соотносительные слова являются важнейшим структурным элементом: они вместе с союзами помогали образованию главного и придаточного предложения, помогали образованию сложного синтаксического целого. Чем ближе к современности, тем больше на себя берет подчинительный союз, тем выразительнее его функция и тем свободнее подчинительная конструкция выступает без соотносительных слов, хотя их отсутствие известно было уже и древнему предложению»⁸. Как известно, подчинительные союзы не были свойственны древнему предложению. Функцию синтаксического подчинения выполняли часто относительные слова. «Из придаточных предложений в праязыке (общеславянском.-Е. О.) с уверенностью можно назвать только относительные придаточные предложения», - отмечает О.Гуйер⁹. Таким древнейшим относительным словом было и *яко*, представлявшее собой форму «им.-вин., ср. р. *якъ*, взятого как наречие»¹⁰.

С течением времени объектные отношения, определяющиеся переходностью глаголов говорения, в рассматриваемой конструкции становятся превалирующими. Эта тенденция приводит к специализации союза *яко* для выражения объектных отношений между словами автора и чужим высказыванием, что достигается главным образом благодаря пропуску указательных наречий *так* и *сице*, которые до этого, наравне с глаголом говорения, определяли синтаксическую функцию придаточного предложения с *яко*, внося в нее оттенок обстоятельственного значения. Ср., например: 1) *Онн же шъдъше къ Исусови молѣхуѣ | тѣщно глаголюще емоу яко достоинъ есть аще даси ему любити бо языкъ нашъ и съгъмище тѣ създа намъ* (Саввина кн., 34); 2) *...Идяху слово рекуче Олговичи, яко вы начали есте перво насъ гвѣити* (Ипат. лет., 1135); 3) *И поведаша Святославу,*

яко придоша грѣци с поклономъ (Лавр. лет., 969) и мн. др.

Изъяснительное значение в союзе *яко* развивается, по-видимому, еще в дописьменный период славянской речи (уже в древнейших памятниках славянской письменности *яко* широко используется в изъяснительной функции) прежде всего на базе соотносительной связи с указательными наречными элементами *сице* и *тако*, стоявшими при переходных глаголах, смысловое раскрытие которых осуществлялось в адвербиальном плане. Это прежде всего глаголы говорения, затем уже союз *яко* приобретает способность «изъяснять» и другие переходные глаголы, значения которых раскрывались в объектном плане (*слышати, видѣти* и др.). *Яко* превращается в изъяснительный союз, служащий для выражения «чистых» объектных отношений, который, подобно современному союзу *что*, начинает обозначать «только подчиненность одного предложения другому»¹¹.

Многие славянские изъяснительные союзы развиваются из относительных слов. Кроме *яко*, это древнерусские союзы *иже, еже* (*оже*), *кое*, современный русский союз *что*, древнепольские *eze, ez*, современные польские *że, iż*, чешск. *že* и др. Условия развития многих из них иные, чем те, о которых шла речь выше. По-видимому, характер указательного коррелята в главном предложении обуславливал выбор относительного слова в придаточном. Поэтому если в старославянском и в древнерусском языке раннего периода изъяснительное значение в союзе возникает в результате нарушения объектно-адвербиальных относительных связей (типа: рече *сице, тако//яко*), то в древнерусском языке более позднего времени (по нашим наблюдениям - с XII-XIII вв.) - в результате распада объектных местоименно-относительных связей (типа: рече *се, то // еже, оже, иже, что, кое*).

Придаточная прямая речь с изъяснительным союзом *яко*-это своего рода эмбрион косвенной речи, пережиточно сохраняющий ряд признаков прямого высказывания. Кроме подчинительного союза, наглядно свидетельствующего о сдвиге в сторону косвенной речи, грамматическая структура придаточной прямой речи имеет еще одну очень важную конструктивную особенность, ускользнувшую от глаз исследователей, писавших об этой «загадочной» конструкции древнерусского синтаксиса. Мы имеем в виду особый характер модальной структуры той части конструкции, которая следовала за

Конструкцию придаточной прямой речи в древнерусском языке нельзя определять только как «использование форм прямой речи с сохранением ее модальности и привнесением союзов»,¹² не сделав при этом существенного дополнения: та часть конструкции, которая находится после изъяснительного союза, почти всегда характеризуется повествовательным модальным планом и отсутствием эмоционально-экспрессивной лексики. В памятниках письменности прослеживается заметная тенденция к уподоблению модальной структуры прямого высказывания, ставшего придаточной частью конструкции с союзом *яко*, повествовательной модальности авторской речи.

Для проверки этого положения были рассмотрены все случаи передачи чужой речи при помощи интересующей нас конструкции в ряде памятников древнерусского и старославянского языков. При этом придаточная прямая речь с союзом *яко* (а в текстах XV-XVII вв. нередко с союзом *что*) сопоставлялась с конструкциями прямой речи, обильно представленными в этих памятниках.

В Супрасльской рукописи, например, прямая речь отличается богатством модально-экспрессивных значений, содержит обращения, междометия и частицы, выражает побуждение, вопрос и т.д. С другой стороны, чужие высказывания, оформленные в конструкциях с *яко*, как правило, выдерживаются в плане повествовательной модальности (чаще это индикатив) и лишены экспрессии. Приблизительно в таком же соотношении выступают эти конструкции в Саввиной книге и в других текстах старославянской письменности.

Подобное нивелирование модально-экспрессивного плана чужих высказываний в конструкциях придаточной прямой речи с союзом *яко* отмечается и в изученных нами памятниках русской письменности: чужое высказывание после *яко*, как правило, характеризуется той же повествовательной модальностью, что и речь автора. Очевидно, выбор конструкций придаточной прямой речи с союзом *яко* определялся модальной структурой прямой речи, которую следовало передать: эти конструкции использовались при пересказе чужой речи с «прямой» модальностью, что создавало единообразие модальных структур, главной и придаточной части, свойственное

косвенной речи как разновидности сложноподчиненного предложения; чужая речь, характеризующаяся «косвенной» модальностью, чаще всего в памятниках передается в форме прямой речи.

Ниже приводится таблица статистических подсчетов различных способов передачи чужих высказываний на материале двенадцати памятников русского языка по спискам XIII-XVII вв., подтверждающая сделанное выше заключение относительно условий функционирования придаточной прямой речи с союзом *яко*. Выбор памятников для количественного анализа определился не столько их жанровой природой, сколько их принадлежностью к основному типу древнерусского литературного языка. «Произведениями собственно древнерусского литературного языка, - пишет Ф.П. Филин, - можно считать... летописи, хроники, повести, жития, поучения, «слова» и т. п. В них, как в фокусе, находили свое отражение процессы, происходившие как в народном устном языке, так и в сфере книжной речи. Они представляли собой не только генеральную линию развития литературы, но и генеральную линию развития литературного языка»¹³.

Несколько замечаний о структуре самой таблицы.

А. При регистрации бессоюзных конструкций прямой речи проводится разграничение примеров с «прямой» и «косвенной» модальностью. В свою очередь прямая речь с «косвенной» модальностью объединяет случаи, с одной стороны, с повелительным, желательным и «молительным» наклонениями¹⁴, а с другой - высказывания с вопросительным модальным планом.

Б. Конструкции придаточной прямой речи с «косвенной» модальностью в структурном отношении неоднородны. Большинство их имеет индикатив в грамматически зависимой части придаточной прямой речи (т. е. в части, непосредственно примыкающей к изъяснительному союзу), тогда как «косвенные» наклонения сдвинуты в глубину или на конец прямой речи. Некоторые же из них имеют придаточную часть, целиком характеризующуюся одним из «косвенных» наклонений (см. ниже таблицу).

Итак, рассмотрение различных способов выражения чужой речи в указанных памятниках дало следующие результаты.

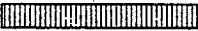
1. Конструкций с косвенной речью для передачи чужих слов используется в 8 раз меньше, чем конструкций с прямой речью.

2. Число примеров с «прямой» и «косвенной» модальностью в конструкциях прямой речи в общем одинаково.

3. Однако придаточная прямая речь с «прямой» модальностью (изъявительным наклонением) встречается примерно в 8 раз чаще, чем эта же речь с «косвенной» модальностью.

4. Если же исключить примеры с «косвенной» модальностью в том месте придаточной части, где синтаксическая связь со словами автора ослаблена (т. е. с «косвенной» модальностью, сдвинутой в глубину или на конец чужого высказывания¹⁵), то окажется, что придаточная прямая речь с «косвенной» модальностью в исследованных текстах употребляется приблизительно в 80 раз реже, чем эта речь с «прямой» модальностью.

Модальные спектры отмеченных в таблице конструкций для передачи чужих высказываний получают следующее графическое выражение. Слева - авторская часть конструкции, справа - чужое высказывание в форме прямой или косвенной речи.¹⁶ Элементы спектра:

- - повествовательная модальность авторской речи;
- - «прямая» модальность чужого высказывания;
- - «прямая» модальность чужого высказывания в придаточной прямой речи, где пережиточно сохраняется еще свойственная ей система личных окончаний глаголов и местоимений;
- - «косвенная» модальность чужой речи.

Прямая речь.

I. Пауза более 41%

II. Пауза более 40%

Косвенная речь

 ≈ 10,6%

Придаточная прямая речь

I.   ≈ 6,26%

II.
а)   ≈ 0,6%

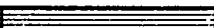

б)   ≈ 0,08%

Таблица 1

Памятники	Прямая речь			всего	Придаточная прямая речь		косвенная речь
	с "прямой" модальностью	с "косвенной" модальностью			с "прямой" модальностью	с "косвенной" модальностью (в скобках - в грамм. зависим. части)	
		повелительное, "молительное" наклонения, optativ	вопрос				
1. Синод. сп. Новгородской 1 летописи старшего извода	68	63	5	136	8	1	8
2. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку	344	209	84	637	49	5	42
3. Комиссион. сп. Новгородской 1 летописи младшего извода	356	270	63	689	45	5	46
4. Псковская 2-я летопись (по сп.ХУ ст.)	32	18	4	54	2	0	81
5. Московский летописный свод конца ХУ ст. (по Уваровскому списку 1-й пол. ХУI ст.)	457	420	81	958	59	10	130
6. Слово о полку Игореве	16	4	2	22	0	0	0
7. Никоновская летопись	443	322	139	904	76	10	67
8. Иосафовская летопись	94	61	14	169	19	2	109
9. Сказание о царстве Казанском	45	52	13	110	20	0	24
10. Сказание о Мамаевом побойце	43	45	21	109	5	0	12
11. Повесть о приходе Батюрия на град Псков (список начала ХУII ст.)	26	15	4	45	17	1	11
12. Сказочн. повесть об Азовск. взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. (по сп. ХУII в.)	41	20	24	85	9	2	26
Всего ...	1965	1499	454	3918	309	36	506

Таким образом, большинство синтаксических построений, условно названных придаточной прямой речью, обладают полной или частичной симметрией модальных структур, которая выражается в совпадении модального плана чужого высказывания с повествовательной модальностью авторской речи.

Наметившаяся тенденция к такому единообразию модальных структур явилась важнейшей предпосылкой для глубокого изменения грамматической организации придаточной прямой речи (употребления личных форм глаголов и местоимений с точки зрения говорящего лица и аналитической переработки лексического строя чужих высказываний), что в дальнейшем делает связь обеих частей конструкции еще более органичной. Те же случаи косвенной речи, которые отмечаются в памятниках древнерусской письменности, или в большинстве своем характеризуются полным отсутствием ссылок на лицо в придаточной части, или же представляют собой элементарные образования. Конструкции придаточной прямой речи с изъяснительным союзом *яко* знаменуют собой один из начальных этапов этого растянувшегося на многие столетия процесса унификации в литературном языке грамматической структуры косвенной речи.

4.

Тот же процесс сближения модального плана чужих высказываний с повествовательной модальностью слов автора имел место и в придаточной части конструкций косвенной речи с изъяснительным союзом *чтобы*. В них произошло слияние повествовательного модального плана с модальным планом прямой речи, представляющей собой побудительное предложение. Ср. примеры, пережиточно сохраняющие след былой параллельности модальных планов в придаточной части: 1) ... И начаша преже бити челом княземъ и бояромъ и воеводамъ великого князя, *чтобы* печаловался братин великого князя, а они *бы* печаловалися брату своему великому князю, да и сами *бы* бояря печаловалися (Моск. лет. св. XV в., 1469); 2) А Псковъ с ними отрядивъ послалъ посадника Зиновья Сидоровича да другого посадника Стефана Максимовича бити челом великому князю, *что* онъ *бы* жаловалъ свою отчину Псковъ (Пск. 3-я лет., Строевск. сп., 1475); 3) Князь великой Иван Васильевич прислалъ гонца своего во Псковъ, *что* отчина моя послужила *бы* мнѣ

на немцы... (Пск. 3-я лет., оконч. Архивск. сп., 1497).

«Сложноподчиненные предложения. - пишет Т. П. Ломтев, - складывались главным образом путем парного объединения предложений повествовательного и косвенного модальных планов и предложений косвенных модальных планов». И далее: «Для того, чтобы форма, выражающая косвенную модальность, получила союзное значение, достаточно того, чтобы предложение с косвенной модальностью получило повествовательную модальность при обслуживании члена другого предложения». ¹⁷ Формирование конструкции косвенной речи, представляющей собой одну из разновидностей сложноподчиненного предложения, протекало в очень сходных условиях.

«Поглощение» повествовательной модальностью слов автора «косвенных» наклонений чужих высказываний обусловило возникновение и таких гибридных союзов, как *яко да*, *яко дабы*, *якобы* (= «чтобы»), выражавших тот же тип синтаксической связи, что и современный союз *чтобы*. Ср., например: 1) *Святѣи паўлѣ оумоли сѣчьцю яко да нѣлиянню прѣжде его оустѣкнуѣтъ* (Супр. рук., 14); 2) *Вѣровавъше же моляюху ся яко дабы шелѣ и отъгъналѣ лоукавага того еѣса* (Супр. рук., 36); 3) ... *И нача у казанцев проситися ис Казани ласковыми словесы, яко да отпустят его в Крым* (Казанская история, 93-94); 4) *Да повелит твое величество, государю, кралю Степане, яко бы нам всем в станех от меча твоего умрети* (Повесть о приходе Ст. Батория, 89).

Нивелирование модальных значений императива и оптатива зависимых предложений изъявительным наклонением главного предложения и превращение их формальных показателей в союзы или части союзов - явление, распространенное в славянских языках. Ср., например, использование частицы *да* в синтаксической роли союза в южнославянских языках, что даже привело к появлению в научном жаргоне немецких славистов термина *da-Sprachen*. «В придаточных предложениях оптатив становится наклонением чисто синтаксическим, или подчинительным: форма сказуемого в этом наклонении не заключает в себе никаких элементов модальности с субъективной точки зрения... Поэтому можно говорить, что оптатив в придаточных предложениях реализуется как субъектив, превращаясь из наклонения экспрессивного в наклонение синтаксическое, служащее

В диалектах русского языка, в современном просторечии отмечаются частые случаи употребления конструкций прямой речи с изъяснительным союзом *что*, гипологически сходных с древнерусской придаточной прямой речью. Ср., например: 1. Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за старое (Гоголь, Ревизор); 2. Но он и стау он меня сватагь, у родигелей спрашивать, шго выдайге дочку за меня замуж¹⁹; 3. И стали советовагь, что за егот подвиг етова солдата чем наградишь?²⁰ 4. Он ей сказал, что я у короля Гвидона сын; 5. Вот стали ему говорить, что зачем ты их побил? 6. Ну оны скажа, что слыхали, батюшка, слыхати²¹. Четвертый и пятый примеры записаны Е.М. Степановой, квалифицирующей подобные конструкции как «смешанные»²².

Однако эти «смешанные» конструкции не следует отождествлять с конструкциями придаточной прямой речи в памятниках древнерусской письменности. Если последние, представляя ранний этап формирующейся косвенной речи, испытали на себе воздействие прямой, то первые, наоборот, являются результатом влияния уже сложившихся в языке форм косвенного пересказа на речь прямую, выразившегося в переносе некоторых структурных элементов косвенной речи в состав прямого высказывания. Таким элементом становится подчинительный союз как самый общий и неизменный атрибут косвенной речи. В связи с этим представляет интерес замечание Д.К. Зеленина относительно речевой манеры неграмотного сказочника из деревни Кожанули Екатеринбургского уезда б. Пермской губернии: «Лаптев не признаёт того, что называется в грамматике «прямой речью», предпосылая буквально произносимым словам своих героев союз *что* (нередко произносимый им по-книжному «*что*» вместо *што*)».

Дело в том, что соблюдение всех выработанных в литературном языке правил трансформации прямой речи в косвенную требует определенной стилистической выучки, тогда как присоединение подчинительного союза к начальной части прямого высказывания в диалектной речи осуществляется чисто механически и непроизвольно. В «смешанных» конструкциях подчинительная связь прямой речи со

словами автора создается, по сути дела, не союзом, а интонацией, так как союз не выполняет в них грамматической функции подчинения. Он лишь устраняет свойственную бессоюзным конструкциям «интонацию изъяснения»²³ или «предупредительную паузу»²⁴, заполняя ее и замещая подчинительной интонацией. При этом модальный спектр следующей за союзом чужой речи бывает очень широким - от объективной модальности индикатива до очень субъективных модально-экспрессивных значений «косвенных» наклонений. Прямую речь (или «полупрямую», по терминологии А. Н. Гвоздева) со вставочным союзом схематически можно выразить следующим образом (ср. выше модальный спектр прямой речи):

слова автора	<i>что</i>	прямая речь
--------------	------------	-------------

В отличие от современных устных «смешанных» конструкций, в конструкциях придаточной прямой речи (именно *придаточной*), распространенных в древнерусских памятниках, проявляется четкая тенденция к утверждению очень важного, наравне с союзом, структурного средства подчинительной связи чужих высказываний со словами автора - единообразия их модальных планов. В отличие от вставочного союза *что*, союз *яко* является выразителем определенного типа синтаксических отношений, характеризующихся тем, что раскрытие объекта речи происходит в плане повествовательной модальности, реализующейся, как правило, в форме изъяснительного наклонения. Вопрос о соотношении этих конструкций нуждается в обстоятельном изучении на основе значительного текстуального материала.

* Филологические науки. 1969, №3.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹Истрина Е.С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Изв. ОРЯС. т. 26, стр. 224.

²Якубинский Л.П. История древнерусского языка, М., 1953, стр. 226.

³Молотков А.И. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI-XVII столетий (автореф. канд. дисс., Л., 1952, стр. 21).

⁴Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык, ч. 2. М., 1958, стр. 279.

⁵Термин «придаточная прямая речь» принадлежит И.Г. Чередниченко, назвавшему так типологически сходное явление в синтаксисе современного русского языка (см. его статью «Особые случаи

- придаточности в современном русском языке», сб. «Вопросы славянского языкознания», 1, Львов, 1948, стр. 118).
- ⁶ Цит. по книге Виноградова В.В. «Русский язык», М. -Л., 1947, стр. 339.
- ⁷ Виноградов В.В. Русский язык, стр. 342.
- ⁸ Каратаева Э.П. Союзное подчинение в русском литературном языке 2-й половины XVII столетия, «Вестник ЛГУ». № 8, серия общественных наук. 1952, стр. 109.
- ⁹ Гуйер О. Введение в историю чешского языка. М., Изд-во ин. лит-ры, 1953, стр. 32.
- ¹⁰ Мейе А. Общеславянский язык, М., Изд-во ин. лит-ры, 1951, стр. 391.
- ¹¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 483.
- ¹² Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд-во МГУ, 1956, стр. 546.
- ¹³ Из ответа на 2-й вопрос анкеты «Об образовании восточно-славянских национальных литературных языков», ВЯ, 1960, № 3, стр. 42.
- ¹⁴ Термин «молительное наклонение» употребляют А.А. Потебня (см.: «Из записок по русской грамматике», IV, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 168) и Н. Некрасов (см.: «Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики», ЖМНП, 1868, IX, стр. 59).
- ¹⁵ Ср., например: 1) ...Иже глаголюща, яко сей възрастъ есть под рѹкою твоею и у тебе служилъ есть; *сего нынѣ вѣди* (Комис. сп. Новг. 1 лет., 1074); 2) ...И старци митрополитѹ глаголюще, яко сынъ твои, князь Володимерь, в величѣ кротости и тихости бѣ, и разбойници опустѣша землю, и ты что о семъ мыслиши? (Никон. лет., 998); 3) ...И ложно рекъ к патриарху, яко нынѣ итъсть в Киевѣ митрополита, и се азъ, да *поставиши мя* (там же, 1170) и др.
- ¹⁶ Ввиду того что в рассмотренных текстах конструкции прямой речи с постпозицией авторской части представлены единичными примерами, их модальные спектры не приводятся. Кроме того, эти построения не играли существенной роли в истории средств и способов косвенного пересказа чужой речи.
- ¹⁷ Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 490, 492-493.
- ¹⁸ Gołąb Z. Funkcja syntaktyczna partykuły *da* w językach pd. - słowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbochorwackim), Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, zes. XIII, Kraków. 1954, s.77-78.
- ¹⁹ Ончуков Н.Е. Северные сказки, СПб., 1908, стр. 255.
- ²⁰ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии, Пг., 1915, стр. 333.
- ²¹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 71.
- ²² Степанова Е.М. Способы передачи чужой речи в северных народных сказках (канд. дисс.), М., 1956, стр. 199.
- ²³ Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык, ч. 2, стр. 275.
- ²⁴ Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе, Ростов-на-Дону, 1958, стр. 95.

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В группу модальных частиц, обозначающих субъективную передачу чужой речи, в современных восточнославянских языках входят частицы: русские *де, мол, дескать, будто*; украинские *мовляв, мов, ніби*; белорусская *маўляў* и некоторые другие. С их помощью говорящий осуществляет различного рода модальные квалификации чужих высказываний и сообщений¹.

Категория лексико-синтаксических средств, оформляющих передачу различного рода оттенков субъективного отношения говорящего к чужой речи, складывается сравнительно поздно и в памятниках древнерусской письменности отличается крайней скудностью и функциональным однообразием. Наиболее распространенным средством указания на чужую речь в древнейших памятниках древнерусской письменности является модальное слово *рече* (2-3 л. ед. ч. аориста), во вводной позиции уже в древнейших памятниках иногда утрачивающее способность согласовываться в лице и числе с вводящими словами автора. Ср., например: 1. *А се вниы его творяху: «...на початыи велевъ ны, рече, къ Всѣволоду приступити, а паки отступити велитъ»* (Новг. 1 лет., Синод. сп., 1136 г.); 2. *Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о пяднѣмъ огни: «яхоже молонья, рече, иже на небесѣхъ, грци нмуть у собе и сію пущающа жежаху насъ»* (Лавр. лет., 941 г.); 3. *Бѣ бо Володимиръ любя дружинѣ, и с ними думая о строении земьскомъ и о ратехъ и о уставѣ земномъ. И бѣ бо, рече, живущу емѣ съ князи его окольними съ миромъ...* (Новг. 1 лет., Комиссион. сп., 996 г.). В последнем примере *рече* выступает с неопределенно-личным значением «говорят».

Употреблению глагольной формы *рече* в качестве вводного слова способствовало то обстоятельство, что уже в древнейших памятниках самое активное участие в передаче чужих высказываний принимали именно глагольные образования с корнем *рек-*, тогда как другие глаголы из лексической группы *verba dicendi* в этот период употреблялись значительно реже (особенно с корнями *мълв-*, *(с)каз-* и *говор-*). Это хорошо подтверждается статистическими данными, извлеченными из текстов старшего и младшего изводов Новгородской первой летописи (см. таблицу).

В целях экономии места мы ограничиваемся приведением данных только одного источника. Многие другие памятники этого периода также свидетельствуют о резком преобладании в авторских вводах глагольных форм с корнем *-рек-*: *рече* (наиболее часто), *рекоша*, *рѣша*, *рекуче*, *река*, *ркуче* и т. д.

Утверждение о том, что факты, говорящие о начале перехода глагольной формы *рече* в разряд модальных слов, «не старше второй половины XVII в.»², следует отклонить, так как случаи универсализации этой формы, как свидетельствуют приведенные выше примеры и таблица, встречаются значительно раньше. Широкое употребление *рече* в функции вводного слова с четко обозначенными признаками лица и времени не дает права зачислять его в какой-либо иной разряд слов; можно говорить лишь об определенной тенденции к превращению этого вводного слова в универсальный сигнализатор чужой речи³. Окончательного же перехода вводного слова *рече* в модальную частицу не произошло ввиду того, что употребление его было строго ограничено рамками стилистически канонизированной письменной речи. В живом же языке, где, в основном, протекал процесс становления новой лексико-синтаксической категории модальных слов и частиц, интересующая нас группа модальных частиц складывалась благодаря деформации иных глаголов говорения (*деяти*, *молвити*, *сказывать*)⁴.

Нельзя согласиться и с А.И. Молотковым, полагающим, что уже в «Повести временных лет» отражена древнейшая модальная частица *рѣци*, которая, по его мнению, не получила в русском языке дальнейшего развития (в этом вопросе А.И. Молотков, как он сам на это указывает, следует за И.И. Срезневским, видевшим во вводном слове *рѣци*, значение, близкое значению модальных частиц *де* и *мол*)⁵.

«Древнейшей формой модальной частицы от глагола говорения, как можно полагать, - пишет он, - была модальная частица «ръци». образованная от самого распространенного в древнейший период истории нашего языка глагола говорения «речи»...⁶ Оба исследователя приводят единственный пример на такое употребление «частицы» *ръци*: Отеѣщавши Ольга, и рече къ сломъ: «Аще ти, рѣци, тако постонши оу мене в Почайнѣ, яко же азъ в Сюду, то тогда ти дамъ»; и отпусти слы, съ рекъши (Пов.вр. л.955 г.).

Изводы Новгородской первой летописи	I Старший (Синодальный список XIII- XIV вв.)	II Младший (Комиссионный список XV в.)
Общее количество случаев передачи чужих высказываний	154	764
Введение чужих высказываний при помощи глагольных форм с корнем <i>рек-</i> , с корнем <i>глагол-</i> , с корнем <i>мълв-</i> , с корнем <i>каз-</i> (<i>сказ-</i>), с корнем <i>говор-</i>	80(52%) 7(4,5%) 2 (более 1%) 1 (менее 1%) -	461 (более 60%) 147 (более 19%) 3 (менее 1%) 2 (менее 1%) 1 (менее 1%)
Введение чужой речи при помощи других глаголов и словосочетаний (<i>просити, солгати, творити, целовати крест</i> и т.д.)	55(35%)	121(более 17%)
Прямая речь без авторского ввода	9 (более 5%)	28 (более 3%)
Количество употреблений вводного слова <i>рече</i> , согласованного с именем действующего (говорящего)	3	10
Количество употреблений вводного слова <i>рече</i> , не согласованного с именем действующего (говорящего)	1	2
Другие вводные слова в составе чужой речи	1	

Если внимательно вчитаться в приведенную цитату, то станет ясно, что форма *рѣци*-это полнозначный глагол речи «говоришь», поставленный в повелительном наклонении («скажи», а не «говорит», как полагает И.И. Срезневский) и употребленный в интерпозиции самой Ольгой. Писец сохранил экспрессию слов княгини, обращенных к одному из послов: «Если ты, скажи (ему, то есть пославшему тебя), так же постойши у меня в Почайне, как я в Суде...» и т.д. Ведь известен существовавший в древней Руси посольский обычай «править речи» князей в устной форме. «Из летописи видно, - отмечает Д.С. Лихачев, - что послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или иной случае, и отдельно поручались «речи», которые посол не мог изменить по-своему и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица - от лица пославшего»⁷. Отсюда привычной формулой при «отряжении» послов становятся конструкции с императивной формой глаголов речи типа: «иди к Давыдовн и рци емѹ» (Пов. вр. л., 1097 г.), «такѡ молви братѹ моемѹ» (Ипат. лет., 1151 г.) и т.д. В нашем примере княгиня Ольга наставляет посла, что он должен сказать своему господину. Именно как лексически полнозначную форму императива осмысливали это *рѣци* и древнерусские писцы. Сравните более поздний вариант приведенного отрывка в Комиссионном сп. Новгородской 1 лет. (по рукописи 15 в.): **И отвѣщавши же Ольга и рече къ Голомѣрѹ: «аще ты сице глаголеши от Чемьскаго цесаря, рци емѹ тако: пришедши, постойши ѹ мене в Почаниѣ якоже и азъ ѹ тебе въ Съсѹдѹ стоявши, то тогда ти дамъ»** (955 г., л. 35 об.-36). В этом отрывке иначе распределено соотношение слов речи Ольги: повелительная форма *рѣци* примкнула к той части конструкции, которая непосредственно адресуется послу, а не «цесарю».

Употребление формы повелительного наклонения *рци* в составе чужих высказываний нередко и в Ипатьевской летописи, причем всегда в тех случаях, когда происходит наставление послов в том, что они должны говорить пославшим их князьям⁸. Таким образом, у нас нет пока оснований говорить о наличии в древнерусском языке модальной частицы, образовавшейся от глагола *речи*.

Первой модальной частицей, используемой при субъективной передаче чужой речи, в древнерусском языке становится частица *де* (*деи*). Она образуется от личной формы древнейшего славянского

глагола *дѣяти* «говорить»⁹. Самые ранние случаи ее употребления отмечаются в текстах 14-15 вв., но широкое распространение частица *де* получает в русской письменности лишь в 16-17 вв. Особенно обильно она представлена в памятниках деловой письменности.

По вопросу о том, какая форма глагола *дѣяти* изменяется в частицу, у лингвистов нет единого мнения. И. Желтов, первым из исследователей обративший внимание на «пояснительные» частицы *де*, *мол* и *дескать*, ограничился лишь выражением недоумения по поводу происхождения «этого небольшого словца»¹⁰. В дальнейшем относительно происхождения *де* было высказано три точки зрения. Одна группа исследователей полагает, что исходной формой явилась форма 3-го л. ед. ч. *дѣеть*¹¹. Сторонники иной точки зрения объясняют образование частицы *де* из формы 2-го числа ед. ч. повелительного наклонения *дѣи* «говори». «*Де* по происхождению своему, - пишет А.А. Шахматов, - является редуцированным произношением формы 2-го лица единств. повелит. *дѣи* и *дѣяти* в значении «говорить»¹². Точку зрения А.А. Шахматова разделяют А.И. Молотков¹³, А.И. Аникин¹⁴ и др. Академик В.В. Виноградов в книге «Современный русский язык», не отклоняя первого пути развития, также допускает возможность образования модальной частицы *де* из формы повелительного наклонения¹⁵, но уже в книге «Русский язык» исходной формой считает только *дѣе* «говорит»¹⁶.

И наконец, следующая группа ученых вопрос о генезисе частицы *де* (как, впрочем, и частиц *мол* и *дескать*) решает в рамках выдвинутого А.А. Потебней учения о вводных словах как «редуцированных по смыслу вводных предложениях» (Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.М. Пешковский). По мнению А.М. Пешковского, благодаря «недоговариванию» такого вводного предложения, а затем исчезновению первоначального значения и последовавшему «звуковому усечению» и возникла интересующая нас частица *де*¹⁷. Вводным предложением считал частицу *де* и Ф.Буслаев, предполагая в ней первичное значение «говоришь»¹⁸.

Проникновение в пересказываемую речь глаголов речи происходит в глубокой древности. Этот разряд вводных слов отмечается уже в самых ранних памятниках славянской письменности. «Первыми вводными предложениями и словами древнерусского языка, - пишет В.Н. Мигирин, - являются предложения и слова, связанные по

своему происхождению с главным предложением, указывающим, кому принадлежит речь, или же с авторской речью...»¹⁹. В.А. Ицкович также приходит к выводу об относительной древности этого разряда слов²⁰. При этом обнаруживается «тождество содержания первых вводных предложений и слов, с одной стороны, и авторской речи и соответствующих главных предложений с другой»²¹.

Включенное в чужое высказывание вводное слово из группы *verba dicendi* на первых порах формально и семантически дублирует соответствующий глагол говорения в авторской части конструкции. Чем древнее тексты, тем меньше случаев нарушения формального согласования вводных слов из группы *verba dicendi* с глаголами речи авторского контекста.

Чем вызвана эта передвижка вводящего чужую речь глагола говорения, в результате которой в чужом высказывании появляется его формально-семантический двойник - вводное слово, какое новое качество приобретает в результате этого сама конструкция? На наш взгляд, первоначальную причину данного явления следует искать в своего рода ретардации - возврате внимания и мысли говорящего, в ходе передачи чужого высказывания, к уже сделанному указанию на факт такой передачи.

Проникновение в состав чужой речи глагола говорения приводит не только к ослаблению лексико-грамматической обособленности чужого высказывания, но и к определенным сдвигам в модальном плане. Повествовательный модальный план авторской речи накладывается на модальный план чужого высказывания, в той или иной мере нивелируя, «приглушая» его экспрессию.

Вторым указанием на передачу чужого высказывания говорящий привносит в него момент квалификации. Глагольная форма из группы *verba dicendi* (*рече, дѣеть* и др.) в составе передаваемой чужой речи выполняет иную функцию, чем соответствующий глагол в авторской части конструкции. Как справедливо отмечает Т.П. Ломтев, позиции вводных слов являются неполнозначными. «Позиции вводных слов и выражений - это как бы ключ к единицам сообщения, указывающим на то, в каком плане дается сообщение...»²². Вводное слово или модальная частица, включенные в состав чужой речи, в той или иной степени нарушают модальную двуплановость конструкции с чужой речью, переключая ее в общий модальный план авторского

повествования и выступая в роли агента, проводника субъективно-модальных авторских характеристик²³. В конструкциях с прямой речью, не имеющих модального слова или частицы в чужом высказывании, автор лишь констатирует факт и содержание имевшей место в действительности чужой речи. В конструкциях с вводным словом или частицей он уже квалифицирует ее в процессе самой передачи, подчеркивая ее чужеродность, иногда даже отстраняясь от нее, сомневаясь в ее достоверности и т.д. Сообщение чужого высказывания и квалификация его говорящим здесь слиты. У помещенных во вводную позицию глаголов речи нивелируется функция единиц сообщения, а служебная роль квалификатора чужих высказываний становится для них основной. Вследствие изменения их грамматической роли они становятся лишенными способности изменяться модальными словами и частицами, «модальными отметками» (В.В. Виноградов) .

Синтаксическая теория вводных слов и частиц как реликтов вводных предложений, обладавших в прошлом смысловой законченностью, неприменима к решению вопроса о генезисе частицы *de* (а также других частиц, возникших из личных форм глаголов речи)²⁴. Как показали наблюдения А.И. Молоткова, «препозиция авторского контекста - наиболее распространенный вид соединения авторского контекста и прямой речи» в XI-XVII столетиях, «тогда как постпозиция и постановка авторского контекста в середину прямой речи - очень редкое явление, отмечается оно в единичных примерах»²⁵. Это явилось конструктивной предпосылкой для ретардационного повтора в составе чужого высказывания вводящего его глагола речи из предыдущей авторской части.

Кроме того, следует принять во внимание, во-первых, малочисленность встречающихся в памятниках примеров на введение чужой (прямой) речи при помощи императива, так как в речевой практике чаще всего происходит пересказ уже произнесенных речей, а императив выражает волеизъявление говорящего или пишущего, реализующееся лишь в двух временных планах - будущем и настоящем; во-вторых, преобладание форм глаголов речи в настоящем и прошедшем времени изъявительного наклонения; в-третьих, то, что глагол речи во вводной позиции на первых порах представлял собой лексико-грамматический дублет вводящего чужое высказывание глагола. Учитывая все это, надо признать маловероятным

предположение о том, что частицы *де* и *мол* есть продукт деформации повелительного наклонения. Против теории происхождения частицы *де* из формы императива говорит и самый факт отсутствия императива от глагола *дѣяти* «говорить» в древнерусских памятниках.

Примечательно, что во многих славянских языках модальные частицы, образованные от глаголов, речи, представляют собой именно продукт разрушения форм настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения. Ср. укр. *моляв, мов*, диалектные *кае, ка*; белорусск. *маўляў*, диалектные *ску, ку, ка*²⁶; чешск. *prý* «мол» из формы 3 л. ед. ч. или аориста от глагола *praviti* «говорить»²⁷; такого же происхождения и словацкая частица *vraj* от глагола *vraviet'* «говорить»; польск. диалектное слово *peda*²⁸, болгарские диалектные частицы *кай* и *ка* (от глагола *кажа* «говорить» - через промежуточную *allegro*-форму 3 л. ед. ч. *кае*)²⁹ и др.

К этому перечню следует еще прибавить древнерусские частичные слова *рече* и *рекши*. Последнее слово нуждается в пояснении. Оно тоже является формально-грамматическим «слепком» с вводящего чужую речь глагола речи в авторской части конструкции. В древнерусском языке нередко чужие высказывания вводились при помощи причастных форм *рькущи, аркучи, рекши, глаголя, молвя* и др., которые подключались к уже имеющимся в авторском вводе глаголам речи как второе указание на передачу чужих слов, например: 1. **И посла къ деревяномъ, рькущи сице: се уже идѹ къ вамъ...**» (Пов. вр. лет по Лавр. сп.); 2. **И он с великою опалкою отвѣщал, рекъ...** (и далее - прямая речь; Пск. 2-я лет, по Синод.сп.); 3. **...А Ондръника Саватыева обвини потому, что сказал Ондръико, рекши...** (далее - прямая речь; Акты феод. землевладения, 1455-60 гг.) и др. Из авторской речи причастная форма проникает в чужое высказывание, отрываясь от сочетаний типа «написалъ, рекши...», «посла, рекши...», «повѣда, рекши...» и т.д. Во вводной позиции в составе чужого высказывания форма *рекши* функционально и семантически тождественна модальной частице *де*. Ср., например, в грамоте А. Заболотного Ивану IV с вестями, собранными в Крыму: 1. **А про Ши-Ахмата, государь, пришла вѣсть ко царю къ Менгли-Гирею, что, рекши, царь Ши-Ахматъ соединичлса съ своею братьею и съ своимъ со царемъ съ Абекеримомъ да и съ Ноган (1502 г.); 2. И царь, государь, Ши-Ахматъ къ нему не поѣхалъ, а сказался, что, рекши, недомогаетъ (1502 г.)**³⁰. Результатом разрушения

помещенной во вводную позицию формы 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *дѣяти* «говорить» (через промежуточный вариант *деи*) является, и частица *де*, кроме русского, известная еще и древнепольскому языку (до 16 ст.)³¹.

* Проблемы развития языка. Вып. 1. Изд-во Саратовск. ун-та. 1977.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Такое субъективно-модальное окрашивание говорящим своей речи (куда может быть включено и чужое высказывание) С. Едлювский называет «валоризацией» (см.: Jodłowski S. Istota, granice i formy językowej modalności. - *Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, zesz. XII, S. 107*).
- ² Ицкович В.А. К вопросу об образовании модальных слов в русском языке. - В сб.: Доповіді та повідомлення Львівського державного університету, вип. 6, ч. 1. 1955, с. 142.
- ³ В некоторых памятниках среднерусского периода обобщенная форма отмечается и в сильной позиции - в словах автора, вводящих чужое высказывание. Ср.: Нагаи же *рече тако*: не срам бо есть нам покоритися ему и служити... (Сказание о царстве Казанском, по списку XVI в. М., ГИХЛ, 1959, с.99).
- ⁴ В одной староукраинской грамоте 1473 г. встречается неясное словечко *ре*: 1. И такожде, *ре*, оусталь Ивашко Арменчич пред нами и пряд усими нашими бояры... 2. ...А ми такожде, *ре*, есмн дали и подтврдили с(в)ятому монастырю нашему от Молдазица тую половину села... (грамота напечатана в кн.: Акад. Ол. Шахматов - акад. Аг. Крымский. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської Старо-України 11 - 18 вв. Київ, 1924, с. 164-166). Не редкий ли это случай деформации вводного слова *рече* в частицу, которую употребил писец, написавший эту грамоту со слов воеводы Стефана? О частичном разрушении во вводной позиции аористной формы *рече* свидетельствует и Комиссионный список Новгородской летописи, широко отразивший корень *рек-* в редуцированной форме *рче* (не говоря уже о весьма распространенных и в других древнерусских текстах формах *ркоша*, *ркуче* и т.д.). Факты эти нуждаются в специальном изучении, наша цель-обратить на них внимание исследователей.
- ⁵ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1903, с. 119.
- ⁶ Молотков А.И. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности 11-17 столетий. Автореф. канд. дисс. Л., 1952, с. 24.
- ⁷ Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 97 и сл.
- ⁸ См.: Полн. собр. русских летописей, т. 2. СПб., 1843 (1281 г., с. 209; 1287 г., с. 214, 215; 1288 г., с. 218).
- ⁹ Начало процесса формирования этой категории вводных слов и частиц, по-видимому, следует отнести еще к общеславянскому языку, в отдельных диалектах которого могли возникать их прототипы. Так, в некоторых памятниках старославянского языка отмечается частичное слово **САТЬ**. А.М. Селищев указывает на Супрасльскую рукопись, Синайскую псалтырь

и Клоцев сборник (см.: Старославянский язык, ч. 2. М., 1952, с. 200), И.И.Срезневский-на пандект Антиоха по сп. XI в. (см. его: Материалы для словаря..., т. 3, с. 909).

- Если индоевропейские истоки данного корня можно считать установленными (общеслав. **se-* результат ассимиляции и.-е. **kens-*), то до сих пор остается неясным (вследствие спорадичности самой формы) грамматическое значение слова: что это - застывшая ли форма настоящего времени или «изолированная форма корневого аориста»? Последней точки зрения придерживается А.В. Десницкая (см. ее: Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики. «Вопросы языкознания», 1965, № 6. с. 32). История развития значения «говорить» в рефлксах индоевропейского корня * *dhē* подробно рассматривается нами в специальной статье.
- 10 Желтов И. Грамматические заметки.-«Филологические записки», вып. 5. Воронеж, 1864, с. 272.
 - 11 См.: Соболевский А. Из истории русского языка.-Журнал министерства народного просвещения, ч. СССIV. СПб., 1897, с.63; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, 1950, с. 349; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1964, с. 489-490; Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н.М. Шанского. Т. 1, вып. 5. Д, Е, Ж. Изд-во МГУ, 1973, с. 32.
 - 12 См.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка, изд. 2-е. Л., 1941. - С. 268.
 - 13 См.: Молотков А. И. Указ. работа.
 - 14 См.: Аникин А.И. Вводные слова и их соотношения со структурно-семантическими категориями слов в современном русском языке.-Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина», т. СХХХII, вып. 8. - М., 1958. - С.17.
 - 15 См.: Виноградов В.В. Современный русский язык, вып. 2. - М., 1938. - С.557.
 - 16 См.: Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947. - С.732.
 - 17 См.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении М., 1956, с. 410.
 - 18 См.: Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка, ч. 2. - М., 1963. - С.349.
 - 19 Мигирин В.Н. Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке. - «Известия Крымск. пед. ин-та», т. 19. Симферополь, 1954, с. 85.
 - 20 См.: Ицкович В.А. К истории вводных слов, словосочетаний и предложений в русском языке. Автореф. канд. дисс. Львов, 1954, с. 7.
 - 21 Мигирин В.Н. Указ. работа, с. 85.
 - 22 Ломтев Т.П. О вводных и однородных позициях словесных форм в современном русском языке.-НДВШ, ФН, 1058, № 1, с. 118.
 - 23 О модальных значениях частицы *де* в памятниках 14-17 вв. см.: Отин Е.С. Из истории средств модальной оценки чужих высказываний.- «Уч. зап. Донецк. пед. ин-та», вып. XI. 1962, с. 44-53. Применительно к современному русскому языку это явление рассматривается в ст.: Отин Е.С. О субъективных формах передачи чужой речи. - «Русский язык в школе», 1966, № 1, с. 51-58.
 - 24 О происхождении частиц *дескать* и *мол* см.: Отин Е.С. Из истории частиц.- «Уч. зап. Донецк, пед. ин-та», вып. 8. 1960, с. 226-246.
 - 25 Молотков Д.И. Указ. работа, с. 14.

- ²⁶ См.: Карский Е.Ф. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893, с. 252.
- ²⁷ См.: Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957.- S. 391.
- ²⁸ См.: Riger J.O partykulach. «Język polski», г. 1955. XXXVII, № 3, s. 183.
- ²⁹ Примеры см. в кн.: Стойков С. Българска диалектология.-София, 1955, с. 66-87. Аналогичные стяженные формы отмечаются и в украинских говорах (богатый материал на их употребление представлен у Н. Дурново в «Хрестоматии по малорусской диалектологии». М., 1913). Формированию диалектной модальной частицы *ka(ǫ)*, бесспорно, благоприятствовало резкое увеличение частотности глаголов речи с корнями *рек-* и *каз-* в болгарском языке XV-XVIII вв., прослеживаемое по памятникам данного периода (см.: Бондарь И.П. Глаголы речи в русском и болгарском языках. Основные типы объективной сочетаемости по материалам памятников русского и болгарского языков XV-XVIII вв. - В кн.: Вопросы славянского языкознания. Изд-во Саратов. ун-та, 1968, с. 33).
- ³⁰ См.: Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, т. 1. СПб., 1884, с.451.
- ³¹ См.: Arkta M. Słownik staropolski, г. 1914, s. 62; Berneker E. Slaviches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1924, s. 192 - 193. Частица *dziej* была зарегистрирована в конце прошлого века и в некоторых польских говорах на литовских землях (см.: Słownik języka polskiego, Warszawa, 1900, t.I, s.429).

КОНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ НЕРАЗВЕРНУТОЙ ЧУЖОЙ РЕЧИ С КОМПОНЕНТОМ *ТАК (МОЛ) И ТАК*

Иследуется один из ранее не изученных способов передачи чужой речи. Рассматриваются истоки возникновения данной словесной группы и ее функционирование в древнерусских текстах. Выявляются функции и прагматическая значимость данной конструкции в современном русском языке, ее грамматическая природа.

Наиболее употребительными способами передачи чужих высказываний в современном русском языке, как известно, являются конструкции прямой, косвенной и несобственно-прямой (свободной косвенной) речи. Им посвящена обширная литература. В настоящей статье речь пойдет еще об одном способе передачи чужой речи, отличительным признаком которого является обязательный компонент *так и так* (удвоенное при помощи соединительного союза наречие), но своей роли приближающийся к частицам *мол* и *декабрь* (часто ему сопутствующим), но выражающий целый ряд отличных от этих частиц модально-экспрессивных оттенков. Насколько нам известно, этот способ передачи чужих высказываний никем ранее не изучался. Необходимо выяснить, для чего прибегают к его использованию при наличии других распространенных способов и конструкций для пересказа чужой речи, как трансформируется чужое высказывание, переданное при помощи словосочетания *так и так* (что утрачивает и что приобретает), а также каковы пути развития этой конструкции в истории русского языка, ее структурные разновидности в современном русском языке.

Как показывают наблюдения, словесная группа *так и так*, нередко осложненная частицами *мол, дескать* и некоторыми другими, как правило, употребляется в разговорной речи при неполной, приблизительной передаче чужих высказываний чаще всего в тех случаях, когда их содержание уже известно слушателям или читателям и отсутствует необходимость в их сколько-нибудь подробном изложении. Вот примеры, иллюстрирующие подобную речевую ситуацию: «Я объясняю ей, что, дескать, *так и так*, Емельян Иванович, - ну, и про остальное, - говорю, дельце есть» (Ф. Достоевский); «Я объяснил, что вот *так и так*, от К(озочки) записку принес» (В. Слепцов) и т.д. Перед нами, по сути, только «осколок», фрагмент чужого высказывания, его отнюдь не всегда важная смысловая часть; остальная информация «растворена» в предшествующем повествовании автора, известна в авторском изложении. Существенным и актуальным является сам факт ее выражения со стороны другого лица, а не смысловое содержание чужого высказывания. Это подтверждается не столь редкими случаями, когда после словосочетания *так и так* вообще отсутствует даже краткое изложение чужой речи, она заменяется данным словосочетанием. Напр.: «И Царица налетела на Чернавку: «Как ты смела обмануть меня? и в чем!..» Та призналась во всем: *Так и так*» (А. Пушкин); «...Я спешил к нему с докладом: Вот, мол, *так и так*» (И. Никитин). Такая приблизительная передача чужой речи может иметь и прямое авторское указание на неполноту пересказа, как, например, с повести Ф. Достоевского «Бедные люди»: «Я вижу, что добра желает мне человек, да и открылся ему - дескать, *так и так*, Емельян Иванович, то есть всего не сказал, да и боже сохрани, никогда не скажу, потому что сказать-то нет духу...»

Словосочетание *так и так* по происхождению является частью авторской речи, а именно той, которая непосредственно предшествует воспроизводимому чужому высказыванию. В древнерусском, старорусском (а также и в других славянских) языках на ранних этапах развития конструкций для передачи чужой речи главенствующее положение занимали такие построения, в которых вводящие чужую (прямую) речь слова автора (авторские вводы) содержали отместоименные наречия *сице* и *тако*. Напр.: **И посла къ деревляномъ, рѣкѹши сице:** «Се уже идѹ к вамъ...» (Повесть вр. лет, 945 г.); «...

Тако глаголет князь нашъ: Хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеню прочая вся лѣта» /Там же, 971 г./ и т.д.¹ В настоящее время в конструкциях чужой речи находящиеся в препозиции к ней слова автора уже крайне редко заканчиваются наречием *так*, как, напр.: «Смею доложить, он говорит *так*, что, мол, у нас все-де покон теперь заняты, а пустопорожних не имеется» (А.Грибоедов); «Помните, он рассказал *так*: пришел, говорит, к воротам, Терешку вызвал, пошли в низок, две пары пива выпили...» (Н. Лесков). Гораздо чаще встречаются конструкции, в которых тавтологическое словосочетание *так и так* непосредственно следует после глаголов говорения, вводящих чужие высказывания. Но интонационно оно уже оторвано от слов автора. Между ними и компонентом *так и так* (нередко в сочетании с модальными частицами) - пауза, сигнализирующая о том, что слова автора закончены, а примыкающая к ним часть конструкции уже относится к чужому высказыванию. Схематично это можно выразить так:

I	Слова автора	+	пауза	+	компонент <i>так и так</i>	+	сокращенное чужое высказывание или его фрагмент
II	Слова автора	+	пауза	+			компонент <i>так и так</i> , выступающий в роли чужого высказывания

Репрезентирующая роль тавтологического словосочетания *так (мол) и так*; выделенного паузой в интонационном рисунке развернутого текста, особенно заметна при его троекратном повторении в следующем отрывке: «Вы напишете акт в масштабе всего колхоза, правду напишете. *Так, мол, и так*: в колхозе «Заря» построили новый склад, а он провалился, удобрения завалило снегом, они раскисли, уплыли в реку, восемь коров отравилось. *Так, мол, и так*: рожь сегодня сеяли, а назавтра мороз грянул, потом весной спишут на выпревание. *Так, мол, и так*: кормить зимой скотину будет нечем, сена по килограмму, только силос, солому не заскирдовали, преет, поехали

за ней в Ростов-на-Дону, а там, вчера Рыжов звонил, солома-то хуже нашей, озимая, но зато начальству спокойно: принимаются, дескать, меры... Вы бы расписали все про падеж, про яловость. А со льном что делается?...» (В. Травкин). Приведенный отрывок с интересующим нас компонентом не типичен лишь в том отношении, что содержит сравнительно полную передачу чужой речи.

Словесный повтор *так и так* произошел, очевидно, в ту пору, когда этот еще не десемантизированный наречный компонент принадлежал словам автора в конструкции прямой речи. Редупликации такого рода - черта синтаксиса разговорной речи. Повторение слов при помощи союза *и* (чаще всего наречий и местоимений) зафиксировано в некоторых памятниках русского языка, отразивших синтаксическое образования повседневной устной речи. Например, весьма многочисленны такого рода спаренные при помощи соединительного союза слова в обширном тексте «Жизни и приключений Андрея Болотова» (свои мемуары А.Т. Болотов писал с 1789 по 1812 год): *везде и везде, что и что, кто и кто, все и все, прочее и прочее, всюду и всюду, где и где, гораздо и гораздо, весьма и весьма, какие и какие* и т.д., напр.: «После сего посажен я был пересказать князю на коротких словах *все и все*, что у нас происходило там и *что и что* сделано (3, 413)²; Надобно было назначать, *кого и кого* из людей обоего пола нам брать с собою, определять, *что и что* из мебели и других вещей нам забирать и везть в новое жилище (3, 423); ...И принужден я был *всюду и всюду* к воеводе ездить и ходить (3, 1145); ...С удовольствием гулял он и тут, говоря, что *везде и везде* находит и примечает он следы моего хорошего вкуса и рачения (3, 1171); ...Поелику у меня было уже все предварительно придумано и распоряджено, *где и где* его вести и что прежде и что после показывать, то и повел я его сперва от дворца под гору (4, 26); Сим и подобным образом пожурив и... сего молодца *гораздо и гораздо* и отпустия их с попом от себя, не стал я долее в Туле медлить (Там же, 370); Надлежало класть к ней печи, оклеить ее (комнату. - Е.О.) обоями, подбелить потолки, делать перегородки и *прочее и прочее* (4, 24); Итак, будучи тем *весьма и весьма* доволен, отвесил я ему опять пренизкий поклон... (4, 410) и т.д. Последние две пары (*и прочее и прочее, весьма и весьма*) сохраняются в современном языке. Отражение этой особенности синтаксиса разговорного языка мы находим и у Н.С. Лескова в «Тупейном художнике»: « - Призовут его,

бывало, - говорила Любовь Онисимовна, - скажут: надо, чтобы в лице было *такое-то и такое-то* воображение». По-видимому, такого же происхождения и словесная пара *так и так*, участвовавшая в передаче чужих высказываний.

Почему же изначально принадлежавший словам автора компонент *так и так* оказывается оторванным от них, приобретает самостоятельность, тяготея к пересказываемой чужой речи и даже выступая в качестве ее заменителя? Это вызвано взаимопроникновением слов автора и чужой речи в месте их контакта, а также изменением; сдвигом границы между ними, что возможно только при порождении прямого повествования в условиях «неправильной», слабо кодифицированной разговорной речи. Этот процесс облегчается еще и тем, что между этими двумя конструктивными частями прямой речи - словами автора и чужим высказыванием отсутствует грамматически выраженная связь, это зона слабого синтаксического соединения.

Наиболее характерный случай - отрыв глагола говорения от препозитивных слов автора и вхождение его в словесное пространство чужой речи. Глагол говорить переносится не только через синтаксический «шов» конструкции, обозначенный паузой, но и через начальное слово или даже слова следующего за ним чужого высказывания. Например, в тексте недавно опубликованной рукописной повести XVII в. «**Анисимыч. Нового рода Дон-Кихот**»: «Но полицейский служитель: «Знаю, - сказал, - брат, знаю»³. Ср. еще аналогичные примеры из языка художественной литературы XIX в.: Соседка: «на, *говорит*, Кирюша, нам не нужно, все равно бросим, а ты за что-нибудь продашь» (А. Островский); А он мне: «ну, *говорит*, плывучий мост через реку строить!» (М. Салтыков-Щедрин); Елена Андреевна «одного часа, *говорит*, не желаю жить здесь...» (А. Чехов);...Летошний год люторецкий барин: «Осип, *говорит*, продай сено...» (А. Чехов) и т.д.⁴ В языке фольклора: А я - родом хоть меньшей, да разумом большой, «надобно, - *говорю*, - гречиху скосить, в омет свозить»⁵.

Одним из ранних проявлений этого процесса передвижки заключительных слов авторского ввода в пределы чужого высказывания является интонационное обособление от слов автора наречного компонента *так и так*, вместе с которым от слов автора

мог отрываться и глагол говорения. Возникшая словесная группа уже не принадлежала авторскому вводу, но и не становилась информационной единицей чужого высказывания. Она превращается в вербально и интонационно выраженный сигнал границы конструктивных частей прямого повествования. Поэтому пунктуационное оформление этой оторванной от авторского ввода части текста (помещение ее после двусточия, отделение от авторской речи посредством тире, а от чужого высказывания - запятой и т.д.) чисто условно и неточно выражает реальное членение текста прямой речи с компонентом *так (мол) и так*. Например: Вошел я, значит, в горницу. - *Так и так, говорю*, купец Завейхвостов Терентий Прохорович желает с вами в любви жить (М. Салтыков-Щедрин); Я к его превосходительству: *так, мол, и так, говорю*, что ж это за мода! (М. Салтыков-Щедрин); ...Вчсраь встречаемся на Невском. Ты что? говорит. *Так и так, говорю*, дорожку бы заполучить! (М. Салтыков-Щедрин); Ну, я приехал к нему, *так и так, говорю*. Надо Берю брать (Ф. Бурлацкий) и др. Словесная цепочка *так (мол) и так* встречается и в современной разговорной речи. Ее вариант *втак и втак, говорю* зафиксирован А. В. Миртовым в донских говорах⁶. По-видимому, именно такое словосочетание с глаголом говорения, интонационно оторванное от слов автора, а также обособленное от них словосочетанием *так и так*, нередко осложненное модальными частицами *мол* и *дескать*, представляют собой самые ранние состояния в становлении интересующей нас синтаксической конструкции для неразвернутой передачи чужой речи.

Этот процесс был стимулирован развитием в русском языке различных средств и способов неконкретного, обобщающего пересказа или сообщения о чем-либо, когда по каким-то причинам опускаются детали (как неактуальные, не вызывающие интереса, отвлекающие от главного и т.д.). Чаще всего для этой цели используются указательные местоимения и наречия образа действия. Напр.: Нужно написать красочное объявление: *то, се*, явка обязательна! (Лит. газ. 1979. 19 сент.); Ну, так вам с ним толковать будет сподручно. Дескать, *так и так*: дело не без опаски, так пусть явится с повинной сам: дескать, к вашему сиятельству, узнал, мол, *то и то...* (Е. Дрянский); Доктор говорил: *то-то и то-то* указывает, что у вас внутри *то-то и то-то*; но если это не подтвердится по исследованиям *того-то и того-то*, то

у вас надо предположить *то-то и то-то*. Если же предположить *то-то*, тогда... и т.д. (Л. Толстой); В прежнее время, не говоря худого слова, начал бы с того, что в Париже театров двадцать три, что Терпсихора цветет *там-то*, но что истинные поклонники Талли *там-то*, хотя великая жрица Мельпомены увлекает *туда-то*, - и всем сестрам по серьгам (А. Герцен); Вы говорите, что Николай *то да се, пятое, десятое*. Откуда вы его знаете? (А. Чехов); Капитанова невеста жить решила вместе. Прикатила, говорит: - Милый! *То да се...* (В.Высоцкий) и т.д. Сравните еще примеры обобщенной передачи чужого высказывания с участием словесной группы *так и так*, находящейся внутри чужой речи, и не в зоне ее контакта со словами автора: Бух ему в ноги!.. Будь, говорю, вместо отца! Жил *так и так*, теперь хочу за ум взяться (А. Островский); ...Телепнев уже сам сказал ему: - Мое имя и отчество - если угодно - *так и так* (Н. Лесков); Павла Павлыч начал сердиться: я, говорит, вам говорю *так и так*, - а Бельтов: да помилуйте, *вот так и так* (А. Герцен) и т.д.

Словосочетание *так и так* (нередко осложненное модальными частицами), находящееся в промежуточной зоне - между словами автора и чужим высказыванием, выполняет разные функции. Чаще всего такое *так и так* выступает как ключевая словесная группа, сигнализирующая о свободном, не совсем точном («неразвернутом») пересказывании чужой речи, к тому же осуществляемом в непринужденной манере, когда отбор фрагментов чужой речи (иногда это может быть одно слово) производится передающим лицом с учетом их «сиюминутной» необходимости и коммуникативной цели. Вот наиболее типичные примеры: а) с упрощенной, «эскизной» чужой речью, представленной какими-то ее незначительными отрезками: Пошли бы да и сказали породственному: *так и так*, мол, на интерес польстился (А. Чехов); Если бы вы имели ко мне чувства, приехали бы ко мне и по-дружески: «Голубушка, Лев Трофимыч, *так и так*, мол... Такого сорта история и прочее...» (А. Чехов); Начальник департамента, не дотрагиваясь до пса (бумаги. - Е.О.), спросил: «Что это?» Ему ответили: *так, мол, и так*. Коковцев, дескать, «союзники», Распутин... (В. Пикуль); б) с чужой речью, состоящей из одного слова: Прощтрафится, бывало, Дракин, - ссейчас к Расплюеву. - *Так и так*, - беда! (М. Салтыков-Щедрин); Потом Григорью... как его... да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: *так и так*, мол, отдала (А. Островский); Я в часть - *так к так*, говорю,

пойдемте (А. Ремизов) и др.

Наречное словосочетание *так и так*, как уже отмечалось выше, может употребляться и самостоятельно, при полном отсутствии слов из чужого высказывания. В этом случае оно выполняет роль заменителя чужого высказывания, общее содержание которого (но не форма выражения) уже известно адресату из предшествующего контекста. Например: Это я к тому, что теперича... слух этот пойдет... *так и так*... и, примерно, разойдется по городу: кто ее возьмет? (А. Островский); Взглянула раз и два, заговорила: «Лицо твое мне, милая, знакомо. А как назвать, не знаю». *Так и так, мол*. «Ну, говорит, тебя-то мы и ищем» (А. Островский); Рассказал ему Семен: *так, мол и так* (В. Гаршин); Приходим. «Что такое за шум?» Архангел докладывает: *так и так* (В. Катаев); А доктор, поупирившись, звонит снова в свою центральную и говорит: *так и так* (В. Войнович); В тот же день я - в дирекцию завода. *Так-то и так-то* (Правда. 1982, 26 января); Прибежала к врачу: *так и так* (В. Песков. Комсомольская правда, 16 авг. 1986г.) и т.. д.

Весьма редки случаи передачи с помощью словосочетания *так (мол) и так* чужих высказываний в их полном, развернутом виде. Обращение к этому словосочетанию здесь бывает вызвано его способностью вносить в модально-экспрессивную окраску предложений с чужой речью оттенок непринужденно-доверительного сообщения, что особенно важно при сказовой манере авторского повествования. С таким «нетипичным» употреблением *так и так* мы сталкиваемся в следующем примере: ...А сам приезжает к старшему брату и говорит: *Так и так*, брат, я к тебе с большой моей просьбой, - отпусти мне перед вечером твоего Аркашу, чтобы он меня как следует в хорошее положение привел. Я давно не брился, а здешние цирюльники не умеют (Н. Лесков).

Словосочетание *так, мол, и так* может употребляться и для передачи не произнесенной, но предполагаемой, прогнозируемой чужой речи, поясняющей смысл какого-либо жеста, выражения лица, вещественной детали и т.д.: Виду, само собой, не подает, но при случае усмехнется грустно: *так, мол, и так*, совсем зазнались, никакого уважения к старым друзьям (Огонек, 1987. №27. С.30); «Ларчик» с секретом открывался просто: в сумочках лежали санитарные книжки официанток. 11 штук. А в книжках - свеженькие штампы лилового

цвета. *Так, мол, и так*, данные работники прошли осмотр и к работе допускаются (Комс. правда, 1985, 25 сент.).

Рассматриваемое словосочетание сравнительно редко встречается в конструкциях косвенной речи после изъяснительного союза, а также в «придаточной прямой речи» с союзом *что*. При этом и здесь всегда отмечается неполнота чужой речи, авторские замены в ее лексическом строе, субъективно-авторское интонационное оформление: По окончании его мне придется сказать речь Ковальскому, что *так, мол, и так*, мы с вами желали бы расстаться друзьями и все такое прочее... (С. Надсон); Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что *так, мол, и так...* у раба божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать (А. Чехов); Я им, что, мол, *так-то все, так-то и так-то*. А если что не так, значит, ложь... (из популярной студенческой песни конца 60-х годов) и т.д.

Какова грамматическая природа словосочетания *так и так* и его вариантов (осложненных словами-спутниками: частицами *мол, дескать, вот*, вводным словом *говорит*)? Если *так и так* занимает промежуточное положение между словами автора и чужой речью, оно функционально тождественно модальным частицам *мол* и *дескать*, часто сливающимся с ним в едином словесном комплексе (*так, мол, и так; так и так, дескать*) и так же, как и они, является средством субъективной передачи чужих высказываний. Это модальные слова, которые членами предложения, содержащего различные модификации чужой речи, не являются. Если же словосочетанию *так и так* не сопутствует пересказ чужой речи, о содержании которой уже известно из предшествующего авторского повествования, то словесную группу *так и так* нужно рассматривать как полностью «свернутую» (лексически и формально не выраженную) прямую или несобственно-прямую речь с перенесенным в авторский контекст смысловым содержанием. Такое *так и так* информирует слушателя или читателя лишь о самой речевом факте, о факте прямого высказывания. Его содержание можно выразить, прибегнув и к конструкциям прямой или косвенной речи, однако в этих условиях они окажутся избыточными. Полное отсутствие атрибутов прямого высказывания не позволяет построения типа *Прибежала к врачу: так и так* считать конструкциями с прямой речью. «Неразвернутая» передача чужой речи здесь доведена до абсолюта. В этой конструкции *так и так*, выступая как заместитель

чужой речи, а, по сути, указывая лишь на процесс ее пересказа, является лексической группой, обладающей всеми признаками предложения (законченностью, предикативностью, интонационной оформленностью, целостностью). Перед нами бессоюзное соединение предложений «с односторонним отношением частей»: предложение *так и так*, выступая как «эрзац» прямого высказывания, выполняет роль «второй, характеризующей части бессоюзного сочетания».⁷

⁷ Русское языкознание. Вып. 26. - Киев: Киевский университет, 1993.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Отин Е.С. К истории развития формы косвенной речи в древнерусском языке // Филол. науки. 1969. - №3. - С.54-64.
- ² Цитируется по изданию: Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870-1873. - Ч.1-4.
- ³ Древнерусская книжность по материалам Пушкинского дома / Отв. ред. А.М. Панченко. - Л., 1985. - С.138.
- ⁴ Во всех случаях в цитатах сохраняется пунктуация источников.
- ⁵ Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.,1989. - С.234.
- ⁶ Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на Дону, 1929. С.50 (иллюстрации отсутствуют).
- ⁷ Русская грамматика. Т.2. Синтаксис / Отв. ред. Н.Ю.Шведова. - М.,1980. - С.648.

СЛОВА ПОДРАЗУМЕВАЕМОГО ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ

В русском языке существует весьма развитая система лексических средств, выражающих неполное, намеренно прерванное перечисление (например, и другие = и др., и прочие = и пр., и так далее = и т. д., и тому подобное = и т. п.), а также разнообразные их комбинации, графические и произносительные варианты (и так далее, и тому подобное, тэ пэ...).

Чаще всего обрыв перечисления наблюдается в конце предложения, и указанные средства выступают сигналами того, что предложение закончено. Употребление их внутри предложения во-первых, встречается редко и, во-вторых, не отличается тем разнообразием средств и приемов, а также стилистических функций, которые наблюдаются в их финальной позиции. Например: «Нет, эволюционировать не в сторону либерализма, свободы и т.д., а в единственно доступную ей сторону - к тихому маразму» («Огонек», 1992, № 27-28). В исходе таких предложений в течение длительного времени сложилась, по сути, особая стилистика незавершенного перечисления, позволяющая выразить разные эмоционально-экспрессивные оттенки и субъективно-модальные отношения, связанные с той частью содержания предложения, которая содержит неполное перечисление. Причинами его обрыва могут быть: а) малозначительность того, что опущено; б) нежелание более детально продолжать перечисление, так как существующий ряд достаточно информативен; в) восстановимость всего ряда на базе предшествующего текста и г) прием преднамеренного исключения из перечисления с целью принизить значение того, что опущено (особенно

- кто опущен), когда из поля внимания выводится тот или то, кто или что заслуживают быть упомянутыми. Используемые для этого слова следует квалифицировать как средства подразумеваемого, скрытого (имплицитного) перечисления, которое сопровождается намеренным обрывом предшествующего перечислительного ряда. Из семантического объема словосочетания, обозначающего импликацию, говорящий всегда может извлечь дополнительные сведения, представив их в открыто выраженном, эксплицированном сообщении, продолжив тем самым ранее прерванное перечисление, как, например: «И если, вдруг, одно из полушарий начинает превалировать над другим, то человек заболевает расстройством психики, например, паранойей... «Болезнь характеризуется стойким, систематизированным бредом преследования, ревности, изобретательности и др.» - так сказано в Энциклопедическом словаре. В это «др.» входит и мания величия» («Независимая газета». - 1994 г., 16 апр.).

Гораздо реже встречается использование таких слов для обозначения оборванного в самом начале, несостоявшегося перечисления. Они следуют после первого слова возможного словесного ряда, подразумеваемая часть которого имплицитно выражена в замкнувшем его словосочетании: «Ну, пока до свидания! Целую всех и т.д.» (А.М. Горький, из письма к Е.П. Пешковой, 1906 г.); «Спустя несколько дней В.М. Белозерский читал мне письмо Костомарова к нему, что его вызвал к себе Суворов и т.д.» (Л.Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, 1908 г.). Ср. также в середине предложения: «Волшебник-петербуржец сказал, что все формальности с визой и т.п. берет на себя и, кроме Суворова, «нашел» работу в Швеции еще для двух его коллег-друзей» (Комсомольская правда, 1993 г., 18 дек.). В названиях литературных произведений отмечено подобное использование словосочетания «и другие»: «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие» (пьесы А.М. Горького), «Иоганн Гутенберг и другие» (рассказ К. Косцинского), телесериал «Горячев и другие» и т.д.

Почти все слова оборванного перечисления в большей или меньшей степени испытали десемантизацию, связанную с нарушением когда-то ясных смысловых и синтаксических связей в первичных словосочетаниях, которыми обозначалось имплицитное перечисление. Эти исконные, базовые группы слов в современных речевых актах уже

чаще всего не восстанавливаются. Их сокращение протекало в бесчисленном множестве употреблений в живой речи, интонационно богатой и сигуативно ориентированной. В ряде случаев очень трудно реконструировать этот изначальный фрагмент словесного пространства высказывания. Например, для диалектного словосочетания **да чё да** 'и тому подобное', 'и еще кое-что': «Половики ткут да шё да. Фсецины накупили: платье, шубу **да чё да**»¹. Очевидно, из **да чё да чё** (см. ниже об эмфатическом повторении одинаковых слов в разговорной речи).

Каждое из рассматриваемых ниже словосочетаний имеет свою «маленькую историю» и вносит в палитру современных средств, обозначающих оборванное перечисление, свой смысловой и стилистический оттенок.

1. Словосочетание **и прочее (и прочая)** имеет сокращенные орфографические варианты: **и проч.**, и **пр.** Например: «Он передавал планы замышляемых им творений или рассказывал о том, как создает Кукольник, что замышляет Брюлов, какую они выпивку задали накануне **и прочее** (И.И. Панаев. Литературные воспоминания). Вероятно, это средство имплицитного перечисления возникло раньше всех других, которые существуют в современном русском языке. В основе его лежит древнерусское прилагательное **прочий** 'другой', 'следующий'. Его субстантивированная форма среднего рода имела также значение, близкое к семантике существительного **прокъ**, от которого оно было произведено, - 'остаток', а в сочетании с соединительным союзом (**и прочее**) уже в XII в. выполняло роль средства имплицитного перечисления со значением 'и так далее': **Придѣте, поклонимся и пр.**². Этот пример из «Устава Студийского церковного и монастырского» (после 1193 г.) интересен еще тем, что, во-первых, представляет словосочетание **и прочее (или и прочая)** уже в десемантизированном состоянии (отсутствует определяемое прилагательным слово) и, во-вторых, тем, что само это прилагательное, благодаря произошедшей десемантизации, представлено в сокращенной записи, что характерно и для письменной речи нашего времени: «И на этом основании Косого знали больше исправника, и все обращались сперва к нему, а уже потом к исправнику, который, в свою очередь, отсылал к письмоводителю, - **и проч. и проч.**» (Ф. Решетников. Глумовы); «Он начал поговаривать, что он готов

пожертвовать своим себялюбием и проч., и проч.» (Н. С. Лесков. Некуда). Вариант и прочая (старая форма множ. числа среднего рода) в настоящее время (в отличие от почти нейтральных и прочее, и прочие, и проч., и пр.) воспринимается как стилистический архаизм чаще всего с негативной коннотацией, особенно тогда, когда обрыв перечисления сопровождается удвоением этого словосочетания, иногда при парцелляции. Например: «Границы на замке сегодня не столько по военным, сколько по экономическим соображениям, от нашей бедности - хилой экономики, плохих товаров, неконвертируемого рубля и прочая» («Известия», 1990 г., 21 авг.); «Появляясь в официальных программах, они бодро заявляют, что народ де обещаниями сыт по горло (и это святая правда!), поэтому они обещать ничего не будут, а просто придут и выведут Украину из экономического тупика, расправятся с мафией и криминальным беспределом, защитят и накормят бедных, возродят культуру и прочая, и прочая» («Известия», 1994 г., 17 марта). В наших материалах самый ранний случай эмфатического удвоения словосочетания и прочее в конце оборванного перечислительного ряда относится к концу XVIII в.: «Надлежало класть к ней печи, оклеить ее (комнату. - Е. О.) обоями, подбелить потолки, делать перегородки и прочее, и прочее»³. Следует отметить, что и в тексте «Жизни и приключений Андрея Болотова...» (откуда взят этот отрывок), насыщенном народной лексикой и разговорными интонациями, нередки и другие подобные эмфатические повторы: **езде и езде, что и что, все и все, где и где, гораздо и гораздо, весьма и весьма** (последний из них, так же, как и прочее, и прочее, сохраняется в современной разговорной речи). Это позволяет говорить о народно-разговорных истоках интересующего нас эмфатического повтора.

2 Словосочетание и иже с ним (ними), содержащее застывшую форму древнерусского относительного местоимения мужского рода в единственном числе иже со значением 'который': «Если же они решат кончить эту неумную историю административным порядком - я немедленно возобновлю ее, но уже в более широком масштабе, более ярком свете и - добыюсь суда для себя = позора для семейства гг. Романовых и иже с ними» (А.М. Горький, из письма к К.Н.Пятницкому, 1905 г.). Ср. внутри предложения: «Распутин и иже с ним относятся к изобразителям в литературе - но для того существуют свои отрасли: живопись, фотография...» («Книжное обозрение», 1991

г., № 26; из интервью с В. Пьецухом). Особенность этого средства имплицитного перечисления в том, что оно всегда имеет перед собой только одно (первое) слово из мыслимого ряда перечислений, которое всегда - антропоним (фамилия). В этом его функциональная схожесть с такими словами-импликаторами, как и К° (= и компания) и со товарищи, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, все они являются носителями чаще всего фамильярно-негативного отношения к владельцу этой фамилии в отличие от словосочетания и другие = и др., почти всегда выступающего как нейтральный импликатор, хотя и тут в отдельных случаях возможно появление эффекта уничижительности, вызванного включением антропонима в перечислительный ряд непосредственно перед этим импликатором. Такая «малочетная» позиция чьей-либо фамилии может вызвать у ее владельца болезненную реакцию. Позиция «перед и др.» нейтрализуется перечислением фамилий в алфавитном порядке.

3 В старорусском языке существовали и другие средства имплицитного перечисления, которые позднее были им утрачены или же сохранились в современном языке, но с изменившимися стилистическими функциями или в переосмысленном, семантически «осовремененном» состоянии. Например, полностью был утрачен сравнительно редко встречающийся в текстах способ передачи прерванного перечисления с помощью существительного *всячина*, известный в XVI-XVII в.в. Например, в «Путешествии в Святую землю священника Лукьянова»: «В Царѣградѣ всякія парчи тѹрки сами ткѹтъ, камки, отласы, бархаты, тафты и *всячину*»⁴; «Тѹтъ мы гѹляли по городу и всякій харч покупали, и вино, и виноградъ, и арбузы, и дыни, *всячину* на пѹтное шествіе»⁵. Но в то же время обнаруживается множество случаев использования в текстах импликаторного словосочетания со товарищи, в котором слово товарищ (в старой форме творительного падежа множ. числа) уже утратило свои значения 'помощник', 'подельник', 'сообщник', 'приятель', в этой функции приближаясь к значению 'и другие, и подобные'. Например: «А въ прежнихъ въ писцовыхъ книгахъ та рѣка Пьяна и озерка за кермарскою мордовою, за Тереею с *товарищи*, да за Сюльдею Олексеѣвымъ сз *товарищи* именно не написана» (из оброчной выписи 2-й пол. XVI в.); «А тою де рѣкою Пьяною и тѣми озерки владѣютъ вадцкая мордва Сюлда сз *товарищи*, да кельмарская мордва Тѹря сз *товарищи*...»

(1587 г.)⁶. Десемантизация существительного в этом словосочетании могла быть настолько значительной, что оно употреблялось и после слов, обозначающих животных, рыб и даже неодушевленные предметы. Например, в том же «Путешествии...» И. Лукьянова: «Турки разводят всякіе цветы - понъ *с товарищи...*»; «А я сядя (да только что нельзя смѣяться) да думаю: куда, молъ, греки-то велнчавы! Мнять, что на Москвѣ то рыбы нѣтъ! А бываетъ бы и рыба-то какая завистная! А то наши пескори, окүни, головни, язы да коропатицы *съ товарищи*, раки съ раковинными мясами и всякая движущаяся въ водахъ»⁷. Ср. также в речи одного из персонажей пьесы П.А. Плавильщикова «Сиделец» (1803 г.): «Правда ваша, правда; я-намерен был милости твоей прелодить: имеется у меня домик, тысяч десятка другого и побольше стоит; я бы ста милости твоей за дочьерью то и отдал; а там хоть себя оборвать, сгоношил бы и платьецо кое-какое и жемчужку с товарищи...»

Со значением 'и другие, подобные (чем-то, связанные друг с другом)' этот импликатор употребляется и сейчас, иногда сливаясь в одно слово (*сотоварищи*): «Но когда к рулю пришли такие военачальники, как Жуков, Рокоссовский, Конев *сотоварищи*, положение стало меняться» (Ю. Друнина. «Туча над темной Россией...». - «Правда», 1990 г., 15 сент.); «О скандальной ситуации, создавшейся вокруг губернатора Приморского края Евгения Наздратенко *со товарищи* пишет журналистка Наталья Островская» («Известия», 1993 г., 1 дек.); «По мнению известного публициста, ситуация осложняется еще и тем, что российские социал-демократы в лице академика Шаталина *со товарищи* сегодня усиленно «прокладывают дорогу к власти махровым коммунистам» («Известия», 1994 г., 12 февр.); «Руховцы в долгу не остались - обвинили в том же не только УРП, но КНДС *сотоварищи*» («Весть», 1994 г., 14 янв; издается в Донецке). Очевидно, вследствие цельного восприятия этого словосочетания возникло «книжное» слово *сотоварищ* 'товарищ по общему делу' - как результат обратного формообразования и семантического сближения со словом *товарищ* в его свободном употреблении (*сотоварищи* → *сотоварищ*): «Он был смирный парень, и ему доставалось много побоев от своих *сотоварищей* и прочей братии» (Ф.Решетников. Макс, 1864 г.); «Надо включать на полную катушку мозги и интеллект и искать выходы из положения. Как ищут его и находят директор ДМЗ

Владимир Следнев с сотоварищами из «Донецкугля» и Авдеевского коксохима» («Донецкие новости», 1992 г., № 9).

Отмечены случаи проникновения в значение словосочетания **со товарищи** 'и другие' некоторых других значений существительного **товарищ**, реализуемых в его свободном употреблении ('приятель', 'член партийного коллектива' и др.), что приводит к каламбурному использованию этого словосочетания, как, например, в следующих отрывках: «В другой раз, уже будучи исключен из студентов и служа учеником наборщика в Академической типографии, (Барков) снова буйствовал **со товарищи**»⁸; «А дело было так. В столице Беларуси, куда прибыли Бурокаявичус с Ермолявичусом, было намечено провести заседание союзного политического консультативного совета рабочих и коммунистических партий. Сидели они утром **со товарищи**, мирно попивали чаек» («Комсомольская правда», 1994 г., 20 янв.).

4. Одним из самых распространенных средств обозначения прерванного перечисления является словосочетание **и так далее**, изредка - **и так дальше**. Иногда оно выступает как синоним к **и другие** (= и др.), но чаще в тех случаях, когда происходит обрыв каких-то относительно полных и самостоятельных частей сообщения. Это средство нередко используется при эмфатическом повторе, свидетельствующем о том, что из перечисления выводится большой «кусочек» информации, но перечислительный ряд при желании может быть существенно продолжен. Такой повтор как бы увеличивает скрытую семантическую емкость словосочетания, которым заканчивается прерванное перечисление. Словосочетание **и так далее** здесь выступает как в полной форме, так и в сокращенной записи: «Иван Степаныч ворчал: - Ну, вот теперь и живи, как хочешь... Нам бы все только плясать, петь... Мы, матушка, не птицы небесные... Да-с!.. Вот нынче говядинка-то, говорят, по двенадцать копеечек-с... А отец-то и так уж умаялся, у него уж поясница болит, седина в бороде... Пора бы почувствовать, - и т. д., и т. д.» (Н. Златовратский. Крестьяне присяжные); «Вскоре появилась поэма «Исповедь хулигана», за нею книга того же названия и вслед, через некоторые промежутки, «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» и т.д., и т.д. во всевозможных вариациях и на бесчисленное число ладов» (А. Мариенгоф. Роман без вранья). Иногда встречаются и троекратные эмфатические повторы: «Чтобы избежать унижений, я старался объявить их

несуществующими, оправдать их недостатком образования... результатом каких-то бед и обид..., ложно представленным чувством справедливости - и т.д., и т.д., и т.д.». (А. Мелихов. Изгнание из Эдема). Намеренный обрыв перечислительного ряда может быть интонационно подчеркнут путем парцелляции слов подразумеваемого (имплицитного) перечисления в их разнообразных произносительных и орфографических вариантах и комбинациях: «Несколько раз, подавая робкие реплики, назвал атеистов мерзавцами и дураками. И так далее» (К. Чуковский. Дневник 1901-1929); «Бережно хранил полученные от нее телеграммы: «Решительно возражаю». «Категорически не согласна». «Условия считаю неприемлемыми». И так далее» (Г. Владимов. Не обращайтесь внимания, маэстро!); «А торговал Владимир Константинович листками нетрудоспособности. Пациенту С. три дня ложного недомогания обошлось в 15 рублей. И за пять дней выложил четвертной. И т.д., и т.п.» (Московская правда, 1990 г., 28 окт.).

Объединенные в эмфатическом повторе синонимичные словосочетания в сокращенной записи и т.д., и т.п., произносятся по-разному: как полные слова и по названиям букв (и тэ-дэ, и тэ-пэ). Последний вариант произношения, передаваемый на письме при помощи названий букв, почти всегда вызывает эффект небрежного, иногда пренебрежительного обрыва перечислительного ряда. Это относится и к случаям одиночного употребления побуквенно прочтенных словосочетаний. Например: «Я берусь хлопотать о водазах, назначу судебно-биологическую экспертизу и вместе с Вербовым займусь рыболовами, туристами и тэ дэ...» («Неделя», 1989 г., № 21); «И каждый вечер несут в серебристых кастрюльках дымящуюся стерлядь, переложенную раковыми шейками и свежей икрой; яйцо кокошт с шампиньоновым пюре в чашечках, и филейчики из дроздов с трюфелями, и перепела по-генуэзски, и тэ дэ» («Огонек», 1992 г., № 27-28); «Домик Чехова, культурная программа, Ласточкино гнездо и тэ дэ и тэ дэ...» («Донецкие новости», 1993 г., № 31). Такое побуквенное произнесение удвоенного словосочетания в сокращенной записи (и т.д. и т.п.) позволило использовать его - с целью создания комического эффекта - для какофонического заголовка статьи, сплошь состоящего из аббревиатурных названий политических партий и движений, в газете «Известия» (1993 г., 2 дек): «ТВ: ДПР, КПР, ЛДПР

,ПД «ЖЭРэ», ОПД «Дэ и Мэ» и т.д. и т.п.» В статье рассказывается о политической рекламной кампании перед выборами в Государственную думу (ОПД «Дэ и Мэ» - Общефедеральное политическое движение «Достоинство и милосердие», ПД «ЖЭРэ» - политическое движение «Женщины России»).

Почти всегда словосочетание **и так далее** (= и т.д.) следует после полнозначных слов в перечислительном ряду и очень редко появляется на месте его обрыва после слов служебных или же на месте обрыва предложения при отсутствии перечисления, как, например: «Ужасался, хватаясь за голову, от одного только известия, что существуют люди, кот^{орые}» в церковь ходят, чтобы пошухутаться, показаться, а не - и т. д.» (К. Чуковский. Дневник 1901-1929); «К счастью, никто, кроме ее, этого не заметил, а то... и т.д.» (С.Я Надсон Дневник, 1875 г.)

В текстах второй половины XIX - начала XX в.в. отмечаются также редкие случаи расширения этого словосочетания другими словами или группами слов. Одна из них - «в этом (же) роде»: «Язык рассказов таков: «Обедали селедку с луком и уксусом, потом - картофель в мундире», «Отец-то вроде с ума свихнулся под горячку» и **так далее все в этом роде**» (М.Горький. О грамотности); «Там служить, образовывать изящную бюрократию, поддерживать салоны, давать направление искусству **и все так далее, в этом же роде**» (А.И.Эртель. Записки Степняка); «Ничего подобного Иордан не говорит, у него стоит «ушла в горы», а какие - кто их знает», - отвечает В.Г., и т.д. в **этом роде**» (Л.Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого); « - Нет, он, надо полагать, не полоумный. Надо ему поздравлины сделать. - **И т.д., все в этом роде**» (Ф.Решетников. Глумовы).

5. Семантически и функционально близка к словосочетаниям **и так далее** (и т.д.), и другие (и др.) словесная группа и тому подобное (подобные, и т.п.). Эта их близость позволяет им свободно участвовать в образовании эмфатического повтора и т.д. и т.п. Крайне редко оно проникает в другие повторы. В «Антисексусе» А. Платонова зафиксирован повтор **и пр. и т.п.**⁹ Сокращенная запись **и т.п.** стала привычной уже во 2-ой пол. XIX в. Ограничимся одним примером: «Отмена поборов имела большое влияние на благосостояние крестьян: они не только перестали даром отдавать баранов, свиней, поросят, кур, яйца и т.п., но стали нам продавать все эти продукты для домашнего обихода...» (Н.А.Гучкова-Огарева. Воспоминания).

6. Словосочетания и другие (и др.), и прочие (и пр.) могут вступать в синонимические отношения. Если первое из них - одно из самых распространенных нейтральных средств имплицитного перечисления, то второе может быть использовано как пейоративное словосочетание. Эти различия в их стилистических оценках, например, очень тонко использованы в тексте заметки, напечатанной 2 февраля 1994 г. в «Литературной газете», где рассказывается о заседании суда, на котором произошел сердечный приступ у писателя А. Адамовича, приведший его к смерти: «Идею независимого и деполитизированного Литфонда и пришли отстаивать в Верховный суд писатели - Булат Окуджава и Алесь Адамович, Григорий Бакланов и Анатолий Приставкин, Александр Борщаговский, Андрей Нуйкин и другие. Противники этой идеи - Ю. Бондарев и П. Проскурин, А. Ларионов, Б. Шереметьев, В. Марченко, Ф. Чуев и прочие. С. Михалков также участвовал в этой их акции». Примечательно что негативное отношение к «акций» писателей последней группы подчеркнуто не только словосочетанием и прочие, но и отсутствием полной формы их имен.

7 Уже в первой половине прошлого века существовали и другие словесные средства имплицитного перечисления. Они встречаются и в современной разговорной речи, характерны для ее стиля. Это словосочетания и то и се; да то, да се; то да се; то-се; то-другое: «У такого-де, сударыня, тысяча душ да столько-то доходу, да то, да се» (М.Н. Загоскин. Три жениха); «... А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что колят во все стороны и лезут ко двору, и говорят, что они патриоты, и то и се: аренды хотят эти патриоты!» (Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего); «Завтра приказчик призывает его к себе: «Ты как, говорит, смеешь бить жену? Знаешь, она тебе закон, то, другое...» (Н. Успенский. Старуха); «Ведь в конце января тебя не пустят! Пьеса Горького, то да се. Такая уж, значит, моя планида» (А.П. Чехов, из письма к О.Л. Книппер от 5 янв. 1902 г.); «За человека не считаете, и то и се!» (И.С. Шмелев. Человек из ресторана); «Купил я по случаю угодишко одно, перед войной еще дело было, винограднички, садик-огородик, то-се.» (А. Малышкин. Севастополь.); « - Ходил ко мне один доктор, - рассказывает Анатолий Николаевич Гробовец... - Сначала: нельзя ли еще полставки в больнице, семья большая, то-се...» («Литературная газета», 1986 г., 30 апр.). В примерах из произведений

М. Загоскина и Н. Гоголя словосочетания представлены в своем первичном виде - с повторяющимися соединительными союзами, тогда как в современной речи оба союза часто опускаются (то-се).

Возможно также распространение этих словосочетаний за счет порядковых числительных среднего рода пятое и десятое, способных объединяться в одну пару. Это вносит в обрыв перечислительного ряда оттенок фамильярной непринужденности, подчеркнутой небрежности: «На третий день после приезда Грибоедова я был у его матери, Настасьи Федоровны, и она с обычной своей заносчивостью ругала Грибоедова: «карбонари», и то, и се, и десятое», - писал С.Н. Бегичев¹⁰; «То есть когда говорят: Россия, Родина, то-се, пятое-десятое, мы специфическая душа... Господь Бог души не распределяет согласно географическому принципу: вот это будет чешская, это бразильская, а вот эта - русская...» (И. Бродский. «Нет правых и виноватых и никогда не будет» - «Литературная газета», 1994 г., 12 янв.).

8. В русском языке имеется группа слов, выполняющих функцию имплицитного перечисления, которые попали в него из европейских языков. Самым распространенным из них является *et cetera* (сокращенно - *etc.*), имеющее значения 'и так далее', 'и прочие', 'и тому подобные (подобное)'. Оно появляется, вероятно, в конце XVIII-начале XIX вв., проникая в язык художественной литературы, а также писем русских писателей и общественных деятелей, свободно владеющих французским языком, через посредство которого наш язык усвоил это словосочетание. См. примеры его употребления в письмах А.И. Тургенева (1817 г.), П.А. Катенина (1828 г.) и др. Об этом свидетельствует акцентологический вариант с ударением на последнем слоге, более частый, чем вариант с ударным начальным слогом (*эт цётэра*), восходящий к латинскому словосочетанию *et cetera* 'и остальные, другие, прочие'. Ср. латинский оборот *ceteraque (his) similia* 'и прочее и тому подобное', в состав которого входит базовый компонент *ceteraque*, тождественный русским *и так далее, и прочее, и другие*¹¹. Французский акцентологический вариант отразился и в поэтической речи А.С. Пушкина: «Да нельзя // увидеть мне Филлиду эту, // Предмет и мыслей, и пера, // И слез, и рифм *et cetera*» («Евгений Онегин», II, 2). Употребление *et cetera* и *etc.* в письменном прозаическом тексте не позволяет выявить, какой произносительный вариант употребляют авторы, например: «Они хотели п(атриарха) Тихона

совершенно устранить, а теперь он выступает, служит etc. « (М. Булгаков. Под пятой. Мой дневник 1923 года;) «Моя тайная война», естественно, на прилавки книжных магазинов не попала - законы дефицита охватывают у нас не только икру и сервилат, но и литературу о шпионаже, - разлетелась по солидным ведомствам: ЦК, КГБ, МО et cetera (М. Любимов. Две жизни Кима Филби. - «Совершенно секретно», 1990 г., № 6, с. 28).

В языке произведений литературы и в письмах XIX в. отмечаются случаи эмфатического повторения этого словосочетания, как, например, у А.И. Герцена в «Записках одного молодого человека»: «Но скучна будет иллиада человека обыкновенного, ничего не совершившего, и жизнь наша течет теперь по такому прозаическому, гладко скошенному полю, так исполнена благоразумия и осторожности etc., etc.» Зарегистрированы также случаи троекратного эмфатического повторения (etc., etc., etc.) - в письмах П.А. Корсакова к М.Н. Загоскину (1830 г.), П.А. Катенина к Н.И. Бахтину (1834 г.) и др.

В современном языке, обладающем развитой системой семантически и стилистически дифференцированных средств имплицитного перечисления, употребление et cetera (etc.) всегда связано с выполнением функции стилистического контрастирования. Особенно заметно она, например, в следующем отрывке из поэмы Т. Кабирова «Сортиры», где этот варваризм, известный образованным людям, неожиданно сталкивается со стилистически сниженной лексикой «абсолютного низа», которой написана значительная часть поэмы: «И Муза, диспепсией обуяна, // забыв, что мир спасает красота, // зовет меня в отхожие места - // В сортиры, нужники, ватерклозеты, // etc.» И здесь ритм стиха указывает на французский, а не на латинский вариант произношения этого словосочетания.

Следует отметить еще один своеобразный прием использования этого заключающего перечислительный ряд галлицизма. В ряде периодических изданий существует особый раздел, находящийся в самом конце, где публикуется второстепенный, но занимательный материал. Для него используют непривычные и даже экстравагантные названия - «Всякая всячина», «Камчатка» и т.д. Таким названием для завершающего раздела в газете «Весть» (г. Донецк) является «Et cetera».

Редко употребительны в современном языке заимствованные из итальянского словосочетания *tutti frutti* и *tutti quanti*. Исконное

значение первого из них - 'все (разные) фрукты'. Затем развились производные 'всякая всячина', 'все прочие, все прочее' и 'смесь'¹². Использование этого словосочетания (как впрочем, и *tutti quanti*) почти всегда сопряжено с неодобрительным и даже пренебрежительным отношением к предметам перечисления: «Катков здесь, и Любимов, и Мещерский, и *tutti frutti*» (Н.С. Лесков, из письма Ф. А. Терновскому от 19 янв. 1883 г.). С известным еще в первой половине XIX в. значением «смесь» (в языке писателей, журналистов, издателей) это слово в специальных целях используется и сейчас: в газете «Город» (Донецк) так названа рубрика, где публикуется краткая информация - «всякая всячина»

В роли средства обобщенного, или имплицитного, перечисления словосочетание *tutti quanti* в настоящее время уже не используется. Но оно встречается в художественных, публицистических и эпистолярных текстах прошлого и начала нашего века - А.С. Пушкина, А.И. Герцена, Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.Г. Белинского, А.П. Чехова и др., имея значения 'ему (ей, им) подобные', 'тому подобные', 'и прочие'¹³: «Вот я ненавижу этих Худояровых и *tutti quanti*» (И.Е.Репин. Далекое близкое); «Виллона, Микель-Анжело, Челини, Шекспира, Мольера, Рембрандта, Пушкина, Бодлера, Достоевского *tutti quanti* - можно ли причислять к людям «*commeil-faut*»? (Ю.Анненков. Дневник моих встреч).

9 В связи с активным развитием в русском языке со второй половины XIX - начала XX вв. особого онимного поля, состоящего из названий различных деловых объединений людей (заводов, фабрик, рудников, банков, акционерных обществ, компаний и т.д.) - эргонимов, во множестве появляются собственные имена с буквенным компонентом К°, произносимым как «компания». Например: «Осенью 1863 г. я принял на себя управление типографией Н. Таблен и К°» (Л.Ф.Пантелеев. Из воспоминаний прошлого). Ср. подобные эргонимы этого времени «Гинзбург и К°» (уральские железодетальные заводы), «Фридрих Крон и К°», «Сну и К°» и др.¹⁴

Со временем этот буквенный компонент эргонимов отрывается от них и приобретает способность выступать в роли эквивалента полного слова компания, как, например, в очерке Л.Ф.Пантелеева «Из сибирских воспоминаний» (1916 г.): «Я прибыл в Красноярск в августе 1866 г., а в конце марта 1867 г. был уже на северных приисках К°

(читается: **компани**. - *Е.О.*) Латкина». Или в письме А.М. Горького к Пятницкому от 4 или 5 марта 1908 г.: «Какое читать письмо Куприна и К° против статьи в газете Старцева? И последовательные отказы К° (читается: **компани**. - *Е.О.*) от подписей?» Насколько нам известно, такое употребление эргонимного компонента К° в настоящее время не встречается. Далее он становится синонимом таких слов имплицитного перечисления, как и **другие**, и **прочие**, со **товарищи**.

Словосочетание и **компания** (в записи: и К°) обладает следующими особенностями: во-первых, ему, как и со **товарищи**, чаще всего предшествует одно слово - антропоним (исключения редки); во-вторых, в современной речи оно почти всегда имеет негативно-оценочную окраску, близкую к и **иже с ним(и)** или *tutti frutti*. Кстати, последняя в русском языке еще начала XX века не была так сильно выражена, как теперь, и в текстах этого времени отмечается немало употреблений К° при отсутствии пейоративной коннотации или с недостаточно четко выраженным авторским отношением к носителю предшествующей фамилии. Здесь можно говорить лишь об оттенке фамильярности, оживлении стиля сообщения оборотом, свойственным разговорной речи. Это следует иметь в виду, потому что на восприятие таких текстов современным читателем невольно влияет всегда пейоративная окраска этого словосочетания, связанная с неуважительным или резко отрицательным отношением к лицу, чья фамилия находится перед и К°. Ср. употребление такого «нейтрального» и К° (= и **компания**) в тексте мемуаров Л.Ф.Пантелеева «Из воспоминаний прошлого»: «После обеда сын Иванова, только что покинувший пятый класс гимназии, увел меня в сад и там после разговора о деле Г.Н.Потанина и К° (т.е. «его товарищей, единомышленников». - *Е.О.*) держал такую речь»; «Осенью 1864 г. я получил из Петропавловской крепости письмо от моего товарища, Петра Васильевича Пушторского, сидевшего в Алексеевском рavelине по политическому делу (оговорил Андрущенко; см. дело Ю.М. Мосолова и К°)»; «В конце 1859 г. или самом начале 1860 г. он был назначен Паниным на следствие по делу киево-харьковских студентов (Бекман и К°)» и др.

Но у него же встречаются примеры с пейоративным и К° (один из них: «...Основа материалистической философии Брюхнера и К° такая же чистая метафизика, как и та, против которой они выступали»). Уже

в качестве косвенно характеризующего (в негативном плане) средства использует это словосочетание современник Л.Ф.Пантелеева М.Горький: «Новость: приходила Марья Водовозова и сообщила следующее: идеалисты - Булгаков, Бердяев, Франк и К^о - входят в «Новый путь» - устрняя из него гг. Философа, Крайнего= З.Гиппиус и К^о» (из письма к К.П. Пятницкому 18 или 19 сентября 1904 г.); «Но поскольку и Вы сливаетесь с Арцибашевым и К^о - мне искренно грустно за Вас и жаль Вашего таланта» (из письма к Д.Я.Айзману от 8 апр.1908 г.) и др. Но с другой стороны, сравните полное отсутствие пейоративной коннотации у этого словосочетания в тексте письма М.Горького к Е.С. Добину, написанном в марте 1933 г.: «Утереть носы литераторам указанием на «их слабую осведомленность» по истории всепобеждающего труда - тоже следует, но мы этого не сделаем на материале, Вами указанном, ибо Киплинг, Лондон и К^о тоже ведь не очень осведомлены по этой линии». Таким образом, насыщение негативной коннотацией этого словосочетания происходило в течение длительного периода. В языке нашего времени оно функционирует уже только как косвенно характеризующее средство по отношению к тем лицам, чьи фамилии или имена составляют прерванный перечислительный ряд.

* Проблемы функционального и структурного анализа. Донецк: ДонГУ, 1994.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Словарь русских говоров Среднего Урала.- Свердловск: 1964. - С.131.
- ² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. - Т.2: СПб.1895. - 1802 с.
- ³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. - Ч.IV: СПб. 1873. - С.24.
- ⁴ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. - 1863. - (шесть выпусков) - Вып. 2. -С.133.
- ⁵ Там же. - Вып. 3 - С.227.
- ⁶ Шумаков С. Сотницы (1537 - 1597 г.г.), грамоты и записи (1561 - 1696 г.г.) // Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. - 1902. - Кн. 2, отд. 1 - С. 1-235.
- ⁷ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. - 1863. - (шесть выпусков) - Вып. 2. -С.140.
- ⁸ Барков и барковиана. - СПб.:ТОО «Рондо», 1992. - С.15.
- ⁹ Платонов А. Антисексус // Новый мир. - 1988. - №9. - С.174.
- ¹⁰ Грибоедов А.С. Сочинения. - М.: ГИХЛ, 1953. - С.714.
- ¹¹ Латинско-русский словарь. Составили И.Х. Дворецкий и проф. Д.Н. Корольков. - М.:Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. -С.157.

- ¹² Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. В двух книгах: М. - Л.: Изд-во «Наука», 1966. - 1344 с. (пагинация в двух книгах сквозная). - С.1265.
- ¹³ Там же. - С.1265-1266.
- ¹⁴ Подробнее см.: Отин Е.С. Номинационные процессы в русской эргономии XX века (название промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации. - Донецк: ДонГУ, 1993. - С.83-84.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ДО ЕТИМОЛОГІЇ СЛОВА *ТОВАРИШ*'

У багатьох мовах навколо смислових джерел сучасних слів, які виражають поняття *товариш, друг, приятель*, групуються різноманітні значення. Абстрактне значення вказаних слів - наслідок тривалого семантичного розвитку іменників цієї групи, що, відбиваючи певні соціально-побутові реалії, мали колись конкретне значення. Так, поширене в європейських мовах латинське слово *collēga* в мові-джерелі мало значення «спільно обраний», литовське *bičulis, -lė* «приятель(-ка), друг (подруга)» (пор. *bičulyste* «дружба») етимологічне пов'язане з *bičiūs*, «бджоляр, пасічник» та через нього з *bitė* «бджола»; чуваське *йолдаш (ялдаш)* «товариш, щирий друг» первісно значило «супутник» (*йол* «дорога» + суфікс із значенням особи за ознакою співучасті у чомусь) і т.д. Ми вже не говоримо про слова з ще не стертою метафоричністю типу *однокашник, односум* (уживане колись у мові козаків)¹

У ряді слов'янських мов поняття «людина, близька до когось своїми поглядами та діяльністю» розвивається на основі одного із значень слова *товар*².

В етимологічних словниках та в окремих розвідках останнім часом усталилася думка про походження слова *товариш* (рос. *товарищ*) з гіпотетично реконструйованого тюркського словосполучення *tavar iš*.³ Останнє слово в ньому означає «друг», а все словосполучення перекладається як «компаньйон у торгівлі» (як відомо, у тюркських мовах іменник, що стоїть перед іншим іменником, виконує функцію означення).

Розкриттю етимології слова *товариш* заважає не тільки невизначеність значення його «кореневої» частини, але й складність семантико-фонетичної природи кінцевого «суфіксального» елемента -

иш (рос. *-иш*, білорус. *-ышч*, польськ. *-ysz*, чеськ. *-yš*, словацьк. *-iš* і т.д.). Цей, за словами О. Брюкнера, «винятковий суфікс»⁴ уже здавна почав осмислюватись як словотворчий елемент, про що свідчить його здатність до заміни родовою корелятою в російському слові *товарка*⁵ (пор. укр. *товаришка*, де суфікс *-иш* уже належить непохідній основі)⁶

Якщо припущення про те, що слово *товариш* виникло з тюркського словосполучення *tavar iš* (до речі, ніде, здається, не зареєстрованого), цілком імовірно з семантичної точки зору,⁷ то походження слов'янського *иш* із згаданого *iš* пояснити важко. Твердий кінцевий шиплячий в українському слові *товариш* - результат диспалаталізації давньоруського *иц*, який є первісним відображенням якогось тюркського шиплячого звука на східнослов'янському ґрунті.

Навряд чи давньоруське *иц* у кінці слова з'явилось як відтворення палатального характеру тюркського *š*. У тюркських мовах цей звук відсутній у переліку можливих кінцевих приголосних типу *j* (тобто передньо- і середньоязичних звуків): у кінці слів можливий лише *š*, який генетично є варіантом фонем *š̄*. Таким чином, у ході фонетичної субституції виключались обидва види звукової співвідносності *-š//иц* (ш'ч') та *š̄//иц* (ш'ч'). Залишається припустити інший вид звукової кореляції, що в свою чергу пов'язане із зміною уявлення про тюркську «праформу» запозиченого слов'янами слова *товариш* (давньоруське *товариць*). Мабуть, такою «праформою» було тюркське *tavar išči*, де другим членом словосполучення виступав іменник з групи *nomina agentis*: *iš* (*is, äš, äs*) «робота» + суфікс *-či* - «робітник». Форма *išči* ресструється у пам'ятках давньотюркської писемності⁸.

Важко сказати, яке із значень тюркського слова *tavar* реалізувалося у згаданому нами словосполученні *tavar išči* (до речі, не можна однозначно розв'язати це питання і стосовно словосполучення *tavar iš*). Найімовірніше ним могло бути або значення «худоба» (як предмет торгівлі⁹), або «вантаж, вага, в'юк»¹¹. У першому випадку *tavar išči* - це «той, хто допомагає купцеві в торгівлі худобою», «скотар», у другому - «вантажник, переносник важких речей», тобто знову-таки помічник купця в торговельних поїздках, молодший член купецького каравану, синонім іншого тюркського слова - *jukči* «носильник»¹². Це, очевидно, втрачене східнослов'янськими мовами, значення слова *товар* зберігають сучасні південнослов'янські мови. Пор. болг. *товар* «вага; тягар», *товарач* «ношпильник», сербськ *товар* «вага, ноша; в'язка, в'юк»,

товарач «носильник», словенськ. *tovor* «тягар, вага, ноша», *tovorni konj* «ломовий кінь», македонськ. *товар* «вага, тягар» та ін. Деякі слов'янські мови зберігають і тепер застаріле значення слова *товариш*, а саме «помічник». Пор. укр. і рос. *товариш прокурора, товариш министра*, чеськ. *tovaryš*, словацьк. *tovaříš* «підмайстер» та ін.

Форма *товариш* виникає на основі лексеми **товаришчї* внаслідок формотворчого процесу, який мав зворотний напрям: тюркізм **товаришчї* (<*tavar išči*) почав усвідомлюватись слов'янами як форма множини, звідки закономірно з'явилась і форма з нульовою флексією - *товаришч* (*tavar'is'č*), що заповнила порожню клітину в парадигмі. Викладена вище етимологія, на наш погляд, має більш надійний фонетичний критерій, ніж загальноновживана. Тому що спирається на цілком реальний тип субституційних відповідностей: *šč* // *š'č'* замість *š'//š'č'*. З іншого боку, із східнослов'янським *ш* (на ранньому ступені його розвитку -*ш'ч'*¹³) надійно співвідносяться сучасні українське *ш* (наслідок диспалаталізації та скорочення *š'č'*), російське *ш* і білоруське *шч* (із збереженням проривного елемента африкати).

Слово *товариш*, крім східнослов'янських, відоме всім західнослов'янським мовам; з південнослов'янських воно є лише у словенській мові. Є деякі підстави вважати, що у західнослов'янські мови (а з них і в словенську) слово *товариш* потрапило із східнослов'янських діалектів, причому запозичення це відбулося ще в давньоруський період - до ствердіння *р* у південних та південно-західних діалектах і, мабуть, до переходу етимологічного *ї* у передньо-середній звук *и*. Про це свідчить розвиток перехідного звука в давньочеській та давньопольській мовах¹⁴.

Час запозичення давньоруською мовою слова *товаришч* визначити важко. Вперше у пам'ятках воно реєструється лише з кінця XIV ст¹⁵. Можна вважати, що це один з ранніх орієнталізмів, який увійшов до словникового складу давньоруської мови внаслідок інтенсивних торговельних стосунків східних слов'ян з тюрками. Вагому роль у цьому запозиченні могла відіграти воловецька мова, яка в домонгольську епоху набула значення важливого засобу міжнаціонального спілкування в купецькому середовищі на півдні Східної Європи¹⁶.

Взагалі запозичення тюркізмів з агентивним суфіксом -*чи* в слов'янських мовах неодноразово супроводжувалось

5. 848

переоформленням цього форманта. Подекуди це було «зворотне» утворення форми, якої бракувало мові. Такі суфіксальні побудови, як *басмачи*, *палачи* (припущення М.І. Дмитрієва) та **товаришчи*, породжують псевдоформи однини *басмач* (пор. узбецьке *басма* «напад», *басмачи* «грабіжник»), *палач* (пор. турецьке *пала* «короткий двосічний меч»), *товариш* (< *товар'иш'ч*)¹⁷. В інших випадках суфікс *-чи* фонетичне пристосовується до слов'янських агентивних суфіксів. На думку М.І. Дмитрієва, такого походження в російській мові слова *казначей* (< *казначи* «скарбничий»), *кощей* (< *кошчи* «вершник, їдова челядь»), *ямщик*. (<*ямчи*) та ін. Деякі лінгвісти невинуватно зараховують у групу з суфіксом *-чи* слово *толмач*¹⁸ (уже в «Куманському кодексі» *толмач*, *тилмач*).

Кілька зауважень щодо історії слова *товариш*. Найбільш повно її можна простежити у мові пам'яток російської писемності. Аж до XIX ст. у цьому слові найбільш активно виявлялось значення «молодший (рідше - рівноправний) партнер у якійсь справі». У цей період слова *товариш* і *друг* рідше вступали в синонімічний зв'язок, ніж у наш час, тому що вживання першого з них не завжди пов'язувалось з відображенням інтимних людських відносин. В одній з молитв XV ст. є навіть прохання, щоб «господь, отець наш» захистив «от товарища немилосерда»¹⁹. В актах XVII-XVIII ст. є цікаві з цього погляду свідчення про те, що на допиті «вори» часто не пам'ятають імен своїх товаришів²⁰. Особливо часто слово *товариш* (*товариц*) в XVII-XVIII ст. вживається у значенні «помічник». «Со товарищи» відряджаються у далекі подорожі купці та царські посланці, причому в почті посланців звичайно відмежовуються власне «товариші» (товмачі, сотники тощо) від слуг або просто «людей». На випадок смерті посла його функції виконував один з його «товаришів». Отамани донських станиць, що їх регулярно відряджали у Москву за царським жалуванням, часто мали на послугах денщиків - «молодих товаришів», на долю яких завжди припадало менше «дачі», ніж її одержували інші козаки станиці.

Широко вживалося слово *товариш* серед запорозьких козаків, що набуло у їх середовищі термінологічної конкретності²¹. Найбільш заможна частина козацтва йменувалась *знатними товаришами* на відміну од «черні» (молодят або чорних пахоликів) і бурлаків. У війську Запорозькому серед інших військових та адміністративних

звань були й чини військового, бунчукового та значкового *товаришів* (бунчук і значки - військові «клейноти») ²². Мабуть, відгуком запорозької вольниці можна вважати той факт, що в ХІХ ст. рядових у вербованих полках називали *товаришами*. ²³ У ХVІІІ-ХІХ ст. в Росії існували посади *товариша воєводи і товариша губернатора*. *Товаришем голови* Московської діалектологічної комісії до Жовтневої революції був відомий філолог Д.М. Ушаков.

Нарешті, в ХХ ст. в слові *товариш* народжується нове значення. Воно починає вживатися як назва члена партії більшовиків і усталюється як звертання в партійному середовищі. Сфера вживання його незмірно розширилася після перемоги революції. Воно стало загальноживаним засобом звертання в радянському суспільстві, мовним вираженням співдружності його членів.

* Мовознавство.- 1969, № 5.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Пор.: «Чоловік десять чи більше товаришів мали спільну торбу, де зберігали свій запас і всю здобич; тому козаків ще й нині називають товариша і друга *односум*» (В. Броневский, Описание Донской земли, Кавказских и Минеральных вод, ч. III-IV, СПб, 1834, стор. 128).
- ² Про семантичні зміни в цьому слові та його давні значення див.: Н.М. Елкіна, К етимології слова *товар*, «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 2, М., Изд-во МГУ, 1962, а також: І.Н.Березин, Замечания о восточных словах в областном великорусском языке, «Известия ОРЯС», т. 2, 1853, стор. 329; І. М. Ковалевский, Список слов, находящихся в Опыте областного великорусского словаря, заимствованных из монгольского, там же, стор. 379; Н. Г. Чернышевский, Опыт словаря из Ипатьевской летописи, там же, стор. 571; Л.З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб, 1869, стор. 741. Спроба етимологічного аналізу слова *тавар* є в працях: С.Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1951, стор. 427-428; Н.И.Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря, «Лексикографический сборник», вып. 3, М., 1958, стор. 32.
- ³ Див.: «Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer», 20 Lieferung (Bogen 6-10), Heidelberg, 1956, стор. 112-113; V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стор. 533; Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стор. 334. Цей погляд пропагується В.В. Лопатиним у замітці, яка була опублікована у журналі «Русская речь» (1967, 5).
- ⁴ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957, стор. 574.
- ⁵ Давня фіксація цього слова відбита в антропонімії: «Дворъ Ивана Товаркова» («Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей», ч. 2, 1884, стор. 92). До речі, в російській антропонімії ХVІ-ХVІІ ст. зареєстроване також особове ім'я *Товариш* (відбите у прізвищах): «Сава

Товарищевъ съ сеичномъ» («Лебедевская летопись», ПСРЛ, т. 29, М., 1965, стор. 279, 1559); «астраханский пристав Мисоръ Товарищев» («Памятники дипл. и торг. сношений Моск. государства с Персией», т. 3, стор. 501, 1618). Пор. ще топоніми *Товариц* і *Товарищева* у колишній Псковській губернії («Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии», сост. И.И.Васильев, Псков, 1882, стор. 318, 327).

⁶ Ще в XVII ст. це слово виступало не тільки із значенням «другиня», але і з значенням «жона, сожительница» (див.: «Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская», К., «Наукова думка», 1964, стор. 161).

⁷ Семантичне наповнення першого члена реконструйованого словосполучення могло бути й іншим - «майно», «худоба» (як предмет торгівлі), «укріплений табір». Припущення про те, що слово *товариш* виникло як назва члена обозу, було висловлене ще І.І. Огієнком (див. його: «Иноземные элементы в русском языке», К., 1915, стор. 16).

⁸ Див.: «Языки народов СССР», т. II, Тюркские языки, М., «Наука», 1966, стор. 26.

⁹ Див.: K. Grønbech, Komnisches Wörterbuch, Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus, København, 1942, стор. 108; С. Е. Малов, зазнач. праця, стор. 382.

¹⁰ Це обмеження істотне, тому що в деяких тюркських мовах, наприклад в кримськотатарських діалектах Північного Надазов'я (у мові греків-тюркофонів у селах Донецької області), за нашими спостереженнями, існує також слово *товарчи* «пастух», коренева частина якого відбила інший відтінок значення - «худоба, свійська тварина».

¹¹ У тюркських мовах значення «товариш» не було пов'язане з словом *tavar*, а також з тими словосполученнями, куди воно входило. Такого значення це слово набуло вже на слов'янському етапі свого розвитку.

¹² Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, СПб, 1905, стор. 591. До речі, давньотюркське *tavar* «вага, вантаж» без проміжної ланки *ř* - тільки за допомогою агентивного суфікса - давало також і інше похідне слово з близьким значенням - *tavarčı*. У словнику Махмуда Кашгарського (XII ст.) воно означає коня - перевізника вантажу. Значення «вантаж на в'ючків або на віз» вважав первісним у запозиченому слов'янами слові *товар* Л.Нідерле (див. його «Славянские древности». М., 1956, стор. 348).

¹³ Складний характер давньоруського *щ*, як відомо, підтверджується не тільки фактами історичної діалектології, але й даними пам'яток: написанням *шч* замість *щ* (див. про це: М. Колосов, Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI ст., Варшава, 1872, стор. 47; В. Поржезинский, Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка. М., 1915, стор. 93).

¹⁴ У польській мові, як відомо, перехід *r > rz* відбувся у XII- XIII ст. Сучасне чеське *tovaryš* виникає на основі давньочеського *tovariš* внаслідок дисиміляції шуму: *ř - š > r - ř* (V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Прага, 1957, стор. 53). Якщо припустити, що запозичення слова відбулося пізніше, слід вважати, що шиплячий звук на місці східнослов'янського *r'* міг виникнути внаслідок певних «субституційних відповідностей» (С. Роспанд) або «автоматичних формул переходу» (І.Вайнрейх), носіями яких були двомовні індивіди.

¹⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, т.3. СПб,

1903, стор. 969.

- ¹⁶ Докладніше про це див.: Е.С. Отин, К истории и этимологии слова *харч(и)*, «Этимологические исследования по русскому языку», вып. VI, Изд-во МГУ, 1968, стор. 120-122.
- ¹⁷ Пор. словоформу *марля* < фр. *marli* «серпанок» аналогічного походження (внаслідок «зворотного» утворення), де -і «було, мабуть, сприйняте як род. відм. однини» (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 2, М., 1967, стор. 574; доповнення О. М. Трубачова).
- ¹⁸ Субаева Р.Х. К вопросу о взаимодействии тюркско-татарской и русской топонимии на территории ТАССР, у зб.: «Памяти В.А. Богородицкого (к столетию со дня рождения), 1857-1957», «Уч. записки Казанского гос. ун-та», т. 119, кн. 5, 1959 (на титульному аркуші - 1961), стор. 379.
- ¹⁹ Див.: Срезневский И.И. Значач, праця, т. 3, стор. 969.
- ²⁰ Див. зб. документів: «Булавинское восстание». М., 1935, стор. 184, 207.
- ²¹ Проте не всі з запорожців іменувалися «товаришами» (див.: «Надписи, находящиеся на могильных крестах и склепах», «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 2, від. «Запорожская старина», Одесса, 1848). Козацьких «товаришів» ми знаходимо і серед інших груп українських переселенців у Росію в середині XVII ст. (див.: Е. М. Апанович. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648-1654 гг., у зб.: «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954, стор. 85).
- ²² Докладніше про це див.: Г.Ф. Миллер, Сокращенное уведомление о Малой России (географическое описание), Чтения ОИДР, 4, М., 1846, стор. 61-62; Н. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. I, СПб, 1885, стор. 104; Д.И. Эварницкий, Сборник материалов для истории запорожских казаков, СПб, 1888, стор. 67, 73,84,168, та ін. Див. ще: О. Лещенко, Из истории украинской колонизации Кубани, у зб.: «Труды Кубанского пед. ин-та», т. I (IV), Краснодар, 1930, стор. 138.
- ²³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, стор. 419.

К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА ХАРЧ(И)

История этого заимствованного слова еще не изучена должным образом. Большинство исследователей ограничиваются лишь общим указанием на то, что русск. *харч(и)* восходит к арабск. *harğ*. Нет единого мнения по вопросу об источнике непосредственного заимствования, не прослежено его семантическое развитие.

Арабский этимон *harğ* «расход, издержки», с которым соотносится и русск. *харч(и)*, наличествует в словарном составе многих языков. Ср., например: перс. *xārdž* «расходование, издержки, трата»; осет. *хардз* «расход»; афг. *харц* «расход, издержка»; курдск. *xerc* «издержки»; тадж. *харчо* «расход, трата, путевые издержки»; узб. *харажат* «издержка (-ки)»; тур. *harç* «издержки, расходы»; туркм. *харчлама* «расходование», *харч этмек* «расходовать»; азерб. *xarç* «издержка, расход» и др.

Значение арабского этимона сохраняется в словах с корнем *харч-* и в южнославянских языках, куда он проникает через турецкое посредство: болг. *харч* «расход, издержки», *харча* «тратить, расходовать»; сербск. *харч* «издержки», *харчити* «издерживать» и др. В западнославянских языках слов с этим корнем нет. В восточнославянских языках корень *харч-* представлен с совершенно иным значением: «еда, пища», «питаться» и т.д. Ср. русск. просторечн. *харч(и)*; укр. *харч* «съестные припасы», *харчувати* «кормить»; бел. *харч* «съестные припасы», *харчавацца* «питаться» и их многочисленные производные.

Из русского и других восточнославянских языков *харч* «еда, пища» заимствуется и теми языками, в словарном составе которых корень *charč* или вовсе не представлен, или сохраняет значение

арабского этимона. Например, в туркменском - *харч* (наряду с тюрск. *иймек-ичмек, азык*), в узбекском - *харж* (наряду с *овкат, озик*). Заимствованием из украинского являются отмеченные в некоторых польских говорах *charcz* и *charczować*¹. Со значением «еда, пища» слово *харчи* (и глагол *харчувам* «питаться, столоваться») проникает из украинского и в болгарские говоры на юге СССР².

Все это свидетельствует о широком проникновении арабск. *harğ* в иранские, тюркские и славянские языки.

Первые попытки исследовать историю слова *харч(и)* относятся к началу XIX в. В 1828 г. на слово *харч* обратил внимание Н. Коноплев, отметивший его арабское происхождение³. Этимологическое истолкование слова *харч* содержит только напечатанная в 1866 г. статья В.П.Иванова-Желудкова «Словацкие села под Пресбургом». *Харч(и)*, по мнению автора, возникает вследствие фонетического и семантического изменения на русской почве широко распространенного у славян слова *кърчма*⁴. Много позже на этимологическую связь сербск. *крчма* и польск. *karczma* с арабск. *harğ* укажет и К.Локоч⁵. Однако эту связь трудно обосновать фонетическими и семантическими критериями. Возражения против этимологического сближения слов *харч* и *кърчма* находим у Ф.Миклошича⁶ и Э.Бернекера⁷.

Относительно того, какими путями пришло слово *харч(и)* в русский язык, высказано несколько мнений. И.Давыдов указывал на его татарское происхождение⁸. Позже в ряде словарей иностранных слов, в которые продолжительное время включался ориентализм *харч(и)*, последний также определялся пометами, указывающими на его тюркские истоки: «татарское»⁹, «тюркское»¹⁰, «турецкое»¹¹. Замечания о том, что тюркские языки были передатчиками арабск. *харч(и)* в некоторые славянские языки, встречаются у Ф.Миклошича¹², Н.В.Горяева¹³, Э.Бернекера¹⁴, Л.А.Булаховского¹⁵, М.Фасмера¹⁶, в «Кратком этимологическом словаре русского языка»¹⁷. Другой точки зрения придерживается Е.К.Бахмутова, изучавшая иранские элементы в деловом языке Московского государства: слово *харч(и)*, по мнению исследователя, было заимствовано из персидского русскими купцами, и проникновение его в русский язык относится к XVI-XVII вв. - периоду «наибольшего расцвета ирано-русских связей»¹⁸.

Еще Ломоносов, говоря о путях проникновения иноязычной

лексики в русский язык, указывал, что переносчиком ее могло быть купечество¹⁹. Арабско-иранское направление в русской торговле с древнейших времен играло исключительно важную роль. Проникновение в русский язык целого ряда ориентализмов было связано с торговой деятельностью русского купечества, которое вместе с восточными товарами привозило на Русь их туземные наименования, а также другие слова из профессионального купеческого жаргона Востока.

Многие южные торговые маршруты, в том числе и торговый маршрут Афанасия Никитина, уже в глубокой древности были хорошо известны и привычны для русских купцов²⁰. Мнение В. Сыроечковского, расценивавшего путешествие А. Никитина как «торговую разведку», должно быть отклонено как маловероятное²¹. Неудивительно, что при всей своей наблюдательности А. Никитин почти не проявил интереса к Персии. И. И. Срезневский этот факт объясняет тем, что русский купец «мало нашел в ней нового, поразившего его своею особенностью»²². Этой же точки зрения придерживался и П. П. Мельгунов²³. Ко всему еще следует добавить неплохое знание тверским купцом главенствовавших на мусульманском Востоке персидского и турецкого языков. Можно думать, что А. Никитин в этом отношении не представлял исключения, и знание восточных языков многими купцами расценивалось как первейшая практическая необходимость. Русские купцы сталкивались со своими восточными партнерами и на самой русской территории. Как известно, уже в XIV-XV вв. возникают крупные центры восточно-русской торговли - Тверь, Молога с ее ярмаркой Холопьяго городка и др. Торговая терминология кизылбашей и тезиков, несомненно, была хорошо известна русским купцам. Заимствование такой терминологической лексики носило обоюдный характер, отдельные слова, выходя за рамки купеческого жаргона, проникали и в народный язык. Ср. русск. *аршин* из перс. *arāš*, *arš* «локоть», настолько прочно вошедшее в язык XVI-XVII вв., что даже «другие единицы измерения начинают восприниматься, как соотносительные с аршином»²⁴. На одно из обратных заимствований, перешедших через купеческую среду из русского в персидский, указывает В. И. Абаев. Это перс. *girvānka* (из русск. *гривенка*) - торговый термин, проникший в персидский, по мнению исследователя, в XVI-XVII в.в.²⁵

Слово *харч(и)* представляет собой такой же заимствованный русскими купцами торговый термин. Харч - это издержки, убытки, которые сопутствовали торговым операциям купца: таможенные сборы, пошлины, расходы на транспортировку грузов, оплату проводников, покупку пропитания и фуража и т.д. Эти издержки, харчи, подчас составляли весьма значительную расходную часть в бюджете купца. В особенно невыгодном положении находились иностранные купцы, харч которых был намного выше торговых издержек местного купечества²⁶.

Примечательно, что самым ранним русским памятником, засвидетельствовавшим употребление слова *харч* в его этимологическом значении «расход, издержки», является путевой дневник тверского купца А. Никитина (1466-1472 г.г.), в котором оно встречается дважды (и один раз - производный от него глагол *исхарчити*): «А жити в Гүндүстанѣ ино вся собина *исхарчити*, зань же ү нүхъ все дорого: один есми человекъ, ино и язъ по полүтретія алтына на день *харчю* идеть, а вина есми не піваль, ни сыты»²⁷. Следует отметить неточность перевода этого места в ряде изданий «Хождения». Переводчики и комментаторы, видимо, следуя за И.И. Срезневским, переводившим *харч* у А. Никитина как «продовольствие»²⁸, *исхарчити* - «истратить на пищу»²⁹, видят в нем или современное значение слова *харч* (Н.С. Чаев³⁰), или связывают с понятием «самая скромная жизнь» (В.П. Андрианова-Перетц)³¹. Однако более поздний список «Хождения» - Ундольского (XVII в.) - содержит совершенно очевидное указание на то, как следует понимать слова из Троицкого списка: «по полүтретія алтына на день *харчю* идеть». Вместо них употреблен следующий парафраз: «по полүтретья алтына мигѣ одному *исходитъ* на день», который ясно указывает на значение «расход» в слове *харч* из Троицкого списка. Выражение «а золотой есми взял на *харчь*, а дати в Кафе» М.П. Петрушевский переводит, как «а золотой взял на уплату пошлины в Кафе»³², то есть и здесь перед нами модификация того же значения «расход, издержки».

С этим значением слово *харч* в XV в. нередко употреблялось и в документах дипломатической переписки Москвы с Крымом, Нагаями и Турцией³³. Ср., например: «...Ямгүрчєя царєвична на тѹ сторону кѹ тѹрськомү посылаалъ есми, велми одожавъ прїѣхалъ: что тѹрськой давалъ, и онъ имени своего дѣля да и чти дѣля много *харчю* үчинилъ...»

(1, стр. 124, 1491 г.); «Да еще Ази Махмета борзо съ весны, на харчь денги давши, хотѣлъ къ тобѣ послати, и онъ ся разболѣлъ, незя было послати; какъ нынѣча выздоровѣлъ, и мы къ тобѣ послали да 1000 алтыновъ денегъ съ Аказы-Азіемъ да съ Бүрүндүкомъ послаалъ есмь, и ты бы то взялъ. Дobre есмь охүдѣли, много харчу үчинилось...» (1, стр. 126, 1491 г.). *На харчь денги давши* значит «дав деньги на путевые расходы», в последнем предложении *харч* означает «убытки».

С таким же значением слово *харч* употребляется и в следующие века: «Да писалъ еси, что еси насъ для нашимъ посломъ Дмитрею и Митрофану денги давалъ на харчь на нхъ потребы и на мастера» (1, стр. 521, 1504 г.); «А не бѣдетъ еще ү Дмитрея да ү Митрофана на харчь мастеромъ денегъ чѣмъ до меня довести, а ты бы братъ мой далъ имъ денегъ на харчь» (2, стр. 22, 1508-1509 г.г.), то есть «для оплаты проезда и на путевые расходы»; «Да нам же, холопом и сиротам твоим, стало в Ромне ж от панов, и от урядников, и от сотников, и от отамана *харчу* всякого и поминков 100 рублей» (1651 г.)³⁴; «...И как де моему крестьянину Потехе в государевых печатных пошлинах и во всех *харчах* испуитца стала нечем, и он де, Потеха, припустил ево в те таможни и в кабаки и винокурни в 4-й пай, и в те государевы печатные пошлины, и во всякие *харчи*, и в склад взял у него денег 100 руб.» (1660 г.)³⁵; «И великое Донское Войско, стоячи под тем градом Азовом, денежные казны и пороховые *изхарчили*...» («Историческая повесть о взятии Азова», 1637 г.)³⁶.

Значение «путевые издержки при провозе товаров» в слове *харч(и)* сохраняется вплоть до XIX в. В «Словаре Академии Российской» при слове *харчи* стоит помета «речение торговое»; иллюстрируется оно следующим примером: «Доставление товаров к пристани корабельной и с *харчами* стало во столько»³⁷. Но значение «собирательного» существительного *харч* определяется уже исключительно как «съестные вещи, съестной припас», глагола *исхарчиться* - «издерживать, тратить на харчь». Ряд словарей содержит указания на то, что в своем терминологическом употреблении слово *харч(и)* значение «издержки на транспорт, торговые расходы» сохраняет в течение всего XIX в.³⁸ В 1854 г. были опубликованы «Замечания по поводу Опыта областного великорусского словаря» С.И. Соловьева, отметившего, что «в Словаре находится немало слов, которые показаны областными, но которые вместе с тем употребляются

в просторечии в Москве»³⁹. К их числу С.И. Соловьев относит и *харч* «издержки». Значение «издерживать, тратить деньги» имеется и в глаголах *харчить(ся)*, *исхарчить(ся)*, *прохарчить(ся)*, бытующих в современном просторечии, но оно уже сужено, так как всегда имеются в виду денежные затраты на покупку продовольствия. Ср., например: «Дело шло... о том, как он маялся и горе мыкал здесь, в Петербурге, как бесплодно долгое время места искал, прожился, *исхарчился*, жил чуть не на улице, ел черствый хлеб и запивал его слезами своими...» (Ф. Достоевский. Двойник); «И купал его и машинкой волосья постриг, а на молоко все деньги *прохарчил*...» (М. Шолохов. Тихий Дон).

Самые ранние случаи фиксации слова *харч(и)* в памятниках древнерусской письменности относятся к XV в. Но есть основание считать, что в своем терминологическом употреблении - «торговые издержки» - оно было известно русским купцам задолго до путешествия А. Никитина: в «Хождении за три моря» он употребляет его не в той части текста, где пользуется турецким или персидским языком, а в русской лексической среде, как уже вполне привычное и знакомое русское слово.

Можно допустить непосредственное заимствование ориентализма *харч* русскими торговыми людьми от арабских купцов еще в VIII-XI в.в., когда те и другие встречались в Хазарии, выполнявшей посредническую роль в торговле между арабским Востоком и Русью. Русские купцы, проезжая через Итиль, «платили здесь хазарскому кагану «десятину» - пошлину с привозимых товаров (ср. *харч* у А.Никитина. - *Е.О.*) и плыли далее по Каспийскому морю «в жребий Симов», то есть в симитические арабские земли»⁴⁰. Не исключена возможность, что проникновение торгового термина *харч(и)* «издержки, пошлина» в профессиональный лексикон русского купечества произошло в этот, домонгольский период. Однако более вероятным представляется иной путь проникновения арабск. *харч* в русский язык - через тюрков и персов.

Уже с XI в. русские вступают в соприкосновение с тюркскими племенами половцев (кыпчаков или куманов), захвативших причерноморские степи, а затем проникших и в Крым. Половецкая степь в разных направлениях пересекалась торговыми маршрутами, через нее проходил транзит восточноевропейских товаров в государства Средней Азии и Персию. С конца X - начала XI в.

налаживаются интенсивные торговые связи русских с половецким торговым центром в Крыму - Судаком (Сурожем). «Торговля с Сурожем и Кафой (Феодосией), а через их посредство и со странами Ближнего Востока занимала видное место во внешнеторговых операциях русского купечества»⁴¹. В Москве даже существовала особая корпорация именитых купцов-сурожан, ведших торговлю на половецком юге, хотя главенствующую роль в торговле с югом все же играло среднее и мелкое купечество⁴².

На рынках Суροжа звучала разноплеменная речь. Куманский язык был самым распространенным языком Северной Азии, и русские купцы, участвовавшие в торговых операциях на половецких землях, должны были в той или иной мере быть знакомыми с этим «всеазиатским языком»⁴³. Есть основания полагать, что слово *харч* было заимствовано русскими купцами из куманского задолго до путешествия А. Никитина. Составленный в 1303 г. латино-персидско-куманский словарь самых употребительных в общественном быту слов Codex Cumanicus отмечает в половецком языке арабск. *harğ* со значением «расход, издержки» и *harç et* «расходовать, платить»⁴⁴. В свою очередь, передатчиками арабск. *harğ* в куманский язык могли быть купцы иранской национальности. В иранские языки, как известно, в этот период проникает значительное количество арабизмов. Ярким примером может служить факт постепенной тюркизации иранского населения Хорезма, где происходило интенсивное взаимодействие и смешение персидских и тюркских языковых элементов. Польский ориенталист Ананий Зайончковский следующим образом характеризует этот процесс: «Возник хорезмийско-турский язык, *lingua choresmica*. Взаимопроникновение Турана и Ирана было извечным процессом развития, согласно старинной среднеазиатской поговорке: *Tatsyz Türk bolmas, bašsyz bōrk bolmas* «нет турка без перса, (как) нет головы без шапки»⁴⁵.

Оживленные торговые отношения с Востоком, куда были вовлечены купцы разных национальностей, благоприятствовали процессу выделения и интернационализации определенной части профессиональной купеческой лексики. О таком профессиональном жаргоне торговцев внутри персидского языка (*lingua sargenica*) пишет в цитированной работе А. Зайончковский⁴⁶. Анализируя торговую терминологию персидского происхождения в «Хождении за три моря»

А. Никитина, исследователь. отмечает: «...Все это термины профессиональные, а затем уже персидские. Можно ли здесь говорить о макаронизмах? Это лишь профессиональный жаргон в языке «сарацинском»⁴⁷. Такие слова, как *базар*, *товариц*, *аршин*, *лал* (а также наименования многих других драгоценных камней), термины монетарной системы (*алтын*, *денга* и др.), наименования тканей, красителей, кореньев, пряностей, терминология, связанная с транспортировкой грузов (*вьюк < юк*), и т.д. были широко известны среди купцов разных национальностей, торговая деятельность которых протекала на Востоке. Таким же широко известным на Востоке термином купеческой бухгалтерии, означавшим связанные с торговлей издержки, одним из «ближневосточных странствующих слов»⁴⁸ и было, по-видимому, слово *харч*. Непосредственными передатчиками этого слова в древнерусский язык могли быть половцы (куманы), которым уже в XIII в. оно было хорошо известно - ведь в Codex Cumanicus были включены самые распространенные в житейском обиходе слова. Свободное использование его А. Никитиным в русской лексической среде «Хождения», на наш взгляд, свидетельствует о том, что оно неслучайно попало в текст памятника и в XV в. было уже хорошо известно на Руси (вероятно, больше как торговый термин). Предположение Е.К. Бахмутовой о непосредственном заимствовании его из персидского языка следует отклонить, так как торговые и дипломатические отношения Русского государства с Персией начали развиваться интенсивно лишь со второй половины XVI в., а до этого носили очень нерегулярный характер. Примечательно, что самые ранние случаи употребления слова *харч* (кроме «Хождения за три моря» А. Никитина) относятся к документам дипломатической и торговой переписки с тюркским югом, тогда как в ранних памятниках дипломатической и торговой переписки с Персией слово *харч* (*и*) не встречается.

Примеры, дающие нам право предполагать в слове *харч*(*и*) уже значение «еда, пища», относятся к XVI в. Как справедливо замечает Е.К. Бахмутова, для русских купцов, путешественников, дипломатов «издержками были прежде всего издержки на продовольствие»⁴⁹. При сравнительной дешевизне и изобилии жизненных припасов на родине (чему поражались многие иностранцы, путешествовавшие по России в XV-XVII вв., - Контарини, Барберини, Маржет, Павел Алеппский,

Олеарий и др.⁵⁰) у отправлявшихся в продолжительные странствования по чужим землям русских значительная доля расходов приходилась на издержки, связанные с питанием. Именно это имел в виду А. Никитин, когда писал, что «жити в Гүндүстанѣ ино вся собина исхарчити, зань же ү ннхъ все дорого...». Отсюда и семантический сдвиг *харч(и)* «издержки» > *харч(и)* «расходы на еду, проесть».

Чтобы не попасть в затруднительное положение с питанием, русские купцы и послы нередко брали с собой предназначенную для продажи на туземных рынках «рухлядь»: «...Емлютъ съ собою товару на свой харчь, ино чтобы въ Азовѣ и въ Кафѣ и тамги съ ннхъ не имали» (ПДС КНТ, 1, стр. 138, 1492 г.); «...И они емлютъ съ собою рүхлядь харчию для, а не торгован для, въ которыхъ въ ннхъ земляхъ гдѣ не ходятъ денги государя нашего земаѣ, и что бѹдетъ надобе государя нашего послү въ которой земаѣ түтошннхъ денегъ на харчь, и они рүхлядь продаютъ на денги, да тѣмъ держатъ свой харчь» (там же, стр. 404, 1501 г.).

На то, что в приведенных примерах слово *харч* означает не просто «издержки», а имеет уже конкретное значение «расходы на пропитание», указывают аналогичные примеры, в которых вместо *харч(и)* употребляется слово *проесть* «издержки на еду»⁵¹. Ср. в статейном списке Г.В. Васильчикова к персидскому шаху (1588-1593 г.г.): «...И тѣ торговые люди посланы со мною не для торговля: послалъ нхъ государь со мною для того, что наши люди нашихъ рүхлядишекъ, которая съ нами взята на *проесто* (проесть. - Е.О.), продать не умѣютъ да и купитъ, что намъ надобно, и тѣ торговые люди посланы съ нами для того»; «...А вы намъ царева корму не даете и нашу рүхлядь понмали всю, что взято для съестные продажи, и намъ ныне на *проесть* продать нѣчего, и люди всѣ зъ голоду помрүтъ»⁵².

Следующим этапом в семантической истории этого слова было уже значение «еда, пища, продовольствие», с которым оно выступает и в современном русском языке. Вначале, видимо, словом *харч(и)* обозначались только купленные в пути продукты питания или вообще всякая купленная пища, а затем уже им стали называть всякую пищу, пищу вообще. Судя по тому материалу, которым мы располагаем, говорить о значении «пища» в слове *харч(и)* можно лишь применительно к XVI в. В «Путешествии» казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай в 1567 г.⁵³, в «Хождении с Москвы

в Персидское царство» Федота Котова (1623-1624 г.г.)⁵⁴ слово *харч(и)* выступает уже исключительно со значением «пища». Например: «А въ томъ городе торги и того сильные со всякими товары и со овощи и *харчи...*» («Сказания русского народа», стр. 185); «А к монастырю приделена ограда каменная, и в той ограде ряды стоят со всяким *харчем* и с товаром...» («Хождение Ф. Котова»); «А с майдану ежевечеров людей со всякими товары и с *харчем* ссылают - и майдан чистят...» (там же).

По данным предметного указателя к документам Петра I, составленного М. Чулковым⁵⁵, слово *харч(и)* употребляется в них лишь в значении «продукты питания». Ср., однако, *харчи* «путевые издержки» в указе Петра I «О покупке юфтей» от 22 декабря 1716 г.: «...чтобъ продавцы тое юфть поставили къ городу Архангельскому къ предбүдүщему году на ярмонку своими *харчами*, и съ платежомъ пошлинъ и прочими расходами, по вышеписанной цѣнѣ»⁵⁶.

В XVII в., когда торговля Москвы была уже обширна и многообразна, в городе было много торговых рядов, среди которых был и *харчевой*⁵⁷.

В ряде европейских языков отмечаются факты, свидетельствующие о распространенности данного семантического перехода, о параллельности смыслового развития в них определенной группы слов, в настоящее время обозначающих понятие «пища», но когда-то, как и *харч(и)*, имевших значение «издержки». Это нем. *Speise* и *Kost*, первое из которых восходит к средневековому лат. *spesa* «издержки, расходы», впоследствии специализирующемуся для передачи значений «издержки на продовольствие», и, наконец, «пища», а второе - к др.-в.-нем. *chosta* «расход, издержки»⁵⁸. Последнее значение сохраняется в современном немецком языке в форме множественного числа *Kosten*. Со значением «еда, кушанье, блюдо» употребляется слово *spise* и в современном датском языке; в датский и шведский вошло и нем. *Kost* «пища». Слово *Speise* уже со значением «еда, пища» заимствуется из немецкого и некоторыми славянскими языками; ср. др.-польск. *spiza* (или *spisa*) «пища, продовольствие»⁵⁹, совр. польск. *spizarnia* «кладовая», чешск. *špiže(e)*, *špižirna* «кладовая, чулан».

М. Г. Халанским в начале XX в. в лексике одного из говоров Курской области зарегистрировано слово *пѣжа* «харчи, угощение» («кумавья паехали съ *пѣжаю*»)⁶⁰. Какими путями проникло это польское или немецкое слово в курские говоры? .

Значение «расход, издержки» в слове *харч(и)* при употреблении последнего в определенной социальной среде и в конкретной жизненной обстановке могло специализироваться и в иных направлениях. При этом не всегда возникали новые лексические значения, и, пожалуй, чаще приходится говорить об окказиональных значениях слова *харч(и)*. Укажем на некоторые менее распространенные значения слова *харч(и)* в памятниках и в русских говорах.

Харч(и) «всякая пища, кроме хлеба». Это значение возникает вследствие модификации значения «покупная пища». Хлеб, являясь самым распространенным продуктом питания русских людей, в основной своей массе занимавшихся земледелием, исключался из *харча* (*харчей*): этим словом обозначались более дефицитные продукты питания, требовавшие денежных затрат. На первенствующее значение хлеба и обилие его на Руси указывает ряд исследователей. «...Основной пищей в древней Руси был хлеб и различные виды зерна (крупы)»⁶¹. «Хлеб - основная пища людей, как овес - жюсадей, - пишет Б.Д. Греков, - причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов»⁶². Неспроста формулой гостеприимства в древней Руси было приглашение «хлеба ести». Словом *хлеб* обозначались не только пищевые продукты, выпекаемые из муки, но и сама мука, различные крупы, пшено, просо, бобовые, солод, семя льняное и конопляное и т.д. Общим словом *хлеб* все это обозначается, например, в утвержденном Петром I «Тарифе Санктпетербургского, Выборского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского портов»⁶³. Ср. примеры, в которых *хлеб* и *харч* противопоставлены друг другу: «А наймѹ они ярыжные рядилн ꙋ Васнльа въ готовой хлѣбѣ и харчѣ» (1642 г.)⁶⁴; «...А въ Самре (за 5 верстѣ) хлѣба довольно, такъже і здесь харчани не скудно» (1700 г.)⁶⁵; «Хлеб и всякой харч недорог...» (1705 г.)⁶⁶. Такое разделение *хлеба* и *харча* последовательно проводится в «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова (1724 г.)⁶⁷.

Харч «мясная пища»: «А харчѣ всякой дорогѣ: лебедя живаго купятъ лана въ три и въ четыре, а гуся по ланѹ; курицу по два золотника; ꙋтку по четыре золотника; барана жирнаго по два лана; быка по осьми ланѣ и по десяти»⁶⁸; «Да милости ꙋ васѣ, госꙋдарей, прошꙋ о годовомѣ жалованьѣ за годѣ, и оѣ солн и о хлѣбѣ и о мясном харчю...» (1704 г.)⁶⁹. Народные говоры долго сохраняют это

значение. В. Даль отмечает *харч* «мясо» в говорах б. Вологодской и Саратовской губерний⁷⁰. По данным «Опыта областного великорусского словаря», слово *харч* «мясо» в середине прошлого века употреблялось в говорах б. Новгородской, Пензенской и Тульской губернии⁷¹. В начале XX в. *харч* «говядина» отмечается М. А. Карауловым в говоре гребенских казаков Терской области⁷². Ср. употребление слов *харч* «говядина» и *харчевой* «мясной, с говяжьей начинкой» в одной из авторских записей живой речи («Гребенская свадьба», рассказанная старухой-казачкой) : «Мы тада идём дамо́й стряпацца, гато́вить пиро́г с харчо́м да лепёшку с маслом, да згибень, да сазана́; «А тут пираги готовят разнава со́рту, да со́рок пираго́в: *харчавых* пираго́в восим, с пищя́ком восим, с яйцами восим да сладких восим да с римчи́ком восим».

Харч «порох и дробь». Употребление слова *харч* с таким значением отмечено в ряде говоров и в профессиональной речи охотников. На него указывает В. Даль: «сев. вост. охотничий припас, порох и дробь»⁷³. Еще в XIX в. в языке охотников бытовал профессиональный термин *харчистое ружье*, то есть «ружье широкого калибра, берущее большой заряд пороха и дроби»⁷⁴. Ср., например: «Картель может быть так крупна, что заряд в *харчистое*, то есть широкоствольное, ружье весь состоит из осьми пулек...» (С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии); «У помор ружья *харчистые*, по горсти пороху засыпают в заряд. Как из этакой фузеи дохнет по летящему стаду, так и вырвет в нем окошко» (Ф. Арсеньев. На берегах Вычегды)⁷⁵.

Значение «порох и дробь», «охотничьи припасы» в слове *харч*, по-видимому, возникает вследствие употребления его среди той части населения, для которой основными издержками были затраты на приобретение охотничьих припасов. Отсюда семантический сдвиг: *харч* «издержки» > *харч* «порох и дробь», «охотничьи припасы». Допустимо и другое объяснение - метафоризация значения «еда, пища»: «пища для ружей» > «порох и дробь»⁷⁶.

Харч «блюдо, кушанье» («поставить три *харчи*»). С таким значением это слово было зарегистрировано в смоленских говорах⁷⁷.

Харч «хлеб» (в говорах донских казаков)⁷⁸.

Харч «полевые продукты» (в донских говорах)⁷⁹. С таким же значением слово *харч(и)* нередко встречается в произведениях

М. Шолохова. Ср., например: «Ильинична с Дуняшкой, на ночь глядя, затеяли топить печь, чтобы сготовить пахарю к заре *харчи*» («Тихий Дон»); «Подвода была попутная: пахарям из кладовой колхоза отправляли *харчи...*» («Поднятая целина», кн. 2). В языке произведений М. Шолохова слово *харч(и)* часто используется для обозначения взятых в дорогу продуктов (для которых, кстати, специально шились *харчевые* сумки; ср. в «Тихом Доне»: «На штыках болтались *харчевые* сумки»); «Завтра вот переднюю, а к ночи поеду. Вы, маманя, *харчей* мне сготовьте...»; «Дарья, пошептавшись с хозяйкой, развязала сумку с *харчами*, собрала вечерять»; «Передной ишо, а тогда дам я тебе *харчей* и в поводыри внучонка...».

Харчистый «обладающий хорошим аппетитом, любящий поесть»⁸⁰.

Харчистый «упитанный, здоровый, физически крепкий». Ср., например, в поговорках, записанных В. Далем: «Мужичок неказист, да в плечах *харчист*», «В плечах не *харчист*, да мешком плечист»⁸¹. Ср. еще в романе В. Костылева «Иван Грозный» (кн. 3): «Уймись! Мужичок неказист, да в плечах *харчист*».

Харчисто «изобильно, с достатком, сытно»⁸². А. Подвысоцким в языке поморов зарегистрирована поговорка: «Не *харчисто* жили, не по две морoshки на ложку». Ср. еще наречие *похарчевитее* в языке донских казаков: «Кабы *похарчевитее* нас кормили - с этой живухой до зимы не расстался бы» (М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 4).

Харчить «кутить, лакомиться»⁸³, «тратить деньги на удовольствия, на лакомства»⁸⁴.

Отметим еще некоторые особенности окказионального употребления слова *харч(и)* и его производных в современном просторечии. Как правило, *харч(и)* - это простая, непряхотливая пища, и для обозначения изысканных кушаний, искусно приготовленных блюд это слово не употребляется. Ср., однако: «...Остались мы сами хозяева, зашли в нижние комнаты, а там стол огромный, и чего на этом столе нету! Покрасовались, а начинать страшно, хотя и ужасные мы голодные. «Ну, как, - думаем, - оно все отравленное?» Пленный наш глядит чертом. Приказуем ему: «Ешь!» Распухает проклятый, на наших глазах от этих *харчей*, а у нас соленые слюни текут» (М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 4).

Слово *харчиться* «питаться» обычно употребляется

применительно к жизнедеятельности человека. Ср., однако, отступление от этого: «Чем же питается щука? Она больше мышами *харчуется*» (В. Солоухин. Владимирские проселки).

Глагол *схарчить* проникает в жаргон шахматистов, где он обозначает «взять фигуру»: «Клянясь своим честным именем, Кузьмич уверяет, что ладью или другую исчезнувшую фигуру он *«схарчил»* уже давно»⁸⁵.

В ряде относящихся к началу XVII в. документов торговой переписки Москвы с Персией встречается словосочетание *кушак харчевой*. Слово *кушак* (от тур. *kuşak*) в словаре И.И. Срезневского представлено лишь в примерах XVI-XVII в.в.⁸⁶. Г.Е. Кочину, обследовавшему тексты до XV в. включительно, слово *кушакъ* (в сочетании с определением *турский*) встретилось только один раз⁸⁷. В то же время, однако, широко представлено русское слово *пояс*, обозначавшее одну из важнейших принадлежностей древнерусской одежды⁸⁸. Поразительное разнообразие поясов, или кушаков, свидетельствует об их широком проникновении в одежду всех слоев древнерусского населения: *пояс золотой, золоченый серебрян; пояс комат; пояс сердоничен; пояс сафьян червчат, строчен шолк лазорев; кушак шелковый (или шелковый с золотом и серебром), золотой цветной; кушак желт; кушак камчат, серебрян; кушак обьяринной полосат; кушак чаровый, шелковый, полушелковый, гилианский, мисюрский, бурской* и т.д. Часто бывает трудно уяснить себе значение некоторых определений к слову *кушак*, так как исследователи быта и материальной культуры древней Руси не обращали должного внимания на эту деталь древнерусской одежды.⁸⁹ Выражение *кушак харчевой* встречается главным образом в некоторых таможенных росписях кызылбашских купцов - тезиков, ведших торговлю на Руси различными видами кушаков⁹⁰. Ср., например: «У тезника Бухарские земли у Мала Гаднка... 183 кушака полушелковыхъ, 60 кушаков шелковыхъ... 20 кушаковъ чаровъ ...55 кушаковъ харчевыхъ» (1616 г.). Кроме того, у этого же купца среди «посыльного товару» было еще «50 кушаковъ харчавыхъ»⁹¹. Ср. еще частое упоминание *харчевых кушаков* в «Росписи тезикомъ Кызылбашские земли, которые приехали въ Казань» в 1618 г.⁹² Обращает на себя внимание, с одной стороны, большое количество привозимых на Русь *харчевых кушаков*, а с другой стороны, то, что в росписях подарков («поминков») шаха русскому царю среди

поименованных в них кушаков вовсе не встречается харчевых. По-видимому, харчевые кушаки предназначались для простонародья и у восточных купцов были одним из самых ходких товаров (в отличие от дорогих царских и боярских кушаков, изготовленных из разноцветных шелков, нередко с примесью серебра и золота). В данном случае прилагательное *харчевой* по своей семантике не связано ни с одним из отмеченных выше значений слова *харч(и)*. Оно проникает в русский язык (вернее в профессиональный жаргон русского купечества) как атрибутивная часть целого словосочетания, не имея смыслового эквивалента среди существительных, и соотносимо с тур. *harçi* «дешевый» и перс. *харджи* «повседневный». *Кушак харчевой* - это, по-видимому, представленное в русской огласовке турецкое словосочетание *harçi kuşak*, переводимое как «дешевый, предназначенный для повседневного ношения пояс».

Слово *харч(и)* лежит в основании большого словообразовательного ряда и представлено в некоторых фразеологических словосочетаниях.

Харчевня, харчевники. И.И. Срезневский и Г.Е. Кочин не отмечают слова *харчевня*, хотя уже в некоторых памятниках XVI в. встречается производное от него слово *харчевник(и)*. Например, в путешествии казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай (1569 г.): «А ряды въ городе со всякими товары и *харчевники* съ харчами...».⁹³ В актах хозяйства боярина Морозова (XVII в.) уже часто упоминается об обложении феодалом своих крестьян, содержащих харчевни (или харчевые избы). Харчевничество, как и дворничество (содержание постоянных дворов), своим возникновением в значительной мере было обязано извозу.

Чаще всего харчевниками именовались держатели харчевен, однако это слово употреблялось и с другими значениями: «разносчики, продающие с лотка всякую снедь» и «маркитанты». С первым значением оно отмечается, например, в инструкции Петра I, данной Псковской полицмейстерской канцелярии (10 декабря 1722 г.): «...Къ томужь *харчевникамъ* послѣ указанныхъ часовъ, какъ провьютъ въ набатъ, никому не продавать, и по улицамъ послѣ набатѹ ни с какими харчами не ходить».⁹⁴ В одном из «пунктов» командному составу, составленных Петром I, содержится следующее указание о торговцах при армии (маркитантах): «Которые будут при полках *харчевники*, то

заказать накрепко, чтоб никто никакой обиды им не делал и безденежно никто не брал...»⁹⁵.

Харчевники, как определенная прослойка мелких торговцев, сохранились вплоть до Октябрьской революции⁹⁶.

Харчевая. Значение этого субстантивированного прилагательного в ряде словарей прошлого века определяется как «шалаш, казенка на барке, конке или плоту, предназначенные для хранения съестных припасов»⁹⁷. Отсюда плот, где находился такой шалаш, назывался *харчевым* плотом.

Слово *харчевая* отмечено и в говорах уральских казаков, но с другим значением: так еще в начале XX в. называлось время рыбной ловли перед севрюжной плавней (плавня - рыболовство на р. Урале)⁹⁸

Харчевик «мешок для носки харчей», *харчовка* «корзина для носки, покупки харчей» (с пометой «псковск.»)⁹⁹.

Харчи-марчи - то же, что и *харчи*. У В. Даля это слово представлено с единственной пометой - «забайкальское». Позже оно было зарегистрировано А.В. Миртовым в говорах донского казачества. По его наблюдениям, оно употребляется «иронически» («Тут и *харчи-марчи*»)¹⁰⁰. Неясным остается второй элемент - *марчи*. Возможно, как полагает М. Фасмер, он был ничего не значившим словечком, рифмовавшимся с первой частью¹⁰¹.

На своих харчах. Благодаря изменению семантики слова *харчи* переосмысливается и все фразеологическое сочетание *на своих харчах*, значащее теперь «со своим столом». Его первоначальный смысл - «на свои средства, на свой кошт». С этим значением оно употреблено, например, в одной из договорных статей Петра I с датским посланником Гейнсом (1701 г.): «*Сін войска имѣють съ начала быть въ службѣ его царского величества толь долго, пока сія война пребываетъ... Однакожь долженъ бы былъ его царское величество тѣ войска, естъя послѣ войны сея король ихъ паки требовати бѣдетъ, на своихъ харчахъ въ томъ мѣстѣ паки отдать гдѣ оныя приняты*»¹⁰².

В современном русском языке интересующее нас слово употребляется в двух формах единственного и множественного числа - *харч* и *харчи*. Ср., например: «Между мужиками слышится ропот на дороговизну *харчей*» (В. Слепцов); «Теркин знал, что в этой схватке он слабей: не те *харчи*» (А. Твардовский); «И часы у тебя много короче, и *харч* не в пример...» (В. Шишков). Форма единственного числа может

быть и женского рода: «У него были на руках деньги, вся харчь» (Н.Гоголь). Если форма *харч* исторически самая ранняя (в текстах XV-XVI вв. она единственная), то в современном русском языке наиболее распространенной является форма множественного числа *харчи*. По-видимому, образование формы множественного числа *харчи* было вызвано стремлением нарушить омонимию (*харч* «издержки» и *харч* «пища») - формы единственного и множественного числа стали выполнять смысловозначительную роль. В «Словаре Академии Российской» (т. 6, 1794 г.), первом лексикографическом издании, зарегистрировавшем это слово, для формы *харчи* отмечается только значение «издержки», тогда как форма единственного числа *харч* обозначает лишь «съестные вещи, съестной припас». О том, что подобная дифференциация для форм *харч* и *харчи* наблюдалась и в некоторых народных говорах прошлого века, свидетельствует также изданный в 1852 г. «Опыт областного великорусского словаря»¹⁰³.

Несколько замечаний об изменении ударения в падежных формах слова *харч* и в производных от него глаголах. «Словарь Академии Российской» в форме родительного падежа единственного числа отмечает ударение на последнем слоге *харчá*, что заставляет предполагать ударение на конечном слоге и в других косвенных падежах. Спустя 70 лет на такое же ударение в форме родительного падежа единственного числа указывает и «Словарь церковнославянского и русского языка»¹⁰⁴. Но, с другой стороны, в глаголе *харчить(ся)* оба словаря отмечают ударение на корневой гласной: *хáрчить(ся)*, *хáрчу(сь)*, *хáрчишь(ся)* и т.д.; *исхáрчить(ся)*, *исхáрчил(ся)*; *прохáрчусь*, *прохáрчился* и т.д. Возможно, произношение личных форм глагола *харчить(ся)* с ударением на корневой гласной для середины XIX в. было уже архаичным явлением и искусственно поддерживалось приверженцами старых орфоэпических норм¹⁰⁵, в то время как в разговорной речи уже произошел перенос ударения на суффиксальную гласную (примечательно, что в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. неопределенная форма *харчить(ся)* отмечается только с ударением на последнем слоге).

Слово *харч* вошло в состав некоторых русских фамилий и географических названий. Образование собственных имен от него происходило, надо полагать, в сравнительно поздний период: «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова не

регистрирует ни одного имени, производного от *харч*. В современном языке это *Харчев(а)*, *Харчиков(а)*¹⁰⁶, *Прохарчин(а)* (от *прохарчиться* «нстратиться»)¹⁰⁷, *Харчевников(а)* и др.

Уже в одной из царских тарханых грамот Иосифову Волоколамскому монастырю (1623 г.) встречается название местности в Тверском уезде *Харча*: «да въ Тверскомъ ѱѣздѣ въ *Харчѣ* в Воскресеновскомъ стану деревня *Митино*»¹⁰⁸. В Кинешемском районе нынешней Ивановской области есть населенный пункт *Харчи* (небольшая железнодорожная станция между Выюшково и Заволжьем).

Степень проникновения слова *харч(и)* в словарный состав восточнославянских языков не одинакова. Если в современном русском языке слово *харчи* (*харч*) относится к просторечной лексике, то в украинском языке *харч* (а также равноценная форма женского рода *харчъ*) является стилистически нейтральным словом, глубоко проникшим в сферу литературного словоупотребления. Характер употребления слова *харч* в современном белорусском языке в основном тот же, что и в украинском. Примечательно, что корень *харч-* в этих языках широко представлен и в многочисленных производных от него формах, что свидетельствует об активном освоении слова.

Неодинаковая активность и стилистическая неравноценность слова *харч* в словарном составе восточнославянских языков может быть объяснена лишь в результате изучения функционирования данной лексемы в системе других слов одного семантического плана применительно к различным периодам истории восточнославянских языков.

* Этимологические исследования по русскому языку. - Вып. VI. - М.: Изд-во МГУ, 1968.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ «Słownik języka polskiego», t. I. Warszawa, 1900, str. 272; «Słownik gwar polskich, złożył J. Karłowicz», t. I. Kraków, 1900, str. 174-175; E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924, S. 385
- ² См. Бунина И.К. Словарь говора Ольшанских болгар. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 5. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 59.
- ³ См. Коноплев Н. О сходстве между русскими и восточными обыкновениями и о начале их в России. «Вестник Европы», 1828, март-апрель, стр. 260-261.
- ⁴ См. Иванов-Желудков В.П. Словацкие села под Прессбургом. «Вестник Европы», 1866, т. 64, стр.9.
- ⁵ См. Lokotsch K. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927,

S. 65.

- ⁶ См. Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, S. 156.
- ⁷ См. Verneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch, S. 666.
- ⁸ См. Давыдов И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852, стр. 445.
- ⁹ «Словарь иностранных слов», сост. И.Ф.Бурдон и А.Д.Михельсон М., 1880, стр. 792.
- ¹⁰ «Новый полный словарь иностранных слов...». - Сост. Е.Ефимов. Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. - М., 1911, стр. 537.
- ¹¹ «Словарь иностранных слов», сост. Н.Гавкин. Киев, 1915, стр. 720.
- ¹² См. Miklosich Fr. Die Fremdwörter in der slavischen Sprachen. Wien, 1867, S. 20.
- ¹³ См. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 395.
- ¹⁴ См. Verneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch, S. 385.
- ¹⁵ См. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка, т. 1. Киев, 1952, стр. 88.
- ¹⁶ См. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. III. Heidelberg, 1956, S. 232.
- ¹⁷ См. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Учпедгиз, 1961, стр. 358. Попутно заметим, что в статье о слове *харчи* допущена опечатка: тур. *hardž* значит «расход, издержки», а не «доход», как определяется в словаре.
- ¹⁸ Бахмутова Е.К. Иранские элементы в деловом языке Московского государства. «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», 1940, вып. 3, стр. 59-60 и 70.
- ¹⁹ См. Ялмоносков М.В. Полн. собр. соч., т. 7. М. - Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 607.
- ²⁰ См. Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. «Краткие сообщения Института востоковедения», 1955, т. 14, стр. 18.
- ²¹ См. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.-Л.:ОГИЗ, 1935, стр. 49.
- ²² Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг. СПб., 1857, стр. 41.
- ²³ См. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли XI - XVIII вв. М., 1905, стр. 152.
- ²⁴ Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Изд-во МГУ, 1956, стр. 132.
- ²⁵ См. Абаев В.И. Из истории слов (русск. *гривенка*, перс. *girvānka*). «Вопросы языкознания», 1958, № 4, стр. 98.
- ²⁶ См. Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, стр. 104.
- ²⁷ «Хождение за три моря Афанасия Никитина». М.- Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 26.
- ²⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, т.3, стлб. 1363.
- ²⁹ Срезневский И.И. Дополнения к Материалам... СПб., 1912, стр. 135.
- ³⁰ «Хождение за три моря Афанасия Никитина», стр. 68.
- ³¹ Там же, стр. 120.
- ³² Там же, стр. 202.

- ³³ «Памятники дипломатических сношений с державами иностранными». Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, тт. 1-2. СПб., 1884-1895 (сокращенно - ПДС КНТ).
- ³⁴ «Воссоединение Украины с Россией», т.3. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр.14.
- ³⁵ «Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова», ч.2. М.- Л., Изд-во АН СССР, 1945, № 447.
- ³⁶ «Воинские повести древней Руси». М.- Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр.52.
- ³⁷ «Словарь Академии Российской», т.6. СПб., 1794, стр. 505.
- ³⁸ «Словарь российско-польский», сост. А. Якубович, т. II. Варшава, 1825-1828, стр. 534; «Русско-французский словарь», сост. Филиппом Рейфом, т.2. СПб., 1836, стр. 1117; В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т.4. СПб., 1882, стр. 543; «Всероссийский словарь-толкователь», т.3. СПб., 1895, стр. 1497.
- ³⁹ «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», т. 1. СПб., 1854, стр. 113.
- ⁴⁰ «История культуры древней Руси», т. 1. М.- Л., Изд-во АН СССР. 1948, стр. 337.
- ⁴¹ БСЭ, изд. 2, т.41, стр. 312 (статья «Сурожане»).
- ⁴² См. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане, стр. 79.
- ⁴³ Успенский Ф.И. Морское и сухопутное движение из центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв. «Византийский временник», 1949, т.2 (XXVII), стр. 273.
- ⁴⁴ Grønbech K. Komanisches Wörterbuch (Monumenta linguarum Aeriae Maioris). København, 1942, S. 101; см. еще в статье В.В.Радлова «Sprachmaterial des Codex Comanicus» («Mémoires de L'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg», 1887, VII serie, t-XXXV, n° 6, pp. 23, 115).
- ⁴⁵ Zajączkowski A. Materiał językowy persko-turecki z «Wędrówki za trzy morza» Nikitina (XV w.). «Rocznik orientalistyczny» (1951-1952), t. XVII, str. 51.
- ⁴⁶ Учитывая выдающуюся роль персидского языка в языковых контактах средневекового Востока, исследователь предпочитает ему термин *lingua saracenisca* в качестве «мусульманского» эквивалента термина *lingua franca*.
- ⁴⁷ Zajączkowski A. Materiał językowy persko-turecki z «Wędrówki za trzy morza» Nikitina (XV w.). «Rocznik orientalistyczny» (1951-1952), t. XVII, str. 51.
- ⁴⁸ Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Изд-во МГУ, 1956, стр. 154.
- ⁴⁹ Бахмутова Е.К. Иранские элементы в древнем языке Московского государства, стр. 59.
- ⁵⁰ См. их высказывания, собранные в книге Б.Г.Курца «Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича» (Киев, 1915, стр. 513).
- ⁵¹ Др.-русск. *проесть* следует определять не только как юридический термин со значением «расходы на прожитое по тяжбе», «расход на пищу во время хлопот по судебным делам» (И.Срезневский, А.Протопопов), но и как общеупотребительное слово со значением «расходы на еду». В современном украинском языке имеется смысловой эквивалент этого слова - *з'їжа* «расход, затраты на питание»: «Якби його наняти - хоч би менше з'їжі... все б таки хоч на одержину зосталося» (П. Мирний. Хіба ревуть воли, як ясла повні, ч. 1, гл. 4).

- ⁵² «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». «Труды Восточного отдела Русского археологического общества», т.1. СПб., 1890, стр. 30, 31-32.
- ⁵³ Опубликовано И. Сахаровым в кн. «Сказания русского народа» (т.2, кн. 8. СПб., 1849).
- ⁵⁴ «Хождение купца Федота Котова в Персию». М., Изд-во восточной литературы, 1958.
- ⁵⁵ См. Чулков М. Юридический словарь. М., 1792, стр. 751 и сл.
- ⁵⁶ «Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого...», стр. 67.
- ⁵⁷ См. Размадзе А.С. Торговые ряды на Красной площади в Москве. Киев, 1893, стр. 21-22.
- ⁵⁸ Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924, S. 385; F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin und Leipzig, 1930-1934, SS. 323. 573; С. Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1949, p. 330.
- ⁵⁹ «Słownik polsko-rosyjski, układał Dominik Bartaszewicz», т.2. Warszawa, 1843, стр. 264; М. Arcta. Słownik staropolski, т.2. Warszawa, 1914, str. 538-539.
- ⁶⁰ Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. «ОРЯС», 1904, т. LXXVI, № 5, стр. 371.
- ⁶¹ «История культуры древней Руси», т.1. М.- Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 263.
- ⁶² Греков Б.Д. Киевская Русь. М., Госполитиздат, 1953. стр. 47.
- ⁶³ «Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого...», стр. 906, 917.
- ⁶⁴ Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894, стр. 222.
- ⁶⁵ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. 1 (1688-1701). СПб., 1887, стр. 397.
- ⁶⁶ «Архив князя Ф.А.Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 114.
- ⁶⁷ См. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 107, 147, 148.
- ⁶⁸ «Путешествие в Китай Ф.Байкова в 1654 г.» (см. И.Сахаров. Сказания русского народа, т.2, кн.8. СПб., 1849, стр. 132).
- ⁶⁹ «Акты Ивенского Святоозерского монастыря». РИБ, V, № 413, стр. 1001.
- ⁷⁰ См. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.4, стр. 543. В опубликованных в 1911 г. «Трудах Московской диалектологической комиссии» («Русский филологический вестник», 1911, LXVI, № 3, стр. 206) содержится указание на *харч* «мясо» в говоре с. Комаровка, Евлашевской волости, Кузнецкого уезда, Саратовской губернии.
- ⁷¹ «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 246.
- ⁷² См. Караулов М.А. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. «Сборник отделения русского языка и литературы Академии наук», т. LXXI, № 7. СПб., 1902.
- ⁷³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, стр. 543.
- ⁷⁴ «Охотничий словарь», сост. С.И.Романовым, вып. 2.М., 1877, стр. 514.
- ⁷⁵ «Журнал охоты», 1862, т.8, № 44, стр.71.
- ⁷⁶ Ср. польск. *spiż* «бронза» из немецкого композита *Glockenspeise*

- «колокольный металл»; буквально «пища колоколов» (Л.А.Булаховский. Введение в языкознание, ч.2. М., Учпедгиз, 1953, стр. 120). Аналогом этому является и окказиональное значение «ружейные принадлежности» в слове *провиянт*, отмеченном в тексте одной из белозерских сказок в записи Б. и Ю. Соколовых: «Сколько ты просишь за ружье с *провиянтом*?» - «Прошу я с тебя три с четвертью» («Сказки и песни Белозерского края». М. 1915, стр. 189).
- ⁷⁷ «Смоленский областной словарь», сост. В.Н.Добровольский. Смоленск, 1914, стр. 956.
- ⁷⁸ См. Миртов А.М. Донской словарь. Ростов н/Дону, 1929, стр. 341.
- ⁷⁹ См. там же.
- ⁸⁰ «Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении», собрал и составил Г.Куликовский. СПб., 1898. - Стр. 128.
- ⁸¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, стр. 543.
- ⁸² «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», сост. А.Подвысоцкий. СПб., 1885, стр. 128; А.Грандильевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. «Сборник отделения русского языка и литературы Академии наук», т. LXXXIII, № 5. СПб., 1907, стр. 292.
- ⁸³ «Опыт областного великорусского словаря», стр. 246.
- ⁸⁴ «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н.М. Васнецова». - Вятка, 1908, стр. 334.
- ⁸⁵ Щедрин Г.И. На борту С-56. - М.: Воениздат, 1959, стр. 110-111.
- ⁸⁶ См. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, стлб. 1384.
- ⁸⁷ См. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1937, стр. 275.
- ⁸⁸ См. Оленин А. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, стр.11.
- ⁸⁹ Высказанное еще в 1906 г. Н.П.Кондаковым сожаление о том, что «по этому предмету исторический анализ пока отсутствует», можно разделить и сейчас (см. его кн. «Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.». СПб., 1906, стр. 106).
- ⁹⁰ Нужно учитывать, что кизылбашами, или тезиками, на Руси называли купцов не только иранских; этот термин начиная с XV в. применялся и «в отношении тюркоязычных племен» (М.В.Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М.. Госкультпросветиздат, 1956, стр. 7).
- ⁹¹ «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», т.3. СПб., 1898. стр. 278.
- ⁹² Там же, стр. 640-644.
- ⁹³ Сахаров И. Сказания русского народа. т.2, кн.8, стр.185.
- ⁹⁴ «Указы блаженная и вечнодостойная памяти государя императора Петра Великого...», стр. 424.
- ⁹⁵ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. 10, стр. 65.
- ⁹⁶ Их, например, регистрирует «Словарь для разработки данных о профессиональном составе населения г. Москвы» (Перепись Москвы 1912 г.). М., 1913, стр. 61.
- ⁹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, стр. 543;

- «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный Вторым отделением Академии наук, изд. 2. СПб., 1867, стр. 843; «Всероссийский словарь-толкователь», т. 3. СПб., 1895, стр. 1497.
- ⁹⁸ «Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками», сост. А.Б.Карпов. Уральск, 1913, стр. 80.
- ⁹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, стр. 543.
- ¹⁰⁰ См. Миртов А.В. Донской словарь, стр. 341.
- ¹⁰¹ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. III. Heidelberg, 1956, S. 232.
- ¹⁰² «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. 1, стр. 421.
- ¹⁰³ «Опыт областного великорусского словаря», стр. 246.
- ¹⁰⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный Вторым отделением Академии наук, изд. 2, стр. 834.
- ¹⁰⁵ Ср. у Н.Некрасова (в речи графа Гаранского): «...Так бедно, что с трудом дай бог своих детей *прохárчить* мужичонку» («Отрывки из путевых заметок графа Гаранского»).
- ¹⁰⁶ Ср. у И.А.Крылова: «Человека степенного, разумного, тихого, не последнего гуляку, у которого водятся денежки, *харчик* и скотинка...» («Кофейница», 1783).
- ¹⁰⁷ Ср. рассказ Ф.Достоевского «Господин *Прохарчин*».
- ¹⁰⁸ Архив П.М.Строева. РИБ, 1917, т. XXX, ч. 2, стр. 594.

ЧТО ТАКОЕ АНТИМОНИЯ И ЗАЧЕМ ЕЕ РАЗВОДИЛИ?

О том, кто выражается многословно и отвлеченно, мы говорим: он *разводит антимонию* (или *антимонии*). И нас нисколько не озадачивает, что отдельно взятое слово *антимония* в современном русском языке уже утратило свое значение и употребляется только в составе фразеологизма.

Вопрос о происхождении данного слова, так же, как и о причинах возникновения всего устойчивого словосочетания, давно уже интересует лингвистов. Так, Д.К. Зеленин в статье «Семинарские слова в русском языке» (Русский филологический вестник. Т. 54, 1905) писал: «Первая часть слова - греч. *anti*, вторая не ясна. Едва ли слово не является переделкою названия церковной песни *антифоны*, характерная особенность которой в том, что здесь как бы перекликаются между собою два клироса, часто повторяя одно и то же». М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» отмечал, что слово *антимония* происходит, по-видимому, из семинарского языка; лат. *antipōtia* «противозаконие». Другие ученые средой зарождения фразеологизма считают язык химиков или, точнее, алхимиков, отождествляя *антимонии* с *антимонием* - старинным названием сурьмы. Такая точка зрения была высказана в 1912 году М.И. Михельсоном, который оборот *разводить антимонию* рассматривал как отголосок продолжительных споров «между учеными (Парацельз и др.) о способе употребления сурьмы (как целебного средства. - Е.О.) (химики спорили-разводили антимонию)» (Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое). К латинскому (а точнее - среднелатинскому) названию сурьмы - *antimonium* возводят *антимонии* и составители «Фразеологического словаря русского языка» (М., 1967), не объясняя, однако,

происхождения фразеологизма.

Гипотезе М. И. Михельсона противоречит, во-первых, отсутствие каких-либо аналогов для русского оборота во фразеологии западноевропейских языков, через которые старинное название сурьмы проникает в русский (во многих из них это название прочно вошло в их словарный состав, ср. англ. *antimony*, франц. *antimoine*, нем. *Antimon* и др.; оно хорошо известно также западно- и южнославянским языкам, например болг. *антимон*, сербскохорв. *антимон*, польск. *antymon*, чеш. *antimon* и др.). Невероятно, что только русский язык смог отразить в своей идиоматике эту, не связанную с Россией, историческую деталь - споры алхимиков о целебных свойствах сурьмы. Во-вторых, переносное значение глагола *разводить*, не свойственное ему в самостоятельном (то есть за пределами фразеологизма) употреблении, могло возникнуть в нем лишь в том случае, если слово *антимония* тоже обладало каким-то непрямым, вторичным значением. Это, однако, не подтверждается памятниками письменности, подающими его, начиная с XVII века, только в прямом значении «сурьма». При этом область употребления этого слова - военное дело и медицина (точнее - фармация).

Данный металл употреблялся и в быту как косметическое средство, но назывался он тюркским или персидским словом *сурьма* (как увидим ниже, изредка это название встречается и в «лечебниках» XVII - начала XVIII веков). Минерал «сурьяный блеск» применялся щеголями и щеголихами для подкраски волос. Выразительный портрет такой старорусской модницы находим мы в одном из сочинений протопопа Аввакума: «белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна» (Русская историческая библиотека, т. 39, Л., 1927). Сернистая *сурьма* (*сурма*), по определению Толкового словаря В.И. Даля, - это «идущая на чернь краска», тогда как в чистом виде это только «металл антимоний». Первое значение В. Даль иллюстрирует примерами; «Сурмить волоса, бороду, усы, а бол(ьше) брови, чернить сурмяным составом, сурмилами... Она белится, румянится и сурмится, сурмит брови; Муж в тюрьме, а жена в сурме».

Как название сурьяного блеска термин *антимония* появляется на рубеже XI-XII веков в сочинениях алхимика Африкануса. Высказано предположение, что в его основе лежит греческое слово *anthemion* - «цветы» (Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 2,

М., 1950). Так были названы по сходству с цветами игольчатые кристаллы этого минерала. *Сурьма*, или *антимония*, читаем мы в Словаре Академии Российской 1789-1794 годов, это полуметалл «цвета серебристо-белого, имеющий сложение слоистое, отменно ломкое. Он плавится... после раскаления, испускает белый дым и выпаряется, составляя белые цветы». Это греческое слово в латыни, ставшей международным языком средневековой науки, могло измениться в *antimon* (начало слова смешивалось с греческой приставкой *anti-* «против», которой потом и заменилось), получив обычные для латинских терминов-существительных окончания *-ium* (средн. рода) и *-ia* (жен. рода).

Возникшая под влиянием «народной этимологии» форма *antimoine* во французском языке буквально значила «против монахов», что, в свою очередь, породило легенду о происхождении названия минерала. Передаем ее в изложении Василия Левшина, лексикографа последней четверти XVIII века: «Открытие сих (целительных. - *Е.О.*) свойств ея (антимонии. - *Е.О.*) приписывают одному немецкому монаху, который, приметив, что свинья, съевшая антимонии, получила понос жестокой, предложил лечение ею всем своим товарищам, что, однако, погубило всех монахов; от сего-то, сказывают, прозвана она Антимониею, что значит противу монахов» (Словарь ручной натуральной истории... М., 1788). Словарь В. Левшина представляет собой, по словам самого автора, «собрание, сокращение и объяснение, извлеченное из лучших сочинений в сем роде». В. Левшин пересказывает версию, когда-то бытовавшую в кругу алхимиков: В цитируемой словарной статье имеется интересное свидетельство о том, что антимонию, или сурьму, «разделяют... на два рода - мужеской и женской: последний считается лучшим».

Антимонь или *антиманий* упоминаются в памятниках русской письменности XVII века: «Возми немого *антимания*, сии речь серебряную сурму» (1610); «К гранатному и к огнестрелному делу припасы московские присылки: 25 фунтов *антимонии* с кулком» (1682) [Словарь русского языка XI-XVII вв.].

В анонимной «Книге о горном деле», относящейся к Петровскому времени, употребляются оба варианта женского рода - *антимонь* и *антимония*: «из *антимонии* да из железной руды»; «отвесить I фунт антимонной руды или самой *антимони*» (в другом

месте - «прямой антимони»); «ту антимонию класть по одной ложке»; «сталь с антимонием сплавится» и т.д. Форма женского рода *антимония* регистрируется словарями второй половины XVIII века (словарь В. Левшина; Новый словарь английской и российской. СПб., 1784; Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней... М., 1789; Словарь Академии Российской. СПб, 1794 в др.). «Лексикон Российской...» В.Н. Татищева (издан в 1793 г.) еще удерживает старинную форму *антимониум*, точно повторяющую латинскую.

Различным химическим соединениям антимония в средневековой фармации приписывались целительные свойства. Универсальными целительными средствами, например, считались соединения антимония с ртутью. В 1604 году в Лейпциге вышла даже книга с характерным названием «Триумфальная колесница антимония», автором которой был Василий Валентин. Многочисленные сурьмянистые препараты приводятся и в пражской аптекарской таксе 1659 года (Левинштейн И.И. История фармации и организации фармацевтического дела. М.-Л., 1939). Соединения сурьмы значатся в росписях лекарств, привозимых в Россию из-за границы. В одной из них (1645 г.) встречается «минери антимония» (Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881). Судя по рецептам, относящимся к 1665 году, в состав лекарств того времени входили «антимонниум диафретикум» (диофретикум, диофретиком, диафретиком) и «антимония круди», например: «*антимонии круди 20 фунтов*» (там же).

Последнее название (*antimonium crudum*) долгое время удерживалось за сырым антимонием - трехсернистой сурьмой (от лат. *crudus* - «необработанный, невыделанный»). «Антимонь круту» значитса также среди химикальев, применявшихса в 70-х годах XVIII века в «огнестрельном деле». *Антимониум диафоретикум* назван и среди порошков в рукописной «Фармакопее, или аптеке...» конца XVII века, содержащей перечень лекарств, которые, по мнению ее составителя, должен был иметь каждый у себя дома «в шкатуле или в шкафе».

Во учебниках XVII - начала XVIII веков мы находим сведения об употреблении лекарств из золота (от «меланхолии» и «дурных снов»), серебра (от чесотки), олова, свинца и т.д. Среди них упоминается и сурьма, например, в «Книге, глаголемой Прохладный

Вертоград» (1672 г.) - «Сюрма мелко толчена», в «Книге, именуемой лечебник...» Лаврентия Блюментроста (начало XVIII в.).

В «Сельском лечебнике, или Словаре врачевания болезней, бываемых в роде человеческом, также в роде скотском, конском и птиц домашних» (Ч. 1, М., 1789) содержится предупреждение относительно использования приготовленных из антимония лекарственных (главным образом - рвотных) препаратов: «Яды, происходящие от оной, действуют... не столь жестоко, как мышьячные, однако подобным тому образом... Неправильное также и неосторожное приуготовление делаемых из антимонии медикаментов делает их толико же жестокими рвотными отравками». Далее следуют рекомендации, что следует делать в случае отравления «антимонными ядами». В лечебнике названы такие содержащие антимонию медикаменты, как «антимоническое стекло», или «витрум антимонии», и «антимоническая сера», охарактеризованные как «жестокие рвотные лекарства».

Предупреждение относительно употребления их в малых количествах было весьма уместным, так как в XVII-XVIII веках многие лекарства буквально поглощались больными в огромных дозах, определяемых такими мерами, как *haustus* - «глоток» (то есть стакан лекарства, выпиваемый одним глотком) и *morsum* - «кусочек» (приблизительно 30 граммов). В этом отношении весьма показательны дозы приема лекарств русскими людьми, которые указаны в дошедших до нас рецептах 60-х годов XVII века: «А принимать того состава по 3 и 4 ложки и болши, как произволит, а на ночь принять 4 ложки»; «А принимать те лепешки (таблетки. -Е.О.) в те ж поры, как кашель учнет быть, сколко изволит»; «...и принимать поутру да на ночь против 3-х чарок винных» и т.д. (Материалы для истории медицины в России).

Естественно, что увлечение сурьмяными, так же как и другими металлическими препаратами, да еще употребляемыми в непомерно больших дозах, часто вызывало ухудшение болезни. Это привело к тому, что с конца XVII века врачи и аптекари стали обращаться к минимальным дозам лекарств. Новый способ лечения создал С. Ганеман. Его метод сводился к тому, что одна часть вещества растворялась в 99 частях спирта или растиралась с 99 частями молочного сахара. Таких разведений и растираний могло быть до тридцати, а последователи Ганемана доводили их даже до двухсотого и шестисотого делений. Имели место и двухтысячные, а иногда и

восьмитысячные деления, когда концентрация лекарства (если оно вообще оставалось в такой смеси) выражалась единицей, деленной на единицу с множеством нулей (Лозинский А.А. К истории некоторых важнейших медицинских систем XVIII и XIX веков. СПб., 1905).

Бесчисленные разбавления и растирания лекарств требовали от приверженцев данного метода немалого терпения и большой выносливости. Вот упоминание об одном из них и о «технологии» приготовления им лекарства: «Он не был ни врачом, ни фармацевтом. Это был кавалерийский унтер-офицер, одаренный необычайной мускульной силой. Сбросив одежду, он лихорадочно взбалтывал жидкости в пузырьках, воображая, что этим способом получает чрезвычайно сильные лекарства» (Лозинский А.А. Указ. соч.). Подобная «технология» приготовления лекарства, естественно, не миновала и такой издавна популярный в медицине препарат, как антимония, которая, как отмечал В. Левшин в своем «Словаре ручном натуральной истории,...», «хотя и не без затруднения, расходуется также и в воде».

Не совсем ясно только, почему в интересующий нас фразеологизм проникло название именно сурьмы, а не какого-либо другого лекарственного препарата. Возможно, это случилось оттого, что сурьма (антимония) была одним из традиционных и широко известных врачебных средств. Ее название легко превратилось в обобщенное обозначение растираемых и растворяемых гомеопатических медикаментов. Тем более, что вследствие слабой растворимости сурьмы процесс взбалтывания, разведения ее в жидкости был довольно затяжным и трудоемким. Создателями фразеологического оборота *разводить антимонию* были, по-видимому, лица (лекари, аптекари и т.д.), отрицательно относившиеся к гомеопатам с их своеобразной фармакотерапией, основанной на многочисленных разведениях и растираниях лекарственных веществ. В их представлении многократное деление лекарств, обобщенным выразителем которых выступала *антимония*, выглядело бесполезной затеей, нудным и безрезультатным занятием. Отсюда тот заряд иронии, который первоначально был заключен во фразеологизме.

Первое время глагол *разводить* (так же, как и слово *антимония*) воспринимался в своем прямом значении - «растворять». Об этом свидетельствует и пример из произведения П.Боборыкина,

помещенный и словаре М.И. Михельсона: «Вы изволите *разводить антимонию* на воде (разрядка наша. - Е.О.), потому что бегали от жизни, да и теперь полагаете свое благополучие в каких-то там высших мировых экстазах» (М.И. Михельсон. Указ. соч.). Перед нами уже позднейшее расширение фразеологического оборота предложно-именным словосочетанием («на воде»), хотя и грешащее некоторой неточностью (в качестве растворителя лекарств применялся спирт, а не вода), но в общем правильно указывающее на метод изготовления лекарства (разведение растворимых веществ). Впоследствии общее переносное значение словосочетания и забвение причин его зарождения, а также выход из активного употребления слова *антимония*, вытесненного словом *сурьма*, лишили глагол первоначальной конкретности, сблизив его во фразеологически связанном употреблении с глаголами речи, среди которых, по-видимому, уже имелся соответствующий омоним (сравните *разводить вавилоны языком* - «говорить намеками», *разводить турусы на колесах*). В свою очередь, переосмысление слова *антимония* (пустое занятие, отвлеченные разговоры и т.д.) способствовало появлению формы множественного числа, в наше время более употребительной, чем форма единственного числа. Окончанием множественного числа оформилось новое лексическое значение в слове *антимония*. Старая, исконная форма единственного числа еще продолжает употребляться в нашей речи, сберегается в языке художественной литературы.

В заключение заметим, что, кроме рассмотренного фразеологизма, из профессиональной речи фармацевтов в русский язык попало и другое выражение - *позолотить пилюлю* (смягчить какую-либо неприятность). В рецептах 1664-1665 годов оно зафиксировано еще с прямым значением - «покрыть пилюлю оболочкой из сусального золота», например: «И то все смешано и зделано 10 пилюл и позолочены сусальным золотом»; «И то все смешано и зделано 5 пилюль и позолотить сусальным золотом» и т.д. (Материалы для истории медицины в России).

* Русская речь. 1983. - №1.

«МЕЛЕНКОЛИЯ, КОТОРАЯ БОЛЕЗНЬ НАЗЫВАЕТЦА ХИПОХОНДРИЯ»

Когда после московского пожара 29 мая 1737 года в губернской канцелярии начала работать следственная комиссия, которая вела расследование причин пожара и устанавливала, какое участие в его тушении принимали служащие различных учреждений, один из них - прокурор Камынин в оправдание своего отсутствия на пожаре заявил (что и было подтверждено лечащим его лекарем, вызванным на допрос), что «в то пожарное самое время» у него «была болезнь в левом боку, жар в голове и меленколия, которая болезнь называется хипохондриа» (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981).

У современного читателя такой мотив отказа от активных действий может вызвать лишь улыбку, ибо меланхолию мы воспринимаем теперь как временное состояние уныния, беспричинной хандры (если, конечно, это не затяжная душевная болезнь). А между тем наши предки многие свои внутренние болезни именовали *меланхолией*, или *ипохондрией*. Нередко оба эти слова воспринимались как синонимы и даже употреблялись рядом.

Согласно некоторым документам по медицине, относящимся к XVII веку, объективные и субъективные симптомы *меланхолии*, или *ипохондрии*, очень далеки от тех, которые мы связываем с данным заболеванием сейчас. Так, в диагнозах, установленных в 1679 году «дохтуром» Блюментростом, отмечается, что болезнь эта у его пациентов «подступает под сердце, и одышка великая, и дыхание занимает, и в голове обморок». И еще: «приходит пар от селезенки и приступает к сердцу и к голове, и от того у него памяти долгое время нет и не узнает людей» (Матерьялы для истории медицины в России. Вып. 1, СПб., 1881).

К заболеванию меланхолией, по мнению врачей XVI-XVII веков, приводили очень разные внешние по отношению к человеку и внутренние причины. Первыми могли быть, например, не замерзающие зимой «воды багнистые», то есть болотные. Считалось, что от них легом возникает холера и что они «множат *меланхолию*» (Назиратель. М., 1973). Возбудителями *меланхолии* (*мелянколии*) могла быть капуста (там же) и даже говядина - «коровье мясо» (Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI-XVII столетия. Казань, 1879). Внутренними причинами этой болезни медицинская наука того времени считала, например, «умножение флегмы», «густую кровь» или ее «густые вологости» (Назиратель; Флоринский В.М. Указ. соч.).

В это время *меланхолия* (*ипохондриа*) воспринималась как тяжелая болезнь с нечетко устанавливаемыми причинами и внешними проявлениями. Постоянным признаком ее было лишь удрученное состояние больного. Неудивительно, что слово *меланхолия* лекарями XVI-XVIII веков употреблялось как своего рода универсальное название для многих разнохарактерных внутренних болезней. Допускалось также, что эта болезнь может иметь летальный исход. Так, по мнению известного дипломата Петровского времени Б.Куракина, «скончался *меленколиею*» его сын Александр (Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1, 1890).

А.Блок, работая над драмой «Роза и Крест», изучал специальную литературу по французскому средневековью [XIII в.] и в одной из сцен первого действия очень точно передал отношение к этому «заболеванию» в то далекое от нас время. Ниже приводится [с некоторыми купюрами] разговор между графом Арчимбаутом, Доктором и придворной дамой Алисой о заболевшей жене графа: «Алиса. Ваша светлость, госпожа моя больна... Граф. Вот как! Давно ли? Алиса. Сегодня с утра она не принимает пищи... [...] Граф. Вы звали доктора? Алиса. Доктор сказал, что болезнь происходит от меланхолии; а там, где избыток меланхолии, тело испорчено, и легко лишиться рассудка... Граф. Помогите нам, святой Иаков! Алиса. Госпожа сильно скучает днем, а по ночам мечется, кусает подушки и твердит чье-то имя... [...] Граф. Изменники! Позвать сюда доктора! [Входит доктор]. Что с моей женой? Доктор. *Melancholia regnat...* (меланхолия царствует. - Е.О.) Граф. Тысяча проклятий! Они все

говорят по-латыни, когда дело касается моей жены! Доктор. Ваша милость, супруга ваша подвержена меланхолии, которая холодна, суха и горька. Царство меланхолии длится от августовских до февральских ид... Граф. Святой Иаков! Да ведь февраль уже на дворе! Доктор. Ничего не поделаешь, придется еще подождать, ваша милость. Скоро начнет прибывать кровь; а когда крови накопится слишком много, мы выпустим ее через нос, как учат древние мудрецы Галлен и Гиппократ... [...] Граф. Святой Иаков, я сам лишаюсь рассудка! Святой отец, что теперь делать? Капеллан. Положитесь на меня, ваша милость, я дам добрый совет... Доктор. *Idem - melancholia regnat...* [т.е. «все то же - меланхолия царствует»].

Оба синонима этой внутренней болезни - *меланхолия* и *ипохондрия* восходят к греческим словам *melanholia* «черная желчь» и *ipochondria* «часть живота ниже грудной кости или хряща» (*hondros* - «хрящ»). Сравните интернациональный словоэлемент *гипо-* из греч. *huro* «внизу, под», встречающийся в терминах *гиподинамая*, *гипотермия*, *гипотония* и др. Согласно учению Гиппократа, данное заболевание было вызвано чрезмерным разлитием вырабатываемой селезенкой желчи, или *черной желчи*, в подреберной части живота, которая именовалась (*г*)*ипохондрией*. В русский язык оба слова попали через западноевропейские языки (в первую очередь - через немецкий), куда, в свою очередь, проникали из латыни - языка средневековой науки, несколько изменившего их первоначальный звуковой облик. Позднее в впадающей разговорной русской речи из вторичной глагольной формы *похандрить*, вероятно, образовалось слово *хандра*.

Так как считалось, что в порождении данной болезни участвовала селезенка, в некоторых западноевропейских языках для обозначения заболевания использовалось греческое слово *spleen* «селезенка», которое затем (через английское *spleen* «хандра») проникает в русский язык. Интересно, что «Словарь церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847) объясняет *сплин* в первую очередь как «болезнь селезеночную», а потом уже как «ипохондрию, хандру».

В конце XVIII - начале XIX века бытовал анатомический термин *ипохондры*, обозначавший «верхние боковые части живота с левой и с правой стороны, считаемые главным жилищем ипохондрии» (Словеский Н. Новый слово толкователь, расположенный по алфавиту.

Ч.1, 1803). Кроме того, встречались и собственно русские эквиваленты данного термина: *вздохи, вздухи, вздох, подвздох* и *подреберные боки* («Анатомико-физиологический словарь...» Нестора Максимовича-Амбодика. 1783). Таким образом, в русском языке XVI-XVIII веков (как, впрочем, и в ряде других европейских) оказалось два совпадающих по смыслу медицинских термина, имевших разное этимологическое значение: первый из них (*меланхолия*) вначале указывал на активное участие в заболевании одного из «соков» организма - «черной желчи», другой же (*ипохондриа*) - на местонахождение («жилище») самой болезни. Вхождению этих слов в русский язык способствовали лекари-иноземцы - «немчины», англичане, голландцы и другие, которые приглашались в Россию для обслуживания главным образом царского двора.

В памятниках XVI-XVII веков наблюдаются следующие варианты названия болезни: *мелавхолия, меланколия, меланколиева, меланколиева кручина, меланколиева болезнь, гипохондриа, ипохондриум, ипохондрика, хипохондрика*. Значение слов *меланхолия* и (*г*)*ипохондриа* в XVII веке полностью совпадало. Сравните: «*хипохондрика*, именуемая и *меланхолия*» (Матерьялы для истории медицины...), «*гипохондриа* и *меланхолия*» как название одной и той же болезни встречаем в «Жизни князя Бориса Куракина» (Архив князя Ф.А. Куракина) и т. д. Вместе с тем с данными терминами греко-латинского происхождения в русском языке XVII века в синонимической связи был и целый ряд собственно русских наименований этой внутренней болезни, например: *кручина* («меланколия сиречь кручина»), *черная кручина, великое уныние, уныние, тоска* и др.

Следующим этапом в смысловой и словообразовательной истории интересующих нас слов был XVIII век. В это время *меланхолия* начинает употребляться для обозначения временного состояния души (уныния, неудовлетворенности и тоски), вызванного какой-то внешней причиной, а не болезнью организма, его внутренних органов. Один из ранних случаев подобного употребления этого слова мы находим в «Жизни князя Бориса Куракина», где сообщается, что князь «был в великой *меланхолии*» из-за того, что «не имел аж 50 червонных», чтобы доехать из Вены в Гамбург, но затем раздобыл их и оттого «незапно...счастье получил» (Архив князя Ф.А. Куракина). Здесь *меланхолия* означает уже только «огорчение». В «Российском

целлариусе, или Этимологическом российском лексиконе...», изданном Ф. Гелтергофом (М., 1771), рядом с немецким словом *die Melancholie* стоит его русское соответствие - *грусть*. Известный лексикограф второй половины XVIII века Кириак Кондратович в своем «Польском общем словаре...на российский язык переведенном» (СПб., 1775) толкует интересующее нас слово как «меланхолия» и «задумчивость». И если Б. Куракин, сподвижник Петра I, принимал от меланхолии, или ипохондрии, «кислые капли» и ездил лечиться от нее на «горячие воды» Карлсбада (Архив князя Ф.А. Куракина), то князь М.М. Щербатов в своем письме к сыну в 1789 году уже писал, что лучшим лекарством от *ипохондрии* считал «перо и чернила», что «дурить» ей, ипохондрии, не позволяет «работа и беспрестанное упражнение мыслей» (Памятники московской деловой письменности XVIII века).

Его современник Н.М. Карамзин лучшим средством избавления от ипохондрии провозглашает путешествия: «Путешествуй, *ипохондрик*, чтобы исцелиться от своей ипохондрии» (Письма русского путешественника).

В интересующих нас словах происходит, с одной стороны, параллельное развитие их смыслового значения - как медицинского термина (название болезни) и как синонима слова *печаль*, а с другой - дифференциация значений. Очень показательны в этом отношении объяснения, которые даются данным терминам в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского. *Ипохондрия* толкуется здесь как «степень меланхолии». «Болезнь сия, - продолжает он, - есть [...] у мужчин, что у женщин истерика», то есть медики того времени считали *ипохондрию* болезнью «мужчинам свойственной».

К концу XIX - началу XX века произошло уже более четкое смысловое размежевание этих медицинских терминов. В течение XIX века становится все меньше сторонников старой теории о том, что *ипохондрия* (*меланхолия*) вызывается только болезнью внутренних органов.

Со временем в европейской и русской медицине устанавливается взгляд на *меланхолию* как на «болезненную тоску», «подавленное состояние духа», а на *ипохондрию* - как на «чрезмерный страх за свое здоровье», болезненную мнительность, чреватую переходом в настоящую душевную болезнь. Ипохондрия и меланхолия

от хирургов и терапевтов постепенно переходят в ведение психиатров.

Огромную роль в истории слова *меланхолия* вне терминологической сферы его употребления сыграла поэтика сентиментализма с его культом грусти, сердечной скорби, мечтательной задумчивости. И не только сентиментализма. Прозаики и поэты первой четверти XIX века, особенно Жуковский, Карамзин и карамзинисты, к которым был близок и молодой Пушкин, очень ценили это душевное состояние. «Во времена Пушкина, - пишет академик Д.С. Лихачев, - ценилась «меланхолия». Сейчас мы плохо представляем, что подразумевалось под этим словом. Мы думаем теперь, что меланхолия порождается пессимизмом, равняется пессимизму. А между тем она была порождением эстетического преобразования всего того печального, трагического и горестного, что неизбежно в жизни. Меланхолия была «поэтическим утешением», и это очень важно почувствовать, чтобы понимать поэзию Пушкина, особенно посвященную природе» (Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983).

Выдающийся представитель русского сентиментализма Н.М. Карамзин в 1800 году пишет свое известное стихотворение «Меланхолия», которое, по словам Д.Д. Благого, является едва ли не самым «художественно-выразительным» произведением поэта (Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1951). *Меланхолия* характеризуется в нем как «страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных, несчастных счастье и сладость огорченных». В «Письмах русского путешественника» Карамзина и в порожденной ими серии подражательных «сентиментальных путешествий», в русской сентиментальной повести конца XVIII-начала XIX веков, в поэзии В.А. Жуковского и его последователей, культивировавших в своем творчестве «унылую элегию» (Дельвиг, Баратынский, Плетнев, молодой Пушкин), а также в произведениях их многочисленных эпигонов часто встречается образ мечтательного «меланхолика», упоминается о «томной меланхолии» и «меланхолическом уединении». В 1796 году в Москве выходит книга П.В. Победоносцева с очень характерным названием - «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца.»

Кульм меланхолии отразился также в западноевропейской и русской архитектуре усадебных садов и парков XVIII - нач. XIX вв. На островке в знаменитом Лазенковском парке в Варшаве был

построен «театр-руина»; декоративные античные и ложноготические «руины» были обязательны и для других польских пейзажных садов этого времени. «Руины» были сооружены также в Царском селе, в Павловском парке («кухня-руина», построенная Д. Кваренги), на Аптекарском острове («мост-руина» в имени Вольде); «руины» в виде башни - в пейзажном подмосковном парке Царицыно (бывшем поместье Екатерины II) и т.д. (Курбатов В.Я. Сады и парки. История и теория садового искусства. Пгр., 1916). Включая «руины» в пейзажи усадебных парков, их строители преследовали единственную цель - вызвать утешительное и сладкое чувство меланхолии.

Итак, в языке художественной литературы конца XVIII - первой трети XIX века завершается наметившийся ранее процесс изменения значения слова *меланхолия*, выход его за пределы медицинской терминологии. Оно перестает быть названием внутренней болезни и становится очень популярным словом, обозначающим душевное состояние человека. Характерно, что писатели этого времени для выражения тех же переживаний весьма редко используют его синоним - *ипохондрия*, что, видимо, связано с большей звуковой выразительностью первого слова (в нем имеется два плавных звука *л*), к чему, естественно, восприимчивы художники слова, особенно поэты.

В разговорной речи слово *меланхолия* подвергается различным звуковым искажениям и переосмыслениям. Народной этимологии, выразившейся в формальном сближении прилагательного *меланхоличный* с наречием *мало* и глаголом *холить*, обязано своим возникновением диалектно-разговорное слово *малохольный* или *малахольный* (Словарь русских народных говоров). Этому сопутствовал смысловой сдвиг: «печальный, грустный, удрученный» → «ненормальный, умственно неполноценный, глупый, больной, дефективный». Не исключено, конечно, что прилагательное *малохольный* возникло на базе когда-то существовавшей народно-разговорной формы *малохолия* (из *меланхолия*). В русских народных говорах существует выражение *Афоня малахольный*. Так называют в народе человека неуклюжего, неудачника и горемыку.

Таковы основные вехи истории рассмотренных нами слов. Отмеченные выше особенности функционирования слова *меланхолия* в художественной речи привели к тому, что в современном русском языке в своем нетерминологическом употреблении оба слова -

меланхолия и *ипохондрия*- выявляют некоторые различия. Первое из них обозначает меньшую степень депрессии, чем второе. Слово *меланхолия* широко известно, *ипохондрия*, как правило, встречается в книжном и научном языке, в профессиональной речи врачей-психиатров.

* Русская речь. 1986 г. - №2.

ОБ «УОТЕРГЕЙТЕ» И ПРОЧИХ «-гейтах»

В 1972 году во многие языки мира, в том числе и в русский, вошло название вашингтонского отеля «Уотергейт», где находилась штаб-квартира национального комитета демократической партии. Туда с целью шпионажа проникли агенты ЦРУ. Вскоре этим же словом стали именовать и крупнейший в истории США политический скандал - так называемое *уотергейтское дело*, приведшее к отставке президента Никсона. Благодаря «ассоциации по смежности» название места скандала превратилось, по сути, в новое собственное имя: им стали обозначать отрезок времени вместе с локализованным в нем событием.

Написание этого названия внутригородского объекта, гораздо чаще употребляющегося в переносном смысле, единообразно не отличается: «*Уотергейт*», *Уотергейт*, «*уотергейт*», *уотергейт*. Это связано с тем, что перед нами, в сущности, два омонимичных собственных имени, которые различаются контекстуально. Строчная буква в сочетании с кавычками указывает на употребление названия гостиницы в несобственном значении. При полном переходе собственного имени в нарицательное кавычки были бы излишни. Именно стремлением разграничить на письме эти омонимичные собственные имена объясняются варианты их графического оформления. Гораздо реже встречается употребление этих омонимов без каких-либо графических различий: «*Уотергейт*» как название гостиницы и как обозначение связанного с ней политического скандала. Отмечены случаи параллельного употребления в общем контексте этих омонимичных собственных имен, например: «Дата рождения «Уотергейта» (политического скандала. - *Е.О.*) известна точно. Ночью 17 июня 1972 г. негр Фрэнк Уиллс, вахтер фешенебельного комплекса «Уотергейта», обходя его коридоры,

обнаружил взломщиков в предвыборной штаб-квартире демократов и вызвал полицию, которая арестовала их» (Известия. 1983. 16 окт.). Такого рода соседство порождает смысловую игру, своеобразный ономастический каламбур.

Следующим шагом в смысловом развитии собственного имени «Уотергейт», выступающего в роли хрононима (от греч. *chronos* «время» и *опота, опута* «имя»), стало ослабление его связи с первичным топонимом (названием отеля) и появление в нем значения «всякий политический скандал». С такой семантикой это слово начинает широко употребляться с конца 70-х годов. Например: «Только пальцем троньте - я вам такой Уотергейт устрою...» (Сов. Рос. 1980. 8 авг.); «...Американская публика как бы не замечает других, куда более серьезных и для самых Соединенных Штатов опасных "уотергейтов"» (Лит. газ. 1983. 13 июля) и др.

В период деятельности администраций Д. Картера и Р. Рейгана для обозначения новых скандалов в политической жизни Америки, связанных со взаимной слежкой, взяточничеством и финансовыми аферами, в американской, европейской и советской печати распространяется выражение *новый Уотергейт*: «В американской столице, - писала 20 июня 1983 г. газета «Известия», - разгорелся новый «уотергейт» - громкий политический скандал, в центре которого оказалась нынешняя республиканская администрация». Вместе с тем отмечаются синонимичные ему индивидуально-авторские (оказиональные) словосочетания *Уотергейт-бис* и *Уотергейт-II* (Лит. газ. 1983. 13 июля; Известия. 1986. 12 окт.). При этом политический скандал 1972 года именуется *первым Уотергейтом* или *Уотергейт-I* (Известия. 1986. 12 окт.).

Распространение получают и словосочетания с прилагательными, образованными от названий стран и городов, где возникали крупные политические скандалы. Список подобных словосочетаний довольно велик: *сеульский «Уотергейт»*, *британский уотергейт*, *португальский уотергейт*, *египетский уотергейт*, *ирландский уотергейт*, *канадский Уотергейт*, *японский Уотергейт*, *боннский Уотергейт*, *кильский уотергейт*, *зеленый Уотергейт* и др. Последнее несколько необычное словосочетание равнозначно другому - *боннский Уотергейт*: в газете сообщалось о попытке спецслужб ФРГ опорочить одного из деятелей партии «зеленых».

О расширении лексических связей этого собственного имени особенно наглядно свидетельствует его употребление в статье «Утечка совести», напечатанной в газете «Известия» 17 апреля 1987 года. Ее автор И. Овчинникова рассказывает о том, как в совхозе «Сугоновский» Калужской области тайком с целью компрометации был записан на магнитофонную ленту разговор сельских жительниц их соседкой. «Сугоновские соглядатаи, - заканчивает статью корреспондент «Известий», - вооруженные магнитофоном, такого отпора не получили. Значит, деревенский «уотергейт» может повториться. Вот что печально-то».

Особенно активное развитие семантически обогащенное собственное имя *Уотергейт* получает в другом направлении - словообразовательном. Его конечная часть *-гейт* превращается в своеобразную морфему с признаками суффикса, которая, сочетаясь с основами новых имен и нарицательных существительных, участвует в образовании слов, обозначающих множество разновидностей других политических скандалов, получающих огласку махинаций, афер и т.д. Процесс этот начался в американском варианте английского языка, а затем захватил и другие европейские языки, в том числе и русский. Часть из них возникает благодаря так называемому «вставочному», или «телескопному» образованию новых слов, когда одно слово как бы «вставляется» в другое (наподобие частей зрительной трубы, телескопа), в результате чего появляется необычное (окказиональное) слово-гибрид. Таких новообразований в последние десятилетия в европейских языках появилось немало. Этот способ образования новых слов известен и русскому языку. Например, *тиранозавр* (*тиран* + *динозавр*) в статье М. Стуруа, напечатанной 28 февраля 1987 года в «Правде», или название заметки А. Карцева «*Порноментарий*» (*порнография* + *парламентарий*) об избрании в парламент Италии от радикальной партии итальянской порнозвезды (Комсомольская правда. 1987. 8 авг.) и др. Слово *уотергейт* как бы наполовину (на отрезок *уотер-*) входит в сочетающуюся с ним определительную лексему, выражая своей сохранившейся частью развившееся в нем значение «политический скандал» или просто «скандал» (конкретная информация о котором содержится в основе первого слова). Конечно, так было с первыми окказиональными образованиями этого типа. Позднее, по мере их накопления, конечный слог *-гейт* постепенно

становится оценочной морфемой, самостоятельно участвующей в образовании новых слов.

Нередко бывает трудно определить, рождены ли подобные новообразования с «суффиксом» *-гейт* в самом русском языке, или же они в транслитерированном виде проникли в него из иноязычных текстов. Скорее всего именно такого происхождения зафиксированные в языке наших газет и журналов 80-х годов слова: *киддигейт* - так называли историю с «киддиз» (< англ. *kiddy* «ребенок») - детьми вашингтонских сановников, наводнивших главное пропагандистское ведомство Белого дома; *брифингейт* - скандал в связи с похищением документов, подготовленных администрацией Картера в преддверии президентских выборов 1980 года, от *брифинг* (< англ. *briefing* «краткая информационная беседа с журналистами»); *букгейт* (< англ. *book*. «книга») - политический скандал, связанный с хищением конфиденциальных бумаг картеровской администрации, синоним *картергейта*.

В сочетании с основами английских личных имен (антропонимов): *Лэнсгейт* - от имени банкира Б. Лэнса; *Вескогейт* - от имени дельца Р.Веско; *Биллигейт* - от имени Билли, брата президента Картера. Сравните еще: «Впрочем, по мнению «Тайм», «картергейт» на руку многим республиканцам» (Известия. 1983. 25 сент.). В этот же период появляется и новообразование *Рейгангейт*, или *рейгангейт*: «Несколько дней назад о решении уйти в отставку объявил директор отдела связей Белого дома Дэвид Герген, игравший одну из ключевых ролей в “рейгангейте”» (Правда. 1983. 28 дек.); «Но если даже этот «маленький» пожар и удастся потушить, то большой пожар «Рейгангейта» разгорается» (Правда. 1983. 17 июля). Этот список можно продолжить: *нортгейт* - от фамилии Норт, носитель которой - один из ведущих сотрудников совета национальной безопасности США (1986); *Джонсонгейт* - от имени канадского спринтера Джонсона, принявшего допинг во время олимпиады в Сеуле (МН. 1988. 9 окт.); *коллоргейт* - от имени бразильского президента Ф. Коллора де Мелло: «Теперь то, что происходит в крупнейшей стране Южной Америки, называют “коллоргейтом”» (Известия. 1992. 28 авг.) и др.

Реже «суффикс» *-гейт* сочетается с основами географических имен, названий государств, их частей, внутригородских объектов и т.д., например: *Кореягейт* - синоним выражения *Сеульский Уотергейт*,

ЮАРгейт, Татрагейт - экологический скандал, связанный со словацкими Татрами; *Стауффергейт* - ограбление представительства демократической партии США в чикагской гостинице «Стауффер Ривер» и др.

Особо следует отметить получившее широкое распространение в газетных столбцах 1986-1987 годов слово *ирангейт*, которым стали именовать секретные поставки американцами оружия в Иран и перевод полученных денег на военную помощь в Никарагуа. В советской печати тех лет, как и в газетах других стран, появились и многочисленные варианты этого названия: *контрасгейт, иран-контрасгейт* (с вариантами *Иранконтрасгейт, иранконтрасгейт*), *ирангейт-контрас* и др.

Когда была образована специальная комиссия палаты представителей по расследованию «ирангейта» и в прессе появились первые сообщения о ее деятельности, возникла необходимость различать сам политический скандал и слушания по нему в сенатском здании «Рассел-билдинг». Это привело к расширению смысловых связей собственного имени *Ирангейт* с другими словами: «операция “ирангейт”-контрас» (Неделя. 1987. № 21); «участник “ирангейта”» (там же); «“ирангейтский” скандал» (За рубежом. 1987. № 3); «бушует “ирангейт”» (Известия. 1987. 26 янв.); «“ирангейт”... не затихает» (Правда. 1987. 24 янв.); «расследование “ирангейта”» (Известия. 1987. 15 июня) и др. После того, как была установлена причастность к продаже оружия Ирану и других стран, появились определительные словосочетания с прилагательными и наречиями, образованными от названий этих стран: *французский ирангейт, Ирангейт по-шведски* и др.

Безусловно русского происхождения целый ряд слов на *-гейт*, возникших под пером журналистов и писателей-сатириков. Все они являются окказиональными образованиями, вполне понятными читателю в специфических контекстах их употребления. Например, каламбурное «вставочное» слово *УОТТергейт* образовано путем включения одинаковой по звуковому составу начальной части коннотативного собственного имени «*Уотергейт*» в фамилию министра внутренних дел в администрации Рейгана Джимса Уотга. К образованию подобных «слов-слитков» могут быть привлечены и английские слова, хорошо знакомые русскому читателю. Например,

Чилдренгейт (< *children* «дети»): « - Э-э, все работа да работа! - сказал райпрокурор по порнопроблемам. - Поехали-ка лучше в одно значное местечко. Я знаю адресок. Устроим детский крик на лужайке. - Рискованно. Еще влипнем в скандальную историю, заварится какой-нибудь Чилдренгейт» (Крокодил. 1986. № 9).

Несколько подобных новообразований с компонентом *-гейт* было создано журналистом-международником М. Стуруа: *ЦРУгейт*, *ФРГгейт*, *угольгейт*, *космосгейт*, *большойгейт*. Последнее слово - результат «вставки» в словосочетание-название «Большой театр» коннотативного имени «Уотергейт» или присоединение к первой его части, выступающей как производящая основа, «суффикса» *-гейт*: «В Вашингтоне назревает новый большой скандал. Он так и называется - «большойгейт»» (Крокодил. 1987. №9). Улавливается игра слов: *большой скандал* («*-гейт*»), связанный с выступлением балета Большого театра. В этом же ряду находятся окказионализмы: *митингейт*, *АНТгейт*, *нефтегейт*: «В России зреет «нефтегейт»» (Известия. 1995. 31 авг.); *чеченгейт*: «Кризис имеет реальную возможность превратиться в «чеченгейт»» (ТВ. Останкино. Новости-плюс. 1994. 10 дек. Диктор). О продуктивности «суффикса» *-гейт* свидетельствует и факт появления только в 1994-1995 годах в газетной речи небольшой группы окказиональных существительных, первую часть которых составляют фамилии украинских политических деятелей: *Морозгейт* -от фамилии спикера Верховного Совета Украины А.Мороза, *Кравчукгейт*, *Кучмагейт*.

Иногда при соединении первой - определительной части нового слова и компонента *-гейт* происходят изменения их фонемного состава: наложения одинаковых звуков (*митингейт*), усечение начального звука в «суффиксе» *-гейт* (*КГБ-эйт*, *кагебейт*, *кагэбэйт*), делающие производное слово удобопронизносимым.

Отмечены также случаи самостоятельного употребления словоэлемента *-гейт* со значением «политический скандал». Например, в заголовках газетных статей: «Не новый ли... гейт?» (Известия. 1987. 20 мая); «Паутина «гейтов»» (Правда. 1987. 22 июня). Сравните еще: «Не надо залезать в дебри истории нынешней администрации, чтобы убедиться: «Ирангейт» не исключение, а правило, что всевозможные «гейты», разные по степени скандальности и масштабам последствий, случаются чуть ли не каждый месяц» (Известия. 1986. 18 ноября).

Словообразовательную продуктивность проявила только основа *уотергейт-*, от которой образовалась целая группа производных - прилагательных и существительных: *уотергейтский*; *послеуотергейтский*: «Так изменилась ли все-таки послеуотергейтская Америка?» (Известия. 1982. 16 июня); *постуотергейтский*: «В недолгий период постуотергейтского самобичевания...» (Известия. 1983. 17 окт.); *уотергейтцы*: «...адвокат-миллионер из Хьюстона, прославившийся тем, что посадил на скамью подсудимых некоторых “уотергейтцев”» (Известия. 1979. 13 сент.); *уотергейтик*: «Есть “уотергейты”. А есть и “уотергейтики”» (Известия, 1986. 12 окт.) и др.

Все сказанное свидетельствует о том, что в словообразовательную систему русского языка вошел весьма активный словоэлемент, областью функционирования которого является газетно-публицистический язык.

Русская речь. 1996 г. - №5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

ДО ПИТАННЯ ПРО ПСЕВДОСУФІКСИ В ТОПОНІМІЇ

Досі увагу дослідників ще не привертало цікаве явище, яке виникає при засвоєнні слов'янами іномовних топонімів - паронімічне вирівнювання їх вихідних частин з топоформантами системи, яка їх сприйняло, своєрідні топонімічні «парасольки» (мається на увазі добре відомий факт походження суфікса -ик на місці звукосполучення -ек у старій формі (XVIII ст.) *зондек* з голландськ. *zonedek*¹) і пов'язане з цим виникнення «псевдосуфіксів», що структуралізують спочатку аморфні, позбавлені внутрішніх «морфологічних вузлів» назви. Атракція вихідної частини такого імені, по-перше, включає його в «слов'янський топонімічний тип», що відрізняється яскраво вираженою суфіксальністю² і, по-друге, часто затушовує його етимологічну структуру, або скорочуючи на одну лексично значущу одиницю кореневий кістяк слова (у складених топонімів, пор. далі *Беше́ве*), або ж деформуючи поодинокую кореневу морфему, відсікаючи від неї кілька звуків, усвідомлюваних як слов'янський словотворчий афікс (пор. далі *Мурино*). Схематично цей процес можна зобразити таким чином (К - корінь, С - суфікс; велика літера вказує на цілісність морфеми, мала - на її ущербність; написання символів разом у правій графі означає втрату живих зв'язків між частинами перетвореної, внаслідок адаптації, основи):

Структура топоніма у мові-джерелі	Структура топоніма у мові-рецепторії
К + К	КС
К + К	КкС
К	кС

Теоретично можливий і четвертий тип адаптації, також супроводжуваної появою «псевдосуфіксів»: $K+C \rightarrow KC$ (де C_1 - суфікс

іномовного топоніма, С - слов'янський топоформант, що має близький звуковий склад і замінив іномовний суфікс), проте ми поки ще не маємо прикладів такого роду.

Конкретний аналіз деяких топонімів, що мають, на наш погляд, псевдосуфіксальні виходи, почнемо з назви правої притоки Мокрих Ялів, лівої притоки Вовчої, лівої притоки Самари, лівої притоки Дніпра - *Шайтанки* ³

Цілком зрозуміло, що назва цієї річки пов'язана з апелюванням *шайтан* - іменем диявола у народів тюркомовної сім'ї. Характерним є опис її берегів: «...у Шайтанки береги у верхній частині складені з густих глини, іноді каолінів і вапняку, а в нижній - з червоно-бурої пухкої глини з гіпсом, відслонення яких по схилах є непридатними для землеробства землями»⁴. Судячи з ґрунтової карти кол. Маріупольського повіту, у верхів'ях *Шайтанки* (поблизу сіл Валер'янівки, Андріївки, Кирилівського) і в середній її частині зустрічаються значні виходи каміння. Дно р. *Шайтанки* - кам'янисте, в деяких місцях береги її складаються з сірого і рожевого граніту, а в ряді населених пунктів, розташованих поблизу річки (наприклад, у селі Ново-Андріївка), на «непридатних» глинистих і кам'янистих ґрунтах погано ростуть дерева.

Усе це і визначило «демонічний» характер назви річки. У багатьох тюркських народів з іменем *шайтана* нерідко пов'язуються найменування небезпечних, неприступних людині місць - гір, прибережних скель і каміння, стрімчаків, річок, озер і урочищ; крім того, такі назви (а це для нас у даному випадку має особливе значення) дістають усякого роду жертovní і «погані» місця - нерівні, позбавлені рослинності неродючі землі⁵. Пор.: струмок *Шайтанка* - притока Чусової; *Асла-Шуйттан* - назва неродючої місцевості в Башкірії; р. *Шайтан* - права притока р. Емаху, притоки Тури; р. *Шайтанка*-притока Нейви; р. *Шайтанка*-права притока Тагілу і т. ін.⁶

Назва *Шайтан* могла закріпитися спочатку за кам'янистою і неродючою місцевістю, де протікала права притока Мокрих Ялів, а згодом, внаслідок контактного переходу, стати гідронімом. Пор.: гідронім *Шайтанка* - назва лівої притоки Межевої Утки, що бере початок на висотах каменя *Шайтана* і гори Білімбаїхи⁷. Очевидно, таке саме походження мають і численні уральські і сибірські *Шайтанки*. Суфікс -ка у цих назвах має відносне значення, оскільки він свідчить про похідний характер назви річки, про те, що на ній десь є (або було,

та вже забуто) таке місце, яке вважалось «нечистим».

Проте у частини *Шайтанок* суфікс *-ка* міг мати інше походження: його можна розглядати як напівзруйнований тюркський географічний термін *ка* «скеля». У цьому випадку праформою розглядуваного гідроніма слід вважати словосполучення *Шайтан-ка* «чортова скеля» (випадок переходу ороніма у гідронім, пор.: р. *Кая* - ліва притока Мологи, права притока Вятки, права притока Камі⁸). Спинімося на цьому докладніше.

Увагу дослідників топонімії Криму привертали кримські географічні імена з виходами *-ка* і *-тка* (типу *Махалатка*, *Варнутка*, *Мишатка*, *Бешкуртка*, *Окурка* та ін.)⁹. Як правило, це назви сіл і урочищ. Пор. ще гідронім *Лименка* - назва річки, що впадає в Голубу затоку поблизу Сімеїза¹⁰. Безперечно, що лише частина цих назв містить пізніше слов'янське суфіксальне нарощення *-ка*. Причому або цей суфікс міг бути згодом приєднаний до тюркського топоніма слов'янським населенням Криму¹¹, або ж дуже активний слов'янський топоформант був удруге привнесений до первісного топоніма двомовними тюрками (до речі, є приклад подібного запозичення слов'янського суфікса *-ка* (або *-йка*) для позначення осіб жіночої статі деякими балканськими тюрками: як одну з особливостей гагаузького діалекту його називає у своїх етюдах В. Дримба¹²).

Певну частину їх, очевидно, слід розглядати як результат структурного вирівнювання з міцним шаром слов'янських топонімів, що мають суфікс *-ка*. Такого уподібнення могли зазнати численні у кримській і кавказькій топонімії означальні словосполучення з двох іменників з означуваними компонентами *ка* «скеля», *коя* або *кой* «захищене місце», «село», *кую* (*куй*) «колодязь». Пор. *Ак-ка*, *Гелін-ка* (на Кавказі), *Фулі-ка* (букв. «гніздо, скеля») - поблизу Нікити Кримської, *Самар-ка* (букв. «сідло-скеля», тобто скеля з сідловиною), *Саври-ка*, гідронім *Дере-коя*, ойконім *Дере-коє*, *Кучук-кой*, *Осман-кой*, *Татар-кой* та ін.¹³ Ці складні географічні імена дістали відбиття і в ряді документів, що стосуються історії запорозьких козаків. Так, у копії реєстру кримських комісарів 1749 р. названі урочища з означуваним терміном *кую* (у редукованій формі *-куй*): *Буруликуй*, *Каракуй* та ін.¹⁴

Чимало таких назв, безперечно, було і в Північному Приазов'ї. Адже у створенні топонімії Криму і Північного Причорномор'я (органічною частиною якого є й Північне Приазов'я) брали участь

взагалі ті самі етнічні колективи, і одна з найбільш активних їх частин - кримські (і ногайські) татари. Тому вивчення географічних назв тюркського походження на цих територіях повинно проводитися комплексно. Інтенсивні пересування кримських татар у Приазов'ї, переселення сюди в кінці XVIII ст. тюркомовних греків внесло в топонімію Північного Приазов'я досить значний середньо- і новотюркський елемент. Повз це явище проєкції топонімії Криму на малодиференційований в топонімічному відношенні ландшафт «дикого поля» не можна проходити тим, хто займається вивченням географічних назв даної території. Тому припускається, що цілий ряд процесів, які відбувалися в топонімії Криму, мав місце і в Північному Приазов'ї. Однією з таких змін і міг бути перехід географічних термінів *кая*, *кую* і *кой* у тюркських топонімічних ізафетах у суфікс *-ка* після того, як ці назви були засвоєні слов'янами, що «підігнали» їх під одну з найактивніших словотворчих моделей своєї топонімії. Для українського населення Криму і приазовських степів у зміні *-кая* в *-ка* другорядну роль аналога могла відіграти і кореляція закінчень в українських і російських субстантивованих прикметниках жіночого роду в топонімічній функції (*висока/высокая*, *глибока/глубокая* і т. ін.). Кримські топоніми *Бойка*, *Мухалатка*, *Камака*, *Бешка* та ін. гіпотетично можна вивести з «праформ»; **Бой-кая* або **Боя-кая*, тобто «довгий» або «кольоровий камінь» (або *скеля*) (за свідченням О.І. Маркевича, у мові російського населення Криму назва урочища *Бойка* зазнала вторинної субституції - перетворилася у топонім *Бойкое*¹⁵), **Мухалет-кая* «одвічна скеля», **Кама-кая* «кинджал-скеля», **Беш-кая* «п'ять скель» і т.д. До речі, таку трансформацію вихідної частини топонімічних ізафетів, що цікавлять нас, в окремих випадках припускав і А.Л.Берт'є-Делагард. Ось що він пише про назву села *Варнутка*: «На перших наших картах це село назване *Верникуль*, *Ворунку* за винятком кінцівки, зіпсованої *кой* (село), основна назва була, мабуть, як відчувається у говорі татар і тепер *Верин*, *Веран*, що значить «покинута, залишена». З такого ж імені на заході Криму ми зробили *Варнутку*»¹⁶. А.О. Білецький запропонував іншу етимологію цієї назви: основу топоніма він пов'язує з етнонімом *арнаут* «албанець», а вихід *-ка* виводить з грецького суфікса *-іка* з подальшою редукацією *-і*¹⁷.

Мабуть, вихід *-ка* в топонімії Криму має гетерогенний характер: у ряді топонімів, особливо південного узбережжя Криму, його,

безперечно, слід виводити з грецького **-іка**, але серед кримських топонімів з формантом **-ка**, безумовно, є й такі, в яких **-ка** - псевдосуфіксальний елемент. Привабливим здається з'ясування етіології таких звукових перетворень у кінцевій частині тюркських топонімів для різних районів їх поширення (наприклад, для південного і північного Криму, для Приазов'я і т.ін.) і також виявлення проміжних стадій - паралельного вживання топонімічних структур із афетного і псевдосуфіксального типів (чого тепер у Криму через відсутність там живих тюрко-слов'янських мовних контактів, уже, на жаль, зробити неможливо).

Саме тому в Криму і на Кавказі ми можемо знайти і первісну форму *Шайтан-ка*, і вторинну - *Шайтанка*¹⁸. Гора *Кішка* поблизу Сімеїза, біля якої протікає річка *Лименка*, за свідченням П. Кеппена (1837), на початку минулого століття мала назву *Лимен-ка*. Таким чином, ми можемо припустити наявність псевдосуфікса **-ка** в гідронімі *Лименка*, що виник внаслідок контактного переносу ороніма на гідрооб'єкт. Розглянутий приклад може бути кримською паралеллю до виникнення гідроніма *Шайтанка* і в Північному Приазов'ї.

До речі, про подібну трансформацію повнозначного тюркського слова *ка* у слов'янський суфікс **-ка** в топонімічних ізафетах свідчить і матеріал книги Й. Заїмова «Местните имена в Пирдопско». Хоч дослідник і не констатує цього, але деякі факти, на наш погляд, свідчать саме про те, що низка балканських топонімів з суфіксом **-ка** також виявляє аналогічні псевдосуфіксальні виходи. Так, поряд з топонімічним ізафетом *Топалка* (турецьк. *topal* «кульгавий, куций, відбитий») у цьому ж районі існує й назва лісистого горба *Топалка*; поряд з пасовищем *Чобан-ка* (букв. «пастуша скеля») знаходяться й три голі горби (р'єтлини) - *Чобанкіте*, *Малка* і *Голяма Чобанка*, назви яких сам Й. Заїмов виводить від зниклого апелятива *чобанка* (рослина *Petasites*). Переходові географічного терміна *ка* у суфікс **-ка** сприяло, очевидно, також прагнення до диференціації топонімів, що звучали однаково, але стосувалися близько розташованих об'єктів. При цьому назва пасовища, яка виникла внаслідок топонімічної метонімії (пасовище розташоване поряд з горбом *Голяма Чобанка*), зберегла стару форму топоніма¹⁹.

У Північному Приазов'ї відзначено і другий фонетичний варіант *-хая*²⁰. Пор. *Таш-хая* (біля с. Гранітного Тельманівського р-ну

Донецької обл.), уже забутий оронім *Арма-хая* (на ва горба на правому березі р. Кічиксу, біля каменоломень). Характерно, що і цей варіант, у свою чергу, зазнав впливу слов'янських топонімів з суфіксом *-аха* (*Домаха, Волноваха, Каминсваха* та ін.): велика плоска скеля на р. Кальміусі і невеликий водоспад біля неї мають назву *Качамаха* (з **Качамак-хая*, пор. турецьк. *качамак* «утеча, відхилення, виливання», *качамак јолу* «околиця»²¹ та ін.).

Гіпотеза про псевдосуфіксальну природу кінцевого *-ка* у деяких оронімах, ойконімах та гідронімах Криму і Приазов'я дозволяє прийти ще до одного етимологічного висновку. Частина кримських форм на *-гка* (див. вище) може бути виведена з фонетичного варіанта виходу з дентальним призвуком *-'ка* (*-'хая*), де *т* - слід члена (артикля) з грецьких діалектів Криму, що уніфікувався. Очевидно, це результат взаємопроникнення елементів кримськотатарської і новогрецької (точніше «румейської») мов у мовленні населення Криму. Цей фонетичний варіант, наприклад, зареєстрований під час літніх топонімічних експедицій 1964-1965 рр. у с. Кременівці (кол. Чердакли) Волновахського р-ну Донецької обл.: *Чаннавак-^тхая, Мега-^тхая* (цей «великий камінь» знаходиться на р. Полковій, лівій притоці Кальчику, правій притоці Кальміусу).

Такий самий псевдосуфікс *-ка* може виникнути і при зіткненні слов'ян з іншими топонімічними системами. Пор. *Лимбелька* - гідронім селкупського походження з псевдосуфіксом *-ка*²², на середній Волзі - *Ташелка* (з тюркськ. *Таш-елга* «кам'яниста ріка»²³), останній гідронім добре ілюструє структуру КкС (див. таблицю на початку статті). З іншого боку, суфікс *-ка* може виявитися і в гідронімі, де, на перший погляд, він відсутній. Такою є морфологічна структура деяких *Уток*: пор. *Утка* з **Уд-ка* (права притока Удая (Уди), праві притоки Сули, лівої притоки Дніпра), р. *Утка* на західному березі Камчатки, що впадає в Охотське море (< *Ут* + суфікс *-ка*)²⁴. Прямий зв'язок з омонімічним аелягнвом погасив у гідронімах їх суфіксальний елемент.

Можна навести й інші приклади субституції вихідного складу (ауслота) топонімів неслов'янського походження²⁵. Йі Заїмов указує на назви рівнини - *Балъковец*, що виникла з турецьк. *bağlık ovası* «виноградне поле» (турецьке повнозначне слово було морфологічно уподібнене болгарському суфіксу *-овец*)²⁶. Псевдосуфіксальну основу має і топонім *Бешеве* - назва районного центру Донецької області. Його

первісна структура *Беш-ев* «п'ять домів» (ця меморіальна назва, перенесена в Північне Приазов'я з Криму, в документах XVIII ст. ще представлена у формі *Бешуй* пор.: «при деревне *Бишуй*», «при деревнях *Енасала и Бишуй*» і т.д.). Елемент *-ев* був осмислений слов'янським населенням Приазов'я як суфікс з посесивним значенням (за типом *Снакієве, Селідове* і т.д.). Пор. ще бурятський гідронім (у російській адаптації) *Мурино* (або *Муришья*) < бурятськ *Мурэн* і т.ін.²⁷

Усе сказане змушує нас ставитися з певною обережністю до визначення первісної структури топонімів з ауслаутом *-ка*, серед яких в українській і південноросійській топонімії можуть бути і псевдосуфіксальні. Індикатором псевдосуфіксальної природи *-ка* при діахронічному підході майже завжди буває неслов'янський тип основи, звичайно, коли вона не зазнала пізнішого переосмислення. Так, гідронім *Бешика* (права притока Інгульця, права притока Дніпра), можливо, сягає однієї з «праформ» - **Беш-кая* або **Беш-кую* (букв. «п'ять колодязів») ²⁸. Можливо, дещо інакше слід етимологізувати і назву лівої притоки Дніпра *-Конка*²⁹. Ось опис цієї річки, зроблений в середині минулого століття: «Долина річки глибока, схили до самої течії стрімкі й круті, особливо правого берега, але така властивість долини річки Кінської тягнеться тільки до села Малої Катеринівки; від цього села до самого гирла, верств 50 з лишком, правий берег перетворюється на широку рівнину, відому під назвою Великий Луг. Простір між річкою Кінською і Дніпром, що має назву Великий Луг (Плавні), має завширшки до 18 верст і завдовжки до 40»³⁰. У XVII ст. береги *Кінки*, або *Кінських Вод*, були улюбленим місцем кочовищ кримських татар. Звідси татарська назва цієї річки *Йылки-су*, букв. «табунна вода» (тюркськ. *йылкы* - «коні, що живуть табунами», «худоба, що живе в табунах») ³¹. Коли навіть дотримуватися традиційної етимології гідроніма³², то все ж таки слід вважати, що форма *Кінські Води* («Книга Большому Чертежу») не імманентно виникла у слов'янській гідронімії півдня, а є наслідком пізнішого калькування тюркської назви. Про секундарне походження гідроніма *Кінські Води* свідчить насамперед той факт, що у первісних слов'янських гідронімів цього «анімального» ряду атрибутивна частина майже завжди має пейоративне значення. Пор.: *Вовчі Води*³³, *Кобил'яча Вода* та ін., тоді як річка *Кінські Води* несе чисту, цілком придатну для пиття воду.

Щодо варіанта *Конка*, то його слід розглядати або як продукт

дальшої структурної субстантивзації назви *Кінська* (рос. *Конская*), або як гідронімічний рефлекс якогось іншого імені. Ми припускаємо, що поряд з назвою річки і місцевості *Йылкысу* паралельно існувала й інша татарська назва *Великого Лугу* -хоронім з тюркським коренем *кон* «розташуватися на життя, осісти, спинитися», «спинитися на нічліг», «жити, проживати»³⁴. Пор.: апелятив *конака* (тур.) «стоянка, зупинка»³⁵; річка в Криму та її долина *Конака* (на захід від Іскюта)³⁶. У цьому випадку варіант *Конка* являє собою гідронімічне продовження хороніма *Конака*. Коли далші дослідження підтвердять запропоновану нами етимологію (*Конка* <* *Конака*), то і в цьому випадку перед нами буде псевдосуфіксальне утворення.

Далші дослідження, можливо, виявлять нові види адаптації звукових виходів іномовних імен в українській та російській топонімії за допомогою псевдосуфіксів, крім тих, які відзначені вище (КС, КкС, кС, КС). На закінчення хочеться ще раз підкреслити, що припущення про можливість виявлення псевдосуфіксів (наприклад, *-ка*, *-ев*, *-ин*, *-овец* та ін.) має особливе значення насамперед при етимологічному аналізі субстратної топонімії; врахування особливого становища псевдосуфіксів серед омонімічних топоформантів слов'янського походження (на відміну від останніх вони виникають як наслідок не морфологічного розвитку імені, а його деформації) у деяких випадках дозволить внести певні корективи щодо вивчення складу тих чи інших словоутворених рядів, представлених на даній території, і, кінець кінцем, допоможе уникнути ще однієї топонімічної пастки.

* Мовознавство 1971, №4.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ З інших апелятивних паралелей пор.: діалектне слово *бейка* «жвава жінка» з тюрк. *бей-ке*, *бий-ке* < *бике* «дружина або дочка бека», «господиня, господарка дому» (А.Н. Кононов, Заметки (II) тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров», «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1969, вип. 6, стор. 535).
- ² Див.: В. А. Никонов, Славянский топонимический тип, «Вопросы географии», 1962, 58, стор. 22.
- ³ Деякі попередні спостереження над псевдосуфіксальним формантом *-ка* містить наша нотатка «Псевдосуффикс *-ка* в топонимии Крыма и Северного Причерноморья», у зб.: «К новым успехам советской науки. Тезисы и сообщения научной конференции ДонГУ», Донецк. 1966, стор. 161 - 164.
- ⁴ «Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии», вып. I, Мариупольский уезд, Екатеринослав, 1904, стор. 11.
- ⁵ Див. про це: «Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии», Пермь, 128

1910, стор. 11; Н.И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. 2, Казань, 1929, стор. 114; Й. Заимов, Местните имена в Пирдопско, София, 1959, стор. 149.

⁶ «Географический и статистический словарь Пермской губернии», сост. Н. Чупиным, Пермь, 1873, стор. 301 (див. вказівку про те, що лише у Верхньо-Нейвінській дачі відомо п'ять *Шайтанок*); Р.Маак, Виллойский округ Якутской области, ч. 2, СПб., 1886, стор. XXXVI («Приложение»)-Ш.-«стрімке скелясте відслонення на правому березі р. Чоны»; А.А. Тилло, Свод нивелировок рек, их падение и каталог абсолютных высот., СПб., 1892, стор. 48, 71; «Словарь дачи Алапаевских заводов», Екатеринбург, 1901, стор. 128; «Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии», стор. 787-788 та ін. Про назву *шайтан* як географічний термін див.: «Пермские губернские ведомости», 1855, 28; «Записки Уральского об-ва любителей естествознания», т. 3, стор. 67, 75; «Отчет имп. Русского географического об-ва за 1880 г.» та ін.

⁷ «Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии», стор. 787.

⁸ Рагозин В. Волга, т. 3, СПб., 1883, стор. 410.

⁹ Див.: Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов, «Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии», т. 2 (59), Симферополь, 1928, стор. 19-20; останнім часом вони розглядалися А.О. Білецьким у статті «Основні етимологічних досліджень ономастичного матеріалу», у зб.: «Ономастика», К., 1966, стор. 12.

¹⁰ Див.: Щеглов А.Н. Об изучении топонимии средневекового Крыма, «Записки Одесского археологического об-ва», т. I (34), Одесса, 1960, стор. 341.

¹¹ Процес слов'янізації топонімії Криму почався одразу ж після приєднання його до Росії (див. про це у зазнач. праці А.І. Маркевича).

¹² Див.: Grimba V. Etudes gagaouzes (II), «Revue roumaine de linguistique», IX, 1964, 3.

¹³ Див.: Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических, СПб., 1837, стор. 3, 5, 198, 200 на ін.; И. Леваковский, Наружные и подземные воды в Екатеринославской и Таврической губерниях в зависимости от местных условий, «Горный журнал», 1883, т. 3, стор. 82; П.Семенов, Географическо-статистический словарь Российской империи, т. I, стор. 31, 623; т. 2, стор. 5, 364, 389, 396, 490, 890; т. 5, стор. 828, 852.

¹⁴ Эварнцкий Д.И. Сборник материалов для истории запорожских казаков, СПб., 1888, стор. 22, 29, 41.

¹⁵ Маркевич А.И. Знач, праця, стор. 21.

¹⁶ Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, Одесса, 1914, стор. 23.

¹⁷ Білецький А.О. Знач, праця, стор. 12.

¹⁸ Див.: Леваковский И. Знач, праця, стор. 83; П. Семенов, знач, праця, т. I, стор. 256.

¹⁹ Заимов Й. Знач, праця, стор. 268, 285. У пирдопській оронімії, як свідчать факти, наведені у книзі Й. Заїмова, відбувається і процес заміни турецького географічного терміна *каја* болгарським *камик*.

²⁰ Цей варіант відзначено П. Кеппенем і в оронімії Криму. Пор. назви урочищ *Хабахлан Хаясы*, *Хапларин Хаяси*, *Чива-хая* (варіанти: *Дзива-* або *Джива-хая*) (див.: П. Кеппен, знач, праця, стор. 11).

- ²¹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, СПб., 1893, стор. 337.
- ²² Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения, ВЯ, 1959, 4, стор. 36.
- ²³ Р.Х. Субаева, О названиях рек и озер Среднего Поволжья, «Известия Казанского филиала АН СССР. Серия энергетики и водного хозяйства», вып. 3, Казань, 1961, стор. 302.
- ²⁴ Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894, стор. 462.
- ²⁵ Утворення псевдосуфіксів як наслідок деформації колінь повнозначних слів відоме також антропонімії. Пор. форму імені посла кримського хана *Менглі-Гірея - Магамедша* (<*Магамед-шах*): «вместе с его послы, с Магамедшею с князем с товарищи» (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, т. II, М., 1895, стор. 52; 1509 р.). В Устюзькому літописному зводі (Изд-во АН СССР, М.-Л., 1950) під 1378 р. зустрічається ім'я татарського князя *Апраша* або *Арпуша* (з *Араб-шах*) (тут *шах* > *-ша* під впливом антропонімічної моделі *Криеша, Первуша* і т. ін.).
- ²⁶ Заимов Й., зазнач, праця, стор. 111.
- ²⁷ Митрошкина А.Г. Явления фонетической адаптации монгольской (бурятской) топонимии в русском языке, у зб.: «IV Республиканська ономастична конференція. Тези», К., 1969, стор. 33.
- ²⁸ І справді, її басейн формується п'ятьма річками - *Орловою Балкою* з лівою притокою *Скалеваткою*, *Мурзинкою*, *Лозоваткою* й *Осиковаткою* (П.Л. Маштаков, Список рек Днепровского бассейна, СПб., 1913, стор. 9). Про вірогідність стягнення (універбації) складеного топоніма з числівником *беш* у передбачуваних праформах (*Беш кая*, *Беш кую*) свідчить уживання його А. Ригельманом у дуже характерному контексті, що містить й інші назви з нумеративним членом: «...речке Сухому Ташлькю, *Семи Боеракам*, речке Черному Ташлькю... речке *Беш Боироскове* (!), речке Костоватой Балке... речке Камышеватой, речке *Бешке*, Мурзыным Боеракам...» («История о казаках запорожских». М., 1847, стор. 34).
- ²⁹ Пор. у Никонова В.А.: «Из рус. конь «лошадь» («Краткий топонимический словарь», М., 1966, стор. 203).
- ³⁰ «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами генштаба. Екатеринославская губерния», СПб., 1862, стор. 43.
- ³¹ Радлов В.В., зазнач, праця, т. 3, стор. 485.
- ³² Ця етимологія добре підтверджується і природно-історичними реаліями (див.: О.С. Стрижак. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини, К., 1967, стор. 56-58).
- ³³ Про недоброякісну воду у річці з назвою *Овечьи Воды* в кол. Тульській губ. див.: Ф.П. Саваренский, О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными, «Труды Тульской губернии ученой архивной комиссии», кн. I, Тула, 1915, стор. 143. Про пейоративне забарвлення в складеному гідронімі *Вовчі Води* див.: Е.С. Отин, К етимологии названий некоторых рек «анималистского» происхождения, «Повідомлення Української ономастичної комісії», вип. 2, К., 1967, стор. 13-27.
- ³⁴ Радлов В.В., зазнач, праця, т. 2, стор. 531-535.
- ³⁵ Місцевість Великий Луг, або гіпотетична *Конака*, нерідко використовувалася кримськими татарами як плацдарм для концентрації сил перед нападом на

українські й російські землі (див.: «Лебедевская летопись», «Полное собрание русских летописей», т. XXIX, М., 1965, стор. 247, 251; 1556 р.).

³⁶ Леваковський І., зазнач, праця, стор. 111; А.Л. Бертьє-Делагард, зазнач, праця, стор. 23.

РІЗНІ ТИПИ ПАРОНІМІЧНОГО ВИРІВНЮВАННЯ СЛІВ В АПЕЛЯТИВНІЙ ТА ОНОМАСТИЧНІЙ ЛЕКСИЦІ

Значне поширення в топонімії уподібнень семантичне неясних назв до форм слів, які членуються на лексичні морфеми і мають загальнозрозумілі номінативні значення, часто приводить до некритичного використання традиційного терміна «народна етимологія», яким кваліфікуються найрізноманітніші паронімічні зближення. Схожа картина спостерігається при розгляді фактів т. зв. народної етимології і в галузі апелятивної лексики. Головна причина цього полягає передусім у недосконалому самому терміна, який досить сумарно визначає різні реалізації даного мовного явища, загалом уже цілком ґрунтовно описаного у лінгвістичній літературі¹.

З'явившись вперше 1852 р. у праці Е. В. Ферстемана, опублікованій у першому випуску першого тому журналу «Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung», термін «народна етимологія» (Volksetymologie) набув широкої популярності у 70-80-х роках у зв'язку з розробкою вчення про аналогію. Поряд з цим терміном тривалий час уживалися й інші - «народний словотвір», «лексична асиміляція», «аналогія», «морфологічна асиміляція», «семасіологічна асиміляція» тощо.

Величезний фактичний матеріал, введений у науковий ужиток першими дослідниками народної етимології², вже в кінці 70-х років XIX ст. дозволив диференційовано підійти до її характеристики та виявити в ній кілька основних різновидів, що позначаються відповідними термінами. Це (за Я. Карловичем і К. Аппелем) *асонація* (за В.О.Богородицьким, «акустична субституція звуків»), *арадикація* (rodprniowanie; за В.О. Богородицьким, «морфологізація») та *адидеація*

(przemyślenie; за В.О. Богородицьким, «семасіологізація»). Оскільки суто фонетичне пристосування іншомовних слів не торкається семантичної сфери мови, до якої належить народна етимологія, то асонацію з часом перестали пов'язувати з народною етимологією, яка виявляється на ґрунті значущих частин слова (ще І.А. Бодуен де Куртене і В.О. Богородицький розглядали у межах народної етимології такі асонативні утвори, як *льосипед, патрет і кіятер*³⁾). З огляду на її асемантичний характер, асонацію не можна вважати навіть «щонайпростішою» формою народної етимології. Що ж до інших її різновидів - арадикації та адидеації (а саме з цими різновидами т. зв. народної етимології найчастіше зустрічаються дослідники апелюючи до онوماстичної лексики), то в більшості випадків вони тепер характеризуються терміном народна етимологія, який не дозволяє побачити своєрідності досліджуваних фактів.

Арадикація об'єднує численні випадки структурної переробки семантично неясних слів на ґрунті звичайних будівельних елементів мови - кореневих морфем, або «радиксів». У принципі механізм дії арадикації мало чим відрізняється від асонації, оскільки і тут має місце суто зовнішнє пристосування словесних знаків до наявного в даний період існування мови її морфемного лексику, що, проте, не приводить до розкриття смислової структури слова і не робить його скільки-небудь етимологічне мотивованим. Фактором, що визначає зміни у внутрішній будові слова при арадикації, є «економія сил»: слово набуває звичного фонемологічного складу і виглядає «своїм» на тлі багатьох інших питомих слів з імпліцитною мотивацією (наприклад, такі форми, як *карасин, антонобиль, високосний* тощо, завдяки арадикації сприймаються у тому ж психолінгвістичному ракурсі, що й такі опрощені слова, як *опенок, желудок, окно, разнять* та ін.). Враховуючи, що етимологія самою своєю суттю спрямована на знаходження вихідного значення слова чи на відновлення його «морфологічної історії» (В.Пізани), арадикацію також не можна вважати різновидом народної етимології, що, як і наукова етимологія, покликана пояснювати мотивованість слова або повертати йому втрачену мотивованість. Слова, що зазнали дії арадикації, наприклад *антонобиль, карасин* тощо, хоч і набули звичних «корневих» частин (*антон-, карас'-*), все ж залишилися семантично непроникними. У цьому випадку також відсутній перехід «номінативних» слів у «описові»⁴⁾; їх

зміст, як і раніше, не зумовлюється їх морфемним складом.

Форми *расшива* (<нім. geiseschiff), *полуclinика*, *канитель*, *некрут*, *небель*, *дифтерик*, *филенка*, *разгильдяй* та ін., де вирівнювання відбувається тільки на рівні афіксальних морфем (*райзе*-> *рас*-; *поли*-> *полу*-; *ре*-, *-ме*> *не*-; визвук *-ille* > суфікс *-тель*; *-ii* > *-ик*, визвук *-ung* > *-енк(а)*); *Ураз*- > *раз*-⁵ і т. ін.), дістають тільки «морфологізацію» (В.О.Богородицький), яка не зачіпає смислової сторони слова, і їх не слід змішувати ні з арадикацією (вирівнюванням за коренем), ні з фактами народної етимології, що, як буде показано далі, мають місце лише при адидеації.

При т.зв. адидеації (за В.О. Богородицьким, «семасіоло-гізації») відбувається, як пише Я. Карлович, «притосування незнайомого слова до кореня, який має більш або менш близьке з цим словом значення»⁶. Близькість у цьому випадку кореня не генетична, а функціональна. Паронім, що міняє склад слова, яке зазнало адидеації, певними елементами своєї смислової структури відбиває реальні властивості або функціональну сутність того явища чи предмета дійсності, що позначаються цим словом, і з цього погляду продукт подібної паронімічної атракції можна вважати логічно виправданим. Тому, на нашу думку, тільки адидеація є тією галуззю мовної діяльності, яку можна кваліфікувати як народну етимологію. Саме в такому аспекті розглядається явище «хибної етимології» в статті А.Ф. Ленкової: «...хибна етимологія, що супроводжується викривленнями фонетичної форми слова, ґрунтується не тільки на фонетичних, *але й на логічних асоціаціях*»⁷ (курсив наш. - Є.О.).

Один з словотворчих дублетів польського слова *karaluch* «чорний тарган» *каракан* несе на собі сліди народної етимології. І.Г. Добродомов припускає тут вплив тюркського прикметника *кара* «чорний»⁸, хоч паронімічна атракція запозиченого з російської мови слова могла мати місце на тюркському мовному ґрунті (з розвинутим у російській мові значенням «домашня комаха» це слово ввійшло в деякі мови тюркської групи, так само як і слово *харчи* в значенні «їжа»), де зв'язок між реальною властивістю денотата (чорним забарвленням таргана) та семантикою прикметника *кара* був живим. Польська мова могла одержати вже готовий вірець такого зближення, із заміною етимологічного *t* на *k*, але не з російської, а з тюркських мов. Очевидно, «народною етимологією», а не переорієнтацією внутрішньої форми

слова *rusak* на етнонім *руський* (думка І.Г. Добродомова) пояснюється поява польського слова *gus* на позначення рудого таргана (прусака). Тут відіграла роль не тільки зовнішня, а й внутрішня - смислова - співвіднесеність із прикметником *gusy* «світлокоричневий, жовтуватий».

Такі слова, як *мазелін* (< *вазелін*), *спиндзак*, *плитуар*, *купиратив*, *копитал*, *смирение* (< *смерение*), *гульвар*, *крылос*, можливо, *макотра* < грец. μακτρά), *миродер*, *скупулянт*, *сальний* «брудний, соромітний» (< фр. sale), *уедиенция* (< аудіенция, XVII-XVIII ст.), *колики* (< лат. colica або фр. coliques), *винополька* (< монополия), *великатный* (< деликатный), *секуция*, *секутор* (< экзекуция, экзекутор), *пукет* (< букет), *роздых* (нім. Rasttag)⁹, *груздо* (< грустно), *прижим* (< режим), *буймистр* (< бурмистр), *близорукий*, *бісурман*. (< басурман), укр. діалектне *оглух* (< рос. олух), польск. *rozgrzeszyć* (< *rozgrzeszyć*) «відпустити гріхи» та ін., становлять класичний приклад дії народної етимології, оскільки паронімічна атракція при утворенні цих форм не мала зовнішнього чи випадкового характеру, як при арадикації, а зачепила змістову сторону слів. На їх прямі номінативні значення нашаровуються побічні смислові відтінки, джерело яких - основні значення паронімів, наприклад, *уедиенция*-це не просто офіційний прийом, а зустріч з вельможною особою без свідків, на самоті - «в уединении», *буймистр* - це не тільки службова особа, але й людина лютої, буйної вдачі і т. ін. Але найголовніше те, що привнесені в слова, які зазнали адидації, кореневі морфемі певним чином відбивають реальні властивості відповідних денотатів (*мазелін* «мажеться», *спиндзак* «прикриває спину», *плитуар* «вимощений плитами», *макотра* «служить для того, щоб терти мак», *секутор* «той, хто січе», *гульвар* «місце, де гуляють» тощо).

Такого роду активні відношення між народноетимологічною переробкою слова та його денотатом можна визначити як корелюючі, тоді як при арадикації смислові структури взаємодіючих слів протистоять одна одній.

Особливо ж наочно відмінність між арадикацією і адидацією (народною етимологією) представлена у випадках, коли обидва види паронімічного вирівнювання відбито в одному і тому ж слові. Пор., з одного боку, російську форму *мелкоскоп* (народна етимологія), а з другого - *мітроскоп*¹⁰ (арадикація). У такому ж відношенні перебувають і форми слів, які виникли в наш час у російській розмовній мові,

обеспечер (тобто *диспетчер*, адидація з *обеспечить*) і *беспечер* (арадикація з *беспечный*)¹¹. Всі розглянуті А.Ф. Ленковою факти хибної етимології (= народної етимології) з німецької мови яскраво виявляють наявність саме таких корелюючих смислових відношень («логічних асоціацій») між взаємодіючими лексичними одиницями (наприклад: фр. *aventure* «природа» // нім. *Abend* «вечір» = нім. *Abenteuer*¹², лат. *carbunculus* «карбункул, червоний гранат» // нім. *Funke* «іскра» = *Karfunkel*, *Pygamide* «піраміда» // *Berg* «гора» = *Bergamide* та ін.). Характерно, що поза увагою автора (отже, і поза термінологічним закріпленням) залишилися поширені випадки беззмстовних зближень «за коренем» (особливо в топонімії) і штучної семасіологізації окремих частин слова (хибного розкладу). У літературі термін народна етимологія часто відносять і до явищ паронімічної атракції, що тією чи іншою мірою відбиває реальні властивості денотата (т. зв. адидації), і до суто зовнішніх, беззмстовних зближень типу вигуку *єсть!* (відповідь підлеглого в армії; < англ. *yes* «так» // рос. *есть* «мається»), слів *катувати* (< англ. *cut away* «рубати») (про щогли) // рос. *катовать* «катувати, мучити»¹³, *держжаба* (< *дирижабль*), *карасин* і *скануститися* (< *сканутитися*) (т. зв. арадикації). Особливо грішить цим відома стаття М.С. Державіна, де, поруч з прикладами таких безсумнівних проявів народної етимології, як *крилос*, *хрусталь*, *конопатить*, *гульвар*, *мародер*, *скупулянт* та ін., до неї віднесено і явні арадикації (*куролесить*, *китоврас* та ін.), і випадки структурного пристосування, «морфологізації» (*исполать*, *известь*, *катавасия*, *слесарь*, *филенка*, *канитель* та ін.), і приклади звичайного фонетичного засвоєння іншомовних слів, їх звукової субституції. До народної етимології М.С. Державін зараховує і фразеологічні кальки (*строить курь*, *иметь место*, *быть не в своей тарелке*), і переосмислення фразеологізованих словосполучень (*бить баклуши*, *точить лясы*, *тянуть вольнку*, *подложитъ свинью* тощо), і т. зв. лексичні асиміляції, багато з яких тепер визначаються терміном хибний розклад (наприклад, виділення в імені грецької богині краси Афродіти морфем, пов'язаних з *afros* «піна» і *dio* «занурюю», в слові *амазонка* - префікса із заперечним значенням *a* та *madzos* «грудь, сосок» і т. ін.). Особливий розряд паронімічних арадикацій становлять слова, свідомо наділювані мотивованістю. Отже, зближення їх з іншою семантичне прозорою лексемою відбувається з певною метою, а не так, як у випадках адидації. Часто такого роду штучна семасіологізація

пов'язана з народними легендами і забобонами. Сюди ж, мабуть, слід віднести і факти «штучної семасіологізації» ономатопоетичної лексики, наприклад, «спать пора» (для голосу перепілки), «чьи-вы», «чьи-вы» (для крику чайки) та ін., які Я.Карлович свого часу кваліфікував також як вияви народної етимології¹⁴.

Нам здається доцільним закріпити термін народна етимологія тільки за випадками т. зв. адидеації, виділивши в ній два різновиди: по-перше, рідкісні факти ціліснолексемного притягання, коли народна етимологія здійснюється на основі словотворчих омонімів без будь-якої перебудови слова (пор. *сальний* «брудний, соромітний» // *сальний* «покритий салом»)¹⁵, і, по-друге, частіші випадки кореневої атракції, коли «вирівнюються» передусім бази слів, а пристосування афіксів («морфологізація») виконує службову роль (пор.: *полусадик* < *палисадник* < фр. *palissade*), внаслідок чого виникають лексично мотивовані структури, хоч іноді і всупереч самій логіці діючих у мові словотворчих процесів. Це приводить до появи таких «безмодельних» форм, як *спинжак*, *скупулянт*, *копитал*, *клеветон* і т. ін., які виразно відрізняються від «модельних» структур типу *мародер*, *полусадик* та ін. Звуження сфери застосування терміна народна етимологія знімає з нього і певний відтінок одіозності (добре відомо, що останнім часом деякі ономасти негативно ставляться до цього терміна).

Таке розуміння «народної етимології» міняє і статус цього терміна в дослідженнях ономастичної лексики і, зокрема, в працях з топоніміки, де він здобув тепер дуже широкого застосування. Часте звертання до терміна народна етимологія та залучення його до найрізноманітніших випадків паронімічної атракції в галузі власних імен спричинило до неоднакового сприймання його ономатологами і навіть до виникнення спроб його «переатестації». Поруч із уживанням старого терміна в традиційному значенні (О. О. Реформатський, О. М. Трубачов, О. С. Стрижак та ін.) спостерігається гостро негативне ставлення до нього у працях В.А. Никонова та деяких його послідовників, які відкидають цей термін як «образливий» для народу.

На цій позиції стоїть, зокрема, вже згадувана нами дослідниця А.Ф.Ленкова. Вона заперечує термін народна етимологія (замість нього вона користується терміном «хибна етимологія») на тій лише підставі, що його авторів (Е. В. Ферстеману) було властиве помилкове уявлення «про якийсь особливий народний дух і народне мислення» і що поняття

«народ» ототожнювалося ним з неосвіченою частиною населення. Проте для більшості сучасних лінгвістів, які використовують цей термін, він уже давно втратив своє колишнє соціальне забарвлення й об'єктивно (хоч і неточно) означає випадки різних паронімічних зближень, і таке «ретроспективне» сприймання його виглядає тепер як виразний анахронізм.

Цілком слушно оцінив цю помилкову позицію Ю.О. Карпенко¹⁶, який, до того ж, торкнувся і змістової сторони терміна, відмежувавши народну етимологію від етимології хибної. Згідно з Ю.О. Карпенком, народна етимологія - це завжди наслідок «зближення одного слова з іншим», що виступає як факт мови, тоді як хибна етимологія є «фактом індивідуальної творчості»¹⁷. Проте випадки паронімічної атракції, що визначаються як народна етимологія, завжди пов'язані з помилковим зближенням взаємодіючих (за формою або за змістом і формою) слів, і поняття «хибна етимологія» імпліцитно наявне в смислово-змісті терміна народна етимологія. Крім того, термін хибна етимологія в граматичній традиції уже протистоїть термінові народна етимологія в іншому плані: цим терміном позначають факти штучного розкладу назв на мнимозначущі одиниці (див. про це далі), і в цьому сенсі він тотожний своєму термінологічному дублетові «хибний розклад»¹⁸. Слід мати на увазі й те, що продукти неправильного індивідуального етимологізування з часом можуть стати загальновідомими, міцно входячи у мовну свідомість великого колективу людей. Визначити рубіж між хибною етимологією та народною етимологією практично буває дуже важко. Тому нам здається доцільним зовсім відмовитися від терміна хибна етимологія, зберігши для досі позначуваних ним етимологічних явищ терміни *арадикація*, *морфологізація*, *народна етимологія* (із запропонованою вище конкретизацією цього поняття), *хибний розклад* (див. далі) і *хибне етимологізування* (те, що Ю.О. Карпенко визначає як «хибну етимологію»). В останньому випадку віддієслівний іменник краще передає спрямування думки, ніж слово *етимологія*, яке передбачає її продукт, наслідок. Оцінний вираз «хибна етимологія» - в його здетермінованому стані - може бути віднесений до всіх випадків помилкового витлумачення імен, незалежно від того, чи є вони доробком мови народу, чи наслідком індивідуальної творчості нефахівців або й лінгвістів-етимологів.

Звернення до терміна «ретимологізація» в деяких працях

останнього часу (замість народна етимологія) також не вносить в семантико-структурний аналіз адаптованих назв бажаної визначеності. Наприклад, у дисертації Л.Г.Гулієвої з гідронімії Кубані цим терміном характеризуються форми *Кочети* (< тюрк. *Кошти*), *Кукса* (< тюрк. *Коксу*), *Ясени* (< тюрк. *Ясен*)¹⁹, в яких знайшла відбиття саме арадикація. Крім того, термін «реетимологізація» як антипод «деетимологізації» своїм морфемним складом (співвіднесеністю префіксів *de-//re-*) передбачає якоюсь мірою повернення до вихідного пункту семантичного розвитку, але в наведених прикладах має місце лише механічне зближення з коренями-омофонами іншомовного походження. Цим терміном, на наш погляд, можна визначати рідкісні у мові випадки оживлення в словах (у специфічних контекстах) їх ще не зовсім згаслої первинної мотивації, наприклад, в російському педагогічному терміні *воспитание*-стертого зв'язку зі словами *питать, пища*, у вигуку *здравствуй(те)* - зі словами *здоровье, здоровий* та ін.²⁰

Як відомо, в топонімах, на відміну від загальних слів, їх дескриптивна функція значно поступається перед функцією називною. Адресна природа топонімічного знака та його суворя локальна прив'язаність є причиною того, що втрата ним внутрішньої форми (або її відсутність у субстратних та перенесених топонімах) значно рідше компенсується за рахунок народної етимології у вузькому розумінні цього терміна, ніж у імен загальних, речовинний зміст яких співвідноситься з цілим класом однорідних предметів і тому більше потребує мотивованого зв'язку з морфологічною будовою слова. Ідеальний стан географічного імені (часто це підсумок тривалого структурно-семантичного розвитку) полягає в тому, щоб бути індивідуальним знаком об'єкта, тому предметна співвіднесеність топоніма нерідко перебуває у зредукованому стані, що з часом приводить до його повної асемантизації, до розвитку «чистого» топонімічного значення. Тому, якщо в апелятивному словнику народна етимологізація немотивованих імен внаслідок паронімічної атракції може ґрунтуватися на логічному зв'язку «перекраюного» слова з реальними властивостями і функціональною сутністю денотата (*плитуар, спинжак, гульвар* тощо), то у випадках лексико-морфологічного уподібнення топонімів, що мають закриті смислові структури, до повнозначних (для апелятивів) або узуальних (для ономастичних слів) одиниць словника такий мотивований зв'язок, як

правило, відсутній. Топонімічне значення дестимологізованого власного імені в процесі перебудови одного слова під впливом іншого створює набагато менший простір для різного роду логічних асоціацій (гесп. «народної етимології», «адидеації», «семасіологізації»), ніж лексичне значення апелятива: для топонімів «єдино суттєвим є топонімічне, а не етимологічне значення»²¹.

У переважній більшості випадків в топонімії ми маємо справу не з народною етимологією, у викладеному вище вузькому розумінні цього терміна, а з т. зв. арадикаціями і морфологізаціями, коли «перекраювання» питомої форми назви зумовлюється дією закону «економії сил», інтуїтивною опорою на звичні іменні бази та асортимент словотворчих засобів (що вже в подальшому може привести до різного роду свідомих переосмислень, наприклад до «хибного розкладу» топонімів). Покажемо це на фактах, з яких деякі у працях з топоніміки кваліфікуються як народна етимологія. Наведені далі приклади - беззаперечні випадки беззмістовних арадикацій, оскільки паронімічне вирівнювання (часто з супровідною морфологізацією) неясних назв зумовлене тут не семантичним фактором («незрозуміле зробити зрозумілим»), а фактором зовнішнього, формально-аналогічного уподібнення («неясне, незвичне зробити звичним, створити ілюзію зрозумілого»). Тут не відбиваються реальні властивості географічного об'єкта (пор. народну етимологію в апелятивах), навпаки, їх назви дістають хибні смислові структури, що нічого спільного не мають із справжніми джерелами номінації. Пор., наприклад: *Амстрадам*²² (*Амстердам* + (знак + передє слово, пов'язаному з первісною формою відношенням арадикації) *страдать, страдание* тощо), *Ядрин* (*Адрианополь* + *ядро*, XVI-XVII ст.)²³, *Цари-Камьши* - урочище в гирлі Дніпровського лиману²⁴ (тюрк. *Сары Камьши* «жовтий очерет» + *цари*), *Карайдубина* - село кол. Мелітопольського повіту, Таврійськ. губ. (**Кьратабен* > *Карайтабен*²⁵ - наказова форма *карай, дубина*), *Гринів*²⁶ - острів на Дніпрі (*Огрень* + *Гриня, Гринів*), *Карасев*²⁷ (*Карасубазар* + *карась* чи, правильніше, *Карась*)²⁸, *Козлов* - рос. назва Євпаторії у XVII-XVIII ст. (*Гёзлёв, Кёзлёв* + *козел, Козлов*)²⁹, *Карман Яр*³⁰ - містечко на Дону (*Курман Яр* + *карман*), *Черноруд* (бурят. *Шано ороод* + *черный, руда*)³¹, *Черногуй* (бурят. *Шараш нуга* + *черный*)³², *Цыган-Марьян* (бурят. *Сагаан-Марьян* + *цыган, Марьян*)³³, *Кобыла* - назва курляндського містечка *Коплау* в «Походном журнале» Петра I

(1701) + *кобыла*), *Матренка* - п. п. Битюга, л. п. Дону (демінутив від *Мотыра* - **Мотыренка* + *Матрена*), *Орел* - форма назви річки Орелі, л. п. Дніпра, в документах XVII ст. (*Орель* + *орел*). *Бик*-притока нижнього Дністра (тюрк. *büjük* «великий»³⁴ + *бик*, якщо тільки це ім'я не стосувалося річки з бурхливою течією (в останньому випадку можна говорити про народну етимологію), *Сосновий Макар*- суха балка в Олександрівському р-ні Донецької області (**Соснова Ма́корть* > **Сосновий Ма́карт* + *Макар*)³⁵. Сюди ж належать і такі переробки назв, як *Сейм* (< *Семь* + *сейм*), *Рогачик* (*Іргачик* або *Аргачик* + *рогач*), ойконіми *Ак-Кремень*, *Слам-Кремень* (в документі 1658 р.; *Кермен*+*кремень*)³⁶, мис *Игольный* (*Агульяс* + рос. основа *игол'*-), *Смирна* (*Измир* + основа *смирн*-), *Стигла* (назва села в Донбасі *Стила* + *стигла*) та ін. У випадках арадикації топоніми зазнають притягання як з боку апелятивних слів, так і з боку «звичних» (узуальних) антропонімів і топонімів (пор.: *Гезлев* + *Козлов*₁ = *Козлов*₂, *Магала* + *Молога*₁ = *Молога*₂³⁷ та ін.).

«Народною етимологією» не можна вважати такі випадки «морфологізації» топонімів, коли паронімічне вирівнювання здійснюється на рівні формантів, що приводить до появи псевдосуфіксів, пор.: *Мурино* (бурят. *Мурэн*³⁸), *Мишураин Ріг* (у XIV ст. литовський замок *Міссурім*, псевдосуфікс з арадикацією - зовнішнім пристосуванням до антропонімічної форми *Мишура*)³⁹ тощо.

Цікавими є випадки двоступінчастої арадикації, коли повторне зближення за коренем повертає топонімові втрачену ним внаслідок первинної атракції кореневу частину. Може здатися, що такі факти цілком витримані в дусі народної етимології, проте це не так: вторинна атракція здійснюється тут без переорієнтації на реальні властивості географічного об'єкта і має суто зовнішній характер. Навряд чи творці форм *Липськ*⁴⁰ чи *Липці*⁴¹ орієнтувались на ту ж реалію (липа), що й стародавні слов'яни, які утворили ойконім *Липськ*, що пізніше - через проміжну форму *Липці* - був перетворений на *Лейпціг*, тим більше цього не можна сказати про інший продукт двоступінчастої атракції - ойконім *Любка*⁴², де зближення з омонімічною формою особового імені ніяк не було зумовлене пам'яттю про гаданого засновника міста *Любека* (у ФРН) - князя *Люба*⁴³. Перед нами випадкове відновлення внутрішньої форми субстратного імені, заново залученого до лексико-семантичної системи слов'янської мови, несподіване попадання в етимологічну

«мішень».

Очевидно, рідкісним випадком народноетимологічної перебудови семантичне неясних назв можна вважати форму *Стекольна* (в документах XVI ст.)⁴⁴. В.А. Никонов припускає, що в цьому місті «московских послов удивили оконные стекла вместо слюды»⁴⁵, хоч і тут паронімічне зближення ойконіма *Стокгольм* з рос. словом *стекло* могло і не бути детерміноване реальними властивостями об'єкта. До безперечних випадків народної етимології в галузі топонімії можна віднести, наприклад, форму гідроніма *Дёркун* (л. п. Сіверського Дінця - *Дёркұл* + *деркотати*, де народна етимологія підтримана морфологізацією) та мікротопонім *Полупана Поляна* (озеро на лівому березі Сіверського Дінця, між гирлами річок Нетріусу і Казенного Торця, - *Полупанове* + *полупана*, дно цього, тепер уже висохлого, озера вкрите тріщинами), мабуть, *Водолага* (< *Адалага* + *вода*, пор. ще в документі XVII ст.: «усть Адалаги») та деякі інші.

Народноетимологічна перебудова назви передбачає якийсь логічний зв'язок з тією чи іншою реалією, що здійснюється через лексичне значення взаємодіючого з назвою пароніма. Не виключається, однак, що народна етимологія може бути вторинним продуктом розвитку семантичного змісту назви, яка спочатку змінюється під впливом арадикації (тобто лише у сфері мови) і тільки згодом пристосовується до реалії. Пояснимо це на прикладі. Назва *Полупанове* (озеро) могла змінитись на *Полупана поляна* внаслідок арадикації і лише згодом зміст лімніоніма мовці пов'язали з наявністю багатьох тріщин на дні висохлого озера.

У запропонованому вище вузькому розумінні терміна народна етимологія це явище не може бути віднесене до переважної більшості відомих топонімії фактів зближення за коренем (арадикації), з чого впливає необхідність обережного його вживання в працях з ономастики. Типові прояви паронімічної атракції в галузі географічних імен - це беззмистовна арадикація (на рівні самих кореневих морфем або ускладнена морфологізацією) та структурна адаптація (на рівні морфем службових, словотворчих).

Терміном народна етимологія в топонімічних дослідженнях часто позначаються факти хибного розкладу топонімів, коли паронімічна атракція не дістає матеріального вираження у слові і виявляється тільки в спробах пояснити походження назв на основі

помилкового тлумачення їх частин, неправильної семасіологізації тих чи інших частин слова, які самі по собі не є морфемами і не несуть на собі самостійного смислового навантаження. Пор., наприклад: *Кінешма*, *Решма* (з вигуків перської князівни: «Кинешь мя! Режь мя!»), *Ворскла* (з «вор стекла»), *Міюс* (як відособлена частина виразу «Оця річка, як мій ус»), *Айдар* (з вигуку «Ай, дар!»), *Істерма* (записане поетом В. Боковим пояснення гідроніма: річка, що витікає «низ терема»), *Горохуватка* (село в Харківській області, з виразу «у горах переховуватись»), *Нещеретове* (село у Луганській області, де були хати «нижче очерету»), *Częstochowa* (< często się chować «часто ховатись»), *Lublin* (з другої частини виразу *szczupak lub lin*), *Warszawa* (з «*Warz, Ewo!*» - «Вари, Єво!») тощо.⁴⁶

Природно, що така випадкова семасіологізація позбавлених смислу відрізків звукової оболонки назви вимагає зовнішньо прийнятної етіології, якогось позалінгвістичного обґрунтування, що сприяє появі різних топонімічних легенд⁴⁷, та звернення до щонайнесподіваніших реалій: *Печегда* - річка, що витікає з-під кряжистої берези, як «з-під печі»; завдяки хибному розкладові походження ойконіма *Горохуватка* пов'язується не з *горохом* (первісна форма - *Гороховата*), а з *горою*, де нібито переховувались перші поселенці; назва села *Нещеретове* - не з поширеним серед мешканців прізвиськом *Нещерет*, а з рослиною *очерет*⁴⁸, ойконім *Максиміліанівка* (Мар'їнський р-н Донецької обл.) - не з рідкісним тепер особовим іменем *Максиміліан*, а з іменами закоханих - *Максимом* та *Уляною*⁴⁹ тощо.

Поява арадикацій (особливо в їх ціліснолексичному варіанті, пор.: *Бик* < тюрк. *büyük*, *Ізюм* < кримськотат. *озен* «річка» тощо) може спричинитися до поширення різних народних версій про походження тих чи інших населених пунктів, які нерідко діставали своє відображення в геральдиці (не виключена можливість, що в окремих випадках вони, навпаки, породжувались потребою геральдичного символу). Наприклад, затверджений 1781 р. герб міста Суми містив зображення трьох чорних сум (торб)⁵⁰, у блакитне поле герба повітового міста Буй (на річках Костромі і Вексі) був уміщений «залізний якір з прив'язаним на золотій вірвовці буюм, що означав ім'я цього міста»⁵¹ тощо.

Таким чином, складна природа явища, яке досі так недиференційовано визначається як народна етимологія, по-перше,

вимагає відмовитись від універсального вживання цього терміна та заміни його визначеннями конкретних форм паронімічного зближення слів, а також їх морфологізації та семасіологізації і, по-друге, чіткого розрізнення поширених у топонімії випадків беззмистовних арадикацій та рідкісних фактів народної етимології, у тому значенні, яке ми надаємо цьому термінові (паронімічна атракція слів, здійснювана з урахуванням реальних властивостей і функцій денотата).

Досі всі суперечки навколо терміна «народна етимологія» були викликані тільки першим його складовим компонентом. І справді, творцем багатьох форм паронімічних зближень є народ, проте далеко не всі асоціації слів можна кваліфікувати як *етимологію*, що пояснює мотивування морфемного складу слова і встановлює споріднений зв'язок з іншими словами і морфемами. У свідомості і мовленні народу таке шукання «етимона» здійснюється у формі «тлумачення із смислом», пристосування «до чого-небудь, близького за значенням» (Бодуен де Куртене)⁵², «уявлення про те, що є істина»⁵³. Саме до даного типу паронімічних зближень ми пропонуємо застосувати термін народна етимологія, який у цьому випадку здатний всебічно охарактеризувати сутність явища. Йдеться лише про звуження сфери вживання цього терміна, а не про відмову від нього. Застосування цього терміна щодо інших видів асоціативних зближень, які умовно кваліфікуються нами як зовнішньо подібні до народної етимології, заважатиме розкриттю їх своєрідності. Нам можуть заперечити, що всі названі явища слід розглядати як різні типи народної етимології. Однак численні випадки арадикацій не зовсім, на наш погляд, доречно позначати терміном *етимологія*, який відбиває наслідок активного процесу пізнання істини (зрозуміло, що, скажімо, в таких формах слів, як *карасин, дерижбаба, есть!, катовати, мітроскоп* та ін., не може йти мова про логічно осмислене відтворення мотивації).

* Мовознавство. 1973, №2.

ПРИМІТКИ:

¹ Назвемо тільки найвизначніші праці, в яких, крім цікавого фактичного матеріалу, містяться спроби його теоретичного осмислення й обґрунтування: I. Karłowicz, *Słownik ludowy, Dwutygodnik naukowy, poświęcony archeologii, historii i lingwistyce*, r. I, t. I, Kraków, 1878; И. А. Бодуэн де Куртене, *Подробная программа лекций в 1876/77 учебном году*, у кн.: И.А. Бодуэн де Куртене, *Избранные труды по общему языкознанию*, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1963; його ж, Николай Крушевский, его жизнь и научные труды,

там же; Його ж, Об общих принципах языковых изменений, там же; Його ж, По поводу новейших лингвистических трудов В.А.Богородицкого, там же, т. 2; Його ж, Введение в языкознание, там же; Його ж, Рец. на работу Яна Карловича «*Sloworód ludowy*», Kraków, 1878, «Филологические записки», вып. 2, Воронеж, 1880, стор. 6-9 (розділ «Библиография»); К. Аппель, К славянскому «народному словопроизводству», «Русский филологический вестник», т. 3, Варшава, 1880, 1, стор. 86-90; 3, стор. 63-66; Його ж, Несколькo слов о новейшем психологическом направлении языкознания, «Русский филологический вестник», т. 6, Варшава, 1881, стор. 292-302; В. Богородицкий, Курс грамматики русского языка, гл. 4; «Введение в этимологию», «Русский филологический вестник», т. XIII, Варшава, 1885, стор. 313-314; И.Д. Шиманов, Приносѣмъ болгарската народна етимология, «Сборник МНП», кн. IX, София, 1893, стор. 223-246; Н.С.Державин, Народная этимология, «Русский язык в школе», 1939, 2, стор. 39 і наст. 3 нових праць, присвячених народній етимології, відзначимо побудовану на німецькому мовному матеріалі змістовну статтю А.Ф. Ленкової «Явление так называемой «народной этимологии» («Немецкая филология», «Ученые записки ЛГУ», № 223. Серия филол. наук, вып. 31, Изд-во ЛГУ, 1958), статтю в журналі «Мовознавство» «Етимологія й народна етимологія» (за підписом А. К.), 1967, 1.

- ² Досить відзначити, що один тільки Я. Карлович зібрав близько 1000 прикладів народної етимології у польській мові. Певну інвентаризацію фактів народної етимології у мовах російській (видобутих з праці М.Колосова «Обзор звуковых й формальных особенностей народного русского языка») та білоруській (із «Словаря белорусского наречия» Д.І.Носовича) здійснив К. Аппель у статті «К славянскому «народному словопроизводству»».
- ³ Бодуэн де Куртенэ І.А. По поводу новейших лингвистических трудов» В.А. Богородицкого, стор. 44. Саме тому ж не можна вважати народною етимологією такі випадки, як «пристосування» (в слов'янських і балтійських мовах) початкового *n* у рефлексах і.-е **nev̥m* «дев'ять» ініціальному звукові *d* у наступному числівникові «десять» (<і.-е. **dekmt*) (там же, стор. 42).
- ⁴ Пизани В. Этимология, М., Изд-во ин. лит-ры, 1956, стор. 8.
- ⁵ Про псевдопрефікс *раз-* у російському слові *разильдѣй* див. у нашій статті «К этимологии слова *разильдѣй*» («Этимологические исследования по русскому языку», вып. VII, Изд-во МГУ, 1971).
- ⁶ Karłowicz I., зазнач, праця, стор. 405.
- ⁷ Ленкова А.Ф., зазнач, праця, стор. 137.
- ⁸ Добродомов И.Г. Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте, «Русская речь», 1970, 6, стор. 100.
- ⁹ Пор. проміжну форму *роздах* в документі 1736 р.: «25 числа имелся ради светлого воскресения *роздах*» («Сборник военно-исторических материалов», вып. X, СПб., 1897, стор.85).
- ¹⁰ Див.: Эварницкий Д.И. Очерк по истории запорожских казаков и Новороссийского края, СПб., 1889, стор. 19 (в листі катеринославського губернатора І. Синельникова від 21 серпня 1784 р.)
- ¹¹ Див. про ці форми в ж. «Русская речь», 1971, 3, стор. 155.
- ¹² Знак // вказує на взаємодію паронімів, знак рівності - на результат паронімічної атракції.
- ¹³ Див.: «Старинные морские слова», «Записки Гидрографического

департаменту Морського міністерства», т. VIII, СПб., 1850; стор. 584 (стаття без підпису).

- ¹⁴ Karłowicz I., зазнач, праця, стор. 447.
- ¹⁵ Від цих випадків слід чітко відрізнити ціліснолексемні арадикації (пор. *малиновий*) - той різновид міжслівних зближень, де виявляється тенденція «підвести щось під що-небудь і як-небудь осмислити».
- ¹⁶ Карпенко Ю.О. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови, Чернівці, 1962, стор 10. Цей погляд Ю.О. Карпенка поділяє і А.Критенко у статті про народну етимологію, надрукованій в ж. «Мовознавство» (1967,1).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Див.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стор.529.
- ¹⁹ Л. Гулиева, Опыт исследования гидронимии Кубани, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1969, стор.16.
- ²⁰ Докладніше про це див. у наших замітках з історії цих слів («Русский язык в школе». 1967, 1, стор. 55; 1968, 3, стор. 81, 89).
- ²¹ Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике, «Принципы топонимии», М., 1964, стор. 48.
- ²² Див.: Петров В.А. Географические справочники XVII в. «Исторический архив», т. 5, М.- Л., Изд-во АН СССР, 1950, стор. 150 (в «Описании расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель... от града Москвы»).
- ²³ Пор.: «царя Михайла Киракола у Ядрина побили» («Полное собрание русских летописей», т. XXXI, «Летописцы последней четверти XVII в.» М., «Наука», 1968, стор. 81). В «Описании турецкой империи, составленном русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в.» (надруковано в 30-му випуску «Православного палестинского сборника», СПб., 1890), зустрічається також інша форма цієї назви - *Андранополи* (*Андранополи*), що відбила, мабуть, арадикацію з коренем *-дран-*. Пор. інші приклади арадикації з цієї пам'ятки (в російському написанні): *Изнемыт* (*Изнеמיד + не мыт*), *Латина* (*ел-Тине + латин-*), назви містечок *Останной* та *Отданый* (*Истанос, Адана + остан-, отдан-*: «а с Пинии на *Останной*, а со *Останного* на *Отданный*, а со *Отданного* на Куркал», стор. 46) та ін.
- ²⁴ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в., т. 3, К., 1854, стор. 866. Пор. ще аналогічні арадикації в топонімах *Царица* (<*Сарису* «жовта вода», назва міста *Царицин* - це вже відгідронімічне утворення), *Царизел* (< *Сари гол* «жовте озеро»; останній гідронім знаходимо на карті Вознесенського повіту, Вознесенського намісництва 1795 р., див.: М.М. Тихомиров, Новые данные о картах генерального межевания России, «Сборник статей по картографии Главного управления геодезии и картографии», вып. I3, 1961, стор. 104).
- ²⁵ Стрижак О.С. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини, К., «Наукова думка», 1967, стор. 42.
- ²⁶ Величко С., зазнач, праця, стор. 481.
- ²⁷ Там же, т. 2, К., 1851, стор. 304.
- ²⁸ На форму *Карась-базар* вказував П. Бурачков в «Заметках по исторической географии южно-русских степей» (ж. «Киевская старина», т. XIV, К., 1886, стор. 662).
- ²⁹ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стор. 133; А.В.

Суперанская, Гидронимия Крыма и северо-западного Кавказа, у зб.: «Ономастика», М., «Наука», 1969, стор. 192.

³⁰ «Роспись казачьих городков (XVII в.)», публ. А.А. Зіміна в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина», вып. 21, М., 1959, стор. 228.

³¹ Митрошкина А.Г. Явления фонетической адаптации монгольской (бурятской) топонимии в русском языке, у зб.: «IV Республиканська ономастична конференція. Тези», К., 1969, стор. 34.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины, М., «Наука», 1968, стор. 194.

³⁵ У назвах пасовища (*Макарпн*) і ліска (*Макартѣт*), розташованих поблизу балки, впізнається діалектний географічний термін *макотерть* або *макорть* («пагорб у степу»).

³⁶ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией», т. XV, СПб., 1892, стор. 99-100.

³⁷ Пор.: «Майже біля всіх турецьких фортець Бессарабії були такі *магали* або «передмістя»; одне з них біля Акермана перехрещене народом в Мологу і називається тепер Татарською Мологою...» (А.А. Скальковский, Соляная промышленность в Новороссийском крае (1715-1847), «Журнал Министерства внутренних дел», ч. XXV, кн. 1-2, 1849, стор. 46-47.

³⁸ Митрошкина А.Г. зазнач, праця, стор. 33.

³⁹ Див. про це детальніше в нашій статті «До питання про псевдосуфікси в топонімії», «Мовознавство», 1971, 3, стор. 41-47.

⁴⁰ «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам». К., 1878, стор. 195-196.

⁴¹ Пор. у зачині козачої пісні про битву під Лейпцігом 1813 р.: «Под славным было городом под Липцами» (А. Пивоваров, Донские казачьи песни, Новочеркасск, 1886, стор. 106).

⁴² Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. (из сборника в Собрании Московской духовной академии), «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», стор. 223 (у документі XVII ст. «Щет милям от родных земель и государств до Иерусалима»).

⁴³ Никонов В.А., зазнач, праця, стор. 244.

⁴⁴ Петров В.А., зазнач, праця, стор. 157; А.А. Зимин, зазнач, праця, стор. 223.

⁴⁵ Никонов В.А., зазнач, праця, стор. 395; пор.: «...а Магнус де в *Стекольной* хочет ехать» (1657) («Акты Московского государства», т. II, СПб., 1894, стор. 590).

⁴⁶ Kałłowicz I., зазнач, праця, стор. 366.

⁴⁷ Ці легенди охоче використовуються для пожвавлення художньої оповіді. Пор., наприклад: «У назвах вулиць і районів (Архангельська.- Є. О.) лунає далеке минуле: Новгородська, Поморська, Бакариця, Кегострів, Кузнечиха, Соломбала. Кажуть, що нібито Петро I влаштував колись просто неба бал, а оскільки сидіти не було на чому, то для охочих відпочити постелили солому. Якщо вірити легенді, звідси й назва цієї північної околиці міста-Соломбала» (Э. Кренкель, Мои позывные-Раем, «Новый мир», 1970, 10, стор. 128).

⁴⁸ Див.: «Історія міст і сіл Української РСР. Луганська область». К., 1968, стор.

234 («в селі були хати, нижчі за очерет»).

⁴⁹ Гацула Д. Понад Осиковою, Донецьк, 1967, стор. 3.

⁵⁰ Див.: «Городские поселения в Российской империи», т. 5, ч. I, СПб., 1865, стор. 379.

⁵¹ Див.: «Городские поселения в Российской империи», т. 2, СПб., 1861, стор. 550.

⁵² Відображення функціональних ознак предмета в слові, що зазнало народної етимології, безумовно, не можна уявляти собі спрощено- тільки як пряму вказівку на певну його рису або особливість. Іноді це відображення набуває форми іносказання. Пор. народну переробку імені панського управителя-німця *Гогенлоє Шілленфюрст* в *Голі ноги Шилом хвіст* з іронічним натяком на чорта (приклад Є. В. Кротевича).

⁵³ Колесов В.В. Этимология как искусство и как наука, «Русская речь», 1971, 6, стор. 100.

Из всех разносторонних связей топонимики с другими науками, пожалуй, менее всего прослежены ее отношения с геральдикой, или гербоведением. Уже давно замечено, что при выборе того или иного геральдического символа (эмблемы) создатели гербов нередко ориентировались на общепринятое толкование географического названия, зачастую неверное, связанное с возникшими на его основе легендами. Например, еще древние греки символом острова Родоса выбрали розу, связывая его название непосредственно со словом *to ródon* «роза». Подобная зависимость эмблемы от народноэтимологического переосмысления собственного имени обнаруживает и в других видах искусства, например, ксилографии. Так, в экслибрисе, выполненном в наши дни художником П. Упитисом для Я. Судрабална, изображена освещенная солнцем серебряная гора - «своеобразная интерпретация фамилии» латышского поэта («Литературная газета», 21 апреля 1976г.); на экслибрисе А. Калашникова, выполненном для президента Международной федерации экслибристов Джанни Мантеро и посвященном 525-летию со дня рождения Христофора Колумба, нарисован голубь, так как *colombo* по-итальянски - «голубь» (г. «Известия», 1976г., 14июля) и т.д.

Большинство геральдических рисунков для земельных (губернских, уездных) гербов России были созданы в XVIII-XIX веках, и только незначительная их часть восходит к эпохе Московской Руси. В марте 1730 года «правительствующий сенат» специальным указом утвердил реестр гербов с их описанием, представленный Минихом годом раньше. Часть из них была заимствована из прежних гербовников, большинство же было составлено впервые «по

приличеству городов». «Русская геральдика, - пишет А.В. Арциховский, - любила реальность» (Ученые записки МГУ. История. Вып.93, ч.1, 1946, стр.63). Отсюда исключительное разнообразие предметов-символов, заполнивших пространство русских геральдических щитов. Часть из них имела традиционные геральдические значения (например, *орел* - «власть, великодушие, прозорливость», *дуб* - «сила, крепость», *вервь* - «неустрасимость», *оливковое дерево* - «мир» и т. д.). Немало среди них было и необычных для западноевропейской геральдики элементов (веревя, горох, крапива, железный лом, ветла, зубчатая стена, кадка, ряж, сума, сыч и другие). Геральдические эмблемы - свидетельство того, в каком смысловом плане воспринималось географическое имя в момент создания земельного герба. А это особенно ценно в тех случаях, когда до нас не дошло никаких сведений относительно того, какими в прошлом были этапы смыслового развития топонима, когда произошла утрата им смысловой связи с породившим его словом (деэтимологизация названия) и начала действовать так называемая «народная этимология», ошибочно связавшая географическое имя с другими, сходными по звучанию словами.

По данным А.В. Арциховского, «к концу XIX века шестьсот шестьдесят русских городов имели гербы». В книге Н.Н.Сперансова «Земельные гербы России XII-XIX вв.» (М., 1974) приводятся изображения более 480 гербов, среди них особый интерес у топонимиста вызывают так называемые «гласные гербы», «символы которых прямо говорят о названии городов, которым они принадлежат». В собрании Н.Н.Сперансова их около восьмидесяти, то есть примерно шестая часть представленного здесь гербовника. В свою очередь, «гласные гербы» России можно разделить на три группы. Первая состоит из гербов, символы которых (в большей или меньшей степени) отражают этимологическое, исконное значение географического названия. Вторая - из гербов с эмблемами, свидетельствующими о нарушении этимологической связи топонима с лежащим в его основе словом. Это самые многочисленные и примерно одинаковые в количественном отношении группы. Третью группу составляют геральдические рисунки, в которых связь с реалией отражена в иносказательной форме. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Среди «гласных гербов», эмблемы которых образно передают

объективную информацию о тех или иных особенностях населенных мест, содержащуюся в их названиях, особенно много таких, которые связаны с природными признаками, местной флорой, характером «естоположения городов и т.д. Так, города *Березна* и *Березов* в своих гербах имели изображения березы, *Ельня* - "три дерева ели в белом поле", "липовое дерево в золотом поле" вошло в герб города *Липецка*, "три красного цвета сосны в серебряном поле" - *Красноборска*, бывшего заштатного городка Вологодской губернии (*красным лесом* у нас издавна именуют хвойный лес). Изображения крапивы и гороха находим мы на гербах городов *Крапивны* и *Гороховца*.

Старинные гербы городов, донесшие до нас подобные свидетельства о характере растительного покрова окружающей их местности (особенно в наши дни, когда он заметно изменился) могут помочь и в решении вопроса о происхождении их названий. Именно герб города *Вязники* (Владимирской области) с изображением широколистного вяза в золотом поле натолкнул учителя И.Шестакова на правильное заключение, что имя города (в прошлом - "слободы на вязах") следует соотносить с названием дерева, а не с вязью ("Известия", 1976 г., 19 февраля). Но при этом следует иметь в виду, что связь конкретной геральдической эмблемы с названием города в ряде случаев не столь прямолинейна, как может показаться с первого взгляда. С липой, помещенной в золотом поле герба города *Липецка*, связано, собственно, не имя города, а название реки, на которой он расположен, - *Липовки* (в документах XVII века - *Липицы*). Топоним *Липецк* сложился на основе гидронима, пройдя в своем развитии через промежуточную ступень - *Липецкие железные заводы* (так же, как *Луганск*, через промежуточное образование *Луганский завод*, связан с названием реки в бассейне Северского Донца - *Луганью*). В "гласном гербе" города *Волчанска* (Харьковской области Украины) был изображен бегущий волк, "означающий, - как сказано в пояснении к гербу, - имя сего города". На самом деле, происхождением своего названия город обязан реке *Волчьей* (в XVII веке - *Волчи Воды*). В гербе города *Ельца* (сейчас - в Липецкой области) мы находим "красного оленя под зеленой елью", хотя название города прямо с этой реалией (елью) не связано: город, скорее всего, получил имя от реки, которая в старину называлась не *Ельчиком*, как в наше время, а так же, как и город, - *Ельцом* (ср. в «Книге Большому чертежу»: "А ниже

Воргла 7 верст, на Сосне, город *Елец*, а под ним пала в Сосну речка *Елец*”). Город *Камышин* (в XVIII веке село *Камышинка*) обязан своим названием реке *Камышинке*, притоку Волги. Поэтому его геральдическая эмблема - “трава, называемая камыш, в белом поле” - столь же неточна, как и предыдущие.

Прямая связь названия с геральдическим рисунком отмечается в гербах городов *Красноярска* (красная гора в серебряном поле), *Красного Холма* (в голубом поле - красный холм), городов *Крестцы* (перекресток дорог в голубом поле), *Кургана* (на зеленом фоне два серебряных кургана), *Острова* («остров среди реки и на нем три дуба в голубом поле»), *Перевоза* (плот на реке), *Печоры* (гора с пещерой), *Поречья* (серебряная река, по которой “плывет стрела”), *Пятигорска* (в голубом поле - пятиглавая гора - Бештау), *Сосницы* (сосна), *Стародуба* (старый дуб в серебряном поле), *Холма* (берег с высоким холмом), *Черного Яра* (в серебряном поле черная гора), *Верей* («в серебряном поле, в диком лесу, две дубовые верей с навесными золотыми крючьями»), *Волковиска* (волк в голубом поле), *Медыни* (на голубом щите - “золотые пчелы”), *Лебедяни* (лебедь в голубом поле), города *Меленки* (золотая ветряная мельница в голубом поле), *Опочки* (куча опоки, т.е известкового камня), *Ядринска* (сложенные пирамидой пушечные ядра), *Ладейного Поля* (ладья, т.е. корабль, в голубом поле), *Кузнецка* (в красном поле - кузнечные инструменты: наковальня, клещи и молот) и др. Более иносказательна геральдическая эмблема подмосковного города *Звенигорода* - большой медный колокол.

Самую любопытную группу гербов составляют те, которые демонстрируют утрату названием своего истинного значения. Зная год утверждения такого герба, топонимист - за неимением других свидетельств - получает определенный хронологический ориентир, свидетельствующий о том, когда интересующий его топоним потерял мотивированную связь с породившим его словом, когда то или иное название перестало нести «правдивую» информацию. Разумеется, «гласные гербы» второго типа фиксировали процесс деэтимологизации, а нередко и начавшегося затем народноэтимологического переосмысления таких топонимов с определенным опозданием, но каким был этот промежуток, теперь уже установить трудно.

В 1781 году был составлен герб одного из городов воронежской

земли *Бирюча*, на котором было изображено «железное орудие, обвешанное звонками, в красном поле, которым делали в старину объявления на торговых местах». Благодаря этому гербу, мы узнаем о том, что в конце XVIII века название *Бирюч* уже связывалось со старинным словом *бирич* «глашатай, вестник», а не с прилагательным *бирючий*, *бирючев* (от южнорусского слова *бирюк* «волк»). Город *Бирюч* был основан в начале XVIII века на реке Сосенке (левом притоке Тихой Сосны в ее верховье), которая в документах первой половины XVII века (например, в одном из воронежских актов 1637 года и в росписи полевых укреплений 1743 года) называлась еще *Бирючев Верх*. В указе Петра I от 8 марта 1705 года упоминается также урочище *Бирючья Яруга*. Название города является вторичным образованием, полученным отсечением суффикса топонимического прилагательного: *Бирючев* (*верх*, т.е. овраг), *Бирючья* (яруга) > город *Бирюч*, основанный в этом урочище. О разрыве смысловой связи названия города *Великие Луки* с географическим термином *лука* «изгиб, поворот реки» свидетельствует «гласный герб» города: «в красном поле три золотые большие лука». Город *Ряжск* (в Рязанской области) имел герб с изображением *ряжа* - оборонительного сооружения в виде деревянного сруба, наполненного песком, хотя название произошло от имени протекающей в этой местности реки *Рясы*, правого притока Воронежа (весьма примечательно, что геральдический ряж помещен был на голубой ленте реки). В документах XVII века название города употреблялось еще в форме *Ряск* (*Рязск*), например: «а на ней стоят сторожи из *Рязска*», «3-я сторожа от *Лова* и от *Рязского* 60 верст» (1623 год). Подробнее об этом названии - в нашей статье «Ряжск или Ряск?» (Русская речь, 1996 г., №2).

Город *Рыльск*, расположенный в месте впадения в Семь реки *Рыли* и получивший от нее свое имя (в начале XVII века здесь, «усть реки Рыли», находились Рыльские сторожи) приобретает в конце XVIII века весьма выразительную геральдическую эмблему - «черную отрезанную кабанью голову с червлеными глазами и языком п серебряными клыками». Еще раньше, в 30-е годы XVIII века, кабанья голова украшала и знамя Рыльского ландмилицкого полка. Сомнительно, однако, видеть здесь какие-то следы деэтимологизации топонима, образованного по очень продуктивной словообразовательной модели «основа гидронима плюс суффикс

-ск» (ср.: *Омск, Орск, Волжск* и т.д.) и сохраняющего благодаря этому свою смысловую прозрачность - «город у реки Рыши». Перед нами скорее всего преднамеренная «подгонка» названия города под традиционный гербовый символ - кабанью голову (*la hure*), означавший мужество и неустрашимость.

Такого рода геральдические эмблемы дезориентируют топонимиста. Так, по-видимому, следует объяснять изображение «куста дерева ветлы» в гербе города *Ветлуги* Костромской области, хотя название город получил от реки *Ветлуги*, левого притока Волги. В гербе города *Старицы* Тверской области - изображение старухи (старицы) с клюкой, а город назван от реки *Старица*. Об основании последнего сообщается в летописи под 1297 годом: «срубылен бысть город на Волзе... на *Старнице*», а в 1395 г. этот «новый город Тверский на Волге и на реке *Старнице* погоре от грома».

В отдельных случаях «гласные гербы» дают нам информацию о том, как осмысливалось вначале не название города, а другое связанное с этим названием имя. В этом плане примечателен герб города *Курска*, получившего свое имя от протекающего через город ручья *Кура*, правого притока реки *Тускаря*: в синей полосе реки нарисованы три летящие птицы, очевидно, куропатки (ср.: древнерус. *куръ* - «петух», *кура* - «курица»). Название города *Курска* и сейчас отчетливо мотивируется гидронимом *Кур*. Герб города свидетельствует лишь о народноэтимологическом переосмыслении названия ручья. О том, что в народном сознании гидроним *Кур* ассоциировался с названием птицы, говорит не только геральдическая эмблема города, но и название другого правого притока Сейма(Семи) - реки *Курицы*. Здесь явно прослеживается зависимость одного из «птичьих» имен от другого, скорее всего второго от первого. Интересную параллель мы находим в бассейне реки Лугани, правого притока Северского Донца, где в непосредственной близости друг от друга расположены речки *Селезень* и *Утка*.

Созвучие топонима с нарицательным словом учитывалось при выборе гербовой эмблемы для таких городов, как *Котельнич* (в зеленом поле - золотой котел), *Козлов* (белый козел), *Кадников* (кадка, наполненная смолой), *Зубцов* (в красном поле - зубчатая стена), *Глазов* (в голубом поле человеческий открытый глаз), *Рогачев* (черный бараний рог), *Могилев* (тройная зеленая могила), *Лебедин*(лебедь), *Мышкин* (в

червленом поле мышка), *Орлов* (ныне г. Халтурин; орел у реки), *Скопин* (в голубом поле летящая птица скопа), *Сычевск* (*Сычевка*) (сыч на дереве). Нетрудно заметить, что все названия этих городов образованы от антропонимов - личных имен, прозвищ (*Котельник, Кадник, Козел, Зубец, Глаз, Рогач, Могила, Лебедь, Мышка, Орел, Скопа, Сыч*) или фамилии (те же антропонимические основы с суффиксами *-ов (-ев), -ин*, например, *Зубцов, Орлов* и т.д.). В последнем случае на суффиксальную часть фамилии как бы накладывались и сливались с ней одинаковые топонимические суффиксы с притяжательно-относительным значением. Наивное осмысление географических названий привело к тому, что в гербе города *Богородицка* появились "девять ветвей травы, называемой богородицкая" (В.И. Даль приводит и другие ее названия: сероцвет, живучка, неувяда, цмин), в гербах городов *Верхне-Ломова* и *Нижне-Ломова* - железные ломы, повернутые острыми концами соответственно вверх или вниз. "Гласный герб" *Кологрива* имел "лошадиную голову с крутою гривой" (В.А. Никонов полагает, что в основе топонима лежит словосочетание "коло гривы", где *грива*-поросшая лесом узкая возвышенность) (В.А. Никонов. "Краткий топонимический словарь". М., 1966, с. 199). В гербе *Коломны* - "столб белый", то есть *колонна*, а в гербе *Изюма* - "три виноградные лозы с плодом" (название свое этот город получил от небольшой речки *Изюм*, левого притока Северского Донца, в устье которой он находится) и т.д.

Особый интерес вызывают случаи, когда наивные переосмысления географических имен обрастают всякого рода топонимическими легендами и эти легенды связываются с геральдической символикой. Местное население не довольствуется установлением чисто внешней связи семантически неясного топонима с каким-нибудь созвучным ему словом, но и пытается как-то обосновать причину возникновения такого названия. Появление в гербе *Казани* крылатого змея *Зиланта* (от названия пригородного холма *Джилантау* "Змеинная гора") объясняется существованием татарской легенды об основании города (А.В. Арциховский). В гербе города *Сумы*, Харьковской области (который уже в 1781 году считался "старым") были помещены в "серебряном поле три черные сумы с их перевязями и золотыми пуговицами", согласно преданью, будто "речка Сумы получила название от найденных на берегу ее трех охотничьих

сум” (Городские поселения в Российской империи, т.5, ч.1, СПб., 1865). Название города *Сумы* бесспорно от гидронимного происхождения: возник он при слиянии двух речек - *Сумки* и *Сумы* (в месте впадения их в Псел) и в документах середины XVII века еще именовался *Сумин город*, *Сумино городище* или просто *Сумино*. Современная форма названия (*Сумы*) сложилась позже. Попутно заметим, что указанная “говорящая” деталь старинного герба *Сум* - охотничьи сумы - в гербе этого города в недавнее время, к сожалению, была очень осовременена: вместо традиционных сум в нижней части герба были помещены ручные сумки. Такая “деформация” эмблемы явно вредит гербу.

На основе тюркского прилагательного *airili* “кривой, изогнутый” возникло древнерусское слово *орель* (*ерель*) «угол», попавшее затем в названия некоторых рек Украины и европейской части России. Это река *Орель*, левый приток Днепра, и река *Орлик*, на берегу которой находится современный город *Орел*, в своем названии донесший до нас старую форму гидронима (см.: Г.П. Смолицкая. «Орел, а не птица» - «Русская речь», № 1, 1974). Топоним *Орель* благодаря сближению со словом *орел* превратился в *Орел*. Впоследствии произошла дифференциация названий города и реки: город сохранил прежнее имя, тогда как гидроним приобрел суффикс(ср. аналогичный процесс: река *Изюм* > город *Изюм* > город *Изюм*, но река *Изюмец*; река *Тор* > город *Тор*, но река *Торец* и т.д.).

Название реки *Орлик* связано с топонимом *Орел*, то последний, сблизившись с нарицательным именем, оставался “непонятным” названием: почему город назван именем птицы? Отсюда появление легенды о том, что во время закладки города на берегу Орлика с дерева внезапно поднялся орел и взмыл высоко в небеса как предвестник великого будущего города. Все это нашло отражение в символике герба, самое раннее описание которого относится к началу XVIII века: “В золотом щите на синем поле белый город с красными кровлями и черным над среднюю башнею одноглавым орлом” в золотой короне.

Во всех рассмотренных случаях топонимическая легенда предшествовала возникновению геральдической эмблемы. Известен, однако, случай, когда все происходило наоборот. В 1585 году в герб города *Нарвы* попали две серебряные рыбы. Спустя много лет появляется предание о том, что Петр I, утверждая герб, будто бы обратился к жителям, города со словами: “Будьте, как рыбы, -

молчите”

Наконец, особую группу составляют гербы, в которых связь с названием города передана аллегорически. Города *Воскресенск* (Московской области) и *Вознесенск* (Николаевской области) когда-то были названы так по церковным праздникам или церквям, однако ассоциация их названий со словами *воскресить* “возродить, вернуть к жизни” и *вознести* “подняться ввысь” натолкнула создателей их гербов на выбор соответствующих символов - “золотого солнца в голубом поле и сокола, парящего над Бугом”. Точно так же в гербе смоленского города *Духовщина* появляется “в белом поле куст розов, производящий приятный дух”, в гербе харьковского города *Мирополь* - “засеянное житом поле” и крестообразно положенные “две масляные ветви”. Здесь видна связь не с греческими словами *мирра* “благовонная смола” и *полис* “город”, как отмечалось в старых описаниях герба, а с традиционным геральдическим символом - оливковым деревом, символом мира и спокойствия, и обычным в украинских составных топонимах элементом *поле*, часто при слиянии с предыдущим словом превращающимся в *-поль*. Таким образом, вторая часть названия *Мирополь* передана в гербе с предметной конкретностью, тогда как первая обозначена аллегорически.

“Гласные гербы” принадлежат определенному историческому периоду развития российской геральдики, которой издавна известны и другие виды гербов. Принципы построения некоторых из них в настоящее время кажутся нам наивными. Цель современной геральдики - создать точные и выразительные гербы, отвечающие эстетическим вкусам нашего времени. Старинные российские земельные гербы - ценные источники для изучения истории техники, флоры и фауны нашего отечества. Немало интересных сведений откроет в них для себя и топонимист.

* Русская речь. 1977 г. - №1.

Nichtungeformte Personennamen in der Funktion von Hydronymen

Über die Anwendung «absoluter» (nichtumgeformter) geographischer Namen in der Funktion von Personennamen ist bereits geschrieben worden.¹⁾ In der ostslawischen Toponymie sind auch ihnen äußerlich gegenüberstehende Benennungen geographischer Objekte durch suffixal nichtumgeformte Personennamen bekannt, auf den ersten Blick also «absolute» Anthroponyme in toponymischer Funktion (im weiteren abgekürzt als AATF). Es handelt sich hierbei um Namen vom Typ *Boris, Anna, Oleg, Sozon, Matrena, Ljubka, Taras, Makar, Dun'ka, Naumicha* usw., die als Namen von Flüssen und - seltener - als Namen von Siedlungen begegnen.

Bei der Wortbildungsanalyse ähnlicher Benennungen ist es wichtig klarzustellen, ob es sich hier um die Erscheinung irgendeiner besonderen onomasiologischen Tendenz $AA > H$ (AA = «absolutes» Anthroponym; H = Hydronym), die (jedoch in umgekehrter Richtung) dem Übergang $AT > A$ (AT = «absolutes» Toponym; A = Anthroponym) ähnlich ist, handelt oder ob die zu der gegebenen Gruppe gehörenden Namen als Folge unterschiedlicher Prozesse in den ostslawischen Sprachen entstanden sind.

Die Natur des Personennamens läßt die Annahme einer direkten Übertragung absoluter Anthroponyme auf ein lineares Objekt nicht zu. Ein Hydronym enthält in der Anfangsperiode seiner Existenz immer eine durch diese oder jene Realien bedingte vortoponymische Bedeutung; die Wahl eines Personennamens dagegen ist in beträchtlichem Grade frei, und seine Bindung zum Denotat (zur Person) basiert auf völlig entgegengesetzten onomasiologischen Prinzipien. Die gegenwärtig üblichen Personennamen *Ivan, Petr, Taras* z. B. haben keinerlei Verbindung zu irgendwelchen Besonderheiten der Personen außer ihrer allgemeinen Zugehörigkeit zu einer bestimmten Nationalität oder zum

männlichen Geschlecht, wengleich auch hier ihre informatorische Genauigkeit überaus relativ ist. Die Bereiche der toponymischen (bzw. hydronymischen) und anthroponymischen Nomination unterscheiden sich gegenwärtig beträchtlich voneinander, und wenn in der slawischen Anthroponymie in einzelnen Fällen noch direkte Übergänge nicht-umgeformter Toponyme zu Personennamen vorkommen (vgl. die Anthroponyme *Bachmut*, *Samar*, *Sal* u. a.), so ist eine ähnliche Transposition von Personennamen zu Hydronymen gegenwärtig unmöglich und sie war offensichtlich auch in der Vergangenheit unbekannt. Es ist anzunehmen, daß die gegenwärtigen Flußnamen vom Typ *Boris*, *Anna*, *Sozon*, *Makar*, *Matrena*/*Matrenka* usw. das Ergebnis eines rein äußerlichen Zusammenfalls ihrer Struktur mit entsprechenden Einheiten des Anthroponymikona ist. Die Wege ihrer Entstehung sind unterschiedlich. Einige von ihnen sollen näher betrachtet werden.

1. Einzelne AATF erscheinen als Ergebnis der Arradikation (einer besonderen Form der paronymischen Attraktion - einer rein äußerlichen Angleichung nach der Wurzel, die die semantische Seite der sich ähnelnden Wörter nicht berührt). Dieser halbvergessene grammatische Terminus (sein Schöpfer ist der polnische Linguist Jan Karłowicz) ist dem verschwommenen Terminus «Volksetymologie» vorzuziehen. Man vergleiche dazu den Namen des sibirischen Flusses *Lena* aus ewenkisch *Eljufona* (Arradikation mit dem russischen Anthroponym *Lena*). Eine Gruppe von Flüssen im Oskol-Flußgebiet (r. Nbf. des Severskij Donec trägt den Namen *Sozon* (mit den differenzierenden Zusätzen *Pervyj*, *Vtoroj*, *Tretij*, *Berezovyy*²) u. a.; vgl. in «Kniga Bol'somu čertežu»: „es fielen 12 Flüßchen in den Oskol, alle mit dem Namen *Sozon*»), der sich im Ergebnis der paronymischen Annäherung des tatarischen Wortes *suzan* 'ausgetrocknetes Flußbett, gefüllt mit Regen- oder Schmelzwasser' an den slawischen Personennamen *Sozon* entwickelt hat; vgl. noch *Varja*, Flußgebiet der Desna (Maštakov SRDB S. 202); *Vara* + Anthroponym *Varja* + Hydronym *Varja*; vgl. *Vara*, r. Nbf. der Bablja, r. Nbf. der Sudost', r. Nbf. der Desna (Maštakov SRDB S. 203); *Grunja*, l. Nbf. der Sem', mda. *grun*, *grun* 'Hügel, Erhebung' = Hydronym *Grun*' + Anthroponym *Grunja* oder dessen südrussische Vokativform *Grun*' + Hydronym *Grunja*; vgl. noch die Hydronyme im Flußgebiet des Psel: *Grun*', *Grun*'-*Tašan*' (Maštakov SRDB S. 70) u. a.)³.

2. Ein bedeutender Teil der Hydronyme aus der Gruppe AATF entsteht infolge eines Rederivations- und umgekehrten Formenbildungsprozesses. Einer solchen Herkunft ist offenbar der Name *Taras*, r. Nbf. des Dnepr. Im «Opisanie reki Dnepra. . .» (1697) führt Mazeppa noch die «volle» Form des Hydronyms

an: *Tarasovskaja*. Im Quellgebiet dieses Flusses gab es zu Beginn des 20. Jh. das Dorf *Ivšetarasovka*. Vgl. noch einen der Nebenflüsse des Bitjug, nämlich *Matrena* (in einer Aufzeichnung *Matrona*)⁴ aus *Matrenka*, und zwar durch die Annäherung der letzteren Form (die sich aus der nichtbezeugten Struktur **Motyrenka*, aus *Motyř* + Deminutivsuffix *-onk-*, entwickelt hat; vgl. die Hydronyme *Matyřa*, *Motyř* in den Flußgebieten des Don und Dnepr) an die homonymische Form des Anthroponyms *Matrenka*, aus der letztlich auch der Vollname *Matrena* (*Matrona*) abzuleiten ist. Derselben Herkunft sind die Hydronyme *Kolomijčicha* im Flußgebiet des Žerebec, r. Nbfl. des Severskij Donec (Variante aus der Mitte des 19. Jh.; bei P. L. Maštakov wird die Form *Kolomijčichina* angeführt; vgl. auch das Oikonym *Kolomijčichina*), *Marko*, im Lugan'-Flußgebiet (vgl. die Varianten des Vollnamens *Markov jar*, *Markova*), aber auch der Name des Flußbettes *Samson* (in der Flur des Dorfes Kirillovka, Kr. Volnovach, Bez. Doneck), das Hydronym *Javtuch-ricka* («Flußarm» zwischen der Insel Kuchar im Dnepr und dem ehem. Dorf Andreevka)⁵ 5), *Denis*, im Don-Flußgebiet («See *Denis*», «*Denis*- See»)⁶.

Die toponymische Rederivation läßt sich in den Fällen verhältnismäßig leicht feststellen, in denen neben den Hydronymen, die sich von den Suffixen «befreit haben», die Hydronyme in den Vollformen weiterhin in Funktion bleiben (oder als diachronische Varianten bezeugt sind), vgl. z. B. die «abgekürzte» Benennung des Flusses Julija (aufgenommen im Terrain), r. Nbfl. der Vasjukovaja, l. Nbfl. der Ol'chovaja, l. Nbfl. des Lugan', r. Nbfl. des Severskij Donec⁷, zu der Vollform *Julina* (Maštakov SBDnB S. 63); *Bol'soj Bogdan* und *Bogdan* (Wasserflurnamen in der Don-Mündung; Maštakov SRDonB S. 85) bei den Varianten *Bogdanov* und *Bogdančik*: *Šemjaka* (r. Nbfl. des Choper)⁸ bei den Varianten synchronisch *Šemjakinnaja* (in demselben Dokument von 1704) und diachronisch *Šemjakina* (Maštakov SRDonB S. 15); den Namen der Stadt *Roman* (am Fluß Prut) bei der diachronischen Variante des Oikonyms *Romanov Torg* (14. Jh.)⁹; den Gewässernamen *Osip* (ukr. *Josip*; jetzt Aquatorium des Kachowsker Stausees) und den Seennamen *Osipovo* (*Josipovo*)¹⁰; den Gewässernamen *Ivan* (l. Nbfl. des Dnepr) neben *Ivan'* (mit possessivischem -J-Suffix) und *Ivanovka* (Maštakov SBDnB S. 30). Der Gewässername *Černuchina* (l. Nbfl. der Belaja, r. Nbfl. des Lugan') wird auf dem handschriftlichen Plan des Bachmutsker Kreises im «Atlas Novorossijskoj gubernii» von 1799 in einer Form genannt, nachdem die Rederivation schon stattgefunden hatte, nämlich als *Černucha* (hier auch das Dorf *Černuchina*)¹¹. Eine Rückkehr zur ursprünglichen anthroponymischen Form, zum «absoluten» Anthroponym (aber

nicht zur anthroponymischen Funktion!) erfolgte offenbar auch in folgenden nordrussischen Benennungen: *Voron*, Bach, 1. Nbfl. des Juras, 1. Nbfl. der Jula, 1. Nbfl. der Pinega (1686 noch «po *Voronovu ruč'ju*»¹²); letztere Form weist auf eine ursprünglich possessivische Bildung); *Omel'jan* - Örtlichkeit und Landenge am Fluß Juras (von einem früheren Prozeß der Rederivation zeugt das Mikrotoponym *Omel'janova doroga* im Bereich der Örtlichkeit *Omel'jan*¹³; *Semen* - Örtlichkeit am Fluß Jula und eine tiefe Stelle im Fluß Jula (1686 ist der Waldacker *Senkinskoj*¹⁴ belegt, dessen Namensform die bei der Rederivation verlorengegangene relativisch-possessivische Bedeutung enthält); Bach *Sozon*, 1. Nbfl. der Jula (1686 ist die diachronische Variante des Hydronyms *Sozonov ručej* belegt: «ot *Sozonova ruč'ja*», «do *Sozonova ruč'ja*»¹⁵) u. a.

Diese Situation wird auch durch das folgende Beispiel gut illustriert. Die Dnepr-Insel *Suchoj-van* (< *Suchoj Ivan*) befand sich nach D. I. Evamickij «genau gegenüber dem Fischzug von Ivan (!) Charčenko». Die Geschichte des Namens der Insel ist offenbar folgende: *ostrov Ivana* oder *Ivanov ostrov* > 1. *Ivan-ostrov* und 2. *ostrov Ivan* > *Suchoj Ivan* > *Suchojvan*. Nur durch die völlige «Deanthroponymisierung» des gegebenen AATF war es möglich - sogar bei Bewahrung des sich auf eine lebende Person beziehenden ursprünglichen Personennamens -, daß sich die Bestimmung *Suchoj* mit ihm verband (eine andere Folge dieses Zustandes ist die Zerstörung des Anthroponyms selbst und die «Unverbierung» des Toponyms).

In der Geschichte konnten im äußersten Falle Teile der oben erwähnten Benennungen durch den zwischenzeitlichen Zustand zwischen der suffixalen Form des Toponyms (vom Typ *Ivanov ostrov*, *Ivanovo ozero*, *Denisovo ozero* usw.) und dem AATF Bildungen mit dem geographischen Terminus in Postposition zum AATF sein, d. h. die Linie ihrer strukturell-sinnmäßigen Entwicklung war beispielsweise folgende:

AA + S + T > AS + T

AATF + T

1) (T+AATF und 2) AATF

I. Etappe der Bildung des Toponyms vom Anthroponym (*Ivanov ostrov*, *Ivanov gorod*, *Denisovo ozero* usw.)

II. Anfangsetappe der Rederivation: attributives Syntagma, dessen Bestimmungsglied den früheren Zustand bewahrt (*Ivan-ostrov*, *Ivan-gorod*, *Denis-ozero* usw.)

III. Endetappe der Rederivation: das

Bestimmungsglied ändert frei seine Lage in Beziehung zum Terminus (1) oder es wird ohne es gebraucht (2) (Erklärung der Symbole: AA = «absolutes» Anthroponym; S' = Suffix mit possessivischer Bedeutung; T = /geographischer/ Terminus; AS = Anthroponym, das von AA mit Hilfe von S gebildet wurde).

Offensichtlich begegnet der Gebrauch von AATF ohne Nomenklaturterminus in der ausschließlichen Etappe der Rederivation selten, weil hier eine Homonymie zwischen AATF und AA entsteht, vgl. „za ozerom *Denis/om/*», „u goroda *Ivana*» und „za *Denisom*», „u *Ivana*». Dieses Problem muß aber noch statistisch überprüft werden. Infolge der umgekehrten Wortbildung entsteht auch eine Variante des Hydronyms *Černyj Petr* (im Dnepr-Flußgebiet): die Vollform des Anthroponyms entsteht auf der Grundlage der von ihm derivierten Koseform *Petja* (Resultat der Arradikation von ursprünglichem *-pet'* im Flußnamen *Černopet'*).

Die toponymische Rederivation (oder umgekehrte Bildung) kann man offensichtlich nicht als Innovation in der ostslawischen Toponymie ansehen¹⁶. Einige Fakten erlauben die Annahme, daß es sie in einzelnen Fällen bereits in altrussischer Zeit gab. So z. B. führt die *Ipat'evskaja letopis'* (um 1151) den Namen eines Grenzzortes im Gebiet Kiev, *Ivan*, an («Izjaslav s brat'jami stojachut vsi u *Ivana*»), der sich möglicherweise auf eine der Kiever Städte namens *Ivanov* bezieht (nach dem Zeugnis der «*Voskresenskaja letopis'*»). Vgl. noch im Verzeichnis der volynischen Städte *Ivan na Styre*, den Namen *Ivan* trug 1137 auch ein Dorf im Gebiet Novgorod. Es gibt für uns keinen Grund, in der Form *Ivan* das Ergebnis der Verhärtung des auslautenden Konsonanten zu sehen (wie z. B. im Limnonym *Ivan'-ozero*, im Oikonym *Volodimer'* usw.), weil im 12. Jh. zwischen den onymischen Einheiten *Ivan* und *Ivan'* eine «Distanz großen Ausmaßes» herrschte und sie sich nicht vermischten. Die Wortbildungsproduktivität des Formans *-jb* verhinderte eine Verhärtung des auslautenden Konsonanten.

3. Die Entwicklung vieler AATF wurde durch die Entwicklung einer morphologischen Struktur und durch die Veränderung der Lautform der ursprünglichen Benennungen hervorgerufen, die in ihren Anfängen häufig durch

nichts mit Anthroponymen verbunden waren; das Ergebnis ist eine Homonymie zwischen den Hydronymen und den entsprechenden Anthroponymen oder ihren Derivaten. Die Rolle eines Hilfsfaktors kann hier auch die oben erwähnte Arradikation spielen. Einer solchen Herkunft ist z. B. die in der ukrainischen Toponymie ziemlich häufige Form (*Domacha* < *domacha* ‚Wohnstätte‘ == *dom* + Suffix *-acha*, + *Domacha*, expressive Form des weiblichen Vollnamens *Domna*). Durch Wortbildungshomonymie entstanden offenbar auch viele andere AATF, vgl. noch *Galja*, Sumpf westl. der Stadt Nežin, und *Galina*, Torfbruch bei dem Dorf Sumskaja Vorožba, früher Lebedinsker Kreis im Gouvernement Char'kov (Ergebnis der Erweiterung der Wurzel *gal* durch das Suffix *-ina*, vgl. noch ukr. *hal* ‚Feld im Wald‘; + *Galina*, *Galja*); *Matrenka* aus **Motyrenka* (s. oben); *Olenka*, r. Nbfl. des Chvorostan' (Forostan')¹⁷, 1. Nbfl. des Don (Ergebnis einer strukturellen Substantivierung des topo-nymischen Adjektivs *Olen'ja*, vgl. dessen Varianten *Alenka* und besonders *Alen'ka*, Maštakov DSDonB S.5¹⁸); *Dun'ka* (Ergebnis der Erweiterung der hydronymischen Wurzel *dun-*, die im Dnepr-Flußgebiet auch in anderen Namen wie *Dunaj*, *Dunajka*, *Dunajčik*, *Dunaec*, *Dunavec* vorkommt, mittels Suffix *-ka*, sowie der Arradikation mit der expressiven Form des Anthroponyms *Dun'ka*); *Ljubka*, ein mehrfach vorkommendes Hydronym im Dnepr-Flußgebiet, dessen Wurzel auch eine andere Variantenentsprechung, nämlich *lub-*, hat. Die Entwicklung seiner Struktur kann man folgendermaßen rekonstruieren: *Lubna* (von *lub* ‚Lindenbast; Flachsfasern, Hanffasern, Nesselfasern‘; im Dnepr-Flußgebiet gibt es eine ganze Gruppe solcher *lub-* oder *ljub-*Flüsse) > *Ijubna* (+ *ljub-*/→*Ljubka* strukturelle Substantivierung + Arradikation mit der expressiven Form des weiblichen Personennamens).

Die Entstehung von AATF kann auch durch Veränderungen in der Lautform der Toponyme hervorgerufen werden, vgl. das bekannte Beispiel aus dem Bereich der russischen Oikonymie: die Verhärtung des *r* nach dem Verlust des possessivischen *j*-Suffixes im Namen der Stadt *Volodimer'* führt zum Zusammenfall seiner Form mit der des Anthroponyms *Vladimir* (in den Oikonymen *Stepan'*, *Epifan'* wird die Weichheit des auslautenden Konsonanten in Analogie zu Toponymen mit dem Suffix *-an'* bewahrt). Eine solche Verhärtung der auslautenden Konsonanten in Toponymen mit *-jb* konnte dank der Wirkung entsprechender «absoluter» Personennamen bereits in der Periode des Schwundes der Wortbildungsproduktivität dieses Suffixes in der ostslawischen Toponymie beginnen. Mit der Depalatalisierung der auslautenden Konsonanten ist auch die Entstehung des Limnonyms *Ivan* («der kleine See *Ivan*», «die kleine Bucht *Ivan*») ¹⁹ verbunden, vgl. dasselbe Limnonym in einer früheren Form als *Ivan'* -

ozero: «mima *Ivanja ozera*». ²⁰⁾ Im Flußgebiet des Ikorec, l. Nbl. des Don, ist das Hydronym *Martyn* offenbar derselben Herkunft. Zu einer solchen Annahme führt uns das in demselben Gebiet (nur nördlicher, im Potudan'-Flußgebiet) im 17. Jh. vorkommende Hydronym *Miron'*, vgl. «... po rečkam po Borovjankam i po Ostrogošči i po *Mironi*», «po rečke *Mirone* i po reke Potudane» ²¹⁾.)

Die Homonymie zwischen den anthroponymischen Einheiten und den AATF, die eine Folge der Entwicklung ihres Morphembestandes und ihrer Lautform ist, führte in der erdrückenden Mehrzahl der Fälle zur Entstehung von AATF.

4. Eine besondere Gruppe der AATF stellen Personennamen in der Pluralform (selten im Singular) dar, vgl. Dorf *Sidory* (*Sidor*) am Fluß *Medvedica*, l. Nbl. des Don, im ehem. Kreis ust'-Medvedickij; Dorf *Prochory* im ehem. Barzensker Kreis, Gouvernement Černigov; Dorf *Ivany* am Fluß *Mož*, r. Nbl. des Severskij Donec (in «Vedomost' o zemljach valkovskoj sotni Char'kovskogo polka» von 1749: «Dorf *Ivany*», «Dorf *Novye Ivany*») ²²⁾ u. a. Die Pluralform weist deutlich auf die onomasiologischen Anfänge solcher Oikonyme hin: der Gruppenübername der Familie und der Nachkommen des Gründers wird zum Namen der Siedlung. Dieser toponymische Typ geht weit über den Rahmen der AATF hinaus.

In einzelnen Fällen kann die Kontaktübertragung der Oikonyme der Grund für das Vorkommen analoger Flußnamen sein, vgl. den Flußnamen *Ivany*, an dessen Ufer das o. g. Dorf *Ivany* ²³⁾ liegt, das Flößchen *Drugie Ivany* an dem eich das Dorf *Novye Ivany* ²⁴⁾ befand (d. h. eigentlich *Drugie Ivany*). Das Hydronym *Ivany* hatte im 17.-18. Jh. auch andere differenzierende Zusätze: in den Dokumenten erscheinen *Dal'nie Ivany*, *Drugie Dal'nie Ivany*, aber auch *Lichoj Ivan* und *Dobryj Ivan*, vgl. z. B. in «Vedomost' o zemljach valkovskoj sotni Char'kovskogo polka» von 1749: «do rečki *Dalnich Ivanov*, gde vpali v rečku *Mož*» ²⁵⁾, «po rečke Mže naniz po *Drugich Dalnich Ivanov*» ²⁶⁾; in «Smotrennaja kniga gorodov Achtyrskogo polka» von 1686: «nize toj Peresvetnoj rečki dolinami *Lichoj* da *Dobroj Ivany* da *Žgun*» ²⁷⁾.) Der Singular des Hydronyms im letzten Beispiel war bereits im Ergebnis der umgekehrten Formenbildung entstanden.

Möglicherweise ist auch das Hydronym *Ivany* im Flußgebiet des Don (l. Nbl. der Černaja Kalitva, Maštakov SRDonB, S. 6) analoger Herkunft. Eine endgültige Antwort auf diese Frage kann man erst nach dem sorgfältigen Studium der toponymischen Situation in der Vergangenheit geben (die aber leider in der Gegenwart oft wenig belegbare Spuren hinterlassen hat).

5. Einzelne AATF können als Reaktion, als Reflex auf ein anderes «absolutes» Anthroponym in der Funktion eines Hydronyms entstehen (dessen Vorkommen in erster Linie durch die Wirkung eines der oben genannten Faktoren oder durch irgendwelche anderen Gründe bedingt war, deren Charakter nach dem sorgfältigen Studium der Erscheinung der AATF aufgedeckt werden kann). Beide Namen stellen in der Anfangsperiode ihres Miteinanders ein geschlossenes dichotomisches System, ein toponymisches Molekül dar, in welchem die Anziehungskräfte mit der Zeit nachlassen (was mit dem Vergessen der Nominationsursachen zusammenhängt), was bei den nachfolgenden Generationen der Träger solcher sekundärer («abgestoßener») Toponyme die Vorstellung von ihrer ursprünglichen Unabhängigkeit schafft. Objekte, auf die sich die ins Mikrosystem eingegangenen Namen beziehen, können Grenzobjekte sein, aber sie können sich auch in einer bestimmten Entfernung befinden, wobei sie zwischen sich eine andere toponymische Füllung haben, d. h. die Reaktion auf eine andere, bereits bestehende onymische Einheit (AATF) kann kraft der stark lokalen Ursachen sowohl einen Kontakt- (offenbar am häufigsten) als auch einen Distanzcharakter besitzen.

In unmittelbarer Nähe zueinander befinden sich die rechten Nebenflüsse des Osered (der Osereda), l. Nbfl. des Don, nämlich *Gavrila* (*Gavrilo*) und *Danila* (*Danilo*); eine dieser Benennungen entstand wahrscheinlich infolge einer Reaktion, die Kontaktcharakter besitzt. In verhältnismäßig geringer Entfernung voneinander befinden sich die Nebenflüsse des Bitjug (l. Nbfl. des Don), *Matrena* (s. oben) und *Anna*. Auf den früher im Ergebnis einer Rederivation entstandenen «weiblichen» Flußnamen (*Matrena* < *Matrenka*) reagierten die Namengeber des zweiten Hydronyms mit dem «absoluten» Anthroponym *Anna*. Als Reaktion auf eine der benachbarten Benennungen einiger Flüßchen mit dem einheitlichen Namen *Sozon* (vgl. «es fielen in den Oskol 12 Flüßchen, alle mit einem Namen, *Sozon*») erklärt sich offensichtlich auch die Entstehung des im «Kniga Bol'šomu Čertežu» belegten Hydronyms *Mosej* (umgangssprachliche Form des Namens *Moisej*)²⁸. Auf ähnliche Art und Weise konnte auch das Hydronym *Nastja* (r. Nbfl. der Stubel', l. Nbfl. des Dnepr; bei Maštakov SBDB S. 162 = *Nast'ja*) entstehen, das im Moment der Entstehung von einer der Namenvarianten des in der Nähe gelegenen Flusses *Ust'e - Ust'ja*, der (infolge der Arradikation mit dem Anthroponym *Ustja*) als weiblicher Personenne Name gefaßt wurde, «abgestoßen» wurde. Derselben «reflektorischen» Herkunft sind u. E. auch folgende Flußnamen: im Flußgebiet des Südlichen Bug - *Marijka*, l. Nbfl. des Gorski] (Gornyj) Tikič, die unmittelbar ihrem rechten Nebenfluß

Marianka folgt; im Flußgebiet des Dnepr - *Stecha*, 1. Nbfl. der *Grunja* (Grun'-Tašan'), 1. Nbfl. des Psel (über das Hydronym *Grunja* s. oben); *Ul'jana* (*Ul'janka*), Nbfl. des Nitjaž, 1. Nbfl. des Dnepr; etwas nördlicher von ihm befindet sich der rechte Nebenfluß des Dnepr *Ust'e* (s. oben über das Hydronym *Ustja*) und möglicherweise eine andere *Ul'janka*, r. Nbfl. der Soža (bedenklich stimmt das Vorhandensein des Hydronyms *Gruška* in ihrer Nähe, welches möglicherweise als derivierte Form vom weiblichen Personen namen *Gruša* < *Grunja* gedacht werden kann).

In einzelnen Fällen wirkten auch zwei (und möglicherweise sogar mehr) Faktoren auf die Bildung von AATF. Ein interessanter Fall einer solchen Wechselwirkung einiger AATF-bildender Faktoren ist in den «Materialy...» von G. Ja. Simina enthalten. Gegenüber der *Stepova ščel'ja* (auf dem linken Ufer des Flusses Jula), die, nach dem von der Autorin angeführten Beleg zu urteilen, noch *Stepan* genannt wird, liegt ein anderes hohes steiles Ufer (auf der rechten Seite) namens *Mar'ja*²⁹), dessen Name am ehesten «reflektorischer» Herkunft ist. Doch der «toponymische Reflex» fand erst dann statt, als die Rederivation in Form eines deanthroponymischen Adjektivs mit possessivischer Semantik erfolgt war: *Stepova ščel'ja* (*Stepovo ščel'je*) > *Step(a)* > *Stepan* (umgekehrte Formenbildung: «Bückkehr» zur Vollform des Personennamens, vgl. oben *Černyj Petr*). Die in der Gruppe 5 angeführten AATF kann man als eine besondere Spielart toponymischer «Exoismen» betrachten.

Die onomasiologischen Ursachen einer ganzen Reihe nichtumgeformter Personennamen in der Funktion von Hydronymen (AATF) sind gegenwärtig noch unklar. Es handelt sich um Namen in den Flußgebieten des Don, Dnepr, Südlichen Bug und Dnestr (in Klammern werden die Seitenzahlen der entsprechenden «Spiski» von P. L. Maštakov angegeben): 1. *Taisija* r. Nbfl. der Idolga, 1. Nbfl. der Medvedica (20); 2. *Anna*, 1. Nbfl. der Vedoga (13), *Basja*, 1. Nbfl. der Pronja, r. Nbfl. der Sož (120), *Boris*, 1. Flußarm der Sula (aus turksprachigem *böri su* ‚Wolfswasser‘?), *Inočka*, zweimal im Flußgebiet der Desna (176, 184; vgl. auch *Ininka*), *Marfa*, 1. Nbfl. der Bol'saja Kostyr', r. Nbfl. der Os'ma (II), *Melan'ja*, im Besed'-Flußgebiet (228), *Nikolka*, 1. Nbfl. des Merlo, 1. Nbfl. der Vorskla (76), *Jurka*, r. Nbfl. der Loska, r. Nbfl. der Desna (205), *Jacyk*, im Desna-Flußgebiet (205); 3. *Cicilija*, im Flußgebiet der Sinjucha, 1. Nbfl. des Südlichen Bug (38); 4. *Barbara*, 1. Nbfl. des Zubrež, 1. Nbfl. des Dnestr (7), *Todor* (*Tudor*), 1. Nbfl. der Lomnica, *Choma*, im Flußgebiet der Svica, r. Nbfl. des Dnestr (13).

Eine besondere Gruppe der AATF bilden die turksprachigen

Anthroponyme in der Funktion von Flußnamen vom Typ *Achmat* (r. Nbfl. der *Medvedica*), *Ajdar* (l. Nbfl. des *Severskij Donec*) usw., die aus der turksprachigen Hydronymie in das slawische Hydronymikon eingedrungen sind, wo ihr «absoluter» Gebrauch eine überaus weite Verbreitung fand. Viele turksprachige AATF traten anfangs als Bestimmungsglied zu dem eine Ellipse bildenden Nomenklaturterminus auf, aber in späterer Zeit konnte die Bildung neuer AATF auch in Analogie zu bereits vorhandenen AATF mit weggelassenem Terminus erfolgen³⁰)

Die Ursachen, die zur Entstehung der AATF führen, sind kompliziert und vielgestaltig. Es gibt keine unmittelbare, gradlinige Übertragung von Anthroponymen auf Flüsse in der Funktion, diese zu benennen. Wenn in der Anthroponymie «absolute» Toponyme in der Funktion transponierter Wörter auftreten können, so war und bleibt eine solche Übertragung «absoluter» Anthroponyme in den Bereich der Toponymie (jedenfalls der ostslawischen) unmöglich, wie das aus dem untersuchten Material hervorgeht.

Übersetzt von *J. Schultheis*

* *Onomastica slavogermanica*. IX. Akademie-Verlag, Berlin, 1974.

ANMERKUNG:

- ¹ Otin E.S. Ob imenach i kličkach, toždestvennych toponimam. In: *Etnografija imen*. Moskva 1971, S. 258-260.
- ² Schreiberbücher von Voronež (1626). In: *Materialy dlja istorii Voronežskoj i sosednich gubernij. Tom I: Voronežskie akty*. Voronež 1887, S. 164f., 167f., 170.
- ³ Abkürzungen der „Spiski rek“ („Verzeichnis der Flüsse“) von P. L. Maštakov: SRDB = Spisok rek Dneprovskogo bassejna. Sankt Peterburg 1913; SRBDB == Spisok rek bassejnov Dnestra i Buga (Južnogo). Petrograd 1917; SRDonB = Spisok rek Donskogo bassejna. Leningrad 1934. Das Zeichen - weist auf eine Annäherung an die Wurzel (Arradikation) des folgenden Wortes hin.
- ⁴ Vgl. in einem der Dokumente über die Besiedlung des Bitjug-Gebietes im Kreis Voronež Ende des 17. Jh.: „do verchov'ja rečki *Matrony* i po obe storony toj rečki *Matrony*“ (*Materialy dlja istorii kolonizacii i byta Char'kovskoj i otčasti Kurskoj i Voronežskoj gubernij*, S. 125). An einem anderen Ort heißt dasselbe Flüsschen *Matrenka* (ebd., S. III).
- ⁵ Novickij Ja. P. S beregov Dnepra. In: *Sbornik statej Ekaterinoslavakogo naučnogo obščestva po izučeniju kraja*. Ekaterinoslav 1905, S. 111.
- ⁶ *Materialy po istorii monašestva na Donu*. Moskva 1902, S. 89, 96. Übrigens ist auch die Form *Suha Moskva* anstelle *Sucha Moskovka* (l. Nbfl. des Dnepr) in der «Letopis'» von S. Veličko durch ihre Entstehung mit der toponymischen Rederivation verbunden, vgl. *Letopis' sobytij v jugo-zapadnoj Rosii v XVII veke*. Sostavil S. Veličko. Tom 3. Kiev 1865, S. 472.
- ⁷ Samochin A. F. Reka Don i ee pritoki. *Naučno-populjarnyj očerk*. Rostov 1958, S. 40ff. Vgl. noch in demselben Gebiet das Hydronym *Bogdanov Kut* (unterhalb des Flußarmes der Staraja Kalanča; Maštakov SBDOnB S. 86). Kleine Übersolweringungsgebiete nennt man am Don „kuty“.

- ⁸ Trudy Donskogo vojskovogo statističeskogo komiteta. Vyp. I. Novočerkassk 1867, S. 61 (in einem Dokument von 1704).
- ⁹ Rossija. Polnoe geografičeskoe opisanie našego otečestva. Tom XIV: Novorossija i Krym. Sankt Peterburg, 1910, S.141.
- ¹⁰ Evarnickij D. I. Vol'nosti zaporožskich kazakov. Sankt Peterburg 1890, S. 191; 0. S. Stryžak, Nazvy ričok Zaporizžja i Chersonščyny (Nyžn'onaddnirjans'ke Livoberežžja). Kiev 1967, S. 74.
- ¹¹ Vgl. Atlas Novorossijskoj gubernii, sostavlennij iz dvenadcati uezdov i razdelennij na dve časti. Čast' pervaja. Novorossijsk 1799 (Manuskript). Zentrales Staatliches Kriegesgeschichtliches Archiv (Moskva), Fond VUA, Sign. 20 159.
- ¹² Simina G. Ja. Materialy splošnogo obsledovanija zamknutoj mikroterritorii (bassejn reki July, Pinežskij rajon, Archangel'skoj oblasti). Leningrad 1969, S. 32.
- ¹³ Ebd., S. 63.
- ¹⁴ Ebd., S.64.
- ¹⁵ Ebd., S. 65.
- ¹⁶ So ist auch in ihr eine spezifisch slawische Erscheinung zu sehen: auf einen der Faktoren der umgekehrten Bildung von Toponymen im IV. Buch der „Naturgeschichte“ von G. Seoundua Plinius dem Älteren (I. Jh. u. Zt.) verweist A. A. Beleckij: *oppidum Carcine* < *Simus Carcinites* (vgl. A. A. Beleckij, Grečeskie elementy v geografičeskich nazvanijach Kryma. In: Etimologija 1967. Moskva 1969, S. 203).
- ¹⁷ Vgl. Materialy dlja istoriko-geografičeskogo slovarja Rossii. Sobral i izdal N. Barsov. I. Geografičeskij slovar' russkoj zemli (IX-XIV st.). Vil'no 1865, S. 80.
- ¹⁸ Diese wechselseitige Abhängigkeit der Formen wird aus einem Text von 1654 deutlich veranschaulicht: „... da dva lepežka *Olen'ich* i Borščevkich“ und daneben: „po rečkam po *Olenke* i po Borščevke“ (Donskie dela. Kniga IV, 8. 842). Es handelt sich um eines der olen'-Toponyme im Don-Flußgebiet. Andere Alenka-Namen können eine andere Herkunft haben: 1. aus der Form *Elenka*, die sich in erster Linie auf das Hydronym *El'nja* bezieht, vgl. *Alenka* (mit der Variante *El'nja*), 1. Nbf. der Volčas (der Volčica), r. Nbf. der Sož, 1. Nbf. des Dnepr, und *Elenka* (mit der Variante *El'nja*), 1. Nbf. der Berezina, r. Nbf. des Dnepr (Maštakov SRDB 8. 118, 32); 2. aus einer Verbindung des Diminutivauffixes -*onk*- mit anderen hydronymischen Wurzeln. Offensichtlich hat sich so der Name *Olenka*, r. Nbf. des Dnepr, entwickelt (Maštakov SRDB, S. 171; vgl. andere Hydronyme mit der Wurzel *ol*- im Dnepr-Flußgebiet: *Olava*, r. Nbf. der Sula, *Ola*, 1. Nbf. der Berezina; ebd., S. 59, 102).“)
- ¹⁹ Materialy po istorii monašestva na Donu, S. 62 (zum Jahr 1693).
- ²⁰ Materialy po istorii Voronežskoj i sosednich gubernij. Izd. L. B. Vejnberg. Vyp. I-IX (durchgehende Paginierung). Voronež 1885-86, S. 546 (zum Jahr 1666).
- ²¹ Ebd., S. 723 (zum Jahr 1678), S. 749 (zum Jahr 1690).
- ²² Materialy dlja istorii kolonizacii i byta stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva (Char'kovskoj i otčasti Kurskoj i Voronežskoj gub.) v XVI- XVIII stoletii, sobrannye v raznych archivach i redaktirovannye D. I. Bagaleem. Char'kov 1886, S. 302. Das Dorf wurde im 18. Jh. vom Valkovsker Hundertschaftsführer Ivan Nemenuščij gegründet (daher *Ivany*). Vgl. noch: die Dörfer *Ivany*, die der Fürst Ivan Danilovič besaß (später hieß das Dorf Ivanovskoe), vgl. Materialy dlja istoriko-geografičeskogo slovarja Rossii, a. a. O., S. 80f.
- ²³ Rossija. Polnoe geografičeskoe opisanie našego otečestva. Tom VII: Malorossija. Sankt Peterburg 1903, S. 271; F. Polunin, Novyj i polnyj geografičeskij slovar' Rossijskogo gosudarstva. Čast' 2. Moskva 1788, S. 66. Vgl. noch: Fluß *Ivan'e* - wahrscheinlich ein metonymischer Gebrauch der possessivischen Form des Oikonyms (Dorf *Ivan'e*)

als Flußname im 2. Teil des „Geografičeskij slovar' Rossijskogo gosudarstva“ von A. M. Ščekatov (Moskva 1804, S. 687).

²⁴ Materialy dlja istorii kolonizacii i byta . . .a.a.O., S. 300.

²⁵ Vgl. noch: *Ivany* (Variante: *Dal'nie Ivany*), l. Nbf. der Vorskala, l. Nbf. des Dnepr (Maštakov SRDB S. 74).

²⁶ Wie Anm. 24.

²⁷ Vgl. Anm. 24, S. 134.

²⁸ Vgl. das Hydronym *Moseevka* im Sož-Flußgebiet (Maštakov SRDB, S. 130).

²⁹ Siřina G. Ja. a. a. O., S. 47. Das Mikrotoponym *Stepova Ščel'ja* (vgl. noch *Stepov ručej*) enthält offensichtlich die umgangssprachliche anthroponymische Basis *Step-* (aus dem Vokativ *Step!*), von hier die Rückkehr zürn Suffix *-ov-*.

³⁰ Vgl. dazu G. E. Kornilov, Opyt issledovanija po čuvašskoj dialektologii i bulgaro-čuvašskoj toponimike. Avtoreferat kandidatskoj dissertacii. 1966,S.10.

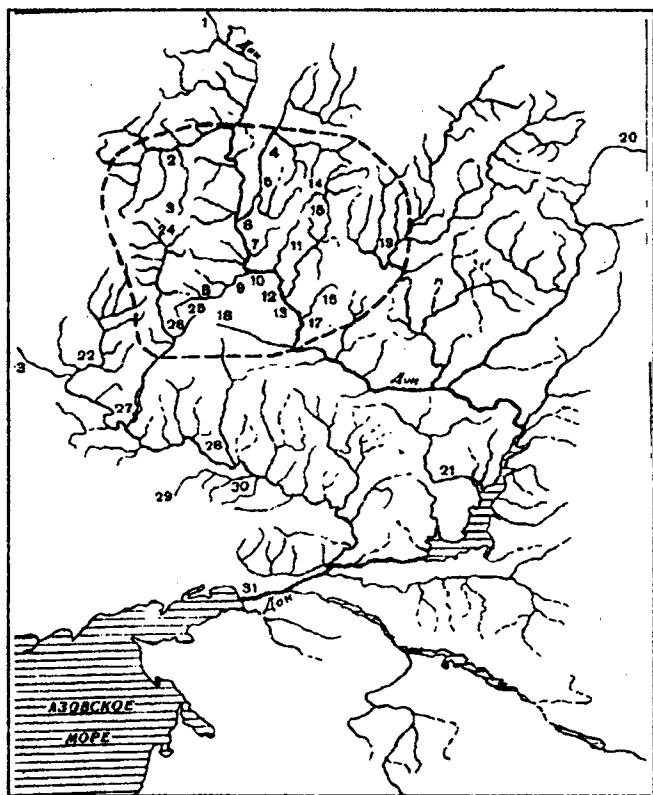
НЕПЕРЕОФОРМЛЕННЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ГИДРОНИМИИ ДОНА

Аффиксально не переоформленные личные имена, функционирующие в качестве различных географических названий (далее мы будем именовать их абсолютными), представляют собой интересное и пока еще мало исследованное явление в славянской топонимии. «Оголенность» их антропонимного ядра выглядит «нетипичной» на фоне обычного оформления антропонимных основ в топонимическом словопроизводстве посредством суффиксов с притяжательным или притяжательно-относительным значением. В своей огромной массе отантропонимные названия выступают как аффиксальные дериваты. Экзотичными вкраплениями в славянских топонимических ландшафтах предстают гидронимы типа *Гаврила, Данила, Мартын, Богдан, Анна, Юлия, Иван(ы)* и т. д. О них нам уже довелось писать¹. Настоящая статья, во-первых, развивает и уточняет некоторые прежние положения на дополнительно собранном материале и, во-вторых, является попыткой комплексного рассмотрения всех зафиксированных абсолютных антропонимов в топонимической функции в пределах гидронимии одного из крупнейших речных бассейнов Восточной Европы.

Приведенный в конце статьи список абсолютных антропонимов в гидронимии Дона содержит 31 название. Их порядковые номера нанесены на карту 1, дающую представление о пространственном размещении абсолютных антропонимов в топонимической функции (далее - ААТФ) данного типа в гидрографической сети Донского бассейна².

Среди зарегистрированных нами ААТФ в гидронимии Дона 20 мужских и 4 женских личных имени. Все ААТФ выступают или в

начальной, или в производно-уменьшительной форме (первых среди мужских имен - 21, среди женских - 3, вторая структурная разновидность представлена гидронимом *Машка*), и только для одного гидронима - *Матренка* (в бассейне Битюга) зарегистрирована производная форма *Матрена* (в записи конца XVII в. - *Матрона*).

Карта 1. Абсолютные (непереоформленные) антропонимы в гидронимии Дона.

которая теперь воспринимается как первичная.

С точки зрения принадлежности к различным типам гидрографических объектов исследуемые имена распределяются следующим образом: названий рек и ручьев - 21, озер - 6, байраков и

яруг - 2, затонов - 1, рукавов Дона - 1. Для выяснения этиологии и словообразовательной истории целого ряда ААТФ важно установление характера их связи с названиями сопредельных географических объектов, чаще всего - населенных пунктов, имеющих одинаковую антропонимическую базу. В нашем списке такая связь прослеживается у 21 гидронима.

Более половины ААТФ приходится на участок Верхнего Дона от Быстрой Сосны до Черной Калитвы (18 гидронимов), 9 названий относится к водотокам верхнего и среднего течения Северского Донца (они не встречаются уже ниже Лугани); остальные 4 названия связаны с другими участками бассейна (исток Дона, исток Медведицы, бассейн Чира и донские гирла). Обращает на себя внимание зона скопления ААТФ, обозначенная на карте I-пунктирной линией. Большинство из них принадлежит притокам Дона от р. Девыцы на севере до Черной Калитвы на юге. К этой зоне тяготеют также притоки Оскола выше Валуя. Восточная половина бассейна почти лишена интересующих нас названий.

Часть ААТФ в гидронимии Донского бассейна обязана своим возникновением контактному переносу названий населенных мест на ближайшую водную артерию. Среди восточнославянских названий населенных пунктов в особые группы выделяются ойконимы, представляющие собой суффиксально непереоформленные личные имена, прозвища или фамилии в форме единственного или множественного числа (хочу сразу оговориться: в их число не включаю структурно тождественные, но имеющие иную ономаσιологическую природу мемориальные ойконимы типа *Жданов*, *Щорс*, *Торез* и т.д., широко встречающиеся в топонимии советского периода). Примеры ойконимов первой группы: д. *Анна* (в бывш. Землянском у. Воронежской губ.)³, хутор *Анна* (в бывш. Воронежском у.; им владела А. Тулинова)⁴, д. *София* (в бывш. Бахмутском у. Екатеринославской губ.)⁵, хутор *Роман* (в том же уезде)⁶, хутор *Маруся* (в бывш. Новозыбковском у. Черниговской губ.)⁷, с. *Максим* (в бывш. Остерском у. Черниговской губ.)⁸ и т.д. К этим ойконимам близки названия типа *Сахно* (деревня в бывш. Таврической губ.; при синхроническом варианте *Сахнова*)⁹, *Недайвода* (название небольшого селения в бывш. Верхнеднепровском у. Екатеринославской губ.)¹⁰, *Кадыгроб* (название деревни в бывш. Ногомосковском у. той же губернии)¹¹ и т.д. Этиология

таких названий прозрачна. В начальный период своего существования место поселения как бы отождествлялось с проживающим здесь конкретным лицом, имя которого становится названием заселенного участка (так, указанные выше хутора *Роман* и *Маруся* в 60-е годы прошлого столетия состояли еще из одного двора). Увеличиваясь по территории и народонаселению, такие населенные пункты по традиции продолжают удерживать старые названия в форме единственного числа, обрастая со временем новыми дублетными наименованиями (так, д. *София* называлась еще Пьянковкой и Лозовой, д. *Анна* - Грибоедовкой и т.д.). Ср. еще название урочища *Егор Иванов* на территории колхоза «Свобода» Воловского р-на Липецкой обл. (карта землепользования 1975 г.).

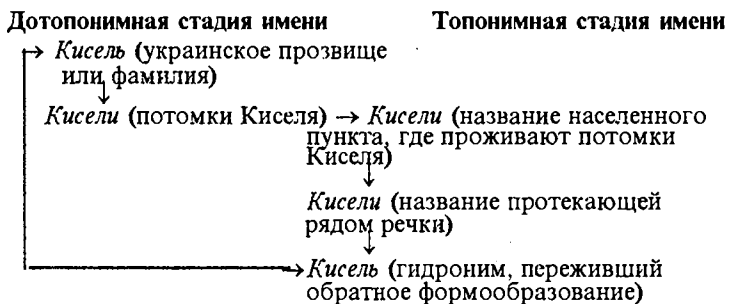
К ойконимам этого типа и восходят такие ААТФ в гидронимии Дона, как *Сапрон* (на берегу речки - с. *Сапронь*), *Анна* (рядом села *Анна* и *Анновка*; от последнего ойконима мог образоваться другой словообразовательный вариант гидронима - *Анновка*), *Мартын* (ср. контактно связанный с ним ойконим *Мартын*), *Пилип* (поблизости зафиксирован населенный пункт с таким же именем) и *Герасим* (*Горосим*, *Геросим*¹², ср. ойконим *Геросим*). Вариант гидронима *Сапронь* - следствие приспособления его к широко распространенному в славянской гидронимии женскому роду названий рек (впоследствии он оказал обратное воздействие и на грамматический род ойконима, ср. сельцо *Сапронь*).

Особых пояснений требует название *Иваны*, дважды повторяющееся в донской гидронимии - в бассейнах Мжи (И¹) и Черной Калитвы (И²). Топонимический контекст, в котором пребывает И¹, указывает на контактное возникновение данного имени. Формальная однотипность И² позволяет нам предположить аналогичное происхождение и для данного имени, несмотря на то, что для него не зафиксировано аналогичных ойконимических «спутников». Первичность ойконимов и вторичность гидронимических образований типа *Иваны* подтверждается исследованием ономастологической природы подобных названий населенных мест. В них нельзя усматривать подмеченную уже давно учеными функцию форм *pluralia tantum* как показателей топонимичности. Если это бесспорно по отношению к названиям отапеллятивного происхождения (типа *Мосты*, *Горки* и т.д.), то плюральные формы восточнославянских

ойконимов с антропонимическими основами типа *Иваны, Прохоры, Сидоры, Самсоны* и т.д. образовались благодаря топонимизации форм множественного числа личных имен. Флексия множественного числа возникла на антропонимной, а не топонимной стадиях развития подобных ойконимных структур. Ее функция - выражать патронимическое значение, обозначать потомков по имени одного из предков - чаще всего деда, реже - отца. При этом, как уже отмечалось, в отдельных случаях благодаря обратному формообразованию может появиться вторичный антропоним в форме единственного числа, повторяющий личное имя предка. Хорошо известно, что антропонимические структуры с патронимическим значением нередко становятся микротопонимами (ср. названия «концов» населенных пунктов типа *Дронькí, Гаращенкí* и т.д.). На основе антропонимических форм с патронимическим значением сформировалась славянская (и, в частности, украинская) ойконимия с суф. *-ичí*. Все это свидетельствует о том, что флексия множественного числа в ойконимах типа *Иваны* - не топонимообразующее средство. Возникла она на дотопонимной стадии существования имени, и связь с названиями *Мосты* и *Горки* здесь чисто внешняя. Перед нами абсолютный антропоним в топонимической функции. Документально подтверждается, что слобода *Иваны* была основана в XVIII в. сотником Иваном Неменушим¹³. Расположенные поблизости другие населенные пункты с этим именем образовались или в результате отделения от слободы (ср. *Новые Иваны*), или же вторично получили свои названия от реки *Иваны*, на берегах которой они возникли (это прежде всего касается многочисленных хуторов, имевших, впрочем, и другие названия - по именам владельцев).

Топонимическая метонимия: ойконим типа *Иваны* → гидроним типа *Иваны* иногда заканчивается расподоблением одинаковых названий реки и близрасположенного населенного пункта, благодаря чему процесс образования ономастических структур как бы возвращается к исходному рубежу. Например: *Иван* (Неменуший) → *Иваны* (его потомки) → *Иваны* (название населенного пункта) → *Иваны*¹ (название протекающей² рядом реки) → *Иван* (название той же реки,³ возникшее благодаря обратному формообразованию, вызванному тенденцией к расподоблению гидронима и ойконима). Ср. в документах XVII в.: «вверх по *Доброму колодезю Ивану*» (1676 г.)¹⁴;

«ниже той Пересветной речки долинами *Лихой* да *Доброй Иваны* да *Жгун*» (1686 г.)¹⁵ и т. д. Подобное взаимодействие контактирующих названий рек и населенных пунктов обнаруживается и в менее явных случаях. Например, расподоблению с ойконимом *Кисели* обязана своим появлением контактирующая о нем форма единственного числа гидронима *Кисель* (л. п. Береки, п. п. Северского Донца). Процесс ее образования был таким же, как и у рассмотренного выше гидронима *Иваны*:

Некоторые ААТФ в гидронимии Дона возникли благодаря позднейшей дезаффиксации первоначально производных гидронимов с антропонимными основами, что подтверждается существованием их диахронических и синхронических вариантов с суффиксами, выражающими притяжательные отношения. Такое происхождение в нашем списке ААТФ обнаруживают гидронимы *Иван* (озеро), *Богдан* (озеро в бассейне Хопра и рукав Дона), *Данила*, *Гаврила*, *Марко* (в бассейне Лугани), *Юлия*, *Сергей* и, очевидно, *Денис*. Причин, приведших к дезаффиксации, вероятно, было несколько. Одна из них - превращение суффикса в топонимическом деривате (в связи с угасанием его этимологического значения) в асемантический элемент слова. Отсюда появилась возможность отсечения его (разумеется, если это не подрывало сигнификативной функции топонима). Название становилось короче, «компактнее». Известную роль вначале, по-видимому, играл и момент экспрессии, «освежения» звуковой формы географического имени. Так, название одного из притоков Олыма (Олыми) сто лет назад представляло собой еще суффиксальное образование - *Сергеев* (ручей протекал через деревню *Сергеевку*)¹⁶, но уже в наши дни А. И. Яценко зафиксировал форму, испытавшую

обратное разложение, - *Сергей*¹⁷. Аналогичного происхождения и некоторые другие ААТФ, например *Богдан* - рукав Дона в его «гирле» (немного ниже его находится *Богданов кут*, название которого представляет собой суффиксальное слово с той же антропонимной базой), *Марко* и *Юлия*, ср. их суффиксальные варианты *Марков(а)* и *Юлин(а)*.

В некоторых случаях причиной, приведшей к появлению ААТФ в гидронимии Дона, могло быть расподобление находившихся в контактных отношениях названий рек и населенных пунктов. Так возникли, надо полагать, названия двух соседних левых притоков Осереды - *Данила* и *Гаврила*. Так же, как и в случае с гидронимом *Сергей*, первичной здесь была ойконимическая принадлежность данных антропонимических основ (ср. соответствующие им названия сел, деревень и хуторов *Даниловка*, *Данилов*, *Гавриловка*, *Гаврильск* и т. д.). Документально зафиксированы лишь некоторые из суффиксальных гидронимических форм метонимического происхождения, на основе которых могло произойти обратное разложение (декомпозиция) перенесенного названия (*Гаврилка*, *Гаврильск*). Не исключено, конечно, что перенос ойконима в форме суффиксального слова на реку мог одновременно сопровождаться и его декомпозицией, и названия *Данила* и *Гаврила* на гидронимном уровне никогда не имели в процессе своего становления промежуточного суффиксального звена. Дезаффиксацию вначале мог испытать только один из этих гидронимов, а второй сложился позже - уже по аналогии со своим предшественником. Это тем более вероятно, что оба названия - *Гаврила* и *Данила* - относятся к сопредельным географическим объектам и составляют бинарную топонимическую микросистему. Контактная топонимическая «диссимилиация», по-видимому, имела место и при образовании гидронима *Мосей* (*Моисей*): рядом с носящей это имя речкой находилось село *Моисеевка*.

Несколько по-иному сложилась судьба таких ААТФ, как *Иван-озеро* (озеро *Иван*) и *Денис-озеро* (озеро *Денис*). Их формирование протекало в условиях универбизации первичных топонимических словосочетаний адъективного типа, состоящих из отантропонимических прилагательных и номенклатурного термина. При стяжении этих словосочетаний в одно слово происходит утрата суффикса в отантропонимических притяжательных прилагательных,

могло приобретать синтаксическую самостоятельность и сложное слово распадалось на две равноправные лексемы, способные меняться местами в словесной группе и иметь свои флексии. Ср., например, *Васильгород*¹⁸ и «в *Василе городе*»¹⁹, «*город Василь на Суре*»²⁰, «от *Ивана города*»²¹, «в *Иване-городе*»²² и т.д.

Именно этот путь прошли в своем развитии лимнонимы *Иван* и *Денис*. Схематически его можно изобразить так: $A+N \rightarrow a+N \rightarrow AATФ+N$ или $N+AATФ$ (где А - отантропонимное прилагательное с притяжательным значением, Н - номенклатурный термин, а - атрибутивный член словосочетания, испытавший обратное разложение). В момент фиксации последнего гидронима усеченная антропонимическая основа, тождественная личному имени, уже обрела способность употребляться после номенклатурного термина (*Денис-озеро* → озеро *Дениц*), превратившись в ААТФ. Что касается словообразовательной истории лимнонима *Иван-озеро*, то на карте России Г. Меркатора 1594 г. мы еще находим исходное атрибутивное словосочетание *Iwapowo Jezio* (ср. еще более поздние, относящиеся к XIX в., топонимические словосочетания *Ивановское озеро*, *озеро Ивановское*). В настоящее время остаток бывшего отантропонимного прилагательного *Иван*, как правило, употребляется с постпозитивным номенклатурным термином, хотя sporadически отмечается и словосочетание Н+ ААТФ, например «около озера *Ивана*»²⁵. Ср. еще: «Давным-давно, в незапамятные времена, появилось в здешних краях озеро, которое в народе окрестили *Иваном*. И было у *Иван-озёра* два сына»²⁶ (один из них - река *Дон Иванович*).

Полная утрата номенклатурного термина при всех ААТФ наблюдается редко, так как он, выступая как определитель топонимической функции этого типа собственных имен, помогает избежать двусмысленности (ср., с одной стороны, словосочетание у *Ивана* и у *Иван-озера*, у озера *Иван*, с другой).

Некоторые донские гидронимы в наше время воспринимаются как ААТФ, хотя они никогда не имели в своих истоках личных имен; сходство с последними у них возникло благодаря развитию их морфологической структуры. Это гидронимы *Матрена* и *Марк*. Гидронимическая лексема *Матренка* сложилась путем присоединения к основе *Мотыр-* (в бассейнах Дона и Днепра зарегистрировано несколько гидронимов с этой основой: *Матыра*, *Мотырь*)

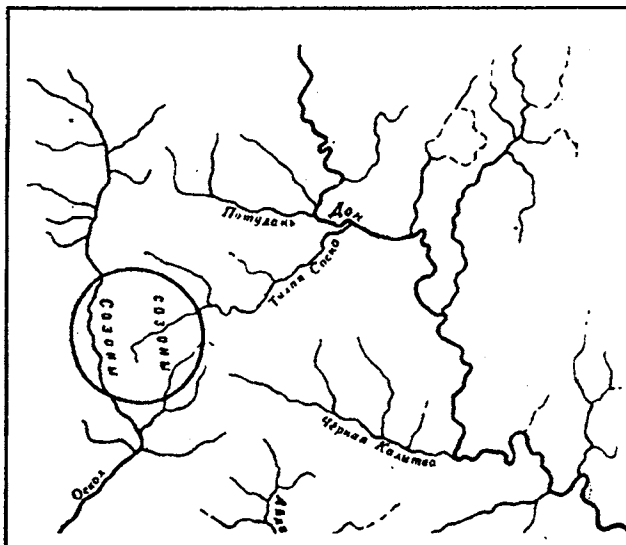
деминутивного суф. -'онк-: *Мотыр(а)-+-'онк(а) → *Мотыр'онка → Матр'онка* (результат сближения с производно-уменьшительной формой женского имени *Матренка*). В некоторых случаях эта форма подвергалась дезаффиксации: *Матренка* становится *Матренцой*. Такое имя возникало иногда вследствие расподобления ойконима контактного происхождения с омонимичным гидронимом (например, слобода *Матрена* на р. *Матренке*, н. п. Тихой Сосны; ВСОРИ-ВГАС, 78, 1850 г.). В бассейне Дона все шесть *Матренок* находятся в очерченной на карте зоне скопления ААТФ. Как свидетельствуют варианты гидронима *Марк* (*Марок, Морок, Могоск. Марка*), его структура сложилась благодаря присоединению к местному географическому термину (мордовского происхождения) *мар* 'холм, курган' славянского суф. -ок (*Марок*) и последующему сближению основы *Марк-* (в косвенных падежах) с личным именем *Марк*.

По крайней мере три названия из нашего списка ААТФ в гидронимии Дона (*Олег, Богдан и Созон*) обязаны своим появлением аррадикации - структурной переделке семантически неясных слов на базе привычных корневых элементов языка - «радиксов», в данном случае - личных имен²⁷. Явление это имело место во все периоды истории русской (так же, как, по-видимому, и любой другой) топонимии. Вот только два однотипных примера, противостоящих друг другу лишь в хронологическом отношении (XVI и XX вв.): 1. В тексте хронографа из Ленинградского списка Никаноровской летописи, под 1567 г.: «...послал... в *Антрон* (т. е. Антверпен. - *Е.О.*) к бурмистром и к ратманом гостя Ивана Афанасьева»²⁸; 2. В воспоминаниях Григория Мелехова (в романе М. Шолохова «Тихий Дон») о том, как в 1915 г. в Восточной Пруссии его полк шел в наступление, немецкий город *Сталупенен* назван *Столыпином* (аррадикация с хорошо знакомой герою романа фамилией царского министра Столыпина). Гидроним *Олег* в бассейне Бабки (п. п. Северского Донца) восходит к местному географическому термину *олех*. Ср. в документе середины XVIII в.: «вверх по Бабке на Олховой пристен и вверх того пристена густой *олех*». Урочище *Олех* (п. п. Рутки, п. п. Уд, п. п. Северского Донца) находим мы и на рукописном «Плане окрестностей г. Чугуева» 1846 г. Гидроним *Олег* в бассейне Бабки бесспорно является гиперкорректной записью этимологически правильного *Олех* (другие его варианты - *Ольгов колодезь, Олега -*

сложились позже, когда произошло переосмысление перешедшего в гидроним термина на базе личного имени). По этой же причине название притока Оскола - *Бахтин* на карте Южной России И. Массы (1633 г.) его иностранным составителем было переделано в *Богдана* (Bogdan flu).

К редкому (возможно даже - эндемичному) местному географическому термину *созон* восходит и название левого притока Оскола - *Созон*. В качестве апеллятива это слово отмечается в одном из документов 1637 г.: «...А в Осиновом остроге стоят государевы ратные люди, оберегают Калмиюзские сакмы, которая сакма лежит в Русь верх Сосенских раздоров и *созонов*»²⁹. «Сосенские *созоны*», как видно из карты 2, находятся восточнее *Созонов* Оскольских.

«Книга Большому чертежу» свидетельствует о целом «пучке» *Созонов* в бассейне Оскола выше его левого притока Валуй: «пали в Оскол 12 речек одним прозвищем - все *Созоны*». По крайней мере часть из них, как свидетельствуют документы XVII-XIX вв., имела при себе

Карта 2. Гидроним *Созоны* и местный географический термин *созон* в гидронимии Дона

дифференцирующие определения (*Белый, Первый, Второй [Другой], Третий, Березовый* и т.д.). Трудно судить о значении термина *созон*. В

нем могла отразиться семантика крымско-татарских апеллятивов *саз* 'болото', *сазы* 'болотистый' или *суза* 'степная балка, наполняемая дождевой или талой водой'. Если верна последняя этимология, то донской гидроним *Созон* генетически связан с определяемой частью таких составных тюркских гидронимов в бассейне Днепра, как *Шайтан-Сузье* (Шайтанка) - п.п. Мокрых Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра³⁰ и *Ярли-Сузан*³¹ (*Ярлицизи*, *Яр Осозы*³² и другие варианты) в бассейне тех же Мокрых Ялов. Заслуживает внимания этимология И.В. Муромцева, устанавливающего более раннее происхождение названия: гидроним *Созон* им сближается с осетинским *сæдзæн* 'болотистый'³³, что хорошо согласуется с археологическими данными: данный район междуречья Дона и Северского Донца - среднее и нижнее течение р. Оскола и бассейн Тихой Сосны - изобилуют памятниками салтово-маяцкой культуры³⁴, этническая принадлежность которой рядом исследователей определяется как алано-тюркская (алано-булгарская). Трудно сказать определенно, отразилась ли лексема *созон* в названии *Сазонова леса* в бассейне Потудани (этому «мешает» территориальная близость другого топонима - *Тарасова леса*³⁵, благодаря чему оба имени могут быть охарактеризованы и как отантропонимные образования) и балки *Сизонки* (<**Созонки*?) в бассейне Черной Калитвы (где-то возле ее притока - речки Меженки)³⁶. В подобных случаях могло иметь место и вторичное дооформление основы *Созон* (< *созон*), переосмысленной как антропонимический элемент, суффиксами, типичными для деантропонимических географических названий (-ов-, -к(а) и т. д.).

К славянским ААТФ в бассейне Дона примыкают два гидронима, представляющие собой тюркские личные имена - *Ахмат* (в истоках Медведицы) и *Айдар* (л. п. Северского Донца). Трудно определить, являются ли они остатками первичных топонимических изафетов с опущенным впоследствии номенклатурным термином (**Ахмат су*, **Айдар су* и т. д.) или же вторично развившимися в тюркской топонимии названиями - после того, как употребление личного имени без определяемого им термина стало обычным. Такого типа названия известны и в ойконимии тюркского происхождения. Ср.: с. *Ахмат* - в бывш. Камышинском у. Саратовской губ. (на берегу Волги)³⁷, две татарские деревни в Крыму с одинаковым названием *Семен* (одна - в Евпаторийском, другая - в Феодосийском у. бывш. Таврической губ.)³⁸ и т. д.

Пока нам не ясно происхождение пяти названий из приведенного ниже списка ААТФ - *Мирон*, *Максим*, *Кузя*, *Назар* и *Машка*. Обращает на себя внимание, что первые четыре имени относятся к рекам, расположенным недалеко друг от друга и протекающим в зоне наибольшего скопления ААТФ в гидронимии Дона. Вполне возможно, что некоторые из них могли возникнуть по аналогии с уже сложившимися в данном районе личными именами в топонимической функции и никогда не переживали тех структурных преобразований, о которых речь шла выше. Что касается *Машки* (л. п. Чира), то этот гидроним мог сложиться вследствие распространения топоформантом *-ка* усеченной ойконимической основы (рядом находился хутор *Машинский*).

СПИСОК ААТФ В ГИДРОНИМИИ ДОНА³⁹

1. Озеро *Иван* (ВСОРИ-ТГ, 22: «около озера *Ивана*»); Ioanis (МИРК - карта России Герберштейна, 1546 г.); Ivan (МИРК - карта России С. Мюнстера из латинского издания «Космографии», 1559 г.). Варианты: *Ивань-озеро*, *-я*, *-а* (КБЧ, 77); *Иван-озеро* (ВСОРИ-ТГ, 22); *Ивановское озеро* (ДГ, 3, 4); озеро *Ивановское* (ВСОРИ-ТГ, 20); Iuan ozera (МИРК - карта России Дженкинсона из атласа «Spiegel der Welt» П. Гейнса); Iwanowo jezioro (МИРК- карта России Г. Меркатора, 1594 г.) // с. *Иван-озеро* (ДГ, 4).
2. *Сопрон* (*Сапрон*) - л. п. Олыма, п.п. Быстрой Сосны, п.п. Дона (СРДонБ, 3). Вариант: ручей *Сапронь* (СНМ-ОГ, 132). // сельцо *Сапронь* (там же).
3. *Сергей* - ручей, л. п. Олыма, п. п. Быстрой Сосны, п. п. Дона (ГСП, 90; карта землепользования колхоза «Заря коммунизма» Воловского р-на Липецкой обл., 1975 г.). Вариант: *Сергеев* (СНМ-ВГ, 79). //д. *Сергеевка* (*Сергиевка*, *Жиленково*) (СНМ-ВГ, 79); бор *Сергиевский* (ГСП, 90).
4. *Иван* - затон на р. Воронеж (ВА, 204, 1629 г.: «у *Ивана* затона», «затонец *Иван* с озерами»).
5. *Мирон* - озеро в р-не с. Ильино Липецкого р-на Липецкой обл. (АЛГПИ).
6. *Денис* - озеро в бассейне Дона, ниже устья Воронежа, в районе р. Форостань (МИМД, 89, 1687 г.: «да в степи озеро *Денис*»; 96, 1687 г. - *Денис-озеро*).
7. *Назар* - озеро на левом (?) берегу Дона, на участке между устьями его левых притоков - Воронежа и Битюга (НМВГ, 153).
8. *Мирон* - л. п. Тихой Сосны, п. п. Дона (МИВСГ, 749, 1690 г.: «на речке *Мироне*» СНМ-ВГ, 113; ГО, 70); F. Miron (МИРК - карта

- Южной России Менгдена и Брюса, 1699 г.). Варианты: *Миронь* (МИВСГ, 723, 1678 г.: «по *Мирони*»); *Миронка* (ВСОРИ-ВГАС, 112); *Мерин* (АМГ-П, 679, 1655 г.; Де-Пуле, 362, 1676 г.); *Меринок* (МИКБ-П, 6, 1637 г.). // хутор *Миронский* (СНМ-ВГ, 114); урочище *Мирон* (НМВГ, 314); *Миронский яр* (НМВГ, 317).
9. *Кузя* - яруга в районе нижнего течения Тихой Сосны, п. п. Дона в бывш. Карпенковской вол. Острогожского у. (НМВГ, 308).
10. *Максим* - озеро на левом (?) берегу Дона ниже устья Тихой Сосны (ГО, 171).
11. *Мартын* - п. п. Березовки, л. п. Икорца, л. п. Дона (ВСОРИ-ВГ, 21; СРДонБ, 5; ...НМВГ, 191). Варианты: *Мартин* (СКВГ); лог *Мартыновский* (НМВГ, 192). // с. *Мартын* (Ильинское, Ильинка) (ВСОРИ-ВГАС, 65; НМВГ, 191); *Мартин* (СКВГ); д. *Мальгй Мартын* (Барановка) (СНМ-ВГ, 39; НМВГ, 191); *М. Мартин* (СКВГ).
12. *Пилип* - байрак в р-не р. Марка, п. п. Дона, между устьями рек Икорец и Битюг (МИКБ- П, 386, 1773 г.). // н. п. *Пилип* (там же).
13. *Марк* - п. п. Дона между устьями рек Икорец и Битюг (ГО, 168). Варианты: *Марка* (МИКБ- П, 383, 1773 г.); *Марок* (МИВСГ, 298, 1654 г.: «по *Марку*»; ВА, 269, 1670 г.: «у речки *Марка*»; .. НМВГ, 322); *Морок* (АМГ- П, 144, 1644 г.: «на *Мороке*», «через реку *Морок*» ... МГСР-ВГ, 25); *Могоск* (МИРК - карта Южной России Менгдена и Брюса, 1699 г.) // городок *Марки* (РКГ, 227, XVII в.), слобода *Марок* (ВСОРИ-ВГАС, 79-80); *Марки* (СНМ-ВГ, 116; ГО, 168, форма род. п. - *Марк*; НМВГ, 323); слобода *Верх-Марок* (*Верх-Марки*) (СНМ-ВГ, 116; последний вариант ойконима регистрирует и НМВГ, 323).
14. *Матрена* - п. п. Битюга, л. п. Дона; *Матрона* (МИКБ- П, 125, конец XVII в.). Варианты: *Матренка* (Де-Пуле, 350, 1674 г.; МИКБ- П, 111, конец XVII в.: НМВГ, 4; СРДонБ, 6); *Малая Матренка* (СНМ-ВГ, 35); *Матреночка* (НМВГ, 178, 179). // с. *Матренка* (ВСОРИ-ВГАС, 37; .. СЭСВГ, 306); пос. *Матренка* (Хитровка) (СНМ-ВГ, 34).
15. *Анна* - п. п. Битюга, л. п. Дона (МИКБ- П, 110, 124, 127, конец XVII в.; .. НМВГ, 174). Вариант: *Анновка* (СРДонБ, 6). // с. *Анна* (ВСОРИ-ВГАС, 55; СНМ-ВГ, 36; НМВГ, 174); *Анненское* (СКВГ); с. *Анновка* (Буровец, Буровель) (СНМ-ВГ, 41).
16. *Данила* - л. п. Осереда, л. п. Дона (ВСОРИ-ВГ, 22; ...Эк.). Варианты: *Данило* (СРДонБ, 6; ЭСЦЧО, 607); овраг *Сухой Данила* (очевидно, отсутствующий в СРДонБ приток *Данилы*; НМВГ, 288); овраг *Данильский* (НМВГ, 288). // хутор *Даниловский* (в устье реки; ЭСЦЧО, 607), *Данильский* (СНМ-ВГ, 130); хутор *Данилів* (в истоках реки; Эк.), *Даниловка* (Данилов) (НМВГ, 300); д. *Даниловка* (СНМ-ВГ, 131); хутор *Данило-Гаврильский* (Данильский) (НМВГ, 287); луг *Данильский* (при реке Даниле; НМВГ, 288).
17. *Гаврила* - л. п. Осереды, л. п. Дона (МИКБ-П, 130, конец ХУП в.;

- ...НМВГ, 285, 300). Варианты: *Гаврило* (СРДонБ, 6; ЭСЦЧО, 448); *Гаврилка* (ВСОРИ-ВГАС, 117); *Гаврильск* (НМВГ, 300); *Гавра-Данило* (СЭСВГ, 697: «с заболоченной *Гаврой-Данило*»). // с. *Гавриловка* (ЭСЦЧО, 448); хутор *Гавриловский* (Гаврильский) (СНМ-ВГ); хутор *Гаврильск* (СНМ-ВГ, 132; НМВГ, 300); хутор *Гаврильск* (Гаврильская) (СНМ-ВГ; НМВГ, 300); хутор *Гаврилов* (СНМ-ВГ, 132); слобода *Гаврильская* (Горяевка) (НМВГ, 300); хутор *Гаврильск 3-й* (Казинка) (НМВГ, 300).
18. *Иваны* - л. п. Черной Калитвы, п. п. Дона (СНМ-ВГ, 24, 25, СРДонБ, 6). Варианты: речка *Иванова* (СНМ-ВГ, 25); овраг *Ивановский* (СНМ-ВГ, 24-25).
19. *Богдан* - озеро в бассейне Хопра, выше устья его правого притока Савалы (НМВГ, 239). // хутор *Богданов* (Боков) (НМВГ, 239).
20. *Ахмат* - п. п. Медведицы в ее истоках (ВСОРИ-СГ, 15, 33; СРДонБ, 20). Ср. тюркский антропоним *Ахмат*.
21. *Машка* - л.п. Чира, п.п. Дона (ВСОРИ-ЗВД, 30; ...СРДонБ, 34). // хутор *Машинский* (ЗДВ-СНМ, 39).
22. *Олег* - п.п. Бабки, п.п. Северского Донца, п.п. Дона (ВТКХГ; СРДонБ, 45). Варианты: *Олега* (КРУ, 140); *Ольгов колодезь* (ОХЕ-4, 48, ХУШ в.). // *Ольховой пристен* (МИКБ-1, 35, середина XVII в.: «вверх по Бабке на *Ольховой* и *пристен* и вверх того пристена густой олех, а от ольху прямо на Немышленскую вершину»); МИКБ- II, 141, 1705 г.).
23. *Иваны* - п.п. реки Мож, п. п. Северского Донца, п. п. Дона (МИКБ-II, 328, 335, 1773 г.; ... ВТКХГ; СРДонБ, 47). Ср. гидронимы данного района (часть из них, по-видимому, названия отдельных участков реки): *Дальние Иваны* (приток Ворсклы, л. п. Днепра) (МИКБ-1, 300, 1749 г.); *Другие Дальние Иваны* (МИКБ-1, 399, 1749 г.); *Другие Иваны* (там же); колодезь *Добрый Иван* (ОХЕ-2, 322, 1676 г.: «вверх по *Доброму колодезю Ивану*»), *Доброй Иван* (МИКБ-1, 134, 1684 г.); *Лихой Иван* (МИКБ-1, 134, 1686 г.). // с. *Иваны* (Знаменское) (ВСОРИ-ХГ, 43; ВТКХГ); *Ивановка* (АХН-1787 г. (КВалУ); хутор *Иваны*, или *Дальние Иваны* (ВСОРИ-ХГ, 34). Согласно данным ХГ (1864 г., с. 33-34), вблизи речки *Иваны* во второй половине XIX в. было 11 хуторов, носивших одинаковое название *Иваны* (в бывшем Богодуховском у. Харьковской губ.).
24. *Герасим* - л. п. Оскола, л. п. Северского Донца, п. п. Дона (ВСОРИ-ВГ, 20; МГСР-ВГ, 26). Варианты: *Герасим* (МИКБ-II, 7, 1637 г.), *F. Gorosim* (МИРК -карта Южной России Менгдена и Брюса, 1699 г.); *Геросим* (ГН, 270; СРДонБ, 51; ... СЭСВГ, 352). // с. *Геросим* (СНМ-КГ, 124); д. *Новая Роговая, что на Геросиме* (СНМ-ВГ, 99); с. *Солдатское, что на Геросиме* (Геросим) (СНМ-ВГ, 101).
25. *Мосей* - п. п. Валуя, л. п. Оскола, л. п. Северского Донца, п. п. Дона (МИВ-II, 170, 1626 г.; КБЧ, 73; ... СЭСВГ, 648, 698). Варианты: *Моисей*

- (ДАИ-IX, 176, 1681 г.: «до устья речки *Моисей*» (НМВГ, 382, 283); *Моисейка* (НМВГ, 382); *Мосеев колодезь* (КР-1, 975, 1625 г.). // слобода *Мосеевка* (*Верхне-Мосеевка*) (СНМ-ВГ, 28, 62); хутор *Верхне-Мосеевка* (НМВГ, 382).
26. *Созон* - л. п. Оскола (выше устья Валуя), л. п. Северского Донца, п. п. Дона (КБЧ, 73; ВСОРИ-ВГАС, 58; СНМ-ВГ, 28). Варианты: *Сазон* (ВСОРИ-ВГ, 20; . . . НМВГ, 384); *Созоны* (КБЧ, 73: «пали в Оскол 12 речек одним прозвищем - все *Созоны*»), конкретно: *Сазон* (ВСОРИ-ВГ, 20; МГСР-ВГ, 26); *Белый Созон* (АМГ-1, 380, 1632 г.); *Первый Созон* (МИВ- II, 167, 169, 170, 1627 г.; АМГ-1, 380, 1632 г.), *Первый Сазон* (ВСОРИ-ВГ, 20; . . . НМВГ, 393); *Другой Березовый Созон* (АМГ- II, 183, 1647 г.), *Второй Березовой Сазон* (ВСОРИ-ВГ, 20; МГСР-ВГ, 26); *Третий Сазон* (МИВ- II, 167, 179, 1626 г.; . . . МГСР-ВГ, 26). // урочище *Созон* (НМВГ, 382).
27. Bogdan flu. - п. п. Оскола, п. п. Северского Донца, п. п. Дона (МИРК - карта Южной России И. Массы, 1633 г.).
28. *Айдар* - л. п. Северского Донца, п. п. Дона (ПАНЛ, 348, 1565 г.; АМГ-1, 13, 14, 1571 г.; КБЧ, 76; . . . СРДонБ, 59). Варианты: *Адар* (НДС КНТ-1, 477, 1503 г.; . . . ДАИ-VII, 208, 1667 г.); *Адара* (ЛНЦИВ, 80, 1552 г.); *Айдара* (ГСРГ-1, 66, 67); *Айдарь* (ГКАЗ-1782 г.; . . . Эк.); *Ойдар* (АМГ-1, 57, 1586 г.; ДД-1, 520, 1636 г.; . . . ГК-1743 г.); *Ойдор* (Де-Пуле, 325, 1666 г.); *Войдара* (там же); *Гайдар* (ОХЕ-5, 311, 367, 1704 г.; КДМ, 190); *Гайдарь* (КДМ, 190; Эк.); *Яйдар* (ЛЛ, 279, 1559 г.; НЛ-ХШ, 318, 1559 г.); *Идар* (АМГ-111, 121, 1660 г.); *Андарь* (КНГ); *Андар* (КЧР-1769 г.; . . . АР-1832 г. (КВН); *Лесной Одар* (ДАИ-VII, 208, 1667 г.; название участка реки Айдар); *Aidor R.* (Кордт № 19, 1706 г.), *Aidar R.* (Кордт - № 23, 2-я четверть XVIII в.); *Aidan R.* (Кордт № 26, 1760 г.); *Heidar R.* (КЧД); flu. *Adar* (МИРК - карта Южной России Менгдена и Брюса, 1693 г.; Кордт № 22, 1793 г. - *Adar Fl.*). // урочище *Усть-Айдар* (РК, 382, 1587 г.); городок *Ойдар* (БВ, 274, 1708 г.).
29. *Марко* - п. п. Лугани, п. п. Северского Донца, п. п. Дона (МИВСГ, 298, 1654 г.: «по *Марку*» СНПД, 15). Варианты: *Маркова* (ВТКЕГ; СРДонБ, 62; Эк.); *Марков'ярівка* (Эк.); *Марков'ярівська* (Эк.); *Марков Яр* (К.); *Марков колодезь* (КЧР-1769 г.; АЕН-1784 г. (ПБУ). // *Марков Яр* - название нескольких населенных пунктов, расположенных на реке (СНПД, 15; К.).
30. *Юлия* - п. п. Васюковой, л. п. Ольховой, п. п. Лугани, п. п. Северского Донца, п. п. Дона (Эк.). Варианты: *Юлина* (ВТКЕГ; СРДонБ, 63, К.; Эк.); *Юлин* (СНМ-ЕГ, 116). // н. п. *Юлино 1-е*, *Юлино 2-е* (К.).
- Богдан*, *Большой Богдан* - рукава Дона в районе его устья («гирла») (СОЗДК, 30 - *Большой Богдан* и *Новый Богдан*, так же в ВСОРИ-ЗВД, 42 и в МГСР-ЗВД, 102, СРДонБ, 85). Вариант: проток *Багадан* (ГУД, 18).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- АЕН-1784 г. (ПБУ, ПСУ) - Атлас Екатеринославского наместничества, 1784 г. (ПБУ - план Бахмутского уезда; ПСУ - план Славянского уезда). Рукопись. Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее ЦГВИА), ф. ВУА, ед. хр. 18 724.
- АЛГПИ - Ответы на топонимическую анкету Липецкого пед. ин-та, сост. В. А. Корниловым (1975 г.).
- АМГ-I-III - Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук, т. I. СПб., 1890; т. II. СПб., 1894; т. III. СПб., 1901.
- АР-1832 г. (КВН) - Атлас Российской империи, 1832 (карта Воронежского наместничества).
- АХН-1787 г. (КВалУ) - Атлас Харьковского наместничества 1787 г., с топографическим описанием. Харьков, 1902 (карта Валковского уезда).
- БВ - Булавинское восстание. Сборник документов. М., 1935.
- ВА - Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887.
- ВСОРИ-ВГ - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII, ч. 2. Воронежская губерния. СПб., 1850.
- ВСОРИ-ВГАС - Алфавитный список мест, удобных к помещению различных штабов, ротных и эскадронных дворов (приложение к ВСОРИ-ВГ).
- ВСОРИ-ЗВД - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI, ч. 5. Земля Войска Донского. СПб., 1852.
- ВСОРИ-СГ - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852.
- ВСОРИ-ТГ - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI, ч. 4. Тульская губерния. СПб., 1852.
- ВСОРИ-ХГ - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XII, ч. 1. Харьковская губерния. СПб., 1850.
- ВТКЕГ - Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. Масштаб: 3 в. в 1 дюйме. Б. г. (примерно 60-е годы XIX в.).
- ВТКХГ - Военно-топографическая карта Харьковской губернии, 1863 г. Масштаб: 3 в. в 1 дюйме.
- ГК-1743 г. - Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова, 1743 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 114.
- ГКАЗ-1782 г. - Генеральная карта, представляющая Азовскую губернию, 1782 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 136.
- ГН - *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд. - Воронежский литературный сборник, повременное издание, вып. 1. Воронеж, 1861.
- ГО - Город Острогжск (Воронежской губернии) и его уезд. Историко-статистический и этнографический очерк с планом города и географическою картою уезда. Сост. Г.М. Веселовский. Воронеж, 1867.

- ГСП - Яценко А. И. Гидронимический словарь Посемья. - В кн.: Проблемы ономастики. Вологда, 1974.
- ГСРГ-1, VI - Щекатов А. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде, ч. 1, М., 1801; ч. VI. М., 1808.
- ГУД - Родионов Н. А. Гидрология устьевой области Дона. М., 1958.
- ДАИ-VII, IX - Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. VII. СПб., 1859; т. IX. СПб., 1875.
- ДГ - Белявский П. Е. Донские гирла. СПб., 1888.
- ДД-I, IV - Русская историческая библиотека. Т. XVIII, кн. 1. Донские дела. СПб., 1898; т. XXIX, кн. 4. Донские дела. СПб., 1913.
- Де-Пуле - Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, состоящие из царских грамот и других актов XVII и XVIII столетий, кн. 1. Изд. М. Де-Пуле. Воронеж, 1861.
- ЗВД-СНМ - Земля Донского Войска. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864.
- К - Топографические карты 40-50-х гг. XX в.
- КБЧ - Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950.
- КДМ - Муромцев І. В. Семантико-структурні типи гідронімів басейну р. Сіверського Дінця, Канд. дис. Харьков, 1967 (машинопись).
- КНГ - Карта Новороссийской губернии с околележащими местами. Рукопись. Копир. Крупенков. Б. г. (примерно 2-я пол. XVIII в.). ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 167.
- Кордт № 19, 22, 23, 26 - Кордт В. Матеріяли до історії картографії України, ч. 1. Київ, 1931 (№ 19: Карта южной части Московии, 1706 г., составитель - Гильом Делиль; № 22: Карта военных действий русской армии во время войны с Турцией 1736-1739 гг., составитель - М. Зойтер; № 23: Карта Украины, охватывающая территорию военных событий 1736-1739 гг., 2-я четверть XVIII в., составитель неизвестен; № 26: Карта Украины и восточной части Польши, 1760 г., составитель - Г. Фацус).
- КР-I, II - Книги разрядные. . . , т. 1. СПб., 1853; т. II. СПб., 1855.
- КРУ - Каталог річок України. Київ, 1957.
- КЧД - Карта части течения р. Донца до впадения сей реки в Дон. Рукопись. Б. г. (примерно 2-я пол. XVIII в.). ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 24 142.
- КЧР-1769 г. - Карта части России, лежащей около Черного и Азовского морей, 1769 г. Рукопись. Копир. Масарницкий. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 116.
- ЛЛ - Лебедевская летопись. - Полное собрание русских летописей, т. XXIX. М., 1965.
- ЛНЦИВ - Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. - Полное собрание русских летописей, т. XXIX. М.,

1965.

- МГСР-ВГ - Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. Сост. В. Михалевич. СПб., 1862.
- МГСР-ЗВД - Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. Сост. Н. Краснов. СПб., 1863.
- МИВ-II - Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги, т. II. Воронеж, 1891.
- МИВСГ - Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Изд. Л. Б. Вейнберг. Вып. I-IX. Воронеж, 1885-1886 (в одном томе, пагинация выпусков сквозная).
- МИКБ-I - Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886.
- МИКБ-II - Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем, т. 2. Харьков, 1890.
- МИМД - Материалы по истории монашества на Дону. М., 1902.
- МИРК - *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Київ, 1899.
- НЛ-XIII, Полное собрание русских летописей, т. XIII. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906.
- НМВГ - Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Изд. Воронежского губернского земства. Воронеж, 1900.
- Орел - Орел. Материалы для описания Орловской губернии. Изд. П. Александрова. Рига, 1903.
- ОХЕ-2, 4, 5 - *Филарет.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отделение 2. М., 1857; отделение 4. Харьков, 1857; отделение 5. Харьков, 1858.
- ПАНЛ - Продолжение Александро-Невской летописи. - Полное собрание русских летописей, т. XXIX. М., 1965.
- ПДС КНТ-I - Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, т. 1. М., 1884.
- РК - Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
- РКГ - Роспись казачьих городков (опубликована А. А. Зиминым в «Записках Отдела рукописей Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 21. М., 1959).
- СКВГ - Статистическая карта Воронежской губернии (приложение к

- «Памятной книжке Воронежской губернии на 1870- 1871 гг.». Воронеж, 1871.
- СНМ-ВГ - Списки населенных мест Российской империи. Т. IX. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1865.
- СНМ-ЕГ - Списки населенных мест Российской империи. Т. XIII. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. СПб., 1863.
- СНМ-КГ - Списки населенных мест Российской империи. Вып. XX. Курская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 г. СПб., 1862.
- СНМ-ОГ - Списки населенных мест Российской империи. Т. XXIX. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871.
- СНПД - Списки населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии, т. 6. Январь-февраль 1923 г. Киев, 1924.
- СОЗДК - Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822-1932 годах. Новочеркасск, 1891.
- СРДонБ - *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
- СЭСВГ - Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный). Воронеж, 1921.
- ХГ - Харьковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 г. СПб., 1869.
- Эк. - Полевые записи топонимов, сделанные автором и другими участниками экспедиций в бассейне Дона в 1968-1972 гг.
- ЭСЦЧО - Энциклопедический словарь ЦЧО, т. 1. Воронеж, 1934.

* Восточнославянская ономастика. М.:Наука, 1979.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Otin E.S. Nichtumgeformte Personennamen in der Funktion von Hydronymen. - *Onomastica slovo germanica*. IX. Akademie Verlag. Berlin, 1974, S. 55-62; Otin E.S. Гідроніми Східної України. Київ - Донецьк; 1977, с. 127-139.
- ² Есть и другие ААТФ, принадлежащие иным ономастическим классам, например ойконимы *Анна* (деревня), *Роман* (хутор), *Маруся* (хутор), *Максим* (село) и т.д., названия шахт и рудников - *«Мария»*, *«Наталья»*, *«Елпидифор»* и т.д., угольных пластов и рудных жил - *Николай*, *Варвара*, *Ольга*, *Степан*, *Юлия* и т.д. (см.: *Отин Е.С.* «Подземная» топонимия Донбасса. - Русская речь, 1976, № 3, с. 117-120). Некоторые из них рассматриваются ниже лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения ономастических истоков личных имен, выступающих в роли гидронимов в пределах избранного региона.
- ³ Списки населенных мест Российской империи. Т. IX. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1865, с. 85.
- ⁴ Там же, с. 117; Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга.

- Воронеж, 1900, с. 46.
- ⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. XIII. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. СПб., 1863, с. 55.
- ⁶ Там же, с. 52.
- ⁷ Списки населенных мест Российской империи. Т. XLVII. Черниговская губерния; Списки населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866, с. 123.
- ⁸ Там же, с. 139.
- ⁹ Статистический справочник Таврической губернии. Сост. Ф.Н. Андриевский. Симферополь, 1915, с. 12.
- ¹⁰ Списки населенных мест Российской империи, т. XIII, с. 65.
- ¹¹ Там же, с. 85.
- ¹² Приведенные в скобках варианты названия, связанные с различиями вокализма, возникли, по-видимому, в украинскоязычной среде, где личное имя *Герасим* произносилось с ударением на последнем слоге (как и в современном украинском языке; см.: Словник власних імен людей. Київ, 1967, с. 24). Ср. еще: балка *Гарасімова* - п. п. Миуса (полевая запись; в печатных источниках - *Герасимова*, *Герасимовка*).
- ¹³ Село *Сидоры* в бывш. Усть-Медведицком округе Земли Войска Донского было основано в 50-е годы XVIII в. Сидором Себряковым (Сборник Областного Войска Донского статистического комитета, вып. 5. Новочеркасск, 1905, с.69).
- ¹⁴ Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. 2. М., 1857, с. 322.
- ¹⁵ Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. Харьков, 1886, с. 134.
- ¹⁶ Списки населенных мест Российской империи, т. IX, с. 79.
- ¹⁷ Ященко А.И. Гидронимический словарь Посемья. - В кн.: Проблемы ономастики. Вологда, 1974, с. 90. Здесь же (на с. 17) находим аналогичный пример: ручей *Васько* (варианты: *Васьковка*, *Васьково болото*) - п. п. Сева, л. п. Неруссы.
- ¹⁸ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. VIII. СПб., 1862, с. 123 (в докум. 1678 г.).
- ¹⁹ Там же, с. 130.
- ²⁰ Дополнения к Актам историческим. . . , т. 1. СПб., 1846, с. 382 (в духовном завещании царя Иоанна Васильевича, 1572-78 гг.).
- ²¹ Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук, т. II. Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894, с. 510 (в отписке витебского воеводы С.Стрешнева, 1656 г.). Интересно, что тут же находим: «выше устья Иваньреки». Перед нами одна из ранних фиксаций контактного переноса ойконима, представляющего собой ААТФ, в гидронимии с естественной для нее заменой мужского рода на женский (под влиянием термина *река*).
- ²² Книги разрядные. . . , т. 1. СПб., 1853, с. 938 (1623 г.).
- ²³ Ср.: План м. Давид-городка (ЦГВИА, ф.ВУА, ед.хр. 21 881).
- ²⁴ Селищев А. М. Из старой и новой топонимики. -Избр. труды.М., 1968, с. 58.
- ²⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. VI. Ч. 4. Тульская губерния. СПб., 1852; с. 22.

- ²⁶ Логунов А. У Иван-озера. - Литературная Россия, 1975, № 29, с. 7.
- ²⁷ Термин «аррадикация» (rodniowanie) употребляется первыми исследователями «народной этимологии» в славянских языках - Я.Карловичем и К. Аппелем (см.: *Karłowicz J. Słownik ludowy. - Dwutygodnik naukowy, poświęcony archeologii, historii i lingwistyce*, t.1, t.1. Kraków, 1878; *Апель К. К славянскому «народному словопроизводству»*. - Русский филологический вестник, т. 3. Варшава, 1880, 1, с. 86-90; 3, с. 63-66; *Он же*. Несколькo слов о новейшем психологическом направлении языкознания. - Там же, т. 6, 1881, с. 292-302). Подробнее об этой разновидности паронимической аттракции в ономастической лексике см. в нашей статье «Різні типи паронімічного вирівнювання слів в апеліативній та ономастичній лексиці» (Мовознавство, 1973, № 2, с. 63-73).
- ²⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никоновская летопись. Сокращенные своды конца XV в. М.-Л., 1962, с. 144.
- ²⁹ Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем, т. 2. Харьков, 1890, с. 26.
- ³⁰ Иваницкий И. Геогностическое описание Мариупольского округа. - Горный журнал, ч. IV, кн. 10. СПб., 1833, с. 66.
- ³¹ Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, с. 157.
- ³² Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. - ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 308.
- ³³ Муромцев I. В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ, 1966, с. 48.
- ³⁴ Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. - Мат-лы и исслед. по археологии СССР, № 62. Труды Волго-Донской археол. экспедиции, т. 1, М.-Л., 1958, с. 69, 136 (карта).
- ³⁵ Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Воронеж, 1900, с. 165.
- ³⁶ Там же, с. 349.
- ³⁷ Списки населенных мест Российской империи. Вып. XXXIII. Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862, с. 58. - Подобные ААТФ, попадая в славянскую речь, могут позднее дооформляться суффиксами: ср., например, гидронимы *Ахматка*, *Булатка*, образованные присоединением суф. -ка к татарским личным именам (Гарипова Ф.Г. Гидронимия Заказанья Татарской АССР, Автореф. канд. дис. Казань, 1975, с. 13).
- ³⁸ Списки населенных мест Российской империи. Т. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1865, с. 54-100. Ср. еще татарский гидроним *Симан елгагы* 'река Семена' в бассейне р. Нырсинки, представляющий собой первичную изафетную конструкцию (Гарипова Ф. Г. Указ. соч., с. 13).
- ³⁹ В скобках приводятся сокращенные названия источников, страницы и даты. В целях экономии места указывается лишь самый ранний и самый поздний источники. Пропуск «промежуточных» источников отмечается многоточием (исключение сделано лишь для «Списка рек Донского бассейна» П. Л. Маштакова, ссылка на который - при наличии в нем гидронима - обязательна). Названия сопредельных географических объектов, имеющих ту же антропонимическую основу, даются после знака//.

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ (ВИД СВЯЗИ «ГИДРОНИМ - ОЙКОНИМ»)

В истории восточнославянской топонимии отмечается широкое и разноплановое взаимодействие гидронимических лексем с наименованиями поселений. Нередко ойконим зеркально повторяет сложившийся ранее гидроним или же, наоборот, в гидрониме тождественно отражается форма названия ^{соседнего} объекта. Это происходит вследствие контактного переноса имен, или топонимической метонимии, механизм которой еще недостаточно изучен. Направление переноса в рассматриваемом нами типе отношений «гидроним - ойконим» (Г-О) регулируется факторами экстралингвистического порядка и может быть как одноступенчатым, так и много (чаще - двух) ступенчатым. При решении вопроса о направлении словообразовательного импульса при контактном переносе названий следует учитывать как лексико-семантические, так и формально-грамматические признаки имен - характер топооснов и формантов, свойственную ойконимии и неизвестную первичным (т. е. еще не подверженным метонимическому воздействию) гидронимам плюрализацию перемещенной в ойконимию формы и т.д. В ряде случаев бывает вообще невозможно установить продуцирующую форму - первичное звено для омонимичных сопредельных названий, возникших благодаря контакту (например, для таких древних отантропонимических названий с йотовым суффиксом принадлежности в бассейне Оки, как р. *Гостомля* - с. *Гостомля*, р. *Радомль* и д. *Радомль* и др.); иногда она может находиться за пределами отношения Г - О, которое на поверку оказывается мнимым (так, названия речки и сельца *Толстые Ольхи* в среднем Поочье обязаны своим происхождением имени третьего объекта - дримонима *Толстые*

Ольхи, не засвидетельствованного источниками, положенными в основу известного каталога Г.П. Смолицкой).

Пути образования и взаимодействия таких топонимов будут рассмотрены на материале подготавливаемого нами каталога гидронимов бассейна р. Дон и недавно опубликованного свода гидронимов Поочья Г.П. Смолицкой, где широко представлена интересующая нас ойконимия контактного происхождения¹.

I тип перехода: Г → О. В прошлом это одна из самых распространенных ситуаций. Возникшие таким путем омонимичные ойконимы нередко имели дублиеты с антропонимическими основами. Эта контактная зависимость представлена в таких омонимичных парах, как р. *Бобрик* - д. *Бобрик*, р. *Ржава* - с. *Ржава*, р. *Щучья* - с. *Щучье*, р. *Локна* - с. *Локна*, р. *Очка* - с. *Очка*, р. *Плота* - с. *Плота* (ГБО, с. 15, 16, 22, 25, 48, 49); в бассейне Дона: р. *Бахмут* - г. *Бахмут*, р. *Тор* - г. *Тор*, р. *Изюм* - г. *Изюм* и т.д. Так как гидронимы относятся к протяженным в пространстве линейным объектам, то метонимический сдвиг может осуществиться неоднократно. Несколько населенных пунктов получают название водного объекта, которое затем, как правило, обрастает дублиетами или дифференцирующими определениями. Ср., например, подобную ситуацию в верхнем левобережном Поочье, где название р. *Угрички* порождает целый «букет» ойконимов: д. *Угричка*, хут. *Угричка* (*Угрица*, *Слепая*), д. *Большая Угричка* (Крушкино тож), д. *Малая Угричка* (Белодеты тож) (ГБО, 43) и т.п.

II тип перехода: О → Г. Здесь могут быть две разновидности метонимии: 1) непосредственный переход в гидроним без изменения продуцирующей формы ойконима и 2) переход с иррадиацией, предшествующей топонимическому сдвигу. В последнем случае продуцирующий ойконим имеет измененную гидронимическую основу и водный объект получает наименование с формантами, возникшими в ином ономастическом поле. Первую разновидность можно проиллюстрировать отношением: слобода *Иваны*, хутор *Иваны* - р. *Иваны* в верховье Черной Калитвы, п.п. Дона (ВИВС-1, 180). В истоках ойконима лежит групповой антропоним. На восточнославянском ономастическом ареале такие имена представляют особый топонимический ряд и представлены повсеместно. В целях экономии места ограничимся только данными смоленской комонимии середины

прошлого века, где были такие названия, как *Фролы (Хролы)* - трижды, *Симоны, Федоры, Филаты (Амфилаты), Измайлы* (хутор имел и посессивный вариант названия - *Измайлов*), *Самсоны* - дважды, *Сидоры* (или д. *Сидорова*), *Титы, Лазари (Лазарева), Аксены, Романы* (СГ, 7, 18, 68, 86, 174, 281, 294, 299, 300, 308, 409). В аналогичных отношениях находятся друг с другом названия с. *Преображенного* и рч. *Преображенной* (бас. Северского Донца, п.п. Дона; ХГ, 128; АТПУ-1, 252), сел *Троицкого, Покровского* и д. *Кремль*, с одной стороны, и омонимичных гидронимов, с другой (Г60, 15, 19, 248).

Вторую разновидность перехода О → Г наглядно представляют соотносительные топонимы с элементом *усть*. Присоединяясь к гидрониму (распространенному суффиксом или же без него), он участвует в оформлении названий населенных пунктов, возникающих в местах слияния рек или каких-либо других водотоков. Являясь по происхождению аллеговой формой словосочетаний *в устье, на устье, до устья* и т.д., неизменяемое словечко *усть* постепенно теряет предлог и адвербиализуется. В сочетании с гидронимами оно сохраняет способность управлять родительным падежом с предлогом или, реже, без него. Например: «с товаром на усть Калитвы» (ПДС-КНТ, II, 94, 1514 г.), «у Донца усть Везеницы» (Южн. отк., 10, 1616 г.), «на калевные стежки, что по усть Везенки» (там же, 32, 1642 г.), «да усть Воронеж устинское лучка» (там же, 70, 1623 г.), «на усть Болшо(о) верха» (там же, 92) и мн. др.² Часть ойконимии с элементом *усть* восходит к подобным описательным названиям урочищ, тогда как другая ее часть сложилась непосредственно на базе гидронимов. Некоторые возникшие с участием приставного компонента *усть* ойконимы впоследствии переносились на водные объекты (иногда с замещением топоформантов), становясь словообразовательными вариантами гидронима. Именно так появились следующие коррелятивные пары в топонимии Подонья: р. *Усть-Бузулук* (вариант гидронима *Бузулук*; АСОВД, 595) - станция *Усть-Бузулуцкая*; р. *Усть-Таволжанка* (она же *Таволжанка* - л. п. Бузулука, л. п. Хопра; СНМ-ОВД, 174) - хутор *Усть-Таволжанский* (там же); рч. *Усть-Тишанка* (она же *Тишанка* - п. п. Иловли, л. п. Дона) - д. *Усть-Тишанка* (Минх-I, 139-140); рч. *Усть-Быстрая* (Эк.; она же *Быстрая* - л. п. Северского² Донца) - хут. *Усть-Быстрый* (ЗДВ-СНМ, 26; Эк.), *Усть-Быстрианский* (СНМ-ОВД, 112), станция *Усть-Быстрианская* (Лишин-II, 250, 1742 г.). Ср.² еще в

смоленской топонимии прошлого века: рч. *Усть-Теша* - на ней д. *Усть-Теша* (СГ, 298); в гидронимии Поочья: р. *Усть-Танён* - село *Устьтанеево* (Г60, 240) и т. д. Точно так же название станицы *Добринской* на Дону - результат иррадиации названия левого притока Хопра - р. *Доброй*, а вариант гидронима - *Добринская* - своим появлением обязан метонимии.

Как видим, отличие второй разновидности перехода $O \rightarrow G$ от первой в том, что здесь имеет место перенос производной ойконимической формы, мотивированной гидронимом, на уже поименованный водный объект, благодаря чему появляется новый словообразовательный вариант гидронима.

III. Двухступенчатый перенос названий, если судить только по обследованному нами материалу, может быть двух видов: 1) $G \rightarrow O \rightarrow G$ и $O \rightarrow G \rightarrow O$ или 2) $O \rightarrow G \rightarrow O_1, O_2, O_3$ и т. д.

1. В первом случае ойконимизация гидронима сопровождается его переоформлением. Разумеется, эти процессы не всегда протекали одновременно. Преобразование перенесенного гидронима могло осуществляться и позже - вследствие его функционирования в определенном ойконимном поле. Одним из способов ойконимизации названий водных потоков, претерпевших метонимический сдвиг, является развитие у них формы множественного числа. В наших материалах по топонимии Подонья такие примеры исчисляются сотнями, весьма многочисленны они также в бассейне Оки и на других территориях. Приведу некоторые из них. В бассейне Дона: рч. *Клекоток* - село и село *Клекотки* (СНМ-ТГ, 71); рч. *Паника* - с. *Паники* (ПЗХ, 87, 1771 г.; НМРГ, 28); руч. *Дриска* - с. *Дриски* (Сергиевское тож) (НМРГ, 30); рч. *Песчанка* - с. *Песчанки* (Изобильное, Никольское, Беклемишево тож) (СНМ-СГ, 88). В бассейне Оки: р. *Крома* - г. *Кромы* (теперь посёлок) (СНМ-ОГ, 105); верх *Плота* - д. *Плоты* (она же и *Плота*, ед. ч.) (Г60, 18); р. *Везилка* - с. *Везилки* (там же, 20); верх *Земницкой* - д. *Земницкие Верхи* (там же, 26). Ср. еще в бассейне Днепра: р. *Сума* (п. п. Псла) - г. *Сумы* (в документах XVII в. еще редкая форма; чаще встречаются варианты ойконима *Сумин город*, *Сумино городище*, *Сумино*)³ и т. д. Плюрализация перенесенных в ойконимию гидронимов - одно из проявлений тенденции к расподоблению тождественных структур названий сопредельных объектов, выступающей как своеобразный топонимообразующий фактор.

Такому взаимодействию контактных названий населенных мест и водотоков обязаны своим происхождением плюральные формы гидронимов типа *Очки* (вариант имени *Очка*) - в бассейне Оки (рядом с этой речкой находилось с. *Очки*, или *Очка*; ГБО, 48) и *Уды* - в бассейне Северского Донца, п.п. Дона. Многие письменные источники начиная с первой половины XVII в. регистрируют последний гидроним в форме единственного числа (таким он, в частности, представлен и на ряде карт XVIII в., опубликованных В. Кордтом⁴, - *Уда* (жен. р.), *Удой* (редкий вариант муж. р.; см. в МИКБ-1, 142-143, 1686 г.: «в речку *Удой*», «от устья... *Удоя* и *Лопани*»), однако более часто в документах XVII-XIX вв. и в наши дни встречается название реки во множественном числе, возникшее благодаря контактному переносу плюральной ойконимической формы. Уже в начале XVIII в. упоминаются расположенные в верховье реки села *Уды* (см.: МИКБ-1, 178, 1706 г.; Кордт - № 24, 1745 г. и др.) и *Щетиновы Уды* (МИКБ-II, 199, 1767 г.). Эти же населенные пункты с одинаковым названием *Уды* (в быв. Курской и Харьковской губ.) отмечает и военно-топографическая карта России 1863 г. (Харьковская губ.). Примечательно, что на этой карте-трехверстке приводятся оба варианта гидронима, но надпись *Уда* помещена в низовье реки, тогда как плюральная форма гидронима относится к ее среднему и верхнему течению - к «зоне влияния» измененной ойконимической формы *Уды*.

Плюрализация гидронима на первом этапе двухступенчатого перехода иногда сопровождалась появлением в ойконимном поле дифференцирующих определений, которые затем также проникали в гидронимию. Так, на берегах правого притока Дона - р. *Чир* в XVII в. возникают два казачьих городка - *Верхний Чир* и *Нижний Чир* (КВСР-II, 13, 1670 г.; МИ-V, 529, 1708 г.), которые, судя по документам XVII-XVIII вв., еще именовались как *Верхние Чиры* и *Нижние Чиры* (Лишин-II₂, 431, 1747 г.; ПЖ-1698-1699, 4). В одном из документов 1774 г. зафиксирован случай переноса на реку названия казачьего городка *Нижние Чиры* (позднее он превратился в станицу *Нижне-Чирскую*, она же *Нижние Чиры* или неофициально - *Чиры*; Сб. ОВДСК-XI, 54): «близ речки *Нижних Чиров*» (ДНП, 144). На ойконимном этапе двухступенчатого перехода контактных имен может иметь место и другое, более значительное преобразование формы, омонимичной гидрониму, например паронимическое сближение с другими словами,

или аррадикация. Например, название балки калмыцкого происхождения *Кересте* (варианты: *Кереста*, *Кириста* и др.) в верховье левого притока Дона - р. Маныч - при контактном переносе получило форму *Кресты* (возможно, из **Кересты*). Позднее село *Кресты* стали именовать станицей *Крестовской*, или *Крестовой* (здесь мог проявиться обычай записывать в официальных документах названия станиц в унифицированной форме топонимических прилагательных, ср.: станица *Раздорская* вм. *Раздоры*, *Вешенская* вм. *Вешки* и т.д.). Последний вариант комонима испытал возвратный переход в гидронимию: свидетельство о балке *Крестовой* мы находим во 2-м томе «Географическо-статистического словаря...» под ред. П. Семенова (см. Семенов-II, 212).

2. Второй вид переноса топонимов (О → Г → О) можно проиллюстрировать следующим примером. Среди притоков р. Мож (бас. Северского Донца) есть небольшая речка *Иваны*, вдоль которой возник ряд поселений с омонимичными названиями: с. *Иваны*, Знаменское тож (ВСОРИ-ХГ, 43; ВТКХГ), слобода *Новые Иваны* (МИКБ-I, 300, 302, 1749 г.), хутор *Иваны*, или *Дальние Иваны* (ВСОРИ-ХГ, 34). Аналогичная ситуация возникла и на близлежащей территории - в Богодуховском р-не Харьковской обл. Здесь находится один из левых притоков Ворсклы - речка *Иваны*, возле которой расположены два села - *Корбины Иваны* и *Винницкие Иваны*, а в прошлом веке было множество хуторов - *Иваны* (Змиевский), *Иваны* (Мойсеенков), *Иваны* (Шкарлатов), *Иваны* (Гузнев), *Иваны* (Голубничий), *Иваны* (Дегтярев), *Иваны* (Ковалевский), *Иваны* (Варваровка), *Иваны* (Отхоже-Попасный), *Иваны* (Варецкий) (СНМ-ХГ, 33, 34). Обе речки, бесспорно, получили свои названия благодаря контактному переносу ойконимов в их первичной плюральной форме, а затем, как протяженные географические объекты, сыграли роль проводников, распространивших словоформу *Иваны* в окружающей топонимической среде, но уже в качестве отгидронимических комонимов. Сейчас трудно определить, какой из многочисленных ойконимов в форме *Иваны* был продуцирующим в акте гидронимообразования, а какие из них появились вторично - в результате разноместных контактных переносов гидронима.

Весьма редко отмечается трехступенчатый контактный перенос типа О → Г → О → Г. Например, отдельные участки р. *Иваны* (п.п.

Можа), судя по документам XVIII в., носили еще названия *Дальние Иваны*, *Другие Иваны* или *Другие Дальние Иваны*, отразившие соответствующие комонимы - *Новые Иваны* (слобода с таким именем находилась в верховье р. *Другие Иваны*)⁵ и *Дальние Иваны* (хутор, называвшийся еще просто *Иваны*) (МИКБ-1, 300, 302, 1749 г.; ВСОРИ-ХГ, 34). Более сложные формы перехода и взаимодействия контактных названий нам не встретились.

Сосуществование одноструктурных контактных названий реки и поселения на ней - явление в общем нетипичное. Как правило, на последующих этапах словообразовательной истории этих имен происходит их расподобление или вытеснение ойконима контактного происхождения каким-либо его дублетом. Распространенным способом такого расподобления является плюрализация ойконимической формы, о чем говорилось выше. Столь же часто расподоблялись они и на словообразовательном уровне, когда название водной артерии приобретало суффикс с деминутивным или относительным значением. Например, одна из речек в бассейне Оки, которая раньше именовалась *Орел* (так в «Книге Большому чертежу», где, кроме того, встречается и исконная форма - *Орель*; в материалах Генерального межевания России по Орловской губ. конца XVIII - нач. XIX в., в писцовых книгах конца XVI в.), позднее получает деминутивную форму *Орлик*, воспринимаемую как производную от астионима⁶. Ср. еще: с. *Кипеть* - р. *Кипетка* (она же *Кипеть*), д. *Ключи* - р. *Ключинка* (овр. *Ключи*), д. *Бестань* - р. *Бестенка* (*Бестань*), д. *Добрица* - р. *Добричка*, сельцо *Любень на Любенке* - р. *Любенка* (*Любень*), с. *Лубянь* - р. *Лубянка* (ГБО, с. 29, 31, 43, 149, 183); в бассейне Северского Донца: г. *Бахмут* (ныне Артемовск) - р. *Бахмутка* (она же *Бахмут*) и т. д.

Известны случаи, когда суффиксальное расподобление контактных названий лишено характера словообразовательной зависимости одного из них от другого. Например: д. *Каменка* - овр. *Каменец*, д. *Змейка* - р. *Змейка* (ГБО, 17, 263). В первой пол. XVII в., по видимому, еще не было структурно оформлено различие между гидронимом и ойконимом *Царица* в бас. Волги: под рисунком города Царицына, сделанным в 1636 г. Адамом Олеарием, помещена подпись *Zariza* (репродукцию рисунка см. в кн.: Минх-1₄, 1265). Позднее название города приобрело характерный для славянской ойконимии притяжательный суффикс, благодаря чему оно настолько далеко

«отошло» от гидронима, что стало восприниматься в ином смысловом плане - как онимизированное притяжательное прилагательное.

Тенденция к расподоблению контактных названий иногда реализуется и более сложными путями, и этот процесс приводит к радикальным переменам в определенных зонах топонимического пространства. Рассмотрим это на двух примерах. Северные районы Донецкой обл. Украины орошаются Казенным Торцом, п. п. Северского Донца. Еще в XVII-XVIII вв. эта река называлась *Тор*, или *Большой Тор*, иногда *Казенный Тор* (см. ИНС, 399, 1764 г.), а форма *Торец* относилась лишь к его левому притоку - современному Сухому Торцу (см. противопоставление *Тора* и *Торца* в одном из документов 1652 г.: «сверх *Тору* и *Торца*», ЦГК, 80). В 1676 г. на берегу Большого Тора возникает «соляной городок» *Тор*. Так называлась и окружавшая его местность, где находились принадлежавшие казне соляные варницы. Расподобление контактных имен реки и городка осуществилось путем закрепления формы *Тор* за населенным пунктом (в 1798 г. переименованным в Славянск), а название притока Тора - *Торец* распространяется на весь бассейн реки, обрастая дифференцирующими определениями - *Казенный*, *Сухой*, *Кривой* (такая триада *Торцов* уже известна была в XVIII в.). Подобным образом разошлись и два омонимичных топонима *Изюм*, один из которых - название реки, впадающей в Северский Донец на юге Харьковской обл., а другой - имя города (в XVII в. - слободского казачьего городка) в устье этого притока. Слева в Изюм впадает *Изюмец* (типичный для XVI-XVII вв. гидронимический деминутив). Процесс расподобления названий реки и города привел к закреплению в качестве ойконима старой формы контактного происхождения, тогда как утратившая деминутивность форма *Изюмец* стала общим наименованием основной водной артерии и ее притока. Нарушенная «иерархия» форм впоследствии была восстановлена иными - уже лексическими средствами: главная река (прежний *Изюм*) примерно с XVIII в. стала называться *Мокрым Изюмецем*, а ее приток (в КБЧ еще *Изюмец*) - *Сухим Изюмецем*⁷. В обоих случаях в ойконимах запечатлелся более старый вид гидронимов (*Тор*, *Изюм*)⁸, они оказались менее подвижным, консервативным компонентом в контактной диссимилиации омонимичных названий.

Рассмотренная выше отражательная способность ойконимов

контактного происхождения позволяет иногда их рассматривать как «слепки» незасвидетельствованных в письменных источниках или даже утраченных топонимическим ландшафтом имен водотоков или же их вариантов. Они составляют тот резерв «имплицитной» топонимии, который еще недостаточно используется как в исследованиях по восточнославянской гидронимии, так и, в особенности, при составлении полных гидронимических каталогов. При подготовке последних особенно важна подача всех сопутствующих контактных имен ойконимного поля, что способствует не только более точной локализации гидронимов (это можно сделать и при помощи других названий), но и дает исследователю дополнительные сведения о гидронимии бассейна, особенно наглядно представляя точки соприкосновения ее с ойконимией данной территории. В последнее время этот принцип в той или иной мере был реализован в гидронимическом каталоге бассейна Оки, каталоге рек Северного Приазовья и в «Словаре гидронимов Украины»⁹ Приведенные в табл. 1 ойконимы могут служить базой для восстановления незасвидетельствованных названий сопредельных водных объектов, которые удобнее всего обозначать звездочкой.

Намного реже представляется возможность для реконструкции утраченных или незасвидетельствованных ойконимических форм на основе гидронимов контактного происхождения. Например, л. п. Кардаила (бас. Хопра) - балка *Б. Караичка* в «Алфавитном списке населенных мест Области Войска Донского» (Новочеркасск, 1915, с. 435) названа *Усть-Караичкой*, что заставляет предполагать, что в этом районе было какое-то не попавшее в список поселение (вероятно, хутор). Точно так же можно допустить и существование ойконима *Усть-Серебрянка* в бас. Хопра: в одном из актов об устройстве донских станиц 1690 г. есть свидетельство о речке *Усть-Серебрянке* (наряду с формой *С-ребрянка*) (АУС, 59); ойконима, омонимичного названию балки *Усть-Лосева* - л. п. Черной, п. п. Медведицы, л. п. Дона (СНМ-ОВД, 139; в СРДонБ, 23 - б. *Лосевая*). Плюральная форма названия речки *Вяжи* (*Вяжи*) в бас. Ольховой, л. п. Калитвы, п. п. Дона (СРДонБ, 71; гидроним известен и в форме ед. ч.), на берегу которой находится с. *Вяжа*, Кошарского р-на, Ростовской обл. России, свидетельствует о контактном происхождении этой структуры и о том, что продуцирующий комоним когда-то выступал и в незасвидетельствованной

источниками форме мн.ч. и т.д.

Обильный материал дают контактные названия для восстановления словообразовательных и звуковых вариантов топонимов.

Таблица 1

Ойконимы	Гидронимы
<i>Кловка, Кловка Нижняя, Кловка Верхняя</i> (СГ, 16). По типу деревни <i>Копанка Верхняя</i> и <i>Копанка Нижняя</i> - на р. <i>Копанке</i> (там же, 30). Все <i>Кловки</i> - на безымянной речке	* <i>Кловка</i> (ср. гидроним <i>Клов</i> в бас. Днепра)
д. <i>Аржасеу (Ржасеу)</i> (там же, 59), д. <i>Красный Ручей</i> (там же, 90), деревни <i>Крутой Ручей, Ручеек, Развольский Ручей, Селецкий ручей</i> - все при колодцах (там же, 295,297,298,379)	* <i>Аржасеу (Ржасеу)</i> , * <i>Красный ручей</i> , * <i>Крутой ручей</i> , * <i>Ручеек</i> , * <i>Развольский ручей</i> , * <i>Селецкий ручей</i>
села <i>Кучук-Пор</i> (Архангельское, Кучки тож), <i>Кучук-Пор</i> (Михайловское, Кучки тож), <i>Кучук-Пор</i> (Казанское, Александровка, Петровка) (СНМ-ПГ, 19; ВИВС-1, 106). Все села находятся в истоках Хопра, л. п. Дона. Слившись между собой, они носят еще общее название <i>Кучки</i> (ОГ Р-92, 71)	* <i>Кучук Хопор</i> , т. е. <i>Малый Хопер</i> (тюрк.). <i>Кучук-Пор</i> - аллегорная форма
деревни <i>Упалый Колодезь</i> - в бас. Быстрой Сосны, п. п. Дона (ВИВС-1, 235), <i>Усть-Белый Колодезь</i> - там же (ВИВС-1, 233; ПОК, 159), <i>Ильмень</i> - на рч. Олышанке, бас. Хопра (ВИВС-1У, 109); <i>Сиваи 1</i> и <i>Сиваи 2</i> - обе в бас. Северского Донца (СВИС-ХГ, 28); слобода <i>Катач</i> - в верховье р. Толучеевой, бас. Дона (КВГ-185± ВПамК, 39); д. <i>Донец</i> - при рч. Плоской, бас. Быстрой Сосны (ВИВС-1, 233) и др.	* <i>Упалый колодезь</i> , * <i>Белый колодезь</i> , * <i>Ильмень</i> , * <i>Сиваи</i> (гидроним <i>Сиваи</i> отмечен и в верховье Лугани, п. п. Северского Донца; СРДонБ, 62), * <i>Катач</i> , * <i>Донец</i> (ср. в Г60, 158; л. <i>Донси</i> из р. <i>Донец</i>)

Так, среди притоков р. Быстрой (бас. Северского Донца) есть балка *Каменная* (СРДонБ, 75). Источники указывают на поселение в этом районе - *Каменный Рынок*, или *Каменно-Рынок* (КЗВД, АСОВД, 225), что дало право реконструировать словообразовательный вариант гидронима - * *Каменный Рынок*. Топонимическая экспедиция ДонГУ летом 1968 г. подтвердила существование в живой речи информантов такого варианта (руч. *Каменнорынок*). Другие примеры реконструкции словообразовательных вариантов гидронимов см. в табл. 2.

Значительно реже возможна противоположная эвристическая процедура - нахождение незасвидетельствованного варианта ойконима по форме гидронима контактного происхождения, например: *Усть-Бузулук* (АСОВД, 595, 1915 г.; вариант названия *Бузулук*, бас. Хопра) - станция *Усть-Бузулукская* (там же); восстановленный вариант ойконима: * *Усть-Бузулук* и т. д.

Таблица 2

Ойконимы	Засвидетельствованные формы гидронимов	Восстановленные словообразовательные варианты гидронимов
д. <i>Вязоватая</i> (ВИВС-1, 235)	овр. <i>Вязовый</i> (СРДонБ, 3)	* <i>Вязоватый</i>
с. <i>Зеленый Колодезь</i> (ВИВС-111, 26); с. <i>Моховой Колодезь</i> (Моховое) (Г60, 71); д. <i>Литобиж Колодезь</i> (там же, 48); д. <i>Крутой Враг (Крутым)</i> (СНМ-СГСУ, 14); д. <i>Чаузов Враг</i> (СНМ-СГ, 90, 1859 г.); с. <i>Попов Враг</i> (там же, 93); д. <i>Белая Яруга</i> (СНМ-ВГ, 109).	овр. <i>Зеленый</i> (ПОЧ-1845; ОЧ-1845); овр. <i>Моховой</i> (Г60, 71); р. <i>Литобезж (Литебезжь)</i> (там же, 48); овр. <i>Крутец</i> (СНМ-СГСУ, 14); овр. <i>Чаузов</i> (СНМ-СГСУ, 14); овр. <i>Попов</i> (СРДонБ, II); овр. <i>Белый</i> (СНМ-ВГ, 109).	* <i>Зеленый колодезь</i> , * <i>Моховой колодезь</i> , * <i>колодезь Литобиж (Литобезжь)</i> , * <i>Крутой враг</i> , * <i>Чаузов (Чаузов) враг</i> , * <i>Попов враг</i> , * <i>Белая яруга</i> .
хут. <i>Заосколь</i> (СВИС-ХГ, 28).	р. <i>Оскол</i>	* <i>Осколь</i> (ср. <i>Айдар // Айдарь, Деркул // Деркуль</i> и др.)
хут. <i>Цна</i> (Г60, 18)	р. <i>Цон // Цона, Оцон, Оцна, Оцно</i> (Г60, 18)	* <i>Цна</i>
д. <i>Ржавец (Аржавец)</i>	рч. <i>Ржавка</i> (СГ, 340)	* <i>Ржавец (Аржавец)</i>
с. <i>Матыра</i> (Г60, 160)	рч. <i>Матырка</i> (Г60, 160)	* <i>Матыра</i> (ср. эту гидролексеми в бас. Дона и Днепра)
с. <i>Вачь</i> (там же, 249)	р. <i>Вачка (Вячка, Вача)</i> (там же, 249)	* <i>Вачь (Вячь)</i>
д. <i>Ольховка</i> (там же, 252)	р. <i>Ольшанка</i> (там же, 252)	* <i>Ольховка</i>
слобода <i>Красенькая (Красная тож)</i> (СНМ-ВГ, 107) и др.	р. <i>Красная</i> (СРДонБ, 14)	* <i>Красенькая</i>

В звуковом облике ойконимов *Елишанка, Тресмянка, Страганец, Котьма, Илмань, Екимец* отразились не отмеченные в источниках производительные варианты гидронимов *Ольшанка* (бас. Хопра), *Дресвянка* (там же), *Острыганец* (в быв. Смоленской губ.), *Кутьма, Илмень, Якимец* (СНМ-СГ, 74, 92; СГ, 321-322; Г60, 27, 128, 183) и т. д.

Иногда, передав свое имя поселению, незначительный водный объект теряет свое значение; известия о нем в документах становятся все более скудными и почти вся информация о звуковых вариантах топонима доходит до нас на ойконимном уровне. Так было, например, с донским топонимом *Курманов Яр*, вероятно, отантропонимного происхождения (ср.: «в Крым послан казак Закаляев, а на Кубань

базовой татарин *Курманов*» - Лишин-II, 611, 1751 г.), о фонетических изменениях которого мы узнаем благодаря частым упоминаниям его в донских актах в качестве названия казачьего городка или урочища (*Курман Яр, Курмань Яр, Курмояр, Курман, Курмын Яр, Карман Яр, Курмоньяр, Курмонояр, Курменьяр, Курманаяр, Курмаяр, Курмынье* и др.).

Нами рассмотрены лишь некоторые особенности образования и функционирования географических имен контактного происхождения на одном уровне: «гидроним- ойконим». Изучение других типов связи («гидроним-ороним», «гидроним-хороним», «ойконим-ороним» и т. д.) раскроет новые детали топонимической метонимии, позволит лучше понять взаимодействие онимических полей в процессе становления и развития топонимической системы, шире использовать в ономастических исследованиях метод внутренней реконструкции.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСОВД - Алфавитный список населенных мест Области Войска Донского. Новочеркасск, 1915.

АТПУ-I - Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ, т. I. Київ, 1969.

АУС - Акты об устройстве станиц, о станичных юртах и о поселении хуторов на войсковых свободных землях. - В кн.: Труды Донского войскового статистического комитета, вып. 1. Новочеркасск, 1867.

ВИВС-I, III, IV - Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1880. То же. Вып. III. Губернии малороссийские и юго-западные. СПб., 1885.

То же. Вып. IV. Губернии Нижне-Волжской области. СПб., 1883.

ВПамК - Воронежская памятная книжка на 1856 год. Воронеж, 1856.

ВСОРИ-ОГ - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI, ч. 5. Орловская губерния. СПб., 1885.

ВСОРИ-ХГ - Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XII, ч. 1. Харьковская губерния. СПб., 1850.

ВТКХГ - Военно-топографическая карта Харьковской губернии, 1863. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 504.

ГБО - *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

ДНП - Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773-1775 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1961.

ЗДВ-СНМ - Списки населенных мест Российской империи. XII. Земля Донского войска. СПб., 1864.

- ИНС** - *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса, 1841 (раздел «Приложения»).
- КВГ-1855** - Карта Воронежской губернии, 1855. Приложение к ВПамК.
- КВСР-П, IV** - Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, том. II, ч. I. М., 1957; т. IV. М., 1976.
- КЗВД** - Карта Земли Войска Донского. Приложение к кн.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. Сост. Н. Краснов. СПб., 1863.
- КОЧ-1845г.** - Карта окрестностей г. Чугуева Харьковской губ., 1845. Масштаб: 1 в. в английском дюйме. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 502.
- Лишин-II, II₂** - Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А.Лишиным, т. II, ч. 1-2. Новочеркасск, 1894.
- МИ-V** - Материалы по истории СССР, Т. V. Документы по истории XVIII века. М., 1957.
- МИКБ-I** - Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. Харьков, 1866.
- МИКБ-II** - Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. в XVI-XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем, т. II. Харьков, 1890.
- Минх-I, I₄** *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 2. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов, 1898.
- То же. Т. 1, вып. 4. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Аткарск, 1902.
- НМВГ** - Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Воронеж, 1900.
- ОГКР-92** - Общая геологическая карта России. Лист 92. Саратов-Пенза. Сост. И. Синцов. - В кн.: Труды Геологического комитета, т. VII, №1. СПб., 1888.
- ПДС-КНТ, II** - Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, т. II. М., 1895.
- ПЖ-1698-1699** - Походный журнал 1698-1699 гг. СПб., 1910.
- ПЗХ** - Подлинныя записки флотского капитана Ильи Ивановича Ханькова о донской экспедиции (1771 г.). - В кн.: Записки императорского Одесского общества истории и древностей, т. XIV. Одесса, 1886.
- ПОК** - Природа Орловского края. Орел, 1925.

- ПОЧ-1845 г.** - План окрестностей г. Чугуева 1845 г. Масштаб: 2 в. в английском дюйме. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 503.
- Сб. ОВДСК-VI, XI** - Сборник Областного Войска Донского статистического комитета, вып. VI. Новочеркасск, 1906; вып. XI. Новочеркасск, 1913.
- СВИС-ХГ** - Список волостей и селений Харьковской губернии. Харьков, 1909.
- СГ** - Списки населенных мест Российской империи, вып. X. Смоленская губерния. СПб., 1868.
- СГУ** - Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- Семенов-II** - Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. по поручению имп. Русского географического общества П. Семенов. . ., т. II. СПб., 1865.
- СЛИЮЗР** - Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888.
- СНМ-ВГ** - Списки населенных мест Российской империи. Т. IX. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1865.
- СНМ-ОВД_{1,2}** - Списки населенных мест Области Войска Донского по переписи 1873 г. Новочеркасск, 1875. Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., ч. 2. Новочеркасск, 1905.
- СНМ-ПГ** - Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии. Пенза, 1914.
- СНМ-СГ** - Списки населенных мест Российской империи. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб. 1862.
- СНМ-СГСУ** - Списки населенных мест Саратовской губернии. Сердобский уезд. Саратов, 1914.
- СНМ-ТГ** - Списки населенных мест Российской империи. Т. XLVI. Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862.
- СНМ-ХГ** - Списки населенных мест Российской империи. Т. XLVI. Харьковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 г. СПб., 1869.
- СРДонБ** - *Майтаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
- ЦГК** - Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям. - В кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Апрель-июнь. Кн. 2. М., 1859 (отдел II: «Материалы отечественные»).
- Эк.** - Материалы топонимических экспедиций Донецкого университета в 1963-1972 гг.
- Южн. отк.** - Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПАРАХ (гидроним-аугментатив и гидроним-деминутив)*

Одной из разновидностей связей в славянской гидронимии является бинарное противопоставление (топонимическая пара) типа «гидронимический аугментатив (ГА)~ гидронимический деминутив (ГД)». ГА и ГД обладают чертами, которые отсутствуют в образованиях, сложившихся на базе апеллятивов или онимов других классов, например антропонимов. Кроме структурных различий (ГА и ГД могут выражаться также определительными словосочетаниями), в них, как правило, отсутствует коннотация, они не квалитативы, а квантитативы.

ГА - это мотивирующее ГД название главного потока. Его основа, как правило, лишена деминутивного суффикса, следы которого обнаруживаются лишь в случаях адеминутивации гидронима, переосмысленного как название главного потока, т.е. при переходе ГД в ГА (см. ниже *Донец, Торец*). Таким образом, признаками ГА являются их связь с однокоренными ГД, отсутствие в их составе «живых» деминутивных суффиксов, наличие топонимических определений *большой, мокрый* и других, не обусловленных топонимической метонимией - переносами по смежности типа «ойконим (структурно тождественный гидрониму плюс дифференцирующее определение *большой*, появившееся в ойконимном поле) - гидроним». Именно по этой причине не является ГА название реки *Большая Грибановка*, зафиксированное в описании Борисоглебского уезда бывшей Воронежской губернии 1787 года.

Квантитативное определение проникло в гидроним из ойконима (на реке - село *Большая Грибановка*, название которого коррелирует с другим ойконимом - *Малая Грибановка*).

ГД в пору своей «молодости», т. е. сохранения живых отношений непосредственной мотивации с соответствующим аугментативом, может быть носителем двух значений: «приток реки, имеющей название, которым мотивируется ГД» (*Сосенка*-приток Тихой Сосны, *Донец*-приток Дона и т.д.), и «какая-то часть реки (рукав, старица) с названием в аугментативной форме» (например, рукава Дона с названием *Донец*). «Живая» деминутивность гидронима функционально многопланова: она отмечает гидрографическую иерархию объектов, идентифицирует их, дифференцирует одноосновные названия.

Гидронимическая деминутивность может быть выражена также описательно - посредством атрибутивных слов *малая* (-ый, -ое), *сухая* (-ой, -ое) и др. Если определения *большой* и *малый* в описательных ГА и ГД прямо указывают на величину гидрографически связанных объектов и тем самым «открыто» выражают отношения гидрографической субординации, или рядности, то в коррелятивных гидронимических парах с атрибутивными словами *мокрая* - *сухая* их прямое лексическое значение нередко бывает ослаблено. В дельте Дона, например, находится одно из его гирл с названием *Каланча*. Его глубокий, проходимый для судов рукав в различных источниках XIX-XX веков именуется просто *Каланчой* или, нередко, *Мокрой*, а также *Большой Каланчой*, тогда как левое ответвление Мокрой Каланчи носит название *Сухой Каланчи*. По данным на 1958 год, *Большая Каланча* имела протяженность 13 км, ширину 250-500 м и глубину от 9 до 18 м, а *Сухая Каланча* - это неширокий (до 100 м) проток с глубинами не менее 1,5-2 м¹. В русских народных говорах известно идиоматическое выражение *сухая вода*. По объяснению В.И. Даля и П.Л. Маштакова, «это мелкая, непроходимая для судов», «малая вода, в противоположность жирной, сочной, живой, свежей» (на Волге), а также «малая вода во время морского отлива» (арханг.)². В своем терминологическом употреблении словосочетание *сухая вода* не воспринимается как оксюморон, так как прилагательное в нем обладает идиоматически связанным значением «малая».

Квантитативное значение данного слова подчеркнуто выражено в описательном деминутиве *Сухая Водяная* - названии притока речки Водяной в бассейне Бузулука, левого притока Жопра, левого притока Дона³. Прилагательное *сухой* в гидронимии используется не только в своем обычном значении «лишенный воды, безводный», но и в специфическом - «мелководный; имеющий меньше воды, чем в главном потоке». Естественным антонимичным определением в бинарной оппозиции ГА~ГД нередко выступает слово *мокрый*. Отсюда нередкое лексическое варьирование близких по значению определительных компонентов в составных названиях топонимической пары, например (за условный определяемый компонент принят оним *Каменка*): *Большая Каменка - Малая Каменка, Мокрая Каменка - Сухая Каменка, Большая Каменка - Сухая Каменка, Мокрая Каменка - Малая Каменка*. Гидрографическая субординация может быть выражена и другим типом отношений: составной ГА с атрибутивными словами *Большой* или *Мокрый* ~ производное слово с деминутивным суффиксом (нередко в сопровождении детерминатива *Малый, -ая, -ое*), имеющее в качестве производящей базы определяемый компонент аугментатива. В таких топонимических парах их части изофункциональны рассмотренным выше. Ср., например: *Самовчик* (он же *Малый Самовец*) - приток *Большого Самовца* (*Самовца*); *Эртилец* (*Малый Эртилец, Малый Эртил*) - приток *Большого Эртила*; *Большой* (или *Есауловский*) *Аксай* и *Аксенец*, *Большой Валуй* и *Малый Валуйчик* - соответственно левая и правая вершины реки Валуй в ее истоках⁴. Значительно реже встречаются иные определители: для составных аугментативов - *сырой* (ср. донские гидронимы: *Сырая Тишань* с притоком *Сухая Тишань*; *Сырой Карай*, он же *Большой*, или *Мокрый, Карай*; *Сырая*, или *Мокрая, Ржакса*; *Сырая*, или *Мокрая, Панда*), для составных деминутивов - *скупой* (*Скупая Потудань* - левый приток Потудани, притока Дона) и т.д. В бассейне Дона зарегистрирован, можно сказать, уникальный способ выражения отношения ГД~ГА - при помощи поэтической метафоры: на некоторых планах Генерального межевания 80-х годов XVIII века значится левый приток Дона - овраг *Доновъ* (*Донавь*) *Сынокъ*⁵. Примечательно, что в одной из старинных украинских народных песен Днепр именуется «батском» по отношению к своим притокам⁶.

Гидронимические деминутивы, так же как и деминутивы

апеллятивные, могут утрачивать уменьшительное значение - испытывают адеминутивацию. Такого рода семантический сдвиг они претерпевают в силу определенных процессов, причем некоторые из них могут осуществиться лишь при наличии своеобразных топонимических условий и отношений. Так, адеминутивация может быть вызвана смещением названия притока и распространением его на главную реку бассейна, наименованием которого ранее мотивировался смещенный деминутив. Экспансия деминутива, выражающаяся в вытеснении им соотносительного аугментатива, бывает вызвана разными причинами: направлением миграции населения в бассейне главной реки и расподоблением ГА с омонимичным ойконимом метонимического (отгидронимного) происхождения. Первый - миграционный - фактор проявился, например, в становлении современного гидронима *Северский Донец*. Его определяемый компонент (*Донец*) возник не как ГД, мотивированный когда-то живой связью с аугментативом *Дон* в современном его восприятии как названия реки, впадающей в Азовское море. Явной натяжкой и модернизацией была бы реконструкция никогда не существовавшего отношения (*Северский*) *Донец* (ГД) ~ *Дон* (ГА), когда очаг возникновения деминутива допускается в зоне слияния этих рек. В таком случае уточняющее определение *Северский* было бы оправданным при наличии на данной территории других *Донцов*, однако подобная ситуация номинации отсутствовала. В своем верховье главный приток Дона разделяется на несколько водотоков с одинаковым названием *Донец*, именно для этого района являющимся диахронически производным словом (по отношению к аугментативу *Дон*, или *Великий Дон*)⁷. Все они получили дифференцирующие определения: *Сажной*, или *Саженский*, *Липовый*. Был еще *Валуйченин Донец*, который тянулся в сторону города Валуйки⁸. Одним из таких «верховских Донцов» (как именуются они все в Патриаршей, или Никоновской, летописи под 1566 годом)⁹ был и *Донец Северский*, который тек со стороны *Северской земли*, или *Северы* (широко известный в XV-XVI веках хороним), откуда шли активные миграционные потоки в сторону Подонечья¹⁰.

Фактор расподобления ГА с омонимичным ойконимом путем расширения функций ГД имел место, например, в случаях превращения в ГА прежнего ГД *Торец*. В Ипатьевской летописи под 1185 годом

нынешний правый приток Северского Донца - *Казенный Торец*, или просто *Торец*, именуется *Тором*, в «Книге Большому чертежу» - *Большим Тором*. «Разрядная книга 1475-1598 гг.», рукописные карты XVI-XVII веков регистрируют и левый приток Тора - *Торец*, или *Сухой Торец*. *Тором* именовалось и урочище, где находились казенные солеварни и возникшее на их месте поселение (с 1676 - город *Тор*, в 1794 году переименованный в *Славянск*). Во избежание омонимии разнохарактерных географических объектов старый топоним *Тор* со временем закрепляется за урочищем и поселением, а реку все чаще стали именовать *Торцом*. При этом дифференциация названий главной реки и ее притока с прежним деминутивным названием осуществилась за счет присоединения к последнему квантитатива *Сухой*.

Так же, по-видимому, образовались и гидронимы *Орлик* и *Усердец*. Первый - от *Орел*, названия левого притока реки Оки, после того как на реке Орел возникло поселение (теперь город *Орел*). Во втором случае имело место вытеснение аугментативной формы названия правого притока Тихой Сосны (бассейн Дона) - *Усерд* деминутивом *Усердец* после появления на берегу Усердца городка с омонимичным названием, обязанным топонимической метонимии. Мотивированная связь названий главной реки и ее притока была восстановлена при помощи квантитативных определений: *Усердец*, или *Большой Усердец* ~ *Малый Усердец*.

Вызванная взаимодействием с омонимичным ойконимом адеминутивация уменьшительных форм нарушала прежние отношения гидрографической иерархии и потребовала активизации новых средств для ее восстановления. В этой функции нередко использовались рассмотренные выше квантитативные определения. Происходил процесс регенерации гидронимических адеминутивов, их редеминутивация, вовлечение в новые системные связи с изменившимся ГА.

Расподобление возникших вследствие метонимии топонимических пар типа «гидроним ~ омонимичный с ним ойконим отгидронимного происхождения» могло происходить также путем деминутивации гидронима и при отсутствии в бассейне названий притоков в деминутивной форме. Роль производящей основы берет на себя ойконим, сам в свое время возникший путем переноса названия по смежности объектов. Дело в том, что в процесс освоения речных

бассейнов со временем увеличивается социальная значимость поселений, их названия перестают восприниматься как производные от гидронимов, изменяются представления об их ономаσιологической зависимости. Река, своим прежним именем «зеркально» отразившаяся в ойкониме, получает вторичное наименование в деминутивной форме, лишённое, однако, уменьшительного значения. Эту разновидность адеминутивации гидронимов можно назвать трансойконимической, так как в появлении подобных мнимодеминутивных образований посредническую роль выполнял ойконим. Таково происхождение гидронимов *Пензятка* (< р. Пенза > г. Пенза), *Щигрик* (< р. Щигор > г. Щигры), *Ливенка* (< р. Ливна > г. Ливны) и др.

Причиной адеминутивации может быть и «старение» суффикса. В первую очередь это коснулось деминутивов с суффиксами *-ец* (< -ьць) и *-иц-*, которые, будучи вовлечёнными в процесс адеминутивации, заменялись или наращивались суффиксом *-ьк(-ьк-)*. Это произошло, например, с названием правого притока реки Калки (в КБЧ - Калы), впадающей в Азовское море: утративший уменьшительное значение деминутив *Калец* заменяется на *Кальчик*, который уже не обладает синхронической производностью: в настоящее время он снова превратился в адеминутив (с вариантом *Большой Кальчик*, так как в бассейне существует его приток - *Малый Кальчик*).

До сих пор речь шла прежде всего об относительной, или коррелятивной, деминутивности, проявляющейся как при контактной (река~ее приток, рукав, старица, населённый пункт на реке и т.д.), так и дистантной зависимости деминутива от опорного (мотивирующего) названия, объект которого территориально близок, но непосредственно не связан с объектом деминутива. Чаще всего их связь осуществляется через главную реку, притоками которой они являются (например, в бассейне Дона: *Золотуха* и *Малая Золотуха*, *Большая Шушпанка* и *Малая Шушпанка* и др.). В топонимическом контексте такие связи могут иметь разнонаправленный характер, меняющий статус одного и того же названия. Например, приток Дона р. *Калитвенец*-дистантный коррелятивный ГД по отношению к (*Белой*) *Калитве*, которая несколько ниже впадает в Дон и название которой выступает по отношению к *Калитвенцу* как его аугментатив. Однако тот же *Калитвенец* является аугментативом, испытавшим адеминутивацию (что подчеркнуто и его квантитативным

определением - *Большой Калитвенец*), относительно своего притока - *Малого Калитвенца*.

Абсолютная (некоррелятивная) деминутивность чаще всего не зависит от связей с другими названиями в гидронимической среде. Причины ее возникновения разные: онимизация географических апеллятивов, имеющих деминутивные суффиксы (например, гидроним *Речица* в бассейне Дона); влияние деминутивных структур на гидронимы с омонимичными суффиксами, не имевшими ранее уменьшительного значения (*Икорец* - в бассейне Дона; *Тулица* - в бассейне Оки); перенос названий по смежности объектов типа «ойконим > гидроним» (река *Малой Мечок* в бассейне Дона, на берегу которой в XVIII веке находились два села - *Малой Мечок* и *Большой Мечок*)¹¹. и др. Возможны случаи превращения когда-то относительных деминутивов в абсолютные, что бывает при распаде топонимической пары (забвении аугментатива), разрыве отношений производности между ГД и ГА вследствие структурных изменений последнего, например: *Кальчик* ~ *Кальмиус* (бывшая *Калка*, или *Кала*).

Следы процессов деминутивации, адеминутивации и редеминутивации в гидронимии еще должным образом не изучены и ждут своего исследователя.

* Русское языкознание Вып.19. Киев, 1989.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Родионов Н.А. Гидрология устьевой области Дона. М., 1958. С. 17.
- ² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1935. Т. 4; *Маштаков П.Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931. С. 105-106.
- ³ Списки населенных мест Российской империи: Земля Донского Войска. Спб., 1864. С. 90.
- ⁴ Геометрическая карта Воронежского наместничества // Центр. Гос. Арх. Древних актов (далее - ЦГАДА) СССР. - Ф. 1356, д. 4/619.
- ⁵ Генерального плана Задонского уезда часть II // Там же. Д. 121/736; Генеральный геометрический план Задонска и его уезда 1789 г. // Там же. Д.110/725.
- ⁶ Россия: Полное географическое описание отечества. Спб., 1903. Т.7. С. 9.
- ⁷ Рыбаков Б.А. убедительно доказал, что нынешний Северский Донец в XII веке именовался, как об этом свидетельствует «Слово о полку Игореве», Доном Великим (*Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщ. Ин-та материальной культуры. М. 1952. № 43. С.10).
- ⁸ В XVII веке правый берег реки Северский Донец назывался Валуйской стороной, а левый - Азовской. Указание на это содержится в «Статейном списке похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шенна»

(Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1868. Т.7. С.146). Форма прилагательного *волуиченин* (т.е. тот, кто из Валуек) встречается в документе 1708 года: «подвел волуиченин калашник», «и они де того волуиченина колашника видели в том воровском обозе» (Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т.7. С.705).

⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // Полн. собр. рус. летописей. Спб., 1901. Т.12. С.399.

¹⁰ Мотивационная зависимость уточняющего определения *Северский* от хоронима *Сѣвера* отчетливо прослеживается в некоторых текстах XVI века, например: «на Донцѣ на Сѣверском ѹстьѣ Удѣ: изъ Сѣверы, из Брянска...»; «на Донец на Сѣверской ѹстьѣ Удѣ изъ Сѣверскихъ городовъ...» (далее — перечень этих городов: Брянск, Поган, Стародуб, Новгородок Северский и др.) (*Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С.14,27).

¹¹ Геометрическая карта Воронежского наместничества.

ВТОРИННА ТОПОНІМІЗАЦІЯ КОНОТАТИВНИХ ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ

У топонімії Чернігівсько-Сумського Полісся О.О. Черепановою зафіксовано біля двох десятків назв, що являють собою географічні імена, які в своєму початковому вигляді склались на іншій території, в іншому мовному середовищі, і їх появу у топонімії Полісся слід розглядати як своєрідні повтори уже «готових» назв. При цьому мотиви такої вторинної номінації об'єктів уже не ті, що були при первинній номінації, у період зародження певного мені. Нижче наводиться їх список: 1) частини села, «кути»: *Абісінія* (двічі), *Гомель*, *Єгипет*, *Караганда*, *Каракум*, *Корея*, *Литва*, *Москва*, *Польща*, *Росія*, *Тула*, *Україна*; 2) назви полів: *Кустанай*, *Мурман*; 3) назви висот, «гір»: *Молдавія*, *Соловки*; 4) назви лісів: *Москва* (двічі); 5) назви пасовиськ: *Мурман*; 6) назви лук: *Соловки*; *Сиваш* - назва заболоченого місця у верхів'ї невеликої річки Берестовиці, п. п. Десни, в Менському районі Чернігівській області (див.: 25, с. 24, 26, 76, 99, 128, 143, 161, 168, 189, 191, 193, 227, 238, 244, 255, 262, 281, 284].

Завдяки їх вторинності всі перераховані поліські топоніми не потребують етимологізації (етимон має тільки назва з первинною мотивованістю). Вони можуть бути досліджені тільки в ономасіологічному аспекті (встановлюється їх етіологія, мотиви вторинного використання в новому топонімічному оточенні). Так, наприклад, в мікротопонімах *Гомель*, *Караганда*, *Корея*, *Литва*, *Москва*, *Польща*, *Тула* міг реалізуватись мотив номінації «місце проживання мешканців; що мають стосунок до населеного пункту або території з такими первинними найменуваннями¹. У назві «кутка» *Росія* могла відобразитись відповідна назва колгоспу, як, між іншим, й *Україна*. Такі імена поширились в сільській ергонімії післявоєнного часу,

особливо у 50-ті роки, коли урочисто відзначалось 300-ліття воз'єднання України з Росією. Однак етимологія поліського мікротопоніма **Україна** (назва частини села Маково, Шосткинського р-ну, Сумської обл.) інша: село Маково - переважно російське; україномовні мешканці його компактно проживали саме в тій його частині, яка стала іменуватися **Україна** (інформація Є. О. Корепанової), тобто перед нами один із виявів ономасіологічної закономірності, яку В.А. Никонов сформулював як «закон відносної негативності» назв.

Неясні мотиви вторинної номінації у таких мікротопонімах, як **Абіссія** та **Єгипет**. Певну роль у виборі «готового» імені для вторинної номінації відіграють різні асоціації за подібністю географічних об'єктів, що вже мали це ім'я, і тих, які його одержали внаслідок перенесення, наприклад, закріплення за місцевістю з піщаним ґрунтом топоніма **Каракум** (так іменується частина села Маково, Шосткинського р-ну, Сумської обл.). У деснянському гідронімі **Сиваш**, мабуть, знайшов відображення уже втрачений на півночі і сході України географічний апелятив **сиваш** із значенням «впадина з водою і багnistим дном». Пряме перенесення в гідронімію Полісся кримського макролімніоніма **Сиваш** мало ймовірно. Гідронімізація місцевого географічного терміна **сиваш** мала місце й на сході України - в басейні Сіверського Дінця: мокрі балки з назвою **Сиваш** зафіксовані серед його правої притоки - р. Лугані і лівої - р. Красної [8, с. 57, 62]. Аналогічного походження і назва частини села Полошки, Глухівського р-ну, Сумської обл. - **Рим** (рос. Рым), в якому відбився географічний апелятив **рим** - «яма, наповнена водою; залита водою долина».

Більш детального розгляду потребує мікротопонім **Соловки**, який зустрічається двічі в населених пунктах Глухівського р-ну, Сумської обл.: як оронім (узвишся біля села Сварково) і як назва луки біля села Первомайське [25, с. 262]. Чи можливе пряме перенесення в топонімію північних районів України народної назви групи островів у Білому морі? Враховуючи особливу природу цілої групи назв з вторинною мотивацією, куди входить і топонім **Соловки**, ми вважаємо доцільним розглянути його в контексті аналогічних імен на широкому східнослов'янському топонімічному ареалі, де вони з'являються і функціонують.

Серед повторюваних топонімів є порівняно невелика група назв, які з'явилися не завдяки перенесенню імен, що склалися раніше,

при заселенні нових земель (назви-мігранти), або топонімічній метонімії (контактні імена), а внаслідок семантичних змін, яким підлягав первинний топонім, - розвинутих у ньому понятійних конотацій, співзначень, завдяки яким він набув здатності брати участь в номінації нових географічних об'єктів, позначати (при вторинному використанні) зовсім інші їх ознаки.

Топоніми, утворені за допомогою метафоричного перенесення, становлять лише частину назв, яку Т. Печерських іменує «вторинними топонімами». Це лише ті назви, вторинне використання яких було викликane «наявністю будь-якої подібності між об'єктами» [15, с. 26-27]. Решта причин перенесення («популярність первинного об'єкта», «особисті враження мешканців, що побували в інших країнах, містах» та «іронічне, насмішкувате ставлення до названого об'єкта»), на які вказує дослідник, з метафоризацією топонімів та вторинною топонімізацією не зв'язані. Мотиви номінації з участю таких топонімів, як правило, мають випадковий характер (наприклад, урочище Альпи і маленький струмок Дон в Архангельській області) [там же, с. 26]. Строго кажучи, при вторинних найменуваннях об'єктів за допомогою «топонімів типу Камчатка» відбувається використання не топоніма в його «чистому вигляді», а переосмисленого географічного імені, яке зазнало неповної деонімізації. Воно одночасно «напівтопонім» і «напівапелятив», своєрідний онімічний «мезонім». Воно ще сприймається як назва конкретного географічного об'єкта, але уже семантичне розширене, має предметний зміст, здатне вступати в синонімічні відношення з апелятивами (узуальними чи оказіональними), напр.: *Ташкент - спека* (узуальний синонімічний зв'язок), *Тмутаракань - закуток* (також узуальний синонімічний зв'язок), але: *Ташкент - лазня* (в одному із оповідань В. Шукшина), *свавілля, дикість, країна, де б'ють по зубах* (у Салтикова-Щедріна в «Панах ташкентцях»; оказіональний синонімічний зв'язок). Пор. ще: *Афіни - центр культури* (узуальний синонімічний зв'язок), *Лапландія - негода* (у Грибоедова, оказіональний зв'язок) і т. д. Втрата таким конотативним топонімом географічної співвіднесеності приводить до його повної апелятивації, напр., *шанхай* «глухе приміське (частіше пришахтне) селище»; *камчатка* «задні ряди»; російські місцеві географічні терміни *вавилон* «заворот річки, яру», *ердань* «ополонка, струмок» і т. д.

За мірою відомості, широтою вживання всі конотативні оніми, або конотоніми (у даному випадку - конотативні топоніми), поділяються на два великих розряди - *інтралінгвальні* (тобто такі, що побутують лише в межах однієї мови; їх використання інколи поширюється й на активно взаємодіючі близькоспоріднені мови, наприклад, східнослов'янські) та *інтерлінгвальні*. Останні звичні не тільки в двох і більше мовах, але й у контактуючих культурних мовах значних географічних регіонів. Внутрішньомовні (інтралінгвальні) конотоніми бувають як *узуальні*, так і *мовленнєві*. Узуальні конотоніми також розрізняються за широтою і сферою використання. Вони можуть бути широко вживаними у мовленнєвому спілкуванні народу в масштабі всієї національної мови або тільки в літературній мові на певному етапі їх історії (наприклад, *Соловки, Камчатка, Ходинка*); їх поширення може обмежитись певною територією або діалектною зоною і також певними хронологічними межами (напр., *Амур, Алтай, Марс, Сибір, Шанхай, Хацапетівка*), а також мовленнєвою комунікацією у тій чи іншій соціальній групі (напр., *Бродвей* «центральна вулиця в місті» в жаргоні сучасної молоді). Вторинній топонімізації у нашій вітчизняній топоніміці підлягали деякі узуальні інтралінгвальні конотативні топоніми з широким діапазоном вживання - типу *Сахалін, Камчатка, Соловки*, хоча в окремих випадках могла мати місце і вторинна топонімізація оказіональних топонімічних метафор, але ж з'ясувати такі метафори і мотиви номінації за їх допомогою нових географічних об'єктів зараз уже дуже важко. Зразками таких оказіональних топонімічних метафор, що породили нові географічні імена, можуть бути назви хуторів: *Африка* (в колишній Харківській губ., зараз це с. Калинівське, Білокуракинського р-ну, Луганської обл.), *Каліфорнія* в колишньому Бахмутському повіті Катеринославської губ. і т. д. Все це приватновласницькі селища, і номінаторами були їх колишні володарі. Індивідуальна конотативна співвіднесеність і асоціативність первинних топонімів визначила їх вибір для вторинного використання в ролі ойконімів.

Предметом нашого розгляду є випадки вторинної топонімізації географічних назв, що набули в мові стійких, соціальне визначених понятійних (або референтних) конотацій. Розвиток власним іменем, у тому числі й топонімом, понятійних конотацій відбувався на всіх етапах існування різних онімічних систем, що

дозволяє розглядати метафоризацію власних імен як одну із лінгвістичних універсалій.

Однією із найбільш давніх топонімічних метафор, безумовно, було географічне ім'я *Едем*, що стало біблійною назвою райського саду, яке в азбуковниках XVI ст. уже тлумачиться як **пицца райскаа**, тобто «райське блаженство». Напр., у збірнику старця Вассіана Кошки: **едемъ. пицца райска** в іншому азбуковнику кінця XVI ст.: **едем же глѣса и пицца райскаа** [6, 267, 280]. У текстах XVII ст. має місце також словосполучення **пищный едемъ**: «со адагомъ в пищный едемъ» (Луцидаріус, список XVII ст.; картотека Інституту російської мови).

Перед нами уже не переносне вживання конкретної географічної назви (конотативного оніма), а чистий апелютив. У другій главі «Книги Буття» (в 10-ому псалмі) повідомляється, що з Едема «виходила річка для орошення раю», яка згодом розділилась на чотири річки, серед яких Тигр (Хиддекель) і Єфрат. Існує гіпотеза, що Едем, що реально протікав в Месопотамії, у наш час вже покритий водами Перської затоки².

У картотечі укладеного нами «Конотаційного словника російських онімів» нараховується більше 60 топонімів, що у різний час розвинули референтні конотації: Алтай, Амур, Австралія, Азія, Америка, Арарат, Аркадія, Армагеддон, Атлантида, Афіни, Африка, Бастілія, Бедлам, Болдино, Бродвей, Вандея, Ватерлоо, Венеція, Везувій, Вавілон, Гайд-парк, Гомора, Гібралтар, Голгофа, Європа, Захід, Йордан, Іерусалим, Ітака, Казбек, Камчатка, Китайська стіна, Клондайк, Мекка, Монблан, Мюнхен, Ніагара, Олімп, Палестина, Панама, Париж, Парнас, Пирл-Харбор, Помпея, Рубікон, Сахалін, Сахара, Сибір, Синай, Содом (Содом і Гомора), Соловки, Ташкент, Тмутаракань, Уотергейт, Хацапетовка, Ходинка, Черемушки, Шанхай, Швейцарія, Еверест, Ельбрус, Ельдорадо, Етна. У наведеному списку переважають топоніми, що належать до географічних об'єктів, розташованих за межами території нашої країни (більше 73%).

До конотативних онімів, як буде показано далі, належить і астронім **Марс**, який завдяки своєму референтному співзначенню «щось занадто далеко» також знайшов відображення в недалекому минулому в топонімії.

Зупинимось тепер детальніше тільки на тих конотативних топонімах, які брали участь у вторинній номінації об'єктів (в

наведеному вище списку всі вони виділені). Для цього необхідно прослідкувати лінії смислового розвитку таких власних імен, встановити ті смислові відтінки топонімічних метафор, які згодом реалізувались при найменуванні нових географічних об'єктів. З 12 таких назв третину їх становлять топоніми, які в різний час і в різному соціальному середовищі розвинули метафоричне значення «досить віддалене місце». Це синонімічний ряд **Амур, Камчатка, Сахалін, Соловки**, до якого приєднується астронім **Марс**.

У другій половині минулого століття Амур і Приамур'я були «одним із найвіддаленіших районів землеробської колонізації нашої країни» [1, с. 35]. Як віддалена околиця Росії, вони нерідко використовувались і як місце заслання. О.І. Герцен у статті «Нам дорікають» пише про заслання «крамольної аристократії» «на Амур до Муравйова». Пор. також згадку Амура як місця заслання у тексті «Горе з розуму» О.С. Грибоедова, переробленому М. Яроном в 1881 р.: *«В Тобольск сошлю, в Иркутск ... Нет, дальше, на Амур»* [3]. У говорах Приамур'я зафіксовано вираз, який можна розглядати як описовий хрононім, - «когда Амур пошел», тобто «коли почалось заселення Приамур'я» [22, вип. I, с. 252]. В діалектному мовленні відбулась дальша апелятивізація цього конотативного топоніма (в одних говорах вона могла бути повною, в інших - неповною, із збереженням у свідомості мовлян «географічної перспективи» відонімного апелятива). Це привело до розвитку в слові Амур значення «далеке місце заслання; будь-яке віддалене місце». Порівняйте: *«На амур угонили его. Ну, ушел на амурь! Этак зайдет в самые амурь»* [там же].

Це метафоричне перенесення було характерне для мовлення мешканців європейської частини Росії (наведені приклади записані були у кінці XIX - на початку XX ст. ст. у Вологодській губ.), конотативний топонім Амур в часи, коли в ньому не згасло співзначення «віддалене місце», був використаний для неофіційного іменування деяких населених пунктів або їх далеких околиць. Інколи такі неофіційні імена ставали офіційними. Завдяки вторинній номінації за допомогою конотативного топоніма Амур «віддалене місце» виникли такі ойконіми і назви внутрішньосільських і внутрішньоміських об'єктів: 1) Амур - околиця села Михайлівка, Павловського району, Воронежської обл. (запис 1985 р.); 2) околиця (в минулому - виселки) села Нетайлове, Ясинуватського р-ну, Донецької

обл.; 3) населений пункт в Устянівському р-ні, Архангельської обл. [15, с. 26]. Назва **Амур** належить одному із лівобережних районів Дніпропетровська (в минулому це була далека околиця Катеринослава), який офіційно іменується Амур-Нижнєдніпровським районом. «Народна етимологія» походження деяких цих колишніх і нинішніх околиць населених пунктів зв'язує з нібито «амурними пригодами» їх мешканців. Така версія записана в селі Уманське, Донецької обл. України (топонімічна експедиція ДонДУ 1968 р.). Подібні пояснення існують і стосовно **Амура** дніпропетровського: він нібито зобов'язаний своєю назвою фрейлінам Катерини II, які, виїхавши сюди разом з імператрицею «на дачу», уподобали ці колись затишні місця для амурних побачень.

На іншій території - в Забайкаллі і в іншому соціальному середовищі топонім **Амур** розвиває інші понятійні (референтні) конотації: 1) «спокій, тиша» (в природі): «Да и реки тоже амур, текут себе, ни шума, ни порогов, только рыбка плещется»; 2) «спокійне, тихе місце»: «Несносно стало жить по Чикою, стал амур искать, чтобы там на амуре зажить. Такой амур нашли сначала около Кудуна, потом откочевали на Котокель»; 3) «душевний спокій»: «Как переехал Байкал, на душе сразу амур» [26, с. 54]. Розвиткові цих конотацій, які згодом дали, по суті, нові лексичні значення в діалектному деонімному апеллятиві **амур**, очевидно, сприяв такий позалінгвістичний фактор, як спокійне, вольготне життя переселенців на нових землях Приамур'я. Про повну деонімізацію слова **амур** свідчить те, що саму назву річки **Амур** мешканці Приамур'я схильні виводити із цього апеллятива, тобто виникла зворотна мотиваційна залежність цих слів: «*Амур-то тоже прозван так потому, что спокойно течет*» [26, с. 54]. Є підстави вважати, що саме від цього деонімного (а точніше - деконотонімного) апеллятива із значенням «спокійне, благодатне місце» бере початок назва села **Амур** в Усть-Консинському р-ні Горно-Алтайської автономної області. Це припущення підтверджується й тим, що це гірське село розташоване в надзвичайно живописній місцевості. Крім того, для населення Алтайського краю **Амур** (як синонім **Приамур'я**) не був таким вже далеким краєм Росії, ніж для тих, хто жив в її європейській частині. Тому маловірогідною є тут вторинна топонімізація конотативного географічного імені із співзначенням «далеке місце». У цьому східному регіоні вторинна топонімізація назви **Амур** відбулась через розвинутий

з нього географічний термін. Тут не було прямого переходу конотативного топоніма у вторинний топонім, як в топонімії європейської частини країни. Таким чином, «амурна» топонімія неоднорідна, і більшість вторинних топонімів створилась завдяки метафоризації початкового імені (у європейській частині країни, в тому числі й на Україні), інші ж - внаслідок топонімізації місцевого географічного терміна (в азійських районах країни). До речі, аналогічні перетворення конотативного оніма в місцевий географічний термін в забайкальських говорах пережив і топонім Алтай. У словнику Л.Є. Еліасова є географічний апелютив алтай із значенням «багате в усьому місці» [26, с. 53]. Випадки топонімізації цього терміна в місцевій топонімії нам не відомі, але вони цілком можливі.

Ті ж екстралінгвістичні умови викликали розвиток співзначення «далеке місце» і в топонімах Камчатка та Сахалін. Виникнувши напочатку як назва річки, Камчатка згодом стає твірним словом для описового топоніма Камчатська земля. У першій і другій «сказках» В. Атласова про відкриття Камчатки, укладених у 1701 і 1702 р., досить послідовно протиставляється річка Камчатка і Камчатська земля, і лише один раз (у другій «сказці») у ролі назви півострова вжита форма Камчатка: «А солнце на Камчаткѣ зимою бываесть въ день долго противъ Якуцкого, блиско вдвое» [2, с. 13]³, В.А. Никонов вважав, що назва річки «у росіян в XVII ст. стала назвою півострова» [12, с. 172], що, на наш погляд, малоімовірно. Форма назви півострова Камчатка вторинна стосовно до описової відгідронімної назви півострова - Камчатська земля (другий його варіант, зафіксований в «сказках» В. Атласова, - Камчадальська земля, утворений від етноніма камчадали). Назва півострова Камчатка походить від Камчатська земля завдяки властивому розмовному мовленню процесу універбації означальних словосполучень (типу двоствольна рушниця > двостволка) з участю суфікса (що полегшилось завдяки наявності тісно зв'язаної з ним форми гідроніма). Як назва півострова Камчатка закріплюється в російській мові до середини XVIII ст. (її, наприклад, ми знаходимо в тексті третьої частини «Лексикона російского ...» В.М. Татищева, рукопис якого був представлений в Академію наук у 1745 р., а опублікований у 1793 р.). Хоча Камчатка і відзначається тут В.М.Татищевим як «рубіж в Російській державі», однак навряд чи в його час цей топонім став надто відомим і поширився

в розмовному мовленні, набувши в ньому референтної конотації «надто віддалене місце». Але вже в значній частині літературних творів середини і другої половини XVIII ст. (як російських, так й українських) **Камчатка** постає не лише як географічне поняття, але й як назва місця далекого заслання. Таке сприйняття **Камчатки** відбилось і в мові багатьох творів російської літератури другої половини минулого століття. Уже в XIX ст. в топонімі **Камчатка** розвивається метафоричне значення «окремий глухий закуток». Пор. у О. М. Островського в п'єсі «Шалені гроші» (1870 р.), в репліці Глумова: «Приїхав звідкись з Камчатки і прямо женитися за кращою нашою нареченою». У листі М.П. Волконського до І.І. Пущина від 25 травня 1841 р. зустрічається суфіксально-похідна форма **Камчатник** з приблизно таким же значенням: «Дружина здоров'єм по-старому, тепер на Камчатнику, тобто близько Усть-Куди, на ангарській своїй заїмці» [5, с.371-372]. Перед нами фактично перший із відомих нам топонімів, що виникли завдяки вторинній топонімізації конотативного географічного імені **Камчатка**, але уже з оновленою суфіксальною частиною. У мікротопонімі населених пунктів, особливо на території європейської частини країни, у XIX-XX ст. з'явилося чимало **Камчаток** завдяки поширенню номінації окремих об'єктів за допомогою розглянутої топонімічної метафори. Наведемо кілька прикладів. **Камчаткою** називався ще в 20-ті роки один із «кутків» Амур-Нижнедніпровського р-ну м. Дніпропетровська (недалеко від **Амура**). Окрема частина коси у гирлі річки Хаджи-дере, між Дністром і Дунаєм, за свідченням А.Скальковського, всередині минулого-століття також мала назву **Камчатка** [19, с.488-495]. Так же були названі: частина села в Байкалівському р-ні Свердловської області Росії [15, с.25]; одна із околиць міста Дружківки, Донецької обл.; колгоспна дільниця в селі Соловей, Ясинуватського р-ну Донецької області.

З тієї ж причини, але ще й частіше, в топонімії країни і, зокрема, Донбасу, поширився конотативний інсулонім **Сахалін**. У Гафурському р-ні Башкортостана є селище **Сахалін** [23, с. 127]⁴. У 60-70-ті роки назву **Сахалін** нерідко відносили до селища Заперевальна в місті Донецьку. У Донецькій області так називають кутки сіл Іванівка (Слов'янський р-н), Красноподілля і Первомайське (Добропільський р-н), Свиридівка (Красноармійський р-н), міст Слов'яногірська і Димитрова, ділянку непридатної землі біля села Новожеланне Красноармійського р-ну. В

українську топонімію це ім'я потрапило і як гідронім-назва потоку в басейні річки Рось, п.п. Дніпра (м. Узин, Білоцерківського р-ну, Київської обл.) [24, с.488]. Виникло воно, очевидно, внаслідок метонімії: на потік було перенесено ім'я (у свою чергу похідне із конотативного топоніма) прилеглого селища чи земельної ділянки. У мікротопонімії Чернігівсько-Сумського Полісся вторинна топонімізація конотативних онімів Камчатка, Сахалін та Амур не відзначається.

У групу конотативних топонімів (топонімів-метафор) із значенням «далеке місце проживання», повторно відображених в неофіційній міській і сільській мікротопонімії, уже в ХІХ ст. увійшла народна назва островів у Білому морі і монастиря на одному з них - Соловки. Цю неофіційну назву має один із районів м. Донецька (колись тут була околиця старої Юзівки) і «куток» села Федорівки, Великоновоселківського р-ну, Донецької обл. Саме така ономасіологічна природа і мікротопоніма Соловки в населених пунктах Сумської області.

У цю ж групу передбачливо включаємо й ойконім **Марс**. Таку назву мають: селище в Калузькій області (відділення колгоспу «Прогрес»), хутір у Красносулинському р-ні, Ростовської обл. (під містом Гуково) і село у Лоевському р-ні, Гомельської обл. (утворили його переселенці в 20-ті роки нашого століття). Конотаційний ореол у астроніма **Марс** у перші десятиліття нашого століття був дещо іншим, ніж у наші дні. Це був час захоплення науково-фантастичними романами про Марс і марсіан: далекий Марс був, мабуть, найбільш популярною планетою сонячної системи, він притягав своїми загадковими каналами, можливістю життя на ньому розумних істот. Звідси і поява в астронімі **Марс** референтної конотації «щось дуже далеко, важко доступне», яка згодом була ним майже втрачена. У нашій «марсіанській» топонімії, очевидно, знайшов відображення короткий період існування в мові метафори, зв'язаної з назвою планети Марс. Можлива, звичайно, й інша етіологія у назви **Марс**. Мешканці села **Марс** в Шараганському р-ні Нижегородської області космічну назву свого села в наш час пояснюють інакше: «У кінці 20-х років, коли будувалось це село, хтось привіз сюди книгу Олексія Толстого «Аеліта», усім дуже сподобався цей роман, і нове село гуртом вирішили назвати Марсом на честь планети Марс і героїв твору О.Толстого» [11, с. 10]. Зараз важко судити, чи такими були справжні мотиви номінації цього

села. Цілком можливо, що відбулось пізніше переосмислення імені, процес деетіологізації якого (у зв'язку з втратою астронімом **Марс** нестійкої референтної конотації «далекий об'єкт, далеке місце») дозволив наступним поколінням мешканців по-новому мотивувати вибір назви. Цікаво, що появу топоніма **Марс** на Гомельщині стимулювало утворення цілої плеяди назв сусідніх сіл з подібними «космічними» іменами - **Венера** і **Козероги** (флексія множини виконує топонімоутворювальну функцію). Вони з'явилися як реакція на топонім **Марс**, коли ця назва уже втратила функцію номінації, зазнала деетіологізації⁵.

У групу конотативних топонімів (топонімічних метафор) із співзначенням «далеке місце» входило і слово **Сибір**. Значення «далеке місце» у цьому географічному імені вторинне, воно розвинулось із другого співзначення - «місце далекого заслання, каторги», з яким це власне ім'я часто зустрічається у російських письменників XIX-XX ст. (О.І. Герцена, О.М.Островського, М.С.Лескова, А.П. Чехова та ін.). Таке метафоричне значення топоніма **Сибір** відбилось в цілому ряді вторинних назв, напр., у найменуванні віддаленої частини коси, що виходить далеко в Чорне море близько Шаганського й Алібейського озер (між Дністром і Дунаєм). Цікаво, що інша (верхня) її частина іменується **Камчаткою** [19, с. 488, 495]. Назву **Сибір** мала й частина Качалинської станиці на Дону [9, с.292], виступала в ролі неофіційної назви села Миколаївки в колишній Криворізькій волості, Бахмутського повіту, Катеринославської губернії [18, с.51]. Можливо, такий мотив вторинної номінації був й у назві урочища **Сибірщина** біля села Пролетарське на Чернігівщині [25, с.225]. Можна припустити, що конотацію «віддалене місце» в місцевій говірці колись одержав також топонім **Абіссинія** (в картотечі Є.О. Черепанової відмічено, що це «найвіддаленіша» частина села Старі Яриловичі, Репкінського р-ну, Чернігівської області) і **Мурман** (стара назва узбережжя Баренцевого моря, де у 1915 р. був заснований Мурманськ «як кінцевий пункт залізниці до Північного Льодовитого океану») [12, с. 279].

Деякі географічні назви (**Вавілон**, **Голгофа**, **Йордан**) увійшли в нашу топонімію із біблійних міфів, пройшовши через «проміжні» стани конотативного власного імені чи географічного апелятива. Особливо складною була семантична історія назви столиці Вавілонського царства - **Вавілон**. Референтні конотації, що з'явилися

у ній в різні часи і розвинуті з них пізніше самостійні лексичні значення досить численні: «порок», «хаос», «безладдя», інакомовне найменування другого міста, негативно схарактеризованого автором (здебільшого Рима як центра католицизму, інколи з протиставленням Сірну); «осередок моральних пороків»; «яке-небудь місце, що характеризується багатомовністю, різноплеменністю»; «сукупність людей різних національностей», «багатолюдне місце»; «величезне місто»; «великий будинок, велика побудова»; «нагромадження чогось»; «зигзаг, звилина»; «заплутаний звилинами узор, візерунок»; «згиб річки, яру, дороги» та ін. **Вавілоном** називалося раніше на Русі креслення на білому гладкому камені (очевидно, через наявність на ньому покручених ліній). Як показує перелік значень і співзначень, їх поява пов'язана не лише з топонімом **Вавілон**, але й з біблійним хрононімом **Вавілонське стовпотворіння**, скороченим варіантом якого (словотворчим синонімом) здавна виступала форма **Вавілон**, тотожня топоніму **Вавілон**.

Нам відомі три випадки вторинної топонімізації власного імені **Вавілон** в російській топонімії. Перший з них: назва урочища в гирлі Дону, недалеко від його рукава Каланчі, поряд з урочищем Обухівкою. Воно нанесене на рукописну «Топографічну карту частини Азовського моря з гирлами річки Дону...», що зберігається в Центральному державному військово-історичному архіві (фонд ВУА, од. зб. 22 895). На рукаві Дону з назвою **Каланча** в XVII ст. знаходились споруджені турками-азовцями кріпосні башти, захоплені у 1695 р. у турок росіянами (на правому березі - Никоновська, на лівому - Сергіївська). Існування їх і визначило назву урочища. У говорах по річці Дон зафіксовано вживання апелятива **вавілони** (множина) із значенням «велика будівля» [22, вип. 4, с.8]. У значенні «великий будинок» слово **вавілон** записане на півночі - в вологодських діалектах («Што в здаком вавилоне жьть одной-то» [21, с.54]; що свідчить про широту самого семантичного процесу, що охоплює значний діалектний простір. Таким чином, в утворенні топоніма **Вавілон** на нижньому Дону міг брати участь конотативний топонім (при неповній деонімізації, коли конотативне співзначення повністю перейшло в нове денотативне, або лексичне, значення). Другий випадок: потік **Вавілон**, л.п. Москви (впадав у неї в XVIII ст. в районі Кримського моста) [10, с. 163]. Тут напрочується прямий зв'язок з діалектним географічним апелятивом

Вавілон «заворот річки, яра, дороги» (відмічається у воронезьких, псковських, брянських та ін. говірках; див.: [4, с.39; 17, с. 15; 20, с.32]. Зараз важко визначити, на базі якого співзначення в конотативному топонімі **Вавілон** розвинулось це нове значення омонімічного апелятива. Третій випадок: болото **Вавілон** в Устьянському р-ні Архангельської області [15, с.26]. Етимологія цієї назви нам неясна, але цілком можливо, що і в її основі лежить місцевий географічний термін.

У своєму листі автору статті Є.О. Черепанова додатково повідомила, що в передмісті Глухова (Сумська обл.) нею була записана неофіційна назва одного із «кутків» цього міста - **Шанхай**. Тут колись були побудовані довгі одноповерхові будинки барачного типу, які згодом були тісно заселені військовими і їх родинами. Як відомо, назва міста в Китаї, яке в минулому столітті мало вузькі вулички, забудовані мазанками і бамбуковими фанзами, в дореволюційній Росії набула смислової конотації «нагромадження халуп, заселених бідняками», а пізніше - «запущений (часто околичний) район міста, невпорядковане селище». Осередок зародження конотативного топоніма **Шанхай**, вірогідно, - Донбас, на шахтах якого до революції працювало багато робітників - китайців. Численні донбаські **Шанхай** спочатку були заселені китайською біднотою або ж у них переважали китайці. Саме вони могли бути переносниками назви свого міста, яке згодом в іншомовному середовищі перетворилось в конотативний онім. Далі відбулася повна деонімізація цього власного імені (змінився національний склад «шанхайв», втрапився зв'язок з китайським ойконімом, але їх характерні риси в усьому залишились колишніми). Почалась нова хвиля проникнення цього слова в топонімію - у вторинній топонімізації уже брав участь не онім з референтною конотацією, а розвинутий на його основі апелятив. Як неофіційна назва запущених, неупорядкованих «кутків» населених пунктів мікротопонім **Шанхай** досить широко відобразився в топонімії Донбасу (**Шанхай** є в Донецьку, в містах Донецької області Костянтинівці, Новогродівці та ін., поширились вони і в сільській мікротопонімії - таку назву має один із «кутків» села Улянівка, Красноармійського р-ну, Донецької обл.; є **Шанхай** і в місті Антрацит, Луганської обл.). Відомі **Шанхай** й за межами Донбасу, наприклад, на околиці Оренбурга і навіть на БАМі. Однак говорити про вторинну топонімізацію конотативного ойконіма

Шанхай в наш час уже не можна. Всі **Шанхайї** за межами Донбасу - це топонімізовані апелятиви (у тому числі й Шанхай у місті Глухові). Тому «шанхайська» мікротопонімія України і Росії (**Шанхайї** в Білорусії нам поки що невідомі) ономазіологічно неоднорідна. У ній можна виділити два шари: ранній - що виник завдяки вторинній топонімізації конотативного топоніма, коли зв'язок з денотатом - китайським населенням **Шанхайїв** був ще живий, і пізній - коли в утворенні нових топонімів став брати участь апелятив, що з'явився внаслідок повної деонімізації конотативного топоніма.

Закінчуючи розгляд географічних імен, що виникли на базі конотативних географічних назв, які зазнали вторинної топонімізації, слід зауважити, що цей тонкий і своєрідний шар східнослов'янської топонімії потребує дальшого вивчення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. - Спб., 1894 - 640 с.
2. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Сообщ. Н.Н. Оглоблин. - Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. - М., 1891, кн.3, отд. I, с. 5-18.
3. Дмитриев В. «Горе от ума» на свой лад. - Литературная Россия. - 1977.-28 февр.,с.14.
4. Дьякова В.И.,Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). - Материалы по русско-славянскому языкознанию. Лексика и грамматика в сопоставительном аспекте. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. - С.39-49.
5. Записки Отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки им. В.И. Ленина - Вып. 24. - М., 1961. - 439 с.
6. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI - начала XVII в.- Л.: Наука, 1975. - 351 с.
7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. - М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. - 842 с.
8. Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. - Л., 1934. - 93 с.
9. Миртов А.В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. - Ростов-на-Дону, 1929. - 415 с.
10. Москва. Энциклопедия. - М., 1980. - 688 с.
11. Неделя. - 1986. - 28 апреля (№ 1362). - С. 10.
12. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. - М.: Мысль, 1966. - 509 с.
13. Отин Е.С. Материалы к Словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении. - Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. -

С.3-ІЗ.

14. Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов. - Этимология. 1984.- М.: Наука, 1986.- С.186-191.
15. Печерских Т.А. Вторичные топонимы типа Камчатка. - Вопросы ономастики, Свердловск, 1974. -№ 8-9, с. 25-27.
16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. - М. : Наука, 1988. - 187 с.
17. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.3. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. - 177 с.
18. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т.2. Бахмутский уезд.- Екатеринослав, 1886. - 1102 с.
19. Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. - Одесса, 1853. - 552 с.
20. Словарь брянских говоров. Вып. 2. - Л., 1980. - 56 с.
21. Словарь вологодских говоров. А-Г. - Вологда, 1983. - 143 с.
22. Словарь русских народных говоров. Вып. 1. -М.; Л.: Наука, 1965. - 302 с.; Вып.4.- Л.: Наука, 1969. - 355 с.
23. Словарь топонимов Башкирской АССР. - Уфа, 1980.
24. Словник гідронімів України. - К. : Наук. думка, 1978. - 780 с.
25. Черепанова Е.А. Микропонимия Черниговско-Сумского Полесья. - Сумы, 1984. - 456 с.
26. Элиасов Л.Е. Словарь русских городов Забайкалья. - М. : Наука, 1980.-472 с.

* Лінгвістичні студії. Вип.2. - Донецьк: ДонДУ, 1996.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Подібні імена нерідко зустрічаються й в інших місцевостях. Так, серед мікротопонімів Ровенщини знаходимо аналогічні назви: **Америка** - куток села Здовиця (заселений приїжджими з Америки), **Варшава** - назва кількох кутків, де проживали поляки; **Вільно** - поле в селі Пескалів (належало переселенцям з Вільно); **Запоріжжя** - куток в селі Устенське Перше (тут жили переселенці з міста Запоріжжя) тощо [Пура Я.О. Походження назв територіальних мікрооб'єктів Ровенщини. т. 1. Рівне, с 66, 51, 70, 174-175].
- ² Див. про це детальніше: Земна "адреса" Едема, райського саду.- "За рубежом", № 51 (1432), 1987, с. 17 - 18 (переклад статті Дори Джейн Хемблін з газети "Смйтсоніан", Вашингтон).
- ³ Пор. ще зауваження С.П. Крашенинникова в "Описі землі Камчатки" (1875): "Самые камчатские казаки под именем Камчаткиразумеют токмо реку Камчатку с окрестными местами" [7, с.100].
- ⁴ Причину такої номінації вбачають в тому, що селище це "далеке". Спостерігаються й інші назви такого типу: височина **Сахалін** в Салаватському р-ні (село Ільтаєва), галявина **Сахалін** - в Янаульському р-ні (село Месягутово) [23. с. 127].

⁵ Цікаво, що власне ім'я **Марс** із значенням "щось далеке, недосяжне" іноді продовжує використовуватись і в сучасному розмовному мовленні: "...О, если бы кто-нибудь из живущих сейчас молодых граждан отдаленно представил себе, что для предыдущих поколений была заграница **!Марс!**" [Неделя, 1989. №37, с.20]. Сміслову конотацію "щось дуже далеке" розвиває назва тільки однієї із найближчих планет сонячної системи. У вище наведеному уривку **Марс** не можна замінити ніяким іншим астронімом (скажімо, **Меркурій** чи **Венера**), оскільки вони такої конотації не мають.

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ

(К ВОПРОСУ О ПЕРВИЧНОМ ЗВЕНЕ
В КОРРЕЛЯТИВНОЙ ПАРЕ

битюг // Битюг)

1

Одним из загадочных имен в гидронимии Дона является название его левого притока *Битюг*. В.А. Никонов справедливо отмечает, что «научное исследование гидронима не начиналось»¹. Научно не обоснована также и этимология омонимичного нарицательного имени, что затрудняет поиск топонимического этимона. Существующая в русском языке апеллативная параллель гидронима - название лошади-тяжеловоза - свидетельствует лишь о возможной связи между ними, ономаσιологическая природа которой еще неясна. Характер этой связи может быть двояким - в зависимости от того, как решится вопрос о первичном звене в коррелятивной паре *Битюг // битюг*. Это отношение, во-первых, может быть представлено как процесс апеллативации гидронима, т.е. *Битюг*₁ *битюг*₂. В данном случае неизбежно встанет вопрос не только об этимологии собственного имени, но и о его апеллативном «субстрате», несущем информацию о природных свойствах объекта (обозначим этот неизвестный нам апеллативный предшественник собственного имени как *битюг*_х). Именно так (только без учета звена *битюг*_х) объясняется происхождение нарицательного имени *битюг* в большинстве работ, прямо или косвенно затрагивающих данный вопрос².

С другой стороны, возникновение коррелятивной пары могло явиться и результатом топонимизации абсолютного апеллатива -

названия лошади-тяжеловоза (*битюг*₁, *Битюг*₂). Ср. аналогичные названия «анимального» ряда: *Жеребец*, *Конь-колодезь*, *Бахмут*, *Бык* и т.д. В этом случае решение ономастологической проблемы сводится к поиску удовлетворительной этимологии отмеченного перехода, а этимология апеллатива (*битюг*₁) вызывает лишь периферийный интерес, хотя и дает часто необходимую в подобных случаях дотопонимическую ретроспективу смыслового развития имени.

Оба возможных подхода к решению вопроса о первичном звене в коррелятивной паре *битюг* // *Битюг* будут подробно рассмотрены ниже. Альтернативный характер предложенных ниже этимологий вызван проблематичностью этимологического критерия: одинаковая вероятность реализации разнохарактерных причин, или топонимических ситуаций, не позволяет безоговорочно опереться на одно из этимологических решений, не оговаривая его возможностью иного подхода. Сначала излагается более вероятная, с точки зрения автора, этимология гидронима и апеллатива, а затем уже допускаемое им другое толкование. Дальнейшее изучение гидронима, возможно, устранил часто неизбежный на начальном этапе плюрализм этимологических выводов относительно происхождения собственного имени (как, впрочем, и нарицательного).

2

Самая ранняя фиксация гидронима *Битюг* относится к XIV в. - в тексте «Хождения» Пимена в Царьград в 1389 г.: *Таже мнѣхѡмъ и Черлѣный Ярѣ рѣкѣ, и Бѣтѣюкѣ рѣкѣ...*³ Ср. более поздние примеры: *О побіеніи татарѣ на Бѣтѣюкѣ* (1450 г.)⁴; *А ниже Икорца верст съ 60 пала въ Донѣ рѣка Бѣтѣюкѣ*⁵ и др. По памятникам наибольшее распространение получил вариант *Битюк* или *Бетюк* (соответственно форма прилагательного - *битюцкий*, ср. *Бетюцкая* вотчина - одна из откупных вотчин в южной части Воронежского края, существовавшая уже в 1615г.⁶ Эта форма - единственная в пространном описании долины р. Битюг, сделанном в 1685 г. И.Жолобовым.⁷ Однако уже с начала XVIII в. все чаще появляется вариант *Битюг*, в котором конечное *г* - результат гиперкорректного замещения в косвенных падежах конечного *к*: *Битюк* // *Битюга* и т.д., что в дальнейшем привело к орфографическому выравниванию и в форме именительного падежа. Ср.:...*послан на Битюк*, но: по реке *Битюгу* (1708 г.), до

Битюга, на *Битюге* и т. д.³ В «Походном журнале» Петра I (1696 г.) встречается вариант *Метюк*: речка *Метюк* (в журнале 1698-1699 гг. - *Битюк*)⁹.

В настоящее время общепринятой нормой считается написание гидронима в форме *Битюг* (соответствующее прилагательное - *битюжский*, ср. *Прибитюжский край*¹⁰).

Прежде чем перейти к рассмотрению названия, несколько слов о некоторых, на наш взгляд, существенных для номинации естественно-географических свойствах самого объекта. «В верхнем течении оба берега (Битюга. - *Е.О.*) имеют одинаковую высоту. От с. Мечетки до устья правый берег высокий и крутой, левый - более пологий и песчаный»¹¹. Крутизна правого берега - одна из наиболее характерных особенностей реки, и эту реалию могло отразить ее название. Гидроним *Битюк*, по-видимому, представляет собой один из фонетических вариантов широко распространенного в тюркских языках прилагательного со значением 'высокий', образованного «от глагольной основы *nādū-* // *биш-* // *бүју-* // *бүйү-* // *бейү-* // *беди-* путем прибавления к ней аффикса *-к*»¹². Особенно близки к нему архаичные формы *nādūk* // *bādūk* 'высокий, великий'¹³. На большую древность первой формы указывает и глухой начальный *л*, на месте которого современные тюркские языки имеют звонкий смычный (ср. еще соответствия *nāsh* // *bāsh* 'пять', *нош/бош* 'тело, туловище' и т. д.). Соответствие *д/м/й* внутри глагольной основы в тюркских языках свидетельствует о различной степени приближения их к фонетической структуре трехзвучного древнетюркского корня - с *д/м* вместо *й* в исторически более поздних образованиях. Все это говорит об архаичности формы гидронима *Битюк*. Создателями его могли быть, по-видимому, обитавшие на Дону в IV-X вв. племена, говорившие на древних диалектах болгарской группы языков. Хотя в фонетической структуре хазарского языка, как одного из представителей западнохуннской ветви тюркских языков, и отразилось свойственное им замещение *д/м/й* (ср. сохранившееся хазарское собственное имя *Буйук* <*nādūk*)¹⁴, однако в нем могла остаться частично обновленная древняя форма с переходом - через ряд промежуточных ступеней - глухого начального *л* в звонкий *б*, особенно, если этому сопутствовала какая-то смысловая дифференциация этих форм. Очень показательный в этом отношении пример приводит Н.А.Баскаков. «...Соответствие

p-z/c/d/m/ü, - пишет он, - характерно не только для разных групп языков, но и для хронологически различных слоев лексики одного и того же языка, ср., например, *айак* 'чаша' ('конечности', 'конец', 'нога' в других языках) и *адак* 'последний', 'последыш' - в алтайском языке (где чередуются *д - й*)¹⁵. Срединный звук *d/m* вместо позднейшего *й* мог быть отголоском древнеалтайского фонетического состояния корня (известно, что появившиеся в степях Восточной Европы кочевники, перенявшие впоследствии этноним *хазары*, по происхождению были алтайскими тюрками).

О древнетюркском этносе на берегах Битюга свидетельствуют и встречавшиеся в прошлом веке на прибитюжских курганах каменные бабы, относящиеся к языческой эпохе, так как «учение Магомета не терпит никаких изображений»¹⁶. Гидроним *Битюк* (*Бетюк*) стал известен славянам, по-видимому, до второй волны колонизации Подонья - в период, когда восточнославянские племена среднего Дона контактировали с хазарами¹⁷. «Судя по археологическим данным, - пишут исследовавшие вопрос о древнерусском населении Подонья археологи П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков, - в VIII-X вв., когда хазарам удалось подчинить своей власти ряд русских племен... передовые хазарские укрепления почти непосредственно примыкали к землям славян. В бассейне Дона хазарские поселения известны от верховьев Донца, где находится известное Салтовское городище, на восток к Осколу и далее в направлении Маяцкого городища, расположенного на Дону при впадении в него Тихой Сосны - приблизительно в 75 км к югу от г.Воронежа (...). На Дону замечательное Маяцкое городище следует считать самым северным из известных здесь больших укрепленных пунктов, принадлежащим хазарам»¹⁸. Таким образом, восприемниками хазарской гидронимии Подонья могли быть прежде всего северяне и, очевидно, вятичи, которые, по мнению А.А.Шахматова, заселяли верхний Дон¹⁹.

Гидроним *Битюк* не уникален. Один из главных истоков стекающей с Эльбруса реки Уллу-Хурзик (правого притока р.Уллу-Кам) носит название *Битюк-Тюбе*²⁰ (букв. 'высокая гора'). В связи с вышеизложенным заслуживает внимания наблюдение Г.К.Конкашпаева над употреблением в качестве номенклатурного термина казахского субстантивированного прилагательного *биик* 'высокий'. «Казахи, - отмечает он, - всякую возвышенность называют

бишк, независимо от ее размеров»²¹. Таким образом, можно сделать вывод об оронимической природе первичного собственного имени *Битюг*, которое затем, вследствие переноса по смежности, распространилось и на реку. О.Н.Трубачев в топонимии юга европейской части СССР приводит интересные факты более позднего отражения интересующего нас тюркского прилагательного - уже с замещением древних *d/m* на *й* и с семантическим сдвигом 'высокий' > 'большой': название пригорода г. Кишинева *Буюканы*, особенно любопытен гидроним *Бык* (приток нижнего Днестра) <*büyük* 'большой' (продукт «народной этимологии») и его пр. приток *Буюканский* - вторичное и третичное молдавское (-ан-) и славянское (-ск-) суффиксальное дооформление тюркской адъективной основы²². Выяснив этимологию и характер взаимоотношений первых двух элементов в формуле *битюг_x* > *Битюг_y* > *битюг_z*, остановимся на условиях перехода собственного имени в нарицательное - апеллативации гидронима. Как уже отмечалось, многие исследователи уверенно пишут о возможности такого перехода. Недостает только фактов, подкрепляющих эту гипотезу. Вопрос заключается в том, может ли какое-либо существо, обитающее вблизи или внутри данного географического объекта, получить имя этого объекта без соответствующего суффиксального дооформления его (ср. овца *битюцкая*, *донской* рыбак и т.д.). Примеров, подтверждающих такой ономаσιологический узус, немного, но все они имеют доказательную силу. Так, на севере А.Грандильевским отмечена «многоименность» рыбы семги - в зависимости от места ее улова: *двина* (двинская), *кандалакша* (кандалакская), *мезень* (мезенская), *печера* (печерская), *кола* (кольская), *поньгама* (поньгамская), *умба* (умбская)²³. В прошлом веке форель, вылавливаемая из реки Лошок, местными жителями аналогично именовалась *лошок*²⁴. Ср. еще название рыбы семейства карповых - *амур* (или *белый*, реже - *черный амур*), распространенной в реке Амуре и его притоках и т. д.

В антропонимии известны случаи возникновения прозвищ, точно повторяющих форму топонима. Ср., например, в памятниках ХУП-ХУШ вв.: Иван *Самара* (1637 г.), Ивашка *Сал* (1647 г.), Андрей *Охтирка* (1745 г.), Иван *Бахмут* (1785 г.) и т. д. Все эти вторые личные имена - абсолютные топонимы в антропонимической функции - характеризовали их владельцев относительно той местности, откуда

они родом или откуда они пришли на новое поселение. С течением времени, став «главным членом в наименовании лица»²⁵ и утратив причинную зависимость, они преобразовались в фамилии (ср. распространенные в Северном Приазовье современные фамилии *Кальмус*, *Еланчик*, *Янчур*, *Ингул* и т. д.) или пополнили именованное данным языком уже ничем не детерминированными словами-этикетками, выбор которых определяется только личным вкусом и модой.

Носителем такого суффиксально непереоформленного, абсолютного топонима в антропонимической функции в редких случаях может быть и целый коллектив переселенцев. Ср. хутор *Хопры* (параллельная форма - *Хоперский*) в б. Черкасском округе, на правом берегу Мертвого Донца (сейчас - железнодорожная станция *Хопры*), который был основан в 1740 г. казаками, выходцами из Новохоперской крепости - «с Хопра»²⁶. В перечне фамилий первых переселенцев антропоним *Хопер* не значится. Он возникает как общее прозвище хуторян, данное им жителями соседних поселений. В данном случае типизирующее значение формы множественного числа антропонима совпало с топонимической функцией окончания *-ы (-и)*. По-видимому, такого же происхождения и повторяющийся на Украине ойконим *Самары* (р1.): например, с. *Самары* - в Ратневском р-не Волинской обл., в Чернухинском и Шишацком р-нах Подтавской обл., с. *Самары - Ореховые* (*Самари-Орехові*) - в Ратневском р-не Волинской обл. Ср. личное имя *Самара* (Иван *Самара*²⁷); уличная кличка *Самарі*, распространенная в с. Воскресенка Великоновоселтовского р-на Донецкой обл. (ее носители, вероятно, имели предка, переселившегося с берегов близкой *Самары*, или *Самари*). Ср. еще с. *Кременчуки* в Красиловском р-не Хмельницкой обл. (<антропоним *Кременчук(и)* <ойконим *Кременчук*).

Архаичная форма прилагательного *бәдүк* отразилась и в тюркской антропонимии. В памятниках русского языка она встречается как имя крымских татар и ногайцев, языки которых в соответствующем апеллативе отразили замещение *d/m > ü* (ср. крымско-татарск. *буюк*, ногайск. *бийик*). Так, среди крымских татар, возвращенных великим князем московским послу Менгли-Гирея «Янчорю дувану с товарищи» в 1515 г., был и татарин *Бетюк*²⁸. Ср. еще: да, говорил государь, мне *Бетюка* (1516 г.); а с ним пристав мой

Бетюка (1516 г.); посылает царь к Ивану *Бетюку*; и соромотил его в том *Бетюка* (1518 г.)²⁹; да *Бетюком* зовут паробок мой (1516 г.)³⁰. *Битяк* - мурза Адрахманов назван в тексте 1542 г. в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» в числе «людей крымских», пришедших «на Рязанские места», «к Николе Заразскому»³¹. Несомненно, в тюркском антропониме - в период его «молодости» - отразилось одно из значений прилагательного *пáдүк* ('высокий', позже - 'большой'³²), а не омонимичный гидроним. Сложнее решить вопрос об ономазиологических истоках антропонима *Битюк* (*Битяг*), носителями которого являются донские казаки. Так, например, в одной из челобитных 1644 г. приводится полное имя «донского казака Оксенка Васильева сына *Битюкова*» (в другом месте - Оксенка *Битюков*)³³, позволяющее реконструировать имя его отца - Василий *Битюк*. Ср. еще: донской казак, «отступник и еретик» *Битягов*³⁴, Демьян *Битяговский* - в писцовой книге Алексинского у. Тульской губ. за 1684-1685 гг.³⁵ и др. Антропоним *Битюг* (*Битяг*) мог быть заимствован казаками от татар или ногайцев (тюркский этнический элемент, как известно, играл весьма существенную роль в жизни казачества) или же явился результатом отмеченной выше тенденции к антропонимизации абсолютных топонимов. Кроме того, он мог возникнуть из клички - как следствие переносного употребления апеллатива с пейоративным значением.³⁶

3

Допускаемый выше ономазиологический сдвиг *битюг*₁ > *Битюг*₂, помещает гидроним в «анимальный» ряд речных названий с непереоформленной апеллативной основой (*Жеребец*, *Бык*, *Бобр*, *Волк* и др.), точнее - в ту его разновидность, которая содержит названия со смысловой доминантой 'домашняя лошадь'. О возможной причине появления гидронимов типа *Конь* и их вторичных «синонимичных» распространителей нам уже приходилось писать раньше.³⁷ Сложившийся узус называния в бассейне Дона - использование наименований лошади в качестве речных названий как результат ложноэтимологического переосмысления славянами среднеиранского термина *сон* (*хон*) - мог совпасть с возникновением эндемичной породы домашней лошади в районе среднего Дона, в силу чего название этой

лошади закрепляется за самой рекой. Что же это была за лошадь и какие были основания назвать ее таким именем?

Принято считать, что битюг возник в конце XVIII в. в результате скрещения местной породы лошадей с голландскими жеребцами, присланными на Дон Петром I (впоследствии, после образования Хреновского завода, эта порода была улучшена путем скрещения с орловскими жеребцами)³⁸. Исчезнувшие сейчас битюги отличались высоким ростом - до 170 см в холке, т. е. приближались к самой высокой в XVIII в. упряжной лошади - неаполитанской (*consieri*), широко распространенной в этот период в России³⁹. Легенда об участии Петра I в выведении данной породы лошадей упряжного типа не подтверждается документально⁴⁰. Особенно показательно полное отсутствие в русской гиппологической литературе XVIII в. каких-либо упоминаний о голландских лошадях, якобы присланных Петром I на р. Битюг. Есть основания считать, что порода эта сложилась в данной местности задолго до Петровского времени, чему способствовали благоприятные природные условия Прибитюжья, главным образом его богатые пастбища. Именно здесь туземное население воспитало эту рослую лошадь тяжеловозного типа. Долина р. Битюг издавна, еще в эпоху бронзы, была «местом обитания оседлых земледельческо-скотоводческих племен»; это был район, охваченный «широкими межплеменными связями»⁴¹. «Благоприятные естественно-географические условия (леса и воды с обилием дичи и рыбы) в глубокой древности привлекали сюда людей, свидетельством чего являются многочисленные древние поселения и курганы»⁴². Памятники скифского времени сменяются здесь материальными остатками поселений оседлых племен Боршевской культуры (VI-VII веков нашей эры), а затем и славянских селищ домонгольской эпохи⁴³.

Как показывают археологические раскопки, уже в глубокой древности Прибитюжье было районом интенсивного земледелия и скотоводства и, что для нас особенно важно, «ни в одном районе лесостепи западных областей в эту эпоху (раннего железа. - *Е. О.*) лошадь не составляла такого высокого процента в стаде домашних животных», как здесь⁴⁴.

Вполне закономерно, что выращенная в пойме р. Битюг рослая тяжеловесная лошадь получила имя, являющееся по происхождению субстантивированной формой архаического тюркского

прилагательного, вначале выполнявшего роль дифференцирующего определения к общетюркскому слову *ат* 'лошадь' (ср. маньч. *тубічак* 'крупная лошадь из западных областей', <**толчак ат* 'арабская лошадь', туркм. *чѳ1 аті* букв. 'степная лошадь', т. е. зебра; в памятниках древнетюркского письма: *тосун* 'норовистая молодая лошадь' <**тосун ат*, ср. *тосун* 'упрямый, норовистый'⁴⁵; *яз ат* букв. 'пегий конь' - у Махмута Кашгарского⁴⁶ и т. д. Тюркские языки изобилуют названиями лошадей, в основу которых положены их внешние признаки. Часть этих названий распространена повсеместно, другие представляют собой слабо распространенные локальные образования. Именно таким местным гиппологическим термином, по видимому, было слово *битюк*, заимствованное позже славянами, еще в домонгольскую эпоху соседствовавшими на среднем Дону со скотоводческими тюркскими племенами⁴⁷. Не исключено, что на протяжении какого-то времени это тюркское прилагательное - название возникшей в данном районе высокорослой породы лошадей - имело прозрачный смысл для двуязычных индивидов.

Легший в основу номинации внешний признак битюков - их высокий рост - мог сыграть дифференцирующую роль на фоне невысоких тарпанов - широко распространенных вплоть до XVIII в. в донских степях диких лошадей (примерно 1,35 м высоты). Малорослые и средние по росту лошади (от 128 до 144 см), судя по остеологическому материалу, относящемуся к скифо-сарматской эпохе, были преобладающим типом лошадей «не только для Северного Причерноморья... но и для многих других территорий Восточной Европы как в раннем железном веке, так и в средневековье»⁴⁸. Напротив, «лошадь из славянских городищ (верхнего и среднего Дона. - Е.О.) в среднем крупнее, метаподии и, особенно, фаланги пальцев у нее длиннее, что указывает на ее большую длинноноготь»⁴⁹.

Таким образом, в ситуации *битюг₁* > *Битюг₂*, возникновение омонимичного гидронима следует рассматривать как частное проявление сложившейся в результате более ранних славяно-скифских языковых контактов ономаσιологической тенденции к наименованию водных объектов словом *Конь* (из среднеиранского *kon* 'колодец; небольшая водная артерия') и его синонимичными распространителями.

Это второе этимологическое решение вопроса о первичном

звене в коррелятивной паре *битюг*//*Битюг* представляется нам менее вероятным, чем изложенное вначале, но допущение такого развития на данном этапе изучения гидронима не может быть полностью исключено. Поэтому оно рассматривается нами лишь в качестве «запасной» рабочей гипотезы, судьбу которой определяют дальнейшие разыскания⁵⁰.

4

В заключение заметим, что в ряде работ прошлого и начала нашего века содержатся попытки найти топонимический этимон названия *Битюг*, но основываются они на случайных звуковых сближениях с некоторыми омонимичными или паронимичными словами тюркских языков. Так, А. Щекатов производил гидроним от соответствующего «ногайского слова *бэтэк*» - «письмо», «написанное», «надпись»⁵¹; В. Михалевич полагал, что *Битюк* - «название татарское, в русском переводе - «вошь»»⁵²; А. Орлов рассматривал гидроним в одном ряду с названиями, имеющими исходы *-га* и *-г* (*Выг, Юг, Кичуг, Буг, Свага, Идолга* и др.), не замечая их гетерогенного характера⁵³. Все эти толкования не имеют научного значения и вызывают интерес лишь как ранние подступы к раскрытию этимологии гидронима.

* Этимология. 1970.- М.: Наука, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 56.

² Ср.: «Свои имя *битюги* получили от реки *Битюг*» (Ф.Унтербергер. Известия из внутренних губерний России, преимущественно для любителей лошадей. Дерпт, 1854, стр. 97); «*Битюкские* лошади разведены Петром Великим по реке *Битюку*, от которой они и получили название» («Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния». Сост. В.Михалевич. СПб., 1862, стр. 222); «*Битюки* или *битюги* получили свое название от реки *Битюга*...» (Лошади (конские породы), д-ра Леонида Симонова и Ивана Мердера. Париж, 1895, стр. 72). На отгидронимическое происхождение наименования лошади указывают Даль (I², стр. 90), Горяев (стр. 18), Преображенский (стр. 27). Этой же точки зрения придерживаются Фасмер (I, стр. 169) и Н.М.Шанский («Этимологический словарь русского языка», т.1, вып.2. М., 1965, стр. 126).

³ «Хождение Пименово во Царьград». - «Записки имп. Русского географического общества», кн. VI, 1852, стр. 61.

⁴ «Полное собрание русских летописей», т. VIII. Воскресенская летопись по списку XVI в. СПб., 1859, стр. 123. В этом же списке отмечена форма ковенного падежа - на *Бетюковѣ рѣцѣ*, свидетельствующая о

существовании в XVI в. также основы с суффиксальным распространением *-ов-* (если только здесь не флексия *-овѣ*, проникшая из другого типа склонения).

⁵ «Книга Большому Чертежу», изд. 2. СПб., 1838, стр. 47.

⁶ Вейсберг Л.Б. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии, вып. 1 (XVI-XVIII вв.). Воронеж, 1890, стр. 31.

⁷ ЦГАДА, ф. 210, Дела разных городов, ед. хр. 68, л. 75-121.

⁸ Сб. документов «Булавиное восстание». М., 1935, стр. 190, 191, 310 и др.

⁹ См.: «Походный журнал 1699 г.» СПб., 1853, стр. 2; «Походный журнал 1698-1699 гг.». СПб., 1910, стр. 2. - Не сохранился ли след этого производительного варианта в этнографизме *митюк* 'войлочный потник у донских казаков'? (см.: В. Броневский. Описание донской земли, ч. III-IV. СПб., 1834, стр. 177; Даль II, стр. 330).

¹⁰ «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный)». Воронеж, 1921, стр. 32. - Следует учесть и морфологическое варьирование основ прилагательных, образованных от гидронима и апеллатива. С одной стороны, *Битюцкий* // *Битюжский*, с другой - *битюговый* - *битюжий* // *битюковый* - *битючий* (у В. Маяковского).

¹¹ Самохин А.Ф. Река Дон и ее притоки. Ростов, 1958, стр. 66. См. еще: «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния». Сост. В. Михалевич. СПб., 1862, стр. 32.

¹² Исхаков Ф.Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. - «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 224.

¹³ См.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 1623; С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, стр. 369. Здесь же приводятся и другие суффиксальные распространения корня *бәдү-* 'возвышаться', 'увеличиваться', 'подниматься': *бәдүжлүк* 'величие', *бәдүт* 'возвышать' и т. д.

¹⁴ В настоящее время форма интересующего нас прилагательного с *д* сохраняется лишь в восточной ветви тюркских языков. Ср. тувинск. *бедик* (с озвонченным начальным *п*) в значении 'высокий'. Частичная консервация древнетюркского звукового облика гидронима (отсутствие замещения *д/т* > *й* при позднейшем озвончении начального *п*), по-видимому, вызвана, с одной стороны, известной автономией собственного имени по отношению к звуковым процессам в апеллативной лексике, а с другой стороны - все же возможностью непоследовательного и частичного отражения в ономастике этих перем.

¹⁵ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 152.

¹⁶ «Дон и его притоки». Воронеж, 1891 г., стр. 66 (перевод Л.Б.Вейсберга фрагментов книги И. Штукенберга «Hydrographie des Russischen Reiches»).

¹⁷ Корнилов Г.Е. допускает древнебулгарское происхождение таких гидронимов, как *Савала* (*Савал*, *Сувола*) и *Ворона* (оба в бассейне р.Хопер). Последнее название, по его мнению, «может быть результатом контактации древнерусской формы от **vorna* с болг. **варан* (чуннск. *вар*, чуваш. *вар*, *вазан*) 'долина, река, дол' (Корнилов Г.Е. Т'ил'э орман - Лисий лес. - «Изучение географических названий». - «Вопросы географии», сб. 70.

- М., 1966, стр. 163.
- ¹⁸ Ефименко П.П. и Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. М.-Л., 1948, стр. 7.
- ¹⁹ Шахматов А.А. Южные поселения вятичей. - «Изв. Академии наук», 1907, стр. 715 сл.
- ²⁰ Буш Н.А. Ледники Западного Кавказа. - «Записки имп. Русского географического общества по общей географии», т. XXXII, №4. СПб., 1905, стр. 90.
- ²¹ Конкашпаев Г.К. Казахские народные географические термины. - «Изв. АН Казах. ССР», № 99. Серия географическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 10.
- ²² Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 194 и 250.
- ²³ Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. - Сб. ОРЯС, т. LXXXI11, № 5, СПб., 1907, стр. 267.
- ²⁴ Минх А.Н. Замедведицкий край до р. Карамыша. - «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. 1, вып. 3. 1889, стр. 279.
- ²⁵ Сими́на Г.Я. Фами́лия и прозвище.-«Ономастика». М. 1969, стр.30.
- ²⁶ Сулин И. Материалы к истории заселения Черкасского округа. Сборник Областного Войска Донского статистического комитета, вып. 8. Новочеркасск, 1908, стр. 197.
- ²⁷ «Донские дела», 1. СПб., 1893, стр. 551, 1637 г.
- ²⁸ «Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией», т. 2, СПб., 1895, стр. 220.
- ²⁹ Там же, т. 1. СПб., 1894, стр. 270, 273, 275.
- ³⁰ Там же, т. 2, стр. 301.
- ³¹ «Полное собрание русских летописей», т. XXIX. М., 1965, стр. 43. Это же лицо упоминается и в Александрово-Невской летописи (Там же, стр. 143). См.: Исаков Ф.Г. Указ, соч., стр. 218-219.
- ³² «Донские дела», кн. 2. СПб., 1906, стр. 598, 601.
- ³⁴ См.: «История или Повествование о донских казаках, собранная и доставленная чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана». - «Чтения ОИДР», № 4. М., 1846, стр. 136.
- ³⁵ «Труды Тульской ученой архивной комиссии», т. 1. Тула 1915 стр. 459.
- ³⁶ Такое употребление слова *битюг* (*битюк*) для обозначения угрюмого, неповоротливого или апатичного человека фиксируется в русских говорах (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 2. М.-Л., 1966 стр. 303). Ср. аналогичное употребление (в рязанских и др. говорах) слова *аргамак* (по отношению к женщине - *аргамачиха*), приведшее к появлению фамилии *Аргамачовы* (М. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. - «Чтения ОИДР», № 3, М., 1846, стр. 38).
- Редким случаем ономастической иррадиации следует признать название бота «Битюг», участвовавшего в боевых действиях русского флота против турок на Черном море (см. об этом в ордере князя Прозоровского капитану Карташеву от 5 апреля 1777 г., опубли. в кн.: Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма и донесения, т. 1. СПб., 1885, стр. 531). О том, что перед нами перенос гидронима на созданный руками человека предмет, но не апеллатива с переносным значением 'сильное, выносливое

существо', свидетельствуют другие названия кораблей, адекватные соответствующим гидронимам: бот «Миус» (Там же, стр. 613), пактбот «Битюг», бот «Хопер», бот «Елан» (Там же, т. IV, стр. 632, 692-693), пактбот «Хопер» (Там же, т. II, стр. 690) и др., отразившие донской период строительства русского военно-морского флота при Петре I.

³⁷ См.: Отин Е.С. К этимологии названий некоторых рек «анималистского» происхождения. - «Повідомлення Української ономастичної комісії», вып. 2. Київ, 1967, стр. 13-27.

³⁸ См.: Лошади (Конские породы), д-ра Л. Симонова и И. Мердера, стр. 72; «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный)», стр. 30; П. Н. Кулешов. Рабочая лошадь. М., 1926, стр. 13; БСЭ, изд. 2, т. 5, стр. 263.

³⁹ Витт В.О. Из истории русского коннозаводства. М., 1952, стр. 12.- Позднейшие скрещения битюков с другими тяжеловесными породами привели к их полному исчезновению. Уже в XIX в. под именем *битюков* (*битюгов*) были известны «только более облагороженные формы обыкновенной крестьянской породы: они рослее, голова у них суше, шея длиннее» и т. д. («Конская перепись 1882 года». СПб., 1884, стр. 22). В настоящее время словом *битюг* часто называют лошадей любых тяжеловесных пород. Ср. в современной хорrespондентии из Канады: По узкой просеке движутся подводы с запряженными в них парами *битюгами* («Правда», 30 марта 1969 г.).

⁴⁰ Придорогин М.И. Конские породы. М., 1928, стр. 236.

⁴¹ Корнюшин Г.И. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). В кн.: П. Д. Либеров. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 188.

⁴² Там же, стр. 174.

⁴³ Там же, стр. 189; П.Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (схема расположения памятников скифского времени в бассейне среднего Дона по сведениям на 1963 год).

⁴⁴ Либеров П.Д. Памятники скифского времени..., стр. 33. - Очень примечательна в этом отношении приведенная на стр. 34 сводная таблица остеологического материала с городищ и поселений: после костей крупного рогатого скота второе место по числу находок занимают кости лошади.

⁴⁵ Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. - «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 83, 86.

⁴⁶ Ср.: *taz at tovarçy bolmas* 'пегий конь не годится для перевозки грузов' (В. Atalay. Divanü lugat-î-türk, III, Ankara, 1943, стр. 149).

⁴⁷ Общеизвестна роль тюркско-монгольского элемента в формировании русской коневодческой терминологии. Ср.: *бахмат* || *пахмат* || *бахмут* || *пахмут*; *жерин* < монг. *морь*, др.-монг. *morin*, калм. *mörin* 'конь' (см.: Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 209); *кляча* < др. -тюрк. *ikilach* 'быстроходная лошадь' (Щербак А.М. Указ, соч., стр. 86; здесь же возражение против этимологии А. Преображенского - из др.-русс. *клячати* 'падать на колени') и др. Ср. еще тюркские по происхождению названия конских мастей *каурый*, *буланый* и др., которых в прошлом было еще больше. Так, в одном из реестров 1749 г. мы находим неизвестные теперь обозначения: «отняли трех добрых коней, один шерсти сивой, второй *чактань*, третий *чаптань кашка*» (Эварницкий

Д.И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб., 1886, стр. 33). Особенно много тюркизмов еще в прошлом веке отмечалось в языке конских барышников.

⁴⁸ Цалкин В.И. Фауна Танаиса. - «Античные древности Подонья-Приазовья». М., 1969, стр. 282; см.: Он же. Домашние и дикие животные Северного Приазовья в эпоху раннего железа. - МИА, № 53, 1960.

⁴⁹ Громова В.И. Остатки млекопитающих в раннеславянских городищах вблизи г. Воронежа (статья опубликована в качестве приложения в кн.: П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.- Л., 1948, стр. 119).

⁵⁰ Так, возможна и другая ономазиологическая ретроспектива топонима

Битюк:

гидроним

Битюг

этноним

битюг

битюг (универбиализировавшееся название коня)

апеллятивная
стадия слова

битюг (из терминологизировавшегося словосочетания *бѣдѣк/пѣдѣк + ат*) *битюг* (из *бѣдѣк/пѣдѣк* 'высокий, рослый')

В этой схеме новым является этнонимическое звено в развитии имени. Известно, что родо-племенные тюркские названия нередко возникали от названий коней, от их масти по признаку 'орда, имеющая коней той или иной масти' и т. д. (А. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949, стр. 33). Поэтому гидроним *Битюг* мог возникнуть как следствие переноса на реку соответствующего этнонима (иррадиации этнонима).

⁵¹ См.: «Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. Составлен по Географическому словарю Российского государства, изданному Львом Максимовичем и Афанасием Щекатовым». Тамбов, 1902, стр. 1.

⁵² «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния», сост. В. Михалевич, стр. 32. Тюркизм *битюк* (*битюок*) 'вошь' известен и в некоторых русских говорах (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 2. М.-Л., 1966, стр. 299, 303).

⁵³ Орлов А. Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907, с. 6.

После государственного экзамена. ДонГУ, 1997 г.

После лекции. Донецкий университет, 1997 г.

ТОПОНИМИЯ ПОЛЯ КУЛИКОВА

Битва русских дружин с полчищами Мамаю произошла в сентябре 1380 года в месте слияния с Доном его правого притока Непрядвы, которое называлось полем Куликовым. Оно находилось у слабо заселенных «рязанских пределов» русских земель, естественной границей которых служило верхнее течение Дона. Его левый берег принадлежал Рязанскому княжеству, а на правом уже начинались владения золотоордынских ханов.

Основная часть русских окраинных поселений в этот период находилась к востоку от верхнего Дона - от устья Воронежа до берегов Хопра с его правым притоком Великой Вороной (так называемый Червлень, или Черлenny, Яр), где уже приблизительно с 1360 года отмечается несение караульной службы русскими «сторожами». Однако и верхнее правобережное Подонье было издавна знакомо славянам, имевшим здесь еще до татаро-монгольского нашествия свои поселения. Игнатий Смолянин, составивший описание «хождения» митрополита Пимена в Царьград в 1389-1405 годах, отмечая полное запустение территории по верхнему Дону, в то же время обнаружил здесь и развалины городищ. Сам перечень встречающихся в «хождении» топонимов, относящихся к Дону, убедительно подтверждает вывод И.Д. Беляева о том, что «в степях в это время были уже постоянные стражи, хорошо знакомые с топографией степей, знавшие местность вдоль и поперек и, вероятно, жившие там в разных укреплениях и притинах» (И.Д.Беляев. О географических сведениях в древней России). Кроме Дона, здесь указаны такие географические названия, как *Меча, Сосна, Острая Лука, Кривой (Кривый) Бор, Чуры Михайловы, Воронеж, Тихая Сосна, Черлenny Яр, Беток, Похорь (Похор)*, то есть *Хопер, Медведица, Горы Высокия река, Белый Яр река, Великая Лука* и *Бузулук* - всего 15 топонимов. Памятники, повествующие о Мамаевом побоище,

дополняют этот список за счет таких имен, как *поле Куликово, поле за Доном, Непрядва, Быстрая Сосна, Мамаева, или Ордынская, земля, Гусиный брод* и других.

Рассматривая топонимию поля Куликова, следует иметь в виду неоднородность повествующих о ней источников, обусловившую и некоторые различия в составе географических названий. О битве 1380 года мы черпаем сведения как из летописей, засвидетельствовавших реальную топонимию места битвы, так и из литературно обработанных летописных сведений и народных преданий - целого цикла повестей о Куликовской битве, среди которых особое место занимают многочисленные списки «Задонщины». В последнем случае перед нами выступает уже особым образом организованная поэтическая топонимия художественного текста, не всегда совпадающая с ее реальной основой. «Первоначально краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами, - писал академик М.Н. Тихомиров, - позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями, и за их цветистой внешностью не всегда легко увидеть истину, даже представить себе с полной ясностью настоящий ход событий, связанных с битвой 1380 г.» (Повести о Куликовской битве. М., 1959).

ДОН-ДУНАЙ

В некоторых списках «Задонщины» поэтическим эквивалентом Дона выступает *Дунай*. Например, в описании утра перед битвой в «распространенной» редакции «Сказания» Софония Рязанца по списку XVII века: «И снимался полки ратных на рекѣ *Дунае* великаго князя до царя *Мамаея...*». Или еще в списке по изданию Ундольского, включенном Ф.Буслаевым в его хрестоматию: «К славному граду *Москве* съѣхался вси князи руские, а ркутъ таково слово: *у Дунае* стоять татарова поганые, а *Мамай* царь на рѣки на *Мечи...*»; «*Не турн възгремѣн у Дунаю* великаго на полѣ *Куликовѣ...*» и т.д. Примечательно, что в этом же тексте рядом с *Дунаем великим* говорится и о *великом* или *быстром Доне*.: «Грозно бо и жалостно, врате, в то время посмотрели, иже лежат трупн крестьянские *у Дунае великаго* на *брезѣ*, и *Дон* рѣка три дни кровию текла». Дунай-Дон встречается и в тексте «Повести о Мамаевом побоище» по Лондонскому списку

Вологодско-Пермской летописи.

Отмеченная особенность связана с тем, что *Дунай* в славянском фольклоре и диалектной речи славян нередко выступает как обозначение всякой реки или больших разливов воды. Такова функция топонима *Дунай* и в плаче Ярославны в «Слове о полку Игореве» - «Полечю, рече, зегзицею по *Дунаю*, омочу безрянть рукавъ в *Клялъ рѣцѣ*» - и, что особенно интересно, в песнях донских казаков, где *Дон* нередко заменяется *Дунаем*, иногда даже в сочетании с постоянным эпитетом *тихий*. Сравним начало песни: «Близко *Дона*, близко *Дона*, Близко *тихого Дуная*. Ой ли, ой ли, ой люли. Близко *тихого Дуная* Молодец-казак гуляет»; «*Дунай, Дунай*, быстрая река! Ты, бывало, *Дунай*, быстрехонек течешь, А теперь ты стал смутехонек!». *Дунай* проникает и в традиционные зачины казачьих песен, где отмечаются разнообразные варианты этого слова - *Вздунай, Раздунай, Гор-Дунай, Дунай-най-най* и т.д. Эти факты свидетельствуют о преемственности и устойчивости данной народно-поэтической традиции, уходящей в глубину веков.

«ЗА ДОНОМ»

Во многих памятниках неоднократно встречается это описательное выражение, обозначающее местность на правом берегу Дона. Здесь, «За Доном» или «в поле за Доном» стоят татары перед битвой; московский князь Дмитрий, принимая окончательное решение дать бой татарам за рекой, «вѣннде... в землю нх за *Дон*», тем самым отрезав себе путь к отступлению. Здесь была уже вражеская земля, которая в разных памятниках именуется еще «Мамаевой землей», «ордынскими землями», «татарскими полями», «полем чистым» или «полем за Доном».

Описательный топоним «За Доном» лежит в основе собственного имени *Задонщина*. Вначале оно возникло как название отрезка времени и связанного с ним события (хрононим). В такой функции оно выступает в раннем - Кириллобелозерском списке повести Софония Рязанца (1470 г.), где после текста самого памятника следует вереница сообщений о позднейших событиях и при этом за точку отсчета принимается *Задонщина*, то есть победа русских над Мамаем в 1380 году. Наряду со словом *Задонщина* здесь употребляются и другие

аналогичные образования - *Мамаевщина* (в тексте - *Мамаевчина*), *Тахтамышевщина*.

В летописях зарегистрирован и другой хроним, по форме тождественный *Задонщине*, - *Суздальщина*. В 1445 году произошел «суздальский бой» великого князя Василия Васильевича с татарами, закончившийся поражением русских, пленением князя, пожаром Москвы. В Вологодско-Пермской летописи мы читаем: «Того же лѣта заложи Володимеръ Ховрин на Москвѣ на своемъ дворѣ церковь каменѹ Воздвижение честнаго креста на мѣсте первыя церкви каменныя же, что палася (разрушилась) в пожар по Суздалицинѣ» (Полное собрание русских летописей. М. - Л., 1959).

Уже в прошлом веке в работах русских литературоведов собственное имя *Задонщина* стало употребляться в ином значении. «Этот термин был усвоен исследователями для обозначения... памятника (сочинения Софония Рязанца по списку 1470 г. - *Е.О.*), по содержанию и по форме отличающегося вполне от пространной повести о Мамаевом Побоище, которую они называли *Поведанием*», - писал по этому поводу С. Шамбинаго (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1906). Название это употреблялось неоднозначно и неупорядоченно. В.Н. Перетц именовал так летописную повесть о Мамаевом побоище, В.П. Адрианова-Перетц - восстановленную ею на основании различных списков первичную редакцию памятника. П.К.Симони распространял его на все списки XV-XVIII столетия (отсюда и форма множественного числа - *Задонщины*). Вовсе отказался от него С.Шамбинаго, который «писание Софонии» называл «*Поведанием*», основываясь на начальных строках его текста: «Дѹдчи бо нам, братія, начати повѣдати иными словесы».

Слово *Задонщина* известно и как топоним. Такое имя получила деревня на правом берегу Дона вблизи устья Непрядвы (П. Кеппен. Города и селения Тульской губернии в 1857 году. СПб., 1858). По своему происхождению оно не связано ни с одним из рассмотренных значений этого слова. Географическое имя *Задонщина* содержит в себе суффикс - *щина*, присоединяемый к основам нарицательных существительных, топонимов или антропонимов. Примечательно, что недалеко от

Задонщины мы находим *Монастырщину*, *Хованщину*, а чуть дальше, возле города Епифани, - *Вадбольщину*.

Описательным названием местности *За Доном* (т.е. на левобережье Дона) в свое время были мотивированы названия города *Задонск* (ниже Быстрой Сосны, сейчас - в Липецкой обл.), слободы *Задонская*, название южной части бывшей Области войска донского по левую сторону Дона - *Задонье* и населенного пункта в Узловском районе Тульской области (находится слева от верховьев Дона), города *Северо-Задонск* в Тульской области (к северу от Задонья) и др.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Место битвы русских с татарами в летописных текстах именуется «полем чистым» в устье реки Непрядвы, например, в первой Новгородской, Львовской и Симеоновской летописях. Иногда оно как бы отграничивается от другого, гораздо более обширного степного пространства, находящегося за Доном, куда вступают полки московского князя. В Симеоновской летописи (по списку XVI века) это «поле чисто и велико зѣло». Именно к этой большой территории правобережья верхнего Дона, простирающейся на запад вплоть до бассейна Оки, и относилось в старину название *поле Куликово*. Согласно «Книге Большому чертежу» (1627 г.), «из Куликова поля» брали начало такие реки верхнего Поочья, как Упа, Снежедь, Иста, Солова и Плава (Плова), а их истоки приходятся на целых пять районов нынешней Тульской области - Воловский, Чернский, Арсеньевский, Щекинский и Тепло-Огаревский. По-видимому, отсюда когда-то начиналась и Быстрая Сосна, один из правых притоков верхнего Дона, о чем свидетельствует название речки *Куликов Ржавец* в верховье Сосны. В свою очередь, *Куликово поле* было частью огромного пространства за пределами русских княжеств, которое в старину называлось просто *Подем* или *Диким полем*.

*

О «величестве поля» во время Ивана IV, а также о Куликовом поле как части его и о южной границе последнего в верхнем Подонье (где-то севернее правого притока Дона - реки Мечи, за которой начинались уже «сарацинские» земли) говорится в «Истории о Казанском царстве» по списку XVII века: «Поле же то великое зело, конца мало ходячи до двѣ моря, на востокъ до Хвалынского, а полудни
16. 848

до Чернаго, на немъ же рустн гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людне живущи в них, имеюще селение и водворение, и за полѣ Куликово по Мечю реку, на оной же странѣ реки тоя тако же мнози срацыни, половци живяху, в вежах своих качующи» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1903). Поэтому сообщение о «тесноте» Куликова поля, которые мы находим в некоторых повестях Куликовского цикла, нельзя понимать буквально: противоборствующим войскам могло быть тесно лишь на том участке Куликова поля, где происходила сеча - в месте слияния Непрядвы с Доном. О том, что указание на тесноту Куликова поля не что иное, как художественный прием - гипербола, свидетельствует и несовпадение его размеров в разных редакциях «Сказания» по спискам XVI-XVII вв.: «меж Доном и Непрядвою», «меж Доном и Мечю» или даже неопределенно «меж Дону и межю дву рѣк». Или, например, в тексте «Задонщины»: «И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: Братня бояра и князи и дѣти боярские! То вам сужено мѣсто меж Доном и Непром на полѣ Куликове на речке Напрядѣ».

Куликово поле как территория, находящаяся в непосредственной близости от «рязанских мест», упоминается в летописях и позже - под 1542 годом, когда на нем были разбиты войска Сали-Гирея (Львовская летопись).

*

Итак, топоним *Куликово поле* употребляется для обозначения двух разновеликих объектов - обширного степного пространства между верхним Доном и Окой (части Дикого поля), например в «Книге Большому чертежу» (это значение сейчас утрачено), и какой-то ограниченной зоны этого степного пространства. Именно с таким значением употребляется топоним *Куликово поле* в повестях о Мамаевом побоище. Место битвы русских с татарами - это только одна из восточных окраин Куликова поля, названная его именем. Перед нами не что иное, как синекдоха - употребление названия целого вместо названия его части.

При дальнейшем заселении Куликова поля оно, распределяясь между отдельными населенными пунктами, постепенно перестает восприниматься как большое, нерасчлененное пространство. Каждый населенный пункт получал какую-то часть «своего» Куликова поля, что, например, видно из начальных слов межевого описания 1610 года,

найденного в прошлом веке среди старинных крепостных столбцов: «*Межа города Богородицкого Куликову полю...*» (Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844).

Что касается происхождения названия *Куликово поле*, то его принято связывать с обилием болотной дичи в данной местности, в частности куликов. Однако не менее вероятна связь его с личным именем или прозвищем *Кулик*. Аналогичным образом названия таких «концов» города Данкова в прошлом веке, как *Орлова степь* или *Гусева поляна*, или же переправы через Дон - *Гусин брод*, возле которой стоял Мамай накануне битвы, ожидая войска литовского князя Ягайла и рязанского князя Олега, скорее всего отразили местную антропонимию, нежели фауну (*Орел, Гусь* но не *орел, гусь*).

Целый ряд населенных пунктов, возникших в поле Куликовом в процессе его заселения, получают свои названия от его имени. Только в том месте, где в 1380 году происходила битва русских с татарами, по данным карты-трехверстки Тульской губернии 1861 года, возникли населенные пункты *Куликово, Куликовка* (Телятинка) и *Куликова* (Шаховская).

НЕПРЯДВА

Название этой реки в летописях и в повестях Куликовского цикла представлено в различных звуковых и графических вариантах (Непрадва, Непрявда, Непрядня, Непрятва, Нипрява, Непрядна и др.), являющихся позднейшими искажениями первичной формы *Непрядва*, обычной в древнейших памятниках, например, в Новгородской первой, Новгородской четвертой, Воскресенской, Троицкой, Никоновской и других летописях и летописных сводах.

Относительно этимологии гидронима *Непрядва* было высказано несколько точек зрения. Одни, связывая его с глаголом *прядать* «прыгать», считали, что речка названа так потому, что ее «перескочить невозможно» (И. Афремов. Куликово поле. М., 1849), другие (например, М.И. Троицкий) пытались установить угрофинское происхождение этого гидронима и рассматривали его в одном ряду с другими неславянскими названиями, имеющими конечное *-ва*, которое восходит к такому же самостоятельному слову со значением «вода, река». М. Фасмер, вслед за А.И. Соболевским, форму *Непрядва* выводит

из *Непряды* (род. падеж *Непрядъве*), в свою очередь, родственной словам *прыдати* «прыгать», *прудъ* «течение» и *прудун* «водопад» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Специальные разыскания гидрониму *Непрядва* посвятили М.И. Альбрут и П.Я. Черных. Первый в статье «О происхождении названия реки Непрядвы», сближая *Непрядву* с такими речными именами, как *Домоткань*, *Самоткань* и *Прядівка* (укр.), видит в них отражение одной и той же особенности - наличия или отсутствия (*Не-прядва*) в их воде водной растительности (элементы *-ткань*, *-пряд-*). «Славяне, - пишет М.И. Альбрут, - с запада пришедшие в бассейн Верхнего Дона, дали речке Непрядве название, которое ее ярко характеризовало как реку с проточной водой, не покрывающуюся плесенью или тиной». П.Я. Черных отметил уязвимость гипотезы М.И. Альбрута (прежде всего с лингвистической стороны) в статье «О некоторых старых названиях рек». Сомнительно и утверждение М.И. Альбрута о славянском происхождении названий рек Днепровского бассейна - *Домоткань* и *Самоткань*, которые О.Н. Трубачевым трактуются как результат изменения в славянской речи более ранних иранских гидронимов (О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 207).

В работе П.Я. Черных мы находим интересные соображения относительно морфологической природы названия реки *Непрядвы*. Отрицательно относясь к гипотезе А.И. Соболевского (так как ни в памятниках, ни в живой речи не засвидетельствованы формы склонения предполагаемого им собственного имени *Непряды*, о котором уже говорилось), П.Я. Черных вслед за Г.А. Ильинским допускает, что в гидрониме когда-то был суффикс *-ва*, а сам он вначале представлял собой прилагательное женского рода.

*

Какое же лексическое значение могло иметь название реки до того, как оно превратилось в одно из «темных» слов нашей топонимии? Его корень *-пряд-* имел исчезнувший еще в доисторическую эпоху в живой речи восточных славян носовой звук *e*, который чередовался с *o* носовым. Эти звуки, а затем и развившиеся на их месте звуки *a* (с сохранением мягкости предшествующего согласного) и *y*, долгое время обозначались особыми буквами - соответственно «юсом малым» и «юсом большим». Славянские носовые звуки в наше время сохраняет польский язык. В древних и современных славянских языках имеется

целая группа слов, значения которых прямо или косвенно проливают свет на историю гидронима *Непрядва*. Например, *прудь* - «поток», *пружь* - «бороздка для воды в садах», *прудькый* - «стремительный» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.2. СПб., 1895); укр. *пруд* - «быстрое течение»; чеш. *proud*, словац. *prúd*, польск. *prąd* - «поток, течение», *prądać* «течь» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1971) и т. д. Несколько отдалена от них по смыслу материально родственная им группа слов, связанная с ними общим значением «пребывать в движении»: древнерусское *прядати* - «скакать» (И. И. Срезневский), старославянское *въспрянути* - «проснуться»; *прядать* - «прыгать, скакать», *перепрянуть* - «перепрыгнуть», *перепрядки* - «чехарда»: *играть в перепрядки* (Словарь русских донских говоров. Ростов. 1975); *отпрянуть* (из *от-пряднуть*) и др.

Корень *prąd* - пруд отразился и в славянской гидронимии, сравним польск. *Prądnik* (река под Краковом); в гидронимии Украины: *Прудник*-две реки с таким именем в бассейнах Западного Буга и Припяти; *Прудка* - название рукава Днепра, речки в бассейне Десны и протока в Черниговской области.

Итак, можно допустить, что слово *Непрядва* имело значение «спокойная, неспешная, тихая». Такою речка была и в недавнем прошлом. Место слияния ее с Доном, писал И. Афремов, отличается замечательно спорным (от спереть - стеснить, сдавить, сжать. - Е. О.) течением «от прямого угла впадения», тогда как Дон в своем верховье отличался быстрым течением (Топографическое описание Тульской губернии. - «Северный архив. Журнал истории, статистики и путешествий». 1823).

Вообще же этот признак [скорость течения] - один из тех, который находит частое отражение в названиях рек и других водотоков. На верхнем Дону это *Тихая* и *Быстрая Сосна* (на них Дмитрий Донской посылал своих ратников перед битвой «языка добывати»), *Тихий* (или *Малый*) *Усерд*. В «Книге Большому чертежу» река Меча названа еще *Быстрой Мечей*. Ниже *Непрядвы* в Дон впадает *Рыхотка* (в «Книге Большому чертежу» - *Рыхоть*), название которой содержит корень *рых-*, чередующийся с *рух-* (ср. древнерусск. *рухло*, *рухлядь* - «движимое имущество»; укр. *рух* - «движение», *рушити* - «двинуть[ся] с места»; польск. *ruch* - «движение» и *rychły* - «быстрый,

поспешный» и др.) и является смысловым «антиподом» *Непрядвы*.

МЕЧА

Пограничной рекой была *Меча*, правый приток Дона ниже *Непрядвы*. За Мечей начиналось уже поле Куликово, куда с опаской вступали татары. «И притѣкоша сѣрые воицы от устья Дону и Непра и ставши воють на рекѣ, хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю» - так образно повествует «Задонщина» об изготовившихся к нападению врагах. До Мечи преследовали русские разгромленных татар, выгнав их за пределы Куликова поля. Роль естественного рубежа выполняла эта речка и в XV - первой половине XVI века. В устье Мечи, у большого камня - Каменного Коня, была пристань, где «клялися въ судно» русские купцы и плыли в Дон и дальше к Азову. Однако к 1558 году Меча, по-видимому, утрачивает значение пограничной речки - сохранились сведения, что в это время она уже находилась «за 2 днища до крайны», то есть окраины русских земель.

Этимология названия *Меча* интересовала многих. Его связывали и с *мечом*, который якобы обронил Мамай в реку (типичная топонимическая легенда), и с глаголом *метать* (река мечется благодаря быстрому течению). Последнее объяснение в начале нашего века выдвинул Д.Б. Оболенский. Были попытки объяснить его и на основе удмуртского *мечь* - «крутой, обрывистый» (В.А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966). С этой точкой зрения соглашается В. Прохоров в заметке «Красивая Меча», опубликованной в «Литературной России» 17 декабря 1976 года. К мнению А.И. Соболевского, что гидроним произошел от слова *мечка* «медведица», скептически отнесся М. Фасмер. О связи *мечки* с *Мечей* писал и П.Я. Черных, ссылаясь также на нигде не засвидетельствованную форму *меча* в значении «медведица».

По происхождению *Меча* - субстантивированное прилагательное (*меча* - «медвежья»), относившееся к утраченному слову *река* (*Меча рѣка* > *Меча*). В южнославянских языках и в балканской топонимии эту форму можно встретить и сейчас. Интересно, что среди притоков Красивой Мечи, в районе города Ефремова, в прошлом веке была и речка *Медвежий Овраг*, название которой уже прямо, без расшифровки указывает на медведей, бывших обитателей здешних мест. Известно, что на Дону, в частности, в лесах по реке Медведице, медведи

были нередки даже в конце XVIII века. Водились они и в Шиповом лесу, расположенном на водоразделе между притоками Дона, Битюга и Осереды. Медведей на верхнем Дону в 1389 году часто встречали и спутники митрополита Пимена, о чем красочно повествует Игнатий Смолянин: «Бяше бо пустыня зѣло, не бѣ бо видѣти ни села, ни человека, токмо звѣри, лоси же и медведи и прочая звѣря» (Православный Палестинский сборник. СПб., 1887).

Донская *Меча* имеет своих «двойников» и на Оке. По данным каталога рек бассейна Оки Г.П. Смолицкой, в среднем правобережном Поочье (т.е. в районе, близком к верхнему Дону) имеются две реки с названием *Меча*. Примечательно, что почти рядом с одной из них (в бассейне Вожи) отмечены и другие гидронимы - *Медвежий* и *Другой Медвежий* (Гидронимия бассейна Оки. М., 1976). Перед нами один из многочисленных примеров перехода топонимического прилагательного в разряд существительных (субстантивации прилагательных). «Можно сказать, - писал по этому поводу В.А. Никонов, - что топонимия - огромный котел, в котором массажи и буквально на глазах субстантивируются прилагательные» (Введение в топонимику. М., 1965).

На Дону довольно много «медвежьих» рек, и встречаются они на всем его протяжении - от верховьев до беслесных маньчских степей, где имеются тюркские и калмыцкие названия балок в форме прилагательных - *Аюла* (*Юла*) и *Аюта* (первая - в бассейне Маныча, вторая - Тузлова), от тюркского *аю* - «медведь». Установлено, что в начале прошлого столетия медведи жили и в лесах у Ставрополя. Один из крупнейших левых притоков Дона носит имя *Медведица*. Конечно, наивно думать, что в его названии отразилось соответствующее нарицательное существительное. Этот гидроним не имел такого слова-предшественника и сразу сложился как собственное имя, расчленившись на основу *Медвед-* и суффикс *-ица*, который в восточнославянской топонимии издавна выполнял функцию «обозначения особенностей местности, преимущественно связанных с водой», и, кроме *Медведицы*, содержится в таких топонимах, как *Волчица*, *Лисица*, *Рыбица* и т.д.

В летописях и в повестях Куликовского цикла гидроним *Меча* употребляется еще без определения, но в «Книге Большому чертежу» уже зафиксирован составной топоним - *Быстрая Меча* (наряду с *Меча*). В материалах XIX века появляется название

Красивая Меча, ставшее широко известным благодаря «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Наряду с ним встречаются и *Красивая Мечь* и даже *Красивый Меч*.

Вполне вероятно, что определение *красивая* река получила не за живописность своих берегов, а позаимствовала его из названия какого-то одного из населенных пунктов, расположенных на ней. Дело в том, что такого рода оценочные имена более характерны для населенных мест, чем для рек. В конце 50-х годов прошлого века «красивых» поселений на Мече было несколько: сельцо *Красивая* (Пугасовка), деревня *Красивая*, еще одна *Красивая* деревня (Селиверстово, Сельвестрово), село *Красивое* (Ушаково) и дача *Красиво-Петровская* (Списки населенных пунктов Российской империи. Вып. XLIV. Тульск, губ. СПб., 1862).

В профессиональной речи рабочих металлургических заводов в прошлом веке бытовало слово *меча*. Означало оно «желтый глинистый известняк (мергель), весьма рыхлый», который шел «во флюс при доменной плавке» (Записки С.-Петербургского минералогического общества. Вторая серия. Часть первая, СПб., 1866). Возникло оно, вероятно, благодаря переходу собственного имени *Меча* в нарицательное. На склонах долины Красивой Мечи еще в начале нашего века почти повсюду для различных хозяйственных нужд производилась выемка известняка. Этот известняк по своим качествам мог совпадать с тем, который употреблялся при плавке чугуна. Перед нами та же разновидность перехода собственных имен в нарицательные, что и в случаях *Бахмутка* - левый приток Северного Донца > *бахмутка* - соль, добывавшаяся на берегах этой реки; *Амур* - река на Дальнем Востоке > *амур* - рыба, живущая в этой реке и т.д.

ЧУР МИХАЙЛОВ - ЧУРЫ МИХАЙЛОВЫ

«*На рѣцѣ на Чурѣ Михайловѣ*» поставил накануне битвы Дмитрий Донской свой дозор... В ряде летописных текстов этот гидроним представлен уже в измененном виде. Например, в Кириллобелозерском списке Вологодско-Пермской летописи: «*на рѣцѣ на Чюди на Михайлово*», в Чертковском списке этой же летописи - «*на Чюдо Михайлово*» и т.д.

Этот гидроним упоминается и в тексте «Хождения» митрополита Пимена (или Игнатия Смолянина), но только в форме

множественного числа. Но здесь это название урочища. Возможно, так же именовалось когда-то и поселение, о котором говорится тут же: «И въ второй день придохомъ до *Чуръ Михайловыхъ*, сице бо тамо нарицаемо есть мѣсто, нѣкогда бо тамо и градъ былъ бяше» (Патриаршья, или Никоновская, летопись). Форма множественного числа, скорее всего, вторичного происхождения: названия населенных мест, в основе которых лежат гидронимы, нередко отличаются от последних только окончанием множественного числа, которое в данном случае выступает как особое топонимообразующее средство.

Чур Михайлов или *Чуры Михайловы* находились где-то в верховье Дона, где он в XIV веке уже был судоходным. Об этом можно судить по тому, что именно здесь митрополит Пимен и его спутники продолжали свое путешествие в Царьград (1389) по Дону: «...влѣзше въ сѣды и поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ». До тех пор же они целых два дня, спустив свои суда на воду, тащили их волоком: «в четвертокъ же спустнша сѣды на реку на Донъ, и в 2 день придохомъ (пришли) до *Чур Михайловыхъ*. И только «в второй... день рѣчнаго плаванія» путешественники миновали реки Мечу и Быструю Сосну (Хождение Игнатия Смоленнина 1389-1405гг.). Следовательно, река и урочище *Чуры Михайловы* находились недалеко от Непрядвы.

Вполне убедительная этимология гидронима *Чур Михайлов* принадлежит К.В. Кудряшову, который возводил его к старинному слову *чур* - «рубеж», полагая, что *Чуры Михайловы* обозначали «южную границу владений князя Михаила Пронского» (Половецкая степь. М., 1948). Сравним еще фразеологический оборот *не знать чуру*, то есть «не знать меры, границы, предела», бытующий в речи донских казаков (Словарь русских донских говоров. Ростов, 1976), а также выражение-запрет - *чур меня!*

Зависимость названия *Чур(ы) Михайлов(ы)* от антропонима *Чур(а)* маловероятна. Он содержится в именах послов казанского хана к Ивану IV в 1539 и 1546 годах - *Чура Кадыев* и *Чура Нарьков*, а также в гидрониме *Чуров Яр*, принадлежащем бассейну Миуса, впадающего в Азовское море.

К.В. Кудряшов отождествлял *Чуры Михайловы* с рекой *Кочур*, впадающей в Дон выше города Данкова, то есть значительно ниже устья Непрядвы. Вполне возможно, что так назывался левый приток

Дона - река *Гранка*, название которой связано с русским диалектным словом *грань* - «граница земельных участков, межа», «пограничная, межевая заметка» (Словарь русских народных говоров. Л., 1972). До этой речки в верховье Дона, медленно идя по берегу, почти два дня волокли свои суда спутники Пимена, а отсюда за такое же время они доплыли по полноводному донскому руслу до самой Мечи. Трудно представить, что расстояние до реки Кочур, впадающей в Дон значительно ниже Непрядвы, путешественники смогли преодолеть пешком за такое же время, как и до Мечи. Кроме того, в пользу отождествления *Чура Михайлова* и *Гранки* говорит и полное совпадение исконных значений этих названий.

С пограничной рекой *Чур Михайлов* в восточнославянской гидронимии связан по смыслу целый ряд аналогичных имен. Это река *Крома*, левый приток Оки в ее верховье. Она тоже «находилась на самой южной окраине русского государства», у самого Поля, и «была своеобразной границей, на которой еще до постройки города Кромы (сейчас это поселок в Орловской области РСФСР) было городище, и на это городище регулярно высылались «сторожи» - наряды сторожевой службы из Карачева и из Орла» (Г. Смолицкая. Кромы. - «Советская Россия», 15 февраля 1979). На основе составного топонима *Крома Торская* или *Крома Торова* на реке Казенный Торец (бывший Тор или Большой Тор, левый приток Северского Донца) возник населенный пункт *Кроматоровка*, а затем и город *Краматорск* (Книга о Донбассе. Донецк, 1977). Сравните еще название реки *Межа* в бывшем Вольском уезде Смоленской губернии (на ней - деревня *Межа*, она же Перевоз).

Таким образом, *Чур Михайлов*, на котором стояли дозорные Дмитрия Донского, представлял собой одну из таких «межевых» или «пограничных» речек на русских (рязанских) левобережных землях верхнего Дона.

*Русская речь. 1980 г. - №№ 4 - 6.

Решение строить гавань и город на северном берегу Азовского моря между устьями Дона и реки Миус было принято Петром I в 1696 году, после завершения второго Азовского похода, в результате которого была взята у турок крепость Азов. Ее местоположение в мелководном устье Дона не понравилось Петру, и он стал искать более удобное место для нового фортификационного сооружения уже на морском побережье. Сохранилось свидетельство одного из активных участников Азовских походов контр-адмирала П. Гордона о том, что Петр 27 июля 1696 года предпринял поездку в рыбацкой лодке к пустынному мысу, глубоко вдающемуся в море (Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии). Название мыса уже было хорошо известно Петру и его спутникам: Гордон пишет о намеченном строительстве «города и гавани при *Таганроге*».

Древнейшее упоминание об интересующем нас географическом названии относится к XV веку, в одном из документов дипломатической переписки с Крымом, датированном 1489 годом, читаем: «на усть Миюша и на *Тайгане*», «на Миюше и на *Тайгане*» (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными). Эта первоначальная форма (без - *рог*) просуществовала до начала XVIII века. Ее мы встречаем, например, в «прелестном письме» соратника К. Булавина - атамана Н. Голого, отправленном в 1708 году в русские города, села и деревни: «пошел под Азов и под *Таган*» (Булавинское восстание. 1707-1708 гг.). В анонимном турецком трактате об османских крепостях на северном берегу Черного моря, составленном не позже начала второго десятилетия XVIII века, также приводится простая форма топонима - *Тыган* (*Тыган калеси*, то есть крепость *Тыган*) [Восточные источники

по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы]. Арабская запись топонима могла читаться двояко: *Тайган* и *Тыган*. Первый вариант прочтения отразился в цитированном выше документе 1489 года. *Тайган* и *Тыган* в русском языке изменились в *Таган*.

Первая часть топонима *Таганрог* восходит к тюркскому слову *таган* 'подставка для котла, треножник'; в старину на мысе была башня-маяк, на котором зажигался огонь. Следы его, по-видимому, сохранились на плане крепости, который был приложен к написанному на латинском языке дневнику И.Г. Корба, совершившего путешествие в Московию в 1698 г. (в период уже начавшегося строительства крепости Таганрог) в качестве секретаря посольства австрийского императора («цесаря») Леопольда I к Петру I. Восточнее трех небольших укреплений, составляющих единое фортификационное сооружение, у основания мыса, на стороне, обращенной к Азову, отмечена построенная турками «каменная башня, обнесенная земляной насыпью». Турки, как отмечает Корб, именовали ее Таганрогом. Разумеется, в речи турок топоним употреблялся без элемента *-рог*. На вершине этой башни, очевидно, стоял на тагане котел, в котором разжигался маячный огонь. Примечательно, что недалеко от Тагана в 1702 г. в устье Дона был сооружен другой маяк (считался первым в России), обеспечивавший безопасность плаванья русскому флоту. Здесь была построена башня, на вершине которой разжигали костер. И на других маяках России («холмах каменных» и деревянных башнях) в первой половине XVIII в. маячный огонь в металлических треножниках-жаровнях поддерживался путем сжигания дров и угля (в 30-е гг. XVIII в. такие треножники-жаровни стояли на Ростральных колоннах Петербургского порта). Об остатках такого маяка (тагана), давшего имя урочищу, и повествует в своих записках И.Г. Корб.

В своем современном виде - это уже вторичное, тюрко-славянское образование, сложная структура которого в наши дни уже не осознается говорящими. Но в XVIII веке данный топоним еще воспринимался как двусловное сочетание, вторую часть которого составлял славянский географический термин *рог* - «мыс». В косвенных падежах обе части его нередко получали самостоятельные окончания. В памятнике допетровской поры - отписке воронежского воеводы Василия Ромодановского об азовских и донских вестях от 24 июня 1642 года - мы находим одну из самых ранних фиксаций формирующегося

названия *Таганрог*, первая часть которого еще выступает в роли склоняемого приложения: к «*Тайгануругу*», «*Тойганрог*», «до *Тойгануругу*» (Русская историческая библиотека. Донские дела). Но уже в этот период обе части сливались в одно слово, о чем свидетельствуют факты употребления топонима с единственным окончанием, как например, в войсковой отписке о морском походе казаков на крымцев от 4 ноября 1646 года: «к *Таганрогу*» (Русская историческая библиотека. Донские дела).

Колебания в употреблении форм косвенных падежей особенно широко отмечаются в петровское время: «с *Таганарога*» (1697 г.), «на *Тоғанерогу*» (1697 г.), «к *Тоғануругу*» (1708 г.) и т.д., но, с другой стороны: «на *Таганроге*» (1698 г.), «до *Таганрога*», «к *Таганрогу*» (1708 г.) и др.

О смысловой самостоятельности обеих частей названия наглядно свидетельствуют и нередкие для конца XVII-начала XVIII века случаи их раздельного написания (при этом географический термин мог писаться как с прописной, так и со строчной буквы), а также употребления после первого компонента буквы «ер» (-ь). Написание *Таганъ Рогъ мы* находим на некоторых рукописных картах, хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), например, на «Ландкарте Азовского моря, сочиненной по повелению вице-адмирала Бредалья капитаном Данилою Герцен Берхом» и на «Карте лежащим местам около крепости св. Димитрия Ростовского». На последней этот способ записи названия распространен даже на оттопонимическое прилагательное *Таганъ Рожская* (линия). *Таганъ Рожская линия*, то есть укрепленная граница, нанесена также на рукописную «Топографическую карту части Азовского моря с устьями реки Дона...». В полном названии этой карты топоним *Таганрог* написан через дефис. Ср. еще: *Таганъ рогъ* - на «Карте на часть р. Дона и протчих выходов от Азова...» (1769 г.), «съ *Таганърогу* въ Киевъ» (надпись на карте Д. Герцен Берка) и т.д. Написание *Таганърогъ* отмечается и в документах многотомного издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», но такая форма записи мало показательна, так как в документах этого периода вставочный «ер»(ь) не столь уж редок и в ошибочных записях типа «*приежъжайте*», «*управление*» и т.д., где он никак не говорит о сознательном разъединении значимых частей слова.

Первый компонент топонима был известен и с мягким конечным звуком (видимо, по аналогии с названиями типа *Кубань*, *Тамань*, *Казань* и т.д.). Этот вариант, возможно, отразился в надписи *Tagannigok* на рукописной карте Азовского моря, составленной в Петровское время, где мягкость *и* была передана средствами латинского алфавита (посредством *đ*). В других документах начала XVII века мягкость этого звука передана при помощи «ерь» (*ь*), склонением первой части названия: «на *Тагань Рог*» (1700 г.), «на *Таганьрогу*» (1698 г., 1701 г.), «к *Тоганю рогу*» (1708 г.) и т.д. Об одновременном употреблении всех отмеченных вариантов топонима свидетельствует их наличие в документах одного периода. Только в «Письмах и бумагах императора Петра Великого», относящихся к 1708 году, мы встречаем «к *Тоганюрогу*», «до *Тоганярогу*», «до *Тоганцрогу*», «до *Тоганрога*» (все примеры принадлежат одному документу), «к *Тоганурогу*», «в *Таганьрог*», «на *Таган-Рог*» и др. Возможно, прежде существовал и вариант названия города *Тагангород*, о чем можно судить из текста письма 1706 года к протопопу достроенной в крепости соборной Троицкой церкви, где дважды употреблено прилагательное *тагангородский* (Воронежские акты).

К каким же объектам относится топоним *Таганрог*? Как мы уже знаем, до 1696-1697 годов, то есть до сооружения крепости и гавани, он был хорошо известен как название мыса. Именно к мысу на вышеуказанной рукописной карте Азовского моря петровского времени ясно отнесена надпись *Tagannigok*. В латинском тексте на плане, представленном Петру I, речь идет о крепости и порте «арид *Taganog*», то есть «возле Таганрога» (Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию). Сообщение о выборе удобного места под «корабельную пристань у *Таганрога*» и о том, что «у той де пристани на *Таганроге* городу быть мочно», находим мы в отписке к Петру I боярина и воеводы А.П. Салтыкова от 20 сентября 1698 года (Елагин С. История русского флота. Период Азовский).

Таганрогом называлась и пристань около мыса. В уже цитированной войсковой отписке о морском походе казаков на крымцев в 1646 году сообщается: «И пришли, государь, мы к пристани к *Таганрогу*...». В период Азовских походов Петра I и начала строительства русского флота особенно часто слово *Таганрог*

употреблялось и как название определенной территории или урочища: «на урочище *Тагане Роге*» (1697 г.), «к урочищу *Таганрог*» (1698 г.). Иногда речь шла об «урочище у *Таганрога*» или об «урочище на *Таганроге*» (1697 г.). Чаще же всего топоним *Таганрог* служил для обозначения местности, куда входят мыс, гавань и город.

Новопостроенные город и крепость в урочище Таганрог вначале получили название *Троицкий* - от имени соборной Троицкой церкви, возведенной здесь в 1699 году. В документах первого десятилетия XVIII века название города *Троицкий* встречается много раз, особенно часто в словосочетании «в Азове и в *Троицком*». Изредка говорится о *Троицком городе*.

Судя по материалам конца XVII - начала XVIII века, поначалу существовала определенная тенденция к разграничению названий крепости (*Троицкий*, редко - *Троицкое*) и урочища (*Таганрог*). Особенно наглядно это обнаруживается в случаях противопоставленного употребления этих топонимов, например, в челобитной 1699 года троцкого воеводы Егора Янова Петру I: «О том у меня в *Троицком на Таганроге* в приказной палате от них, капитана и комендора и от матросов, на письмо ведомости нет» (С. Елагин. Указ. соч.).

Известно много случаев, когда населенный пункт получал наименование от близлежащего географического объекта - реки, урочища, горы и т.д. Так случилось и с *Таганрогом*. Как название крепости этот топоним встречается уже в первые годы ее существования. В письме окольного (приближенного к царю) Протасьева к боярину Головину от 16 декабря 1697 года сообщается о посылке нарочных «в Азов и в Таганрог» (С. Елагин. Указ. соч.). В другом документе 1697 года читаем: «От устья Мертваго Донца сухим путем до *Таганрога-города...*» (сравните приведенное выше оттопонимическое прилагательное *тагангородский* - Е.О.) [там же]. Прямое указание на крепость *Таганрог* мы находим и в переводе цифирного, то есть тайнописного, сообщения думного дьяка Украинцева Петру I от 21 июня 1700 года: «чтоб новые азовские кастели (крепости - Е.О.) *Таганрог*, Павловск и Миус разорить» (там же).

В последующие годы топоним *Таганрог* все чаще выступает как название города. С таким значением он нередко встречается в письмах и собственноручных резолюциях Петра, например: «изволте охранять

Астрахань, Азов, также и *Таганрог*» (1705 г.); «по управлению Азова и *Таганрога* учинить линию в пристойных местех» (1706 г.) и т.д.

Во второй половине XVIII века слово *Таганрог* становится настолько известным, что уже не употребляется как название мыса или урочища и закрепляется в языке как наименование города.

Итак, в своей смысловой эволюции название *Таганрог* прошло два основных этапа. Вначале это был сложный, расчленяемый на относительно самостоятельные части топоним. Местное слово *рог* в значении «мыс» впоследствии выходит из употребления. Это обстоятельство безусловно способствовало утрате былой смысловой членимости сложного названия *Таганрог* и превращению его в простое слово.

* Русская речь. 1981 г. - №2.

ЦИМЛА

Река с таким названием протекает по территории Ростовской области. Гидроним *Цимла* известен по «Книге Большому чертежу», составленной в 1627 году (сохранилась в списках 60-х годов XVII века и более поздних): «пала в Дон речка *Цымла*, «ниже *Цымлы*» (Книга Большому чертежу. М. - Л., 1950) . Упоминание об этой реке содержится и в более поздних «походных журналах», которые велись во время азовских походов Петра I (1695-1696 г.г.), а также и в других документах XVII века. Имя *Цимла* носил в XVII веке и находившийся в устье реки казачий городок (он же *Цимлянский городок*).

В отличие от многих других названий притоков Дона, гидроним *Цимла*, судя по известным нам источникам, почти не изменялся. Зафиксирована только одна, да и то редкая, его разновидность - *Цимля* (если не считать чисто орфографических вариантов - *Цымла* и *Цымля*, встречающихся в старых рукописях и изданиях). Обе формы - *Цымла* и *Цымля* - приводятся еще во второй половине XIX века во втором томе «Географическо-статистического словаря Российской империи», составленного П.П.Семеновым (СПб., 1863-1885). Последнюю из них мы находим также на «Карте владения войска Донского», приложенной к «Истории или Повествованию о донских казаках...» А. Ригельмана (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, М., 1846).

Постоянство и однообразие формы гидронима затрудняет объяснение его происхождения. Одно бесспорно: название это не славянское. Маловероятно сближение его с далеким севернорусским (в бассейне Печоры) гидронимом *Цильма* с ударением, однако, на первом слоге, что резко отличает его от гидронима Донского бассейна.

М.Фасмер не вполне точно допускает в нем отражение местного географического термина *чильма* «моховое болото, топкий торфяник», а также, вероятно, ошибочно - *чолма* «залив», «болото, поросшее травой» (из саамского *tšoałme*; см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Важные уточнения в этимологию и значение географического термина *чильма* и связанных с ним топонимов дал в специальной статье А.К. Матвеев в сборнике «Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов» (Свердловск, 1978), но все эти уточнения показывают, что к донскому речному названию *Цимла* северное *Цильма* никак не относится.

Исход гидронима *Цимла* (конечное *-ла*) наталкивает на предположение о его возможном тюркском происхождении. На русской почве такого рода исходы обычных слов и географических названий нередко появлялись в результате морфологического освоения тюркских названий, являющихся прилагательными. Тюркский суффикс *-лы*, ассоциировавшийся у славян с формами множественного числа, изменялся путем закономерной подмены конечного гласного *-ы* гласным *-а* в *-ла*. При этом название приобретало типичную для славянских речных названий форму женского рода. Древнейший пример: *Каяла* в «Слове о полку Игореве», развившаяся из тюркского топонимического прилагательного **Каялы*, означавшего «скалистая» (см.: Гетманец М.Ф. *Каяла - скалистая река. - Русская речь*, 1984, № 4).

На нижнем Дону, как об этом свидетельствует «хождение» Игнатия Смольнянина в Царьград (1389-1405 гг.), в том месте, где была Великая Лука, то есть излучина Дона (район Цимлянского водохранилища), в конце XIV века заканчивалась слабо заселенная территория русского Подонья и начиналась «земля татарская». Именно тут путники встретили впервые «татар много зело, якоже лист и якоже песок» (Православный палестинский сборник, т.4, вып. 3. СПб., 1887).

Если конечное тюркское *-лы* суффиксального происхождения, то что же тогда означал корень *цим-*? В таком виде для языков тюрков, населявших низовье Дона (это прежде всего кыпчакские языки, а еще ранее - половецкий), данный корень не типичен, так как для подавляющего большинства современных и древних тюркских языков наличие звука *ц* не характерно. В тюркских языках Северного Приазовья он мог иметь узко диалектный характер или же его появление было вызвано сравнительно поздней звуковой заменой,

имевшей место в русских диалектах. Рассмотрим подробно оба допущения.

Единообразии дошедших до нас вариантов гидронима *Цимла*, как уже говорилось, весьма затрудняет поиск его более древней формы и ее значения. Это заставляет искать несколько направлений в этимологизировании данного географического имени. Дальнейшие разыскания, возможно, позволят сузить круг рабочих гипотез или даже избрать единственную в качестве ответа на интересующий нас вопрос.

1) В основе гидронима могло лежать древнетюркское слово *сын* «памятник, могила» с болгарским переходом *-н > -м*, как, например, в гидрониме *Чертомлык* < тюрк. *чортан* «щука» + суффикс *-лык*, указывающий на присутствие того, что обозначено основой: в месте, где протекала речка **Сымлы* > **Сымла* (а затем, в силу изложенных ниже причин, - *Цимла*), могли находиться захоронения кочевников с типичными для них каменными изваяниями - «бабами».

2) Название реки может быть возведено и к тюркскому слову *чым* «дерн». Сравните казах, и ногайск. *шым* с тем же значением, где *ш* из *ч*. В тюркских языках есть производные от корня *чым* слова: «растение, дерн» - *чиман*, а «место, обросшее травой» - *чиманлык* (Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий). Замена *ч* на *ц* могла произойти в языке ираноязычных аланов, прежних обитателей южнорусских степей, который взаимодействовал с языками приазовских тюрков. В иранском по происхождению осетинском языке, сберегающем многие черты языка аланов, древняя иранская аффриката *ч* также отражена как *ц*. Цоканье могло развиваться в древности и в диалектах приазовских тюрков. На основании изучения известного тюркского памятника начала XIV века «Codex Cumanicus» В.В. Радлов допускал, что цокающим мог быть половецкий (куманский) язык, хотя современные тюркологи и не согласны с такой трактовкой. Произношение *ц* на месте древнего *ч* знают сейчас некоторые мишарские говоры казанскотатарского языка, а также собственно балкарский диалект карачаевобалкарского языка.

В таком случае первоначальная форма **Чымлы* (из которой впоследствии развились формы **Цимлы* и *Цимла*) означала «травянистая, покрытая растительностью». Это определение могло относиться к местности, по которой протекала река. Примечательно, что в этом же районе имеется речка с названием, как бы указывающим

на противоположный признак - песчаную, малотравянистую почву. Отражение в географических названиях этих признаков было очень существенным для кочевников-скотоводов. Это правый приток Дона ниже устья Цимлы-*Кумшак* или *Кумсак* с предполагаемым тюркским корнем кум «песок».

Встречающийся в некоторых источниках вариант *Цимля* (*Цьмля*) мог получить конечное *-ля* под влиянием названия станицы *Цимлянской*. Кроме того, здесь могла сыграть известную роль нередкая в восточнославянской гидронимии взаимозаменяемость форм типа *Хвоцна // Хвоцня, Пальна // Пальня* и т. д., первые из которых по происхождению своему чаще всего прилагательные, а вторые - возникшие на их основе существительные (с «подгонкой» под хорошо известный суффикс *-ня*).

Если же в основе гидронима *Цимла* лежит предполагаемая тюркская форма **Сымлы* (от *сын* > **сым* «памятник, могила»), то как получилось, что на месте начального *с-* развился несвойственный тюркской речи звук *ц-*? Замещение тюркского *с-* на смычно-щелевой звук *ц-* могло произойти в русской диалектной речи. В ряде случаев замена *с* на *ц* в восточнославянских языках имела экспрессивное происхождение, например, *харцыз* «бродяга, разбойник» из тюрк. *хырсыз* «вор», *кацап* из тюрк. *касап* (в тюркских языках - арабизм со значением «мясник»), в словах понукания животных *цобе* и *цоб* (из украинских *од себе*, то есть «направо», и *к собі*, то есть «налево»), *цмок* «сказочный дракон» из *смок*, русский диалектный глагол *выцепить* «высыпать»; возможно, *церь* «сера» в «Повести временных лет» под 945 годом. (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Одной из особенностей произношения согласных в ряде русских говоров (как южных, так и северных) является употребление *с* на месте *ц*, а также связанная с этим явлением обратная мнимоправильная (так называемая гиперкорректная) замена *с* на *ц*, то есть здесь можно услышать такое произношение, как *царай, цапоги, лец, чацы, церп, очень, цекла, рельцы, куцок* и т. д. вместо *сарай, сапоги, лес, часы, серп, осень, свекла, рельсы, кусок* (Русские говоры. М., 1975). Такого рода замена первоначального *с* на *ц* могла произойти и в топониме **Сымла*, изменившемся в *Цимла*.

К сожалению, до нас не дошла абсолютно достоверная форма такого гидронима с начальным *с*, хотя есть возможность ее

предполагать. Латинское написание *Zimla* на карте Южной России Менгдена и Брюса 1699 года и искаженная форма *Sinila* (слат. *ni* вместо *m*) на другой карте Южной России - И. Массы 1633 года (см.: В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1-2. К., 1899-1910) в этом отношении не показательны, так как той же латинской буквой *z* передана и славянская аффриката *ч* в гидрониме *Чир* на карте Менгдена и Брюса (у И. Массы - *Tzier flu.*). Более показательны другие речные названия тюркского происхождения в данном регионе, в фонетических вариантах которых могла найти отражение интересующая нас замена *с* на *ц*. Так, наряду с более употребительной формой гидронима *Цуцкан* (название притока Чира) в XIX веке и в начале нашего столетия была еще известна, по-видимому, первичная форма *Сускан*. Иногда в одном и том же источнике и даже на одной странице мирно уживались обе эти формы (как, например, в «Алфавитном списке населенных мест Области Войска Донского» - Новочеркасск, 1915). Другой *Цуцкан* мы находим выше устья Кагальника, правого притока Дона (см.: Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна). Гидроним *Сускан* можно считать образованным от тюркской глагольной основы *сус-* «молчать» при помощи суффикса существительных *-кан*. Так могли быть поименованы речки за их спокойное и беззвучное (ввиду отсутствия перекаатов) течение. Смысловым эквивалентом *Сускана*, изменившегося в диалектной речи в *Цуцкан*, выступает распространенный на Дону гидроним *Тишанка*.

В заключение несколько слов об одной производной форме названия, отдаленно связанной с гидронимом *Цимла*. Речь идет об употреблении слова *Цимла* в качестве названия города *Цимлянска* или в значении «цимлянская земля». Например, 8 мая 1973 года в газете «Правда» была напечатана заметка «Чем *Цимла* славится», где можно прочитать: «... по климатическим условиям и количеству солнечных дней *Цимла* почти не уступает Южному берегу Крыма»; «...природа приготовила *Цимле* судьбу замечательной здравницы»; «...*Цимла* располагает богатейшими возможностями для того, чтобы стать городом-курортом» и т.д. *Цимла* как название города *Цимлянска* или его окрестностей («цимлянской земли») - это, конечно, не возрождение забытого уже названия старинного казачьего городка. Перед нами встречающийся в топонимии особый вид названия, образованного от полной или описательной формы (*Цимлянск, цимлянская земля*) путем

обратного словообразования, когда из более сложного топонима в качестве самостоятельного слова выделяется какая-то его часть. Именно такого, например, происхождения слова *Питер* (из *Петербург*) и *Азов* (из *Азовское море, Азовье*), о чем подробнее можно прочесть в 5-м номере «Русской речи» за 1976 год (статья Е. С. Отина «Азовье - Азовщина - Азов»).

* Русская речь. 1985г. - №1 (в соавторстве с И.Г.Добродомовым).

РАЗВИТИЕ КОННОТОНИМИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ КОННОТОНИМОВ

Проприальные единицы языка и речи могут иметь устойчивые общеизвестные семантические значения. В конкретных употреблениях их смысловая доминанта определяется связью не с денотатом, а с развившимся позднее понятием. Такие собственные имена (СИ) предлагается именовать коннотативными онимами или коннотонимами. Коннотоним - это всегда собственное имя (антропоним, топоним, реже - эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общезыковыми или индивидуальными коннотациями. В сфере речевого общения эти дополнительные понятийные оттенки нередко бывают представлены в необычном для «чистого» СИ эмоционально-экспрессивном ореоле. Утрата СИ денотативности (вызванная забвением денотата) приводит к появлению на их основе отонимных коннотативных апеллятивов или же к полному выпадению их из словаря.

Каждый национальный язык имеет свой весьма трудно поддающийся исчислению набор такого рода слов - коннотонимию, в состав которой входят не только коннотонимы, сложившиеся внутри данного языка, но и те из них, которые принадлежат международному фонду коннотативных СИ. Ср. в современном русском языке: *Ходынка, Камчатка, Соловки, Черемушки, Митрофан, Фекла; Голгофа, Вавилон, Мекка, Клондайк, Бродвей, Панама, Уотергейт, Армагеддон* и др. При этом в художественной речи, в бесчисленных речевых контекстах постоянно возникает множество индивидуально-авторских употреблений СИ, коннотативное содержание и окрашенность

которых окказиональны. Это один из резервов пополнения узуальной коннотонимии любого языка. Например, *Полинезия* - 'удаленное от центров культурной жизни место' в «Марии» И.Бабеля, *Шираз* - 'поэтическое состояние' в «Крысолове» М.Цветаевой, *Андрей Белый* - 'смелый новатор' у Л. Вознесенского («О») и т.д.

Одной из нерешенных задач русской ономастической лексикографии является создание коннотационного словаря собственных имен (далее - КССИ), содержащего прежде всего узуальную коннотонимию, зафиксированную в различных источниках. Окказиональные (речевые) коннотонимы целесообразнее включать в коннотационные словари ономастических лексем языка писателя (например, коннотационные словари СИ в произведениях Достоевского, Маяковского, А. Грина и т.д.) или же в словари коннотонимов в языке писателей, связанных общностью идейно-эстетических позиций и художественных исканий.

Одно и то же СИ в разные периоды своего бытования в речи в различных сферах использования может развить целый пучок значений. Но при этом семантические коннотемы не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом, они часто выступают как одновременные элементы его смысловой структуры. Коннотационное содержание таких СИ обуславливается также их связью с определенным социумом или локальными особенностями именика. Так, библейское имя «первого человека» - *Адам* в народной речи прошлого века было зафиксировано с коннотацией 'человек огромного роста' (Филин 1, 205). В наше время референтная подоснова СИ *Адам* предопределила появление в нем новой коннотации - 'первопоселенец'¹ В течение столетий происходило развитие коннотационной структуры СИ *Вавилон*, в которой объединились комплексы значений библейских СИ - топонима *Вавилон* и особенно хрононима *Вавилонское столпотворение*. На разных хронологических срезах находятся связанные с ним коннотемы: 'обиталище грешников; нравственные пороки; скопление разноязычного люда; большое сооружение' и др. В грамоте Ивана IV королю Сигизмунду Августу (1569 г.) *Вавилон* выступает как коннотоним, противостоящий мелиоративному имени *Сион*: *Изборескъ якоже плѣнь Сиона отъ Вавилона возврати памъ...* (Сб. РИО 71, 580). *Вавилон* - и его синоним *Персида* - в азбуковниках XVI в. толкуются как *размѣшеніе, смятение, размѣсъ*². В автографе

«Жития» Аввакума из Пустозерского сборника В.Г. Дружинина имеет место «обыгрывание» этих коннотонимов, но только с другим созначением - 'место мучения': не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилонъ (РИБ 39, 65). Коннотация *Перьсиды* и *Вавилона* лексически раскрыта в другом автографе «Жития» - из Пустозерского сборника И.Н. Заволоко: не по што ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилон нажили³ В староукраинском памятнике (1616 г.) «Отпись на листь унитовъ Виленскихъ» *Вавилон* толкуется как «затворжене розуму от злости и страсти» и как «конфузя» («Вавилонъ, албо конфузя»), т. е. 'смятение'⁴. Коннотоним *Вавилон* был «тайно» начертан и на челе «жены», сидящей «на зверн червленгъ» (аллегорическое изображение порока) в тексте легенды о происхождении табака⁵. Количество подобных примеров можно увеличить. Все они свидетельствуют о богатстве и изменчивости сопредставлений, связанных с данным словом, которое, к тому же, нередко встречается в старорусских текстах и как денотативное СИ. К нашему времени коннотоним *Вавилон* сохраняет не менее трех созначений⁶, настолько четких и общеизвестных, что это позволило ему участвовать в образовании топонимических парафраз и процессах вторичной топонимизации⁷. Например: *Новый, или Сенский, Вавилон*, т. е. Париж⁸ а также урочище *Вавилон* (в устье Дона, возле его рукава - Каланчи)⁹. Ручей *Вавилон* был среди притоков Москвы-реки (впадал в нее в районе Крымского моста)¹⁰. Если возникновение парафразы было мотивировано одним из созначений пейоративного плана, то вторичная топонимизация коннотонима *Вавилон* была обусловлена его созначением 'большое сооружение' (урочище *Вавилон* находилось вблизи известных оборонительных сооружений в устье Дона - каланчей, построенных турками для защиты Азова). Что касается гидронима *Вавилон*, то его возникновение скорее всего обязано топонимизации географического апеллятива *вавилон* 'изгиб реки', в свою очередь появившегося вследствие дёонимизации коннотонима *Вавилон*.

КССИ должен стать собранием максимального количества доступных выявлению коннотонимов на всех этапах истории русского языка. Современная его часть, естественно, окажется намного представительнее, чем та, которая охватит материал до XIX в. Язык памятников этого периода содержит еще незначительное количество бесспорных коннотонимов. Кроме отмеченных выше имен *Вавилон*,

Персида и *Сион*, это еще *Аристотель* 'философ, прорицатель', *Капитон* - 'раскольник', *Иерусалим*, *Голгофа*, *Палестина*, гипотетично - антропонимы *Алеша* и *Обросим* (выводятся из коллективных прозвищ *Алеша* и *Обросимы*). Антропоним *Опрѣмъ* (< *Ефремъ* через промежуточную форму *Офрѣмъ*, зафиксированную в одной из новгородских берестяных грамот XV в. - № 298), в качестве коннотонима употреблен в тексте одной из псковских летописей (под 1503 г.) рядом с бранным прозвищем *кормиуню*: **И князь псковской Иван Горбаток начаша заганнвати псковичь, чтобы не бѣхали розно, а они вси по закустовью, и начаша емү псковичи прозвище давати *опрѣмом* и *кормиуню***¹¹. Более поздние разговорно-диалектные континуанты библейского имени *Ефрем* (<*efraim*), отмеченные коннотациями пейоративного плана (рус. диал. *Ахрамей* 'простофиля' <*Ефреми*, Филин 1, 297; исследованное в 30-е гг. В. Чернышевым диалектное *охреян* 'лентяй, увалень, неуклюжий, грубый человек', а в XVIII в. еще и 'раскольник' - из *Охрем* под влиянием форм типа *Митреян*, *Васьян*, *Федян* и т.д.¹²) свидетельствуют в пользу того, что старопсковское прозвище *Опрѣмъ* - один из коннотонимов русского языка начала XVI в. Вполне вероятно, что внеязыковая подоснова коннотаций псковского *Опрѣма* и более позднего (XVIII в.) *Охреяна*, да и сами значения их были неодинаковы. В последнем случае В. Чернышев допускает коннотирование имени церковного писателя IV в. Ефрема Сирина. В тексте «Повести о Ерше Ершовиче» коннотоним *Обросим* представлен в паремии (А дак-де нашево Обросима околачивают)¹³. В «Записках Желябужского» (под 1696 г.) он приводится в плюральной форме как коллективное прозвище: И по указу великих государей они, люди боярские, которые записывались в Преображенском, взяты в новоприбылые солдаты и стрельцы и посланы на Воронеж под Азов, а жон их и детей отдали в Преображенское и с животы. И прозвание им было *Обросимы*¹⁴. Тут же, под 1695 г., приводится и другой групповой антропоним - *Алеша*: **В то же время брали даточныхъ на Москвѣ ү встѣхъ на пожар бѣгать и караулы стеречь вмѣсто стрѣльцовъ, и прозвание им было *Алеша***¹⁵. Сейчас уже трудно установить «попутный смысл» (О. Эрдман) этих антропонимов в XVII в. В диалектной речи нового времени коннотонимы *Абросим* и *Алеша* (*Алеха*) имеют негативные сопредставления - 'важный, чванливый человек' и 'бахвал' (Филин 1, 191-192, 234). Какие-то

близкие им коннотации можно предположить и в антропонимах Петровской эпохи, если учесть, что в *Обросимы* записывались - «люди» или «холопы боярские», которым за участие в Азовском походе было обещано Петром I освобождение от крепостной зависимости; *Алешами* же становились «даточные» люди (рекруты), которых использовали вместо стрельцов для караульной службы и тушения пожаров. В одном нет сомнения: в мелноративной окраске прозвища *Обросим* и пейоративной - *Алеша*.

Коннотонимами в русском языке XVII в. были также личные имена *Антон* и *Мартын*. Первое из них расценивается как «бесчестное», «непристойное» слово в жалобе (1651 г.) Г.Козловского на М. Кутузова, обозвавшего жалобщика «Аньтоном»¹⁶; второе помещено в список оскорбительных слов и выражений, употреблять которые в Судном приказе было запрещено «ответчикам». Этот «Указъ по челобитнымъ о безчестьяхъ» был издан в 1700 г.¹⁷ Не исключено, что коннотонимами были лишь производные (засвидетельствованные в тексте указа) формы *Мартынушко* и *Мартыник*, как, например, в современной разговорной речи антропонимические производные *Гаврик*, *Петруха*, *Аноха*, *Ероха*, *Филя* и др., хотя в диалектах известно и нарицательное имя *мартын* 'некрасивое, безобразное лицо' (Филин 17, 376), возможно, возникшее в результате апеллятивации соответствующего коннотонима, сопровождаемой метонимией (*Мартын* 'некрасивый человек' → 'некрасивое лицо').

Источники XVIII в. демонстрируют уже заметное увеличение русской коннотонимии, но главным образом за счет СИ, входящих в состав так называемых «культурных слов» (*Геркулес*, *Цицерон*, *Голиаф*, *Меценат*, *Минерва*, *Аякс*, *Селадон*, *Ментор*, *Крез*, *Аркадия*, *Афины*, *Август*, *Харон*, *Даламберт*, *Вольтер*, *Парнас*, *Немизида* и др.), широко используемых в языке панегирической литературы и в риторике - «сладкоречии» (по Ломоносову, прием «антономазии»). К XVIII в. относятся и первые фиксации коннотативных топонимов не книжного происхождения, например, *Камчатка*. Внязыковая подоснова его коннотемы 'отдаленное место', судя по ряду источников, актуализуется примерно в середине XVIII в. (см.: комедия А.П. Сумарокова «Опекун», 1765 г.; староукраинская сатира «Плач киевских монахов», 1786 г. и др.). В 40-е годы XIX в. уже зафиксирован факт повторной топонимизации одного из дериватов этого слова - *Камчатник*

(название отдаленной заимки на Ангаре)¹⁸. Многие коннотонимы XVIII-XIX вв. влились в современную русскую коннотонимию, хотя набор их «вторичных смыслов» уже иной. Так, в наше время утратил созначение «отдаленное место» коннотоним *Камчатка*, сохранив старое - «задние ряды, что-то находящееся сзади» и развил новое - «инертная, пассивная часть коллектива». Некоторые из них, благодаря расширению словесных связей и речевых контекстов, заметно увеличили свою коннотационную наполненность. Другие же утратили свои прежние референтные коннотации и в настоящее время воспринимаются уже как «чистые» онимы, например: *Амур*, *Сахалин* (в XIX-начале XX в. - синонимы *Камчатки*), *Сибирь*, *Перекон*, *Калифорния*, *Плевна*, *Фоблаз*, *Сарданопал* и др. (выделенные разрядкой имена до утраты своих семантических коннотаций испытывали вторичную топонимизацию). Первые - это онимы с живой, а вторые - с угасшей (генетической) коннотацией. Особую группу составляют бывшие коннотонимы, которые пережили апеллятивацию. Их коннотативное значение превратилось в новое денотативное, но при этом аффективный компонент содержательной структуры ими не утрачен (*фефела*, *фофан*, *филон*, *иуда*, проблематично - *разгильдяй* и др.).

В КССИ (там, где это возможно и необходимо) устанавливается историческая перспектива развития созначений - от «чистого» (имеющего лишь первичное референтное значение) СИ к такому его состоянию, когда в нем возникает коннотативный компонент. Определяется характер внеязыковой подосновы коннотемы, а если их несколько - последовательность их появления, типы узуальных коннотаций (интерлингвальная, интралингвальная - широко известная или территориально ограниченная, интралингвистическая с ограниченной коммуникативной функцией и др.)¹⁹. Задача составителей КССИ - выявление максимального количества контекстов, в которых функционирует тот или иной коннотоним, так как каждый из них - это фрагмент речевой деятельности, в которой происходило развитие его смысловой структуры.

* Этимология. 1984. - М.: Наука, 1986.

ПРМЕЧАНИЯ:

¹ Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М., 1979, 420.

² Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI-начала XVII в. Л., 1975, 275, 297.

- ³ Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Л., 1975, 79-80.
- ⁴ Архив юго-западной России. Киев, 1877, ч. 1, кн. 7, 273, 277.
- ⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. СПб., 1860, вып., 2, 427.
- ⁶ См. статью *Вавилон* в: Отин Е.С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении. - В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1980, 4-5.
- ⁷ О явлении вторичной топонимизации коннотонимов см.: Отин Е.С. Конотативна ономастична лексика. - Мовознавство, 1978, № 6, 47-53.
- ⁸ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912, 541.
- ⁹ Топографическая карта части Азовского моря. . . Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22 895.
- ¹⁰ Он имеется на первом геодезическом плане Москвы 1739 г., масштаб: 100 саженей в 1 см (ГИМ, Арх. граф. № 23495/Л- 58).
- ¹¹ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, 88.
- ¹² Чернышев В. Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных. - В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1935, III-IV, 172-173.
- ¹³ Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954, 12.
- ¹⁴ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840, 62.
- ¹⁵ Там же, 41.
- ¹⁶ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI-XVII ст. М., 1895, ч. 1, 338.
- ¹⁷ Летопись занятий Археографической комиссии. 1862-1863. СПб., 1862, вып. 2, 94.
- ¹⁸ Записки Отд. рукоп. Гос. биб-ки им. В.И. Ленина. М., 1961, вып. 24, 371.
- ¹⁹ О типологии ономастических коннотаций см. в указанных наших работах.

Речка с названием *Осерёд* впадает слева в Дон, в том месте, где находится город Павловск, районный центр Воронежской области. Впервые название реки (гидроним), в форме *Серет*, отмечается в памятниках начала XVII века. Самая ранняя его запись представлена в «Книге Большому чертежу»: «А ниже Битюка, верст с 15, пала в Дон с Нагаиской стороны река Серет». Другие примеры, относящиеся к третьей четверти XVII века: «та речка Серет ниже Битюка пала в Дон» (Акты Московского государства. Т. 3, СПб., 1901); «на усть речки Серета», «в речку Серед» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887).

Гидроним, представленный в написаниях *Серед* и *Серет*, произносился так же, как и сейчас, - *Серёт*. О произношении в XVII веке ударного *о* после мягкого согласного в конечном слогe свидетельствует запись названия реки латинскими буквами на карте Южной России Менгдена и Брюса 1699 г.: flu (<flumen, т.е. река) Segod (Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1, Киев, 1899). Нередко основа именительного падежа с конечным *т*, появившимся благодаря оглушению *д*, распространялась и на косвенные падежи, откуда нередкие в это время написания формы родительного падежа *Серета* и т.д.

Уже в XVII веке появляются варианты данного речного имени, связанные с тенденцией превращения его в существительное женского рода под влиянием нередко сочетавшегося с ним географического термина *река*. Это происходило, во-первых, за счет смягчения конечного согласного, и, во-вторых, посредством добавления окончания *-а*. Например: «та река Битюк да речка Сереть» (Акты Московского

государства), «речка Середь» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний...); «на реку Середу», «на реке Середи» (Материалы по истории монашества на Дону); «на Середи реке город делать ли» (С.Елагин История русского флота) и др. Запись гидронима в форме *Середа* мы находим на «Плане части р. Дона и протоки у г. Павловска», составленном в начале нашего века (Журнал Министерства путей сообщения. СПб., 1902).

Вместе с приведенными выше формами уже с XVII века в различных документах отмечаются варианты гидронима с начальным *о*: «до реки Осереды», «за рекою Осередою» (Межевая книга Павловской крепости); «речка Осеред» (Походный журнал 1696 года); *Осередь* (род. падеж - *Осереди*) и т. д. Варианты *Осереда* и *Осередь* в XIX-XX веках становятся главенствующими, широко проникая на топографические планы и географические карты, в исследования по гидрографии Дона. Начальное *о* в них появилось благодаря мнимоправильной записи слова, по аналогии с теми словами, в которых безударное начальное *а* орфографически передается через *о* (*огонь, обрыв, обида* и т. д.). Существуют, впрочем, и редкие примеры записи гидронима, ориентированные на разговорную речь, - *Асереда*, на составленном в 1770 году рукописном плане Павловской крепости, который хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве. При этимологизировании названия реки начальное *о* нельзя принимать за префикс. Это своеобразная передача приставного звука *а*, который встречается во многих говорах русского языка, в том числе и в южнорусских, например: *абосой, авторник, авсегда, адвор, алипа* и др. В тульских, орловских, курских, рязанских, донских говорах записаны: *алиман* (ср. лиман), *алимон, агарох, акрамя* (кроме) и много других подобных слов. Эта фонетическая особенность южнорусских диалектов получила отражение и при передаче народной речи в ряде произведений художественной литературы. Ограничимся одним примером: «А мы авчера (вчера. - Е.О.) еще знали, что я один полегче вас шестерых» (Дрянский. Записки мелкотравчатого). Вероятно, аналогичным образом возник и географический термин *овраг* из более раннего (в памятниках - с XIVв.) *враг*. *Враг* - «овраг» широко отмечается в диалектах русского языка. Весьма показательным, что такое же приставное *а* в русских говорах развивает и его омоним *враг* - «недруг»: *авраг*. «Убрав» из

гидронима *Осеред* этот поздний его звуковой элемент, никогда не выражавший никакого значения, мы получим исконную форму *Серед*, отмеченную многими источниками XVII-XVIII веков. Этимологически она связана с южнорусским диалектным предлогом и наречием *серёд* - «посреди», а также с целым рядом слов, представляющих собой местные географические термины: *серёдок*, *осерёдок* - «остров или приглубная мель среди реки, кругом обходимая» (Даль, Толковый словарь); *осерёдок* - «возвышенное сухое место между озерами» (Словарь русских донских говоров); *осерёдок*, *осерёдыш*, *серёдок* - «остров-мель, образованный из наносного материала вдоль русла реки» (Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов). Ср. еще в документе XVII века: «на Волге ж рыбная ловля песок Золотуха да осередок Мокрой»; «...а Троецкими ловлями они песками и подпесочьем и осередком Мокрым не владеют» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860). Здесь четко различаются сухие песчаные острова - *пески*, покрытая водой («мокрая») мель - *осередок*, глубокие места ниже островов - *подпесочья*.

. В том месте, где река Осеред впадает в Дон, еще в прошлом веке была мель (или пережат), образовавшаяся из наносов реки Осеред. Пережат этот носил название *Павловский* (Краткое описание исследований верхней части Дона от хут. Каланча до устья Сосны и реки Сосны от ее устья до г. Ельца, СПб., 1901). Вначале, по-видимому, именно к этому месту - мели, пережату относилось слово *серёд* (*осеред*), со временем превратившееся в имя собственное: сначала - в название урочища, а затем и территориально связанного с ним небольшого притока реки Дон. Следует иметь в виду, что очаги возникновения гидронимов, относящихся к протяженным в пространстве объектам - рекам или ручьям, нередко носят узко локальный характер. Часто гидроним возникает вследствие переноса по смежности на водный поток уже «готового» названия сопредельного с ним объекта. Сами эти объекты, в силу их недолговечности, до наших дней часто не сохраняются. Сравните, например, в Донецком бассейне река *Олым* - приток Быстрой Сосны, правого притока Дона, из тюркского *олым* (*олом*, *олум*) - «брод» (см.: Топонимия Центральной России. М., 1974); река *Горелый Пень* в бассейне Бахмута, правого притока Северского Донца; река *Нежеголь* - приток Северского Донца,

название которой восходит к старинному русскому слову *нежеголь* - «высохшая на корню, некошенная трава». Так, очевидно, прежде называлось какое-то урочище, давшее название протекавшей рядом реке. Если, конечно, здесь не имел место перенос ранее сложившегося названия населенного пункта на реку (а деревня Нежеголь отмечается уже в документах середины XVII века).

В топонимической литературе высказаны еще две точки зрения, и обе - о неславянском происхождении топонима *Осеред*. Так, у В.П. Загоровского «не вызывают сомнения» тюркские истоки названия: «Видимо, это измененное на русский лад тюркское. слово «сырт» - возвышенность, бугор, - пишет он. - Половецкое название урочища могло дать имя реке, а затем в русском языке слово прошло такие стадии: сырт - сырет - серет - серед - осередь - осереда» (Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж, 1966). В.А. Прохоров выводит гидроним *Осередь* из «скифо-иранского *сярант* - «литься, течь». (Надпись на карте. Географические названия Центрального Черноземья. Воронеж, 1977).

В начале XVIII века в устье реки Осереды (где уже было оседлое население) возникает «крепость на Осереде», или «Осерецкая крепость». Сюда после заключения в 1711 году мира между Россией и Турцией был переведен гарнизон *крепости святого Павла*, или *Павловской крепости*, находившейся в месте впадения реки Миус в Миусский лиман. Здесь, в восточной части Северного Приазовья и в устье Дона, в конце XVII века было построено несколько крепостей с названиями в честь их «святых» покровителей. На правом берегу Дона, выше Черкаска, находилась *крепость святой Анны*, на мысе Таганий Рог (Таганрог) - *крепость* (город) *Святая Троица* (*Троицкая, город Троицкой*), на месте теперешнего Ростова - *крепость святого Дмитрия Ростовского* (откуда и современное название города Ростова). Две каменные башни, сооруженные турками в устье Дона, - знаменитые каланчи, после того как они были захвачены русскими, получили аналогичные посвященные имена. Как свидетельствуют карта Азовского моря 1699 года, составленная «под смотрением» самого Петра I, а также карта вице-адмирала К. Крюйса (Крейса) из атласа 1703 года, изданного в Амстердаме, одна из каланчей именовалась в честь святого Никона (*Kalantzcha st. Nikon*), а другая - в честь святого Сергия (*Kalantzcha st. Serie*) [Труды

Государственного исторического музея. Вып. XIV. Сборник статей по истории СССР XVI-XVIII вв. М., 1941].

После перевода на реку Осеред жителей крепости святого Павла, а затем и городов Азова и Таганрога (Троицкого) населенный пункт еще довольно долго носил такое же, как и река, название, например: «покамест построится город Середа» (1709 г.) [Елагин С. История русского флота], «да в Воронежскую губернию близь города Середы под село Белогорье» (1722 г.) [Зворыкин А.А. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. М. - Л., 1952] и т.д. При этом народное название крепости широко употреблялось наравне с официальным: *Середа, Осеред, Осередь, Осерецкая крепость* - наряду с *Павловск, Павловская, или Новопавловская крепость* (Ново- по отношению к старой, которая была на Мнусе). Так, в 1770 году были составлены два плана крепости, где она названа по-разному: «План Павловской крепости» и «План крепости Новопавловской». Название *Осерецкая крепость* встречается в документе 1705 года; «Осередь, что ныне Павловск» - в тексте 1804 года (Акты по делу города Павловска... Ч.1, СПб., 1891). Дорога, ведущая в город *Осередь, или Павловск*, в 1720 году именовалась двойко-*Осерецкой* и *Павловской*: «подле большой Павловской дороги, что ездить на Осередь, а от той вершины налево току Осерецкою большою дорогою к реке Елане» (Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 1, СПб., 1896).

Заселенная казаками местность по реке *Серед* (*Осеред, Осереда* и т.д.) в памятниках XVII века именуется *Серецким ухожьем* (или *Серецкое ухожье, Середцкое угодье* и т.д.), где слово *ухожай* значило «территория, имеющая какие-то природные богатства». Реки на Дону и их названия в XVII-XVIII веках нередко выступали в качестве своеобразных единиц территориального деления края, как обозначение земельных наделов определенных групп донского казачества - юртов. В середине XVII века существовал и Серецкой юрт (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887), на который, например, в 1663 году был наложен в пользу казны «откуп» (налог): «на реку Битюк откупу положить можно 146 рублей, да 10 пудов меду на год, а достальные 20 руб. положить на речку Серет, потому что та речка

Серет перед Битюком мала...» (Акты Московского государства. Т. 3, СПб., 1901). Таким образом, топоним *Серед* в этот период употреблялся еще в качестве собственного имени территории, прилегающей к реке, или *Середского юрта*. Для сравнения укажем на случаи аналогичного употребления донских гидронимов и самого слова *река* в документах, составленных в период крестьянского восстания под руководством Кондрата Булавина: «Хопер и Бузулук и Медведица... все изменили ж с Кондрашкою Булавиным»; «И тот де вор велел тем же... провожатым доставить ево Кузьму в Усть-Хоперском городке для того, что де в том городке будет вся река в съезде и что де всею рекою ему, Кузьме, приговорят, казнь ли ему учинят или освободят...» (1708 г.) и т.д. (Булавинское восстание. М., 1935).

Топонимы, возникшие на основе общеупотребительных слов (в частности, местных географических терминов, к которым принадлежало когда-то и слово *серёд* - «перекат, отмель»), с течением времени могут утратить свою смысловую прозрачность, стать для новых поколений или для пришлого населения непонятными названиями с утраченной мотивировкой. Это и произошло с названием *Осерёд*.

* Русская речь. 1988 г. - №2.

КАЛИТВА

Это название носят две реки в бассейне Дона. Они отличаются друг от друга сопутствующими ему определениями - *Черная* и *Белая*. *Черная Калитва* впадает в Дон в его верхней части, ниже его левого притока Осереда, в устье которого находится город Павловск, Воронежской области России. *Белая Калитва* - значительный приток Северского Донца, в устье которого расположен районный центр Ростовской области России - город *Белая Калитва*. Выше устья Белой Калитвы в Северский Донец впадает его левый приток *Калитвенец*, или *Калитвеница*.

Самая древняя фиксация речного названия (гидронима) *Калитва* относится к началу XVI века (1515 г.): «да усть (т.е. в устье. - *Е.О.*) Калитвы их встретити» (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными). Речь идет о Черной Калитве. В «Книге Большому чертежу», текстовом приложении к утраченной карте России конца XVI - начала XVII веков, упоминаются уже оба составных гидронима - *Калитва Белая* и *Черная* (Книга Большому чертежу. М. - Т., 1950). Когда же не возникала необходимость в разграничении названий этих рек, гидронимы в различных источниках XVII - XVIII веков употреблялись и без цветовых определений.

Происхождение названия *Калитва* почти не привлекало к себе внимания исследователей, и на этот счет высказано мало суждений. В 40-е годы прошлого века появилась версия о том, что топоним *Калитва* состоит из двух слившихся слов-предлога *коло* (*около*) и наименования народа (этнонима) *литва*. М. Макаров, автор статьи «Несколько историко-филологических заметок к словарю г. Линде по букве К», напечатанной в четвертом номере «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» за 1846 год, сообщал, что его знакомый доктор Гайзлер «подслушал у здешних

поселенцев много слов литовских... измененных, порусевших, но все еще ярко видных». «Многие здешние крестьяне родом «с Литвы». Этого довольно, подумал я, Колитва - окол - Литва?..».

Перед нами типичный образец так называемой народной этимологии географических названий, характеризующейся случайным и поверхностным сближением собственного имени с близкими по звучанию словами. Знаменательно, что тот же предлог *коло* автор ошибочно усматривает и в таких топонимах, как *Коломна*, *Калуга*.

Следует еще иметь в виду, что выходцами «из Литвы» - *литвинами* в старину часто называли белорусов и украинцев. Кроме того, против такой этимологии свидетельствуют прилагательное и название жителей бассейна Калитвы - *калитвинский*, *калитвинцы*, которые отличаются от *литовский*, *литовцы* по способу соединения приставок с корнем.

Только спустя более ста лет профессор П.Я. Черных в статье «О некоторых старых названиях рек (Топонимические заметки)», говоря о гидронимах *Калитва* и *Калитвенец*, предположил, что в них содержится древнеславянский корень *kal-* со значением «грязь», так же как и в речном имени *Калка*, которое в «Книге Большому чертежу» представлено в форме множественного числа *Калы* (Мовознавство. Т. XIV. - К., 1957). К сожалению, П.Я. Черных ничего не сказал о структуре топонима и о причинах именованья, что очень важно для научной этимологии. Однако само указание на наличие в нем корня *kal-* - бесспорная удача исследователя. Корневое слово *kal-*, сузившее свое значение в современном русском литературном языке (испражнение, помёт), в русских народных говорах, а также в древнерусском языке и в других славянских языках часто употребляется в значениях «жидкая грязь», «топь», «болото», «слякоть», «тина» и т. д. Например: старославянск. и др. русск. *kal* - «грязь, тина, слякоть», болгар. *kal* - «грязь», «осадок», словац. *kal* - «грязная вода», «жидкая грязь», «осадок», польск. *kał* - «грязь», «лужа», «топь»; в староукраинском языке *kal* - «болото», «грязь» (это же значение отмечено и в украинском диалектном слове *kal*), старобелорусск. *kal* - «дорожная грязь» (в диалектах *kal* - «густая грязь») и т. д. (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 9). Сравните еще производные с этим корнем в русских народных говорах: *калега́* (*калига*) - «слякоть, мокрый снег,

непогода», *ка́лиха* - «ненастная погода (дождливая, с мокрым снегом)» [Словарь русских народных говоров]; в украинском языке: *кальний* - «грязный», *кальність* - «грязь», *кально* - «грязно», *каляння* - «мазанье, пачканье», *каляти* - «пачкать, грязнить» и др. (Грінченко Б. Словарь української мови). Количество примеров можно увеличить. Все они свидетельствуют о том, что корень *кал-* в древности имел широкое значение «грязь, нечистоты; грязнить, пачкать», сохраняющееся во многих современных славянских языках. Естественно, что он отразился и в славянской, в том числе и в русской, гидронимии. Это прежде всего летописное *Калка* (в «Книге Большому чертежу» - *Калы*), в настоящее время сохранившееся как название одного из притоков Кальмиуса, впадающего в пределах Донецкой области Украины в Азовское море. Особенностью многих речек бассейна реки Кальмиус (*Калки* или *Кал*) является мутная, очень минерализованная вода и топкость берегов и русла. В бассейне Десны, левого притока Днепра, имеется речка *Калище* (Черепанова Е.А. Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы. 1984). Среди гидронимов Верхнего Днепра находим название *Калита*, в котором к старорусскому корню *кал-* присоединен суффикс *-ита*, по-видимому, балтийского происхождения (Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья).

Топоним *Калитва* представляет собой такое же структурное образование, как и слова типа *битва*, *жратва*, *бритва*, *молитва*, диалектное (владимирское) *литва́* - «сильный дождь», в которых выделяется суффикс *-тва*, присоединенный к глагольной (инфинитивной) основе. Видимо, такого же происхождения и донское диалектное существительное *галитва́* - «бедняки» (Словарь русских донских говоров), в истоках которого лежал глагол *голить* (ср. *гольтьба* от *голый*), и украинское слово *шитво́* - «шитье» (с предметным значением), имеющее другое родовое окончание. Форма *Калитва* отличается от приведенных выше существительных ударением на последнем слоге. Однако в диалектной речи эти слова (за исключением *молитва*) имеют ударение как на первом, так и на конечном слоге. Акцентологические (связанные с ударением) варианты этих слов могут иметь неизвестные литературному языку значения: *би́тва* и *битеа́* - «возня, хлопоты, мученье», «бойкий ребенок»; ср. еще *битеа́ мяча* (Словарь русских народных говоров); *бритва́* - «большой острый

широкий нож для очистки кожи» (там же); *жрѣтва*- «обжора» (там же). Ср. также укр. *Литва́* и *Літва* - слово употребляющееся не только как топоним, но и как нарицательное существительное с собирательным значением «белорус» (ГринченкоБ. Словарь української мови).

Первоначальным значением слова *калитва*, вероятно, было «грязная вода» или «топкое, грязное место». Берега Белой Калитвы состоят из меловых толщ, в них часто «обнажаются мел и белые рухляки, кремнистая глина» (Труды Общества испытателей при императорском Харьковском университете. 1873). Река Черная Калитва имеет такие же меловые берега в своем нижнем течении (там же). Можно допустить, что данный топоним вначале имел узко локальную привязанность, относился не ко всей реке, а к какому-то ее участку, а затем уже распространился на все ее протяжении.

Гидроним *Калитва* интересен для нас как диалектное (возможно, древнерусское диалектное) слово, сохранившееся в «отраженном» состоянии - только в виде географического названия. Такие собственные имена обладают «реконструктивными возможностями», позволяющими восстановить утраченные языком и нигде не зафиксированные нарицательные имена (Смолицкая Г.П. Ономастика в историческом словаре общепилологического типа. - В кн.: Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984). Слово *калитва*, перешедшее в топоним, могло быть местным географическим термином, обозначавшим определенную разновидность природных объектов, которые отличались наличием грязи, загрязненной воды. Возможно, так называли вязкие, заболоченные места.

Кроме Донского бассейна, это слово - но только в качестве оронима (названия возвышенности) - встречается в Среднем Поднепровье: возле села Китайгород Царичанского района Днепропетровской области Украины находится холм или гора (так называют его местные жители) *Калитва*, круто спускающаяся к *Орели*, левому притоку Днепра (Ляскоронский В.Г. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области днепровского левобережья. М., 1911). Она резко выделяется на плоской равнине, занимая площадь в 480 гектаров. В древности на ней был сторожевой пост запорожских казаков. Неправильное землепользование, начатое на ней более ста лет тому назад, нанесло ей огромный ущерб,

вызванный эрозией почвы. Земля «потекла», гора надвигалась на близлежащее село, затапливая его потоками жидкой грязи, пока ее склоны не засадили деревьями и кустарниками. Эта наступавшая на село грязь, размытая глина (одна из улиц так и называлась раньше - *Глинище*), по-видимому, обозначалась в речи местного населения словом *калитва*, впоследствии превратившимся в название самой «горы».

Итак, в старину на среднем и нижнем Дону появились два одинаковых гидронима *Калитва*, что привело к неудобствам при идентификации их с географическими объектами, при ориентировании в пространстве и со временем вызвало появление при них различительных определений - *Белая* и *Черная*, в самом значении которых содержится резко выраженное противопоставление. В первом из них первоначально могла получить отражение такая природная особенность реки, как меловые отложения на ее берегах или беловатый цвет воды от растворенного в ней мела. Второе определение могло возникнуть уже как «реакция» на первое. Оно по отношению к нему вторично. В нем не было указания на этот же признак реки, имеющей такие же меловые берега; оно только «предупреждало», что это другая река с подобным именем.

Название левого притока Северского Донца речки *Калитвенец*, или *Калетвеница*, также связано со словом *калитва* и является уменьшительной формой последнего. Речка *Калитвенец* меньше находящейся рядом *Калитвы*. *Калитвенец* отмечается в «Книге Большому чертежу». Она делится на Малый и Большой *Калитвенец*. Последнее название нередко переходило и на всю реку. Отсюда варианты гидронима: *Калитвенец*, *Калитвеница*, *Большой Калитвенец*, *Большая Калитвенская*, встречающиеся в письменных источниках XIX-XX-веков. Приращение *-ен-* в суффиксах *-ец* и *-иц(а)* появилось от основы прилагательного, образованного от гидронима. В прошлом оно было широко представлено в многочисленных названиях населенных пунктов в бассейне Белой Калитвы. Это станицы, хутора и поселки: *Калитвенская*, или *Калитвянская* (сейчас город *Белая Калитва* Ростовской области России), *Усть-Белокалитвенская*, *Егоро-Калитвенский*, *Марково-Калитвенский*, *Мартыново-Калитвенский* и т.д.

* Русская речь. 1989 г. - №2.

Название *Усёрд* (в современном произношении - ус'орт) встречается только в топонимии Дона. Его получили один из притоков Тихой Сосны, впадающей в Дон между устьями других его крупных притоков - Воронежа и Битюга, а также основанное на нем в начале XVII века укрепленное поселение («город»). Ранние случаи фиксации этого топонима мы находим в воронежских актах первой половины XVII века: «при устье Усёрда», «от города Усёрда за рекою за Усёрдом» (1637 г.) и др. Речка Усёрд называлась еще *Большим Усёрдом*, *Большим Усёрдцем* в отличие от ее притока, в разное время именовавшегося *Малым Усёрдом*, *Малым Усёрдцем* или просто *Усёрдцем*. Название главной реки с суффиксом *-ец*, имевшим уменьшительное значение, появилось в результате распространения наименования притока на принимающую его главную реку благодаря процессу расподобления омонимичных собственных имен - названий реки (гидронима) и населенного пункта на ней. Подобные случаи структурного расподобления в топонимии Дона отнюдь не единичны. Например: река *Изюм* - город *Изюм*, позднее город сохраняет первичную форму, а река, в устье которой он возник, получает название *Изюмец* с суффиксом *-ец*, который в новых условиях начинает играть топониморазличительную роль (форма *Изюмец* ранее относилась к притоку Изюма).

Интересующий нас составной гидроним в памятниках встречается и в другом виде: с определением *большой-Большой Усёрд*, *Большой Усёрдец*, крайне редко - с определением *тихий: Тихий Усёрд*, попавшим в него из составного гидронима более «высокого» ранга - названия принимающей Усёрд реки - *Тихой Сосны*. Приток Усёрда, или Большого Усёрда, мог иметь при себе определение *малый*, иногда дублирующее суффикс: *Малый Усёрд*, *Малый Усёрдец* (форма,

противопоставленная варианту названия главной реки - *Большой Усёрдец*).

Укрепленное городище в устье реки Усёрд появилось в 30-е годы XVII века. В ряде актов 1637 года мы уже находим упоминания о «верхнем Усёрдцком городище» и «другом Усёрдцком городище», находившемся в «устье реки Усёрда», жители которых были «на государевой службе». Во многих документах XVII века, повествующих о событиях на Дону, топоним *Усёрд* встречается в качестве названия населенного пункта или местности, урочища, например: «а приходу де чают их под Усёрд» (1644 г.), «и на Усёрд и на Ольшанск» (1647 г.), «с Усёрда города», «до Усёрда» (1658 г.), «под Усёрд и под Воронеж» (1646 г.) и др. Примечательной географической особенностью города Усёрда было то, что он находился между Валуйками и Острогожском на равном расстоянии (60 верст). При Петре I часть жителей Усёрда переселяется в урочище Бирючью Яругу на левом берегу Тихой Сосны и основывает здесь поселение Бирюч, получившее позднее, при Екатерине II, статус уездного города, а на месте старого Усёрда возникла слобода Стрелецкая (сейчас село Стрелецкое).

Обращает на себя внимание, что топоним *Усёрд* появляется в одном районе с другим близким по звучанию названием - *Осерёд*, относящимся к левому притоку Дона ниже устья другого его притока Битюга. Устье Тихой Сосны тоже находится недалеко от места впадения в Дон Битюга. Данное обстоятельство, наряду со звуковой близостью, позволяет нам поставить вопрос об этимологической общности этих географически связанных разноструктурных гидронимов. Название *Осерёд* рассматривается нами как перешедший в географическое имя местный географический термин *серёд* с развившимся приставным *а*-. Аналогичным образом в бассейне Красивой Мечи (тоже Верхний Дон) название его левого притока реки *Мутной* получило приставной гласный, откуда варианты *Амутная* и *Омутная*. По данным каталога Г.П. Смолицкой, в бассейне Оки топонимы от прилагательного *мутный* тоже имеют аналогичные приставные звуки: *Мутенка*, *Мутня*, *Амутня*, *Амутна*, *Омутенка*, *Омутна*, *Омутня* - все это варианты названия правого притока Оки в среднем ее течении [Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер), М., 1976]. Начальное *о* на месте *а* в бассейне Дона отмечается и в топонимическом прилагательном *алиманский* (от *алиман*,

лиман): Олиманское озеро отмечено в пойме реки Гнилой, правого притока Дона (Список населенных мест Области Войска Донского по переписи 1873 года. Новочеркасск, 1875), на реке Хворостани, левом притоке Дона (выше устья Битюга) в конце прошлого века существовал населенный пункт *Алеманский*.

Каково происхождение начального звука *у-* в слове *Усёрд*, что это: часть корня, приставка или асемантический звук, как в названии *Осерёд*? Он не может произойти из добавочного начального *а-*. Губной звук возможен только из *о*, точнее - из его редуцированного варианта в начале слова, благодаря лабиализации редуцированного. Но такое звуковое изменение начального редуцированного *ъ- (<о)* в ряде говоров с неполным оканьем происходит, как правило, во втором предупредном слог абсолютного начала слова, ср.: *устрová / устраvá < ъстрová < бстрová, удновó / уднагó (ъдновó / ъднавó* и т.д. и лишь в «некоторых случаях» на месте исконного *о* «в I-м предупредном слог по говорам произносится *о'* или *у*» (Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии). Все сказанное не позволяет считать появление начального *у-* в гидрониме *Усёрд* результатом развития *о-* на месте начального *а-*.

Название *Усёрд* мы рассматриваем как префиксальное слово, где *у-* является приименной приставкой. Кроме гидронима *Осерёд*, восходящего к географическому нарицательному существительному *серёд/осерёд* «отмель на реке; песчаный остров наносного происхождения», имеющего полногласный вариант корня *-серёд-*, асемантический элемент *о-* (*а-*) мы находим в диалектных словах с корнем без полногласия (*-серд-*), имеющих суффиксальный или флексийный исход: *осердие/осердые, осерье, осерды* «середина», «внутренность животного, потроха» (Словарь русских народных говоров, Словарь русского языка XI-XVII вв.). Полногласный вариант праславянского корня - **surd-* / **serd-* сохраняется в русском языке только в гидрониме *Осерёд* и восстанавливаемом на его основе географическом нарицательном существительном *серёд/*асерёд* (ср. в составе производных *среда, середина, середка*), а также в диалектном предлоге *серёд*. Неполногласный вариант корня в качестве корневого слова в русском языке отсутствует. Он представлен только в связанном состоянии - в сочетании с суффиксом (др.-русс. *сърдьце < *sъrdько*) или с другими корневыми морфемами в составе сложных слов (*милосърдие*, ст.-слав. *тяжъкосръдь* и др.). В рассматриваемом нами случае корень

-*сёрд*- выступает в сочетании с приставкой *у-*. Слово *Усёрд* до того, как стало топонимом, представляло собой географический термин с этимологическим значением «середина», впоследствии приобретшим терминологические значения «остров», «песчаный нанос в реке в устье ее притока», «мель», такие же, как и у зафиксированных в словарях его словообразовательных вариантов *осерёдок*, *осерёдыш*, *серёдок* (Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов).

Примененная приставка *у-* в значениях «на», «вверх», «в» содержится в целом ряде славянских географических терминов: *увоз* «теснина», *угор* «крутой берег реки», «крутизна», *удол* «низина» (ср. др.-русск. *удоль*, *удоль*;; ст.-слав. и црк. *юдоль* - первоначально «долина»; польск. *wąwóz* «овраг», *wądot* «овраг, лощина; выбоина, ухаб» и др.) [Фасмер М. Этимологический словарь русского языка]. К этому списку, очевидно, следует добавить *урыв* «высокий крутой обрыв речного склона, обычно подмываемый рекой, с выходами коренных пород», *уров*, *уровище* «глубокий овраг» (ср. корневое слово *ров*), а также *ущелье* (ср. бесприставочные варианты *щелье*, *щелья* и *щель*). С местным географическим термином *урыв* и его не зафиксированным словарями вариантом *урва* (ср. укр. *урвище* «обрыв, круча, крутизна») безусловно связаны верхнедонский гидроним *Урванка* (исток Дона; берега его высоки и круты), а также небольшая группа-гидронимов бассейна Оки: река *Урва*, озеро *Урвановское*, овраг *Урвинский* (Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки). Ср. еще: деревня *Урвань* в Мещевском районе Калужской области России. Предположение о том, что начальный *у-* в гидрониме *Усёрд* не был когда-то бессмысленным элементом слова, подтверждает и наличие в бассейне Усёрда другого гидронима (тоже образованного от местного географического термина) с такой же приставкой. Это его левый приток *Утеча*, или *Утечь Колодезь*, речка *Утечь*. Ср. укр. *теча* «течение», с приставкой *не-* представленное в гидрониме *Нетеча* (бассейн Северского Донца), белор. *утока* «приток», «устье реки».

Не попавшее в письменные источники старорусское слово *усёрд*, по-видимому, на дотерминологической стадии имело значение «середина». Оно могло сохранить это значение и тогда, когда стало термином (известно, например, употребление со значением «середина» географического нарицательного существительного *сердце*, имеющего тот же вариант корня) (Мурзаев Э.М. Указ. соч.). Так же, как его

разноструктурные синонимы *серёд* и *осерёд*, оно могло быть и предложным наречием со значением «посреди», «в центре чего-л.».

Как структурно-смысловая параллель к восстановленному нами нарицательному существительному *усёрд* вызывает интерес старорусское существительное *укромь* (<у-+кромь «граница, предел, край чего-л.») - «отдаленное место»; позднее развивается переносное значение «пристанище». В.И. Даль иллюстрирует его в Толковом словаре примером: «Так приезжай же в мой укроем, в мою укромую!».

Сейчас уже трудно определить, с каким значением перешло в топоним географическое нарицательное существительное *усёрд*. Тот факт, что в одном районе Верхнего Дона получили отражение в его гидронимии оба диалектных слова с корнем *-серд-/серед-*, можно объяснить, во-первых, диалектной вариативностью морфемной структуры одного и того же термина и, во-вторых, тем, что эти структуры уже стали разошедшимися и по значению словами. Если термин *усёрд* топонимизировался со значением «середина», то *Усёрдом* первоначально могло быть названо городище в устье безымянного притока Тихой Сосны, который позднее, благодаря контактному переносу наименования поселения, получил такое же название. Это городище занимало срединное положение между очень важными географическими пунктами на южнорусских землях в начале XVII века - городом Валуйки и урочищем Острогоще, где на месте какого-то более раннего поселения в середине XVII века основывается Острогожский острог, затем - город Острогожск (на реке Острогоща). Географическое нарицательное существительное *усёрд*, если оно так же, как и *осерёд*, развило вторичное значение «наносы речных отложений, мель» (в месте впадения в Тихую Сосну ее левого притока), вначале могло относиться к данной географической реалии. Известно, что такие мели часто использовали для перехода речки вброд кочевники. Через эту мель в устье Усёрда проходила одна из степных дорог, которой пользовались в конце XVI - начале XVII века татары для набегов на русские земли. Прямое указание на это мы находим на «Генеральном плане Бирюченского уезда», а также на «Генеральном геометрическом плане города Бирюча и его уезда», где в месте впадения реки Усёрд в Тихую Сосну (и где в начале XVII века был основан город Усёрд) отмечена река Сакма. В забытом гидрониме *Сакма* отразилось широко известное в XVI-XVII веках слово *сакма* «степная дорога, которой пользовались

крымские татары в своих набегах на южнорусские земли». Для охраны этого татарского перелаза через Тихую Сосну и было построено укрепленное городище, на которое затем было перенесено название урочища. Впрочем, сейчас уже невозможно установить со всей определенностью, в каком направлении и в какой последовательности происходили переносы топонима - на городище, а потом на реку или наоборот. Такая передвижка могла иметь и одноступенчатый характер: название урочища благодаря ассоциации по смежности могло одновременно распространиться на реку и городище.

* Русская речь. 1991 г. - №1.

САМАРА И ЖИГУЛИ

Говоря о географическом имени *Самара*, относящемся к двум левым притокам рек - Волги и Днепра, известный наш ономаст В.А.Никонов констатировал, что происхождение названия *Самара* не известно, как и не известно, родственны ли названия этих притоков между собой или тождество - простое совпадение. Он также отрицал возможность ираноязычного и тюркского происхождения этого названия (Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 365). Между тем тщательное изучение самих названий и географических особенностей объектов, а также воссоздание процессов называния, приведших к образованию этих омонимичных гидронимов, убеждают нас в их «одноприродности» - языковой и ономастологической.

Волжский топоним *Самара* с точки зрения обозначения одного и того же географического объекта связан также с названием гор на Волге (оронимом) *Жигули*, или *Жегули*. В настоящее время это разговорный вариант первичного описательного названия *Жигулевские горы*.

Они находятся на правом - нагорном берегу Волги, в северной части Самарской луки, представляющей собой большую (свыше 200 км) излучину Волги, между Усольскими и Сокскими горами. Раньше они были известны как *Яблонные горы*. По свидетельству русского путешественника и натуралиста, руководившего в конце 60-х годов XVIII века экспедицией Академии наук в Поволжье, И.И. Лепехина, такое наименование они получили оттого, что на их склонах «довольно растет диких яблоней» (Дневниковые записи путешествия..., 1771-1805гг.).

Характерной особенностью гидро рельефа этой территории

Поволжья является то, что в западную часть Самарской луки справа впадает река Уса, чье русло настолько сближается с нижней частью волжской петли, что образует узкий перешеек (2,5 км), где издавна существовал волок. Сейчас на его месте находится населенный пункт Переволока. «Волга и Уса почти замыкают Самарскую луку в водное кольцо...» (Емельянов М.А. Жигули и «кругосветка». Куйбышев, 1936. С. 7). Самарской лукой называлась не только сама излучина, но и ограниченная этим кольцом территория. Как увидим, последний момент очень важен для установления этимологии топонима.

Указанная географическая реалья и определила выбор имени. В тюркских языках имеется нарицательное существительное (апеллятив) *самар* со значениями «седло», «мешок», «таз», «кувшин». С одним из них данный апеллятив мог перейти в разряд тюркских народных географических терминов, обозначающих излучину реки, крутую ее часть. Многие подобные термины вначале удерживают свои метафорические значения, которые с течением времени слабеют и нередко вовсе утрачиваются (например: *азак* «нога» → *азак* «устье реки», *баш* «голова» → *баш* «исток реки» и др.). Очень часто происходит топонимизация этих терминов - без изменения их формы или с суффиксацией производящих основ. Например: тюркское *саур* «круп лошади» → *Саур-Могила*, возвышенность в Северном Приазовье; *хамут* «подковообразное русло реки» → речка *Хамутец*, левый приток Воронежа, правого притока Дона и т.д. В настоящее время как географический термин слово *самар* уже не употребляется. О существовании его в прошлом теперь можно судить лишь по нескольким случаям отражения его в топонимии, и он «реконструируется» на основе этих топонимов.

Земли, охваченные волжской излучиной; тюркоязычное население Поволжья назвало *Самаром* «мешком». Так, но только с метафорическим значением «седло», могла быть названа и сама излучина. Позже название *Самар* было перенесено и на левый приток Волги, впадающий в Самарскую луку. Произошел перенос названия по смежности объектов (топонимическая метонимия) без дополнительного суффиксального оформления. Сравним аналогичные топонимы: горная система *Урал* → река *Урал*, урочище *Елец* (от *елец* «роща, дубовый или еловый лесок») → речка *Елец* в бассейне Дона и т.д. Став названием реки, топоним *Самар* со временем приобрел

окончание женского рода, типичное для русских речных имен. По реке *Самара* был назван и город в ее устье (тот же контактный перенос названия, но уже с реки на поселение). Основанный в 80-е годы XVI века населенный пункт Самара в 1935 году был переименован в Куйбышев. Прежнее историческое имя ему было возвращено в 1991 году. От названия урочища *Самар* образовался и составной гидроним *Самарская лука*, т.е. излучина, огибающая урочище *Самар*.

Топонимная основа *самар-* встречается не только в бассейнах Волги и Днепра, но и на других территориях. Это, например, *Самара* в бассейне Осереды, левого притока Дона (между речками Данило и Гаврило); *Самарчик* в Крыму (впадает в юго-восточную часть Каркинитского залива); крымская речка *Самарли* (южнее Акташского озера); *Самарка* в бассейне Береки, правого притока Северского Донца; *Самарка* - приток Невы; *Самара* - левый приток Амура и др.

Примечательно, что вторая по длине и площади водосбора Самара - левый приток Днепра (первая - Самара Волжская), протекающая по Донецкой и Днепропетровской областям Украины, в своем среднем течении тоже образует огромную петлю, которая в документах XVIII века, как и Самарская лука на Волге, именовалась *Великой лукой*, например, в «Росписи» И. Коломина (Летопись занятий Археологической комиссии. СПб., 1862. Вып. 1. С. 6†). Первоначальное название притока Днепра было мужского рода и точно повторяло форму географического термина *самар*. Например, в документе 1502 года: «на усть Самара у Днепра ж» (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаем и Турцией. М., 1884. Т. I. С. 377).

В «Книге Большому чертежу», составленной в 1627 году в Разрядном приказе, отмечаются колебания. В ней употребляется как старая форма мужского рода *Самар*, так и новая - женского *Самарь*. Последняя форма, весьма распространенная в XVII-XVIII веках, сохраняется до нового времени, конкурируя с вариантом *Самара*, который в конечном итоге оказался победителем. Трудно сказать, какой вариант - мужского (*Самар*) или (*Самарь*) женского рода скрыт в записях гидронима на картах России XVI - начала XVII веков, составленных иностранцами: *Somar* f. (от латин. *flumen* «река»), *Soma flu*, *Samar flu*; *Samar* fl. Последний вариант записи гидронима относится

к Самаре, левому притоку Волги, а все предыдущие - к Самаре Днепровской (карта России И. Магина из итальянского издания «Географии» Птоломея, 1596 г.; карта России И. Магина из атласа 1600 г.; карта России Гесселя Герритса, 1614 г.; карта России Дженкинсона из атласа «*Spiegel der Werelt*» П. Гейнса, 1583 г.; карта России С. Нейгебауэра, 1612 г. - в кн.: Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. 1.).

Следует иметь в виду, что не вся «самарская» гидронимия может быть объяснена на основе реконструированного географического термина *самар*. Каждая *Самара*, *Самарка* (или *Самарчик*) нуждается в пристальном изучении с учетом всех языковых и внеязыковых условий их возникновения и формирования как географического имени на данной территории. В этом названии могут получить отражение разные реалии. Так, если топоним *Самар(а)* в бассейнах Волги и Днепра отразил седловидную изогнутость русел этих рек, то название реки *Самары*, левого притока Амура, иного происхождения. Этот гидроним возник как бы в «обратном порядке» - от названия населенного пункта на этой реке. В устье этой Самары в 1865 году было основано село Самарское переселенцами-молоканами из Самарской губернии (Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894. С. 354). От названия этого населенного пункта и образовался амурский гидроним *Самара*. Имя села было осмыслено как производное от основы *самар-*, хотя на самом деле это перешедшее в топоним на новом месте поселения прилагательное из названия губернии (*Самарская губерния* → *Самарское*). Катализатором этого процесса имьятворчества могли быть воспоминания об оставленной родине и левом притоке Волги - реке Самаре. Раз село *Самарское*, то река, на которой оно находится, вполне может быть *Самарой* (как город *Волжский* - на *Волге*, город *Донской* - в верховье *Дона*, станица *Медведицкая* - на реке *Медведице*, правом притоке *Дона* и т.п.).

Таким образом, объяснить происхождение дальневосточного гидронима *Самара* означает раскрыть, восстановить причины его появления, т.е. уяснить его этиологию, как писал В.А. Никонов, на основе другого названия сопредельного географического объекта. Какая-то часть *Самар* (например, *Самарка* в бассейне Береки, правого

притока Северского Донца, и *Самара* в бассейне Осереда) могли быть перенесены на новую территорию в процессе миграции населения, например, переселенцами из присамарских сел бывшей Екатеринославской губернии (в селениях, расположенных в бассейне Осереда, на юге Воронежской области, и сейчас проживает много украинцев).

Самарская лука у русского населения Поволжья получает также название *Жегуля*. Это слово как нарицательное существительное - народный географический термин в говорах не засвидетельствовано и тоже восстановлено нами на основе топонима. Оно отразилось и в сопредельной гидронимии Дона. Например: *Жегуля* - узкий и маловодный ерик, протока Дона (возможно, его старое русло) в районе устья Северского Донца, обтекающая станицу Кочетовскую. На картах и планах конца XIX - начала XX веков *Жегуля* изображена как длинная и узкая протока между Доном и Сухим (или Спорным) Донцом. По-видимому, именно этот диалектизм лежит в основе названий *Жигули*, *Жигулевские горы*. Этот топоним связывали и с именем легендарного разбойника Жигулина (Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838. Ч. XXVII. С. 74. Отдел «Смесь»), и с *жиган* «опытный, тертый острожник» (Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 140), т.е. *Жигули* - это место скопления волжских разбойников, нападавших на купеческие суда. В последнее время появилась гипотеза о происхождении топонима от тюркского слова *джигули* «запряжной рабочий, бурлак», которое могло относиться и к горам, и к населенному пункту (Русская речь. 1970. № 1. С. 101).

Историю образования географического имени *Жигули* (*Жегули*) можно представить в следующей последовательности: географический термин *жегуля* → *Жегуля* (изгиб Волги) → название села *Жегули*, где форма множественного числа, как и суффикс в других названиях, выполняет роль топонимобразовательного средства, → *Жегулевские горы* (сравните еще другие горы на возвышенном правом берегу Волги, получившие свои названия от расположенных там селений и урочищ: Щучьи горы, Ундарские, Городищенские, Новодевичьи, Усоли, Кашпурские и др.) → *Жегули*, или *Жигули* (производная форма от оронима по типу: *Карпаты* от *Карпатские горы*, *Соловки* от *Соловецкие острова*, *Командоры* от *Командорские острова* и т.д.).

Таким образом, возникшие в районе Самарской луки топонимы

- тюркский *Самар(а)* и русский *Жигули (Жегули)* содержат корни, этимологическое значение которых отразили местные географические реалии: похожий на мешок огромный участок территории, заключенный в излучине Волги между ее правым берегом и рекой Усой (*Самар*), и более чем двухсоткилометровый изгиб самой Волги (*Жегуля*, но возможно и *Самар*).

Реконструированный нами народный географический термин *жегуля (жигуля)* этимологически связан с такими диалектными словами, как *жигулистый* «тонкий, длинный» (так говорят и о гибком, ловком, быстром, проворном человеке), *жгуль* «узел белья», *жегулиться* «зябнуть», *жгулик* «скорчившийся от холода человек» (Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9. С. 93, 99, 167), а также со словом *жгут*, в котором Ж.Ж. Варбот усматривает древний индоевропейский корень *ghegh - «гнуть» (Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978). Географический термин *жегуля*, на базе которого сформировался топоним, имел значение «изгиб, извилина, речная лука». Родственную основу *жигул'* - содержит и отпрзвищная русская фамилия *Жигулин*.

* Русская речь. 1994 г. - №5.

ИЗ ОНОМАСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ К «РУССКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» (БЕЛГОРОД, МЦЕНСК) *

1. БЕЛГОРОД

Этот город, областной центр на юге России, был основан на реке Северский Донец по указанию царя Федора Иоановича в 1596 г. как один из «украинных городов» для защиты южных границ Русского государства (одновременно с Оскольским городом на Осколе и Курском на Семи). Решению царя предшествовала состоявшаяся в июне этого же года ознакомительная экспедиция «в поле» специального отряда, в состав которого вошли «головы» Иван Лодыженский и Третьяк Якушкин, а также подьячий Никифор Спиридонов. Они нашли подходящее место для будущего укрепленного поселения - «место крепко, гора велика, и леса пришли великие, и земля добра», как сказано в их докладе царю (РК, 500).

Это место уже имело название, которое в разных списках «Разрядной книги» представлено в двух вариантах: Белогородье и Белогорье. Первый из них - в Уваровском списке (ГИМ, собрание Уварова, № 950), относящемся к XVII в.: «на Донце на Северском на Белогородье». Этот список положен в основу академического издания Разрядной книги 1475-1598 гг. Это дало повод некоторым исследователям (Б.А. Рыбаков, И.П. Пархоменко, Ф.П. Тройно) считать, что название местности или урочища возникло из описательного географического имени **Бѣлаъ городъ**, которое относилось к более раннему селению. По их мнению, наименование «места» Белогородье якобы «свидетельствует о возведении нового Бел Города на древнем городище», возможно, хазарском, а не на Белой (т.е. меловой) горе (Истоки, 50-151). Однако в более раннем - Архивном

списке, хранящемся в ЦГАДА (фонд 210, скоропись конца XVI в.), по которому приводятся варианты к основному тексту опубликованной Разрядной книги, на этом месте обнаруживается вариант **Белогорье**, производный от топи́ма **Белая гора**: «на Белогорье». Возможно, оба варианта топонима: описательный - **Белая гора** и производное от него название местности - **Белогорье** существовали синхронно и в одно время с названием селения (ойконимом) **Бѣлъ городъ**, будучи мотивированными общим прилагательным цветообозначения **белый**, указывающим на значительные выходы на поверхность меловых отложений. Эта же основа содержится и в названии притока Северского Донца, впадающего в него ниже города: **Белые Воды**, **Белая Вода** - «на Белой Воде» (АМГ-Ш, 102-103, 1660 г.), **Белый Колодезь** (СРДонБ, 42). В некоторых документах начала XVIII в. встречается также редкий и позже утраченный вариант названия города, образованный уже от последнего гидронима, - **Белоколодецк** (Лишин-1, 219, 1703 г.). Ср. также в «Книге Большому чертежу» (1627 г.): «**А Бѣлъ-городъ стоятъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца...**» (КБЧ, 24).

Нерегулярную форму **Белогорье** следует рассматривать как возникшую в результате контаминации реального топонима **Белогорье** и описательного названия **Бель городъ**, когда обе его части были еще самостоятельными. Оттопонимное прилагательное, образующую основу которого составляет современное название города, имеет форму **белгородский**. От топонима-словосочетания **Бѣлъ городъ** такое прилагательное образуется с соединительным гласным (**белгородский**), указывающим на грамматическую самостоятельность и полнзначность составляющих топоним частей. Подтверждением такого состояния входивших в топоним частей является и частое написание в текстах конца XVI-XVII вв. «ера» в конце определительного слова в именительном падеже, и склонение первой части ойконима. Например: «в **Белегороде**», «из **Бела ж города**» (РК, 518, 521, 1598 г.); «в **Бѣлѣгородѣ**», «в **Бѣлъгородѣ**» (ПЮН, 124, 1619 г.); «отъ **Бѣла города до Нижегороди версть съ 20**» (КБЧ, 25); «к **Белугороду**» (Грамотки, 129, 1677 г.) и др. И только с начала XVIII в., наряду с еще довольно частой склоняемостью первой части ойконима, в документах фиксируются первые случаи лексикализации топонимического словосочетания и появление общей флексии (т.е. **Бѣлъ городъ** → **Бел-город** → **Белгород**). При этом в одном и том же

тексте могут быть зафиксированы оба состояния ойконима - со склонением обеих его частей (т.е. с двумя окончаниями - прилагательного и существительного) и с единственной общей флексией топонима-существительного. Например: «...И то все тому мастеру велено давать из Белгорода генералу князю Ивану Михайловичу Кольцову Мосальскому с товарищи каменно-затонскому воеводе; также из Белгорода до каменного Затона тому мастеру подводы и провожатых дать в Белгород...» (ИРФ-П, 475, 1704 г.).

Все сказанное позволяет внести поправку в объяснение происхождения ойконима Белгород, принадлежащее В.А. Никонову: «Назван, вероятно, за цвет зданий, которые белили мелом - вблизи города меловые горы» (КТС, 47). Укрепленное поселение («город») получило свое наименование, скорее всего, сразу же после основания его, и в его имени, так же как и в названиях сопредельных географических объектов - Белая гора, Белогорье (территория возле Белой горы) и Белый колодезь, отразилась характерная для данной местности географическая реалья - белый цвет обильных меловых отложений. Все эти топонимы появились независимо друг от друга.

Условные сокращения:

1. АМГ-Ш - Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук, под ред. Д.Я. Самоквасова. Т. 3: СПб., 1901;
2. ГИМ - Государственный исторический музей (Москва);
3. Грамотки - Грамотки XVII - начала XVIII века. «Наука». М., 1969;
4. ИРФ-П - Елагин С. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Части 1-2. СПб., 1864;
5. Истоки. - Вып. 1. Белгород, 1993;
6. КБЧ - Книга Большому чертежу. Древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. Издание второе. СПб., 1839;
7. КТС - Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. «Мысль». М., 1966;
8. Лишин-1 - Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собр. А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891;
9. ПЮН - Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI - начало XVII в. «Наука». М., 1990;
10. РК - Разрядная книга 1475-1598 гг. «Наука». М., 1966;
11. СРДонБ - Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934;
12. ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов (Москва).

2. МЦЕНСК

Это название носит один из древнейших южнорусских городов, в настоящее время - районный центр Орловской области, на реке Зуше, правом притоке Оки. Первое упоминание о нем в летописи относится к 1147 г.: «и приде къ Мъченскѹ и поиде къ Крому на князя Изяслава Давыдовича»; «...и поидоша въ Вятичи и взяша ихъ, и Мченескъ, и Глуховъ» (ПСРЛ-IX, 173, 1147 г.; 193, 1152 г.). Структура ойконима (краткое относительное прилагательное с суффиксом -ьскъ) подсказывает его происхождение от гидронима. Селение было основано на берегу какого-то водного потока (речки, ручья) с названием Мъчна (в «цокающем» произношении - Мецна), в котором, в свою очередь, имеется суффикс -н(а). Этимологической проблемой является происхождение корневой основы мьч-/мьц- и определение первичного значения гидронима, образованного суффиксальным способом.

В.А. Никонов современное название города Мценск связывает с гидронимом Мецна, «этимология которого неизвестна» (КТС, 280). К «вятскому» слову мцела (мчела) «пчела» возводит ойконим Мценск В. И. Даль (Даль-II, 351). Таким образом, Мценск, по Далю, - «медовый город». М. Фасмер, сближая ойконим Мценск с названием левого притока Оки и притока Свапы в бывш. Курской губернии - Мецна последний гидроним производит от *Мьстьсна или *Мьдьсна, находя в этих праформах отражение финского *määhniä/mähniä* «рыбья икра» (ЭСРЯ-III, 21-22). Оба эти объяснения В.А Никонов справедливо считает неубедительными.

Вариант ойконима Мченск в прошлом веке в просторечном употреблении часто выступал с приставным (протетическим) а- (см. об этом: ГССРИ-III, 368). Такое народно-разговорное произношение данного географического имени было отмечено и некоторыми русскими писателями прошлого века. Например, в «Записках охотника» И.С.Тургенева (рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник»): «...Ведь ты кто? Русский ты?» - «Я амчанин, тятя: в Амченске родился». - «О, глупая голова! да Амченск-то где?» - «А я почем знаю?» - «В России Амченск, глупый» (авторское примечание: «В простонародье город Мценск называется Амченском, а жители амчанами. Амчане ребята бойкие; недаром у нас недругу сулят «амчанина на двор»). В «Дневнике провинциала в Петербурге» М.Е.

Салтыкова-Щедрина: «...Вот как бы вместо Москвы да наш Амченск столицей сделать...»; «А ведь ты, поросенок, не утерпел, чтоб про Амченск-то не сказать!» И.П.Сахаровым были отмечены и другие варианты катойконима (названия жителей населенного пункта) - мещняне «жители Мценска» и амчинин «житель Мценска» в составе того же недоброго пожелания «Амчинина бы те во двор!» (СРН, 214), свидетельствующие о сосуществовании в народной речи старой основы мчен- (мчин-) - в сингулятивной форме катойконима и мещ- (мцен-) - в плюральной.

Вероятнее всего, произношение гидронима как **Мечна** (из **Мьчйна**) было изначальным, а фонетический вариант **Мецна** появился позже благодаря так наз. «цоканью», широко распространенному раньше и в говорах южнее Москвы. Этот суффиксальный гидроним содержит корень мьч-, восходящий к индоевропейскому *mik-, *meik- «блестеть, сверкать, искриться, мелькать, мерцать» (Рокоту-1, 712). Ср. латин. micare «сверкать, трепетать, мерцать», а также «шевелиться, дрожать» (ЛРС, 551; ЭСРЯ-П, 614). Это значение сохраняет и верхнелужицкий глагол mikaś - «мигать, мерцать, сверкать». Такое имя могла получить речка, имеющая чистую проточную воду в отличие от других потоков с малоподвижной, застойной и темной водой, которые именовались «черными». В бассейне Оки это, например, **Черная Локня** (выше устья р. Зуши), речка **Чернь** - приток Зуши недалеко от Мценска и др. Таким образом, **Мечна** - это «светлая» река, с дрожащей от быстрого течения водной поверхностью. Сейчас уже невозможно определить тот объект, к которому относился данный гидроним: им могла быть как сама Зуша, так и какой-то ее приток.

В истории топонима **Мценск** мы имеем тот же случай, что и с названием столицы Белоруссии **Минск** (его старые летописные варианты: **Менескъ, Менскъ, Меньскъ**). Ойконимы сберегли в своем составе основы когда-то мотивировавших их гидронимов (мьчн- и мен-), тогда как самих географических объектов, прежних носителей этих значений, в настоящее время уже не существует. Реки, вблизи которых возникли данные селения, скорее всего, давно уже обмелели и пересохли (о происхождении топонима **Минск** подробнее см.: Лемцегова, 60-62).

Возникшие на основе изначального (**Мечна**) и более позднего «цокающего» (**Мецна**) вариантов гидронима звуковые разновидности

ойконима - **Амченск** и **Мценск** как диалектная (местная) и литературная (официальная) формы одного географического имени сосуществовали вплоть до нашего времени. Так же, как и многие названия русских городов, в основе которых лежит мотивировавшее их речное имя, интересующий нас ойконим в древности имел суффикс **-еск**, фонетически развившийся из **-ьскъ**. В косвенных падежах возникали условия для исчезновения в этом суффиксе гласного звука (после падения в XII в. в русском языке редуцированных). Отсюда обильно зафиксированные в памятниках чередования типа: **Пинескъ/Пинска**, **Полотескъ/Полоцка**, **Луческъ/Лучска/Луцка**); в такие же условия попадал и ойконим **Мьчьньскъ (Мьцьньскъ)**. Под влиянием более частых в речевом употреблении основ косвенных падежей форма именительного падежа по аналогии с ними утрачивает суффиксальное **-е-**, и вся словоизменительная парадигма этого топонима получает одинаковую основу: **Амченск, Мценск/Амченска, Мценска; Амченску, Мценску** и т.д. Есть основания полагать, что архаичные для нас формы именительного падежа **Амченеск** и **Мценеск** продержались в народной речи довольно долго, во всяком случае, до первой половины XIX в., о чем косвенно свидетельствует наблюдение писателя и журналиста Н.А. Полевого (1796-1846), который в «Рассказах русского солдата» писал: «Вам дадут тройку жирных огромных лошадей, и если у вас нет своей повозки, то и с огромною ямщицкою повозкою, укутанною рогожами, с резным задком у кибитки, выложенным разноцветною фольгою, и повезут вас в Питер, Куреск, Смоленеск, Володимер». В местной крестьянской речи, наряду с **Амченском**, в этот период могли еще употребляться варианты **Амченеск** и **Мценеск**.

Сказанное выше позволяет по-иному взглянуть и на этимологию донского гидронима **Меча**. Гидронимы с **меч-** основой зафиксированы не только в Подонье, но и в бассейнах Днепра, Оки, в бывшей Пермской губернии (Семенов -V, 375) и на других территориях. Часть из них, безусловно, связана с «медвежьей» этимологией (ср. **мечка** «медведица», **меча** «медвежья»); другие, вероятно, содержат финно-угорский корень **мечь** «крутой, обрывистый» (КТС, 266). Безусловно, особую группу среди них составляют гидронимы с корнем **мьч-** (< и.-е. *mik-, *meik- «блестеть, мерцать, трепетать», куда входит интересующий нас окский гидроним **Мьчна**, который в фонетически преображенном состоянии вошел в основу ойконима **Мценск**).

Условные сокращения:

1. ГССРИ-Ш - Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи, Т. 3. СПб., 1867;
2. ГССРИ-V. - то же. Т.5 СПб.,1885;
3. Даль-П - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.- М., 1881;
4. КТС - Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. «Мысль». М., 1966;
5. Лемцогова -Тапанімічныя эцюды. - Лемцогова В.П. - Беларуская анамастыка. Мінск. "Навука і тэхніка",1992,с.60-68;
6. ЛРС - Латинско-русский словарь. Составили И.Х. Дворецкий, проф. Д.Н. Корольков. М., 1949;
7. ПСРЛ-IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.,1862;
8. СРН - Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М."Художественная литература",1990;
9. ЭСРЯ-П, Ш - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. «Прогресс». М.: т. 2, 1967; т. 3, 1971;
10. Pokorný-I - Pokorný J.Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Вд. 1. Bern, 1959.

* XVIII век: язык, жанр, стих. Донецк,1996.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИИ *ОТИН* (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий)

Малораспространенная фамилия *Отин* пока еще не привлекла к себе внимания антропонимистов. Современное восприятие этой фамилии подсказывает многим такой ее состав: уже семантически неясная производящая основа *от'* (из *ота-*, *от'а-*, *от'-?*) и патронимический суффикс *-ин* (как в *Осин*, *Мухин*, *Михин*, *Юлин* и т.д.). Этимологизирование данной фамилии связано с уяснением, во-первых, лексической базы ее первой части, во-вторых, словообразовательного форманта и, в-третьих, способа образования фамилии - возникла ли она благодаря суффиксации или же онимизации аппелятива, уже содержавшего в своем составе оба эти компонента (основу и суффикс).

Как и немало других, фамилия *Отин* не может быть объяснена однозначно с точки зрения ее происхождения. Это связано не только с допустимостью различного толкования ее мотивирующей базы, но и с вероятной множественностью словообразовательной структуры этого онима. В его формировании могли участвовать разные производящие слова, близкие по звуковому составу. Ниже рассматриваются три возможные пути образования этой фамилии.

1. Фамилия *Отин* с точки зрения ее словообразовательного строения прежде всего может быть интерпретирована как простой производный оним, в котором финальное *-ин* не является антропонимическим формантом. Через предшествующую ступень - прозвище она восходит к одному из фонетических вариантов прежнего наименования удмурта - *отин* с сингулятивным суффиксом *-ин* (как *русин*, *татарин*, *чудин* и под.). Оно имеет более распространенный в памятниках письменности вариант *вотин* с протетическим звуком. От

этих двух антропонимизированных вариантов этнонима (**Отин** и **Вотин**) при помощи патронимического суффикса **-ов** образовались фамилии **Отинов** (обладатель ее в 80-е годы проживал в Донцке) и **Вотинов** (зафиксирована в одном из актов 1605 г., носителем ее был усольский посадский или крестьянин; Тупиков, 510). Аналогично возникла и фамилия **Чудинов** - от **Чудин** (чудин «финн»). В словаре Н.П. Тупикова имеется большой ряд примеров, иллюстрирующих употребление отэтнонимного прозвища **Чудин** в памятниках XI-XVII в.в. (Тупиков, 431), перешедшего затем в современную фамилию **Чудин**. Ср. также ее поздний дериват с патронимическим суффиксом - **Чудинов**. К отэтнонимной основе мотивирующего антропонима **Вотин**, кроме **-ов**, могли присоединиться и другие суффиксы с патронимическим значением. Иногда их может быть больше одного, как, например, в современной фамилии **Вотинцев** (носитель ее в 60-70 годы жил в Днепропетровске). Эта фамилия - последнее звено в антропонимообразовательной цепочке: этноним **вотин** > прозвище **Вотин** (а затем и фамилия) > **Вотинец** «потомок Вотина» > **Вотинцев** «потомок Вотинца».

Этнонимы-сингулятивы были мотивированы изначальной безаффиксной формой **отъ** (**вотъ**), которая имела как собирательное значение «все удмурты» (в русский язык это слово, как полагают, попало из марийского, где одо «удмурт» (это слово, в свою очередь, восходит к первой части описательного удмуртского этнонима *ud murt*; ЭСРЯ-1, 258; Афанасьев, 108-109), так и выступало со значением единственного числа - «удмурт» (Даль-1, 258). Первичная корневая основа **от'** (**вот'**) отразилась также в прежних наименованиях удмуртов с суффиксом **-ак**: **отяк(и)** - до XV в. и **вотяк(и)** - после XV в. На базе отэтнонимного прозвища **Отяк** или связанного с ним отчества возникла современная фамилия **Отяков**. Н.П. Тупиков указывает на крестьянина Ивана **Отякова**, жившего в 1564 г. в Обонежье (Тупиков, 235). Ср. также старые названия языка удмуртов: **отятский**, **отяцкнй**, **вотятский** и **вотяцкий** (Тепляшина, 261).

Фамилия **Отин** могла быть произведенной не только от этнонима **отъ** «удмурт, вотяк», но и от возникшего на его базе прозвища **Отъ**. Семантика прозвища могла быть разной: не только «вотяк», но и «шут», «дурак», «разиня». На последнее значение этого

русского диалектного апеллятива указывает В.И. Даль (Даль-1, 258). В русском языке известны случаи употребления этнонимов с развившейся пейоративной семантикой. Например: дулеб «простофиля», дулеба «бестолковая женщина» (в южнорусских говорах; ср. в «Юдоли» Н.С. Лескова: «А такая, что баба-дулеба стала, вымывши амвон, начисто воду спускать...»), печенег «дикий, необузданный человек», чукча «чудаковатый, простоватый человек» (СМА, 554), чухна «чухонец» («петербургское прозвание пригородных финнов», а также эстонцев) и чухня - бранное слово со значением «бестолковый дурень» (Даль-IV, 635). Его более известный словообразовательный вариант чухонец (ср. у А. Пушкина: «приют убогого чухонца») в народной речи употребляется также со значением «забудыга, никчемный человек», например: «С дружкой, таким же отпетым «чухонцем», перехватили на тракте сельповскую телегу из соседнего села, отняли у возчика ящик водки...» (В. Шукшин. Сураз). Ср. также: эфиоп - бранное слово со значением «глупый, неразвитый человек» (например, в ряду других бранных слов у А.К. Толстого: «Поросенок, теленок, свинья, эфиоп, чертов сын, неумытое рыло!»; в «Пленниках» А.Солженицына: «Мы не печенег! Мы не эфиопы! Дайте нам условия Европы!»). Как экспрессивное бранное слово по отношению к русским в XIX - начале XX вв. использовался и этноним татарин, как, например, в известной народной лирической песне (датируется 1901 г., автор неизвестен): «Ах, барин, барин добрый барин, Уж скоро год, как я люблю, А нехристь-староста, татарин Меня журит, а я терплю».

Исходя из сказанного, можно допустить, что фамилия Отин в ряде случаев (выявить которые сейчас уже невозможно) могла мотивироваться не только беспротезным этнонимом оть (ср. отяк) - в ее основе возможно и отражение связанного с ним прозвища, порожденного отэтнонимным апеллятивом со вторично развившимся экспрессивным значением. Таким же путем могли появиться фамилии Дулебов и Дулепов. В словаре Н.М. Тупикова зарегистрированы прозвища Дулепка (1535 г.), Дулеб (мозырский крестьянин Иван Дулеб, 1552 г.), отчество Дулепин (1504 г.). Отпрозвищная фамилия Дулепов присутствует и в современном русском антропонимиконе (ее носители, например, живут и на востоке Украины - в городах Донецке, Мариуполе и других населенных пунктах). От экспрессивных

существительных **чухня (чухна), чухонец** и образованных от них прозвищ **Чухна (Чухня), Чухонец** могла произойти какая-то часть фамилий, представленных антропонимными формами **Чухнин** и **Чухонцев**.

В фамилиях **Отин** и **Отинов** присутствует более ранний фонетический вариант этнонима - **оть, отин**, тогда как фамилии **Вотин, Вотинцов** и **Вотинцев** имеют его в более позднем состоянии - адаптированном в народной речи с помощью протетического звука.

2. Формирование фамилии **Отин** или какой-то части ее реального количества в русском ономастике могло произойти и другим путем. Обозначим эту гипотетическую онимную лексику гетерогенного происхождения индексом 2. Если в истоках фамилии **Отин₁**, и ее дериватов - **Отинов (Вотинов), Вотинец, Вотинцев** и др. лежал уже утраченный этноним, то источником фамилии **Отин₂**, не имеющей звукового варианта с начальным в- и суффиксального деривата (отсутствуют **Вотин₂, Вотинов₂, Отинов₂, Отинцев₂**), мог быть апеллятив **отя** «лень», «лентяй», отмеченный в северорусском наречии. Например: «Быва лень заберет, отя. Отя - это уж совсем лихо, не хочу и все. Отя сама уж последня лень» (СРНГ-XXV, 18; записи 1962 и 1975 гг.). В связи с историей фамилии **Отин** интересен словообразовательный вариант этого диалектного слова - **отень** (муж. и жен. рода) «большая лень», «очень ленивый человек». Ср. фольклорный текст, записанный в Шушенском районе Красноярского края: «Лежали под яблонькой странь, лень и отень. Странь говорит: «Кто бы эти яблоки рвал и в рот клал». А лень говорит: «Чо бы эти яблоки рвались и в рот клались». А отень говорит: «Как вам и говорить хочется» (СРГКК, 137); «Ой, какая отень»; «Отень это лень какой-нибудь, не робит ничего, ходит, шатается, вот и отень зовут» (СРНГ-XXIV, 175; последние два примера записаны в Архангельской области). Антропонимизация этих диалектных лексем в прозвищах **Отя, Отень** создавала предпосылки для их позднейшего перехода в отчества и фамилия: **Отя > Отин** (с патронимическим суффиксом) и **Отень > Отин** (с псевдосуффиксом **-ин**, развившимся из **-ень** в заударной позиции: переход **е > и**, отвердение конечного согласного по аналогии с огромным количеством фамилий и отществ с антропоформантом **-ин**). Семантической параллелью может служить современная фамилия **Лень**, несколько носителей которой известны автору (проживают не только в России, но и в

Донецке и других населенных пунктах Украины).

Вероятно, какая-то определенная (уже стертая) ономаσιологическая связь существовала и между апеллятивом **отень**, фонстически изменившимся в **отин**, и загадочным названием камня **Отин** в тексте одного из заговоров, записанного в Воронежской губернии: «Есть в чистом поле камень отин» (СРНГ-XXIV, 191).

В группу диалектных слов с корнем *от'* входят также: **отетюй** «увалень, глуповатый и неповоротливый человек», **отех** «очень ленивый человек»; «Неохота даже отеху дров наколоть» (в говорах вокруг Екатеринбурга, запись 1981 г.); **отец** «крайне ленивый человек»: «Прежде не одна лень была на свете, а был еще брат у ей. Отец... Переплывали они вместе речку. Лень переплыла, а Отецу лень было грести руками, он и утонул» (в томских говорах, запись 1864 г.); **отетень** - с тем же значением: «Лежали лень да отетень под яблонью» (в архаических ярославских говорах, запись 1896 г.); «Отетень, стала бы хоть, а то бока заболят» (в вологодских говорах) (СРНГ - XXIV, 178); **отэтик** «лентяй», «толстый неповоротливый человек» (новгородское слово, 1857 г.); **отетник** «лентяй, лежебока, тунеядец»; **отеть** и **отять** «высшая, крайняя степень лени» («Эх вы, работнички! Лень да отеть вас одолела»), «очень ленивый человек», «ленивая лошадь» (в архангельских, вологодских, пермских, двинских, новгородских говорах) (там же, 178-179). Базой всех этих образований, вероятно, было рано утраченное русским диалектным языком корневое слово **оть* «отец», вытесненное его дериватом **отец** с уменьшительно-ласкательным суффиксом, превратившимся в опрощенное слово. Это древнеславянское корневое слово сохранилось, например, в тексте старочешской песни о суде Любуши: «Vsak ot svej čeledi vojevodi» (Лавровский, 282). Изначальным значением слова **отень**, видимо, было «послушный сын у отца, отцов любимец» (древнерусский аналог современного словосочетания **маменькин сын**?). Ср. также диалектное слово **отэтчина** с собирательным значением «дети, воспитанные в послушании отцу и старшим» (в псковских и тверских диалектах, запись 1855 г.) (СРНГ-XXIV, 179).

3. Возможен и третий путь образования части фамилий, представленных антрополоксемой **Отин**. Основу фамилии **Отин**, могло составить притяжательно-относительное краткое прилагательное **отънь** (**отень**), т.е., по толкованию В.И. Даля, «отний, отчий, отецкий».

отцов» (Даль-П, 748), при антропонимизации (переходе в отчество, а затем и в патронимическую фамилию) изменившее свою финаль **-ьнь** (**-ень**) в **-ин**, т.е. **отень** > **Отень** > **Отин**₁. На первом (апеллятивном) этапе этой антропонимообразовательной цепи прилагательное относилось к позднему опущенному слову сын, т.е. **отень сын** «имеющий законного отца; не сирота или внебрачный ребенок». Ср. типичное для фольклорных текстов использование прилагательных **отецкии**, **отецливый**, **отечливый** и **отеческий** в подобной функции: «сын отецкии», «красна девица да дочь отецкая»; «Уж вы ой еси, скоморохи вежливые, да скоморохи отецливые!»; «отеческий сын» и под. (СРНГ-XXIV, 179-180). Вероятно, это прилагательное в полной форме вошло и в состав экклезионима **Отенский монастырь**. Эта захолустная обитель находилась на реке Мсте, недалеко от Новгорода. Игуменом монастыря в XV в. был архиепископ Новгородский и Псковский Иона **Отенский**, а иноком - известный писатель и публицист Зиновий **Отенский**.

Все сказанное свидетельствует о возможной мотивационной многоплановости современной фамилии **Отин** и, как следствие этого, множественности ее словообразовательной структуры, ее многоструктурности. Она может быть интерпретирована: а) как безаффиксная фамилия (если происходила антропонимизация этнонима); б) как аффиксальная фамилия (с патронимическим формантом) - если она образовалась от прозвища, связанного с апеллятивом **отя**; в) как псевдосуффиксальная структура - если одним произошел от прозвища **Отень** (апеллятивная параллель которого - **отень** «лень», «лентяй») и имела место аттракция по суффиксальной части под влиянием многочисленных антропонимов с суффиксом **-ин**. Таким образом, фамилию **Отин** в общем плане можно рассматривать как результат по крайней мере трех лексико-словообразовательных процессов, как вероятную сумму их конечных производных - **Отин**₁, **Отин**₂ и **Отин**₃. Все это следует иметь в виду, используя для различных деонимных реконструкций подобные фамилии. Восстановление их предшествующих состояний - онимных и апеллятивных - почти всегда проблематично.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Афанасьев - Афанасьев А.П. Пермь, саран и одо (воть, ветьке, вяда, вятичи). - Этническая топонимика. - М., 1987.

2. Даль -I, II, IV - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, тома 1, 2, 3. СПб. - М. 1880-1882.
3. Лавровский - Лавровский П.А. Замечания об особенностях словообразования и значениях слов в древнем русском языке. - Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 2. СПб., 1853.
4. СМА - Елистратов В.С. Словарь московского арго. - М. «Русские словари», 1994.

* Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск второй.
Донецк.Изд-во "Донеччина", 1996.

**«О - НА КОЛЕНЯХ У R-13»
(«ЗВУКОБУКВЕННЫЕ» АНТРОПОНИМЫ
В РОМАНЕ Е.ЗАМЯТИНА «МЫ»)¹**

Глубокий и часто скрытый смысл наречения именем, сложившиеся традиции его употребления, богатство антропонимных форм и формул и сложная гамма их коннотаций - всё это тоже показатели культурного и нравственного уровня общества. Очень точно об этом сказано у П. Флоренского: «Имя - тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность. Исторический опыт должен показать, признает ли народ, признает ли самый язык имена простыми кличками, условно присоединенными к их носителям и поэтому ничего не дающими познанию носителя, или же полагает найти в имени Формулу личности, ключ к складу и строению личного облика...» (Имена. В кн.: Опыты (литературно-философский ежегодник). - М.: «Сов. писатель», 1990). Характеризирующая и суггестивная функции собственных имен особенно выразительно проявляются в художественной речи, где все имена - «говорящие» (Ю.Н. Тынянов).

Уникальное онимное пространство присутствует в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы». Здесь нет антропонимов в привычном их понимании. В тоталитарном обществе, где живут и действуют персонажи, отменены имена как «Формулы личности». Вместо них - условные буквенно-номерные обозначения: «кругло» смеется *0-90*, ухмыляется «один из Государственных поэтов» *R-13*, «тончайше» улыбается *S, Д-503* влюбляется в *I*, ставит кляксу в регистрационном журнале контролерша *Ю* и неограниченно властвует *Нумер из Нумеров*. Безликий пейзаж антропонимного пространства произведения не оживляют и такие «небуквенные» имена, как *Благодетель* (он же «супернумер» - *Нумер из Нумеров*), *Строитель* (он же «строитель

Интеграла»), его помощник *Второй Строитель*, *Законоучитель*, *Хранитель (Ангел-Хранитель)*. Единственное исключение составляет загадочное «древнее имя» *Мефи*, формально и по своему звучанию близкое иноязычным антропонимам, но семантически «пустое», порождающее зыбкие ассоциации и намеки.

Конечно, в русской литературе существовала традиция использования «буквенных поэтонимов». Но употреблялись они ограниченно и нередко в сочетании с обычными (реальными) или вымышленными собственными именами. В одних случаях они выступали как зашифрованные собственные имена-криптонимы, за которыми намеренно скрывались конкретные реальные лица или места событий; в других обращение к ним было стилистическим приемом, придающим повествованию некую загадочность, заинтриговывающую читателя неопределенность. Ограничимся несколькими примерами из произведений Л.Н. Толстого. В «Семейном счастье»: «Помните, как я вам рассказывал историю А и Б?». Здесь же встречаем «графиню Р.», «маркиза Д.», «леди С.», «русскую знакомую» (поэтому с двухкомпонентным буквенным именем) Л.Д. В повести «Казачья»: флигель-адъютант Сашка Б*** и князь ***. В романе «Война и мир»: «Не нечаянно, как это чувствовала Наташа, он упомянул, называя высшую аристократию, о бале посланника, на котором он был, о приглашениях к NN и к SS» и т.д. Ни одна из этих функций буквенных поэтонимов Е. Замятиным не используется. Как увидим, их роль в романе значительно сложнее, многоплановая.

Всего в ономимном пространстве романа функционирует шесть буквенных поэтонимов. Три из них представлены графическими знаками латинского алфавита, два - русской азбуки и один обозначен общей для них буквой. Четыре из них имеют сопроводительные номера, которые в авторском повествовании (от лица «строителя Интеграла») то исчезают, то снова появляются в составе поэтонима. В редких случаях опускается буква. Таким образом, для основных персонажей с буквенно-числовыми именами в тексте существуют следующие номинационные ряды: $D-503=503=Строитель$, $I-330=I$, $0-90=0$, $R-13=R$, $S-4711=S=Ангел-Хранитель$. Не имеет вариативного ряда буквенный поэтоним Ю, обладателем которого выступает второстепенный персонаж. Выбор буквы для «номеров» Единого Государства регламентируется их полом: «мужской номер» - «с

согласной буквой», женский - с гласной. В государстве, где люди маршируют по номерованным проспектам (ср. микротопонимиию города: *40-й проспект, 48-й проспект, Проспект 59-й, площадь Куба* и т.д.) и «день ежегодных выборов Благодетеля» объявлен праздничным *Днем Единогласия*, универсальным заменителем титульных слов и обращений (*гражданин, товарищ* и т.д.) выступает слово *номер*, предшествующее слову-букве-имени, «единственному имени» с цифровым указателем или, реже, без антропонима (ср. Обращение: «Уважаемые номера!»). Таким образом, полная антропонимная формула имени с этим словом имеет следующий состав: «*номер 0-90*», «*номер R-13*» и т.д. Возможности для варьирования ее в актах коммуникации персонажей, выражении оттенков эмоций и этических отношений между «номерами» (например, в дозволенные им Личные Часы) крайне ограничены. Трехкомпонентные «словобуквоцифросочетания» могут преобразовываться в двухкомпонентные «буквоцифросочетания» или однокомпонентные имена-буквы и имена-цифры. Вот и весь набор формул имени, которыми обеспечивается потребность антропонимной номинации в обществе «номеров».

Есть основания полагать, что буквенно-цифровая антропонимия романа Е.Замятина - своеобразная реакция на «разыскания» некоторых теоретиков Пролеткульта. Один из них, А.Гастев, например, писал о «нормализированной» психологии пролетарской массы, ее «поразительной анонимности, позволяющей квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, Б, С или как 325,075 и 0 и т.п. («Пролетарская культура», 1919, № 9-10, с.44). Отсюда, кстати, и столь частое в декларативных стихах пролеткультовских поэтов местоимение «мы», эхом повторившееся в названии романа.

Создав такую, на первый взгляд, примитивную и функционально ограниченную систему антропонимов (и благодаря ей внеся в палитру средств сатирического изображения одну из самых ярких ее красок), Е.Замятин в то же время мастерски осуществил индивидуализацию персонажей посредством самих элементов этой системы. При выборе буквы или цифры для поэтонима он учитывал те образно-звуковые ассоциации и представления, которые существуют или могут возникнуть у читателя при восприятии букв, ставших именами персонажей, и обозначаемых ими звуков. Как увидим ниже,

такие буквенные поэтонимы выступают или как антропонимы-идеофоны, «звукобуквы», обладающие фоно-символическими значениями, или как антропонимы-видеомы с изобразительно-символической, визуально воспринимаемой информацией. Символическое значение поэтонима-«звукобуквы» может гармонировать с его буквенной ипостасью (например, у *Л*), иногда обогащаясь сопутствующими смысловыми связями и звуковой тональностью словесного окружения (как у *О* - поэтонима, являющегося одновременно именем-идеофоном и именем-видеомой). Сохранилось свидетельство о том, сколь чувствителен был Замятин по отношению к звуковой форме имен персонажей своих произведений, ее характеризующей роли, способности вызвать зрительный образ. «Если имя прочувствовано, выбрано верно, - писал он в 1924 году, - в нем непременно есть звуковая характеристика действующего лица». И еще: «А живопись - забыта? Нет: слышать и видеть во время работы приходится одновременно. И если есть звуковые лейтмотивы - должны быть и лейтмотивы зрительные». Это авторское «прочувствование» поэтонимов своеобразно проявилось и в «звукобуквенных» антропонимах романа «Мы».

Как же «слышит и видит» их внимательный читатель, каково поведение их в тексте произведения? Чаще других встречаются поэтонимы *Д-503* и *И-330* (или *Л*). Первый из них принадлежит *строителю Интеграла (Строителю)*, «одному из математиков Великого Государства». От его имени ведется повествование, составляются «записи», объединенные затем общим местоименным заглавием «Мы». Композиционно и концептуально с ним связан «женский номер» с именем-«звукобуквой» *И*. Развитию отношений между *Д-503* и *И-330* (постепенно становящейся просто *Л*) посвящены многие страницы романа. Символическое значение «звукобуквы» *Д*, устанавливаемое по двадцати пяти признаковым шкалам А.П.Журавлева (см. его книгу «Фонетическое значение». Изд-во ЛГУ.Л., 1974), состоит из характеристик преимущественно положительного плана: «хороший», «большой», «мужественный», «активный», «сильный», «быстрый», «красивый», «величественный», «яркий», «радостный», «храбрый», «могучий», «подвижный». Учитывая социальный статус *Д-503* в Едином государстве, на этом фоне позитивно воспринимаются и такие компоненты звуко-символической

ауры его имени, как «грубый», «холодный», «громкий» и «короткий». Это идеальный «номер». *Д* - поэтоним-идеофон. Его графическое выражение ничего не прибавляет к характеристике носителя этого имени, также как и его числовое продолжение (503). Оно лишь вводит этот поэтоним в общий ряд имен, типичных для всех «номеров» *Великого (Единоного) Государства*.

Намного богаче ассоциативными связями женский поэтоним *И*. С обладательницей этого имени *Д-503* впервые встречается во время послеобеденного Личного Часа на «дополнительной прогулке», когда «сотни, тысячи номеров в голубоватых юнифах с золотыми бляхами на груди» шагали по прямой улице и «восторженно отбивали такт» под звуки труб *Музыкального завода*. Поэтоним *И* воспринимается нами прежде всего как видеома. Для него выбрана не русская, а более выразительная буква латинского алфавита. Зрительный образ усиливается авторскими характеристиками, которые сопровождают этот поэтоним: «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, *I-330*»; у нее «белые - необычайно белые и острые зубы», «в глазах или бровях - какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение»; «На прощание *И* - все так же иксово - усмехнулась мне» и т.д. Со зрительным впечатлением от женщины с именем *И* во многом согласуется и его звуковая символика. В начале 20-х годов фонетическое значение этого звука было определено О.Есперсеном (Jespersen O. Symbolic value of the vowel "i" - "Philologica", London, 1922, vol. 1). По признаковому шкалам Журавлева (далее - ПШЖ) это: «хороший», «нежный», «светлый», «женственный», «простой», «красивый», «гладкий», «легкий», «веселый», «безопасный», «округлый», «радостный», «длинный», «добрый». *Д-503*, живущего в «разумном мире» и чувствующего себя «отдельной клеткой» «единого мощного организма» государства, где все предопределено и упорядочено, вначале «раздражает и отталкивает» загадочная и странная *I-330*, ее «икс» в глазах и улыбке. Постепенно у него происходит привыкание к таким «давно забытым словам, встречающимся в ее речи, как *ты* и *мой*, *хлеб* и *душа*, возникает интерес к «древнему поэту» Пушкину. Всё это сопровождается изменением первоначальной антропонимной формулы: в речевых партиях *Д-503*, обретшего душу и влюбленного, появляется сокращенное ласкательное имя (гипокористика) *И*, нередко в сочетании с прежде забытым

местоимением *ты*. Только *Г* в сочетании с *ты* проходят через всю сцену любовного свидания *Д-503* с *Г-330* в 13-й записи: «Накинув на себя юнифу, я нагнулся к *Г* - и глазами вбирал в себя ее последний раз.

-Я знала это... Я знала тебя...- сказала *Г* очень тихо». И еще: «Я тихонько позвал: - *Л* Ты здесь? -И еще тише, с закрытыми глазами, не дыша, - так, как если бы я стоял на коленях перед ней: - *Л* Милая!»; «Я хочу одного:*Г*. Я хочу, чтобы она каждую минуту, всякую минуту, всегда была со мной - только со мной» и т.д. Полная антропонимная формула имени *Г-330* опять появляется тогда, когда, строитель Интеграла сообщает одному из Хранителей, *С-4711*, о своей встрече с *Г-330* в Древнем Доме, т.е. по сути предает *Г*, делая на нее донос. Он вернулся в свое прежнее состояние. И наконец, будучи подвержен Великой Операции - удалению «центра фантазии в мозгу», и после излечения болезни с названием «душа» он почти забывает *Г*. Присутствуя вместе с Благодетелем при пытке над *Г* в Газовой комнате, он уже не может вспомнить ее имени: «Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у нее острые и очень белые зубы и что это красиво». Вместе с *Г* уходит в небытие и ее «звукобуквенный» антропоним. Эволюция номинационного ряда *Г-330* → *Г* → *Г-330* замыкается безымянным словосочетанием «та женщина». Потеря «души» у *Д-503* подтверждается и уходом из его памяти имени той, которая прежде разбудила в нем эту душу.

«Антиподом» *Г* является *О*, или *О-90*. Это прежде всего «звукобуквенное» имя-видеоним. Однако нельзя игнорировать и некоторые присущие ему звукосимволические значения: «хороший», «светлый», «простой», «медленный», «красивый», «гладкий», «яркий» и особенно «округлый» (последнее соотносится и с графическим образом этого «звукобуквенного» имени не только в его сокращенной, но и в полной форме - *О-90*). *О-90* не такая, как *Г-330*, «совсем другая»: «...Она похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы - и оттого вся кругло обточенная, и розовое *О*-рот - раскрыт навстречу каждому моему слову. И еще: круглая, пухлая складочка на запястье руки - такие бывают у детей»; у нее «круглые, синехрустальные глаза». Восприятию этого «звукобуквенного» имени как идеофона способствует и прием ассонанса, к которому иногда прибегает автор, насыщая ближайший контекст словами, имеющими

букву и звук *o*. Например: «Он записан на меня, - розово открыла рот *O-90*»; «*R* - брызнул фонтаном. *O* розово, кругло смеялась»; «...И тогда же на углу увидел *O* - всю в розовом восторге от этой встречи»; «*O* взглянула на *R*: ясно, кругло взглянула на меня...» и т.д. Среди фонетических значений «звукобуквы» *o* - «хороший», «простой» и «круглый» (см. выше). Все эти оценочные моменты присутствуют в авторском восприятии *O*: «...у нее простой *круглый* ум». Или внутреннее состояние *D-503*, ожидающего встречи с *O*: «Всё хорошо, кругло».

«Звукобуквенный» антропоним *S* - это имя одного из Хранителей, следящего за *I* и самим *D-503*, строителем Интеграла. Бросается в глаза четырехзначный цифровой компонент этого полного имени - *4711*, прямо указывающий на то, что подобных блюстителей из Бюро Хранителей много. «Звукобуква» *S* (в латинской передаче - *S*) по ПШЖ характеризуется следующим набором коннотаций: «плохой», «маленький», «отталкивающий», «шероховатый», «низменный», «тусклый», «тихий», «трусливый», «злой» и некоторыми другими преимущественно негативного плана, что позволяет нам считать и этот «звукобуквенный» антропоним именем-идеофоном. Однако гораздо более выразительную характеризующую функцию выполняет в нем графический облик этого имени, представленный латинской буквой *S*. Русская буква *С*, как увидим, не может быть выразителем тех зрительных ассоциаций, которые вызывает в тексте произведения ее латинское соответствие. Перед нами одно из самых «говорящих» имен-видеом.

Впервые носитель этого имени появляется в четверке (шеренге) «номеров» во время прогулки по улице. Это *D-503*, *O-90*, *I-330* и еще точно не поименованный «мужской номер». Автор как бы угадывает его будущее имя, отразившее характерные черты внешности и поведения его обладателя: «какой-то дважды изогнутый, вроде буквы *S*», «*S*-образный мужской номер». Подобным образом он охарактеризован и в третий раз: «этот вчерашний дважды изогнутый, как *S*, - кажется, мне случилось видеть его выходящим из Бюро Хранителей». Постоянным именем становится эта «звукобуква» только тогда, когда строитель Интеграла увидел сверкнувшее на бляхе: *S-4711*. Это имя-видеома получает и сопутствующие авторские интерпретации, благодаря которым впечатление от буквы превращается в точную характеристику внутренней сущности персонажа - его двуличия

(«двойности») и способности за всеми следить и везде присутствовать: «розовые распростертые крылья-уши»; «двойкий S»; «Вдруг сзади - шорох, хлопающие шаги и передо мною - розовые крылья-уши, двойкоизогнутая улыбка S».

Остальные «звукобуквенные» имена (*Ю* и *R-13*) - только антропонимные видеомы. Их фонетические значения не играют той роли, какую они выполняли в рассмотренной выше группе антропонимов (*Д*, *И*, *О* и *S*). У контролерши с именем *Ю*, которая сидит в гостинице и ведет учет ее посетителей, обвисшие щеки - «как рыбы жабры». Намек на эту портретную деталь содержится в *о*-образном графическом элементе (графе) ее «звуко-буквенного» имени. «Ее имя *Ю...*» - сообщает о ней *Д-503*, и отточие свидетельствует, что это не гипокористический, а намеренно усеченный полный антропоним. Пропуск его цифрового компонента делает обладателя данного имени полускрытым, не до конца определенным. По-видимому, эта цифра, как и у *S-4711*, весьма внушительна, что говорит о распространенности «номеров» со «звукобуквенным» именем *Ю* в Едином Государстве. «Ее имя - *Ю...* впрочем, лучше не назову ее цифр, потому что боюсь, как бы не написать о ней чего-нибудь плохого». Эти слова принадлежат *Д-503* с еще разбуженной «душой», неостывшей любовью к *И*, внимающему ее рассказам о людях с «горячей, красной кровью» и с таинственным именем *Мефи*, живущих за Зеленой Стеной. В другое время он бы эту цифру назвал, как называет цифру *4711* при «звукобуквенном» имени «ангела-хранителя» *S*. Это персонажи одного функционального плана - церберы и надзиратели Единого Государства.

Как «человекоподобная» видеома воспринимается «звукобуквенное» имя *R* с одиозным, предвещающим недоброе цифровым индексом *13*. Принадлежит оно одному из Государственных Поэтов, которые увенчивают своими стихами праздники расправы над инакомыслящими «номерами» - «поэтизируют приговоры». Среди их творений - «Ежедневные оды Благодетелю», «Цветы судебных приговоров», трагедия «Опоздавший на работу» и настольная книга «Стансы о половой жизни». У *R-13* «черные, лакированные смехом глаза, толстые, негрские губы». «*R-13* говорит захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ - брызги; каждое «п» - фонтан...» Особенно он неприятен рядом с «розовой *О*» или «тонкой», «упрямо-

гибкой» *I*: «Я увидел *I*, а рядом с ней - отвратительно-негрогубый, ухмыляющийся *R-13*».

Следует иметь в виду, что такое восприятие читателем «звукбуквенно-цифровых» антропонимов *S-4711* и *R-13* на всем протяжении повествования в значительной мере обуславливается и негативным отношением к их обладателям самого Строителя «Интеграла», меняющегося под влиянием *I*. Он их считает ревностными слугами - «хранителями» и апологетами Единого Государства. Что *R-13*, возможно, из *Мефи*, *D-503* не понимает и тогда, когда спотыкается на улице о его еще не остывший труп невдалеке от «Бюро Хранителей» (запись 39-я), а догадка о причастности к *Мефи* *S-4711* озаряет его только в кабинете *S*, «куда Строитель является с повинной: «И вдруг - мне молниеносно, до головы, до головы, бесстыдно ясно: он - он тоже их...» Так обнаруживается еще одна - мимикрийная функция этих двух имен (особенно *S-4711*). Они соответствуют заданному типу поведения их обладателей, помогая им выглядеть «своими» в обществе «номеров».

Наконец, в антропонимике романа имеется еще одно имя, выступающее в словесном выражении, - *Мефи*. Оно употребляется как индивидуальный, так и коллективный (групповой) антропоним. Листовки с такой подписью были расклеены на стенах домов в День Единогласия. Это те, кто проникает в город из-за Зеленой Стены, чтобы бороться против Единого Государства и терпят поражение в финале романа (среди них *I-330* и врач из Медицинского Бюро).

О мотивации этого позтонима судить трудно. Вероятна связь с именем дьявола в фольклоре европейских народов - *Мефистофеля*, в литературной традиции выступающего как воплощение «греховного» разрушительного начала, как ниспровергатель общепризнанных, единых для всех норм и авторитетов. Из рассказа *I* строитель Интеграла узнает о происхождении *Мефи*: после Двухсотлетней Войны, когда, «город уже победил» и его жителям силой было навязано «счастье» с единомыслием и «нефтяной пищей», часть из них ушла в леса. «Они учились там у деревьев, зверей, птиц, цветов, солнца. Они обросли шерстью, но зато под шерстью сберегли горячую, красную кровь». Они молились огню и, проникая из-за Стены в город, не раз поднимали его жителей на борьбу, часто погибая под Газовым Колоколом. «Дьявольская» и богоборческая природа позтонима *Мефи* подтверждается именованями тех реалий и сил, которые

противостоят *Мефи*. Это *Благодетель*, или *Он*, ступающий «величественным шагом первосвященника»; *Ангелы-Хранители*, или «архангелы», приставленные от рождения к каждому «номеру», у которых - «розовые крылья-уши» (не раз повторяющаяся деталь внешности *S-4711*); «цифровые ризы» Часовой Скрижали, по которой «единомиллионно» просыпаются и кончают работу все «номера» и т.д.

Уникальная антропонимная система романа-антиутопии Е. Замятина - одна из удивительных творческих находок писателя, сумевшего на ограниченном «звукобуквенноцифровом» материале создать выразительные и «говорящие» имена-характеристики, во многом определившие стилистику онимного пространства произведения.

¹ В соавторстве с Н.В. Максимовой.

УКРАИНСКАЯ ОНОМАСТИКА

НАЗВАНИЯ УГОЛЬНЫХ ПЛАСТОВ ДОНБАССА

Речь пойдет о совершенно не исследованных в ономастике названиях угольных пластов Донбасса, которые мы предлагаем называть его *стратонимией*. *Стратонимы* (лат. *stratum* - настил+греч. *опута* - имя) относятся к «интерьерной» (подземной) области топонимии Донбасса. Некоторые из них выступают как автономные ономастические единицы (*Аршинка, Атаман, Великан, Зайчик, Рау, Сплинт, Красавчик, Чери, Полька, Подмаз, Мейн, Кулага* и др.), в то время как другие обнаруживают связь (разнонаправленную зависимость) с его наземной топонимией (*Мария, Лисица, Мазурка, Золотарка, Княгининский, Голубевский, Барматовский, пласт Синей Сколки, Хрустальский* и др.).

Как известно, в толще каменноугольных отложений Донбасса, разделенной на три отдела - нижний (свиты $C_1^1 - C^5$), средний ($C_2^1 - C_2^7$) и верхний ($C_3^1 - C_3^3$), подавляющее большинство рабочих угольных пластов приходится на средний и верхний отделы (свиты $C_2^3 - C_2^6$ и C_3^1 , составляющие так называемую продуктивную толщу карбона). Соответственно наибольшее количество стратонимов Донбасса относится к среднему (более 87%) и верхнему (более 11%) отделам, тогда как нижнему отделу принадлежит менее полпроцента всей стратонимии бассейна¹. Общее количество «синонимов», или «параллельных» названий, распределяется по свитам каменноугольных отложений следующим образом: для свит $C_1^1 - C_1^4$ и $C_1^6 - C_1^7 - 0$, для свиты C_1^5 (пласты l_4 и l_4^1) - 2; для C_2^1 (пласт f_1) - 1; для C_2^3 : $h_2 - 6, h_3 - 10, h_3^2 - 1, h_4 - 5, h_4^2 - 3, h_5 - 5, h_5^1 - 1, h_6 - 10, h_6^1 - 5, h_7 - 5, h_8^1 - 3, h_9 - 6, h_{10} - 19, h_{10}^1 - 1, h_{11} - 6$; для C_2^4 : $i_2^2 - 1, i_2^4 - 1, i_3 - 5, i_3^1 - 2, i_3^2 - 4$; для C_2^5 : $k_1 - 3, k_2 - 13, k_3 - 13, k_3^1 - 6, k_4 - 4, k_4^1 - 10, k_4^2 - 4, k_5 - 27, k_5^1 - 7, k_6 - 13, k_7 - 20, k_7^1 - 12, k_7^2 - 2, k_7^4 - 8, k_8 - 21$; для C_2^6 : $l_0 - 1, l_1 - 22, l_1^1 - 22, l_2 - 23, l_2^1 - 8, l_3 - 15, l_3^1 - 8, l_4 - 19, l_4^1 - 2, l_4^2 - 1, l_5 - 15, l_6 - 22, l_7 - 20, l_8 - 19, l_8^1 - 7$; для C_3^1 : $m_1 - 7, m_2$

- 5, $m_3 - 10$, $m_4 - 6$, $m_4^0 - 3$, $m_4^1 - 1$, $m_4^3 - 1$, $m_4^4 - 2$, $m_5 - 5$, $m_5^1 - 2$, $m_6 - 7$, $m_6^1 - 2$, $m_6^2 - 1$, $m_7 - 3$, $m_8 - 2$, $m_8^1 - 1$, $m_9 - 6$, $m_9^1 - 1$, $m_9^2 - 2$; для C_3^2 : $n_1 - 3$, $n_1^1 - 1$; для $C_3^3 - 0$.

Как видим, наиболее протяженные «синонимические» ряды относятся к пластам свит среднего отдела - C_2^3 , C_2^5 и C_2^6 . Рядами в 10-20 единиц характеризуются пласты h_8 , h_{19} , k_2 , k_3 , k_6 , h_{17}^1 , l_3 , l_4 , l_5 , l_7 , l_8 , рядами, состоящими из более чем 20 наименований, - пласты k_5 , k_8 , l_1 , l_2 и l_6 .

Термин «синонимика» применительно к номенклатуре угольных отложений (наряду с другим термином - «параллелизация» пластов) получает распространение уже с конца XIX - начала XX в. в исследованиях сотрудников бывшего Геологического комитета благодаря экстраполяции соответствующего языковедческого термина. Однако в геологии и лингвистике его семантические основы различны.

Если лингвистические синонимы, выражая одно и то же понятие, отличаются друг от друга своими идеографическими и стилистическими оттенками, обладая определенными степенями синонимичности, то «синонимический» ряд стратонимов, слагаясь из имен собственных, лишен какого-либо понятийного или стилистического диапазона, в пределах которого происходило бы сближение входящих в его состав единиц. Объединяющим началом здесь выступает лишь общность реалии, тогда как часто сопутствующие, еще живые дотопонимические значения стратонимов почти всегда отражают самые разнообразные и ни в чем не сходные между собой свойства данной реалии. В этом легко убедиться, если сравнить следующие «синонимические ряды» (первый - апеллятивный, второй - стратонимический):

А. *Зловонный* \approx *пахучий* \approx *смерадный* \approx *смердящий* \approx *воноющий*.

Б. *Аршинка №2* = *Атаман* = *Грязный* = *Желтенький* = *Красавчик* = *II Лисичанский* = *Марийка* = *Мейн* = *Надорловский* = *Николаевский* = *2-й Орловский* = *Податаман* = *Северная Аршинка* = *Соленый* = *Солененький* («синонимический» ряд стратонимов для пласта l_3 свиты C_2^6).

Последний тип отношений (символически обозначенный нами знаком абсолютного тождества в отличие от знака приблизительного равенства, определяющего характер отношений в синонимическом ряду апеллятивных имен) более точно будет определять как

таутонимический, а самое исторически сложившуюся связь стратонимов того или иного бассейна - как его *таутонимию* (греч. *tauto* тот же + *оупа* имя). Поэтому мы предлагаем термины *таутонимический* (вместо *синонимический*) ряд стратонимов и *таутоним* (вместо *синоним*)-одно из слагаемых данного ряда.

Как уже отмечалось выше, таутонимические ряды стратонимов Донбасса в массе своей многочисленны. Это объясняется тремя главными причинами. Во-первых, большой изменчивостью свойств одного и того же угольного пласта, в одном месте дающего антрацит, в другом - каменный уголь, в третьем - коксовый и т. д.; во-вторых, «пестротой и сложностью состава каменноугольных отложений Донецкого бассейна» [8, 29], их сильной изменчивостью по вертикали и простиранию, что приводило в прошлом многих исследователей недр Донбасса (Ле-Пле, Г.П. Гельмерсена и др.) к пессимистическому выводу о невозможности установления тождества («параллелизации») угольных пластов даже для одного и того же района.

Вопрос о постоянстве каменноугольных пластов был задачей со многими неизвестными вплоть до начала работы по детальной геологической съемке Донбасса (90-е гг. XIX в.), связанной прежде всего с именем Л.И. Лутугина. Поэтому многие каменноугольные месторождения бассейна долгое время воспринимались разрозненно, без учета их геологической связи; закономерности в залегании угольных пластов были изучены крайне слабо, а отсюда один и тот же слой по мере его промышленного освоения «обрастал» новыми местными названиями (локальными таутонимами). Таутонимичность многих из них была подтверждена лишь в конце XIX в. - с завершением работ по детальному картированию бассейна. До этого времени изучение и разработка угольных месторождений Донбасса уже имели более чем столетнюю историю, на протяжении которой происходило в большинстве случаев стихийное формирование его стратонимии. И наконец, немаловажную роль в появлении многочисленных таутонимических рядов в стратонимии Донбасса сыграло то обстоятельство, что разработка его недр в дореволюционный период долгое время велась хищнически и бессистемно. Добыча угля производилась не только на крупных каменноугольных копях, но и на многочисленных крестьянских шахтах («дудках», «копанках»). Это

также обуславливало крайнюю неупорядоченность самого процесса называния разрабатываемых пластов.

Стратонимия Донбасса своеобразна не только многочисленностью названий, то и тем, что многие ее компоненты, по сути, являются эндемическими образованиями, что особенно заметно при сравнении ее с молодой и несложной стратонимией Кузнецкого бассейна, промышленное освоение которого началось с 10-х гг. XX в. [14 с. 145-152, 166, 168-174].

Стратонимия Донецкого бассейна начала складываться не ранее 80-90-х гг. XVIII в., когда началась промышленная разработка «Лисичанской угольной ломки» (в балке Лисичьей) для нужд Луганского литейного завода; административно-технический персонал которого вначале целиком состоял из англичан. К этому времени относится появление таких названий угольных пластов, как *Мейн* (1₃; ср.: англ. main - главный)², *Сплинт* (1₄; ср.: англ. splint - «крепкий битуминозный уголь»; splinter - осколок, split - раскалываться), уголь которого «ломается большими кусками»³ [1, с. 149-150], *Чери* (ср.: англ. cherry - вишня; добываемый из того пласта уголь имеет красноватый оттенок)⁴ [4, с. 40] и *Рау* (m₃).

Известно, что на строящийся в конце XVIII в. Сухаревский завод (на реке Кременной, к северо-востоку от Лисичанска) был приглашен плавильный мастер Мартин Рау. Его имя могло отразиться в стратонимии данного района (о других «абсолютных», т. е. непереоформленных, личных именах в роли стратонимов см. ниже), хотя более вероятной представляется здесь русская передача соответствующего английского термина raw coal - сырой, немытый, небогатый уголь.

Отмеченные имена составляют самый ранний слой в стратонимии бассейна. Ни одно из названий, которые будут перечислены ниже, не имеет столь характерных признаков, способных быть хронологическими ориентирами в определении «возраста» стратонимов.

В семантике стратонимов получили отражение самые различные признаки угольных пластов. С этой точки зрения вся стратонимия Донбасса может быть разделена на определенные семантические разряды, отдельные из которых обнаруживают также интересные особенности словообразовательного характера (см. ниже

группы XII-XIII):

I. Стратонимы, в семантике которых получили отражение характер залегания, простирания, угол падения, геологическое состояние пласта, его местоположение по отношению к близлежащим пластам. В количественном отношении это одна из самых больших семантических групп. К ней принадлежат названия: *Беглый*, *Беглый I и II* (k^2), *Беглый №2* (l_3), *Верхний* (t^1), *Верхний Бераль* (k_1), *Верхний Боковский* (k^1), *Верхняя Мария* (l_1, l^1), *Двойник* (l_3, l^1, l^1, l_8), *Двойной* (k^1, l_3, l_8), *Мазурка* (l_1), он же *Мазур*; l^1 , он же *Мазурка №1* (l_3, n_1). Эти пласты имеют крутые углы падения, из-за чего передвигавшимся по забою шахтерам приходилось прыгать, как бы танцуя мазурку)⁵; группа стратонимов с приставками *над-* и *под-*, указывающими на расположение пласта выше или ниже одноименного слоя: *Надбераль* (k^1 , ср. *Бераль*), *Надорловский* (k_3), *Подалмазный* (k_8, l_2), *Податаман* (l_5, l_8), *Подпяток* (k^1), т. е. расположенный под пластом *Пята*, *Подмаз* (l_8) - расположенный под пластом *Мазурка* (l_1) и т.д. Последним названиям с приставкой *под-* соответствуют составные имена с определением *Нижний*: *Нижний Бераль* (k_3), *Нижняя Мария* (k_3) и др. В эту же группу входят стратонимы *Острый* (k_8), *Прослойка* (k^1), *Пыристый* (ср. рус. диалектное *пыриться* - «топорщиться»), *Пята* (k^1, k^2, k_7, k^1), т. е. «пятая жила» (с опущенным определяемым словом), *Раздвоенный* (k^1), *Северная Аршинка* (k^1, l_2), *Спутник* (n^1), *Средний* (l_8), *Средний Бераль* (k^1), *Средняя Мария* (l_1), *Тройник* (k_7), *Южная Аршинка* (t_8) и др.

II. Стратонимы, в семантике которых получили отражение различные физические и химические свойства угля: *Алмаз* (l_3), он же *Алмазный*, т. е. блестящий плотный уголь; *Алмазный* (k_5, l_1); *Кеннельский* (l_7), т. е. обладающий свойствами одноименного угля, добывавшегося на шахтах Ланкашира (смолистый «газовый» уголь, который в прежние времена использовался для освещения комнат; от англ. candle coal - свечной уголь); *Корунд* (l_1); *Рассыпной* (n_1); *Рыхлый* (k^1), *Сплинт* (см. о нем выше).

III. Стратонимы, своим значением свидетельствующие о наличии или, реже, отсутствии в угле каких-либо сопутствующих ему примесей (известняка, «пустой» породы, песка, воды, соли и т. д.): *Водяной* (l_7); *Грязный* ($k^1, l^1, l_3, l_5, l_8, m_1, m^1$), *Джуркатун* (*Джеркатун*, k^1 ; ср. укр. *джерчаті* (обл.) - *джерчати* - журчать с оноματοпозитическим корнем *джер-*, *джер-*), *Жмыховый* (l_7 ,

жмыховыми, или жмыховатыми, назывались угли грязные, землистые [13, с.251]; *Земляной* (l_3, l_3^1); *Известковый* (k_6); *Известнячка* (l_6); *Каменка* (k_5, k_2), *Каменный* (k_7, l_2); *Коринка* (l_1), названный так «за бурый вид мелкой россыпи угля» [9, с. 21]; *Кременница* (l_6); *Песчанка* (t_3, t_4); *Плахуха* (l_2); *Сыруха, Соленьй* (k_2, k_3, l_2), он же *Соленьныйкий; Чистый* (m_2).

IV. Стратонимы, дотопонимическая семантика которых содержит характеристики различных обонятельных ощущений от угля: *Вонючий* (l_1); *Газовый* (m_9); *Кислый* (h_3), названный так «по значительному выделению углекислого газа» [8, с.42]; *Пахучий* (от него исходит «сернистый запах») [1 с. 151].

V. Стратонимы, своей дотопонимической семантикой отражающие различные цветовые оттенки и зрительные впечатления от угля: *Баклажанка* (l_3, t_5^2 ; уголь первого пласта «блестящий, струйчатого сложения» [2, с. 16]); *Бураковка* (k_1, k_2); *Желтенький* (l_2^1); *Кирпичевка* (l_2); *Красавчик* (l_5, l_3); *Красняк* (k_5, l_1); *Лысый* (m_6, m_9 ; уголь в пласте m_9 «блестящий») [там же]; *Розовый* (k_4^1), *Серебряный* (k_6, l_8), он же *Известковый; Серебрячка* [9, с. 49]; *Стекланный* (h_{10}); *Чери* (см. о нем выше).

VI. Стратонимы, своей дотопонимической семантикой или же наличием суффикса с деминутивным значением указывающие на размер пласта: *Аршинка* (k_1^2, k_5, m_3, m_6); *Аршинный* (k_2, k_3, l_1, h_6, h_9); *Аршиновка* (k_4^1, k_3, l_6); *Баснословный* (k_6); *Великан* ($k_2, k_5 + k_5, l_2, l_6, l_7, l_8, m_3$); *Десятивершковый* (k_7); *10-четвертовый* (l_1); *Куцый* (m_2); *Мальй* (l_1); *Марийка*, он же *Маринка* (l_5 , ср. рядом находящийся пласт l_6 - *Мария*); *Мейн* (l_5 ; см. о нем выше); *Сплинтик* (l_3); *Толстый* (он же *Толстая, Толстая Жила*)⁶; *Толстый Щетовский* (k_7); *Тоненька* (k_2, l_2); *Тоненький* (k_7^4, t_1); *Тонкий* (h_2, k_5, k_7, k_7^1 и др.); *Тонкий Северный* (k_7^1); *Тонкий Южный* (t_1); *3-четвертовый* (l_1); *3-футовый* (l_4); *Узенький* (l_6) и др.

VII. Стратонимы, дотопонимическое значение которых свидетельствует о сфере промышленного использования угля: *Бессемеровский* (k_3), *Коксовый* (l_4), *Кузнечный* [13, с. 233].

VIII. Стратонимы, образованные от названий шахт, рудников, копей, где разрабатывались соответствующие пласты: *Бутовский* (t_9), *Вознесенский* (h_1^6); *Голубовский* ($k_7^4, k_3, l_1, l_2, l_4$ и др.), возможно, *Голубок* (k_5, k_7^1) - вторичное образование от стратонима *Голубовский?*; *Девятка* (l_3, l_3^1 , ср. шахта № 8-9 в Горловке); *Дроновский* (k_2); *1-IV Каменский* (k_4, k_5 ,

k_6, k_7); *Краснощекровский* (i_3); *Овчарный* (i_3) -разрабатывался шахтой Овчарная [8, с.44]; *Петровский* (i_3^1)-разрабатывался шахтой «Петр» [13, с.191]; *пласт рудника Щелковского* (k_2); *Усовский* (h_1) и др. В отдельных случаях бывает уже трудно определить характер зависимости между стратонимом и названием шахты (название шахты → стратоним или стратоним → название шахты?), хотя такая связь, бесспорно, существует. Например, на пласте *Лисица* (h_1) работала шахта *Алиса* [8, с. 16, 35], на пласте *Лисьем* (k_1) -шахта *Лиса* [6, с. 55].

IX. Стратонимы, в основе которых лежит точно установленная фамилия владельца шахты, рудника, копей или землевладельца, на землях которого находилась шахта: I-II *Брагинский* (h_2, h_3 , шахта Брагина), *Гордеевский* (на земле Н. Гордеенко) [13, с. 78], *Дороганова* (h_4 , рудник Дороганова), пласт *Житкевича* (t_2 , шахта Житкевича), *Золотарка* (k_2^1, k_3 ; ср. копи генерала Золотарева и К°, или копь Золотаревых) [12, с. 481], *Иванковский* (i_3^2 , рудник Иванкова), *Коньковский* (h_3 , рудник Конькова), пласт *Косова* (k_2 , рудник Косова), пласт *Леоновский* (h_3 , рудник Леонова), *Медвенский* (разрабатывался углепромышленником Медвенским), пласт *Мирошниченко* (l_1, t_1 шахта Мирошниченко), *Наследышевский* (f_1 , рудник Наследышева и Бардашева), *Новиковский* (i_3 , рудник Новикова), *Пастуховский* (m_4 , рудник Пастухова), *Сивожелезовский* (k_2 , рудник Сивожелезова), *Уманский* (k_2 , от имени шахтовладельца Уманского) [7, с.6], пласт *Чемберса* (i_2^2 , рудник Чемберса), *Черевковский № 3* (l_2 , рудник Черевкова), *Юмашевский* (k_5 , рудник Юмашева), *Яковенковский* (h_3 , шахта Яковенко) и др.

В эту группу входят и стратонимы с антропонимическими основами, «персональная принадлежность» которых в настоящее время уже не устанавливается: *Гольдштейновский* (h_2), *Козьмин* (k_3), пласт *Кузьмина* (h_2), *Кучеровский* (h_2), *Лизогубовский* (l_2), *Пугачевка* (l_1), *Фомин* (k_7^4, l_3), *Фоминский* (h_3), *Хараджаевский* (k_1) и др.

X. Стратонимы, образованные от топонимов: *Александровский* (m_2), он же *Трудовой* (ср. населенные пункты в этом районе - Александровка и Трудовая, или Голубовка, где этот пласт был открыт впервые [7, с.8]); 1 и 2-й *Барматовский* (k_3, k_2^1 , балка Барматова); *Беловский* (l_4 ; р. Белая); *Исаевский* (l_4 , р-н балки Исаевой); *Рыловский* (h_2 , с. Рыловка); *Большой Рыгинский* (h_3 , х. Рыгин); *Грековский* (i_2 , х. Грековы Дворы); *Зуевский Верхний* и *Нижний* (h_4, k_3^2 , р-н с. Зуевки); I-

IV Кальмиусский (h_4^2, h_4^1, h_3, h_4 ; р. Кальмиус); *Княгининский* (k_7 , первые работы по этому пласту были начаты в д. Княгиневке [9, с.30]); *Лидиевский* (l_4); *Логовской* (t_4 , балка Дальний Лог); *Макеевский* (m_2); *Мандрыкинский* (h_2); *Овражкóвый* (i_3); *Ореховский* (h_8 , с. Орехово); *Парамоновский* (h_6 , балка Парамонова); *Переезденский* (l_1 , деревня и балка Переездная); *Поповский* (k_3 , х. Попов); *Ремовский* (h_3); *пласт Синей Сколки* (h_{10} , урочище Синяя Сколка - на правом берегу р. Белой, напротив балки Пристен); *Смоляниновский* (h_2); *Таловский* (i_3^1 ; х. Таловый); *Федоровский* (h_4 , д. Федоровка); *Христофоровский* (k_5 , д. Христофоровка); *Хрустальский* (l_2^1 , балка Хрустальная в бассейне Миуса); *пласт Чернокурганка* (h_{10}), он же *Черная Курганка* (от оронима Черный Курган; р-н с. Никитовки); *Щетовский* (h_8 , с. Щетово); *Юскинский* (k_2 , д. Юскино и р. Юскин в бассейне Миуса); *Яковлевский* (h_{10} , д. Яковлевка) и др.

XI. Эту группу стратонимов можно суммарно определить (во всяком случае, на начальном этапе их изучения) как названия с основой отонимного происхождения, потому что в настоящее время уже неясно, какая именно ономастическая единица выступала в качестве предшествующего звена в акте стратонимообразования - географическое название или личное имя. Ср.: *Акимовский* (m_2); *Анатолевский* (k_2); *Бобровский* (l_2); *Васильевский* (t_2); *Георгиевский* (t_4^1); *Грицынка* (t_3^1); *Давидовский* (m_3); *Ивановский* (l_3); *Карabanка* (k_2); *Кисилевский* (l_3); *Ковалевский* (g_3); *Кулишевский* (h_{10}); *Макарьевский* (h_{10}); *Нестеровский* (h_3); *Николаевский* (l_7, t_4^3, l_4^1, h_3); *Родионовский* (k_4^1); *Сарабунин* (k_4^1, h_3); *Соловьиха*, он же *Соловьевка* (k_7); *Титовский* (h_2); *Чеботарка* (l_3) и др.

Это, так сказать, резервная группа названий, которая, как и группа XV, по мере изучения стратонимии Донбасса будет уменьшаться в результате перенесения составляющих ее имен в другие разряды.

XII. Специфической чертой топонимии Донбасса является широкое использование в ней непереоформленных («абсолютных») антропонимов в качестве названий шахт и угольных пластов. Перенос этого узуса названия в стратонимию, по-видимому, явление вторичного порядка. Об особенностях функционирования стратонимов данной разновидности в профессиональной речи хорошо свидетельствует отрывок из статьи геолога Я. Самойлова: «С осени

1892 г. на третьем горизонте жилы *Варвара* стали вести квершлаг на жилу *Вера*. Так как встречная на соответственном расстоянии жила несколько уклонилась в своем простирании от *Веры*, то возникло сомнение в тождестве встреченной жилы с *Верой*, и потому первую назвали *Степаном*. Но уклонение оказалось незначительным, и признано было, что *Степан* и *Вера* - одна и та же жила. С целью выяснить взаимные отношения *Варвары* и *Степана* (или, что то же, *Веры*) произведены были квершлагы... Чернышев полагает, что *Варвара* и *Степан* представляют части одной и той же жилы и что *Варвара* есть скользящая к СЗ часть *Степана*» [10, с.52-53].

Подобные «гнезда» непереоформленных имен встречаются и в других зонах стратонимии Донбасса. Ср. названия семи пластов тощего антрацитистого угля в балке Сухой (Сухой Ольховой): *Надежда*, *Вера*, *Николай*, *Анна*, *Мария*, *Варвара*, *Ольга* (их последовательность - сверху вниз) [13, с. 148-149]; названия пластов в урочище Долгом (р-не с. Селезенки): *Мария*, *Поликсена* и *Елизавета* (название одного пласта), *Вера*, *Николай*, *Зинаида* [1, с.127]; названия пластов в районе с. Ольхового-Успенки - станции Лутугино: *Григорий* (h_7), *Иона* (h^1_8), *Сергей* (он же *Серж*, h_9), *Василий* (h_{10}), *Александр* (h_{11}) [8, с. 15] и др. Но нередко непереоформленные личные имена в роли стратонимов употребляются как единичные образования. Ср: *Анастасия* (l_2), он же *Анастасиевский*, *Анастасьевский*; *Артур* (l_7); *Ванда* (m_7 ?); *Владимир* (l_1 , l_2); *Георгий* (h^1_4); *Григорий* (k_3); *Давид* (l_1); *Иван* (m_6 ?); *Иосиф* (l_3), он же *Иосифовский* [2, с. 9]; *Ирина* (l^1_1 ?); *Кирилл* (k^1_4); *Клавдия* (m_4); *Мария* (l_2), он же *Мария Чудная* [9, с. 33]; *Надежда* (i_3 , k_2); *Никанор* (l_4); *Сергей* (i_2), он же *Сергиевский*; *София* (l_3 , l^1_3); *Николай* (l_2), он же *Николаевский* [9, с. 28].

Этимологические истоки таких непереоформленных личных имен в роли стратонимов различны. Некоторые из них возникают как посвящения и связаны с конкретными лицами (горными мастерами, инженерами, шахтовладельцами и др.). Менее определенны с этой точки зрения стратонимы типа *Иван*, *Надежда* и т. д., потому что зависимость имени от конкретного лица здесь неясна и проблематична, тогда как в более редких случаях топонимизации личных имен в сочетании с фамилией эта связь не вызывает сомнений. Ср., например, *Толстый Францевич* и *Тонкий Францевич* (k_7 , k_6 ; Ц.И. Францевич - горный инженер); *Самуил Поляков* [11, с. 128]; *Рау* (m_3); *Мевуис* (А.Ф.

Мевнус - горный начальник Луганского завода) [1, с.106]; *Кулага* (l_2 , в р-не пласта находилась шахта А.Ищенко и Д.Кулаги); *Генрих Мейен* (l_3); *Гальян* (h_7 , он же *пласт Гольяна*; Гольян - фамилия углепромышленника) [13; с. 264]; *Виктор Бабин* (l_3), он же *Бабин* [1, с. 112]; *Левченко* и *Уманский* [13, с.193] и др.

Следующая группа «абсолютных» (суффиксально непереоформленных) антропонимов в роли стратонимов обнаруживает разнонаправленную связь с наземной топонимией - названиями шахт, населенных пунктов, балок, оврагов и т.д. Тип связи «наземный топоним → стратоним» хорошо иллюстрирует название пласта h_8 -*Иона*: д. *Ионовка* → пласт *Ионовский* → пласт *Иона* (форма, возникшая вследствие дезаффиксации по типу таких коррелирующих названий, как *Николаевский* - *Николай*, *Иосифовский* - *Иосиф*, *Анастасиевский* - *Анастасия* и т.д.). Такого же происхождения, по-видимому, и стратоним *Юлия* (k^1_7): балка *Юлина* (в бассейне р. Лугани) или населенные пункты *Юлино 1-е*, *Юлино 2-е* (на топографических картах 30-х гг. XX в.) → пласт *Юльевский* [2, с. 9] → пласт *Юлия*. Интересно, что пережившая редеривацию форма стратонима опять возвращается в «поверхностную», наземную топонимию района. Ср. гидроним *Юлия* (вариант названия балки *Юлиной*, записанный нами во время топонимической экспедиции 1968 г.). Этот тип связи («наземный топоним → стратоним») мог иметь место и при возникновении стратонима *Фауст* [5, с. 77]. Ср. название шахты *Фауст* „на левом берегу р. Лугани вблизи с. Варварополье [13, с. 200].

Сейчас трудно сказать что-либо определенное о направлении топонимической метонимии в названиях *Иван* (пласт k^1_3 , разрабатывался шахтой Иван) [6, с. 58], *Мария* (l_6 , на нем шахта Мария) [6, с. 70], *Наталья* (g_3 , на нем шахта Наталья) [11, с. 73] и некоторых других, где возможен был и переход от стратонима к наземному топониму (названию шахты).

И наконец, существовал еще третий источник накопления стратонимов данной разновидности - их внутрисистемное воспроизводство. Это хорошо раскрывается на примере рассмотренного выше «гнезда», в состав которого входит стратоним *Иона* (h^1_3). Сформировавшись на основе наземного топонима как стратоним из группы X и испытав впоследствии десуффиксацию под влиянием соответствующих стратонимических пар (см. выше),

название *Иона* затем обрастает целым пучком аналогичных образований «рефлекторного» происхождения (ср. приведенное выше свидетельство Я. Самойлова о появлении стратонима *Степан*). Такие «рефлекторно» возникшие названия вследствие топонимического «рефлекса» на стратоним-предшественник или на целую группу предшествующих ему имен, по-видимому, были во всех очагах скопления стратонимов рассматриваемого типа. Они могли иметь место и в случаях одиночного появления таких стратонимов - уже как «рефлекс» на сложившийся в бассейне обычай называния.

Гораздо реже подобного типа «рефлексация» осуществлялась на ином, неантропонимном материале. Мы располагаем единственным примером этого рода: в районе сосредоточения пластов с именем *Мазурка* (верхнее течение Кривого Торца) как «рефлекс» на них или же на один из них появляется название *Полька* [1, с. 115], а затем - в результате переосмысления - *Полячка* [11, с. 63].

XIII. Эту группу составляют стратонимы, своей семантикой указывающие на время обнаружения или эксплуатации пласта. Как правило, это словосочетания с определением *новый* (*ново-*): *Новая Лисица* [8, с. 43], *Ново-Александровский* (l_1), *Новоаршинка* (k_7), *Новый* (l_3 , l_4 и др.), *Новый Северный* (k_3), *Новый Южный* (t_4^4) и др. Ср. еще: *Старый* (k_2) и *Старуха* (t_2) [2, с. 8].

XIV. Здесь объединены названия, не входящие ни в одну из указанных выше групп. Многие из этих стратонимов имеют свою «индивидуальную» историю, как, например; *Безымянный* (k_5 , l_6), *Казенный* (l_1^1), *Миллионный* (k^1 , l_2), *Рабочий* (k_3), *Слава* (l_7), *Сюрприз* (t_4), *Пропита* (в р-не с. Железное) [1, с. 118] и др. В последнем названии хорошо угадывается украинская форма страдательного причастия (женский род обусловлен согласованием с широко известным в прошлом на крестьянских шахтах Донбасса термином *жила* вместо литературного *пласт*), позволяющая предположить в дотопонимической семантике стратонима отражение какого-то имевшего место в прошлом «микрособытия» (возможно, было кем-то «пропито» право на разработку этой жилы). Все остальные названия этой группы лексически прозрачны и легко могут быть истолкованы с точки зрения их этимологии.

XV. Замыкают нашу классификацию названий угольных пластов Донбасса имена неясного происхождения. Их немало, и

будущим исследователям стратонимии Донецкого бассейна еще многое предстоит сделать для определения ономаσιологических истоков таких названий, как *Атаман* (пласты l_5, l_6, l_7), *Бераль* (k_3), *Валюга* (n_1), *Веснянка* (l_7), *Вожушка* (k_2), *Гадючка* (l_8), *Кандибирка* (m_4, m^0_4)⁷, *Сорока* (k_8), *Сорочиха* (n_1), *Султан* [7, с.6].

Донецкая стратонимия возникла в сложных исторических условиях и складывалась на протяжении более чем полутора столетия. В ее создании приняли участие различные национальные и социальные слои населения - украинцы, русские, иностранцы, горные инженеры и рабочие многочисленных крестьянских шахт Донбасса, что определило исключительную пестроту ее состава. После завершения работы по составлению детальной геологической карты многие пласты в принятой сейчас стратиграфической схеме Донбасса получили литерные обозначения (k_1, k_2, h_{10} и т. д.), широко употребляемые в современной научной литературе. Словесно выраженные названия пластов (стратонимы) продолжают широко употребляться в разговорной профессиональной речи шахтеров, откуда проникают и на страницы научных журналов, книг, газет и т.д. Стратоним и сейчас является семиологически релевантной единицей в общей системе знаков, употребительных для обозначения угольных пластов.

Отмеченная выше частая таутономичность (синонимика) обозначения одного и того же пласта в современных условиях приводит к крайне нежелательной избыточности выражения и поэтому должна быть устранена прежде всего путем унификации многочисленных таутономических рядов. Важно определить для каждого многочисленного ряда доминирующий в нем стратоним, который, по-видимому, должен быть самым известным и своим дотопонимическим значением (если оно прозрачно или точно установлены его истоки) адекватно отражать какой-то универсальный признак угольного пласта, чтобы на его основе и осуществить унификацию. Но это уже дело специалистов, непосредственно связанных с разработкой недр Донбасса.

Со словообразовательной точки зрения выделяется несколько типов названий угольных пластов Донецкого бассейна. Очень часто это непереоформленные нарицательные существительные и прилагательные, перешедшие в ряд собственных имен (*Атаман, Великан, Спутник, Сюрприз, Лисица, Алмазный, Двойной, Крутой,*

Розовый, Солёный и многие другие). Нередко имеет место суффиксальное, префиксальное, иногда суффиксально-префиксальное переоформление первичных (производящих) основ уже на топонимической стадии существования имени (*Подалмазный, Податаман, Подмаз*, т.е. пласты, находящиеся ниже пластов *Алмазный, Атаман, Мазурка, Надбераль, Надорловский* и т.д.; ср. еще: *Серебрячка, Тройник, Баклажанка, Красавчик, Аршинка, Сплинтик, Подпяток*, т.е. пласт под пластом, или под «жилой», *Пята* и т.д.

Количество приставок в стратонимах крайне ограничено-всего две: *под-* и *над-*. Суффиксы весьма разнообразны: *-ик* (*Тройник*), *-ск-* (характерен для названий угольных пластов, образованных от топонимов и личных имен и фамилий, например *Бутовский, Голубовский, Леоновский, Фоминский* и др.), *-инк-* (*Коринка*), *-к-*: *Песчанка, Марийка* (пласт, меньший по размеру по сравнению с рядом простирающимся пластом, носящим имя *Мария*), *-ух (-а)* (*Плакуха*), *-ок* (*Голубок*), *-евк-* (*Кирпичевка*), *-их (-а)* (*Соловьиха, Сорочиха*), *-анк(а)* (*Веснянка*), *-ишк-* (*Вожжишка*), *-иц-а* (*Кременница*) и др.

Особую группу составляют топонимы - определительные словосочетания (*Верхний Бераль; Верхняя, Средняя и Нижняя Мария; Южная и Северная Аршинка; Тонкая Жила; Толстый и Тонкий Францкевич* и др.

Иные способы и средства словообразования в стратонимии Донбасса обнаруживают себя очень редко. Топоним *Мазур*, например, образовался путем отсечения суффикса от первичной формы *Мазурка*; название пласта *Подмаз* сложилось на базе сокращенной производящей основы *маз-* (из *мазурк-*) при помощи приставки *под-* и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуров А.В. Гидрогеологическое исследование (изучение подземных и родниковых вод) Павлоградского и Бахмутского уездов Екатеринославской губернии. Харьков, 1894.
2. Ископаемые угли Донецкого бассейна. Вып. I. Угли Центрального района. Сост. Б.Ф. Мефферт. Харьков, 1915.
3. Каменноугольная промышленность России в 1901 году. Харьков, 1902.
4. Ковалевский Е. Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа. - "Горный журнал", 1829, ч. I, кн. I.
5. Лутугин Л.И. Избранные труды по геологии Донецкого бассейна.

К., Изд-во АН УССР, 1956.

6. Мефферт Б.Ф. Геологический очерк Марьевского района Донецкого бассейна. Л., 1924.
7. Отчет г. Маркевича о командировке на каменноугольные копи Донецкого бассейна с 24 сентября по 15 ч. октября 1880 года. Без указания года и места издания.
8. Погребницкий Е.О. Детальная геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна. Описание планшета У-25. Район села Ольхового-Успенки - ст. Лутугино Северо-Донецкой жел. дороги. М.- Л., 1931.
9. Родыгин Н.А. Геологический очерк Боково-Хрустальского антрацитового района Донецкого каменноугольного бассейна. Ленинград, 1924.
10. Самойлов Я. Минералогия жильных месторождений Нагольного кряжа (Донецкий бассейн). - В кн.: Материалы для геологии России, т. 23, вып. 1. - Спб., 1906.
11. Соколов В.И. Детальная геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна. Описание планшета VI - 20. Южное крыло главного антиклинала близ ст. Горловки (Горловский рудник). Часть Кальмиус-Торецкой котловины между реками Корсунью и Кривым Торцом. - Пг., 1915.
12. Фомин П.И. Горная и горнозаводская промышленность Юга России, т. 1. - Харьков, 1915.
13. Эдельштейн Э. Гидрогеологическое исследование (изучение подземных и родниковых вод) Славяносербского уезда Екатеринославской губернии с приложением заметки о полезных ископаемых. - Вып 1. - Харьков, 1895-1896.
14. Яворский В.И., Бутов П.И. Кузнецкий каменноугольный бассейн. Л., 1927 (В серии: Труды Геологического комитета. Новая серия, вып. 177).

* Проблемы словообразования русского и украинского языков. Сб. ст. - Киев-Донецк: Вища школа, 1976.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Приведенные расчеты основываются только на данных книги «Синонимика угольных пластов Донецкого бассейна», содержащей около 570 вербальных обозначений угольных пластов («синонимов»). Номерные и литерные обозначения пластов нами не учитываются, так как они не являются «именами», т. е. словесно выраженными обозначениями.
- ² Этот «второй угольный пласт» Лисичанского угольного месторождения содержит «мало колчедана и вообще употребителен для разных производств» (выделено нами - Е. О.) [4, с. 38]. Последнее качество угля,

видимо, и определило его название.

- ³ На это же свойство указывал и Е. Ковалевский: уголь этого пласта «ломается всегда большими правильными глыбами» [4.с. 39].
- ⁴ Ср. еще английский термин *cherry coal* - мягкий, неспекающийся уголь.
- ⁵ Например, на руднике «Ртутное дело А. Ауэрбах и К°» пласт *Мазурка* имел угол падения 65-70° [83, с. 56].
- ⁶ Ср. замечание геолога А. В. Гурова: «...поселяне пласта угля называют еще иногда «жилами». Поэтому, вероятно, большинство пластов и носит название женского рода» [1. с.118]. Заметим, что в геологической литературе они, наоборот, мужского рода, так как согласуются со словом «пласт».
- ⁷ Ср. замечания геолога В. И. Соколова: «...крестьянами работались с поверхности и более тонкие пласты (9-10 вершк., напр., т. наз. «кандибирки»)» [11, с. 26]. Может быть, от укр. кандибити- жадничать, скарденничать?

ТОР И КРАМАТОРСК

По свидетельству Ипатьевской летописи, на реке Тор (сейчас это река Казенный Торец, протекающая по территории Донецкой области Украины и впадающая в главный приток Дона - Северский Донец) после поражения на реке Каяле, или Сюурлий, в плену у половцев находился князь Игорь.

Вот как повествуется в летописи о бегстве Игоря из плена: «в заход с(о)лнца» «в пяток в вечере» (в пятницу вечером) посылает князь «конюшого своего» к половчанину Лавору, согласившемуся ему помочь, со словами: «перееди на ону сторону Тора с конем поводным». Когда охранявшие его половцы захмелели, напившись кумыса, и потеряли бдительность, пришел Игорь «ко реце и перебрел» (перешел ее вброд).

Объяснение названия реки *Тор* возможно на почве как славянских, так и неславянских языков. Так, по мнению П.Е.Ваденюка, название *Тор* соотносится со славянским корнем *-тор-* (в словах *торный*, *проторить* и т.д.), «который выражает понятие движения» (Ваденюк П.Е. Где нужно искать ту реку...? - В кн.: Труды Третьего археологического съезда в России... Т. II. К., 1878). М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» связывает гидроним со словом *тор* - «проложенная дорога», *торный* - «гладкий, ровный (о дороге)», укр. *тор* - «колея» и т.д., а в более отдаленной этимологической ретроспективе - с праславянским глаголом **terti* «тереть». Мотивами названия в этом случае могли быть: быстрое течение, размывающее берега («трением» воды о них), вызванный этим шум воды. Однако принятию славянской этимологии мешает то обстоятельство, что река Тор в XII веке находилась далеко от южнорусских поселений. Название реке могло дать лишь более или

менее постоянное население на ее берегах. Еще ранее (в 20-е годы) М. Фасмер высказал предположение об иранских («скифских») истоках гидронима: из *tūra* «быстрая» (Iranier in Südrussland. - Leipzig, 1923).

Вполне оправданными, на наш взгляд, являются поиски этимологии гидронима *Тор* на тюркской языковой почве. Река эта протекала через кочевья крупнейшего восточного объединения половцев, а до них на этой территории обитали другие тюркские племена.

Возможно, что в основе названия *Тор* лежит тюркское прилагательное *тар* - «узкий», «тесный», «тонкий». В большинстве тюркских языков оно представлено в данном звуковом виде, но известны и другие его варианты: узбек. *тор*, туркмен. и азерб. *дар*, уйгур. (диалектное) *та*. Корень этот выступает и как глагольная основа *тар* - «суживаться». В значении «узкий» слово *тар* зарегистрировано и в половецком языке (*Comes Géza Kuun. Codex Cumanicus. Budapestini, 1880*). Такое название этот приток Северского Донца мог получить из-за того, что был узким по сравнению с какой-то другой расположенной неподалеку водной артерией, может быть, с самим Донцом.

Отождествлению гидронима *Тор* с тюркским прилагательным *тар* - «узкий» мешает отсутствие пере́хода *a > o* в этом слове в большинстве современных тюркских языков. Но вполне возможно, что гидроним *Тор* образовался на почве одного из диалектов половецкого (куманского) языка с чертами огузской группы языков, одной из которых было огубленное *a* в начальном слоге (*a > o > y*). При освоении славянами неясного половецкого названия *Тар* с лабиализованным *a* могло произойти сближение со словом *тор* - «дорога», что и было впервые зафиксировано в тексте летописи, в настоящее время река *Тор* именуется *Казенным Торцом* (в документах XVIII века - *Казенным Тором*).

Старая основа речного имени *Тор* получила отражение в ряде названий населенных пунктов, расположенных возле реки, - *Краматоровка* (село бывшей Харьковской губернии), современный посёлок *Красноторка*, город *Краматорск* Донецкой области Украины. Несмотря на то, что вторая часть названия города *Краматорск* общая со старинным названием реки, она, однако, как мы увидим, непосредственно с самим гидронимом не связана.

Для многих уже совершенно неясна первая часть топонима. В народных легендах, проникших, кстати, и в некоторые краеведческие справочники и газетные статьи, она сближается с украинским словом *крам* - «товар»: Краматорск, мол, возник в районе добычи соли, которая раньше была ценным предметом торговли. Отсюда восстанавливается нигде не зафиксированное название населенного пункта в виде словосочетания *Крам на Торе* или *Крам Торский* (Исторія міст і сіл УРСР. Донецька область. К., 1970). Однако нам ничего не известно о существовании в данном районе в XVII-XVIII веках торгового центра, который бы специализировался на торговле солью - *кромом*. Вызывает серьезные сомнения и сама возможность столь иносказательного обозначения в народной речи самой соли, которая во всех географических именах, к которым она имела отношение, выступает в своем прямом выражении: *Солигалич* < *Соли Галичские*, *Соликамск* < *Соли Камские*, *Сольвычегодск* < *Соли Вычегодские*, *Соль-Илецк* и т.д. Согласно другой версии, в качестве товара - *крама* выступала здесь вяленая рыба, которую будто бы продавали по пути домой чумаки, доставлявшие к Азовскому морю пушки. Чумацкий табор назывался будто бы *Кромовым торгом*, откуда, мол, после и появилось название *Краматорг*, изменившееся в *Краматорск* (Златокрылец Н.М. Краматорск, 1984). Уж очень искусственным, надуманным выглядит это пришедшее явно не из стихии народной речи образование - *Краматорг*.

Следует отклонить и попытку вывести название населенного пункта из более раннего *Краматорский завод*, а последнее - из фран. *crématoire* - «большая печь» (Никонов В.А. Краткий топонимический словарь). Дело в том, что данный завод (печи которого вряд ли когда-либо назывались *крематориями*) был построен в 1887 году в населенном пункте, уже носившем название *Краматоровка*.

В 20-е годы нашего века еще существовали названия двух поселков - *Краматоровский (Краматорский)* 1-й и 2-й, а также *Краматорский район* Бахмутского округа Донецкой губернии. На основе этих ранних форм - *Краматоровка*, *Краматоровский*, *Краматорский* и сложилось позднее название города *Краматорск*, в котором конечное *-ск* является сугубо топонимическим суффиксом, характерным для наименований населенных пунктов городского и поселкового типа.

В основе же ранних форм названия поселения лежит не сохранившееся уже и нигде не отмеченное топонимическое словосочетание (скорее всего, название урочища) *крома Торова*, или *крома Торская*, то есть граница по реке *Тор*, *торская граница*. В русских народных говорах *крома* (ср. литературное *кромка*) - «край, рубеж, граница», «опушка леса на границе болота», *кром* - «конец улицы» (на Дону). Ср. еще: *укромный*, украинское *крома* - «перегородка». Это слово получило отражение и в южнорусской топонимии: поселок *Кромы* на реке *Крома* в Орловской области, по которой проходила когда-то граница Русского государства с Диким полем (Смолицкая Г.П. *Кромы // Русская речь*. - 1976. - № 1).

Река *Тор* в прошлом не раз выступала в качестве естественного ориентира при установлении границ Русского государства в конце XVII - начале XVIII веков. Самый ранний известный нам факт: при сооружении укреплений изюмской черты. В 1684 году под руководством белгородского воеводы А.С. Шеина было начато (и в следующем году по решению Разрядного приказа внезапно прервано) строительство южного ответвления построенной ранее, в 1679-1680 годах, оборонительной линии - Изюмской черты для защиты от крымских татар соляных промыслов на реке *Тор*, а также Святогорского монастыря и Маяцкого городка, находившихся по правую - «крымскую» сторону Северского Донца. Позднее, с перемещением границ России на юг, бытовавшее в народе географическое понятие и его словесное выражение - *крома Торова (Торская)* были утрачены, но следы их сбереглись в современной топонимии Донбасса. Итак, идя от современности в прошлое, можно восстановить следующие этапы возникновения названия города *Краматорск*: *Краматоровка*, *Краматоровская*, *Краматорская* (со следом русского аканья в первом слоге: *Крома* (*Крама*-; в заселении территории Донбасса активное участие принимали выходцы из южнорусских областей) ← *крома Торова*, *крома Торская* ← *Тор* ← *Тар*.

Современная топонимия Донбасса сохраняет географические названия - спутники многих исторических событий, имевших место на этих когда-то отдаленных рубежах нашего отечества, - похода «храбрых русичей» в далекую степь половецкую и бегства князя Игоря из половецкого плена; защиты русских земель от набегов крымских татар и установления государственных границ на юге России. Особую

группу среди них составляют топонимы, в истоках которых лежит летописный гидроним *Тор*: город *Тор* (современный Славянск), *Торец* (*Казенный*, *Кривой* и *Сухой*), урочище *крома Торова* (*Торская*), названия населенных пунктов *Краматоровка*, *Краматорск* и др. Топонимическое словосочетание *крома Торова* (*Торская*) сложилось в то время, когда в русском и украинском языках еще существовало бессуффиксное существительное *крома* со значением «край, предел, граница». На этом основании можно объединить в одну смысловую группу «названия, указывающие на границу, рубеж», южнорусские топонимы *Крома* (река), *Кромы* (населенный пункт Орловской области) и название города *Краматорск* в Донбассе.

* Русская речь. 1987г., №5.

ВІДБИТТЯ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКИХ І УКРАЇНСЬКО-ТЮРКСЬКИХ КОНТАКТІВ В «РЕЄСТРАХ» ВІЙСЬКА ЗАПОРОЗЬКОГО 1649 р.

I

Вантропонімії «Реєстрів» знайшли пряме або непряме відображення українсько-російські контакти тих часів. Ці зв'язки посилювалися в період Визвольної війни українського народу проти шляхетської Польщі, в якій брали участь і значні верстви населення багатьох «русских земель и провинций»¹.

Самійло Величко, цей проникливий і компетентний історіограф XVII ст., говорячи про початок війни 1648-54 рр., підкреслював спільність інтересів у ній українського і російського народів. «Хмельницький, - писав він, - за волности козако-руськіє поднялъ войну против Поляковъ, бяше Рус з козаками в неудобостерпимомъ от Поляковъ озлоблени и ұтѣснени»². Ясна річ, що значення етноніма *рус(ь)*, як і похідного від нього прикметника *русский*, не тотожне щодо своєї семантики сучасному слову *русский* «російський». Вони знаходилися в антонімічних стосунках з лексемами *поляк*, *польський*, *католицький* (пор. *грекоруская вѣра*) і часто визначали всіх поневолених панською Польщею східних слов'ян, що проживали на території Малої, Білої і частково Великої Русі-Росії. *Русом* або *русским* у той час досить часто називався й українець. «Традиційна російсько-українсько-білоруська єдність знайшла свій вияв у багатьох аспектах, а також і в тому, що для всіх земель збереглася назва Русь, хоч одночасно існували і такі назви, як Велика Русь та Росія, Біла Русь, Мала Русь і Україна. Так, у «Палінодії» (поч. XVII ст.) Захарія Копистенського, відомого

культурного діяча України, говориться щодо Руської землі «як той, которая до Московского, як той, которая до Литовского княжества, также и той, которая до Королевства Польского належит»³.

«Слова *Русь, руські* в цьому широкому значенні для всіх жителів слов'янської Росії вживались завжди і всередині Руської Землі і поза нею іноземцями, коли йшлося про зовнішні стосунки», - писав М.І. Костомаров⁴. Показово, що сам Б. Хмельницький характеризується С. Величком як «*шляхти руской с(н)иць*».

Прикметники *руський і український* могли вживатися як синоніми. Так, князь Вишневецький, за словами С. Величка, - це «*вовода русский, державца же лубенский і инихъ городовъ и сельъ украинскихъ*»⁵. Він же пише про «шляхту рускую Волинскую». Про широту етнімічного значення назви *Русь* свідчить вживання її у С. Величка в різних значеннях - «український народ» (пор. «рус с козаками», де козакі виділяються як окремий військовий стан) та Росія, чи Великоросія («*под ними же Русь зъ Украинною й козаками бяше*»).

Для більш точного позначення етнічної належності той же С. Величко вживав алоетнімі *москва* (пор. «москва з козаками на литву и поляков») та *росіяне*, з одного боку, і *малоросіяне* - з другого⁶.

Більш або менш однозначним свідченням про українсько-російські етнічні контакти того часу є досить часті в «Реєстрах» імена-прізвиська *Москаль* (125 носіїв) і утворений на його основі патронім *Москаленко*. Наприклад: 1) *Москаль - Пашко, Корней, Онушко, Мус'їй, Максимъ*; 2) *Москаленко - Семень, Куць, Панько* і т.д.

В аналогічних стосунках похідності знаходяться також рідкісне козацьке прізвисько *Московець*, семантично тотожне *Москалю* (пор. *московець* 'москаль')⁷, і частіше - патронімічне ім'я *Московченко* (пор. *Андрушко Московець; Московченко-Лесь, Микита, Стецько*). Пор. також сучасне українське прізвище *Московцев*, похідне від *московець*.

Звичайно, не виключено, що деякі з деривативних антропонімів типу *Московченко* могли виникнути і як матроніми - від *Московка* (*московка*: 1. 'великороска'; 2. 'жінка солдата', солдатка (часто українка)⁸). Невизраза структура прізвиस्क: *Московъ (Федоръ)*, що належало козаку Уманського полку, і база похідного імені *Москович (Ивань)*. Останнє, мабуть, від *Московець* (за участю патронімічного суфікса).

На думку М. Фасмера, в українську мову слово *москаль* прийшло

з польської⁹. Значення апелятива *москаль* в українській мові (за Б.Д. Грінченком): 1. 'великорос'; 2. 'солдат'¹⁰ (не обов'язково російської національності). Слід підкреслити, що у XVIII-XIX ст. *москалями* називалися також українці, яких віддали у солдати.

Власне українським синонімом до полонізму *москаль* було слово *москва*. Цей відтопонімічний (← Москва) етнонім (топоетнонім) міг уживатися як у відношенні до поодинокі особи, так і у збірному значенні - 'російські люди', 'російське військо'.

Вживання лексеми *москва* у значенні апелятива - повного синоніма слова *москаль* - знаходимо у Марка Вовчка (тут цікавим є паралельне використання обох форм): «Москаль, що якесь старе залізо продавав... І не чує, що жвавий міщанин у чемерці штовха його: "Москва, москва, чи продаєш залізо?"»¹¹

У подібних мовленнєвих ситуаціях в давньоукраїнській антропонімії відбувалося формування прізвиць, а потім і прізвищ *Москаль* і *Москва*. «У російській, українській та білоруській мовах фіксуються випадки, коли назви жителів у фонеморфемному відношенні становлять точну копію топонімів, тобто коли структура топонімів без будь-яких морфемних модифікацій використовується для позначення осіб за місцем проживання чи народження. Відбувається доосмислення - певному звуковому комплексу приписується додаткове значення...», - пише про цей шлях утворення катойконімів В.О.Горпинич¹². У тексті вкладної книги Антонцева Сійського монастиря 1627 р. значиться селянин *Федор Москва*¹³. Зрештою, як прізвище (прізвиськового походження) лексема *Москаль* у сучасній українській антропонімії зустрічається зрідка. Це пов'язано з процесами патронімізації прізвиська *Москаль*, в яких активну участь брали суфікси *-енк(о)*, *-ець*, *-ук*, *-евич* та *-ев*. Завдяки цьому виникла ціла група українських прізвищ: *Москаленко* (ця структура в минулому була відома і як апелятив у значенні 'син москаля', тобто солдата або росіянина), *Москалець*, *Москалюк*, *Москалев*, *Москалевич*. Прізвисько *Москва* дало прізвищні деривати *Москвин* (→ *Москвинов*), *Московко*, *Москвич*.

Конкретні відомості про походження прізвища *Москва* на Львівщині повідомляє В.Василець. Так, у селі Сопошині Нестеровського р-ну Львівської обл. проживає сім'я українських колгоспників з прізвищем *Москва*, яке згідно з церковним записом

одержали їхні предки - пугачовці, що втекли в Карпати після придушення селянського повстання. «Справжнього прізвища, - пише автор, - брати не назвали. За російську говірку їм тоді дали ім'я *Москва*»¹⁴. До цього слід додати, що в селі Підгірці Пустомитівського р-ну Львівської обл. прізвище *Москва* зустрічається часто¹⁵.

Прізвисько *Москва* у таких і подібних випадках мотивувалося значенням 'росіянин' в апелятиві *москва*, що виник внаслідок деонімізації хороніма (не ойконіма!) *Москва* в значенні 'Росія'. У деяких давньоукраїнських текстах XVII ст. знаходимо й інший різновид цього хороніма, зафіксованого під 1631 р., - *Москвороссия*¹⁶.

Одним з наслідків деонімізації хороніма *Москва* була поява в давньоукраїнській мові апелятива *москва* із збірним значенням 'московське, тобто російське, військо,' що знайшло широке відображення в «Київському літопису» XVII ст., «Літопису Самовидця», в уже згаданому творі С.Величка, «Короткому опису Малоросії», а також в інших пам'ятках давньоукраїнської писемності.

У такому значенні *москва* часто відмежовується від *козаків*, тобто Війська Запорозького. Пор. аналогічне відмежування *козаків* від *русів* або від *русів*, а також від "козаків московських"¹⁷, тобто представників козачого стану з російській земель¹⁸.

В інших пам'ятках спостерігається відокремлення *товарищей*, тобто тих самих запорозьких козаків, від міщан і т.п. Наприклад: 1. ...поражена ксть *москва* презъ поляков (Київ. літ., 79, 1610 р.); 2. ...где *москва* не бавячнся в полю, ұвойшла ұся ұ городъ Нѣжннъ¹⁹; 3. ...гетманъ Бруховецкій скұпилъ ұсѣ полки заднѣпрскіе и мючн з собою килка тисячей *москви*, рұшилъ спод Переясловя кұ Черкаскому²⁰; 4. ...козакѡвъ и *москви* немало порұбали и живо побрали²¹; 5. ... И такъ в ночѣ *москва*, понавнравшн полки гармати пороух и замокъ запалнвшн, пошлн с тнми козаками на проломъ презъ тұрецкое войско; 6. ...послалн пѣхотн 1500 и *москви* полкъ (Краткое описанне Малоросснн, 1677 г.); 7. ...ажъ до окозұ *москву* и козакѡвъ, рұбеля, гналн²² та ін.

Особливо часто алоетнонім *москва* зустрічається у тексті «Сказанія» С.Величка: «зосталъ от *Москви* и Козакѡвъ.... нагнанъ и на голову зо всѣмъ войскомъ пораженъ»; «не дался тогда *Москвѣ* и Козакамъ»²³; «перво з Козакамн и Татарн, потомъ з *Москвою*, Шведамн и Вендграмн»²⁴, «на Козакѡвъ, на *Москву* і Шведа»²⁵ та ін.

Крім того це слово зустрічається тут як ойконім («п'ят соть Татаръ одослалъ Хмельницкий на *Москву* в подарунку»²⁶), «адміністративний» хоронім («писалъ до двору королевского прекладаючи ли ү з *Москвою* желѣзомъ розсѣкти»²⁷), а також з апеллятивними значеннями 'російський уряд' і 'російське військо' («зараз *Москва* назначила государству своему границу по преречонюю реку Березину»²⁸; «и ополчися з *Москвою*, которой ... пять полков тамъ било»²⁹) та ін.

З тими ж значеннями слово *Москва* вживається і в мові таких південноруських літописів XVI-XVII ст., як «Чернігівський літопис» 1587 р., «Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ действий и случаевъ описание...» 1506 - 1783 рр., «Лѣтописецъ в рускихъ и полскихъ що ся сторонахъ дѣяло и якого року»³⁰.

Цікаво, що в значенні 'російське військо' збірний іменник *москва* узгоджується з присудком не формально, а семантично: «*Москва*, вишедши зъ города, окозъ Даниловъ *розвали*», «*Москва* гетманомъ *учинило*» і т.д.³¹

Особливо яскраво значення 'московське військо' проявилось в апеллятиві *москва* в тому місці "Київського літопису", де йдеться про розгром поляками табору Щуйського: «князь Ружинский съ поляками зъ розныхъ сторонъ ударил на таборъ Щуйского і розгромилъ табори, здобычъ немалюю одержалъ, хочъ троха съ столици *москву* послановано...»³², тобто 'хоча із столиці (Москви. - С.О.) військо московське (москва. - С.О.) і отримало невелику підмогу'.

Варте уваги, що сама столиця Російської держави (Москви. - С.О.) у С.Величка називається ще описово - «столицей московской», а не Москвою: «ѣдучи з столиці московской»³³.

Деонімізація слова *Москва* мала місце і в російській діалектній мові: в деяких говірках воно зареєстровано як апеллятив у значенні 'дуже говірка людина'³⁴.

Подібного значення лексема *Москва* в українській мові, мабуть, не розвивала у такій мірі, щоб говорити ще про якесь особливе її вживання в якості апеллятива (хоч в українському фольклорі *москаль* часто виступає як невірний коханець і спокусник). Але цілком можливим є інший смисловий розвиток оніма: *москвою* (так, як і його синонімом - *москалем*) могли називати українців, що деякий час жили

в Росії (за пам'ятками XVII ст., це “московские края”³⁵, на “московских землях” (“грунтах”) або в слободах на самій Україні³⁶. Можливо, саме таку етимологію мало прізвисько гетьмана *Сови Москаля*, який згадується в «Межигірському літопису» під 1636 р.³⁷

Лексема *москаль* (і деякі похідні від неї форми *-москалек*, *москаленок*, *москалик*, *москалька*) відома і деяким російським говіркам, до яких вона прийшла, мабуть, з української та білоруської мов. Це головним чином говори брянські і смоленські. На Дону і в Сибіру прикметник *московский* зафіксований із значеннями ‘російський’, а також ‘старообрядницький’ і ‘армійський, не козачий’³⁸. Це цікава паралель до семантичного розвитку українських слів. Однак у російській мові ці лексеми, територіально обмежені в своєму вживанні, означають не росіянина взагалі, а лише певні сторони чи реалії російського життя: пор. *москаль* ‘старообрядець’ і т.д. Те, що в донських та деяких сибірських говірках, за свідченням В.І. Даля, *московский* вживалося у значенні ‘російський’, перш за все було викликано давнім відособленням донських козаків і жителів віддалених сибірських околиць, їх відірваністю від центральної Росії.

Як запорозькі козаки вважалися особливою складовою частиною українського народу й у документах XVII ст. виділялися з нього (С.Величко, наприклад, пише про “православних руссов и козаков”, про “людей русских и козаков” і т.п.³⁹), так і в свідомості донських козаків тривалий час побутували уявлення про їхню етнічну специфіку в порівнянні з росіянами чи жителями земель, що були на півночі, ближче до Москви. Звідси поняття “росіянин” пов'язувалось у них із відтопонімичним прикметником *московский*, який протиставлявся лексемі *козачий*.

Прикметник *московский* як автоетнонімне означення вживався самими росіянами дуже рідко. Звертання до нього, мабуть, посягається традицією, яка склалась наприкінці XV ст. у Західній Європі, - називати *Московією* північно-східні російські землі⁴⁰. Поширенню такого слововживання сприяли певні верстви російського суспільства - дипломати, мандрівники тощо. Вираз “московская нація”, наприклад, двічі зустрічається в паперах князя Куракіна⁴¹.

Перебування московського війська, або *москви*, на Україні в період Визвольної війни українського народу проти шляхетської Польщі і в пізніші часи залишило сліди і в українській топонімії. Саме

з цим пов'язана поява ойконіма *Новомосковськ* (назва райцентру Дніпропетровської обл.). У 1688 р., як говориться в “Кратком описании Малороссии”, “городъ Самару великороссіяне и козаки устроили”⁴².

Докладніше про це повідомляється в самому літопису: “А войско *московское*... прийшовши до рѣки Самари, город уробили над рѣкою Самарою и тамъ, при вшелякихъ запасахъ, людомъ *московскимъ* осадили военнимъ немалнимъ комонимъ и пшнимъ»⁴³. Трохи нижче «войско *московское*» назване *москвою*: «И прийшовши до Самари-города, тяжшіе *москва* армати позоставляла, а войско по городахъ роспущено”⁴⁴.

Семантика перенесеного топоніма *Москва* (або *Новая Москва*), його сприйняття в країномовному середовищі XVII ст., мабуть, були трохи іншими, ніж у росіян. Якщо для росіянина лексема *Москва* була топонімом, то у свідомості й мовленні українця вона входила у стійкий смисловий зв'язок з широковідомим топоетнонімом, часто з тим же значенням, що й *москаль*. Як уже відзначалось, у цей час лексема *русский* не сприймалася українцями в сучасному етнонімічному значенні, тобто не була тотожною укр. *росіянин*.

Територія Московської держави, а інколи і її населення (росіяни в сучасному розумінні цього етноніма) позначались і як *большая Русь* (пор. у С.Величка: “большая Русь и козаки”)⁴⁵ на відміну від *Украины Малороссийской*⁴⁶. Ось чому на тогочасному етапі становлення етнонімів зі значеннями ‘росіянин’ та ‘українець’ між останніми ще не було тієї чіткої лексичної різниці, яка існує тепер. Відтопонімічні алоетноніми *москва і москаль*, а також прикметник *московский* у той час були необхідні, щоб виразити поняття ‘російський’.

Цікаво, що етноним *росіянин* в українській мові склався не на основі *рус-*, репрезентованій у словах *Русь (русь)* і *русский*, а є похідним від хороніма *Россия*. Пор. у С.Величка: “отвертуть ѹ *росіановъ*”⁴⁷, у “Літописці” 2-ї пол. XVII ст. - “*великороссіяне*”⁴⁸ та ін.

У зв'язку з цим назва міста на р. Самарі спочатку, певно, асоціювалася в українців та козаків, що також брали участь у його будівництві, більше з уявленням про “большую Русь”, тобто про людей російської національності і їхнє військо, ніж про столицю Московської держави. Цей топонім в період своєї “молодості” ще був оточений ореолом етнонімічного значення, яке потім стерлося, оскільки посилювався зв'язок із назвою столиці Російської держави (що зумовило,

мабуть, появу ад'єктива).

Українсько-російські етнічні контакти знайшли відображення і в інших назвах населених пунктів та гідрооб'єктів України. Алоетнонім *москаль* безпосередньо або через проміжну антропонімічну ланку (індивідуальне чи групове прізвисько або прізвище) проникає в ойконіми *Москалі* (Чернігівська обл.) і *Москалівка* (Харківська обл., двічі в Сумській, чотири рази в Хмельницькій обл.), *Москалівщина* (Сумська обл.). В останніх двох формах можливе і посередництво антропоніма *Москалев* (*Москалів*).

Інший варіант алоетноніма *москва* міг знайти відображення в ойконімах *Московка* (Запорізька обл.), *Московщина* (Рівненська обл.) і *Москівщина* (Сумська обл.). Сліди відетнонімних антропонімів *Москаленко* і *Москалець* (від апелятивів *москаленко* і *москалець* у значеннях 'син москаля' і 'син солдата') знаходимо в ойконімах *Москаленки* (Київська, Сумська, Харківська, Черкаська обл.) і *Москаленка* (Херсонська обл.). Останній становить собою форму родового належності, яка в наш час - під впливом ойконімів із суфіксом -к(а) - сприймається як називний відмінок. Пор. ще ойконіми: *Московське Урочище* (Дніпропетровська обл.), *Московський Бобрік* (Сумська обл.) та *Москвитянівка* (Хмельницька обл.), швидше всього мотивовані антропонімом *Москвитянин* (пор. книжний староруський етнонім *москвитянин* 'житель Московії'). Серед ойконімів типу *Московське* (Черкаська обл., двічі в Донецькій та Сумській обл.) можуть бути як старі - відетнонімичні, так і пізні - відтопонімічні утворення. Одна з частин м. Косова (райцентру Івано-Франківської обл.) і тепер має неофіційну назву *Москалівка*.

Дещо складніші відношення словотворчої залежності простежуються в гідронімії. "Словник гідронімів України" містить 19 гідрооб'єктів з назвами «московського» циклу, які виводяться (безпосередньо або через більш ранні проміжні форми) з алоетнонімів *москаль*, *москалик*, *москалець* і *москва*: *Москаль*, *Москалі*, *Москалівка*; *Москалик*, *Москаликова*, *Москаликів*; *Москальцева*; *Московець*, *Московка* і *Москва*. Повторення в гідронімії етнонімної форми не є результатом її онімізації: *Москва* виникає від похідної форми *Московка* в результаті зворотного словотвору. Варіанти назв лівої притоки Дніпра - *Московка Суха* і *Москва Суха* - знаходимо в різних списках у Самовидця⁴⁹.

Повернемося тепер до *Москалів* «Реєстрів». Все сказане раніше дозволяє інтерпретувати їх досить чітко: це були або козаки російської національності (*москва*) у Війську Запорозькому, або ж ті з українських козаків, які за обставинами свого життя були пов'язані з російським населенням тодішньої України чи сусідніх з нею районів та областей⁵⁰.

В обох випадках мали місце етнічні контакти. В цей період ще не було соціально-історичних умов для виникнення прізвиськ типу *Москаль* і *Московець* на ґрунті омонімічних апелютивів із значенням 'українець, відданий у солдати' (і відповідно *москалька*, *московка* 'українка-солдатка'; останнє слово, мабуть, мотивувалось українським народним етнонімом *москва*).

Точно встановити національну належність кожного *Москаля*. *Москаленка*, *Московця* і т.п. через вказані вище причини навряд чи можливо. Разом з тим в окремих випадках у справі національної ідентифікації носіїв прізвищ можуть стати у пригоді форми особових імен. Пор. такі характерні російські імена, як: *Івашко Москаль*, *Волотко Москаль*, *Микула Москаль*, *Петруша Москаль* та ін., хоча переважна більшість їх вимовлялася й була записана до «Реєстрів» на український лад: *Іванець*, *Тышко*, *Гришко*, *Юрко*, *Ясько*, *З'янець*, *Ромашко*, *Онушко*, *Ілко*, *Харко* і т.п. (усі вони також *Москалі*).

Цікавим є також факт, що козаки російської національності у Війську Запорозькому, як правило, називались етнонімом *москаль* і деякими іншими словами, що мали основу *моск(в)-*. Їх старі прізвиська, котрі вони одержали до того, як стали запорожцями, у новому соціальному середовищі не бралися до уваги. Рідкісним винятком, мабуть, є антропонім *Іван Лагута*. Носій цього прізвиська (козак Черкаського полку) справді міг бути росіянином⁵¹. Однак пошук лексичних елементів російських говірок в антропонімії «Реєстрів» - це вже тема окремого дослідження.

II

Про існування у Війську Запорозькому тюркського етнічного прошарку свідчать досить часті у «Реєстрах» прізвиська, утворені як від апелютивів *турок*, *туркень* і вже застарілого етноніма *турчин* шляхом його онімізації, так і від іншого етнічного найменування - *татарин*, а також пов'язані з ними вторинні патронімічні імена:

Дмитро Татаринь, Гасань Татаринь, Муштань Татаринь, Михайло Татаринь, просто Татаринь, Лавринь Татариненко, Дацько Татариненко, Васько і Денис Турчинь, Янь Турчань і т.п.; Ивань Турчиненко, Ждань Турчиненко, Онисько Турчиненко, Петро Турчинець, Романь Туркенко, Ивань Туркень, Лукьянь Туркиненко та ін.

Зрозуміло, що частина цих прізвиськ виникла на основі псевдоетнонімів - слів, через посередництво яких давалася вказівка не на етнічну належність особи, а на певні обставини життя самого українського козака, пов'язані з іншим етнічним середовищем, на зовнішню або внутрішню подібність до людей іншої національності і т.п. Наприклад, *Москалем* міг бути названий українець, характерною рисою якого було проживання серед росіян або в Росії, *Литвином* - один із "козаків литовських республіки польської", як про це говориться в "Собрании историческом" (1770 р.) при опису подій 1579-80 рр.⁵², *Турчином* або *Татарином* - той, хто побував у турецькому чи татарському полоні або людина, зовні схожа на турка чи татарина, і т.п.

Слід враховувати також факти семантичного переломлення і коннотації етнонімів або ж окремих специфічно національних власних імен у слов'янському середовищі. Наприклад, *Грицько Арнаутъ* міг бути албанцем (тур. *arnaut* - 'албанець'), однак цілком можливо, що його прізвисько мотивувалося омонімічним апелятивом з пейоративним значенням⁵³; так само прізвисько *Багметъ* (< *Махмет* < *Магомет*) міг носити українець (див. про це нижче).

У мовленні запорозьких козаків, безсумнівно, побутували запозичені тюркські слова, що виступали як еквіваленти українських лексем (наприклад, *тума* як видове поняття по відношенню до *суржик*)⁵⁴, так і в ролі безеквівалентних назв деяких побутових реалій. Такі освоєні тюркські апелятиви також могли онімізуватися в прізвиська та імена від прізвиськ. Пов'язані з ними номінаційні процеси носили гомогенний характер на відміну від запозичення і пристосування до зовсім іншої антропонімічної системи вживаних тюркських імен або прізвиськ (у «Реєстрах» *Османъ, Маликбаша, Кизымъ, Бабалый, Конакъ, Савлухъ, Шереметъ* та ін.), що як транспоновані слова є екзогенними іменами, або гетеронімами.

Антропоніми першого класу не можна вважати тюркізмами у точному розумінні цього слова: не дивлячись на свою тюркську форму,

вони виникли внаслідок номінаційних процесів, що мали місце в україномовному середовищі. Такими антропонімами є, наприклад, ті прізвиська запорожців, які виникли завдяки трансонімізації, тобто переходу оніма одного розряду в інший. Частіше за все спостерігається перехід гідроніма тюркського походження (рідше - ойконіма, що як правило, повторює гідронім) у прізвисько, яке на початковому етапі (поки не відбулася його деетимологізація) містить інформацію про минулий зв'язок його носія з певним географічним об'єктом (річкою чи поселенням на ній)⁵⁵.

До речі, про давність звичаю використовувати непереоформлені топоніми для утворення прізвиस्क та імен від прізвиस्क в російській антропонімії свідчать і матеріали "Словаря древне-русских личных собственных имен" М.М.Тупикова (Спб.,1903): Григорий Евдокимович *Байкал* - служивий з Сибіру (1655 р.), *Бухара* (1683 р.), Васко Иванов *Вилуй* - служивий з Якутії (1649 р.), Степко Сидоров *Вилой* - служивий з Сибіру (1655 р.), сибірський козак Яким Копанов сын *Вологда* (1678 р.), писець *Кострома* (1330 р.), псковський посадник Левонтей *Кострома* (1369 р.), селянин "Москва рыболов" (1539 р.), селянин Івашко *Москва* (1615 р.), служивий Івашко Гаврилов *Москва* (1655 р.), козак в Новгородському повіті *Москва* Жеребцов (1614 р., в останньому випадку йдеться про ім'я від прізвиська), астраханський стрілець Митко *Самара* (1672 р.) та ін.

Прізвища, що склалися на основі таких прізвиस्क, досить часто зустрічаються в сучасній українській та російській антропонімії. Так, наприклад, у телефонних довідниках Донецька і Дніпропетровська можна знайти прізвища, що виникли завдяки трансонімізації (топонім → прізвисько → прізвище): *Дон* (і похідна форма *Доненко*), *Кальміус* (*Кальмус*), *Конотоп*, *Корсунь* (*Корсун*), *Полтава*, *Суздаль* (і *Суздалева*), *Самар*, *Волга*, *Астрахань*, *Бахмут* та ін. У самих "Реєстрах" знаходимо двоіменні сполучення, де в ролі прізвиська виступає подібний топоатронім: *Петро Калуга* і *Дорошко Дунай*.

У матеріалах «Реєстрів» можна вказати чимало прикладів такої трансонімізації. Так, патронімічне ім'я козака Переяславського полку *Кагарлиценко* свідчить про існування прізвиська *Кагарлик*, утвореного від найменування однієї з приток Синюхи, лівої притоки Південного Бугу (пор. також *Романь Кагарлицкий*). Прізвисько *Игнатъ* Бохмачь (козак Уманського полку) також не є тюркізмом, тому що воно

утворене від топоніма *Бахмач* (назва міста на однойменній річці в басейні Десни).

Мабуть, такого походження і прізвиська: Остапъ *Базавлукъ* (пор. омонімічний гідронім у басейні Дніпра), *Иванъ, Жаданъ, Максимъ* і *Фесько Кременчукъ* (похідні утворення: *Михайло* і *Сава Кременчуцкий*), *Тишко* і *Данило Трєпизунъ* (п. Черкаський; Р., 28,29) (пор. *Трапезунд*, тепер *Трабзон*, турецьке місто на березі Чорного моря), *Петро Кодымъ* (пор. *Кодима* - права притока Південного Бугу), *Сергѣй Кильчень* (пор. *Кильчень* - права притока Самари, лівої притоки Дніпра), можливо, також *Степанъ Жолтая Вода* (козак Полтавського полку) та ін.

Відтопонімічні прізвища походять як від місцевих, українських, назв тюркського походження, так і від топонімів, поширених за межами України: *Пилипъ Каракутенко* (п. Черкаський; Р., 44), *Дмитро Каракутець* (там же), *Мартинъ Саварский*, сотник (п. Черкаський; Р., 48), *Иванецъ Самариченко* (п. Чигиринський; Р., 21), *Савка Касикаленко* (п. Чигиринський; Р., 12), *Кримченко Карпъ* (п. Чигиринський; Р., 6), *Яско Озовский* (п. Чигиринський; Р., 18), *Иванъ Орлойчаенко* (п. Черкаський; Р., 51), *Антонъ Тобола* (п. Чигиринський; Р., 22), *Кгресько Туболский* (п. Черкаський; Р., 55), *Петро Ченакало* (п. Чигиринський; Р., 26), *Гришко Шамъ* (п. Чигиринський; Р., 1). У даній групі найпоказовішим є адаптовані на взірєць власне українських прізвищ назви *Орлучай, Казікала/Кадікала, Ченакала* та збережене в початковій формі *Шам 'Дамаск'*.

У «Реєстрах» зафіксовано прізвиськову лексему *Бахмать* та її варіанти, яка має, на наш погляд, інше походження: *Лавринъ Бахмать* (козак Чигиринського полку). Генетично вона пов'язана з іменем мусульманського пророка Мухамеда, або Магомета, і є однією з фонетичних модифікацій цього антропоніма, що виникла у слов'янському мовленні. Пор. також інші приклади з «Реєстрів»: *Бохмать съ Кропивнои* (п. Кальницький), *Иванъ Бахматовъ зять*, патроніми *Данило Багматенко* і *Фесько Багматенко* (козак Білоцерківського полку), козак *Федоръ Байметъ*, *Тимко* і *Петро Багметъ*. Відомі сучасні українські прізвиська *Багмет, Багмут, Баймут, Бахмут*, російські - *Махмутов, Бахмутов*.

Було висловлено думку, що прізвиське *Баймут* (пор. *Байметъ* у «Реєстрах») зберігає сліди тюркського препозитивного елемента *бай* у значенні 'багатий', який ускладнював у тюркських мовах антропонім.

*Махмет*⁵⁶: Цілком можливо, що зміна початкового м- на б- була зумовлена дистантною дисиміляцією, а розвиток звука й на місці г (гм > йм) - дзвінкістю і подовженістю приголосного перед довгим сонорним. Пор. аналогічно: "Право майдебурское", «Права Майдебурскіє»⁵⁷ та назву міста Магдебург, від якої походить відповідне означення.

Необхідно звернути увагу на те, що антропоніми *Бахмет*, *Багмет* і т.п. ніколи не вживаються як особові імена, їх функція - прізвиськова, і це дає підставу припустити, що спочатку вони могли виступати в якості антропонімів з негативною конотацією (як, наприклад, в історії російської мови тюркський антропонім *Уразгельды*, що пізніше дав апелятив *розгильдйй*)⁵⁸. Слід також враховувати і можливість пізнішої появи антропоніма *Бахмут* - від назви відомого в давнину повітового міста колишньої Катеринославської губернії (тепер м. Артемівськ Донецької обл.).

Таким чином, частина українських антропонімів, співвідносних з повною чи скороченою формами імені пророка Магомета, виникає в результаті процесу трансантропонімізації - через стадію конотативного антропоніма, що пізніше втратив свої додаткові оціночно-понятійні відтінки. Це, так би мовити, первинні антропоніми «бахмутського» циклу. Вторинним утворенням в українській антропонімії є прізвисько, а потім і прізвище *Бахмут*, зобов'язане своєю появою процесу антропонімізації топоніма.

Неоднозначне вирішується питання також з антропонімами: *Василь Сумарь* (п. Брацлавський), *Андрюшко* і *Овд'їй Самарь* (п. Корсунський), *Левко Самарченко*, *Иванець Самариченко*, *Олекса Самаровичь*.

У прізвиських цих козаків знайшло відбиття тюркське слово *sātār* (запозичене з перської), яке має значення 'в'ючне сідло', 'перекидний мішок для нав'ючування коня', 'таз, блюдо, глечик'. Як оро- і гідрографічний термін ця форма зустрічається в топонімії Росії та України, а також Балкан. Разом з тим російське прізвище *Самарин*, на думку Баскакова, співвідноситься з російським діалектним словом *самара* 'довгополлий одяг'. Однак мотивування прізвиська з коренем *самар* - було не тільки таким, як припускає автор запропонованої етимології; для української антропонімії воно взагалі мало ймовірно.

У світлі всього вищесказаного прізвисько *Самар(а)* стосовно

української антропонімії слід розглядати як непереоформлений відтопонімічний антропонім.

Запорозькі козаки з прізвиськом *Самар(а)* певними обставинами свого життя були пов'язані з багатолюдною у XVII-XVIII ст. Самарською паланкою, через володіння якої протікала ліва притока Дніпра - *Самара* (вона ж *Самар*, *Самарь*⁵⁹, *Самарка*). Адміністративним центром її була *Новоселиця*, або *Самарь*. Навколишні ліси називалися *Самарською товцею*. Звідси і сучасне українське прізвище *Самар*, тотожне прізвиську з "Реєстрів".

Прізвисько *Фесько Семеренко* є патронімічним поширенням іншого фонетичного варіанта прізвища *Семер(а)*⁶⁰. Реєстровий антропонім *Самарченко* (*Левко С.*, п. Черкаський; Р., 53) є похідним від прізвиська *Самарець*, тобто 'житель Самарської паланки' або 'виходець з неї'. Таким чином, прізвиська *Самарець*, *Самарський* (в "Реєстрах" - *Пархомь* і *Назарь Самарский*) і *Самар(а)* були семантично тотожні.

Отже, вторинність подібних утворень, їх обумовленість відомими топонімами та антропонімами тюркського походження, які розвинули у слов'янському мовному середовищі різні конотації (головним чином пейоративного плану), - усе це робить запорозькі імена «бахматського» («бахмутського») і «самарського» циклів нерелевантними для вивчення етнічних контактів⁶¹.

Переходимо до розгляду екзогенних антропонімічних тюркізмів, зафіксованих "Реєстрами". З тюркським словом *балыкчи* 'рибалка', 'продавець риби' пов'язані прізвиська запорозьких козаків Корсунського і Кальницького полків *Левко Балакчѣй* і *Тымко Балакиши*, а також патронімічне прізвисько *Андрушко Балакишенко* (козак того ж Корсунського полку, можливо, син *Левка Балакчѣя*). Поява кінцевого й викликана морфологічним освоєнням антропоніма, що включило його в українську формотворчу парадигму. Пор. відповідно тюркське екзогенне ім'я *Алі*>*Алій*, *топчи* 'пушкар'> *Топчій* (в «Реєстрах» - *Андрушко*, *Марко* і *Яцько Топчѣй*). Зміна тюркської основи *балик* на *балак* пов'язана з паронімічним наближенням до укр. *балакати*.

Цікаво, що аналогічний процес зачепив і гідронім у басейні Сіверського Дінця - *Баликля*, в багатьох документах і народному мовленні відомий як *Балакля*.

У «Реєстрах» зафіксовано ще одну модифікацію даної тюркської основи - *булук*: *Івань Булукъ* - запорожець Корсунського полку.

Прізвисько *Тимоиъ Бахта* (п. Черкаський), як і російські антропоніми (прізвисько і прізвище) *Бахта* і *Бахтин*, швидше за все пов'язані, на думку М.О.Баскакова, з тюркським словом *бахта* / *пахта* 'бавовна'⁶², менш вірогідно - від тур. *бахт* 'щастя' (запозичене з перської).

З тюркським прикметником від слова *вџи* 'вовк' співвідносяться прізвисько *Василей Берлю* (п. Брацлавський) і похідне від нього *Мисько Бирленко* (п. Уманський). До речі, лексема *Берлю* відображена й у північноприазовській оронімії, де є балка *Берлю-Тарама* (вона ж *Бирюх-Тарама*, *Бирюча* і *Малхазган*)⁶³. *Федоръ Бабальи* (п. Корсунський) - від тур. *бабаль* 'той, що має батька'.

Балай (п. Брацлавський). З ним можна пов'язати антропонім *Данило Балайрабъ* (п. Брацлавський) - від *бала* 'дитина' (з кінцевим й того ж походження, що й у *Балакиий*). Не виключено, що елемент *-рабъ* у формі *Балайрабъ* є слов'янським.

Прізвище *Прокопа Бабака* повторює поширене в тюркських мовах «дитяче слово» *бабак* 'дідусь'. В основі прізвиська *Івань* і *Фесько Болобанъ* і похідного від нього *-Іванъ Болобаненко* лежить апелятив *балабан* 'товстий', 'з великою головою'. Він вживається також як назва хижого птаха⁶⁴. Можливо, цей апелятив відображено у перекрученому запису антропоніма *Опанасъ Балабай* (п. Миргородський). Прізвище *Балабай* відоме й у наші дні. Лексема *балабан* 'великий' характерна лише для кримсько-татарської мови⁶⁵.

Козак Прилуцького полку *Кириль Бокшенко* мав предка з прізвиськом *Бокчи* > *Бокши*. Пор. тур. *бокчи* 'той, хто чистить відхожі місця' (від *бок* 'кал', 'гній'). Само за себе говорить прізвисько *Бей* (п. Білоцерківський).

Прізвиськами та іменами від прізвищ з більш-менш прозорою тюркською основою є антропоніми: *Аврамъ Джаненко* - від прізвиська *Джан*, яке походить від тюркського апелятива (з перської) *джан* 'душа'⁶⁶; *Мисько Гасанъ* - похідне утворення *Остафъ Гасаненко* і *Гасанъ Татаринъ* останній - козак Черкаського полку; *Семень Дел'я* (від *дели* 'божевільний' - дуже поширеного в тюркській антропонімії елемента); *Тиронъ Гшда*, *Жаданъ Килд'женко* (від тюркського чоловічого імені *Гельди*), *Конакъ Кисленко*, *Канакъ Карученко*, *Конакъ Носенко*, *Конакъ*

Скоробогатченко, Конахъ Зъ Пашкович, Кунахъ Мартишенко (від *конак* 'гість'); *Охрѣмъ* та *Иванъ Кардашъ* (від *кардаш* 'брат', що вживалося і при звертанні)⁶⁷; *Федоръ Гулакъ* (від *гулак*, *хулах* 'вуха'), *Иванъ Корсакъ* (від *карсак* 'стєпова лисиця'); Мисько *Капканчий* (від *капканчи* 'мисливець, що розставляє капкани'); **Аракчѣй* або **Аракчи*-з патронімічного похідного *Ясько Аракчѣнко* (< *аракчи* 'продавець горілки', 'п'яниця'); *Максимъ Чапканъ, Федоръ Чепкановъ зять* (можливо, від перфектної форми *чапкан* 'біг').

Група прізвиськ, співвідносних із засвоєним тюркськими мовами арабізмом *касим* 'гарний': *Яцько Кесимъ, Иванъ Кизимъ, Яковъ Кизименко* (всі троє з п.Корсунського), *Левко Кизимъ* (п.Уманський) і *Иванъ Кизимъ* (п.Миргородський), можливо, *Яцько Кесимъ* (п.Черкаський)⁶⁸.

Група прізвиськ від *мурза* 'шляхтич, син князя': *Васько, Игнатъ і Мартинъ Мурзенко* (п. Канівський), сотник *Дмитро Мурзо* (п. Браславський), *Остафѣй Мурзенковъ сынъ* (там же).

Грицько Маликбаша і Андрей Маликбашенко (п. Черкаський).

Прізвисько *Василь Курмазь*, мабуть, найкраще етимологізувати на ґрунті тюркського апелятива *карамаз* 'той, хто не бачить; сліпий'. Пор. ще патронімічний дериват *Гринецъ Курмазенко*⁶⁹.

Тюркському особовому імені *Саадак* швидше за все відповідає ім'я козака Кальницького полку *Сагайдак* (пор. похідне прізвисько *Сагайдачний*).

Від імені *Салтан* походять *Солтанъ Соколовский* та патронімічне прізвисько *Григоръ Салтаненко* (п. Уманський), від апелятива *савлук* 'здоров'я' - *Иванъ Савлукъ* (п. Кропивенський).

До речі, останній апелятив відбився й у назві струмка *Савлуху* - правої притоки Альми, що впадає неподалік від Алушти у Чорне море.

Безумовно, тюркського походження група прізвиськ з основою *шеремет*, що має множинну мотивацію. На думку М.О.Баскакова, в антропонімі *Шеремет* (пор. російське прізвисько *Шереметьев*) могло відобразитися «запозичене з перської турецьке слово» із значеннями 'той, хто має швидкий, легкий крок, гарячий' (про коня), 'брутальний, запальний, неввічливий' (про людину). Крім того, така форма могла виникнути від власного імені *Шеримбет*, що складається з перського елемента *шер* «лев» і арабського антропоніма *Мухаммад*⁷⁰: *Иванъ*

Шереметь, Юсько Шереметенко, Матвій Шереметь, Федорь Шереметь, Барабашь Шереметь. Автор відомого болгарського антропонімічного словника Ст. Ілчев болгарське прізвище *Шереметов* етимологізує на основі турецького *шеремет* 'аморальний, безсовісний', що мабуть, ближче до істини⁷¹.

Антропонімічні лексеми, які були предметом нашого розгляду, - лише частина того матеріалу, що може бути інтерпретованим як тюркізми. Це з одного боку. А з другого, як показав аналіз, далеко не всі антропоніми з тюркськими основами виникли у тюркомовному середовищі: частина з них стала іменами-прізвишками завдяки онімізації засвоєних українською мовою тюркських апелютивів (*шеремет, мурза, мамай, басман* та ін.) або процесам трансонімізації, в яких брали участь інші оніми того ж походження (*Самар, Бахмут* та ін.). Ось чому при визначенні етнічного складу Війська Запорозького за даними «Реєстрів» ця група антропонімічних «псевдотюркізмів» не повинна випадати з поля зору дослідника. У протилежному разі станеться викривлення історичної перспективи.

Повертаючись до слова *шеремет*, підкреслимо, що у XVII ст. воно вживалося вже як засвоєне давньоукраїнською мовою загальне ім'я. Отже, це не дає права носіїв прізвищ з такою основою та їхніх предків беззастережно зараховувати до тюрків. Пор. у тексті розписки «жителки кнвѣської Гали Семеннхн Дяденчхн», виданої жителям містечка Борисполе за порох, що був узятий у її покійного чоловіка - «першого *шеремета*, который наступяючи на оно реченое мѣсто Бориспол»⁷². Як прізвище воно зафіксоване в «Ономастиконе» С.Б.Веселовського: *Шереметов сын Матякин* - 1551 р.; *Шеремет Григорьевич Хлуднев* - середина XVI ст. та ін. Примітка автора: «Шеремет - человек львиной храбрости (тур.)»⁷³.

З цієї ж причини не можна вважати беззастережно тюркізмами прізвища з антропонімічною основою *Мамай*: *Василь Мамай, Мамай, Старий Кузма*, патронім *Максимъ Мамаенко*, оскільки *мамаями* в давнину називали кам'яні статуї в степу - «баби»⁷⁴.

Таке ж глузливе ім'я-прізвисько міг одержати й українець. З цієї ж причини «позірними» тюрками можуть бути й носії прізвищ з основою *Басман* (< *басман* 'палацовий хліб', тюрк. *basma* 'тиснутий, друкований', тобто 'той, що має герб, клеймо')⁷⁵: *Ивань Басмань, Ромарь Басмановъ зять, Кондрать Басманенко* та ін.

Для повної оцінки тюркського компонента в «Реєстрах» (як, зрештою, й інших етнічних складових частин) потрібне глибше знайомство з усім історико-лінгвістичним контекстом, в якому виникла досліджувана пам'ятка. Однак це вже завдання на перспективу.

* Міжетнічні зв'язки в українській антропонімії XVII ст. - Київ: Наукова думка, 1989. - С.42-49,87-94,97-98.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Величко С. Сказаніє о войне козацкой з поляками.-К.,1926.-С.11.
- ² Там же. - С.5,12.
- ³ Шевченко Ф.П. Проблема единения славян в общественной жизни Украины в XVIII веке // IX Міжнародній з'їзд славістів: Доповіді. - К., 1983. - С.96.
- ⁴ Основа.-1861.-10. - С.103.
- ⁵ Величко С.Вказ. праця. - С.154.
- ⁶ Там же. - С.13,141,253,311.
- ⁷ Словарь української мови / Збір. ред. журн. "Кієв. старина"; Упоряд. з дод. власного матеріалу Б.Грінченко. - К.,1958. - Т.2. - С.447. - Надрук. з вид. 1907-1909рр. фотомех. способом (далі - Словарь української мови).
- ⁸ Там же. Разом з тим не виключено, що форма *Московка* означала жителя *Москви*. Пор. *Литовка* у значенні "литовець" так само, як і *Краковка* " мешканець Кракова" і под.
- ⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.,1967. - Т.2. - С.659.
- ¹⁰ Словарь української мови. - Т.2. - С.447.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Горпинич В.О. Теоритичні питання відтопонімічного словотвору східнослов'янських мов. - К.,1973. - С.136.
- ¹³ Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1917г. - М.,1917. - Кн.2. - С.32.
- ¹⁴ Василец В. Имя собственное // Правда. - 1974.-18июля.
- ¹⁵ Усне повідомлення авторові кандидата філологічних наук Р.Й.Керсти (Львів, Інститут суспільних наук АН УРСР).
- ¹⁶ Акты ЮЗР. - СПб.,1863.Т.1. - С.648.
- ¹⁷ ВеличкоС. Вказ. праця. - С.122.
- ¹⁸ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С приложением трех малороссийских хроник: "Хмельницкой", "Краткого описания Малороссии" и "Собрания исторического". - Киев, 1878. - С.74 (далі - Летопись Самовидца).
- ¹⁹ Там же. - С.84.
- ²⁰ Там же. - С.149.
- ²¹ Там же. - С.144-145.
- ²² Там же. - С.281,283.
- ²³ Величко С. Вказ.праця. - С.105.
- ²⁴ Там же. - С.252.
- ²⁵ Там.же. - С.253.
- ²⁶ Там же. - С.119.
- ²⁷ Там же. - С.189.
- ²⁸ Там же. - С.105.

- ²⁹ Там же. - С.117.
- ³⁰ Южнорусские летописи, открытые и изданные Н.Белозерским. - Киев, 1856. - Т.1. - 169с.
- ³¹ Там же. - С.26,33.
- ³² Там же. - С.80.
- ³³ Величко С. Вказ. праця.
- ³⁴ Словарь русских народных говоров. - Л., 1982. - Вып.18. - 284. Пор.також рос. діал. *бухара* в різних значеннях (Там же.-1968. - Вып.3. - С.319).
- ³⁵ *Лѣтописецъ или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаетъ* // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. - Киев, 1888. - С.35.
- ³⁶ Летопись Самовидца. - С.29,149,183.
- ³⁷ Южнорусские летописи... - С.96.
- ³⁸ Словарь русских народных говоров. - Вып.18. - С.285.
- ³⁹ Величко С. Вказ. праця. - С.11,58.
- ⁴⁰ Генсьорський А.І. Термін "Русь" (та похідні) в Древній Русі і в період формування східнослов'янських народностей і націй // Дослідження і матеріали з української мови. - К.,1962. - Т.5. - С.27.
- ⁴¹ Архив князя Ф.А.Куракина. - Спб.,1890. - Кн.1 - С.276,279.
- ⁴² Краткое описание Малороссии // Летопись Самовидца. - С.288.
- ⁴³ Там же. - С.174.
- ⁴⁴ Там же. - С.177.
- ⁴⁵ Величко С. Вказ. праця. - С.11.
- ⁴⁶ Там же. - С.3,59 та ін.
- ⁴⁷ Там же. - С.249.
- ⁴⁸ Южнорусские летописи... - С.34.
- ⁴⁹ Летопись Самовидца... с приложением... "Собрания исторического". - С.167.
- ⁵⁰ Наприклад, таких, як Валуйки, Білгород. Пор.: "ажъ подъ городокъ Московскій Волуйки" (*Лѣтопись событій в юго-западной Россіи в XVIIв.* / Сост.Самонл Величко..., 1720. - К.,1851. - С.501); "Перейшов князя Ромодан річку Псьол, тягнуци од Московського Білгорода..." (Кулиш П.Виговщина // Основа. - 1861.-11-12. - С.7); "Тоді вже тільки татарова осиним роєм навкруги того війська Московського увивалась і, догнавши його до Путивля, довго ще по Московських селах грасували і людей у неволку хапала"(Там же. - С.13).
- ⁵¹ Пор.: у донських говірках відомі апелятиви *лагутка* 'дурник', 'людина, що видає себе за дурника, простачка', 'нещира людина', *лагутей* 'дурник; каліка' (Словарь русских народных говоров.-1980.-Вып.16. - С.225-226). До цього ж ряду слід віднести і гідронім (в гирлі Дону) - ерик *Лагутник*, що відобразив дану апелятивну чи антропонімічну основу.
- ⁵² Летопись Самовидца. - С.358.
- ⁵³ Пор. в російських говірках (курських, калузьких) *арнаут* 'дика, звіроподібна, дуже зла людина', 'недолюдок, бусурман, розбійник' (Словарь русских народных говоров. -М.; Л., 1965. - Вып. 1. - С. 277).
- ⁵⁴ Пор. *суржик*: визначається як 'людина змішаної раси', а *тума* - 'людина змішаної породи: один з батьків турок чи татарин, а другий - українець' (Словарь української мови.-Т. 4.-С. 231, 294). У "Реєстрах" записані козаки *Горд їй Тума* і *Тума Денисенко*. До речі, слово *тума* у значенні 'метис; прибудда', а також як прізвисько низових козаків було дуже поширеним на

Дону (Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. - Новочеркасск, 1908. -С. 6-7).

- ⁵⁵ Пор. прізвисько *Реуполь* (від *Маріуполь*), записане в селі Монаково Назвашинського р-ну Нижегородської обл. в Росії - досить далеко від м.Маріуполя Донецької обл. в Україні (Антошин А.Н. Прозвища жителей с.Монакова // Ономастика Поволжья. 2: Материали II Поволж. конф. по ономастике. - Горький. 1971.-С. 100).
- ⁵⁶ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. - М., 1979. - С. 100.
- ⁵⁷ Местечко Борисполе в XVII-м веке.- С.61, 80; Летопись Самовидца.- С. 20.
- ⁵⁸ Отин Е.С. К этимологии слова *разгильдяй* // Этимол. исслед. по рус. яз. - 1972. - Вып.7.-С. 166-168. Вживання антропоніма *Махомет* як пейоративного слова в мовленні донських козаків у минулому столітті розглядається у кн.: *Филонов А.* Очерки Дона. - Спб, 1859. - С.27. У південноросійських говорах відоміший апаратив *мухамед* (*мухамет*) зафіксований із значеннями 'сувора, неласкава, нетовариська людина' і 'злодій, шахрай, крутий' (Словарь русских народных говоров. - Л., 1983. - Вып. 19. - С. 35).
- ⁵⁹ Обидва варіанти гідроніма відзначені під 1687 р. (Летопись Самовидца. - С. 167).
- ⁶⁰ У документі 1693р. він зафіксований у подвійній формулі *Ивань Семера* (Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 года.-Чернигов, 1914.- С.103).
- ⁶¹ Показовим є те, що антропонім *Самара* через його вторинність віднесено до спірних тюркізмів (*Баскаков Н. А.* - Указ. соч. - С. 40).
- ⁶² Пор. також прізвисько "посадського чоловіка" *Бахта* під 1623 р. (Веселовский С.Б. Указ. соч. - С. 29). *Бахта Розмечич* названий і серед міщан Черкаського замку 1552 р. (Акты ЮЗР. - Ч.І, т. 7. - С. 88).
- ⁶³ Словник гідронімів України. - К., 1979. -С. 350.
- ⁶⁴ Пор. ще: Гедеон Балабан. Львівський єпископ (кінець XVI ст.), Дионисий Балабан, Луцький єпископ (XVII ст.) та ін.
- ⁶⁵ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков, - М., 1969. - С. 282.
- ⁶⁶ Пор, у телефонному довіднику м. Маріуполя (1979 р.) тюркське прізвисько з тією ж основою, до якої приєднаний суфікс *-сьыз*, що має негативне значення: *Джансыз* (4 рази), *Джанси* (1 раз) і перекручене *Джансис* (1 раз).
- ⁶⁷ Прізвисько *Кардаш* зафіксоване в Маріуполі (1979 р.) двічі.
- ⁶⁸ У "Кратком описании Малороссии" під 1637 р. згадується київський сотник *Кизим* (Летопись Самовидца. -С. 218).
- ⁶⁹ В одному з документів 1678 р. зафіксоване патронімічне прізвисько (*Ивань Карьмазенко* (Местечко Борисполе в XVII веке. - С.91).
- ⁷⁰ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. - С. 84.
- ⁷¹ Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. -С.555.
- ⁷² Местечко Борисполе в XVII веке. - С.112.
- ⁷³ Веселовский С.Б. Указ. соч. - С. 366.
- ⁷⁴ Словарь украинської мови. - Т. 2. - С. 403, 455.
- ⁷⁵ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. - С.31.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КРЫМСКИХ ГРЕКОВ В ТОПОНИМИИ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Крымские греки внесли заметный вклад в топонимию Северного Приазовья, обогатив ее многими исторически ценными названиями, сложившимися на основе говоров как румейского («греко-эллинского»), так и урумского («греко-татарского») языков. Как известно, часть из них представляют собой перенесенные из Крыма наименования населенных пунктов или их частей, оставленных переселенцами, которые затем, войдя в новое активно формирующееся топонимное пространство и испытав влияние русского и украинского языков, в той или иной мере изменили свою звуковую форму и структуру (например: *Камара* → *Комарь*, *Комари*; *Керменчик* → *Старый Керменчик*, *Старомлиновка*; *Ласпи* → *Ласпа* и др.). Однако гораздо большее количество географических имен возникло на новых местах поселения. Это названия, связанные с особенностями рельефа местности - оронимы (собственные имена возвышенностей, степных балок, оврагов и т. д.), наименования различных водных объектов (гидронимы) - речек, ручьев, мокрых балок, родников, колодцев и т.д., внутригородских и внутрисельских объектов - частей населенных пунктов, а также земельных угодий, дорог, кладбищ и т. д. Многими поколениями приазовских (или «мариупольских») греков создавалась очень разветвленная сеть микротопонимов на территории их более чем двухсотлетнего проживания. Эта микротопонимия (особенно в ее гидронимной и оронимной частях) достаточно хорошо зафиксирована на военно-топографической карте - «трехверстке» бывшей Екатеринославской губернии, составленной в середине прошлого века офицерами

Генерального штаба¹, а также на подробных планах земельных угодий, принадлежавших Мариупольской уездной землеустроительной комиссии (хранятся в Донецком государственном архиве, фонд № 156). Кроме того, она рассеяна и в других источниках - рукописных картах, атласах XVII в., межевых книгах и т. д. Многие топонимы продолжает хранить народная память (особенно у людей старшего поколения). Они были записаны студентами-филологами Донецкого университета в 60-80-е годы во время топонимических экспедиций, которыми руководил автор.

Часть собранного материала систематизирована, исследована и опубликована. Это прежде всего гидронимы. Они вошли в фундаментальный «Словник гідронімів України», содержащий только названия проточных вод². Основная масса гидронимов крымскогреческого происхождения сосредоточена в бассейне р. Кальмиус, меньше их в бассейне левого притока Самары - реки Волчьей (здесь в основном они принадлежат гидронимии Мокрых Ялов, впадающих в реку Волчью). Изредка они отмечаются и на побережье Азовского моря между устьями рек Кальмиус и Берда³. Опубликована статья, в которой анализируются многие крымско-греческие оронимы Приазовья (названия положительных элементов земной поверхности)⁴. Слабоизученными остаются названия некоторых населенных мест (их этимология в «крымский» период, история структурных изменений в более позднее время), а также другие микропонимы, относящиеся к разнообразным местным объектам (имена «концов» сельских поселений, мест развлечений, бродов, отдельных камней, пастбищ, мест купания, ставков, карьеров и т.д.).

Ограниченный объем статьи позволяет нам остановиться только на некоторых из этих топонимов. Начнем с «главного» географического названия приазовских греков - **Мариуполь**, этимология и история которого еще не до конца осмыслены. Поселение греков с названием **Мариуполь** появляется в 1778 г. в устье Кальмиуса вблизи старого запорожского займища **Домаха** (в ряде источников - **Адамаха**). Оно было центром Кальмиусской паланки запорожцев, приезжавших сюда на сезонный рыбный промысел из богатой Самарской паланки. В топониме **Домаха** отразилось утраченное украинским и русским языками нарицательное существительное **домаха** (*дом* + суффикс *-аха* с экспрессивным оттенком) со значением

«место проживания, жилище». На распространение этого слова в прошлом веке в речи рыбаков указывает Б.Д. Гринченко⁵. Вариант Адамаха является диалектной звуковой модификацией этого имени: со следом «аканья» и приставной гласной фонемой а, характерной для географически близких донских говоров (где, например, слово лиман нередко произносится как алиман, лимон - как алимон и т. д.).

Из двух известных нам версий о происхождении топонима Мариуполь наиболее убедительна та, которая связывает его с названием одной из частей Бахчисарая - Мариамполем. Часть населения Мариуполя составили выходцы из Бахчисарая. Эта часть Бахчисарая - Мариамполь называлась еще Кале, т.е. «крепость» - в отличие от другого «конца», его пригорода-Маирум (Мариам, Маурум). Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, отсутствие в последнем названии топонимической основы -поль (← греч. *polis* «город»), что свидетельствует о негородском типе данного поселения, нахождении его за чертой «города» или вне городских стен (ср. русский посад) и, во-вторых, параллельное существование греческого и тюркского названий одного и того же географического объекта. Последний факт находит объяснение в распространенном как в Крыму, так и в Северном Приазовье румейско-тюркском двуязычии, что довольно широко отразилось и в топонимии приазовских греков. По мнению А.А. Белецкого, на румейский язык в Крыму оказали сильное влияние крымскотатарский, крымсконагайский и турецкий языки⁶. Еще раньше М.В.Сергиевский считал мариупольский диалект особым диалектом греческого языка, отличающимся от него «главным образом своим словарным составом, имеющим значительное количество элементов самого разнообразного характера», что «придает ему совершенно своеобразный колорит и обособленность»⁷

Население Мариуполя конца XVIII в. составляли еще и выходцы из других населенных мест Крыма: Феодосии (Кафы), Карасубазара (один из «концов» города до недавнего времени назывался Карасевкой⁸, так как вначале был заселен греками из Карасубазара), Евпатории (или Гезлеве, Гёзлөв; позднее, в XVII-XIX вв., в русской передаче - Козлов, что, как и Карасевка, свидетельствует о «народной этимологии» этого тюркского названия), Балаклавы, Старого Крыма и Белбека. Большинство из них свободно владело крымско-татарским (точнее - урумским) языком⁹. Сосуществование

«эллинских» (румейских) и тюркских (урумских) элементов во внутригородской топонимии Бахчисарая как раз объясняется тем, что на юго-западе Крымского полуострова, где «татарский массив» был «сплошным и господствующим», многие греки испытали сильнейшие влияния татарской речи и впоследствии стали «греками-татарофонами»¹⁰. Как видно из схемы, помещенной в опубликованной в самом Мариуполе в 1892 году книге «Мариуполь и его окрестности», в междуречье Кальмиуса и его правого притока Кальца (нынешнего Кальчика), греки - выходцы из вышеуказанных частей Бахчисарая вначале основали тоже три обособленных, но связанных друг с другом населенных пункта, названия которых повторили имена «концов» столицы Крымского ханства: собственно **Бахчисарай** (на левом берегу Кальца, недалеко от его устья), **Мариуполь** (на берегу моря) и между ними - **Марьинск** (очевидно, славянская переделка топонима **Марнам** или других его вариантов). Здесь же находим интересное сообщение (со ссылкой на старожилов Мариуполя), что жителей этой части города население окрестных греческих сел именовало характерным катойконимом **халелилер**, т.е. «жители Кале», «со свойственным урумскому, а также... южнобережным говорам крымскотатарского языка переходом *к в х*»¹¹.

Первая часть сложного топонима **Марнамполь**, повидимому, связана с библейским женским именем **Марнам**, почитаемым как у румеев, так и у урумов, исповедовавших грекоправославное христианство (оно же имя Богоматери, девы Марии; арамейск. *Maḡānā*→греч. *Μαρία*→*María*), вторая часть представляет собой топоформант **-поль**, использованный при создании топонима самими греками-румееями и свидетельствующий, что данное название принадлежит городской топонимии, является ойконимом городского типа (астнонимом). Различие между бахчисарайским **Марнамполем** и приазовским **Мариуполем**, по-видимому, только фонетического характера. Оно связано с дальнейшим изменением звуковой формы этого перенесенного крымского топонима в новых условиях его существования. Под влиянием других - уже искусственных, утверждаемых правительственными декретами топонимов на **-поль**, появившихся на юге в 70-80-е годы XVIII в. - в период «греческой моды» в русской топонимии (Симферополь, Севастополь, Мелитополь, Ставрополь, Овидиополь и др.), в разговорной речи смешанного

населения Северного Приазовья, очевидно, возникла форма с типичным для таких образований ударным *о* - *Марио́мполь. Для самих греков роль «авторитетного» образца мог сыграть и топоним Константинополь. Нигде не зафиксированная разговорная форма *Марио́мполь впоследствии в живой речи изменяется в Мариуполь (благодаря переходу *о* → *у* под влиянием следующей группы губных согласных, которая, в свою очередь, упрощается: *мп* → *п*). Огубленность (лабиализация) *а* под влиянием соседнего (предшествующего или последующего) губного согласного довольно часто отмечается во многих тюркских языках. Со временем название Мариуполь становится общим для всего города, чему способствовала как его типично «городская» форма (элемент *-поль*), так и выгодное географическое положение этой части поселения.

Подробного анализа требует версия, согласно которой Мариуполь назван в честь Марии Федоровны, жены Павла, бывшего в то время наследником российского престола. Ее выдвигали Б. Унбегаун и М. Фасмер (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967, с. 574), поддержал В. А. Никонов (Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 139). Однако она не учитывает всех обстоятельств возникновения самого селения и его названия. Расселение выходцев из Крыма вначале планировалось на землях бывшей Самарской паланки запорожцев. Здесь, недалеко от нынешнего Павлограда (Днепропетр. обл.) они прожили два года после того, как покинули Крым, и на новое место - на земли бывшей Кальмиусской паланки (преобразованные на короткое время в Кальмиусский уезд) перешли только весной и летом 1780 г. До их прихода на морское побережье азовским губернатором Чертковым в 1778 г. в честь наследника престола был основан уездный город Павловск, в полукилометре западнее Домахи (Адамахи), или Кальмиусской слободы с 75 ее жителями (История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. К., 1976, с. 368). Сейчас это территория Мариуполя между заводом «Азовсталь» и железнодорожным вокзалом. В устье реки Соленой, или Кальца (оба эти названия современного Кальчика находим в указе из Азовской губернской канцелярии от 24 марта 1780 г.: «при устье реки Соленой, называемой и Калецом, впадающей в речку Кальмиус») им же был основан в честь жены Павла - Марии Федоровны «город Мариенполь». Таким образом, на землях Кальмиусской

паланки верноподданически были запечатлены имена четы будущих монархов в качестве «топонимического подарка» Екатерине II, что соответствовало и духу тогдашней топонимической моды. В эти же годы на землях бывшей Самарской паланки на берегу притока Самары - реки Волчьей, одно из новых военных поселений получает в честь наследника престола название Павлоград (сейчас районный центр Днепропетр. обл.). На севере бывшего Екатеринославского наместничества в 1782г. основывается город Константиноград (сейчас Красноград Харьковской обл.), названный так в честь внука Екатерины II и сына Павла. Вышеупомянутым указом от 24 марта 1780 г. Павловск на Кальмиусе и Мариенполь в устье Соленой (Кальца) были «переведены один наместо другого» (Мариуполь и его окрестности, с.70-71). Таким образом, название Мариуполь (Мариамполь) как бы наложилось на уже присутствовавший в этом месте близкий по форме и звучанию искусственный топоним с немецкой антропонимной основой и с другим соединительным элементом сложного слова (-л-) - Мариенполь. Ойконим-предшественник впоследствии был вытеснен или поглощен естественным географическим названием, своими истоками уходящим в крымскую топонимию. Это гибридное немецко-греческое название, по-видимому, оставило некоторые следы в местной топонимии. Его отголоском, вероятно, является название Марьинск (село Марьино, Марьинское село), относившееся в XIX в. к поселению, которое непосредственно примыкало с юга к Бахчисараю на Кальчике (Кальце). Сохранились сведения, что форма Мариуполь в официальных актах появилась несколько позже другого, но менее известного варианта - Марианполь, который, например, имеется в тексте указа Екатерины II о правах греков-поселенцев от 21мая 1799 года. Этот вариант появился благодаря взаимодействию народно-разговорного, крымского по происхождению отагонимного топонима Мариамполь (названия части Бахчисарая) и недолговечного искусственного ойконима с немецкой антропонимной основой Мариенполь. По свидетельству авторов книги «Мариуполь и его окрестности», Мариенпольский уезд уже значится в документах 1776г., т. е. на следующий год после ликвидации Запорожской Сечи и за несколько лет до прибытия на земли бывшей Кальмиусской паланки крымских христиан (с. 70). Здесь же имеется сообщение, основанное, по-видимому, на местной легенде,

что форма **Мариуполь** была высочайше утверждена «под непосредственным влиянием князя Потемкина, который действовал в данном случае по просьбе и участию митрополита Игнатия» (с. 71). Эта сохранившаяся до нашего времени официальная форма названия города появилась на плане земель, подписанном 20 октября 1779 г. (с дефисным написанием: **Мариу-поль**). Попала она и в текст указа из Азовской канцелярии от 24 марта 1780 г., написанный во исполнение указа Екатерины II.

Для украинского и русского населения Северного Приазовья топоним **Мариуполь**, благодаря внутреннему зиянию и неясности лексико-словообразовательного значения, в XIX веке был неудобопроизносимым словом, и оно пыталось как-то приспособить его к звуковому строю славянской речи, сблизить с привычными словами. Так появляется форма с устранением зияния **Маруполь**, бытующая в народной речи и сейчас, а также **Марнополь (Марнопіль)**¹², **Марнополье (Марнопілля)**. Последний вариант представляет собой результат не только аррадикации (сближения с основой украинского общеупотребительного слова **марний**), но и словообразовательного освоения топонима - включения его в один ряд чисто славянских топонимических композитов типа **Краснополье, Доброполье (Добропілля)** и т.д., где **-полье (-пілля)** от существительного поле.

Следует отметить, что топоним **Мариуполь** тюркоязычные приазовские греки в прошлом веке часто заменяли географическим названием **Шеер**, представляющим собой урумское слово со значением «^{Город} **Город**» (по рассказам старожилов греческих сел, возрастная группа: 70-80 лет; запись 1960-64гг.). Этот город был крупным торговым центром Приазовья, где регулярно проводились ярмарки. По сути, до начала нашего века этот город воспринимался приазовскими греками как главный центр заселенного ими пространства. Это подтверждает и следующий любопытный факт. В конце 60-х - начале 70-х годов прошлого века в верховьях Кальмиуса англичанином Хьюзом (Юзом) сооружается крупный металлургический завод. Возле него возник рабочий поселок (основа будущего города). В первое время завод и поселок, судя по документам того времени, именовались одинаково - **Юзовский завод**. Расподобление их названий произошло позже, и рабочий поселок стал именоваться **Юзовкой** (до 1924, затем - Сталино и с 1961г. - Донецк). В речи старожилов поселка Старобешево,

говорящих на одном из диалектов урумского языка, до недавнего времени Донецк назывался **Заут**, т.е. «завод», а дорога из Старобешева в нынешний областной центр **Заут ёл**, т.е. «заводская дорога». «Рейтинг» Мариуполя-Шеера у греков был выше, чем **Заута-Юзовки**.

Переселенческими волнами топоним **Мариуполь** был перенесен и в другие места, где он пережил уже свою «третью молодость». Недалеко от Харькова в начале нашего столетия существовала деревня **Мариуполь**.

Остановимся еще на трех названиях греческих поселений, претерпевших структурные изменения под влиянием взаимодействия с параллельно существовавшими русской и украинской топонимической системами, - **Старобешеве**, **Великоновоселовка** и **Комар**. Среди топонимов Донецкой области **Новоселок** или **Новоселовок** более десяти. Все они прозрачны по своему значению («новое поселение»). Как правило, это выселки вблизи старых населенных пунктов, где жить стало тесно. Название Великой Новоселки, основанной в 1780 г. на правом берегу степной речки Мокрые Ялы крымскими греками, иного происхождения. Это буквальный перевод, калька со старокрымского ойконима **Ени Сала**, первый компонент которого - урумский (ср. тур. *уепі* «новый»), а второй - румейский (**сала** - «селение»), т.е. это «гибридное» - урумо-румейское топонимическое образование. Основатели Великой Новоселки говорили как на урумском, так и на румейском диалектах. Первый из них А.Н.Гаркавец соотносит с говорами кыпчакско-половецкого типа с незначительным количеством огузских элементов, а второй - с теми румейскими говорами Крыма, которые были расположены «от Фороса на западе до Феодосии на востоке и Белогорска (Карасубазара) на севере»¹³. Поселение на Ялах называли также **Салгир Ени Сала** - в память об одноименном крымском селе, откуда вышла часть переселенцев. Основная часть их была из другого села **Салт Ени Сала**¹⁴. Словосочетание **Ени Сала** негреческим населением Приазовья воспринималось как одно слово и со временем дало ряд произносительных вариантов: **Янисоль** (самый распространенный), **Янисель**, **Янисаль** и др. Они возникли благодаря аррадикации в речи русских и украинцев (под влиянием общеупотребительных слов **село**, **соль** и т. д.), а потом проникли и в речевое употребление самих греков.

На одном из притоков Кальчика (бассейн р.Кальмиус) - речке

Калке в это же время греками было основано другое село со сходным названием **Янисоль**. Это были переселенцы из крымских сел **Ени Сала**, **Ени Кой**, **Уйшун** и **Джемрек**, входивших в состав Карасубазарского уезда. Поэтому наряду с **Янисоль** это село именовалось еще **Джемрек**. Одинаковые названия сел на **Ялах** и **Калке** впоследствии стали различаться при помощи определений-прилагательных. Во многих документах дореволюционного, а затем и советского периодов (до середины 40-х годов) мы встречаемся с такими вариантами наименования Великой Новоселки, как **Большая Ени-Сала**, **Большой Ени-Сала**, **Большой Янисоль**, **Больше-Янисель**, **Бол. Янисаль** и др., которым были противопоставлены весьма многочисленные варианты названия села в нынешнем Володарском районе Донецкой области: **Малая Ени-Сала**, **Харахла-Ени-Сала**, **Малой Ени-Сала**, **Малый Янисоль**, **Мало-Янисоль** и др. (примеры приводятся в их прежнем правописании)¹⁵.

Неупорядоченность в выборе основной формы названия и в правописании ойконима была устранена «сверху» административно-волевым решением в 1946г, когда село **Большой Янисоль** было переименовано в **Великую Новоселку**. Впоследствии в устной речи это составное название стянулось в одно слово - **Великоновоселка**. Село **Малый Янисоль** получило идеологизированное название **Куйбышево**. Определение **великая**, вошедшее в состав нового искусственного ойконима, - украинское прилагательное. Соответствующее ему русское прилагательное сохранило только значение «выдающийся» (со старым значением «большой»), которое сохраняет украинское слово, оно вошло в состав названий старинных русских городов **Великий Новгород**, **Великие Луки** и др). В последнее время утвердился принцип в русском написании топонимов Украины прилагательное **великий** не переводить (раньше оно передавалось двояко: как **великий** и **большой**). Несмотря на то, что существовавшее до 40-х годов противопоставление **Большой Янисоль**, **Малый Янисоль** сейчас уже отсутствует, тем не менее определение **Великая** (**Велико-**) продолжает выполнять важную для географических имен различительную функцию, но уже по отношению к другим **Новоселкам** и **Новоселовкам** Донецкой области исконно славянского происхождения. Если в будущем возникнет вопрос о возвращении в топонимию Донбасса этих двух самобытных, исторически ценных топонимов (а греки вправе поставить этот вопрос

и решать его путем референдума вместе с другим населением данных населенных пунктов), то придется решать нелегкую задачу выбора одного из перечисленных вариантов в качестве нормативной формы названия (колебания в роде топонимического прилагательного: **Великий - Велика, Большой - Большая**; ориентация на первичную форму определяемой части названия - **Ени-Сала** или вторичную, адаптированную в славяноязычной среде - **Янисоль**; слитное или раздельное написание ойконима и т.д.).

Определенные структурные изменения претерпело в новых условиях и название крымского селения **Бешев** (в бывшей Фульской области Бахчисарайского каймаканства)¹⁶, состоящее из числительного беш «пять» и существительного эв «дом, жилище». Названия с числительным «пять» встречаются и в украинской, и в русской топонимиях, что свидетельствует о высокой топонимичности этой лексемы в разных топонимических системах (ср.: **Пятихатки** - населенный пункт Днепропетровской области, **Пять Изб** - донская станица в XVII в. и др.). Поэтому неверно утверждение (и сейчас бытующее в виде народной легенды), что в основании села участвовало пять семей переселенцев. На самом деле их было около двухсот человек.

В своей первоначальной форме ойконим **Бешев** употреблялся в официальных документах до начала XX века, но со временем конечное **-ев** стало восприниматься украинцами и русскими как суффикс, который затем приобрел окончание среднего рода (по типу **Енакиево, Иваново, Селидово** и т.д.). Морфологически адаптированная форма **Бешево** отмечается уже в 1904г. в «Списке земельных владений Мариупольского уезда Екатеринославской губернии» (Екатеринослав, 1904, с.14). Такого рода переосмысления финалей топонимов и появление на их месте псевдосуффиксов в топонимии не столь уж и редки. Например, в середине прошлого века имя татарской деревни вблизи Севастополя - **Дуванкой** было переделано в **Дуванка**, благодаря чему тюркское полнозначное слово кой «село, деревня» превратилось в русский суффикс **-ка**¹⁷. Начальная - определительная часть в топониме **Старобешево** появилась в 90-е годы прошлого века и связана с образованием в той же Бешевской волости выселка **Новобешево**. Как реакция на это название происходит дооформление первичного ойконима, который получил определительный компонент **Старо-** с противоположным значением. Попутно заметим, что в топонимии

Донбасса имеется еще одно географическое имя с элементом *ев*, занимающим, однако, начальное положение в слове. Это название левого притока Северского Донца в Беловодском районе Луганской области - *Евсуг* (*Ёвсуг*), имеющего свой левый приток *Ковсуг*. В обоих названиях содержится тюркский гидрографический термин *суг* «речка, источник с проточной водой». Одно из значений слова *кой* - «овца, овечий». *Евсуг*, как имеющий более чистую и пригодную для домашнего использования воду, был назван «домашней водой, речкой», в то время как *Койсуг* - «овечьей водой, речкой».

Переселенцы из-под Балаклавы основали село *Камара*, в названии которого повторился соответствующий крымский топоним¹⁸. О грекотюркском билингвизме урумского населения крымской деревни свидетельствует ее греческое название, восходящее, очевидно, к апеллятиву *камара* «свод», который был заимствован многими славянскими языками и отразился в русских словах *комора* «кладовая» и *каморка*. «Развитие греко-тюркского билингвизма в тюрское одноязычие у урумов произошло задолго до переселения», - отмечает А.Н. Гаркавец¹⁹. Первичная форма топонима *Камара* (возможно, уже с тюркским конечным ударением) приводится еще в начале нашего века протоиреем С.Серафимовым²⁰, но уже с этого времени более употребительной становится современная форма *Комар* (*Комарь*)²¹, представляющая собой результат паронимического сближения (аррадикации) с русским и украинским апеллятивами *комар* и *комарь*. Отмечен также вариант *Комари* (*Комарі*)²², свидетельствующий о еще более глубоком вхождении этого географического имени в украинско-русское топонимическое пространство региона (форма *pluralia tantum* с флексией множественного числа, выполняющей топонимобразующую функцию).

Дальнейшие разыскания в области топонимии греков - румеев и урумов Северного Приазовья позволят выявить новые интересные факты и процессы. Все географические названия, созданные языкотворческими усилиями их предков, должны быть бережно собраны, изучены и внесены в Красную книгу исторически ценных географических имен Донбасса. Нужно вернуть его топонимической палитре когда-то яркие, но затем поблекшие или утраченные краски. Топонимия Донбасса в ее первоизданном состоянии наглядно свидетельствует о вкладе разных народов в заселение, освоение и

культуру этого региона со своеобразной этно-лингвистической историей.

* Греки Украины: история и современность. - Донецк, 1991.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд Военно-ученого архива (ВУА), ед. хр. 21 308.
- ² Словник гідронімів України. «Наукова думка». Київ, 1979.
- ³ См.: Отин Е.С. Каталог рек Северного Приазовья.- «Повідомлення Української ономастичної комісії». Вип. XI. «Наукова думка». Київ, 1979, с. 43-72. Их лингвистическому анализу посвящен отдельный раздел нашей монографии «Гідроніми Східної України». Київ - Донецьк. 1977, с. 86-109.
- ⁴ Отин Е.С. Оронімія південно-східної України.- «Мовознавство», 1981, №3, с.34-44.
- ⁵ Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. Т.1. Киев, 1907, с.418.
- ⁶ Белецкий А.А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка).-В кн.: Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова ». Т.1. Самарканд, 1964, с. 122.
- ⁷ Сергиевский М.В. Мариупольские греческие говоры.- Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук, 1934, с.535.
- ⁸ Официальное название-**Карасевская улица**, сейчас улица имени А.И.Куинджи (в честь известного живописца, родившегося в 1841 г. на Карасевке).
- ⁹ Соколов И.И. О языке греков Мариупольского и Сталинского округов.- «Язык и культура». Т. VI. Изд-во АН СССР. Л., 1930, с. 55.
- ¹⁰ Соколов И.И. Мариупольские греки.- Труды Института славяноведения АН СССР. Т. I. Л., 1932, с. 316-317.
- ¹¹ Гаркавец А.Н. Развитие структуры тюркских языков в иноязычном окружении (на материале урумского и армяно-кыпчакского языков). Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1987, с.18.
- ¹² В речи кобзаря Остапа Вересая, в записи М. Андриевского (см.: Казацкая дума о трех азовских братьях.Одесса,1884,с.12).
- ¹³ Гаркавец А.Н. Указ. соч., с. 14, 18.
- ¹⁴ Серафимов С. протоирей. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Изд. 2-е. Екатеринослав. 1901, с. 15-16. В ногайском языке **салт**-«быстрый». Первый элемент составного названия **Салт Ени Сала**, очевидно, вначале возник как гидроним (название речки, ручья) и в ойкониме выполнял различительную функцию. Аналогичную роль выполнял и гидроним **Салгир** в соотносительном ойкониме **Салгар Ени Сала**.
- ¹⁵ Серафимов С., протоирей. Указ. соч., с. 16; Список земельных владений Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Екатеринослав. 1904, с.7, 26; Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год. Екатеринослав. 1914, с.211; Список населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи. Январь-февраль 1923 г. Т. 6. Киев 1924, с. 75; Геологическая карта западной окраины Донецкого каменноугольного

бассейна. Составлена А.А.Гапеевым (приложение к «Материалам по общей и прикладной геологии». Вып. 122, 1926 г.) и др. источники.

- ¹⁶ Соколов И.И. Мариупольские греки, с. 316-317.
- ¹⁷ Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. по поручению императорского Русского географического общества П. Семенов при содействии членов В. Зверинского, Н.Филиппова и Р. Маака. Т. 2. СПб., 1865, с.141 («Дуванкой (простор. Дуванская или Дуванка)»).
- ¹⁸ Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914, с. 7-9.
- ¹⁹ Гаркавец А.Н. Указ. соч., с. 18.
- ²⁰ Серафимов С., протоирей. Указ. соч., с.15, 26.
- ²¹ Список земельных владений Мариупольского уезда..., с.7; Список населенных пунктов Донбасса, с.200 и др.
- ²² Справочная книга Екатеринославской епархии, с.223 (с «приселком» - деревней Н.-Комари).

ЛІМНОГРАФІЧНІ ТЕРМІНИ *ІЛЬМЕНЬ* І *ЛИМАН* У ТОПОНІМІЇ СХІДНОЇ УКРАЇНИ ТА ПОДОННЯ (ДО ПИТАННЯ ПРО ВЗАЄМОПРОНИКНЕННЯ І ВЗАЄМОДІЮ СУМІЖНИХ БЛИЗЬКОСПОРІДНЕНИХ ОНІМІЧНИХ ПОЛІВ) *

ІЛЬМЕНЬ

У топонімії України цей географічний апелятив зустрічається надзвичайно рідко. Більшість назв з ним належить російському топонімічному простору. В. І. Даль так пояснює термін *ільмень*: «Озеро, що особливо утворюється від широкого розлиття ріки; озеро, в яке впадає ріка і з нього витікає» (з позначкою: «астраханське»). І далі (з позначкою: «новоросійське»): «розливи, заплави серед очеретів. Загалом же в *ільменя* береги в очеретяних, мокрих заростях; голе озеро не *ільмень*»¹ [Даль, 2, 39]. Вказівка на останню ознаку відсутня і в інших визначеннях терміна: «Ільмені, - писав у 1836 р. В. Булігін, - таку назву дають взагалі озерам, які у цій краї знаходяться» (тобто у Нижньому Поволжі. - *С.О.*) [Булыгин, 55]. Стариці, зазначав О.М.Мінх, утворюючи озера, «мають у Саратовській губернії і в Донському війську назву *ільмені*» [Минх, 313]. Як «будь-яке озеро» на Дону визначає *ільмень* А.В. Миртов [Миртов, 120] та укладачі «Словаря русских донских говоров» [Словарь, 2, 39]. На Уралі *ільменями* називали озера середніх розмірів - «дещо більші за *котлубань*, менші, ніж *морець*; у колишній Астраханській губернії це також залишок ріки, з часом місцями пересохлої й уцілілі плеса якої перевелись на озерки», і «заповнена водою низовина чи яма» [Маштаков, 43]. Крім того, *ільменями* іменуються «грузьке болото, грузьке місце» (Симб., Астрах.), «низовина, поросла ялиником» (Кіров.; для варіанта терміна - *лемень*); на Уралі - *ільмянка* - «низьке вогке місце» тощо [Словарь рус. гов., 12,

185-186; там же, 16, 348].

У топонімії Подоння термін *Ильмень* зареєстрований в понад ста назвах - частіше як поодинокі ВІ та дещо рідше - як апелювативний компонент складеного топоніма, наприклад: озера *Ильмень*, *Ильмень Гаврилов*, *Кривой Ильмень*, *Ерков Ильмень*, *Крестовский Ильмень* тощо. Майже завжди термін виступає у своїй основній, непохідній формі - *ильмень*, і лише по одному разу відзначені його словотворчі та звукові варіанти: рос. *ильменец*, *ильменчик*, *ильменка*², *ильмінець* (укр.)³, *лимень*⁴. В окремих випадках термін *ильмень* знаходиться у похідних топонімічних основах: лощина *Ильменская*, озеро *Ильменское* (двічі), ерик *Ильменский*, балка *Ильменская* та ін.

Термін *ильмень* належить до лімнологічного шару топонімії. В поодиноких випадках спостерігається перенесення його на інші гідрографічні об'єкти. На карті Вовчанського повіту в Атласі Харківського намісництва 1787 р. позначена ріка *Ильмень*, л. п. Сіверського Дінця нижче гирла р. Вовчої (там же і село *Ильмень*; [Атлас]); у гирлі Ведмедиці, л. п. Дону, зареєстрований ерик *Ильмень* ([СНМ-ОВД, 125, 1873 р.]; там же і хут. *Ильменский*).

Завдяки топонімічній метонімії (контактному перенесенню назв), гідрографічний термін *ильмень* 12 разів повторився в ойконімії Подоння - у назвах сіл, слобід та хуторів (*Ильмень*, *Ильменский* та ін.). У кількісних підрахунках ці вторинні топонімічні рефлекси не враховувались - перед нами, по суті, дублювання вже відзначеного в гідронімії терміна (за винятком єдиного випадку - назви села *Ильменка* на р. Ольшанці в басейні Хопра з незасвідченим гідронімічним відповідником). Контактна ойконімічна лексика не дає якихось нових відомостей про статус даного терміна.

Чимало фактів свідчить про чітко виражену опозицію лексеми *ильмень* по відношенню до інших лімнографічних термінів. Це *Солоний лиман* між двома озерами з однаковою назвою *Ильмень* (СРДонБ, 38), *Харсеев ильмень* поблизу Харсеева озера (там же, 36) тощо, хоч у південній частині Донського басейну відзначаються випадки нейтралізації термінів *ильмень* та *лиман*. Пор. відзначений вище паралелізм назв лівої притоки Сіверського Дінця в Донецькій області *Вильмінець* // *Лиманець*. За свідченням «Географическо-статистического словаря Российской империи», укладеного П. Семеновим, озеро Гудило на Маничі носило й іншу назву - *Большой*,

або Маньчський, *ильмень* [Семенов, 1, 707, 1863р.; Семенов, 169, 1867р.]. В інших джерелах [ТОКС, 40, 1862; МСО, 7, 10, 1867 р.; ОГВД, 49, 1919 р.; СРДонБ, 80] Гудило іменується ще *Большим лиманом*.

Нанесені на карту, топоніми з гідрографічним терміном *ильмень* демонструють своє тяжіння до басейнів нижньої та середньої Волги. Найбільше топонімів з цим терміном зустрічається в басейнах лівих приток Дону - Хопра, Ведмедиці, на нижньому та частково середньому Доні. Нечисленні групи назв з цим терміном є і у верхів'ї Битюга, і в витоках Манича. На решті басейну відзначені лише поодинокі назви цього ряду: тільки двічі - в українській зоні басейну Сіверського Дінця, один раз - на Воронежі тощо. «Новоросійське», за визначенням В. Даля, слово *ильмень* було, очевидно, занесене наприкінці XVIII ст. греками - переселенцями з Криму в надазовську топонімію, де воно потрапило в назву балки *Ильмень Тарама*, л. п. б. Тернової, п. п. Кальміуса (нижче гирла його правої притоки Мокрої Волновахи). Цей гідронім нами виявлений на рукописному «Плані земель домогосподарів Велико-Каракубського сільського товариства Бешівської волості, Маріупольського повіту, Катеринославської губернії», укладеному у 1910 р. [Донецький державний архів, ф. 156, од. зб. 19].

У СРДнепрБ [с. 181] наводиться лише один гідронім *Ильменка* (притока Рудзеї, п. п. Рести, п. п. Проні, п. п. Сожі, п. п. Дніпра). Назв з цієї топоосновою нема серед приток Дністра та Південного Бугу. Однак, у зв'язку з відомою різницею між СРДнепрБ та СРДЮБ, з одного боку, і СРДонБ - з другого (перші містять лише імена водотоків, позначених на картах чи в інших джерелах як ріки, а другі нарівні з ними широко відтворюють лімнографічну та орографічну номенклатуру), цей факт на даному етапі накопичення топонімного матеріалу по басейну Дніпра не можна розглядати як унікальний. Показовішими в цьому відношенні є дані іншого каталога, найбільш повного з усіх вітчизняних видань такого роду - списку рік, озер та супровідної до них ойконімії Окського басейну, укладеного Г.П.Смолицькою.

У басені Оки гідронімія з гідрографічним терміном *ильмень* нечисленна: всього 6 назв у формах *Ильмень* (три озера), *Ильменка*, *Ильминка* (ріки в басейнах При, Тиси та Клязьми). В одному випадку зафіксована топонімічна метонімія - сільце *Ильмень* (sic!) у витоках При, поряд з озером *Ильмень* [Смолицкая, 1976, 128, 129, 168, 225, 228,

253; Смолицкая, 1988, 73]. Вони не становлять скільки-небудь компактного ареалу. Відсутність рівнозначного зібрання топонімної лексики Поволжя на південь від Оки утруднює на сьогодні розв'язання питання про те, якими є контури східнослов'янського макроареалу **Ільменей** на схід від Донського басейну. Дуже цінні в цьому плані відомості ми знаходимо в праці відомого російського геолога І.Мушкетова «Геологические наследования в Калмыцкой степи в 1884-1885 гг». Він указує на численність **Ильменей** в Калмицькому степу. Пор. у районі р. Сарпи, п. п. Волги: **Нарын-Зильмень, Арша-Зильмень, Анта-Зильмень** та ін. [Мушкетов, 11], на захід від Астрахані.⁵ [...] «...Між відкритим морем та пісками Андрік чи Адрик (Дурновські теж), - пише І.Мушкетов, - залягають численні *ільмені* та горби, які займають значну площу, що звужується на південь і розширюється на північ. [...] На всьому цьому просторі *ільмені* та горби, найближчі до моря, зберігають більш-менш однаковий характер, але з віддаленням від моря зазнають деяких змін, особливо *ільмені*. Біля моря *ільмені* являють систему вузьких заток, що вільно поєднуються між собою, і з віддаленням від моря їхні розміри зменшуються, а вільне з'єднання замінюється невеликими протоками, які називаються ериками; ще далі вони перетворюються на замкнуті басейни..., інші ж, втрачаючи характер ільменів, переходять у солоні озера...» [там же, 63]⁶

Наведена цитата цікава не лише тим, що свідчить про наявність значного осередку назв з аналізованим лімнографічним терміном на півдні волго-донського межиріччя, але й тим, що відзначає його смислове варіювання на порівняно невеликій території: «вузька морська затока» // «озеро, з'єднане з іншими за допомогою ериків» // «ізольована водойма, що зберігає ознаки ільменя (зокрема, очеретяні зарості)» // «солоне озеро взагалі».

Розрідженість і мізерність «ільменної» гідронімії в басейні Оки, її репрезентативність на нижній Волзі, а також характер відображення терміна ільмень у донській гідронімії (розміщення майже всіх назв з ним на схід від лінії Ростов-Воронеж) - все це наштовхує на припущення про фільтрацію цього терміна в топонімію Подоння з боку Волги. Даний факт добре погоджується з гіпотезою І.Г. Добродомова про проникнення етимологічного грецизму *λιμνη* в південноросійські говірки через тюркське посередництво [Добродомов, 257-262]⁷.

Етимологічно та семантично з терміном *ільмень* пов'язаний інший гідрографічний термін - *лиман* [Добродомов, 261-262]. «Донське» слово *лиман* В. Даль визначає як «чисте озеро».

З таким же значенням цей термін відомий і говорам української мови [Грінченко, 2, 259]⁸, де, однак, він став широковідомим і на позначення заповнених морською водою розширених гирл та балок на побережжі Чорного і Азовського морів. Найкрупнішим *лиманом* давнини було саме Азовське море, яке вважалось затокою Дону. В анонімному периплі Понта Євксинського і Меотійського озера говориться, що Танаїс «подвійним руслом впадає у так звану Меотиду і в Боспор Кіммерійський» [Записки, 234]. Сиваш, або Гниле море, був відомий як Λιμνὴ Σαπρα, тобто *лиман* чи затока Сапрана [Спасский, 274]. Між Дунаєм та Доном налічується близько 20 більш або менш значних лиманів: Куяльницький і Хаджибейський (заповнені водою пониззя долин річок Великого та Малеого Куяльника), Кардашинський лиман, Бейкуш (невеликий відріг Березанського лиману, утворюваний гирлом Ковакінської балки), Каланчакський лиман, Молочний (Молочанський), лиман Біле Озеро, Міуський та ін. [Соколов, 5, 27, 36, 46, 63, 66]. Деякі морські затоки в гирлах рік, відокремлюючись від моря пересипом, з часом перетворювались на замкнені озера з солоною водою. Зміна характеру географічного об'єкта, зміна ландшафту спричиняли семантичні зрушення: «морська затока» > «приморське озеро з солоною водою» > «озеро взагалі».

І.Г. Добродомов, як і М. Фасмер, припускає, що термін *лиман* потрапив у мову східних слов'ян не з грецької (де λιμνη(ον) - «затока»), а з «запозиченням з турецької чи кримськотатарської мови (в них liman - «гавань», «порт». - С.О.) або ж бере початок від *limān якоїсь тепер невідомої тюркської мови [Добродомов, 262]. Широкому проникненню його в українську та російську мови сприяло інтенсивне заселення земель Північного Надчорномор'я (Новоросії) в XVII-XVIII ст., звідки він разом з чорноморськими козаками потрапив і на Кубань. Перші фіксації цієї лексеми, згідно з даними картотеки Словника давньоруської мови, належать до XVII ст. Напевно, в південноросійських говірках у цей час уже поширився хронологічно давніший варіант - *ільмень*; за Добродомовим, - з *ільмен*, з протетичним

голосним перед нехарактерним для тюркських мов початковим *л*, що розвинувся у кипчакських мовах в епоху освоєння грецького слова [там же, 261-262]⁹, багаторазово відбитий в гідронімії Дону, Поволжя та, частково, Дніпра, тобто в районах якщо і не з корінним слов'янським населенням, то в усякому разі, освоєнних ним значно раніше, ніж південноукраїнські степи.

Обидва варіанти в початковий період свого існування могли виступати як семантичне близькі слова, а їхня смислова відмінність встановилась пізніше - у зонах взаємодії цих лексем, наприклад, у Подонні, де більш «молоді» українські *лимани* зіткнулись із своїми попередниками - *ільменями*. У цьому відношенні є цікаве свідчення з текстового опису карти кінця XVI ст. про те, що річка Дніпро «пала в Чорное море, в пролив морской Ильмень» [Книга, 76-77]¹⁰. Як уже відзначалось раніше, термін *ільмень* у значенні «морська затока» відомий і на узбережжі Каспійського моря. Пізніше могла відбутися нейтралізація протиставлення семантики цих термінів, про що свідчать, по-перше, окремі випадки позначення одних і тих же об'єктів обома термінами, що зазнали топонімізації (приклади були наведені вище), по-друге, - повний збіг цих термінів (за А.В. Миртовим, *ільмень і лиман* означають озеро взагалі; Миртов, 172) і, по-третє, віднесення терміна *лиман* (а не *ільмень*) до порослого очеретом озера (тобто інший, ніж у В.Далі, тип протиставлення цих лексем). Як переконливо показала З.В. Рубцова у своєму дослідженні донської топонімії, «семантичне навантаження» МГТ у Подонні помітно варіюється навіть на обмеженій території [Рубцова, 235]. Напевно, в різних районах Подоння здавна існували неоднакові умови функціонування цих термінів: їхня конфронтація за ознакою наявності (+) чи відсутності (-) очеретяної рослинності, тобто *ільмень* (+) ↔ *лиман* (-) або *ільмень* (-) ↔ *лиман* (+); вільного взаємозаміщення термінів, тобто *ільмень* (+) = *лиман* (+), *ільмень* (-) = *лиман* (+), *ільмень* (-) = *лиман* (-) тощо; відсутності одного з термінів. Усі ці локальні типи можуть бути спроектовані на карту лише після докладного вивчення діалектного матеріалу, що стосується Донського басейну, але це вже буде не власне топонімічне, а лінгво-географічне дослідження цих лексем.

Взаємопроникнення двох масивів - «ільменної» та «лиманної» гідронімії у басейні Дону створюють враження, що *лимани* проникли сюди з боку східної України, в процесі колонізації українцями

Приднеччя, південного та середнього Дону: майже всі топоніми з терміном *лиман* припадають саме на зони найбільш значного насичення назвами з досить характерними для української топонімії суфіксами -*уват*- та -*еньк*- [див. про це: Отин, 203-105, 146-152; Отин, 1973, 149-151; Отин, 1978, 121-131]. Показово, що в гідронімії Оки термін *лиман* не відбився (за даними каталога Г.П. Смолицької).

Назв з терміном *лиман* у гідронімії Подоння в півтора раза більше, ніж з лексемою *ільмень*. Як правило, лимоніми (рідко - назви річок¹¹, балок, урочищ, населених пунктів), які повторюють термін у незміненому вигляді, нерідко пов'язаний з різноманітними диференціюючими визначеннями. Наприклад, озера *Лиман*, *Большой Лиман*, *Дальний Лиман*, *Соленый Лиман*; *лимани* *Лазной*, *Ендова* (*Ендовский*), *Подтубский*, *Мрачный*, *Калмыцкий*, *Волчий*, *Орлов* (він же озеро *Орлово*, *Эри*, *Эры*) [Материалы, 119; Статистическое, 40] тощо¹². Його суфіксальні деривати досить рідкісні: оз. *Лиманец*, оз. *Олиманское*, яр. *Лиманный*, б. *Лиманская* (*Верхняя Лимань*) та ін.

Термін *лиман* у гідронімії Подоння має єдиний фонетичний варіант - *алиман*. Озеро *Летовное* - зліва від Дону, нижче гирла *Ведмедиці* [СРДонБ, 27] - у деяких джерелах іменується *Большим Алиманом*¹³. Крім того: озеро *Олиманское* (поряд з ним село *Олиманское*) - біля р. *Гнилої*, п. п. *Бистої*, л. п. *Сіверського Дінця* [СНМ-ОВД, 100], *алиман Орловский* - нижче *Большого Алимана*, у районі оз. *Підпісочного*, на ньому був хутір *Орловський* [там же, 103], *Ендовский алиман* - у районі хутора *Кутейникова Мілютинського району Ростовської області* (верхів'я р. *Березової*, л. п. *Білої Калитви*; польовий запис 1968 р.), н. п. *Алеманский* на р. *Хворостань*, л. п. *Дону*, нижче гирла *Битюга* [ГКБУ, 1893 р.] та ін. Розвиток протетичного звука *a* перед *л* торкнувся деяких слів, крім МГТ *лиман* з його похідними, - *алимановцы* (*алиманы*) - «соляні озера, родовища солі», *алимон* (*алимончик*) - «лимон (лимончик)» [Словарь рус. гов., I, 238-239]. Пор. ще: *алевада* (*алеват*, *аливада*) - «левада», *алилея* - «лілея, настурція», *альяной* (*алленой*) - «ліяний» та ін. [Миртов, 4-5, 223].

Термін *лиман* з розселенням українців у басейні Дону, широко відобразився в його топонімії - лимонімах, потамонімах, а вторинно - і в ойконімах, зіткнувшись з південноросійським географічним апелятивом *ільмень*. Назв з терміном *лиман* у гідронімії Подоння в півтора раза більше, ніж з лексемою *ільмень*, їхні первісні смислові

відмінності пізніше стерлись, що зробило їх у донських говорах абсолютними синонімами - обидва терміни почали позначати будь-яку закриту водойму.

ЛІТЕРАТУРА

- Атлас Харьковского наместничества 1787 г. с географическим описанием. - Харьков 1902. - 7 с., 33 илл.
- Булыгин В. Исторические воспоминания на пути из Саратова в Астрахань. // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1836. - Ч. 12, октябрь. - С. 33-63.
- Грінченко Б. Д. Словарь української мови / Зібр. ред. журн. «Київ. старина» - К.: 1908. - Т. 2.-573 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: Гослитиздат, 1935. - Т. 2.-807 с.
- Добродомов И.Г. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. - М.: Наука, 1966. - С. 255-262.
- Записки Одесского общества истории и древностей. - Одесса, 1848. - Т. 2. - 842 с.
- Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. - Спб., 1868. - 173 с.
- Книга Большому чертежу. - Спб., 1838. - 261 с.
- Лобода В. В. Севернопричерноморская топонимия (общие и региональные проблемы украинской топонимической системы). Машинопись докторской диссертации. - К., 1978.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицером Генерального штаба. Земля Войска Донского // Составил Н. Краснов. - Спб., 1863.
- Маштаков П.Л. Материалы для областного водного словаря. - Л.: Гидрометеорол. комитет при СНК СССР, 1931. - IV, - 117 с.
- Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. - Т. 1. Вып. 3. Южные уезды: Камышенский и Царицынский. - Саратов, 1901. - С. 557-1097.
- Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков // Тр. Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. №58 Институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Вып.6. Ростов-на-Дону, 1929. - 415 с.
- Мушкетов И. Геологические исследования в Калмыцкой степи в 1884-1885гг.//Тр. Геологического комитета. 1895. - Т. 14. - № 1. - 202с.
- Отин Е.С. Суффикс *-оват-* в украинской топонимии// Onomastica. - XVIII. - 1973. - С.99-152.
- Отин Е.С. Взаимодействие русского и украинского языков в

- гидронимии юго-восточной Украины // Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками: Тез. докл. и сообщ. - Симферополь, 1973. - С. 149-152.
- Отин Е.С. Суффикс *-ельк-* в украинской топонимии // *Onomastica*. - 1978. - XXII. - С. 121-131.
- Откупщиков Ю.В. О происхождении названия озер Ильмень и Селигер // Межвуз. конф. по истор. лексикологии, лексикографии и языку писателя. 27 сент.-6 окт. 1961 г.: Тез. докл. - Л., 1961. - С. 10-11.
- Рубцова З.В. Из истории донской топонимии // Историческая ономастика. - М.: Наука, 1977. - С. 217-250.
- Словарь русских донских говоров: В 3 т. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1976. - Т. 2. - 223 с.
- Словарь русских народных говоров. - М., Л.: Наука, 1965. - Вып. 1. - 302 с.; вып. 12, 1977. - 368 с.; вып. 16, 1980. - 376 с.
- Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). - М.: Наука, 1976. - 402 с.
- Смолицкая Г. П. Обратный словарь гидронимов Оки. П. - М., 1988 (Академия наук СССР. Институт русского языка. Препринт №3 за 1988 г.). - 85 с.
- Соколов Н. О происхождении лиманов Южной России // Тр. геологического комитета. 1885. - Т. 10. - № 4. - 102 с.
- Спасский Г. Геническ и Арбатовская стрелка // Зап. Одесского общества истории и древности. 1848. - Т. 2. - С. 272-284.
- Списки населенных мест Российской империи. Астраханская губерния. - Спб., 1861.
- Списки населенных мест Российской империи. XII. Земля Донского Войска. - Спб., 1864.
- Списки населенных мест Российской империи. XII. Таврическая губерния. - Спб., 1865.
- Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822-32 годах.-Новочеркасск, 1891. - 301 с.
- Труды Государственного Океанографического института. Вып. 18. (30); Геология дельты Волги. - Л.: ГИМИЗ, 1951. - 394 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: Прогресс, 1967. - Т. 2. - 671 с.

СПИСОК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

- ГКБУ** - Геологическая карта Бобровского уезда Воронежской губернии Ф. Брусницына. 1893 г. Масштаб: в англ. дюйме 10 верст. Приложение к очерку Бобровского уезда Воронежской губернии / / Горный журнал. 1893. - Т. 3. - №9. - С. 493-523.
- ГОКС** - *Барбот-де-Марни Н.* Геологическо-орографический очерк Калмыцкой степи и прилегающих к ней земель (с геологической картой) // Зап. имп. Рус. географического об-ва. - Спб., 1862. - Кн.

3. - С. 1-128.

ЗДВ-СНМ - Земля Донского Войска. Список населенных мест по сведениям 1859 года. - Спб., 1864. - 119 с.

КС - Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. - Спб., 1868.

МСО - Белевский А. Маньчские соляные озера в Земле Войска Донского и тамошний соляной промысел // Тр. Донского войскового статистического комитета. - Новочеркасск, 1867. - Вып.1. - С.7-44.

ОГВД - Богачев В.Б. Очерки географии всевеликого Войска Донского. - Новочеркасск, 1918. - 523 с.

Семенов 1-5 - Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. по поручению имп. Рус. географического об-ва действ. чл. о-ва П.Семенов при содействии членов В.Зверинского, Н.Филиппова и Р.Маака. - Спб., 1853-1885. - Т.1, 1866, VIII, 716 с.; Т.2, 1865. - 987 с.; Т.3, 1867. - 743 с.; Т.4, 1873. - 867 с.; Т.5, 1885. - 1000 с.

СНМ-ОВД - Список населенных мест Области Войска Донского по переписи 1873 года. - Новочеркасск, 1875. - 275 с.

СРДнепрБ - *Маштаков П.Л.* Список рек Днепровского бассейна. - Спб., 1913. - 292 с.

СРДонБ - *Маштаков П.Л.* Список рек Донского бассейна. - Л.:Гос. гидрол. ин-т, 1934. - 98 с., 1 карта.

СРДЮБ - *Маштаков П.Л.* Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). - Пгр., 1917. - 56 с.

ЦДАДА - Центральний державний архів давніх актів (у Москві).

СПИСОК ІНШИХ СКОРОЧЕНЬ

ВІ - власне ім'я

л.п. - ліва притока

МГТ - місцевий географічний термін

нп - населений пункт

од.зб. - одиниця збереження

п.п. - права притока

р. - ріка

* Питання історичної ономастики України. - К.: Наук. думка, 1994.

ПРИМІТКИ:

¹ Останнє, вельми суттєве, визначення цього МГТ чомусь виявилось опущеним у 12-ому випуску "Словаря русских народных говоров" [Словарь рус. гов., 12., 186]. Саме за цією ознакою розмежовувались на Дону ільмені та лимани-за Далем, "чисті озера, без очерету і заростей" [там же, 256].

² Озеро *Ильменка* (варіант *Ильмень*) розташоване зліва від Ведмедиці нижче

гирла Арчади [ЗДВ-СНМ, 73]. Пор. термін *ильмянка* - "низьке вологе місце", зареєстрований на Уралі [Словарь рус. гов., 12, 186].

³ *Вильмінець* (Вильмінський Яр) - л. притока Сіверського Дінця у районі м. Красний Лиман, Донецької області. У СРДонБ- *Лиманець* (с. 54). Пор. ще Вингул (< Інгул), де протеза розвинулась після зміни початкового [j] > [и] [Лобода, 72].

⁴ *Лимень* - озеро в гирлі р. Матирн, л. п. Дону, в районі колишнього села Сокольського, що зараз злилось з м. Липецьком (польовий запис кінця 60-х років). Цей варіант терміна, відображений у лімнонімі, цікавий з погляду його тотожності з давньоруською формою *лимень*. У суфіксально дооформленому вигляді він, імовірно, відобразився і в гідронімі верхнього та середнього Пооччя: р. Леменка (Ламенная) - у басейні Жиздри та р. Леменка - між Угрою та Протвою [Смалицкая, 1976, 30, 90]. Пор. ще: село *Лемень*; місцева форма - *Лимень*, ж. р.) - у Черниківському районі Могильовської обл. Білорусії; дача *Лимена* (і поряд - кордон *Лименський*) - у кол Ялтинському повіті Тавричеської губернії [Списки, 1865, 95]. Варіанти терміна - *лимень*, *лемень* і *ламень* у північноросійських говорах відзначає і "Словарь русских народных говоров" [Словарь рус. гов., 16, 348].

⁵ Річка *Нарынь-Зельмень* (Нарын-Зельмень) названа і в 2-ому томі "Списков населенных мест Российской империи", присвяченому Астраханській губернії [Списки, 1861, 12, 41]; там же [с. 27, 41], р. Альма-Зальмен, або Альма-Зельмень (у кол. Чорноярському повіті). З другого боку, в топонімі колишнього Царівського повіту Астраханської губернії визначений МГТ *лиман*, наприклад: *лимани* Житкур, Пришиб, Могут, хутір *Лиман* при Ведмежому *лимани* [там же, с. 21, 33].

⁶ З цим описом збігаються характеристики ільменів у дельті Волги, які ми знаходимо в інших джерелах: "Лощовина, наповнена водою", морські заливни "досить значної довжини (до 40 і більше верст)", "порослі густим і високим очеретом" та оточені продовжними горбами [ГОКС, 61; КС, 32, 42; Труды, 1951, 1531]. Є й інші пояснення.

⁷ М. Фасмер вбачає тут апелятивацию фінської назви відомого новгородського озера, що розповсюдилася як гідрографічний термін у процесі новгородської колонізації [Фасмер, 2, 128]. На початку 60-х років Ю. В. Откупщиков запропонував слов'янську етимологію новгородського лімноніма, пов'язав його корінь із слов'янським дієсловом *илеть*. Праформа **Ilumenos*, за Откупщиковим, означала "занесений, покритий мулом". Різниця між давньоруською формою *Иамърь* [Лавр. літ.] та сучасною *Ильмень* він пояснював "індоевропейським чергуванням" у суфіксі *-meg-//*-men-* [Откупщиков, 10-11]. Питання про походження гідрографічного терміна *ильмень* (про його первинність чи вторинність по відношенню до лімноніма) у праці Ю. В. Откупщикова залишається незкритим.

⁸ *Лиманами* у лімнонії східної України поіменовані озера, розташовані як у річкових долинах (вони виникали на місці стариць або запруджених, завдяки гирловим замулам, русел балок та невеликих річок), так і на значній відстані від рік. Таке становище спостерігається і на Дону, де стариці також іменуються *лиманами*; "степові блюдця" (заповнені водою круглясті западини в степу) тут теж називають *лиманчиками* (ОГВД, 25, 53). Крім того, в донських говірках відзначений географічний апелятив *ливан* - "заливна (під час повені) лука", що являє собою фонетичну зміну слова *лиман*

[Словарь, 2].

- ⁹ Не виключено, втім, що термін *ільмень* сягає відомого ще в давньоруській мові слова *лимень* - "гавань" (відображеного, як було вже відзначено, у східнослов'янській топонімії), який пережив метатезу в початковому складі та смислову еволюцію, крайні точки якої: "розширене гирло ріки, що служить гаванню" і "озеро взагалі".
- ¹⁰ Показово, що в іншому місці "Книги Большому чертежу" повідомляється, що "река Днепр пала в Лиман, в Черное море, в морскую проливу" [там же, 99-100], тобто у сучасний Дніпро-Бузький *лиман*.
- ¹¹ Наприклад, р. Нижня Лиманка (у верхів'ї - Верхня Лиманка) серед приток Оскола, л. п. Сіверського Дінця (впадає в Оскол нижче її правої притоки р. Сенихи) [Генеральна карта Воронежського намісництва. Масштаб: в англ. дюймі 8 верст. ЦДАДА, ф. № 1356, од. зб. 4 (619)].
- ¹² Останній лімнонім виник завдяки дистактному перенесенню назви північноамериканського озера Ері, яке входить у систему Великих озер, на невелику водойму Донського басейну.
- ¹³ Пор. ще: "при болотистих алиманах", "при алимане Назаровом", "при алимане Головином", "при алимане Чигонатском", "алиманы Моховые" [Списки, 1864, 70, 74].

Город Харьков, областной центр в Украине, находится на одноименной реке, впадающей в Лопань - один из притоков реки Уды (или Уда) в бассейне Северского Донца, который, начинаясь в Белгородской области России, протекает через несколько областей восточной Украины и впадает в Дон в пределах Ростовской области ниже Цымлянского водохранилища. Одноименность города и реки вызывает вопрос о том, какой из омонимичных топонимов появился вначале, а какой позже - уже как повторение более раннего названия. Единства во взглядах здесь нет. Одни допускают, что вначале появился гидроним (Городские поселения в Российской империи. Т. 5, ч. 1. СПб., 1883; Никонов В.А. Краткий топонимический словарь). Другие, наоборот, считают, что вначале возникло поселение с названием *Харьков*, которое затем перешло на протекавшую рядом речку (Семенов А. Географическо-статистический словарь Российской империи, Т. 5. СПб., 1885). Н. Костомаров, ссылаясь, как и все другие, на бытующее народное предание, название *Харьков* производит от *Харько*, рассматривая данный антропоним как «сокращенную» форму от *Захарько* (<*Захар*), не касаясь вопроса о том, какое название-города или реки - появилось раньше (Костомаров Н. Предания первоначальной русской летописи. - «Вестник Европы». СПб., 1873, т. I). Были попытки объяснить топоним *Харьков* и на основе неславянских языков. Историк Н.Я. Аристов название *Харьков* выводил из имени половецкого города *Шарукань* - через «промежуточные» варианты *Харькань*, *Гаркань* и *Каркань*. Этот топоним, по его мнению, был «переименован малороссийскими казаками на свой лад и неверно произведен от казака Харько» (Аристов Н.Я. О земле Половецкой. Киев, 1877). Точка зрения Н. Я. Аристова позднее

получила поддержку со стороны А.А. Потебни (Известия XII археологического съезда в Харькове, №14, 1902). Н.Я. Марр возводил название *Харьков* к этнониму *харсар*, *хазар* (Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 5). Совсем недавно против «традиционного выведения топонима *Харьков* (укр. *Харків*) от собственного имени *Харько* (укр. *Харко* - от *Харитон*)» выступил И.Г. Добродомов. Его главный аргумент: «несовпадение ударения в предполагаемом этнониме и анализируемом топониме» (Здійснення ленінської національної політики на Донбасі. Тези доповідей і повідомлень республіканської наукової конференції. Донецьк, 1990). Название реки *Харьков* он выводит из гипотетического аланского названия местности со значением «большая область (пастбище), которое, по его мнению, «хорошо объясняет особенности ударения современного названия города Харьков».

Названия реки и поселения на ней в документах появляются примерно в одно время - в начале XVII ст. О реке *Харькова* (*Харкова*) сообщается в «Книге Большому чертежу» - описании не сохранившейся карты России начала XVII в., составленном в Разрядном приказе в 1627 г.: «а в *Харькову* пала речка Лопань». Позднее эта форма гидронима женского рода повторится в ряде источников XVII в. и будет встречаться до первой половины XIX в. [Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894; Книга, представляющая часть Харьковского и Воронежского наместничества по смежности с Азовскою губернией. Сочинена июля 21 дня 1781 года. Рукопись. Центральный государственный военно-исторический архив (далее - ЦГВИА)]. Уже в XVII в. появляется хорошо известная и в наше время форма женского рода *Харьковка*, распространенная суффиксом *-ка*, образование которой было вызвано тенденцией к расподоблению с омонимичным названием города (ср. аналогично: р. *Изюмец* - г. *Изюм*, р. *Торец* - г. *Тор*, р. *Орлик*, в прошлом *Орел* - г. *Орел* и др.).

Чем же вызвано широкое употребление варианта мужского рода *Харьков*? Мы придерживаемся традиционной точки зрения о славянском - отантропонимном происхождении топонима *Харьков*: от сокращенной формы *Харько* из полного имени *Харитон*. К сожалению, эта версия в топонимической науке не получила должной разработки (как, впрочем, и противостоящие ей гипотезы, доказательная сила которых невелика). В донской гидронимии, а также, например,

гидронимии Днепра и Оки отмечены и другие названия водотоков с этой антропонимной основой. Например: *Харьковка* (Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913); овр. *Харьков-верховье* протока Рутки (План окрестностей г. Чугуева, 1845 г., ЦГВИА); *Харьковской* - в устье р. Осетр, правый приток (Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976); овраг *Харьковской* - прав. приток реки Тыся, прав. приток Оки (там же) и др. Следует иметь в виду также и то, что в образовании названий мелких гидрообъектов принимал участие и другой вариант сокращенной формы антропонима *Харитон* - *Харя*. Он, правда, отсутствует в «Словаре древне-русских личных собственных имен» Н.М. Тупикова (СПб., 1903), но зарегистрирован в ряде документов XVII в., например, в одной из перечневых выписей о селах и деревнях Тронце-Сергиева монастыря в Радонеже 1503/1504-1540 гг. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. I М., 1952), в некоторых юридических документах этого периода: «Жалоба ми, г(осподи)не, на Ондreja Иванова сына Кохтина, да на Фому на Баршу Евсеева сына, да на *Харю* на Далеева» (1548 г.) [Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860]; в писцовой книге конца XVI в.: «и *Харя* умер вь 89-мъ году» (Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911) и др. Отражения этой производной формы от имени *Харитон* мы обнаруживаем в таких гидронимах, как: овр. *Харин* - в бассейне Жиздры, лев. приток Оки (Смолицкая Г.П. Указ. соч.; характерно, что рядом находится овр. *Ларин*, от *Ларя* из *Ларион*); речка *Харина* - лев. приток Красной, лев. приток Северского Донца, прав. приток Дона (она же ручей *Харин*, *Харина долина*), на берегу которой в середине XIX в. было село *Харино* (оно же Свистуновское). Самая ранняя фиксация последнего названия относится к 1792 г. на карте Воронежского наместничества в «Российском атласе» 1792 г.

Застывшая в современном гидрониме форма мужского рода от антропонимного притяжательного прилагательного объясняется тем, что это прилагательное когда-то определяло народный географический термин *колодезь* «речка, ручей», широко распространенный в XVII-XVIII вв. в живой речи и в гидронимии южнорусских губерний, а также на территории Слободской Украины-исторической области, в состав которой входили земли нынешних

Харьковской и частично Сумской, Донецкой, Луганской, Белгородской, Курской и Воронежской областей. Об этом свидетельствует частое его употребление в текстах того времени, например: «лес большой по колодезю вверх» (1615 г.), «от реки от Воронежа вверх колодезем» (1629 г.) и т. д. (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т. 2. Воронеж, 1891). Верхнее Придонецье в старину изобиловало названиями водотоков, в состав которых включался гидрографический термин *колодезь*. Только на участке до устья правого притока Северского Донца реки Мож, следующего (после реки Уды) крупного его притока, нами зарегистрировано, по документам XVI-XVII вв., более пятидесяти названий с этим термином: *колодезь Муром (Муром-колодезь)*, *Смородинный колодезь*, *Болховой колодезь*, *Заморный колодезь*, *Синий колодезь* (или просто *Колодезь*), *Салтовской колодезь*, *Каганский колодезь*, *Опоков (Апоков) колодезь*, *Малиновый колодезь*, *Ледный колодезь*, *колодезь Немышля*, *колодезь Жихорь*, *Студенок-колодезь*, *Вязовой колодезь*, *Люботин колодезь* и др., среди которых имеются и составные гидронимы с отантропонимными притяжательными прилагательными, например, *Хорошев колодезь* (от *Хорош*), *Сорокин колодезь* (от *Сорока*), *Угрим-колодезь (Угримский колодезь)* и др. В пояснении нуждается последнее название, которое, очевидно, связано со старинным личным именем *Угрим*, употребление которого в документах XV-XVII вв. богато проиллюстрировано в словаре Н.М.Тупикова. Ср. еще: «*Угримъ Феодоровъ сынъ Кутусова*» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, XV в.); «белгородец Тит Анофриев, сын *Угримовъ*» (1668 г.). [Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. Харьков, 1886] и др. Как свидетельствует последний пример, антропоним *Угрим* в XVII в. был известен и в антропонимиконе населения Слобожанщины. Возник он, вероятно, из *Угрин* (кстати, такое личное имя отмечено Н.М. Тупиковым в двух документах XVI в.), скорее всего, от этнонима *угрин* «венгр» с суффиксом *-ин*, как, например, из этнонима *отин*, или *вотин*, со значением «удмурт». От *воть/отъ* - собирательного этнонима со значением «вотяки, удмурты» - впоследствии образовалось прозвище, сохранившееся в современной

фамилии *Отин*. Замена конечного *н* на *м* отмечена в отдельных словах, например, *бардадым* «здоровяк; недотепа; король черной масти (в картах)» из *бардадын*, сохраняемой белорусским языком формы, восходящей к польск. *bernardyn* «монах ордена св. Бернарда» (Етимологічний словник української мови. Т. I. К., 1982). Определенную роль здесь могла сыграть тенденция к расподоблению личного имени и этнонима в процессе перехода последнего в антропоним, т.е. когда присвоение имени *Угрин* уже не связывалось с этнической принадлежностью или соотносительностью его носителя. Первоначальной формой гидронима, очевидно, было определительное словосочетание *Угримов колодезь*, как и *Жихарев колодезь* - от *Жихарь*, *Жихорь* < *жихарь*, русского диалектного слова с множеством значений, среди которых и «насмешник; обидчик», «веселый, разбитной парень» (Словарь русских народных говоров). Впоследствии в этих описательных образованиях прилагательные утратили свои суффиксы (как, например, *Иваново озеро* в истоках Дона изменилось в *Иван-озеро*, *озеро Иван*). Уже в гидронимии Придонечья XVII в. эти названия употреблялись в деформированном состоянии: *Угрим-колодезь*, *Жихорь-колодезь*, после чего стала возможной и перестановка их частей (*колодезь Угрим*, *колодезь Жихорь*) и, наконец, употребление их без определяемого термина (*Угрим*, *Жихорь*).

Подавляющее большинство когда-то составных гидронимов с компонентом *колодезь*, относящихся к вышеуказанному региону, впоследствии теряют этот термин, и в гидронимии Придонечья более позднего времени, судя по дошедшим до нас документам, стали употребляться их более поздние варианты (нередко с другими терминами - *яр*, *овраг*, *балка* и т.д.), часть из которых испытала вторичную суффиксацию, например: вместо *Болховой колодезь*, *Студеный колодезь*, *Разрытый колодезь*, *Никольский колодезь*, *Ледяной колодезь*, *Проходной колодезь*, *Ольховой колодезь* - *Болховец*, *Студенок*, *Разрытая*, *Никольский яр*, *овраг Ледяной*, *балка Проходная*, *Ольховец* и др. Примечательно, что в ряде случаев утрата термина не приводит к смене грамматического рода притяжательного прилагательного, обусловленного грамматическим родом термина. Так было, например, с гидронимом *Булавин*. В настоящее время такое название носит левый приток Крынки, правого притока Миуса, впадающего в Таганрогский залив Азовского моря. Этот приазовский гидроним, вначале

представлявший собой притяжательное прилагательное - от прозвищного имени *Булава*, прошел следующие этапы своего развития: *Булавин колодезь* (эта структура отмечается рукописными картами XVIII в., хранящимися в ЦГВИА и Центральном государственном архиве древних актов) >*Булавин* (современная форма названия реки). О сильном влиянии рода термина на форму связанного с ним гидронима свидетельствуют и факты изменения суффиксального исхода в названии другого, расположенного рядом с рекой Харьков (но выше ее), притока реки Уды - *Лопань*. В Книге Большому чертежу и в других источниках XVII в., например, в «Росписи польским дорогам», составленной в период царствования Федора Ивановича, неоднократно встречается вариант гидронима *Лопин* (из *колодезь Лопань* или *Лопань-колодезь*>*колодезь Лопин* или *Лопин колодезь*>*Лопин* (например: «верх Угрима и Лопина» (1629 г.) [Акты Московского государства, Т. I. СПб., 1890]; «по Харькову и по Лопину», «от реки Лопина вверх» (Материалы для истории колонизации и быта...) и др. Аналогичным образом термин *река, речка* воздействовал на переоформление этого названия-существительного в название-прилагательное: «от *Лопиной*», «а в *Харькову* (такой же результат влияния термина - *Е. О.*) пала речка *Лопина*» (Книга Большому чертежу).

По этой же причине современный гидроним *Харьков* сохраняет старую форму мужского рода. В его основе лежит не зарегистрированное документами составное название *Харьков колодезь*, типичное для гидронимии верхнего Придончья XVII- XVIII вв. Дальнейшее развитие гидронима было связано не только с утратой термина, но и с оттяжкой ударения на первый слог, что привело к расподоблению географического имени с формой притяжательного прилагательного от украинского и русского народного личного имени *Харькó*. Процесс расподобления посредством изменения места ударения отмечается не только при столкновении омонимичных собственных имен с нарицательными (например, *пескú* и *Пёски*, *снёжное* и *Снежное*, *рогáч* и фамилия *Рóгач* и т.д.), но и у самих собственных имен при необходимости разграничить имена разных видов и разрядов (например, имена *Богдán*, *Борýс* и фамилии *Бóгдан*, *Бóрис* и т.д.). Оттяжке ударения могло способствовать и параллельное употребление сокращенной формы *Харя* (от *Харитон*) с ее производным *хáрин* (-а, -о)

Все эти данные позволяют нам ответить на вопрос, какое название возникло раньше - реки или поселения на ней. Если поселения, то определяемой частью составного названия могли быть только слова *город* (*городок*) или *хутор*. Об укрепленном поселении с названием *Харьков* (<*Харьков город*) или о хуторе *Харькове* в конце XVI - начале XVII в. каких-либо сведений не сохранилось. Топоним *Харьков* мог возникнуть одновременно как название небольшого поселения - хутора, основателем которого был *Харько*, и протекавшей поблизости степной речки - *колодезя*, также получившей это отантропонимное определение. Наименования многих рек обнаруживают подобное «очаговое» происхождение. Возникнув в каком-то определенном месте, гидроним, имевший вначале локальную привязку и отразивший конкретную местную реалию (в данном случае - отношение к угольям, которыми владел *Харько*), постепенно распространяется на всю длину речного русла, становясь общим названием всей реки. Прямой перенос формы *Харьков* из *Харьков хутор* (или *городок*) на реку без опоры на гидрографический термин *колодезь* не привел бы к сохранению в течение столь длительного времени формы мужского рода, так как данное прилагательное обязательно испытало бы воздействие грамматического рода термина *река* (что в отдельных случаях и имело место, как об этом свидетельствуют рассмотренные ранее примеры из текста Книги Большому чертежу). Устойчивость формы мужского рода гидронима - свидетельство того, что это воздействие было сильным. Даже отсутствуя, благодаря пропуску, в гидрониме, он (*колодезь*) легко восстанавливался или продолжал оставаться в сознании его употреблявшего населения, так как сам гидроним *Харьков* функционировал в контексте других многочисленных названий с этим термином.

* Русская речь. 1991 г. - №2.

ЮЗОВКА (ЮЗОВО) - СТАЛИНО - ДОНЕЦК (ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Город Донецк, крупный областной центр на юго-востоке Украины, до 1924 г. носил название *Юзовка* и *Юзово*, после этого до 1961 г. именовался *Сталин* и *Сталино*. Форма названия *Юзовка* появилась на базе более раннего словосочетания *Юзовский завод*. Вначале так называлось промышленное предприятие, владельцем которого в 1869 г. стал англичанин Д. Юз (Хьюз). Вблизи завода в 70-е годы прошлого века возникает рабочий поселок. Первое время завод и поселок именовались одинаково - *Юзовский завод*, но впоследствии произошло их распадление: название селения принимает форму *Юзовка* благодаря «стяжению» составного топонима в одно суффиксальное слово. Значительно реже встречается оно с суффиксом *-ов(о)*: *Юзово*. Как равноправные оба эти варианта («местечко» *Юзово* или *Юзовка*) зафиксированы, например, во втором томе «Сборника статистических сведений по Екатеринославской губернии», посвященном ее Бахмутскому уезду (Екатеринослав, 1886). Однако в 10-20-е годы XX в. топоним *Юзовка* чаще употреблялся как название населенного пункта, тогда как форма *Юзово* преимущественно относилась к железнодорожной станции. Форму *Юзово* как название станции и обе формы - *Юзово* и *Юзовка* в качестве названия селения употребил писатель А.С.Серафимович (в рассказе «На заводе»), посетивший *Юзовский завод* в 1897 году. Кстати, подобным образом появился и топоним *Луганск*. В середине прошлого столетия он еще нередко выступал в первичной описательной форме *Луганский завод*, тождественной с названием предприятия (см: Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба.

Екатеринославская губерния. СПб., 1862, с. 292, 322 и др.). Еще в наше время (в 60-70-е годы) в речи греков-тюркофонов поселка Старобешеве автором было записано неофициальное народно-разговорное название областного центра - *Заут* (результат фонетической адаптации русского слова *завод*), а дороги в сторону Донецка - *Заут йол*, буквально «заводская дорога». Народная память сберегла старый топоним, которым тюркоязычные греки называли рабочий поселок возле *Юзовского завода* Их потомки (преимущественно старшее поколение старобешевских греков) по традиции в своей бытовой речи продолжали называть так уже крупный индустриальный город.

Как показали разыскания донецкого историка А.Р. Федонина (см. его публикацию в газете «Город» 26 мая 1994 г.), решение о переименовании *Юзовки* в город Сталин было принято на пленуме Юзовского окружного исполкома 8 марта 1924 г. В выписке из протокола заседания вторым пунктом значится: «г. Юзовку переименовать в г. Сталин». Парадокс состоит в том что оно было сделано с целью увековечения памяти недавно умершего... В.И.Ленина. Решение окрисполкома на следующий день было вынесено на обсуждение участников заседания Юзовского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с участием профессиональных союзов. Выписка из протокола, опубликованная А.Федониным (с сохранением стиля оригинала), сберегла интересное и уже мало кому известное свидетельство о том, чем был мотивирован выбор нового названия города. Ряд выступавших настаивали на том, чтобы оно было прямо связано с именем Ленина или каким-либо его псевдонимом. Однако их предложение было отвергнуто. Почему? Во-первых, это имя уже получил к тому времени Петроград («Ленинградом назван г. Петроград», как записано в протоколе). Во-вторых, «таким великим именем, как Ленин, размениваться нельзя». Последнее, очевидно, следовало понимать так: маленькая Юзовка недостойна этого имени. «Сотворение» искусственного названия Сталин в связи с кончиной Ленина было окутано идеологическим флером. Его создатели первоначально стремились как-то опосредованно связать новый мемориальный топоним с личностью Ленина, прибегнув к популярной в те годы метафоре. Витиевато и выпендрено сказано об этом в малограмотном тексте протокола заседания Юзовского горсовета: «По условиям нашего округа, где у нас преобладает стальная

промышленность, а сама революция, изображающая по словам тов. Ленина локомотив, сделанный из стали, на котором.. был машинистом тов. Ленин. Исполком считает, что символом, характеризующим нашего вождя тов. Ленина, будет «СТАЛЬ» и решил поименовать г. Юзовку - город Сталиным, а округ и завод Сталинским...» И далее: «Переименование города Юзовки в Сталин вполне приемлемо, т.к. его стальным последователем является тов. Сталин. Это имя дала ему партия, т.к. он был тверд и непоколебим, как сталь. Мы же должны быть так же тверды и непоколебимы, как сталь. Стали будет нашим символом, и всякая попытка ненавистников стальных идей тов. Ленина разобьется о стальную стену» (Донецкий областной архив, фонд 279, опись 1, дело 1, с. 27-30). Кстати, в стране уже существовал прецедент образования новых топонимов в честь здравствующих вождей (например, город Троцк, прежняя Гатчина). Следует иметь в виду, что в 20-е годы в лексическом значении нарицательного существительного *сталь*, актуализировался такой его эмоционально-оценочный признак, как «идейная стойкость, революционная непоколебимость» Достаточно вспомнить, что отразивший идеологические реалии этого времени роман Н. Островского получил выразительное название «Как закалялась сталь» В последующие десятилетия слова *сталь* и *стальной* как символы-метафоры перемещаются на периферию идеолексики советской эпохи, и сейчас мы уже не ощущаем их прежнего идеологического созначения.

Нечеткость мотивировки нового географического названия, ее надуманность неизбежно приводят к тому, что уже весной 1924 г. стала возникать прямая связь между названием города *Сталин* и фамилией *Сталин* без той идеологической «начинки», о которой шла речь выше. Об этом, например, свидетельствует 20-й пункт протокола заседания Малого Президиума Всеукраинского Центрального комитета от 22 апреля 1924 г., на котором рассматривалось «прохання Юзівського ОКВ (окрвиконкому - Е.О.) про зміну назви м. Юзівки и Юзівської округи, назвавши їх ім. Сталіна», т.е. «именем Сталина» (!). В положительном решении по этому вопросу (докладывал Буценко) речь идет только «про зміну назви м. Юзівки й його округи на м. «Сталін» й «Сталінська округа» (фотокопия этого протокола хранится в Донецком областном архиве: Р. 1202, оп. 1, № 8, с. 340). По-видимому, докладчик Буценко не был знаком с изначальной мотивировкой нового

топонима (или намеренно скрыл ее) и представил ее односторонне. То, что существовало на втором плане, было выдвинуто на первый, а это привело к прямой «персонификации» этого названия. Очень быстро оно утрачивает первичную искусственную мотивировку, оставшуюся многим неизвестной (следы ее сохранились только в протоколах), и приобретает вторичную устойчивую связь в массовом сознании только с фамилией «отца всех народов». Позднее оно вошло в многочисленный топонимный ряд из названий, непосредственно мотивированных этой фамилией.

Мужской род топонима *Сталин* был обусловлен первичной связью со словом город, которое часто его сопровождало. Что касается формы среднего рода *Сталино*, то она сначала закрепились за железнодорожной станцией (вероятно, не без влияния прежнего ее названия - *Юзово*). Таким образом, названия *Сталин* и *Сталино* на первых порах относились к разным топонимическим объектам. Кстати, 21-м пунктом в том же протоколе заседания Малого Президиума ВЦВК от 22 апреля 1924 года было рассмотрено и решение Юзовского окрисполкома об изменении названия станции *Юзово* на «станция Сталино» (окончательно этот вопрос был решен после его согласования по ведомству путей сообщения). На союзном уровне формальное различие этих названий узаконивается в постановлении Президиума ЦИК Союза ССР от 6 июня 1924 г., подписанном М. Калининным и А. Енукидзе. Однако разговорный язык, а затем и официальная норма пошли по линии унификации этого названия, предпочтя общую форму среднего рода. По наблюдениям А. Федонина, исследовавшего адреса на почтовых карточках и конвертах, оттиски почтовых штампов разных лет, в конце 20-х - начале 30-х годов происходили еще значительные колебания в употреблении этих форм. Как правильно считает донецкий историк, утверждению формы *Сталино* (укр. *Сталіне*) способствовала искусственная «коренизация» (украинизация) целого ряда названий населенных пунктов при помощи окончания среднего рода (укр. *-е*, русск. *-о*: *Сталіне (Сталино)* вместо *Сталін (Сталин)*. И если названия городов с исходной частью *-ське* в русскоязычном Донбассе не прижились (в живой речи никогда не употреблялась форма *Артемівське*, а только *Артемівськ* или *Артемовск* и т.д.), то отличная от них форма *Сталіне (Сталино)* сохранилась. Территориальная близость (а затем и общность), экономическое единство быстро

растущего промышленного города и его железнодорожной станции привело к появлению единого для них имени (что вообще типично для названий городов и их станций). Более всего подошел для этого вариант среднего рода, так как имеющееся в нем окончание выполняло топонимообразующую функцию, формально отличая его от антропонима *Сталин*. Старое название *Юзовка* на короткое время было возвращено городу в годы его оккупации немецкими фашистами (с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г.).

Современное имя *Донецк* было присвоено городу указом Президиума Верховного Совета УССР от 9 ноября 1961 г. Сразу следует сказать, что оно было мотивировано не названием реки (гидронимом) *Донец*, как многие сейчас считают. Северский Донец, самый крупный приток Дона, находится далеко от нашего города. История названия *Донецк* складывалась следующим образом. В 20-е годы существовала *Донецкая губерния*. Позднее решением Президиума Всеукраинского ЦИК от 24 июля 1932 г. (протокол № 40/523), согласно новому административному делению, была образована *Донецкая область* с центром в городе Артемовске (бывш. Бахмут). Она просуществовала до 3 июня 1938 года, когда указом Президиума Верховного Совета ЦИК СССР было утверждено ранее принятое постановление ЦИК УССР о ее разделении на две новых области - *Сталинскую* (с центром г. Сталино) и *Луганскую*. Переименование в 1961 г. началось, по сути, с возвращения в топонимию Украины уже существовавшего ранее названия области, мотивированного названием *Донецкий бассейн* (сокращенно *Донбасс*). И уже на базе этого возвращенного названия области искусственно (на этот раз удачно) было образовано название ее центра - *Донецк*. Таким образом, этот процесс имел нетипичное - «обратное» направление: не область получила свое имя от административного центра (как в большинстве случаев типа: *Киев* → *Киевская область*, *Харьков* → *Харьковская область* и под.), а наоборот - имя ее центра «вычленилось» из структуры названия области. Механизм появления таких слов в лингвистике определяется термином «обратное словообразование».

Таким образом, связь названия города *Донецк* с гидронимом *Донец* весьма отдаленная и опосредованная - через название *Донецкая область*, которое, в свою очередь, было мотивировано топонимом *Донецкий (каменноугольный) бассейн*, и только последнее географическое

имя непосредственно связано с названием реки *Донец*, или *Северский Донец*. Этим название нашего города отличается от таких топонимов, как *Северодонецк* (Луганская область), а также других *Донецков* - города в Ростовской области в России (бывшая станица Гундоровская) и старого (до 1817 г.) названия Славяносербска, районного центра Луганской области. Все три указанных населенных пункта расположены на берегу Северского Донца. Название последних двух (*Донецк*) мотивируется второй частью составного гидронима *Северский Донец*. Его первой частью (прилагательным) мотивировано название города на севере Донецкой области (в Артемовском районе) - *Северск* (бывш Яма). Обе части составного названия реки *Северский Донец* участвовали в образовании топонима *Северодонецк*, но при этом первая из них вошла в его состав в усеченном виде: *Север-* из *Северск-*. Таковы близкие и дальние топонимические «родственники» у названия современного украинского города *Донецк*.

*Историко-краеведческий альманах "Рідний край". В.1. Донецк, 1995.

Э то одна из значительных вершин Донецкого кряжа. Находится в верховье Камышевахи, левого притока Севастьяновки (бассейн Крынки, правого притока Миуса), недалеко от города Снежного. Относительная высота Саур-могилы «над прилегающим с запада пространством доходит до 100 м, а абсолютная равна 281 м». (Преображенский, 30). В августе 1943 г. у Саур-Могилы происходили ожесточенные бои по прорыву Миус-фронта, отсюда началось освобождение Донбасса от фашистских захватчиков. В память об этом на ее вершине был воздвигнут величественный мемориальный комплекс.

Саур-могила - глубоко почитаемый украинцами ориентир на восточных рубежах их исторических земель. Следствием этого явилась и явная гиперболизация размеров данного географического объекта в народном сознании. Так, знаменитый kobzarь Остап Вересай в 1873 г. на вопрос: «Що то за могила і де вона?» ответил: «Кажуть, що ідуть у Ростов чи Марнополь, за два дні чи за три, кажуть, її видно, поки дійдеш» (УНД, 175). Т.Г. Шевченко в своем дневнике (13 августа 1857 г.) характеризует ее такими словами: «наша славная-преславная Савор-Могила».

Самую раннюю фиксацию этого топонима мы находим в тексте украинской исторической песни «Втеча трьох братів з міста Азова, з турецької неволі», в разных редакциях которой представлено несколько вариантов названия (цитируется по изданию УНД; в скобках после цитат указаны даты записи текстов): **Савор-могила** («До Савор-могили прибував, От голоду, ран знемогав. Під Савор-могилою спочивав», 1804 г.; так же и в записи 1876 г.); **Саура могила** («До Саури могили перебуває, Там на Сауру могилу снисхожає»; «Только козацкая голова на Сауре могили пробуває», 1805 г.); **Осавур-могила** («До Осавур-

могили прибуває, На Осавур-могилу зіходжає», 1854 г.; так же и в записи 1886 г.); **Савур-могила** («Найменшого брата голова полягла на Савур-могили», 1850-1860 гг.; так же и в записях 1857-1860, 1873, 1875, 1904, 1908, 1916, 1930, 1946 гг.); **Савір-могила** («Да вже ж ті два брати до Савір-могили доїжджали»; «Савір-могилу величає»; «Савір-могило, будь мені рідна мати», 1863).

Сразу скажу: это название не славянского, а тюркского происхождения. Особенностью многих старых географических названий иноязычного происхождения, которые в течение долгого времени «приспосабливались» к славянской речи - ее звуковому и грамматическому строю, является их многовариантность. Такому топониму на первых порах «неуютно» в новом речевом окружении, на него влияют и как-то преобразуют народные говоры и те ассоциации, которые появляются в результате сближения с другими - общеизвестными словами и собственными именами, что часто приводит к появлению так называемой «народной этимологии» и разных топонимических легенд.

В разных записях до нас дошло шесть вариантов интересующего нас географического имени, но в прошлом их могло быть больше. Сначала объясним причины их появления, после чего определим этимологию (происхождение) того из них, который ближе других стоит к этиму, т.е. исходному виду тюркского топонима в период его вхождения в славянскую речь, а потом остановимся на новых, т.е. поздних осмыслениях этого географического названия в народном сознании. Не обойдем вниманием и уже существующие в научной и краеведческой литературе попытки объяснить этот загадочный ороним (название возвышенности). Читателю будет интересно узнать и о том, что в Северном Приазовье наша **Саур-могила** не одинока. Оказывается, здесь имеется несколько географических имен с такой же корневой базой.

Вариант **Саура** могила свидетельствует о переосмыслении первой части оронима как прилагательного-определения, хотя и с неясным значением. Варианты **Савур**, **Осавур**, **Савор** и **Савір** имеют вставочный звук **в**, с помощью которого в народной речи устранялось не свойственное ей «зияние», т.е. соседство двух гласных -**ау**- внутри топонима (сравните аналогичным путем появившиеся в украинских диалектах формы **павук**, **кавун**, **осавул** и др.). Этот звук развился не во

всех вариантах (ср. **Саур-могила**, **Саура могила**). Вариант **Осавур** содержит, к тому же, приставное (добавочное) **о-**, нередко встречающееся в украинских и русских диалектах (на юге России это приставное **а-**: **алимон**, **алиман**, **алипа** и т.д.). Ср. украинские диалектные слова с этим добавочным звуком: **оскирдок** «маленькая скирда», **осолода** «услада», **опісля** «после», **опіяка** «пьяница», **опак** «назад», **омряк** «мрак», **одробина** «кроха» и др. Добавим к этому, что название поселения запорожцев в устье Кальмиуса (бывшей Кальмиусской паланки) - **Домаха** в XVIII в. выступало также в двух фонетических вариантах: **Адамаха** и **Одомаха**. Из всех указанных вариантов **оронима** наименее подверженной фонетическим изменениям оказалась современная «нормативная» форма **Саур**. В ее основе лежит тюркский народный географический термин, обозначающий особую разновидность географических объектов - возвышенности со сглаженной вершиной округлой формы. Его исконное (дотерминологическое) значение: «круп лошади». Во многих тюркских языках подобные термины возникали вследствие метафорического употребления названий частей тела животных и человека («анатомической лексики»). Со временем переносное значение в них угасало, и в языке возникала лексическая пара: общезыковое нарицательное существительное и географический термин. Так, например, казахское слово **эркеш** «горб верблюда», пройдя через метафоризацию, превратилось в географический термин со значением «вершина горы». Круг примеров можно расширить: **аяк** «нога» и «устье (или низовье) реки»; **бурун** «нос» и «мыс»; **каш** «бровь» и «вал», «холм»; **кулак** (**хулах**) «ухо» и «залив озера», «овраг»; **джал** (**ял**, **жал**) «грива» и «гребень горы», «возвышенность (вытянутая, низкая, каменистая)» и др. Географический термин **сауыр** отразился и в топонимии Казахстана (Конкашпаев, 32). Юго-восточнее озера Зайсан в Восточно-Казахстанской области Казахстана расположен хребет **Саур**. Гора **Саур** имеется и в Кабардино-Балкарии. Это отдаленные «тезки» нашей донбасской **Саур-могилы**.

В прошлом в топонимии Северного Приазовья, безусловно, существовало несколько степных возвышенностей с таким названием. Но народная память сохранила не все эти топонимы. Известны две приазовские **Са(в)ур-могилы**: первая в Токмакском районе Запорожской области, восточнее села Новопротокофьевки (была

нанесена на военно-топографическую карту-трехверстку бывшей Таврической губернии 1862 г.); вторая - в Запорожском районе Запорожской области, на правом берегу речки Конки, или Конской (в прошлом - Конские Воды), между селами Юльевкой й Григорьевкой. В народных преданиях, записанных в 60-е годы профессором Запорожского университета В.А. Чабаненко, название этой последней возвышенности представлено в нескольких вариантах: **Савур-могила**, **Савурина гора**, **Савурюга**, **Севірюга** и **Городиська могила**. Например: «Між Юлівкою і Григорівкою, над річкою Кінською, є могила - висока-висока. А кругом неї - рівчак. Дехто називає її **Савур-могилою**, а більше **Севірюгою**»; «Між Юлівкою і Григорівкою на правому березі річки Кінської є висока гора, а біля неї старий обвалений колодязь. Кілька десятиліть тому ця гора була ще вищою, а тепер осунулась, бо з-під неї жителі навколишніх сіл пісок беруть. По-всякому її називають: хто **Савурною горою**, хто **Савур-могилою**, а хто просто - **Савурюгою**. Старики, що вже повмирали, так ті ще називали її **Городиською могилою**, а місцевість навколо неї - **Городищем**» (Савур-Могила, 145,205).

Возможно, с каким-то фонетическим вариантом этого тюркского (а точнее - половецкого; казахский язык является ближайшим «потомком» этого языка) народного географического термина, отразившегося в орониме **Саур-могила**, связан летописный топоним **Сюурлий**, поэтическим эквивалентом которого в «Слове о полку Игореве» выступает **Каяла**. Морфологическое освоение восточными славянами этого относительного прилагательного с суффиксом **-ли (-лы)**, т.е. **Саурли**, **Сауырли**, **Сюурли**, «(река) находящаяся вблизи возвышенности с округлой вершиной, округлого холма» или «связанная с возвышенностью, носящей имя **Саур** или **Сюур**» (приходит на память гора **Шеломянь** на границе «русской земли» и «поля половецкого»), произошло при помощи конечного согласного **-й**, как, например, в слове **казначей** из **казначи**, фамилии **Топчий** из **топчи** «пушкаръ» и т.д. Показательно, что **Сюурлий** (она же **Каяла**) в тексте «Слова» соседствует с **Шеломянем**: «Тү ся копнемъ прилматн, тү ся савлямъ потрүчятн о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, ү Донү великаго. О, Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!».

При заселении Северного Приазовья украинцы фонетически,

морфологически и семантически освоили тюркский топоним **Саур**, дополнив его собственным географическим термином **могила** «степная возвышенность», распространенным в Приднепровье и на востоке Украины. Так возник составной топоним, каждое слово которого имеет близкие этимологические значения: **Саур** «возвышенность с округлой вершиной» + **могила** «всякая степная возвышенность». Однако при объединении этих слов в одном названии их смысловой близости уже не существовало. В славянской речи народный географический термин объединился не с лексически прозрачным тюркским термином, а с собственным именем - топонимом, уже утратившим этимологическую мотивированность, в основе которого лежал этот термин. Сравните аналогичным путем появившееся древнерусское летописное название Черного моря - **Понть-море**, или **Понтьское море** (греч. понтос «море»).

В народных легендах первая часть топонима **Са(в)ур-могила** связывается с антропонимом - именем казака **Саввы**, или **Савура**, будто бы жившего когда-то возле такой возвышенности и погибшего здесь в неравном бою с турками, татарами или панским войском, защищая крестьян. Такие легенды в 70-е годы прошлого века были записаны Я.П. Новицким в селах бывшего Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Вот некоторые фрагменты его записей: «На **Савур-могили** колись жив ватаг **Сава** і тримав шайку розбишак таких, як і сам»; «Колись була така приказка в старих чумаків: **Савур-могила**, Теплинський ліс, де бере чумаків біс. Жив колись на **Савур-могили** **Сава** - ватаг з товариством. Було поставити ратище біля шляху, а біля ратища простеле повсть. Чумаки й кладуть: хто хліба, хто солі, хто зерна сіпне»; «Пішов **Сава** на **Савур-могилу**» (**Савур-Могила**, 155, 157). Информанты Я.П. Новицкого форму **Савур** осмысливали как производную от личного мужского имени. Так, в тексте приведенного выше предания о **Савур-могили** на берегу реки Конки имеется сообщение о том, что вблизи этого холма «в незапам'ятні часи... стояла буцімто велика фортеця», а «**Савурою**, себто **Савою**, звали в фортеці старого-престарого немічного, але дуже мудрого діда» (там же, 205). Поэтому первую часть описательного варианта оронима - **Савурина могила** следует рассматривать как относительно-притяжательное прилагательное, образованное от имени **Савура**. Антропонимической версии происхождения топонима придерживался К.К. Целуйко: к

основе **Сав-** (из **Сава**) был присоединен суффикс **-ур(а)** с уменьшительно-ласкательным значением, как и в именах **Сашура**, **Митюра** и под. (Цілуйко, 80). Выказано также мнение, что в **Са(в)ур** отразился этноним **севера** или название кочевых скотоводческих племен, родственных скифам, - **савроматы** и даже «общее имя всех босфорских царей» **Савромат** (Прудников, 8).

Сейчас уже невозможно установить, появились ли названия всех рассмотренных выше **Саур-могил** в Северном Приазовье независимо друг от друга (это позволило бы предположить, что в древности таких имен в этом регионе могло быть больше), или же некоторые из них (очевидно, запорожские **Саур-могилы**) позднего происхождения, так как появились благодаря переносу широко известного топонима на новые географические объекты.

С названием **Саур-могила** связано несколько других географических имен на востоке Донецкой области. Западнее возвышенности протекает небольшая степная речка Ольховая, одна из правых притоков Миуса (территория Шахтерского района). Среди ее притоков имеется **Крутой Яр**, верховье которого находится возле **Саур-могила**. Это название нанесено на военно-топографическую карту-трехверстку Земли Войска Донского (1853 г.) и такую же карту Екатеринославской губернии, составленную в эти же годы топографами Генерального штаба. Но этот овраг именовался и по-другому. На рукописной карте России Менгдена и Брюса 1699 г. его название записано как *Mogula R* (т.е. «река Могила»). В верховье у него составители этой карты отметили два отрога: левый - *Zawoertowa R.* (очевидно, «Саурова речка») и правый - *Crienice R.* («река Криница») (МИРК, № 28). На «Генеральной карте Азовской губернии с ее уездами», составленной в 1782 г. И. Исленьевым, данный овраг поименован как **Саур Боярак** (Кордт, № 32). В некоторых публикациях начала XX в. он еще именуется **Саур-Могильской балкой** (Супин-6, 141). Здесь же, в устье Саур-Могильской балки, в начале XIX в. уже существовало селение с названием **Саур-Могила** (произошел перенос топонима на смежный объект - поселение невдалеке от возвышенности). Оно уже было обозначено в черновике (брульоне) карты, составленной в 1806 г. (там же). На военно-топографических картах-трехверстках, названных выше, этот населенный пункт именуется **Саур-Могильский**. В настоящее время это село **Сауровка** в Шахтерском районе Донецкой области.

ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКИ

1. Конкашпаев - Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. - Алма-Ата, 1963.
2. Кордт - Кордт В. Матеріали до історії картографії України. Частина перша. У Києві - МСМXXXI.
3. МИРК - Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. - К., 1899.
4. Преображенский - Преображенский В.С. Очерки природы Донецкого края. - М., 1959.
5. Прудников - Прудников Ф.И. Саур-Могила. - Донецк, 1983.
6. Савур-Могила - Савур-Могила. Легенди та перекази Нижньої Наддніпрянщини. - К., 1990.
7. Сулин-6 - Сулин И.М. Материалы к истории заселения Миусского округа. - Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. - Новочеркасск, 1906.
8. УНД - Украинские народные думы. - М., 1972.
9. Цілуйко - Цілуйко К.К. Топонімія Покровського району Дніпропетровської області. - Мовознавство. Т. XIV. - К., 1957.

* Рідний край. Историко - краєзнавчий альманах. 2-3. Частина II. Донецьк, 1997.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ОНОМАСТИКА

ТОПОНІМІЧНИЙ АСПЕКТ ОДНІЄЇ ПОДІЇ ДАВНЬОРУСЬКОЇ ІСТОРІЇ

Несодноразові спроби визначити місце битви руських з татарами-монголами на річці Калці робились без належної уваги до топонімічного аспекту проблеми.

Тим часом, на наш погляд, саме тут криються деякі ще не використані можливості, виявлення яких може збагатити досить скупі відомості про місце битви в 1223 р. Крім того, аналіз структури гідроніма у давньоруський і пізніші періоди викликає і власне топонімічний інтерес.

Уже літописи дають нам суперечливі свідчення. Поряд з «канонізованою» у сучасній науковій історичній літературі формою *Калка* (див.: Іпатіївський літопис, Львівський літопис, Московське літописне зведення кінця XV ст. та ін.) звичайною була і форма чоловічого роду - *Калакъ, Калокъ (Калькъ)* (див.: Синодальний та Комісійний списки Новгородського I літопису, Новгородський IV літопис та ін.). Пор. також форми непрямих відмінків, які теж відображають варіант чоловічого роду *Калькъ*: «на **Калцѣхъ**» (Новгородський IV літопис у додаткові за Голицинським списком першої половини XVI ст.; Софійський харатейний номоканон), «на **Калкохъ**» (у Русинському літописі, писаному західноруським скорописом XVII ст.), «до **Калковъ**» (Строївський список Псковського II літопису та ін.)¹.

Очевидно, відгуком варіанта чоловічого роду є форма прикметника в «Задонщині» («а от **Калатьскія рати до Мамаева побонища**»). У XVIII ст. форму чоловічого роду використовує також В.М. Татищев: «В сей (Донецькій провінції. - Є.О.) есть река *Калк* шш *Калмиас...*»²

Нарешті, багато джерел наводять плуральний різновид гідроніма - повідомляють про битву «на **Калкахъ**» (**Калкохъ, Калцѣхъ**)

у 1223 і 1380 рр. (Новгородський IV літопис, Синодальний список Псковського II літопису, Львівський літопис, Московське літописне зведення кінця XV ст. та ін.). Ця форма зустрічається і в «Повести о перенесенні иконы Николы Заразского» (за списком Державної бібліотеки СРСР ім. В.І.Леніна, напівустав XVI ст.)³.

У деяких текстах XV-XVI ст. (наприклад, у Троїцькому літописі, у Софіївському I літописі за списком Оболенського, який є найдавнішою редакцією пам'ятки⁴) реєструється форма з демінутивним суфіксом *-ець* - *Калець*.

Великий інтерес викликають випадки конфронтації в одному й тому ж тексті обох форм гідроніма - *Калка* і *Калець* (у другій з них суфікс *-ець* мав демінутивне значення), які свідчать про початок процесу гідронімічної диференціації у системі *Калок*. Пор.: «И оттѹда же пошла до нихъ 8 дни до рѣки *Калки*. И тѹ ѹсрѣтоша сторожеве татарове и ѹдарниша на полци рѹсскія. Сторожемъ же бившимся с полки рѹсскими, и ѹбиенъ бысть тѹ Иоанъ Дмитриевичъ и нная 2 съ нимъ. Татаромъ же отъѣхавшимъ на прочнѣ рѣцѣ *Калецѣ*» (варіанти: *Калцѣ*-у Толстовському, Уваровському, Бальзеровському і Синодальному списках; *Кальцѣ* - в Карамзінському списку. - *С.О.*) ѹсрѣтоша татарове половецкія полки и рѹсскіи. Князь же Мистислав Мьстиславичъ повелѣ преди и перенти рькѹ *Калкѹ* Данилови съ полки и ннѣмъ полкомъ с нимъ, а самъ по нихъ перенде. И зандоша за рѣкѹ за *Калкѹ*, и послаша въ сторожехъ Яруна с полци с половеци, а сами станомъ сташа тѹ» (Софіївський I літопис, арк. 242 зв. - 243). В Іпатіївському літописі виступає ще стара форма назви: «...татаромъ же отъѣхавшимъ напрочнѣ рѣцѣ *Калъцѣ*» (в інших списках - *Калкѣ*)⁵

Наскільки нам відомо, вказівки цілого ряду літописів (особливо Троїцького і Софіївського I літописів) на якусь «прочнѹ» річку в районі битви руських з татарами не були враховані жодним з істориків при визначенні місця битви⁶. «Прочна рѣка *Калець*» не врахована і в схемі битви на річці Калці Є.Разіним⁷, обійшов її мовчанням і К.В. Кудряшов, а тим часом вона заслуговує на увагу. Тут чітко розмежовані *Калка* і якась її притока - «прочьна рѣка» *Калець* (друс. *прочьнѣ* «інший, наступний, другий»).

Перша зустріч руських з татарським авангардом - «сторожами», мабуть, відбулася десь у межиріччі Калки і якоїсь (очевидно, правої) притоки її - літописного *Кальця*. Правильне

визначення цієї притоки становить значну трудність внаслідок великого розгалуження і численності правих приток Кальміуса. Проте зрозуміло, що річки *Калка* і *Калець* не могли бути дуже віддалені одна від одної; імовірніше в літописі йдеться про район злиття цих річок (межирічний «кут»). Про це свідчить, по-перше, швидкий відхід татар на Калець, по-друге, відповідний захід Мстислава Київського (пересування з полками на інший, у напрямі Кальця, бік Калки, якщо припустити, що руські полки переслідували татар здавна відомим слов'янам і тюркам у Приазов'ї шляхом, маршрут якого частково збігався з напрямком русла Кальміуса (Калки)⁸. Десь тут, мабуть, і слід шукати «**місце каменисто**», на якому знаходився стан Мстислава. Це могли бути або скеляста місцевість у районі злиття з Кальміусом його повноводної правої притоки - Мокрої Волновахи, у цьому районі типової гірської річки, яка тече в глибокому каньйоні (у такому випадку *Калець* - це Мокра Волноваха), або один з кам'янистих пагорбів на берегах р. Кальчик біля с. Кременівки, або ж, нарешті, височина поблизу місця злиття з Кальміусом його головної притоки - Кальчика (тепер у смузі м. Маріуполя). Татарські «сторожі» могли навмисно заманити руських у межиріччя Калки і Кальця, яке послужило потім плацдармом для розгрому руських дружин.

Віднесення загадкового «**місце каменисто**» далеко на захід, до Кам'яних могил⁹, на нашу думку, безпідставне. По-перше, самі Кам'яні могили географічно не пов'язані з Кальчиком (тобто з однією з Калок), у своїх витоках дуже вузьким і маловодним струмком, який не міг братися до уваги при стратегічних розрахунках протиборствуючих сторін. Крім того, слід врахувати, що Кам'яні могили, які К.В. Кудряшов ототожнює з «місцем кам'янистим», знаходяться все ж таки далеко від маловодних витоків Кальчика. Територія урочища зрошується річкою Бердою та її притоками (наприклад, струмком Каратиш). У зв'язку з цим зовсім неясним стає і сам маневр руського війська, що описаний у ряді літописів. По-друге, непереконливим для топоніміста є і посилання К.В. Кудряшова на те, що «річка Кальчик і тепер називається Калкою». Як побачимо нижче, це імовірніше є витвір секундарного походження (внаслідок оновлення суфіксальної частини гідроніма)¹⁰.

Форма *Калець* зберігається протягом наступних століть, проте її географічна прив'язаність часто змінювалася. Іноді *Кальцем*

називався сам Кальміус.¹¹ Цей перехід демінутива у назву головної річки міг бути викликаний змінами у смисловій структурі гідроніма *Калка*: у період масової появи демінутивних назв приток з суфіксом *-ка* форми *Калець* і *Калка* стали осмислюватися як ізофункціональні, наслідком чого і є випадки заміни другої з них першою. Закріпленню ж за головною річкою назви *Калець* перешкодили, по-перше, «сила опору» другого не менш активного форманта *-ка* (в історії нашого гідроніма найдавнішого), по-друге, тенденція до усунення демінутивів на *-ець* (за допомогою суфіксів *-ка* і *-чик*) і, по-третє, утвердження як назви головної річки складного гідроніма *Кальміус*. Часто *Кальцем* називалася головна притока Кальміуса - нинішній Кальчик. Пор. у «Донских делах» (1638 р.): «...потому, что межъ Крыму и Азова кочюють Большою Ногаю мурзы с улусы своимн по Калмиосу, и по *Кальцу*, и по Бердамъ, и по Молочнымъ Водам...»¹². І нарешті, назва *Калець* пов'язувалася тільки з однією правою притокою Кальчика (або Великого Кальчика), яка бере початок біля сучасного районного центру м. Володарська (колишня станиця Микільська)¹³.

Якщо розглядати варіанти гідроніма в міру того, як вони фіксуються у пам'ятках, то наступною формою є *Кала* (у множині - *Кали*), її подає «Книга Большому чертежу»: «А отъ рѣчки *Бакъваты* къ верхъ рѣчкамъ къ *Каламъ* <...> А отъ рѣчекъ отъ *Калъ* къ рѣчкѣ къ *Короташу*...»¹⁴. У цій назві, очевидно такій же давній, як і *Калка*, представлена індоєвропейська гідронімічна модель «корінь плюс суфікс *-а*».

Варіант *Кальчик*, який став тепер основною, офіційно прийнятою назвою головної притоки Кальміуса, фіксується лише з початку XVIII ст. Згадується він, наприклад, в «Изъяснении» до російської карти Причорномор'я і Криму 1736-1739 рр., де він записаний як *Холчик*¹⁵, а також Д.І. Яворницьким: «Велено владѣть запорожцам от Днѣпра рекою Самарою, Волчьими Водами, Бердою, Кальчиком и Кальміусом ѳ протчими впадающими в нихъ рѣчками» (з наказу 10 серпня 1756 р.)¹⁶. Наводить його і академік Гільденштедт у «Щоденнику подорожі у Південну Росію» (1773-1774 рр.)¹⁷. У XIX ст. *Кальчик* стає настільки загальноновизнаною назвою головної притоки Кальміуса, що витісняє всі інші варіанти гідроніма та інші слов'янські й тюркські назви річок його системи.

Якщо виникнення демінутива *Калець* пояснюється потребою у

диференціації найменувань головної річки і її основної притоки, то причину витіснення варіанта *Калець* демінутивним утворенням *Кальчик*, очевидно, слід вбачати у стиранні зменшувального значення у суфіксі *-ець*, що було підтримано аналогічними зрушеннями в галузі апелятивної лексики, де цей процес мав більш загальний характер. Крім того, на оновлення суфіксальної частини гідроніма (*-ець* > *-чик*) могла вплинути і відповідна словотворча закономірність в апелятивах, де форми на *-ець* «витісняються формами на *-ик* і *-чик*»¹⁸.

Нарешті, варто спинитися на варіанті *Калка* вторинного походження. Тільки так називає нинішній Кальчик В.І. Григорович, який побував у 1873 р. в селах, заснованих у кінці XVIII ст. кримськими, або «маріупольськими», греками (Енісалу, Чердакли, Ескі-Крим)¹⁹. Зараз так іменують Кальчик мешканці сіл, розташованих вздовж його приток. Як свідчать дані топонімічних експедицій у басейн річки Кальчик влітку 1964 і 1966 рр. та відповіді кореспондентів, це переважно села, що знаходяться у верхів'ях Кальчика - на північ і північний захід від с. Кременівка²⁰.

Значно рідше ця назва відноситься до так званого Великого Кальчика і його приток (форма *Калка*, наприклад, зареєстрована у 1963-1964 рр. у селищах Волонтерівка і Каменськ поблизу Маріуполя; у с. Старий Крим *Калкою* іноді називають ще праву притоку Великого Кальчика - Попову балку). Іноді ця назва навіть переноситься на весь Кальміус²¹ (останній випадок був зареєстрований у 1964 р. у с. Заможне).

Калка - свого роду «просторічний» варіант загальноприйнятої назви *Кальчик*. Існування цього варіанта навряд чи можна пов'язувати із збереженням давньої топонімічної традиції. Скоріше в останні століття він виникає внаслідок винятково сильної експансії суфікса *-ка* у південноросійській та українській топонімії. Ставши «провідним суфіксом»²² у топонімії південноруських степів, яка у багатьох своїх ланках починає складатися лише в XVI-XVII ст., формант *-ка* або оновлює суфіксальну частину в назві *Калець*, або «модернізує» гідронімічний варіант *Кала*. У першому випадку перетворення структури гідроніма могло бути підтримане тенденцією, яка інтенсивно виявлялася в галузі апелятивної лексики, до скорочення наслідків другої палаталізації, що виявилась у фактах заміни суфіксального *-ц-* після голосних переднього ряду приголосним *-к-*²³. Популяризації варіанта,

який недавно виник, сприяла і добре збережена в народі пам'ять про битву руських з татарами на річці Калці. Що стосується другого припущення, то воно знаходить опору і в деяких фактах слов'янської гідронімії. На численні випадки аналогічних відношень похідності вказує в дослідженні назв слов'янських вод Я.Розвадовський²⁴. Пор. первинні форми Owanta, Iıza, Eka, Nacza, Okrzeja з секундарними утвореннями з оновленою суфіксальною частиною - Owanka, Iżanka, Ikówka, Naczka, Okrzejka та ін. Слід підкреслити, що форми типу Owanka, Naczka, Okrzejka не демінутивні найменування приток, а вторинні, «сучасні» назви тих же річок.

Отже, морфологічна структура гідроніма *Калка* протягом тривалого часу варіювалася за рахунок оновлення її суфіксальної частини (-ка, -ець, -а, -чик, -ка) або за рахунок включення основи *Кал-* у топонімічну композиту *Кальміус*. Доказ К.В.Кудряшова на користь віднесення місця битви 1223 р. до крайніх західних відгалужень Кальчика малопереконливий, оскільки, крім інших неточностей, ґрунтується на беззастережному ототоженні давньої *Калки* (*Калки* з елементом -ка) з омонімічною назвою пізнішого походження (*Калкою* з елементом -ка). При визначенні місця і битви 1223 р. до цінних висновків, на наш погляд, може привести істориків правильна інтерпретація наведених вище повідомлень Троїцького і Софіївського літописів, які вносять у це питання досить чіткий топонімічний коректив.

* Мовознавство. 1976, № 4.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Варіанти гідроніма *Калка* з посиланням на джерела наводяться в нашому «Каталозі річок Північного Приазов'я» (див.: Повідомлення Української ономастичної комісії, вип. 11. К., 1975, с. 46).
- ² Татищев В.Н. Избранные работы по географии России. М., 1950, с. 123.
- ³ Воинские повести древней Руси. М. - Л., 1949, с. 249.
- ⁴ Софийская I летопись (вып. 1). - Полн. собр. рус. летописей (далі - ПСРЛ), т. 5, Л., 1925, с. 205.
- ⁵ Ипатьевская летопись. - ПСРЛ, изд. 2-е, т. 2. СПб., 1908, с. 743.
- ⁶ Вираз «на прочьгѣ рѣцѣ» у свій час викликав вагання у першого видавця Лаврентіївського і Троїцького літописів, який запропонував два варіанти читання цього місця: «татаромъ же отъѣхавшимъ напроць рѣцѣ Калкъѣ» (Іпатіївський літопис) і «татаромъ же отъѣхавшимъ прочь, на рѣцѣ Кальцѣ усрѣтѣша татарове плочецкыя полкы и русскыя» (Троїцький літопис). Однак уже в другому виданні (1908) ця неточність була усунена.
- ⁷ Див.: Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до первой

империалістическої війни 1914-1918 гг. М., 1940, с. 95.

⁸ Див.: Кудряшов К.В. О местоположении реки Калки. - «Вопр. истории», 1954, 9, с. 119.

⁹ Див.: там же.

¹⁰ До річки, сумнів щодо архаїчності сучасної форми *Калка* був висловлений ще у 1915 р. В. Саханєвим: «...нинішнє ж найменування Кальчика Калкою є або приурочення історичного імені до цієї річки (у населення є чутки про те, ніби тут колись відбувалася битва), або ж Калка просто переінакшена назва Кальчика» (Всев. Саханєв. Разведка на месте битвы при р. Калке 1224 г. - «Зап. отд. рус. и славян. археол. Рус. археол. об-ва», т. 11, Пг., 1915, с. 27).

¹¹ Форму *Калеца* (наз. відм. одн.) використовує в новий час і Д. Бантиш-Каменський в «Истории Малой России» (СПб. - К. - Х., 1903, с. 496). Як назва головної річки варіант *Калець* вжитий М.М. Карамзіним в «Истории государства Российского» (вид. 4, т. 3, СПб., 1833, с. 234), а також І.І. Срезневським у статті «Русское население степей и южного поморья в XI-XIV вв.» («Изв. ОРЯС», т. 8, СПб., 1859-1860, с. 316), Д. Багалієм в «Истории Северной земли до половины XIV ст.» (К., 1882, с. 19), М.Ф. Сумцовим у «Малорусской географической номенклатуре» (К., 1886, с. 5) та ін.

¹² Русская историческая библиотека, т. 18. Донские дела, кн. 1. СПб., 1898, с. 702-703. Формою *Калець* позначений нинішній Кальчик в указах Катерини II (1779 р.) та Азовської губернської канцелярії (1780 р.). Див. ще: Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. П. Семенов, т. 1. СПб., 1863, с. 21; Русский энциклопедический словарь, т. 2. СПб., 1877, с. 636; Энциклопедический словарь Ф. Павленкова, изд. 2-е. СПб., 1905, с. 834.

¹³ Див.: Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния, СПб., 1862, с. 29; Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть, вып. 1. Мариупольский уезд. Екатеринослав, 1904, с. 34; Всев. Саханєв. Знач. праця, с. 23; К.В. Кудряшов. Историко-географические сведения о половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 году. - «Изв. гос. географ. об-ва». 1937, № 1, с. 65 (карта); Каталог річок України. К., 1957, с. 135.

¹⁴ Книга Большому чертежу, изд. 2-е. СПб., 1838, с. 22.

¹⁵ Див.: К.В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, с. 153.

¹⁶ Д.И. Эварницкий. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб., 1888, с. 135.

¹⁷ Записки Одесского общества истории и древностей, т. 11. Одесса, 1879, с. 222.

¹⁸ Грамматика русского языка, т. 1. М., 1953, с. 266.

¹⁹ Григорович В.И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Кальмус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. - В.И. Григорович. Собр. соч. (1864-1876). Одесса, 1916, с. 309.

²⁰ Див.: Список населенных пунктов Донбасса (итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии, январь - февраль 1923 р.), т. 6. К., 1924, с. 73, 75.

²¹ *Калкою* названий Кальміус у другому томі «Географическо-статистического словаря Российской империи» П. Семенова (с. 451). У статті відбилися

вагання у віднесенні до одного і того ж об'єкта сучасної назви *Кальміус* і, як вважає автор, «давньої» - *Калка*.

²² Никонов В.А. География русских суффиксов. - «Onomastica», 1959, т. 5, з. 2, с. 329.

²³ Див.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 174.

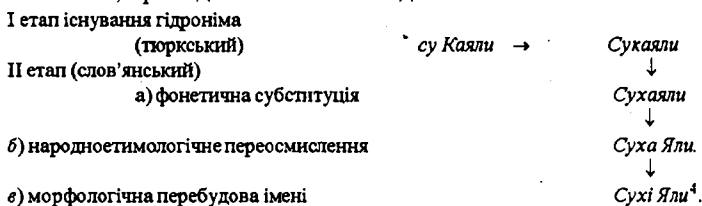
²⁴ Див.: Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1949, s. 1, 90, 94, 108, 115, 142, 150. 199, 213, 301.

КАЯЛА

Полечю, рече, зегзицею по Дүнаеви,
омочю бєбрянѣ рүкавѣ в Каялѣ рѣцѣ.
(«Слово о полку Игореве»)

В одному з своїх фундаментальних досліджень «Слова о полку Игореве», говорячи про неможливість ідентифікації гідроніма *Каяла* з якимось певним географічним об'єктом Половецької землі, академік Б.О. Рибakov пише: «Усі варіанти визначення місця битви Ігоря з Кончаком, які базуються на співзвучності назв річок в басейні Сіверського Дінця і Дону, повинні бути визнані непридатними» (виділено автором). І далі: «Увесь різнобій визначень місця битви Ігоря походив від спокуси знайти на сучасній географічній карті річку Каялу. Але пошуки, які велися більше століття, так і не виявили її на «Большом чертеже» XVI ст., ні на картах XVII-XVIII ст., ні на картах нашого часу. Виняток становить тільки стаття В.М. Глухова, який відшукав залізничну станцію Каялу за 30 км південніше від Ростова-на-Дону» (1 с. 222-223)¹. Як відомо, гіпотеза В.М. Глухова не знайшла підтримки у істориків та лінгвістів (3, с. 49; 4, с. 182). Відомий радянський ономаст О.І. Попов цілком слушно зауважив відсутність етимологічної спільності між *Каялою* «Слова о полку Игореве» і назвою притоки Єгорлика (в басейні Манича) - *Калали* (*Калала*)²: якщо перша є типовою формою тюркського прикметника із значенням «скалиста», то друга - такий само прикметник, але утворений від апелятивної основи *кала* - «фортеця». В цьому ж районі протікає інша річка з подібною назвою - *Калаус* (впадає в озеро Шара-Хулусун, утворюване Східним Маничем) (6. 83), яка членується на монголо-тюркський географічний термін *ус* - «річка» і компонент *кала* в означальній функції (тюркський топонімічний ізафет). Як відомо, автори інших гіпотез місце бою Ігорової раті з половцями пов'язують

із середньою течією Сіверського Дінця (ідентифікуючи *Каялу* з його притоками - Кам'янкою, Айдаром, Бистрою та ін.), або ж переносять його в приморські райони Північного Приазов'я, ототожнюючи *Каялу* з Кальміусом (М. Аристов; у наші дні цієї точки зору деякий час дотримувався і К.В. Кудряшов) (7, с. 20; 3, с. 58), або Мокрими Ялами (А.В. Лонгинов, Б.О. Рибаків) (9; 10, 7)³. Прибічники ототожнення *Каяли* з Мокрими Ялами (лівою притокою Вовчої, л. п. Самари, л. п. Дніпра) вказували на співзвучність назви *Яли* з вихідною частиною гідроніма *Каяли* (припущена невідмінювана форма топонімічного прикметника), допускаючи, очевидно, що в процесі дальшого розвитку він втратив свій початковий склад. З «лінгвістичних позицій» спробував підійти до обґрунтування цієї тотожності поет Олжас Сулейменов (11). Він відмовляє компоненту *яли* в лексичній самостійності, вважаючи його осколком повного імені (*Каяли*), яке спочатку виступало з препозитивним детермінативом *су* (*су Каяли*), але в дальшому пережило фонетичну субституцію (заміну глухого гортанного *к* на *х*) і народноетимологічне зближення зі слов'янським прикметником *суха*. Звукова і словотвірна еволюція, за О.Сулейменовим, проходила в такій послідовності:

Гіпотеза О. Сулейменова уразлива в багатьох місцях. У тюркській гідронімії географічний термін *су*, як правило, вживається після власного імені: препозитивне ж *су* втрачає ознаки терміна, набуваючи функції означення. Тому неправдоподібною здається його постановка перед іншим топонімічним прикметником (*каяли*). Крім того, у нас немає достатніх підстав вважати, що топонімічний прикметник *каяли* в тексті «Слова» був невідмінюваним, як це витікає з гіпотези О. Сулейменова і як вважають деякі інші дослідники (12, с. 29; 13, с. 61)⁵. У своїй ґрунтовній рецензії на виданий в Гаазі словник до «Слова о полку Игореве» Т. Чижевської І.Г. Добродомов і І.С. Улуханов, на нашу думку, переконливо показали «неправомірність зачислення гідроніма *Каяла* до невідмінюваних слів» (17, с. 120). Усякі

спроби зв'язати *Каялу* з гідронімом *Яли* безплідні як з історичної, так і з лінгвістичної точки зору. Перші фіксації гідроніма *Яли* знаходимо на карті України, що охоплює територію військових дій 1736-1739 рр. (складач невідомий), де річка з цією назвою зображена як праве відгалуження річки Берди (*Berda R.*, її ліве відгалуження у верхів'ї-*Kalmic R.*, тобто річка Кальміус) (18, карта № 23), і на «Генеральной карте от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова» 1743 р. (19). В тюркських мовах омонімічний апелятив, виступаючи в значеннях «берег», «узбережжя», «набережна», має обмежене розповсюдження. В.В. Радлов указує лише на кримське та османське «наріччя», тобто на мови кримських татар і турків, Л. З. Будагов-тільки на турецьку мову (20, т. 3, с. 165; 21, т. 2, с. 341). Ця лексема наявна і в грецькій мові (*γιάλος* - «берег», «узбережжя»).

Кримські татари, ногайці, а потім і кримські («маріупольські») греки, які поселилися в кінці XVIII ст. в необжитих степах Північного Приазов'я, цим словом спочатку називали урочище - широку, багату луговою рослинністю заплаву лівої притоки Вовчої чи «високі глинисті береги» (22, с. 14) лівої сторони Мокрих Ялів, а потім уже, завдяки топонімічній метонімії, це ім'я одержує і сама річка⁶. У деяких селах Донецької області, наприклад в Степному (Новоселівка № 1) і Зажиточному (Чермалик), колгоспні землі («поля») і городи на березі Кальміуса до недавнього часу звались *ялус*, це свідчить про те, що деетимологізація гідроніма в мовленні «маріупольських» греків (за мовною ознакою вони діляться на тюркофонів і еллінофонів) - явище порівняно недавнього часу⁷. Наш гідронім не одинокий в топонімії півдня. Вище Мокрих Ялів (з їх лівою притокою - Ялами Сухими) в р. Вовчу впадають ще одні *Сухі Яли* (на ряді рукописних карт XVIII ст. ці дві притоки Вовчої іменувались ще відповідно *Нижніми* і *Верхніми Ялами*). Пор. ще назву балки *Яла* в басейні Кривого Торця (24 с. 54). Одна з лівих приток Сухой Волновахи (п. п. Кальміуса) ще в минулому столітті називалася *Сара Яла* (22, 22). В кримській топонімії: *Яли Богази* (невелика тіщина по шляху з села Отуз до моря) (25, с. 104), урочище *Яли Тузла* (26, т. 3, с. 93), *Мікрояло* — «малий берег» і *Мегајало* - «великий берег» - грецькі назви місцевості з крутим схилом до моря біля Балаклави (яло < *γιάλος* або *το γιάλο*) (27, с. 211). Пор. також балканський гідронім *Яла* - назву правої притоки річки Босни (28, с. 368). І. Заїмов відзначає часте вживання географічного терміна *ялията*

в заплавах Віта і Янтри (29, с. 292).

Усі ці факти свідчать про первинність гідроніма *Яли*, який виник самостійно, а не в результаті мнимої деформації тюркського топонімічного прикметника *Каяли*. Таким чином, гіпотеза О.В. Лонгінова (К.В. Кудряшова - Б.О. Рибакіна)⁸ - О. Сулейменова не задовільна і в топонімічному відношенні.

«Внутрішня форма» гідроніма *Каяла* досить ординарна в тюркській (і не тільки тюркській) гідронімії. У XII ст. «скалистих» чи «кам'янистих» річок у Половецькій землі, очевидно, було багато. Але тільки одна з них залишилась у пам'яті русичів, п'ять разів відбившись у поетичному тексті «Слова» і один раз - в літописній розповіді про похід Ігоря (у текст «Задонщини», як відомо, цей гідронім проник із «Слова»). Нігілістичне ставлення до реальності *Каяли*⁹ було викликане тим, що вона дійсно не була виявлена серед назв приток Сіверського Дінця, які дійшли до нас. Але ж *Каяла* названа в «Слові» «річкою половецькою» - свідчення того, що вона була значною за розмірами і тому добре відомою (маленька річка навряд чи одержала б таке визначення, пор. хронологічно віддалену паралель: «Волга, русская река»). Чи була на території Північного Приазов'я, заселеній у XII ст. різними половецькими об'єднаннями Чорної Куманії, така річка? Є деякі підстави допускати, що була, але знаходилась вона не там, де проходило протиборство руських з половцями, описане в «Слові» і в Іпатіївському літописі.

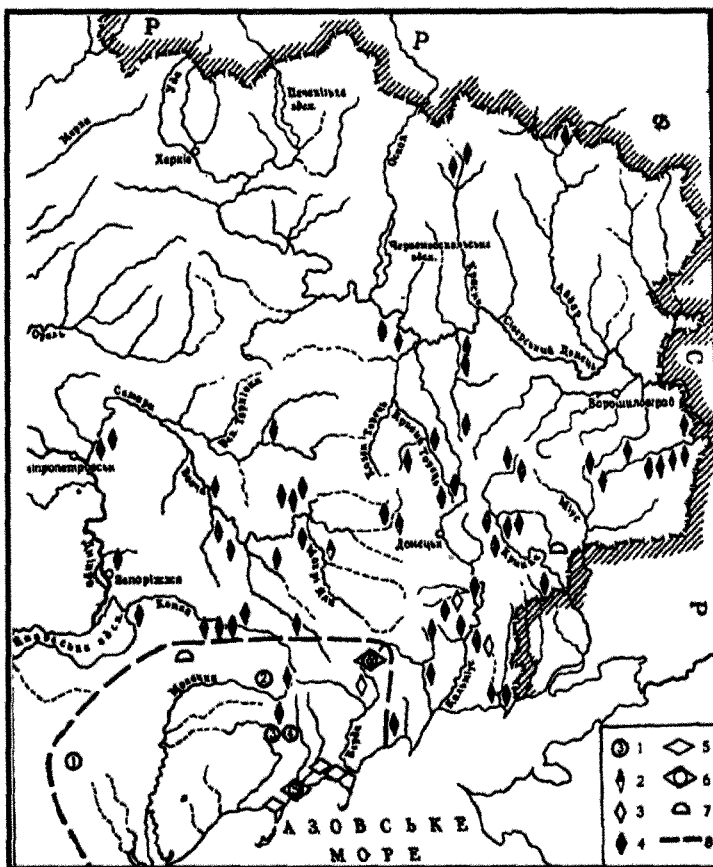
Деякі рукописні карти 2-ї пол. XVIII ст., а також окремі видання XVIII-XIX ст. засвідчують, що в гідронімії приморських районів нинішньої Запорізької області, до 60-х років минулого століття заселених ногайцями, було декілька складених назв з топонімічним прикметником *каяли*. Частина з них пізніше зазнала універбізації - стягненню в одне слово, інші в наш час уже забуті¹⁰. Два з них - у басейні р. Молочної (літописної Сутині): балка *Каяли Кулак* (*Каяли Кулак*, *Кайкулак* та ін.) і річка *Каяли Джуюшан* (*Каялишан*, *Каялиша* та ін. з лівою притокою-балкою *Каяликула* (*к*). На схід від озера Молочного в Азовське море впадає р. Лозоватка, яка в XVIII ст. в багатьох географічних джерелах іменується також *Бердяною* (*Бердинкою*) чи *Нижньою Бердою*, а в списку населених місць Таврійської губернії, виданому в 60-і роки минулого століття, названа ще *Бердикай Али* (спотворений запис складеного гідроніма *Берди Каяли*) (32, с. 24).

Нарешті, ще далі на схід в Азовське море впадає *Берда*, по якій у XVIII ст. проходив кордон між Росією і країною Східний Ногай - материковим володінням кримського хана. У назві її відбилась та ж реалія - кам'янистість берегів річки.

У гібридному слов'яно-тюркському гідронімі *Каяли Берд* ми маємо справу з типовою етимологічною фігурою, яка виникла завдяки запозиченню тюрками старої слов'янської назви і повторного відбиття в дотопонімічному значенні тюркського означення *каяли* тих же особливостей географічного об'єкта. Жаль, що Тунманн не називає джерела, звідки він узяв назву однієї з найважливіших річок країни Східний Ногай. У передмові до російського перекладу книги Тунманна *Der Krimische Staat* справедливо зазначається: «Праця Тунманна є квінтесенцією всього відомого і доступного західноєвропейській науці того часу про Кримське ханство, і в цьому її значення для нас, тим більше, що автор користується не тільки наявною тоді друкованою літературою, але й не опублікованими джерелами». І далі: «Він дуже точно (порівняно, звичайно) передає величезну кількість татарських і ногайських географічних назв, які подавались у попередній літературі спотворено», «він згадує багато річок (особливо на материку), до того в літературі невідомих, частково тепер навіть зниклих». Крім того, висловлюється припущення, що Тунманн збирав також «різні усні відомості» про Кримське ханство, «більш багаті, ніж літературні» (33, с. 7,11).

На складеній нами карті назв річок з семемами «камінь», «скала» в топонімії південно-східної України ареал гідронімів з топонімічним прикметником *каяли* окреслений пунктирною лінією. Це район, де в XI-XII ст. кочувала сутенська група половців, яка зазнала в 1103 р. нищівної поразки від руських дружин. «Степи південніше орди Бурчивичів (від р. Конки до моря)», як зазначає в своєму дослідженні половецьких кам'яних скульптур С.О. Плетньова, були територією «досить насиченою статуями, а значить, і зимовищами. Район Західного Приазов'я аж до Перекопу більше всього можна ототожнювати з Лукомор'ям, яке не один раз згадувалось руськими літописцями», хоча «літопис ні разу не вказує географічних орієнтирів Лукомор'я». Лукоморська половецька орда знаходилась «у порівняній близькості» від Русі (34, с. 21)¹¹, і русичі, здійснюючи в останній чверті XII ст. успішні походи в глибину степу, безумовно були знайомі з

Рис. 1. Гідроніми з семемами “скеля”, “каміння” в топонімії південно-східної України.

1 - тюркські гідроніми з лексемою *qajaly* 1) *Каялга* (*Калга*); 2) *Каяли Кулак*; 3) *Каялишан* (*Каяли Джуюшан*, *Каялиша*); 4) *Каяликула*(х); 5) *Берди Каяли* (*Бердикай Алі*); 6) *Каяли Берт*. 2 - кримськогрецький гідронім з лексемою *хая*. 3 - поркські гідроніми з лексемою *таш*. 4 - слов'янські (укр., рос.) гідроніми з лексемами *кам'ян-* (*камен-*), *скель-* (*скал-*), *кремен-*. 5 - слов'янські гідроніми з лексемою *бердо*. 6 - об'єднання в одній назві слов'янської тополекси *Берда* з тюркським детермінативом (*Каяли*, *Отали*, *Гелач*). 7 - оронім *Саур* (*Саур*)-могила. 8 - ареал гідронімів з топонімічним прикметником *qajaly*.

деякими топонімами цього району Половецької землі і в першу чергу, звичайно, з назвами річок, які відігравали важливу роль у житті кочівників. Значними водними артеріями половецького Лукомор'я були річки *Сутин* або *Сутень* (сучасна р. Молочна)¹² і *Берда* (гіпотетична *Каяла*, чи одна з *Каял*, точніше - найбільша з *Каял*). Певною мірою це підтверджується і тим, що в тексті «Слова о полку Игореве» *Каяла* територіально пов'язується з «синім морем», яке рефреном проходить через усю поетичну оповідь. Порівняйте: «О! далече зайде соколъ птиць бя - къ морю. А Игорева храброго плъкъ не крѣсити». «Къ синему морю» несуться «вѣсови врани» в «мѣтном снѣ» Святослава. «Море» і «Каяла - рѣка» пов'язані і в плачі Ярославни (пор. «омочу вєврянь рѣкавь въ Каялѣ рѣцѣ» і «Възлеаѣи, господине, мою ладѣ къ мнѣ, а быхъ не слаа къ нему слезъ на море рано»). «Море» «Слова о полку Игореве», безпідставно підсумовує Б.О. Рибаків, це ніяк не маленьке озерце, солоне степне «морце», як пише К.В. Кудряшов. Море тут звучить урочисто і велично як визначення «конца Поля Половецкого» (1, с237).

Чому ж відома автору «Слова о полку Игореве» кипчацька назва річки Берди в подальшому не згадується в жодній з пам'яток і знову фіксується лише напередодні приєднання Криму до Росії у праці Тунманна та деяких матеріалах середини XIX ст. (у списку населених пунктів Таврійської губернії)? Це, очевидно, відбулось в результаті приєднання приазовських земель до половецьких володінь і значного ослаблення руської присутності на даній території. Руські забули цей гідронім (хоча річка і зв'язане з нею урочище залишились відомими їм завдяки пізнішому слов'янському топонімічному еквіваленту *Берда*), який продовжив своє існування в інших тюркських мовах Північного Приазов'я у наступні віки, куди він проникає з мови половецької. У монгольську епоху «кипчаки (половці) були головним населенням степу» (Дешт-і-Кипчак) (36, 67), і спадковість географічних назв у тюркському середовищі тут, напевно, ще довгий час не порушувалась. Тому семантичне прозорий для кримських татар і ногайців топонімічний прикметник *каяли*, який у пізніший період злився - у функції диференціюючого означення - зі слов'янською назвою *Берд(а)*, цілком міг бути продовженням відповідного топонімічного прикметника половецької епохи. Чи можемо ми на цій підставі твердити, що річка *Каяла* у «Слові о полку Игореве» і приазовська

Каяли Берд тотожні між собою? Зробити такий висновок заважає не тільки «географія походу Ігоря» (Б.О. Рибаків), але, як побачимо, і особливість стилістичного функціонування цієї географічної назви в художньому тексті пам'ятки.

З усіх існуючих історико-географічних схем походу Ігорєвого війська найбільш обґрунтованим (за винятком окремих деталей суто топонімічного характеру) нам здається варіант Б.О. Рибаків. Здійснивши скрупульозне зіставлення текстів «Слова» і київської хроніки 1185 р. у складі Іпатіївського літопису, Б.О. Рибаків чітко розмежує «поетичну Каялу» і «реальний Сюрлій» (1, 36)¹³. До нього багато дослідників маршруту Ігорєвого походу відносили ці назви до різних географічних об'єктів. Так, О.В. Лонгинов вважав, що *Сюрлій* - це р. Орлова у басейні Вовчої, л. п. Самари дніпровської, а *Каяла* - сучасні Яли. На думку М.В. Сібільова, *Сюрлій* - це Гола Долина, л. п. Сухого Торця, а *Каяла* - якась інша річка цього району (37, с. 107-108). За Кудряшовим, *Сюрлій* - це місце впадіння Голої Долини в Сухий Торєць, а *Каяла* - р. Кам'янка, л. п. Сіверського Дінця (3, с. 58-59) і т.д.

У літописній розповіді про похід Ігоря вказані реальні географічні орієнтири руху руських дружин і сутички їх з половцями - Оскол, Донець, Салниця, Тор та ін. Одним із таких реально існувавших географічних об'єктів, безперечно, була річка *Сюрлій*, про яку тричі говориться в Київському літописі і п'ять разів - у «зашифрованому» вигляді (під іменем *Каяли*) - у «Слове о полку Ігорєве». Етимологія гідроніма *Сюрлій* вже давно привертала увагу дослідників. П.С.Ваденюк, вбачаючи в початковому складі назви *Сюрлій* зв'язок з тюркським словом *су* - «вода», тлумачив гідронім як «половецький переклад Тора» (пов'язуючи останній, у свою чергу, зі слов'янським коренем *-тор-* у словах *торний* і *проторить*, «який виражає поняття руху») (38, 57). К.В. Кудряшов убачав у гідронімі відображення тюркського афелатива *суярли* «розгалуження річок», «розлив води» (3, с. 58). Б.О. Рибаків етимологізує *Сюрлій* як «комарина річка», «річка комашні», ототожнюючи її з сучасною Гнилушкою, л. п. Самари в її верхів'ї (1, с. 244).

При етимологізуванні гідроніма *Сюрлій* не слід втрачати ще одну можливість - цілком імовірний зв'язок його з тюркським географічним терміном *саур* (*сауир*), який позначає горби зі згладженими вершинами округлої форми (його первинне значення -

«круп коня») (39, с. 32)¹⁴, тим більше що битва на р. Сюурлії (чи «поетичній Каялі») проходила недалеко від «шеломені» (як припускає Б.О. Рибаків, водоподілу Дніпра і Дону) (1, с. 245, карта). У зв'язку з цим набуває особливого значення повідомлення В. Татищева (на яке у свій час звернув увагу і К. Кудряшов) (3, 58)¹⁵, що від річки Сюурлії половці відступили за якусь «гору». Враховуючи це, гідронім *Сюурлії* може бути витлумачений і як топонімічний прикметник (з суфіксом -ли) від географічного терміна *саур* (*Сюурлії* < *Саурли*?). У топонімії Північного Приазов'я і зараз зберігається кілька назв височин (могил) з цим терміном, який перетворився в мовленні слов'янського населення в семантичне неясне власне ім'я¹⁶. Найбільш відома *Саур-могила* знаходиться у верхів'ї річки Комишувахи, л. п. Севаст'янівки, л. п. Кринки, п. п. Міуса; друга (*Савур-могила*) - в Токмацькому районі Запорізької області, східніше села Новопророківки (див. карту).

У тексті «Слова о полку Игореве» *Каяла* як назва річки, де відбувалася битва руських з половцями, зустрічається п'ять разів. Щодо шостої згадки *Каяли* - як місця загибелі Ізяслава Ярославича, то тут, певно, має рацію О.І. Попов, який кваліфікував її як «результат неточного прочитання» іншого власного імені і запропонував кон'єктуру: «Съ тая же Каяны...» (43, с. 216-218)¹⁷. Невдалі спроби виявити «реальну» *Каялу* породили в останній час нігілістичне ставлення до визнання самої можливості існування такої річки. У найновіших працях відмічається повернення до старих поглядів на *Каялу* як на річку суму і печалі, як на «жаль-річку» (44, с. 356); услід за Є.В. Барсовим визначається «символічне», а не географічне значення цього імені. Ця точка зору послідовно проводиться в монографії Б.О. Рибаківа «Слово о полку Игореве» і його сучасники». Л.О. Дмитрієв, як і П.Є. Ваденюк (який також вважав, що *Каяла* «ніколи не існувала як назва географічна») (38, 57)¹⁸, пов'язував гідронім з дієсловом *каяти* (45, с. 36). Ця думка була піддана критиці з боку топоніміста О.І. Попова, який переконливо довів, що немає ніякої можливості виводити чисто куманську назву половецької річки *Каяли* («скаліста») з давньоруського *кайти* (4, с. 182). Визнаючи правильною «барсовську формулу: «Каяла-річка - Жаль-річка», Б.О.Рибаків, на відміну від інших прибічників цієї гіпотези, пов'язує *Каялу* з кипчацьким словом *qajalu* - «печаль» (з посиланням на М.О. Баскакова) і бачить тут «гру слів», яка виникла при зближенні половецького *qajalu* з давньоруським

каяти (1, с. 224). З цим важко погодитися. Це був би єдиний тюркізм «Слова» з абстрактним значенням і, мабуть, єдиний давньоруський топонім, який виник завдяки каламбуру. Пародійне використання цих співзвучних слів передбачає адекватність їх сприймання. Інакше не було б ніякого смислу в цій фігурі, вона б залишилась незрозумілою іншим.

Вкрай сумнівно, щоб кипчацьке слово з абстрактним значенням «печаль» було широко відоме населенню Київської Русі (за винятком, звичайно, тлумачів, але ж не для них створювалось «Слово»). З топонімічної точки зору найбільш вірогідним здається віднесення *Каяли* до кипчацького прикметника *qajaly* (думка К. Менгеса, О.І. Попова та інших дослідників) (12, с. 28-29; 4, с. 182). Навіть побіжно глянувши на карту гідронімів з семемами «скала» і «камінь» в топонімії південно-східної України, ми бачимо, що на цій території дана природна ознака відбилася в назвах багатьох річок, струмків і балок. Очевидно, *Каял* в Половецькій землі було немало, як багато *Кам'янок*, *Скельоваток*, *Ташиликів* і т.д. в сучасній топонімії України. Але тільки одну з них згадує автор, уживши її ім'я узагальнено - як назву половецької річки взагалі. Цілком вірогідно, що такою реальною *Каялою* (тобто *Каялою*, яка мала географічне значення) могла бути річка, яка шість століть пізніше «об'явилася» з гібридним тюрксько-слов'янським іменем *Каяли Берд(а)*. Гідронім *Каяла* (<*Каяли*) спочатку співвідносився руськими з конкретним географічним об'єктом у районі кочів'їв лукоморських половців, потім цей зв'язок міг ослабнути і навіть обірватися, і *Каяла* перетворилася в узагальнену назву всякої половецької річки (як у народній поезії слов'ян гідронім *Дунай* став узагальненою назвою всякої річки, в тому числі й Дону)¹⁹. Це припущення підтверджується і самим текстом «Слова»: «погрѣзи жирѣ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя». Значення «половецька річка взагалі» відчувається і в певному місці з плачу Ярославни: «Полечѣ, рече, зегзицею по Дѣнаеви, омочю бєбрянѣ рѣкавѣ въ Каялѣ рѣцѣ». Обидва зіставлених тут гідроніми мають значення «річка взагалі» (відповідно руська і половецька). Ми маємо справу з реалізованим за допомогою топонімів явищем, яке Д.С. Лихачов кваліфікує як «стилістичну симетрію». «В стилістичній симетрії, - пише він, - важливо не те, в чому члени симетрії розходяться між собою, а те, що є в них спільним... Неточність симетрії складає саму її сутність, дозволяючи в обох випадках симетрії приймати тільки вузьку співпадаючу частину, відкидаючи «індивідуальні» особливості

кожного члена» (49, 173).

Враховуючи все вищесказане, ми не можемо погодитися з точкою зору Б.О.Рибаківа, що, «знаходячись на березі Сейму, притоки Десни, яка впадає у Дніпро, Ярославна могла звертатися до Дніпра з такою проською тільки в тому випадку, якщо річка *Каяла* знаходилась у басейні Дніпра» (виділене автором. - С.О.) (1, с. 222). «Слово о полку Игореве» - художній твір. Використання його даних в історико-географічних концепціях походу Ігоря повинно бути дуже обережним. Навряд чи Ярославна мала настільки точні географічні знання, що уявляла *Каялу* саме притокою Дніпра (точніше - як одну з незначних приток його лівої притоки - Самари). Така гіпертрофована наукова точність у поетичному тексті «Слова» мало ймовірна. Дослідники «Слова» неодноразово відзначали його «багатоманітну і багатопланову символіку» (50, 111), використання для створення «символічного образу точної системи реалій» (51, с. 40) і под. Тропеїчними зрушеннями характеризується і вживання у тексті «Слова» власних імен взагалі і географічних назв зокрема. Автор «Слова», пише Г.Ф.Корзухіна, «вплітає в текст імена язичеських богів, він згадує готських дів і Бусів час, у нього якись ремінісценції, пов'язані з Дунаєм, і дуже цікава серія згадок про Трояна. Вразив його уяву і Тмутараканський болван, незалежно від того, чи сам він бачив його, чи тільки чув про нього» (52, с. 29). Перед нами те, що академік Д.С. Лихачов в доповіді на Всесоюзній науковій конференції, присвяченій 175-річчю першого видання «Слова о полку Игореве» (яка відбулась у вересні 1975 р. в Чернігові), назвав «масштабним сприйняттям світу», «стилем монументального історизму», що пронизує всю літературу Давньої Русі. Цей стиль «характеризується перш за все прагненням розглядати об'єкт зображення з великих дистанцій - дистанцій найрізноманітніших: просторових, часових, ієрархічних. Поетичне, в естетичному відношенні цінне і важливе лише те, що може бути зображене великим та могутнім у перспективі величезних відстаней» (53, с. 6). *Море, Дон Великий і Каяла* - ось ті найвіддаленіші географічні об'єкти землі Половецької, якими в «Слове» позначені крайні межі походу Ігорової рати:

«Чръныя тучи съ моря идуть... Быти грому великому, иди дождю стрѣлами съ Дону Великому! Тѹ ся копнемъ приламати, тѹ ся саблямъ потрѹчати о шеломи половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ, ꙗ Дону

Великого!

Як у плачі Ярославни *Каяла* умовно-поетично зближується з *Дунаєм*, так і в наведеному уривку вона називається поруч з *Доном Великим*, але це, зрозуміло, ще не доказ того, що *Каяла* була якось географічно зв'язана з цією річкою. Помилка деяких дослідників полягає в тому, що вони, ігноруючи специфіку стилістичного ладу «Слова», буквально тлумачили вираз «на рѣцѣ на Каялѣ, ꙗ Доуъ Великаго». Це умовно вибрані орієнтири землі Половецької, назви яких стали своєрідними поетичними метафорами. Знаменно, що в іншому місці плачу Ярославни в ролі поетичного еквівалента *Каяли* виступає «море»: «Възлеаѣй, господине, мою ладꙋ къ мнѣ, а быхъ не слаа къ немꙋ слезъ на море рано». Пор. Також: «въсплескала лебедными крылы на снѣгѣмъ море ꙗ Доуъ».

В основі «поетичної Каяли», нам здається, лежить реальна річка з таким же іменем, одна з річок землі Половецької²⁰. Цьому припущенню зовсім не суперечить той факт, що гідронім *Каяла* зафіксований тільки однією пам'яткою - «Словом о полку Игореве»²¹. Поодинокі згадки в пам'ятках і інших річок землі Половецької (наприклад, *Сутин*, *Тор*, *Дегей*, *Салниця*) не означає, зрозуміло, що вони були маловідомі на Русі XII ст. Якби битва з половцями відбулася не на річці Сьюрлій, а на якійсь іншій річці землі Половецької, то і вона так само могла бути поіменована автором «Слова» *Каялою*. Тому ми вважаємо малоперспективними спроби пов'язати етимологічне значення гідроніма («кам'яниста, скалиста») з природними ознаками уявних географічних об'єктів (а саме від цього етимологічного значення відштовхувались деякі історики у пошуках загадкової *Каяли*). Реальна *Каяла*, очевидно, була настільки ж далекою від місця битви Ігоря, як і *Дунай* від «заборола» Путивля, на якому причитала Ярославна. Перед нами саме одна з тих мнимих «неточностей» у найпоетичнішому творі давньоруської літератури, яка органічно витікає з усієї його стилістичної будови²².

Таким чином, подібно до «поетичного *Дунаю*» слов'янської народної поезії, який втратив своє власне топонімичне, або «географічне», значення, «поетична Каяла» в «Слові о полку Игореве» також мала свій топонімичний об'єкт. На нашу думку, ним могла бути нинішня приазовська річка Берда, кипчацька назва якої була засвоєна русичами XI-XII ст. під час їх успішних походів у половецьке

Лукомор'я. Популярність цього імені в руському середовищі, яке ототожнювало *Каялу* з одним із добре відомих на Русі XII ст. районів половецьких кочів'їв у Північному Приазов'ї, послужила причиною того, що *Каяла* в художньому тексті «Слова» перетворилася в узагальнену назву половецької річки взагалі, у поетичний еквівалент літописного гідроніма *Сюурлій*, і саме в цьому її символічне значення.

Література

1. Рыбаков Б.А. "Слово полку Игореве" и его современники. М. "Наука", 1971.
 2. Список населенных мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Новочеркасск, 1905.
 3. Кудряшов К.В. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь. - "Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы". Т.14. М. - Л., 1958.
 4. Попов А.И. Заметки о "Слове о полку Игореве". - "Русская литература", 1969, № 4.
 5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Часть 1. Ставропольская губерния. СПб., 1851.
 6. Костенков К., Барбот-де-Марни Н., Крыжин Н. Очерк Восточного и Западного Маньча. - "Журнал Министерства государственных имуществ". Ч. 76. Кн. 1, 1861.
- Аристов Н.О. О земле Половецкой. Киев, 1877.
8. Лонгинов А.В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892.
 9. Рыбаков Б.А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185г. - "Труды Отдела древнерусской литературы. XXIV. Литература и общественная мысль Древней Руси". Л., "Наука", 1969.
 10. Сулейменов Олжас. Где река Каялы? - "Литературная Россия", 1968, №38.
 11. Menges K.H. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian Epos "The Igor Tale". New York, 1951.
 12. Pritsak O. Der Flussname 'Kalka'. - "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics." Vol. VIII, 1964.
 13. Топоров В.Н.; Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., Изд-во АН СССР, 1962.
 14. Zajączkowski A. Związki językowe połowiecko-słowiańskie/ Wrocław, 1949.
 15. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М. - Л., 1958.

16. "Вопросы языкознания ", 1966, №6.
17. Кордт В. Матеріали до історії картографії України. Частина 1. У Києві - МСМXXXI.
18. Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова, 1743 р.Рукопис.ЦДВІА, од. зб. 20 114.
19. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1. СПб.,1893; т.2.СПб.,1899; т.3. СПб., 1905; т.4. СПб.,1911.
20. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.1, СПб, 1869; т.2. СПб.,1871.
21. Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть.Вып. 1. Мариупольский уезд. Екатеринослав, 1904.
22. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1.СПб.,1890.
23. Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л.,1934.
24. Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
25. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.1. 1775-1776 гг. СПб.,1885; т.2. 1778 г.,СПб., 1885; т.3. 1779-1780 гг.,СПб.,1887.
26. Белецкий А.А. Греческие элементы в географических названиях Крыма. - "Этимология. 1967". М., "Наука", 1969.
27. Головацкий Я. Географический словарь западнославянских и южнославянских земель и прилегающих стран. Вильно, 1884.
28. Заимов И. Местные имена в Придольско: София,1959.
29. Андрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., "Наука", 1968.
30. Отин Е.С. Каталог рек Северного Приазовья.- "Повідомлення Української ономастичної комісії". Вип. 10. К., "Наука", 1974; вип. 11-12. К., "Наука", 1975.
31. Списки населенных мест российской империи. Т. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1865.
32. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1936.
33. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. - "Археология СССР. Свод археологических источников". Вып. Е.4-2. М., "Наука", 1974.
34. Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип. 11. - К.: Наука, 1975.
35. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
36. Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського.- "Археологія". Т.4. К., Вид-во АН УРСР, 1950.
37. Ваденюк П.Е. Где нужно искать ту реку, на берегу которой 5-го

- мая 1185 года был разбит Игорь Святославович Новгородский и которая названа Каялой? - "Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года". Т. 2. К., 1878.
38. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР, 1963.
 39. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (Западнокыпчакская группа). М., "Наука", 1975.
 40. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., "Наука", 1975.
 41. Попов А.И. К изучению гидронимики Украины. - "Питання гідроніміки". К., "Наукова думка", 1971.
 42. Попов А.И. "Каяла" и "Канина" в "Слове о полку Игореве". - "Русская литература", 1967, № 4.
 43. Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружины Руси. - "Чтение в имп. Обществе истории и древностей российской при Московском университете". Кн. 2. М., 1889.
 44. Дмитриев Л.А. Глагол "каяти" и река Каяла в "Слове о полку Игореве". - "Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы". Т. 9. М. - Л., 1953.
 45. Moszyński K. Kultura ludowa słowian. Cz. II, z. 2 Kraków, 1939.
 46. Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
 47. Zierhoffer K. Nazwy miejscowe północnego Mazowsza. Wrocław, 1957.
 48. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., "Художественная литература", 1967.
 49. Якобсон Р.О. Изучение "Слова о полку Игореве" в Соединенных Штатах Америки. - "Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы". Т. 14. М.-Л., 1958.
 50. Лотман Ю.М. О слове "папорзи" в "Слове о полку Игореве". - "Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы". Т. 14. М. - Л., 1958.
 51. Корзухина Г.Ф. Еще раз о Тмутараканском болване. - "Культура средневековой Руси". Л.: Наука, 1974.
 52. Лихачев Д.С. Солнце русской поэзии. - "Литературная газета", 22 жовтня 1975 р.
 53. "Литературная газета", 23 липня 1975 р.

*Отін Є.С. Гідроніми Східної України. Київ - Донецьк, 1977. С. 26-41.

ПРИМІТКИ:

¹ Мова йде про статтю В.М. Глухова «К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь», опубліковану в XI т. «Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы» (Л., 1955). Назва цієї статті іноді виступала і в формі *Каяла* [2, с. 496].

² Обидва варіанти зафіксовані, наприклад, у 1-й частині XVI т. «Военно-

статистического обозрения Российской империи», який присвячений Ставропольській губернії [5, с. 43].

³ Рибаків Б.О. пізніше змінив свою точку зору, прийнявши тлумачення Є.В. Барсова (докладно про це див.: 1, с. 224).

⁴ Щодо народноетимологічного переосмислення інших монголо-тюркських детермінативів - *гол* і *узен*, яке допускає автор, то тут він надмірно перебільшує результати цього процесу, твердячи, що від цих термінів походять численні гідроніми в басейнах Дніпра і Дону типу *Узенська, Голяя, Голенькая* і под. Про гетерогенну природу вихідної морфемі *гол* (від лит. - *gala, -galas*, що означає «край, кінець», і від лексеми мордовського походження; додамо сюди і тюрксько-монгольський термін) вже писалось в топонімічній літературі [14, с. 172]. О.Сулейменов вбачає географічний термін *гол* у складі словоформи *тарголове* (кон'ектура О. Сулейменова: *Торголове*) з літописної фрази про битву 1185 р. «Игоря же бяхуть яли *тарголове*, мужь именемъ Чилбук...» Як вважає А.Зайончковський: «Ця, очевидно, збірна назва, яка означає половецький рід, утворена слов'янами з допомогою форманта *-ове* від слова *targyl* - «строкатий кінь» (15, с. 46). Польський дослідник наводить цілий ряд прикладів того, як назви коней ставали давньотюркськими родо-племінними назвами (етнонімами) - від масті коней («орда, яка має коней тої чи іншої масті») [там же, с. 33 і наст.].

⁵ Як невідмінювану форму наводить даний гідронім Р.О. Якобсон у своєму перекладі «Слова» на сучасну російську мову [16, с. 116-121]. У деяких поетичних перекладах «Слова» зустрічаються і нічим не виправдані форми жіночого роду - *Каяль* і чоловічого - *Каял*, наприклад: «И в Каяль-реке бобровый Я рукав мой омочу» (И.И. Козлов. Плач Ярославны, 1825 р.); «Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке *Каял* (В. Брюсов. Певцу Слова, 1912 р.); «...Омочю я свой рукав бобровый Во *Каял-реке* той половецкой...» (віршований переклад «Слова» О. Скрипова, виданий в Ростові-на-Дону у 1970 р.); «На *Каял-реке* тьма свет покрыла» (там же) і под.

⁶ Пор. аналогічного походження гідронім *Берег*- назву верхів'їв Оки, куди в XVI ст. висилались загони для спостереження за кримськими татарами (23, с. 17).

⁷ Зараз, як показують матеріали топонімічних експедицій Донецького університету в села кримських («маріупольських») греків, гідронім *Яли* стійко пов'язується у їх мовленнєвій свідомості з апеллятивом *ялі* - «дзеркало».

⁸ У дужках наводяться прізвища дослідників, які певний час дотримувались цієї гіпотези, але згодом змінили своє ставлення до неї.

⁹ Див. про це зауваження В.П. Андріанової-Перетц: «Було зроблено ряд спроб пояснити назву річки «Каяла» з подібних географічних імен, однак у найновіших роботах надається перевага гіпотезі М. Грамматіна, який ще в 1823 р. запропонував пояснити «Каялу» як похідні від дієслова «каяти» (30, с.91).

¹⁰ Варіанти цього та інших гідронімів з прикметником *кайли* і вказівки на джерела див. в нашому «Каталозі річок Північного Приазов'я» (31)

¹¹ Як відомо, під час одного з таких вдалих походів у 1183 р. був полонений (виторгнутий «из луку моря») і вбитий лукоморський хан «поганий Кобяк».

¹² За нашими даними, слов'янська топонімічна калька *Молочні Води* в пам'ятках з'являється лише з кінця XV ст. (35, вип.11, с.21). У «Книзі подорожі» Е. Челебі (XVII ст.) ця річка ще носить тюркську назву *Сют*, у Тунманна -

- Сутсу, у скарзі кримських татар на запорожців 1748 р., *Сутьбой* (там же).
- ¹³ Пор. ще: «Уважний до географічних деталей, літописець Яурика точно позначає місце битви - на березі річки Сюрлій; він тричі називає цю річку, не кажучи жодного слова про Каялу. Річка Каяла, річка плачу та печалі, з'являється тільки в пізньому додатку автора Повісті, що був написаний тоді, коли «Слово о полку Игореве» вже існувало» (10, с. 63).
- ¹⁴ Інша лексико-семантична паралель: казахський апелютив еркеш - «горб (верблюда)» і казахський географічний термін еркеш - «вершина гори». Семантичний перехід «горб (верблюда)» > «гірський хребет, горб, бугор, підвищення» відмічається і в інших тюркських мовах (40, с. 122-124).
- ¹⁵ «Зіставляючи дані Татищева з Іпатіївським літописом, - пише Б.О. Рибаків, - ми бачимо, що в розпорядженні Татищева був такий варіант київського зводу, у якому було значно більше витягів з чернігівсько-сіверського літописця» (1, 31)
- ¹⁶ Ця ж лексема виявляється і в першій частині назви кримського села (біля Бахчисарая) - *Сюурташ* (у Тунманна - *Сорташ*) (33, с. 36, 87), яка за структурою є іменним детермінативним словосполученням, у якому «означуване і означення... виражене іменником» (41, с. 140). О.І. Попов запропонував іншу етимологію гідроніма Сюрлій - від *Сүрі-лі* - «скеляста» (42, с. 34).
- ¹⁷ Поправка О.І. Попова була підтримана В. П. Адріановою -Перетц (30, с. 103), але «не встигла» потрапити в 2-й випуск «Словаря-справочника «Слова о полку Игореве», укладеного В.Л. Виноградовою (Л., 1967).
- ¹⁸ Передбачуваний зв'язок з дієсловом *каяти* автор підкреслює і постановкою наголосу на першому складі гідроніма (*Кáяла*).
- ¹⁹ Пор. у «Задонщині»; «Не тұри возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Күликове»; «... лѣжаллн тұрпн крестьяньские аки сѣнными стоги у Дуная великаго на ерѣзе» (у списку Ундольського; в інших списках - *Дона*). Таке переносне, поетично-умовне вживання власного імені *Дунай* слід відрізнити від переходу його в омонімічний апелютив, що фіксується різними слов'янськими мовами (див. про це: 46, с. 1563- 1564; 47, с. 295-297; 48, с. 162-163).
- ²⁰ До речі, це доповнення-«рѣкы половецкыя»-ще один аргумент на користь реального існування Каяли. Пор. ще інше свідчення (у Іпатіївському літописі, під 1193 р.) про *Іалу* - «річку половецьку», в назві якої О.І. Попов знаходить той же суфікс *-ли* (42, 34).
- ²¹ Останні випадки його уживання в пам'ятках - в київській хроніці 1185 р., «Задонщині» і в «Історії про великого князя Московського» О.М. Курбського (у формі *Куала*) - явно вторинного походження (див. про це докладно в книзі Б.О.Рибаків «Слово о полку Игореве» і его современники»).
- ²² Застерігаючи від прямолінійного сприймання окремих місць у «Слові о полку Игореве», акад. Д.С. Лихачов у своєму інтерв'ю кореспонденту «Литературной газеты» досить точно зауважив: «... границя дійсного і вигаданого в давній літературі проходила ближче до дійсності, ніж вона проходить зараз, і з цієї точки зору коментарі істориків до «Слова...» дуже цінні, але все ж, все ж... «Слово» - це поетичний твір, а не документ, і на шляху пред'явлення до нього історичного рахунку ми повинні бути дуже обережні. Не всяке поетичне лико можна вставити в історичну строку...» (54, 6).

**ФОРМА ТАРГОЛОВЕ
В ЛІТОПИСНОМУ ПОВІДОМЛЕННІ
ПРО БИТВУ ІГОРЯ З ПОЛОВЦЯМИ(1185 р.)
НА ФОНІ РАННЬОСХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ
І ДАВНЬОТЮРКСЬКИХ БЕЗСУФІКСНИХ
ТОПОЕТНОНІМІВ**

Одним із загадкових слів у відомому літописному повідомленні про похід сіверського князя Ігоря Святославича на половців 1185 р. є гапакс *тарголове*.

У такому вигляді ця словоформа зафіксована в Іпатіївському списку літопису, датованому, зважаючи на почерк і папір, першою чвертю XV ст. Зустрічається він у тому фрагменті літописного тексту, де розповідається про полон Ігоря: «**Игоря же вяхутъ яли Тарголове мouxъ именемъ Чилбоукъ а Всеволода брата его яль Романъ Кзичъ...**»¹. У такому вигляді це слово трапляється і в Хлебниковському списку Іпатіївського літопису (XVI ст.). Проте у пізнішій - Єрмолаївській список (кінець -XVII - початок XVIII ст.) воно вноситься у перекрученому вигляді: «**Игоря же вяху яли Торгови му(ж) Чилбук...**»². Ще більшого викривлення слово зазнає у Густинському літописі 1670 р.: «**Ятъ же бы(с) [тъ] и самъ кн[я]зь Игорь о(т) Та[р]галомъва мужа Чи[л]бука**»³. Як неважко помітити, останній уривок містить і інші лексико-граматичні розходження з ранньою редакцією літописної розповіді про похід Ігоря, що дійшла до нас.

Хто ж такі *тарголове*, як ця форма осмислювалася і пояснювалася дослідниками? В.М. Татищев у своїй «Історії Російській з найдавніших часів» дає такий переклад цього уривка: «Ігоря взяли Торгови мужі Чілбук, Всеволода взяв Роман князь» - у першій редакції; «Потім половці розділили князів: Ігоря взяли Торгов воєвода Чілбук,

Всеволода - Роман князь» - у другій редакції книги⁴. Маргінальна помітка «Торг. кн.» свідчить, що В.М. Татищев пов'язував *тарголове* з антропонімом (очевидно, з іменем передбачуваного половецького воєначальника) *Торг*, ігноруючи всю останню частину гапакса - *олове*. У «Примітках» до третього тому «Історії держави Російської» (до його 3-ї глави) М.М. Карамзін наводить у вільному переповіданні уривок із Київського літопису: «...И розведени быша, и поиде каждо в своя вежи. Игоря же вяху яли Тарголове мужь Чилбукъ, а Всеволода Романъ Кзичь»⁵, де форма *тарголове* трансформується у відносний прикметник від антропоніма *Таргол*.

У 1853 р. пояснити форму *тарголове* намагається екстраординарний професор Казанського університету І. Березін: «Половецькі хани, вожді і взагалі половці мають тюркські імена...» - відзначає він і серед них наводить антропонім *Таргъ*, або *Тарголь*, етимологізуючи його останній варіант на базі тюркської апеллятивної словоформи *таркаул* «розкидувач»⁶.

Нам не відомі інші спроби тлумачення і перекладу цієї форми в ХІХ ст. І тільки в останні десятиріччя було запропоновано ще три варіанти передачі форми *тарголове* у перекладах уривка з Іпатіївського літопису. Перший з них - *тарголовец* - належить відомому історикові, професорові МДУ К.В. Кудряшову: «Ігоря взяв Тарголовець, муж на ім'я Чілбук»⁷. Помічається неточність: у літописних текстах це слово вжито в множині з флексією *-ове*. Зрозуміло, що Ігор був полонений людьми із збірним іменем *тарголове*, одним із представників яких (швидше всього, ватажком) був половець на ім'я Чілбук. Обидві частини повідомлення про це об'єднані синтаксичним зв'язком сурядності, властивим давньоруській розмовній мові, причому друга частина виконує функцію уточнення: «Игоря же вяхуть яли Тарголове // мужь именемъ Чилбоукъ».

Другий варіант перекладу належить С.О. Плетньовій і В.Ю. Франчук. Перша з них (у книзі про половецькі статуї) включає суфіксально дооформлену нею і реально ніде не зафіксовану етнічну назву *Тарголовичі* у перелік назв половецьких орд, морфологічно освоєних давніми русичами (з допомогою патронімічного суфікса *-ичі*): *Токсобичі, Чагровичі, Етебичі, Тетьробичі, Улашевичі* та ін.⁸. Цей штучно створений етніонім використала і В.Ю. Франчук при перекладі вище наведеного фрагмента літописного тексту: «Ігоря ж узьяв у полон

муж на ймення Чилбук із Тарголовичів»⁹. У ньому правильно передано те, що Чилбук - один із представників якоїсь групи половців, проте сама назва цієї групи наводиться у «препарованому» вигляді.

Нарешті, заслуговує уваги спроба О. Сулейменова наблизити першу частину *тар-* до назви ріки *Тор*, а *-голове* пов'язати з поширеним монголо-тюркським гідрографічним терміном *гол* «ріка». Він уперше реконструював давній варіант гідроніма *Тор* у сполученні з цим терміном - *Таргол*¹⁰. Проте ніяких пояснень значення першої частини гідроніма і різночитання *ало* в *Торь* і *тарголове* він не наводить. Термін *гол* казахський поет помилково вбачає і в складі багатьох споконвічне слов'янських гідронімів типу *Гола*, *Голенька* (від *голий* «чистий, безлісний, позбавлений рослинності»), *Луноголова*, *Окаголова* (де *голова* - слов'янський географічний апелятив із значенням «витік, вершина, початок річки»). Запропонований О. Сулейменовим переклад: «...Ігоря взяв муж на ім'я Чилбук з річки Таргол», тобто *Тор*, неточний, тому що в ньому не враховується форма множини з флексією *-ове*. Цей елемент гапакса, до речі, поетом не пояснений.

Ігор Святославич був полонений половцями, на чолі яких стояв знаменитий хан Кончак. Його вежі знаходились на річці *Тор* (нинішній Казенний Торець, п. Сіверського Дінця, протікає на території Донецької області України). Це було могутнє державне утворення.

Збереглись незаперечні свідчення про їх численність у межиріччі середнього Дінця і нижнього Тору не тільки за Кончака, але і в більш ранній період, коли донецьке об'єднання половців очолювалось ханами Шаруканом, Сугром і Отроком; найбільша кількість половецьких кам'яних ідолів, що дійшли до нас, як показало картографування їх поширення, виконане С.О. Плетньовою, припадає саме на даний район. Однією з орд цього могутнього половецького союзу, розкиданого в степу після розгрому руськими князями в результаті їх переможних походів у степ 1109, 1111 і 1116 рр., була орда, названа С.О. Плетньовою *Торголовичами* (у літописі: *тарголове*), яка в 70-ті роки XII ст. влилась у створене Кончаком нове племінне об'єднання, «найбільше державне об'єднання половців»¹¹. Факт існування великого половецького центру «між Сіверським Дінцем і Тором» визнає К.В. Кудряшов¹² та інші дослідники. До цих знову об'єднаних «східних половців, що займали Наддоння і були під егідою Шаруканідів» (на відміну від західних половців - Бонякідів), проти яких і був

організований похід Ігоря, І.Г.Добродомов відносить наявний у тексті «Слова» етнонім *хінове* (або *хіни*, із реконструйованої форми **хьинъ* < *kün*)¹³. Отже, *тарголове* були, очевидно, складовою частиною хінів, якоюсь ордою, що входила в союз східних половців.

У формі *тарголове*, як і в *хінове*, явно виділяється флексія називного відмінка множини (- *н* - основ). Вона оформляє й інші етноніми утворення, наприклад: *ковуєве*, або *ковуєве* (Іпат. літ.: «**ниже бяху с Олыстиномъ коуєве**», «**возмятошася коуєве в полку, повѣгоша**»)¹⁴, *отперлюєве*¹⁵ та ін. Захоплений *тарголами*, під керівництвом Чилбука, князь Ігор знаходився у полоні в Кончака на річці Тор, про що говориться в Іпатіївському літописі. Тут, очевидно, була резиденція цього половецького хана. Цей вірогідний історичний факт робить правдоподібним припущення про те, що етнонім *тарголове* прямо пов'язаний з «повним» варіантом назви річки, який містить у своєму складі географічний термін. «Усічена» форма гідроніма *-Торъ* наводиться в тексті Іпатіївського літопису трохи нижче, в описі втечі Ігоря із половецького полону: «**переди на ону сторону Тора с конем поводнымъ**». Про походження гідроніма *Тор* нам довелося писати раніше¹⁶. Примітне, що трохи вище *Тора* (**Таргола*) в Сіверський Донець впадає його ліва притока *Оскол*, друга частина назви якої містить такий же термін-індикатор, але з іншим альтернантом початкового приголосного, обумовленого глухістю попереднього звука (пор. *Оскол*, *Ворскол*, сучасна *Ворскла*, але *Варгол*, **Таргол* і ін.). Гідронім *Оскол* І.Г. Добродомов виводить від первинної форми **Аскол* «річка ясів (асів)», «яська (аланська) річка». На її берегах проживали східно-іранські племена ясів, або *асів*, і тюркські кочівники, які прийшли сюди пізніше, назвали цю річку «за іраномовним населенням, що проживало тут»¹⁷. Це типовий тюркський ізафетний етногідронім.

Проте історична ономастика, слов'янська і тюркська, знає приклади утворення етнонімів і від географічних назв (топоетнонімів). Найчастіше це суфіксальні топоетноніми, але серед давньоруських позначень етносу, похідних від топонімів, зустрічаються і такі, де роль словотворчого форманта виконує флексія множини або однини (в останньому випадку вона переноситься в топоетнонім із омонімічного топоніма в результаті його деонімізації, викликаної лексичною метонімією). Г.О.Хабургаєв називає такого роду утворення «первинними (безсуфіксними) етнонімами» і вказує, що в «Повісті

временних літ» вони представлені п'ятьма словами: *дерева* («въ Деревѣхъ»), *дулеби*, **Поля* («на Полехъ»), *Сѣверь* і *хървате*. Він робить висновок, що «утворенням з суфіксом *-ан-е* передували «безсуфіксні» терміни, які закріпилися як географічні назви (вони і послужили твірними основами для пізніх народнонайменувань), і що саме «безсуфіксні» терміни можуть походити історично від власне племінних назв (первинних етнонімів)¹⁸. Подібними топоетнонімами, утвореними в результаті чистої трансонімізації (або точніше - деонімізації топоніма при його переході в етнонім без вираженої суфіксації), Г.Ф. Ковальов вважає давні назви народів *Морава* і *Литва*¹⁹. Пор. у «Слові о полку Ігоревім»: «Тѹ Нѣмци и Венедици, тѹ Греци и Морава поють славу Святѣславаю...»; у Лаврентіївському літописі: «яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава (в інших списках: *Морава*. - *С.О.*) и прозвашася Морава»²⁰. До цієї групи безсуфіксних топоетнонімів із збірним значенням примикає і племінна назва *Сѣверь* (його пізніші афіксально поширені варіанти: *Сѣвера*, *Сѣверо*, *сѣверяне*). Пор. у Лаврентіївському літописі: «а друзини сѣдоша по Десне и Селн (тобто Семи. - *С.О.*) и нарекоша сѣвѣръ». На думку В.В. Іванова і В.М. Топорова, ця етнічна група східних слов'ян була північною по відношенню «до іранських племен скіфського типу», знаходилась на «північному краї скіфського світу» і її етнічне ім'я являє собою переклад «іранського позначення півночі» на слов'янську мову²¹.

Таким же «безсуфіксним» топоетнонімом є форма *Дунай*, що зустрічається на початку Никонівського літопису (XVI ст.) із збірним значенням «дунайські слов'яни». Невідомий укладач цього літописного збірника у другій половині XVI ст. міг перенести її в текст із якогось більш раннього джерела. У розділі, де розповідається про розселення слов'ян (під 859 р.), читаємо: «По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли Словене обаяполѣ Дѹная, гдѣ есть нынѣ Угорская земля и Болгарская. И отъ тѣхъ Словенѣ разидошася по земли, и на которомъ мѣстѣ сѣдоша, отъ того и имя советѣ нарекоша: сѣдоша на рѣцѣ Моравѣ и нарекошася Моравяне, а друзини нарекошася Чесн, а нини Хорвати Бѣлини, нини Сербини, нини Хорутане, а нини Дѹнаи»²² [Полное, IX, 3]. Примітно, що дещо нижче (під тим же 859 р.) цей же топонім наводиться уже в суфігованому вигляді - *Дунаичи*: «понщемъ и ұставиъмъ таковаго (князя. - *С.О.*) или отъ насъ, или отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дѹнанчевъ, или отъ Варягъ»²³. Цілком можливо, що в давнину існував

і сингулятивний варіант етноніма - *Дунай*. Пізніше він міг відобразитися і в антропонімії східних слов'ян завдяки поширеному ономасіологічному зрушенню «етнонім → антропонім». В Іпатіївському літописі під 1281 р. згаданий воевода *Дунай*. Це ім'я має і один із персонажів билин. Могло бути і вживання топоетнонімів без суфіксів, які, як правило, виступали із збірним значенням, і при вказівці на одиничного представника даного стану (пор. більш пізній аналог в пам'ятках південноросійського регіону XV-XVIIст.: «*литва* Васко Микифоров», «*литва* Ігнатко Павлов» і под. ²⁴). Утворення етнонімів на базі суфіксально недооформлених топонімів внаслідок їх трансонімізації відбувалося у східнослов'янських мовах аж до нового часу. Пор., наприклад, етнонім *москва* «російський народ; росіянин (< Москва)» у староукраїнській мові XVI-XVIIст. Близько до таких найменувань етносу стоїть форма *бухары*, що відноситься до бухарських купців, які в XVII-XVIII ст. торгували в Сибіру, відзначена в зачині жартівливої пісні із збірника Кирші Данилова: «Там на горах насхали бухары...»²⁵.

Такого роду топоетнонімом міг бути і гапакс *тарголове*, як назва половецької орди, вживаної тільки у формі множини. Зараз важко визначити, відбулася етнонімізація гідроніма **Таргол* на слов'янській чи на тюркській мовній основі. Справа в тім, що тюркським мовам давнини теж відомі етноніми, які виникли шляхом деонімізації географічних назв і переходу їх в етноніми. Це, наприклад, назва тюркського племені *хорзум* (< *Хорзум* < *Хорезм*)²⁶, етнонім *аргу* в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарського (XI ст.), утворений від назви області між Таласом і Баласагуном (від апелятива *аргу* «міжгір'я»); етнонім *агамут* - від назви місцевості *Агамут*²⁷ та ін.

Якщо навіть назва половецької орди (або тієї частини хінів, яка територіально була зв'язана з Тором) - тюркського походження, то в тексті Іпатіївського літопису вона стає перед нами уже як граматично освоєне позначення територіальної і в цьому розумінні - етнічної групи половців середнього Придніпров'я. У рівній мірі можливо й те, що етнонімічна форма *тарголове* функціонувала як аллоетнонім - назва всього групування тюркських половців, що побутувала в мові руських дружинників, які здійснювали систематичні походи проти донецьких половців.

Усе сказане дозволяє нам не погодитися не тільки з наведеною

вище етимологією І. Березіна, але й з думкою відомого польського тюрколога А. Зайончковського, який пов'язує *тарголове* з давнім звичаєм тюрків давати родові назви за мастю коней, що були у володінні тієї чи іншої орди. Він зближує літописних тарголів зі словом *tagryl* «полосатий», прикметником для позначення масті коней²⁸.

Залишається пояснити розбіжності в написанні (і, очевидно, у вимові) елемента *тор/тар* в гідронімі і топоетнонімі. Ми виходимо з того, що *тар* є тюркським прикметником із значенням «вузький, тонкий». Воно зареєстровано і у відомій пам'ятці кипчацької (куманської, половецької) мови «Codex Cumanicus». **Таргол*, або *Тор*, - це «неширока річка», очевидно, порівняно з якоюсь іншою річкою, що знаходиться поряд, можливо, самим Дінцем. До складу половецького (кипчацького) союзу входили і племена з огузькою мовною основою. Гідронім *Тор* міг сформуватися в діалектах половецької мови з огузькими рисами, однією із яких було огублене *â* на початку складу. Вони, до того ж, зазнали впливу булгарської мови. Булгари, як відомо, поряд з асами, були творцями т. зв. салтівської культури, матеріальних слідів якої було багато на суміжній території. Зміна *â > o > y* на початку складу на булгарській основі добре відображена в чуваській мові, у верхніх діалектах якої представлена лабіалізація *â > o*. Крім того, в тюркських мовах немало прикладів, які свідчать і про «комбінаторну обумовленість» лабіалізації *â*, в тому числі і перед *p*,²⁹ що також могло мати місце в огузько-булгаро-кипчацьких діалектах половецького союзу. Освоєння слов'янами слова *тар* з передбачуваним *â* давало різні результати: *o* та *a*. Аналогічно давньобулгарське особове ім'я *Баян* у «Слові о полку Ігоревім» передається у формі *Боян* (з *o* на місці тюркського *a* у першому складі), яке пізніше внаслідок народної етимології (під впливом дієслова *баяти* «говорити») змінюється в *баянь*³⁰. З другого боку, тюркський етнонім **tatran* (*tat-ga-n*) передано в тексті «Слова» без зміни *a* першого складу в *o*: татраны (ор. відм. мн.) [там же, 137]. У своєму «ізольованому» стані *Тарь* міг зазнати впливу з боку слов'янської основи *-тор-*. У світлі сказаного ми вважаємо, що вищезгадуваний уривок із опису походу князя Ігоря в Іпатіївському літописі слід перекладати не так, як в існуючих виданнях. Гапакс *тарголове* є етнічним найменуванням тієї частини донецьких половців на чолі з Кончаком, яка свої головні кочовища мала на річці Тор. Очевидно, це були якісь відбірні частини

половецького війська, ханська «гвардія». Саме їм, своїм *тарголам*, доручає захопити Ігоря Кончак, який явно не був зацікавлений в його загибелі на полі бою (про що прямо говориться в літописі: «Тогда же на польчи Кончакъ поручися по свата Ігоря зане бяшетъ ранен») і прагнув при поділі здобичі і знатних полонених отримати свій головний трофей. Він везе його до себе на береги *Тора*, або **Таргола*, де знаходились вежі відданих йому *тарголів*. Тому уривок, де повідомляється про захоплення Ігоря половцями, пропонуємо перекладати так: «полонили Ігоря таргольські половці (або тарголи) на чолі з мужем на ім'я Чілбук».

* Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К.: Наукова думка, 1992.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Полное собрание русских летописей.- М.: Изд-во вост. лит.,1962. - Т.2. Ипатьевская летопись. - XVI с.,938 стб., 87, IVс. - 644.
- ² Там же. - 52, розділ "Приложение".
- ³ Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В.Ю. Франчук. - К.: Наукова думка,1988.- С.144, 161.
- ⁴ Там же. - С.112.
- ⁵ История государства Российского, сочинение Н.М. Карамзина / Издание 5-е. - Спб.: 1842. - Кн.1(т.1,2,3 и 4).- С.32 «Приложение».
- ⁶ Березин И. Первое нашествие монголов на Россию // Журнал Министерства народного просвещения, 1853. - Ч.29, июнь. - С.239.
- ⁷ Кудряшов К.В. Про Ігоря Северского, про землю Русскую: Историко-географический очерк о походе Ігоря Северского на половцев в 1185 г.- М.: Учпедгиз,1959. - С.86.
- ⁸ Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. -М.:Наука,1974. - С.22.
- ⁹ Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В.Ю. Франчук. - К.: Наукова думка,1988.- С.185.
- ¹⁰ Сулейменов Олжас. Где река Каялы? // Лит. Россия.-1968.- №38(298). - С.21.
- ¹¹ Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. -М.:Наука,1974. - С.22.
- ¹² Кудряшов К.В. Половецкая степь. - М.:ОГИЗ; Географгиз,1948. - С.133.
- ¹³ Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. 1975. - М.: Наука,1978. -С.103, 126.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей.- М.: Изд-во вост. лит.,1962. - т.2. Ипатьевская летопись. - XVI с.,938 стб., 87, IVс. - 642.
- ¹⁵ Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. -М.:Наука,1974. - С.22.
- ¹⁶ Отин Е.С. Тор и Краматорск // Русская речь.- 1987.- №5. - С.133-136.
- ¹⁷ Добродомов И.Г. Оскол: Этимологический этюд // Советская тюркология. - 1988. -№2. - С.87-88.
- ¹⁸ Хабургаев Г.А. Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. - М.: Изд-во МГУ, 1970. - С.200, 201, 209.

- ¹⁹ Ковалев Г.Ф. Собираемые этнонимы в "Повести временных лет" // Сравнительно-исторические исследования русского языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос ун-та, 1980. - С.71.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей. - М.: Изд-во вост. лит., 1962.- Т.1.Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Фототипическое воспроизведение 2-го изд. 1926/1928.- 540стб., - 6.
- ²¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. - Киев: Наук. думка, 1980. - С.30-31.
- ²² Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией - СПб.: 1862. - Т.9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.- XXIII, 256с., 2табл. - С.3.
- ²³ Там же. - С.9.
- ²⁴ Волкова Н.А. Где люди живут, такое "имя" и носят // Русская речь. - 1987. - №6. - С.98-102.
- ²⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. - М.: Наука, 1977. - С.213.
- ²⁶ Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. - М.: Наука, 1970. - С.139.
- ²⁷ Махпиров В.У. Смысловые модели этнонимов "Дивану-лугат-ит-тюрк" Махмуда Кашгарского и их типологическая классификация // Изв. Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. 2. - Алма-Ата, 1980.- С.42, 45.
- ²⁸ Zajączkowski Ananiasz. Związki językowe połowiecko - słowiańskie. - Wrocław: Nakładem wrocławskiego t-wa naukowego, 1949. - 73 s.
- ²⁹ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. - Л.: Наука, 1970.- С.40.
- ³⁰ Менгес К.Г. Восточнославянские элементы в "Слове о полку Игореве" - Л.: Наука, 1979.- С.81-82.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Грамматика

К истории развития формы косвенной речи в древнерусском языке	9
Модальные частицы чужой речи в древнерусском языке	23
Конструкции для передачи неразвернутой чужой речи с компонентом <i>так (мол) и так</i>	35
Слова подразумеваемого перечисления	45

II. Из истории слов и фразеологизмов

До этимологии слова <i>товариш</i>	63
К истории и этимологии слова <i>харчи</i>	71
Что такое <i>антимония</i> и зачем ее разводили?	95
"Меленколия, которая болезнь называется хипохондриа"	103
Об "Уотергейте" и прочих "-гейтах"	111

III. Теоретические вопросы ономастики

До питання про псевдосуфікси в топонімії	121
Різні типи паронімічного вирівнювання слів в апеллятивній та ономастичній лексиці	133
Геральдика и топонимика	151
Nichtumgeformte Personennamen in der Funktion von Hydronimen	161
Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона	173
Топонимическая метонимия (вид связи: "гидроним-ойконим")	195
Структурно-семантические отношения в топонимических парах (гидроним - аугментатив и гидроним - деминутив)	211
Вторинна топонімізація конотативних географічних назв	219

IV. Русская ономастика

Из этимологических исследований донской гидронимии (к вопросу о первичном звене в коррелятивной паре <i>битюг//Битюг</i>)	237
Топонимия поля Куликова	253
Таганрог	267
Цимла	273
Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов	279
Осерёд	287

Калитва	293
Усёрд	299
Самара и Жигули	305
Из ономастических матерпалов к "Русской энциклопедии" (Белгород, Мценск)	311
О происхождении фамилии <i>Отин</i> (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий)	319
"О - на коленях у R-13" ("звукобуквенные" антропонимы в романе Е. Замятина "Мы")	327
V. Украинская ономастика	
Названия угольных пластов Донбасса	339
Тор и Краматорск	355
Відбиття українсько-російських і українсько-тюркських контактів в "Реєстрах" Війська Запорозького 1649 р.	361
Географические названия крымских греков в топонимии Северного Приазовья	381
Лімнографічні терміни <i>ільмень</i> і <i>лиман</i> у топонімії Східної України та Подоння (до питання про взаємодію суміжних близькоспоріднених онімічних полів)	395
Харьков	407
Юзовка (Юзово) - Сталино - Донецк (историко- лингвистический этюд)	415
Саур-Могила	421
VI. Древнерусская ономастика	
Топонімічний аспект однієї події давньоруської історії	431
Каяла	439
Форма тарголове в літописному повідомленні про битву Ігоря з половцями (1185 р.) на фоні ранньосхіднослов'янських і давньо ^{Тюрк} ських безсуфіксних топоетнонімів	457

Отин Е.С.

Избранные работы. - Донецк: "Донеччина". - 1997. - 470 с.

В книгу вошли статьи и разделы монографий, в которых рассматриваются проблемы истории грамматического строя, лексики и фразеологии русского и украинского языков, а также исследования по теоретической ономастике, топонимии и антропонимии этих языков.

Научное издание

Е.С. Отин. Избранные работы

*Сдано в набор 25.11.97. Подписано к печати 10.12.97. Формат
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.25. Заказ №
Отпечатано в издательстве "Донеччина"
340018 Донецк, 118, Киевский проспект, 48.*